

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

**ЕВРОПА
ПОД ВЛИЯНИЕМ
ФРАНЦИИ**

МИНСК   МОСКВА
ХАРВЕСТ   АСТ
2000

УДК 940.2(03)
ББК 63.3(0)52
В 84

Авторы:

А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек, О. А. Воротникова,
А. Глобус, А. С. Кишкин, Е. Ф. Котев, П. В. Кочеткова,
В. Е. Кудряшов, Д. М. Пелай, А. А. Островцов,
Т. И. Ревяко, Г. И. Рябцев, П. В. Трус, А. П. Трушко,
С. А. Харевский, М. Шайбак

Редакционная коллегия:

И. А. Алыбьева, Т. Р. Джум, С. М. Зайцев,
В. Н. Цетков, Е. В. Шич

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

В 84 Всемирная история: Европа под влиянием Франции / А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек и др. — Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. — 560 с.
ISBN 985-433-945-9.

16-й том «Всемирной истории», охватывающий период с конца XVIII по середину XIX вв., подробно описывает это богатое событиями время. Великая французская революция, империя Наполеона и Наполеоновские войны, восстание декабристов в России, революционное движение в Европе в середине XIX в. — все эти общественные катаклизмы, как и многие другие, освещены в данной книге. Издание богато иллюстрировано и содержит выдержки из документов описываемой эпохи. Для широкого круга читателей.

УДК 940.2(03)
ББК 63.3(0)52

ISBN 985-433-945-9 (том 16)
ISBN 985-433-989-0

© Оформление. Харвест, 2000

ЧАСТЬ I

СОБЫТИЯ ВО ФРАНЦИИ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX вв.

ГЛАВА 1

ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789 — 1794 гг.

В конце XVIII века во Франции достиг значительного развития новый прогрессивный, капиталистический, способ производства. Но его всеобщему утверждению значительно препятствовали абсолютистская монархия и феодальные отношения, господствующие в то время во французском обществе. Именно это несоответствие привело к сильному возрастанию напряженности внутри общества, которое впоследствии вылилось в революцию.

Главной причиной, приведшей к этому, было то, что так называемое *третье сословие* было отдалено от привилегированных сословий, каковыми являлось дворянство и духовенство, из которых складывался оплот монархии. Количественно это сословие составляло около 99% всего населения страны. Оно было политически бесправно и целиком зависело от привилегированных сословий и королевской власти. Но так как к концу XVIII века Франция достигла значительного развития капитализма, то само средневековое понятие третьего сословия к этому времени окончательно ут-

ратило свой смысл. В него входили различные социальные слои населения, которое совершенно отличалось друг от друга по имущественному и социальному положению. Иногда к третьему сословию причислялась буржуазия — промышленники и коммерсанты, — которые к этому времени накопили значительные капиталы. Они так же, как и беднота, страдали от феодально-абсолютистского строя. Это привело к тому, что равно как буржуазия, так и простой народ были заинтересованы в свержении феодализма, оплотом которого являлась абсолютистская монархия.

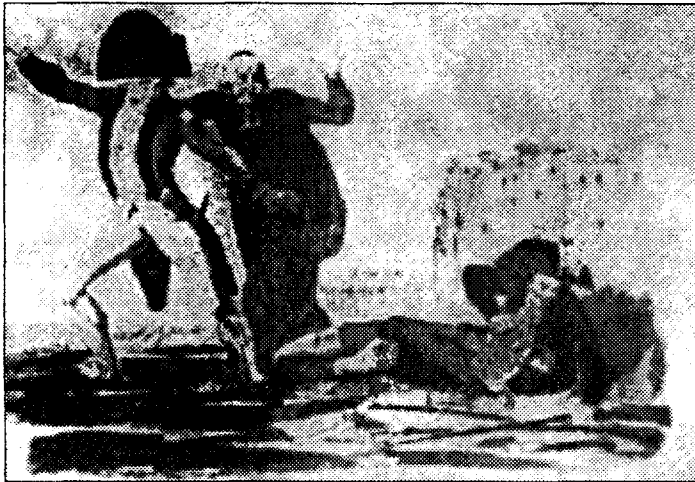
Дело в том, что широкое развитие капиталистических отношений в стране неуклонно требовало расширения внутреннего рынка, но это было невозможно, так как деревня полностью, а город частично, оставались в плену феодальных отношений, одной из основных черт которых являлась личная несвобода производителей. Особенно крепко феодализм держался в сельском хозяйстве, а поэтому главным вопросом грядущей революции являлся аграрный вопрос.

Все это привело к тому, что в 80-х годах XVIII столетия во Франции сильно обострились социальные и экономические противоречия внутри общества, и возник глубокий торгово-промышленный кризис 1787 — 1789 гг. Его усугубил жестокий неурожай, поразивший страну в 1788 году. Все это стало причиной того, что огромная масса малоимущих крестьян, которые работали в деревнях на капиталистических мануфактурах, лишились из-за кризиса в промышленности средств к существованию. Появилось множество крестьян-отходников, которые уходили в крупные города осенью и зимой на различные работы. Но вскоре даже там они не могли найти себе работы ни на строительстве, ни в других отраслях хозяйства. Все это привело к безработице, в стране появились толпы нищих и бродяг. Следует отметить, что в Париже их число составляло почти треть всего населения города. Вследствие вышеуказанных причин народ бедствовал, оказавшись в крайней нужде, что привело к целой волне крестьянских и плебейских восстаний. Волнения прокатились в среде крестьянства, мелкой городской буржуазии, ремесленников, рабочих, лишенных средств к существованию.

Неурожай 1788 года привел к массовым народным

восстаниям, которые охватили многие провинции Франции. Восставшие крестьяне взламывали принадлежащие помещикам амбары и разбирали хранившийся в них хлеб, а также заставляли торговцев хлебом продавать его по низкой, как они говорили «честной» цене.

Монархия вынуждена была срочно изыскивать средства, чтобы покрывать текущие расходы государства

Пробуждение третьего сословия.
Лубок конца XVIII в.

из-за общего финансового кризиса и банкротства королевской казны. Для этого в 1787 году было создано собрание «нотаблей» — представителей высшего дворянства и должностных лиц государства, — на котором король Людовик XVI был гневно встречен решительной оппозицией собравшихся, требовавших проведения реформ и созыва Генеральных штатов, какие не собирались во Франции уже на протяжении 175 лет. Но, хотя король поначалу отказался пойти на такой шаг, в августе 1788 года он вынужден был дать свое согласие на их созыв, кроме того, он вновь назначил главою финансового ведомства королевства министра Неккера, которого сам уволил в 1781 году с этого поста и который был весьма популярен среди буржуазии, что само по себе доказывало растущую роль его влияния.

Но так как буржуазия была немногочисленным сословием, то для борьбы с феодалами она нуждалась в широкой поддержке масс, которые, следует отметить, находились в то время в состоянии душевного подъема. Это было вызвано вестью о созыве Генеральных штатов, что вселяло в души простых людей огромные надежды.

Буржуазия стала оказывать все большее влияние на движение народных масс, все чаще выступая их руководителем и вдохновителем. Это привело к тому, что продовольственные волнения в городах стали все больше носить политический, открыто революционный характер. Особенно крупные народные волнения произошли в 1788 году в Ренне, Гренобле и Безансоне. Настоящее ошеломление среди дворянства произвел тот факт, что в Ренне и Безансоне некоторая часть войск, которые были двинуты на подавление восстания, отказалась стрелять в народ.

К осени 1788 года народные восстания усилились, а зимой и весной 1789 года восстания охватили такие крупные города, как Марсель, Тулон и Орлеан, где рабочие и городская беднота нападали на дома чиновников, захватывали зерно на складах, устанавливали твердые пониженные цены на хлеб и другие продукты питания.

Король лихорадочно направлял войска то в один город, то в другой, но это не приводило к желаемому результату — положение с каждым днем все ухудшалось.

И вот в конце апреля 1789 года восстание вспыхнуло в самом Париже, в Сент-Антуанском предместье. Здесь восставшие разгромили дома владельца мануфактуры обоев Ревельона и промышленника Анрио, которых народ ненавидел. Против восставших направили отряды королевской гвардии и кавалерии. Но рабочие оказали настолько ожесточенное сопротивление, что завязалась кровопролитная схватка, в которой погибло несколько сот человек. Плебеи пустили в ход булыжники, которые они вытаскивали из мостовых, а также черепицу с крыш домов.

Но победить отборные войска им, конечно же, не удалось. Восстание это было подавлено. Через несколько дней рабочие устроили грандиозную траурную демонстрацию, пронося тела убитых по улицам города на кладбище. Это восстание произвело огромное впечат-

ление не только на жителей Парижа, но и на всю Францию. Оно показало, что массы городского плебса таят в себе огромные грозные силы.

Подавление восстания в Сент-Антуанском предместье однако не принесло спокойствия. Король и аристократия оказались бессильными остановить нарастание возмущения бедноты: отказывали старые рычаги, с помощью которых королевские власти удерживали народ в повиновении прежде, репрессии уже не достигали своих целей.

Таким образом, решение двора о созыве Генеральных штатов не принесло успокоения стране. Наоборот, оно лишь способствовало политизации широких масс населения, которая произошла вследствие составления наказов депутатам, обсуждения этих наказов и самих выборов депутатов от третьего сословия. Все это сильно накалило политическую атмосферу в стране и уже весной 1789 года общественное возбуждение охватило всю Францию.

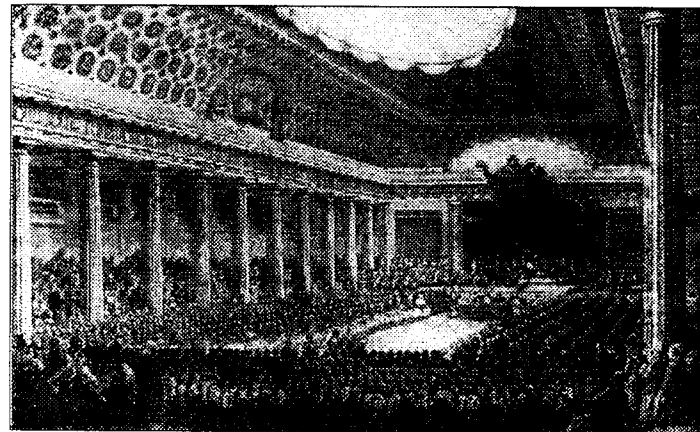
Заседания Генеральных штатов открылись в Версале 5 мая 1789 года. Король, а также депутаты от дворянского сословия и духовенства всячески пытались ограничить Генеральные штаты функциями совещательного органа, главной задачей которого они хотели сделать вопрос разрешения финансовых затруднений королевской казны, но депутаты от третьего сословия всячески настаивали на расширении прав Генеральных штатов, добивались и превращения их в высший законодательный орган страны.

Все это привело к тому, что целый месяц и даже более длились бесплодные обсуждения регламента — порядка ведения заседаний. Дворянство и духовенство были за посословное проведение заседаний, что дало бы им значительный перевес, в то время как депутаты от третьего сословия выступали за совместное проведение собраний, что обеспечило бы им руководящую роль, так как они располагали половиной всех мандатов.

17 июня депутаты третьего сословия на своем совместном заседании провозгласили себя Национальным собранием и призвали остальных депутатов присоединиться к ним.

20 июня королевское правительство совершило попытку сорвать очередное заседание Национального собрания. Это привело к тому, что депутаты третьего сословия, которые собрались в Манеже, в здании для игры в мяч, поклялись не покидать этого помещения до тех пор, пока не будет выработана конституция.

Через три дня король издал распоряжение о со-

Открытие Генеральных штатов.
Гравюра И. С. Гельмана по рисунку Ш. Монне.

зыве заседаний Генеральных штатов. На нем он вновь предложил депутатам разделиться по сословиям и заседать порознь. Депутаты третьего сословия не подчинились его приказу, продолжали свои заседания. Они даже привлекли на свою сторону часть депутатов от других сословий. Следует отметить, что к ним присоединилась даже группа влиятельных представителей либерального дворянства. Все это привело к тому, что 9 июля Национальным собранием — высшим правительственным и законодательным органом Франции, якобы, призванным выработать для французского народа основные законы.

Само собой, что король и его приближенные не пожелали мириться с решением Национального собрания. Постепенно в Париж и Версаль стали стягиваться верные королю войска. Король тщательно готовил раз-

гон Национального собрания. 11 июля 1789 года король Людовик XVI дал отставку министру Неккеру и предписал ему немедленно покинуть Париж.

ВЗЯТИЕ БАСТИЛИИ

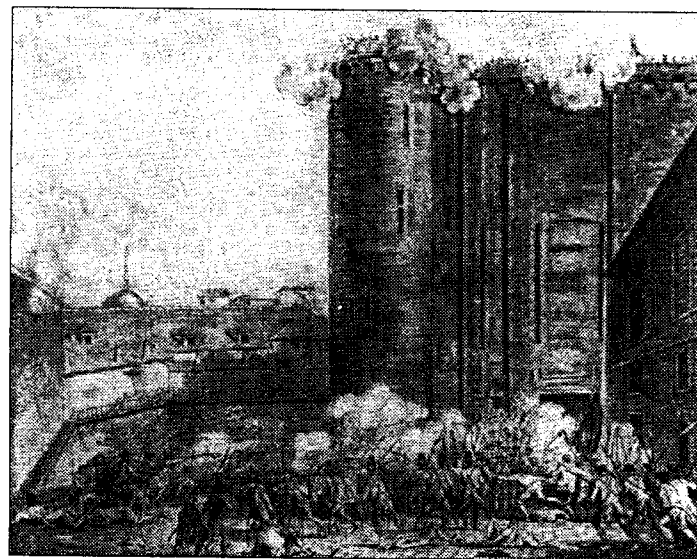
Распоряжение короля вызвало бурю негодования в Париже. 12 июля произошли первые столкновения между восставшими и королевскими войсками, а уже 13 июля над столицей Франции раздался повсеместно звон колоколов — колокола били в набат, возвещая о том, что рабочие, ремесленники, мелкие торговцы, служащие и студенты, вооружаясь чем попало, вышли на улицы и площади города. Восставшие напали на военные гарнизоны и захватили десятки тысяч ружей.

Стихийные выступления вылились в то, что люди двинулись к возвышающейся в центре города крепости — Бастилии. Она давно уже утратила свои оборонительные функции и превратилась в самую обыкновенную тюрьму, но тем не менее ее восемь башен, высокие стены и глубокие рвы все еще сохраняли неприступность, создавая в глазах людей символ опоры абсолютизма.

Утром 14 июля огромные толпы окружили со всех сторон стены Бастилии. Комендант крепости-тюрьмы отдал приказ открыть огонь. Среди восставших появились первые жертвы, но, несмотря на это, народ на площади все прибывал и прибывал. Начался штурм. Плотники и кровельщики стали сооружать леса, по импровизированным переправам нападающие преодолевали рвы. На сторону восставших перешли артиллеристы, которые открыли огонь по стенам крепости пушечными ядрами. Им удалось перебить цепи одного из подъемных мостов, и восставшие ворвались в крепость. К удивлению нападавших, гарнизон крепости оказался весьма малочисленным, и состоял из солдат предпенсионного возраста — они без сопротивления сдали оружие. Ликующие восставшие бросились сбивать замки с дверей камер и освобождать заключенных. Каково же было их удивление, когда, вместо сотен, мерещившихся им, замученных узников, заключенными крепости оказались

лишь несколько уголовных преступников. Вместе с ними был освобожден из заключения престарелый маркиз де Сад — известный философ и писатель, чьи натуралистические произведения, описывавшие жестокость и извращения, и самое имя послужили возникновению слова «садизм».

Тем не менее падение Бастилии произвело огромное

Взятие Бастилии.
Офорт Ж. Ф. Жанине.

впечатление не только во Франции, но и во всей Европе. Не зная подробностей произошедшего, «третье сословие» европейских государств восторженно приветствовало это событие в Париже.

Взятие Бастилии 14 июля 1789 года принято считать началом французской буржуазной революции. Напуганные масштабом восстания, король и феодальная партия были вынуждены пойти на уступки. Снова вернули к власти министра Неккера. Кроме этого, король признал все решения Национального собрания.

В эти дни в Париже возник орган городского самоуправления — муниципалитет, в который вошли представители крупной буржуазии. Под их руководством была сформирована буржуазная национальная

гвардия, командующим которой стал маркиз Лафайет. Он был популярен в народе после своего участия в войне североамериканских колоний Англии за независимость.

Революция стала быстро распространяться по всей Франции. Уже 18 июля началось восстание в городе Труа, 19 — в Страсбурге, 21 — в Шербуре, 24 — в Руане.

В Страсбурге восставшие в течение нескольких дней являлись полными хозяевами захваченного ими города. Здесь рабочие, вооружившись топорами и молотками, взломали двери городской ратуши и, ворвавшись в здание, сожгли все хранившиеся там документы. В Руане и Шербуре городские жители, выйдя на улицу с возгласами: «Хлеба!», «Смерть скупщикам!» заставили продавать хлеб по сниженным ценам. В Труа восставший народ, как и в Париже, захватил оружие и овладел ратушей.

Восставшими в провинциальных городах упразднены старые органы власти и создавались органы самоуправления — муниципалитеты. Часто королевские чиновники и старые городские власти, напуганные масштабами народных волнений, без сопротивления уступали власть новым, буржуазным муниципалитетам.

Весть о парижском восстании и о падении Бастилии быстро разнеслась по стране. Крестьяне вооружались вилами, серпами и цепями, громили усадьбы землевладельцев, сжигали феодальные архивы, захватывали и делили земли дворян.

Вот как об этом писал русский историк Карамзин, который проезжал в августе 1789 года через Эльзас: «Везде в Эльзасе приметно волнение. Целые деревни вооружаются».

Подобное наблюдалось и в других провинциях. Крестьянские восстания начавшиеся в центре страны, в Ильде-Франсе, к концу июля — началу августа охватили всю страну. В провинции Дофине из каждых пяти дворянских замков восставшими было сожжено либо разрушено три. В Франш-Конте было разгромлено сорок замков. В Лимузине крестьяне, соорудив перед замком одного из маркизов виселицу, прибили к ней табличку: «Здесь будет повешен всякий, кто вздумает платить ренту помещику, а также сам помещик, если он решится предъявить такое требование».

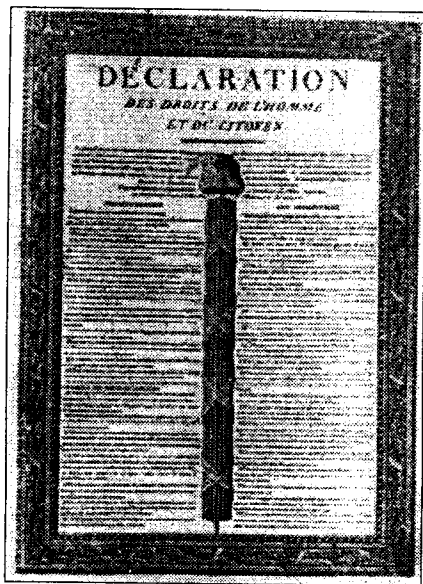
Широкий размах крестьянских восстаний заставил Учредительное собрание в неотложном порядке заняться решением аграрного вопроса. 4 — 11 августа 1789 года Учредительное собрание провозгласило, что «феодальный режим полностью уничтожается». Однако безвозмездно были упразднены лишь так называемые личные повинности и церковная десятина, остальные феодальные повинности, которые вытекали из держания крестьянином земельного участка, подлежали выкупу. Выкуп устанавливался не только в интересах дворянства, но и крупной буржуазии, которая стала усиленно скупать земли, принадлежавшие дворянству. Кроме того, буржуазия приобретала и феодальные права.

«Муниципальная революция» в городах, а также крестьянские восстания закрепили победу, которую одержали восставшие в Париже 14 июля 1789 года. Постепенно власть в стране перешла в руки буржуазии. Последняя главенствовала в муниципалитетах Парижа и других городов Франции, кроме того, под ее руководством находилась основная вооруженная сила революции — национальная гвардия. В Учредительном собрании господство принадлежало также буржуазии и либеральному дворянству, которое примкнуло к ней.

Буржуазия возглавила революцию. Она боролась против феодально-абсолютистского строя и стремилась к полному его уничтожению. Ее идеологи, которые возглавляли третье сословие, отождествляли общественные идеалы своего сословия с интересами всей французской нации и даже всего человечества.

Это привело к тому, что 26 августа 1789 года Учредительное собрание приняло «Декларацию прав человека и гражданина» — важнейший документ Французской революции, который приобрел впоследствии всемирно-историческое значение. В «Декларации» говорилось: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах». Этот революционный принцип был возведен в то время, когда почти во всем остальном мире насчитывались миллионы крепостных крестьян, положение которых мало чем отличалось от первобытного рабства, особенно ярко крепостничество было выражено в Российской империи; в других феодально-абсолютистских государствах, даже в колониях бур-

жуазно-аристократической Англии и в Соединенных Штатах Америки, в то время процветала работоторговля. Все это доказывает, что принципы, провозглашенные Декларацией, были смелым революционным вызовом старому, феодальному миру. Естественными, священными, неотчуждаемыми правами человека и гражданина Декларация объявляла свободу личности, свободу слова, свободу убеждений, права на сопротивление угнетению.

Декларация прав человека и гражданина.
Плакат.

В ту эпоху, когда феодально-абсолютистские порядки господствовали почти во всей Европе, буржуазно-демократические, антифеодальные принципы Декларации прав человека и гражданина сыграли прогрессивную роль. Они произвели громадное впечатление на современников, оставили глубокий след в общественном сознании европейских народов. Кроме этого, свя-

щенным и нерушимым правом Декларация объявила право личной собственности. В этом заключался прогрессивный элемент защиты собственности от возможных притязаний, что создавало наилучшие условия для новой формы развития человечества.

Но вскоре обнаружилось резкое несоответствие между гуманистическими принципами, широкими демократическими обещаниями Декларации и реальной политикой Учредительного собрания.

В Учредительном собрании основную роль играла партия конституционалистов, которые выражали интересы наиболее богатой верхушки буржуазии и либерального дворянства. Лидерами этой партии были граф

Мирабо — блестящий оратор, гибкий и опытный политик, а также скрытый и молчаливый аббат Сиейес.

Они пользовались огромным влиянием и популярностью в Учредительном собрании, были сторонниками конституционной монархии и ограниченных реформ, которые должны были упрочить господство лишь наиболее крупной буржуазии. Таким образом, крупная буржуазия, которая поднялась к власти на гребне народного восстания, вскоре обнаружила свое стремление воспрепятствовать проведению глубоких демократических преобразований.

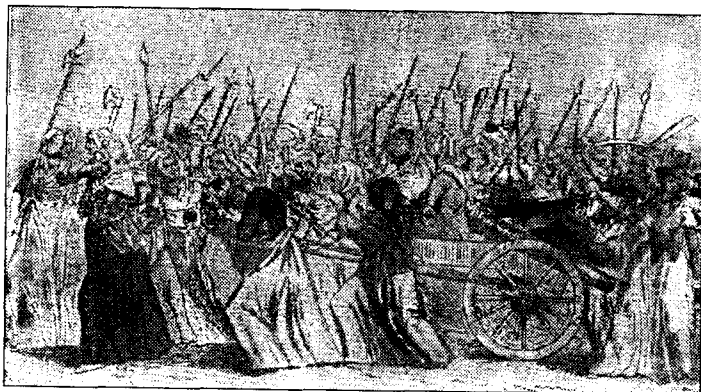
Уже через пять дней после того, как Учредительное собрание с воодушевлением приняло Декларацию прав человека и гражданина, оно стало обсуждать законопроект об избирательной системе. Вскоре он был принят, но назвать его демократическим было нельзя. Согласно этому закону, граждане делились на активных и пассивных. Пассивными объявлялись граждане, которые не обладали имущественным цензом, — они были лишены права избирать и быть избираемыми. Активными же считались граждане, которые обладали установленным цензом, — им и предоставлялись все избирательные права. Этот закон находился в прямом противоречии с принципом равенства, который провозглашала Декларация. Подобным образом крупная буржуазия старалась узаконить собственное господство.

Но ни король, ни бывшая правящая придворная партия крупных феодалов не собирались мириться с завоеваниями революции. Они стали активно готовиться к контрреволюционному перевороту. Король так и не утвердил Декларацию прав человека и гражданина, а также августовские декреты, провозглашавшие ликвидацию феодальных прав. В сентябре в Версаль стали стягиваться новые, в дополнение к уже дислоцировавшимся там, войска. Они были настроены решительно.

1 октября возле королевского дворца была проведена контрреволюционная манифестация, организованная преданными королю офицерами. Все это недвусмысленно говорило о том, что король решительно намерен разогнать Учредительное собрание и подавить вспыхнувшую революцию с помощью военной силы.

Осенью 1789 года в Париже резко ухудшилось положение с продовольствием, начался голод. Особенно чувствительным он был среди бедных горожан. Это привело к нарастанию недовольства среди широких плебейских масс и, главным образом, среди женщин, которым приходилось часами простаивать в бесконечных очередях за хлебом. Подливали масло в огонь еще и настойчивые слухи

Поход женщин из Парижа в Версаль.
Лубок конца XVIII в.

о контрреволюционных приготовлениях королевского двора. Возмущение стало стихийно нарастать, и это привело к тому, что 5 октября огромные толпы народа, вооружившись чем попало, двинулись в Версаль. Этот поход иногда называют походом женщин из Парижа в Версаль. Народ окружил со всех сторон королевский дворец, а на рассвете 6 октября возмущенная толпа ворвалась в него. Королю ничего не оставалось делать как утвердить все решения Учредительного собрания, кроме этого, он по требованию народа переехал со всей своей семьей в Париж. Вслед за королем переехало в Париж и само Учредительное собрание, отныне его заседания проводились в самом городе.

Это очередное революционное выступление широких народных масс в Париже, как и во времена взятия Бастилии в июле месяце, сорвало контрреволюционные планы королевского двора и помешало феодальной аристократии разогнать Учредительное собрание.

После переезда в столицу государства король находился под постоянным бдительным надзором. Теперь он

уже не мог открыто сопротивляться революционным преобразованиям в стране или тайно готовить подавление революции. В связи с этим Учредительное собрание получило возможность беспрепятственно продолжать свою работу, проводить и дальше всевозможные реформы.

Для того, чтобы ликвидировать финансовый кризис, а также сломить власть церкви, в ноябре 1789 года Учредительное собрание постановило конфисковать церковные земли, объявив их «национальным имуществом» и пустив их на продажу. Вместе с этим было принято постановление о выпуске так называемых ассигнатов — государственных денежных обязательств, стоимость которых обеспечивалась доходами от продажи церковных земель. Учредительное собрание предполагало ассигнатами оплатить государственный долг, но этим намерениям не суждено было сбыться — со временем ассигнаты превратились в обычные бумажные деньги.

В мае 1790 года Учредительное собрание узаконило порядок продажи «национальных имуществ» мелкими участками и в рассрочку. Покупатель обязан был вносить платежи в течение 12 лет. Но вскоре дробление земельных участков было отменено, а рассрочку сократили до 4 лет. Это привело к тому, что в подобных условиях лишь зажиточные крестьяне имели возможность приобретать церковные земли. Кроме того, в марте и мае 1790 года Учредительное собрание установило непомерно тяжелые условия выкупа крестьянами феодальных повинностей.

Это стало причиной открытого выступления крестьян против политики Учредительного собрания, которая теперь откровенно выражала интересы крупной буржуазии. Крестьяне вновь стали на путь борьбы. Осенью 1790 года начались крестьянские волнения, снова стали гореть усадьбы землевладельцев.

Во многих местах крестьяне нападали на замки и усадьбы, жгли архивные документы, чтобы уничтожить записи о долгах, прекращали платить феодальные повинности. Нередко крестьяне соседних деревень договаривались между собой о том, что «никто не должен уплачивать поземельного налога и что тот, кто уплатит таковой, будет повешен».

Теперь уже не король, а само Учредительное собрание вынуждено было направлять в провинции; охваченные мощным крестьянским движением, войска, национальную гвардию, а также чрезвычайных уполномочен-

ных. Но все попытки подавить крестьянские восстания были бесплодными.

В 1789 — 1791 гг. Учредительное собрание приняло ряд иных реформ, которые также способствовали утверждению во Франции основ буржуазного общественного строя. Было отменено сословное деление, упразднены наследственные титулы дворянства, цер-

Духовенство до и после утраты своих владений.
Сатирическая листовка 1789 г.

ковь была отделена от государства — это выражалось в том, что у духовенства было изъято ведение регистрации актов рождения, брака, смерти, отныне церковь и ее служители находились под постоянным контролем государства. Кроме этого, вместо прежнего средневекового административного деления, было введено единообразное деление во Франции на 83 департамента. Были упразднены цехи, отменена правительственная регламентация промышленного производства. Отныне уничтожались внутренние таможенные пошлины и подобные ограничения, ко-

торые препятствовали развитию промышленности и торговли.

Все эти преобразования носили исторически прогрессивный характер. Они соответствовали интересам буржуазии и были призваны обеспечить благоприятные условия для развития ее торговой и промышленной деятельности.

Кроме этого, Учредительное собрание приняло ряд законов, которые позволили укрепить его власть. Так, вскоре после событий 5 — 6 октября 1789 года был принят закон, по которому разрешалось применять военную силу для подавления народных восстаний.

КОНСТИТУЦИЯ 1791 ГОДА

Учредительное собрание, последовательно защищавшее интересы буржуазии, стало интенсивно преследовать рабочее движение. Несмотря на то что некоторые группы рабочих, особенно выходцы из деревни, все еще были связаны с земельной или какой-либо иной собственностью, а поэтому работа по найму для них иногда являлась лишь подсобным занятием, для все большего числа рабочих наемный труд становился единственным источником существования. В крупных городах рабочие составляли уже значительную часть населения. Так в Париже к моменту революции их насчитывалось до 300 тысяч человек вместе с семьями.

Это была одна из наиболее бесправных категорий населения, так как жизнь их всецело зависела от хозяев предприятий. Заработная плата была низкой и, как всегда, отставала от роста цен. Рабочий день обычно длился 14 — 18 часов даже для квалифицированных рабочих. Кроме того, над каждым рабочим постоянно висел дамоклов меч безработицы, которая особенно усилилась накануне революции в результате торгового промышленного кризиса.

В связи с этим в Париже не утихали рабочие волнения. В августе 1789 года примерно 3 тысячи работников портняжных мастерских устроили демонстрацию. Они требовали повышения зарплат. Отряд национальной гвардии, посланный на разгон демонстрации, открыл огонь. Это привело к возникновению волнений и в других отраслях производства, а также среди безработных, которых пытались занять на организованных муниципалитетом землякопных работах. Недовольные своим положением рабочие все чаще высказывали угрозу в адрес муниципалитета.

В 1790 — 1791 гг. были созданы первые рабочие организации, которые берут свое начало в дореволюционных компаниях, но в основном это были уже союзы нового, профессионального типа. Самыми активными в то время были типографские рабочие. Они были наиболее грамотными среди остальных представителей этой социальной группы населения, что привело к их особому положению. В 1790 году в Париже возникла первая организация типографщиков — «типографское собрание». Оно разработало свой особый «рег-

ламент», который был принят «общим собранием представителей рабочих». «Регламент» этот предусматривал, кроме всего прочего, организацию взаимопомощи на случай болезни и старости одного из представителей «типографского собрания». Вскоре, уже осенью того же года, рабочие основали уже более развитую и оформленную организацию, которая называлась «Типографский и филантропический клуб». Этот клуб имел собственный печатный орган, организовал дело взаимопомощи среди рабочих и возглавлял их борьбу против промышленников. Подобные объединения типографских рабочих возникли не только в Париже, но и в других городах.

Но такие развитые профессиональные организации, каковой являлся «Типографский клуб», были исключением. Правда, рабочие других профессий также предпринимали попытки создать свои объединения. Например, возник «Братский союз» плотников, в состав которого вошли тысячи рабочих.

Весной 1791 года в Париже произошли крупные забастовки. Наиболее активно в них участвовали типографские работники и плотники, так как выступления их были более организованными и возглавлялись «Типографским клубом» и «Братским союзом». Но бастовали и представители других профессий — кузнецы, столяры, слесари, башмачники, каменщики, кровельщики. Всего забастовка охватила около 80 тысяч человек. Это вызвало большую тревогу среди хозяев предприятий. Они обратились сначала к парижскому муниципалитету, а затем непосредственно к Учредительному собранию с решительными требованиями принять меры против забастовщиков.

Учредительное собрание пошло им навстречу, и по предложению депутата Ле Шапелье. 14 июня 1791 года был издан декрет, который запрещал рабочим под страхом денежных штрафов и тюремного заключения объединяться в союзы и проводить стачки. Через два дня, 16 июня, Учредительное собрание постановило закрыть «благотворительные мастерские», которые были организованы в 1789 году для безработных.

Органам власти было предписано тщательно следить за выполнением закона Ле Шапелье, за нарушение которого применялись весьма строгие наказания.

В 1791 году Учредительное собрание закончило ра-

боту над составлением конституции. Отныне Франция провозглашалась конституционной монархией. Высшая исполнительная власть предоставлялась королю, а высшая законодательная власть — Законодательному собранию. В выборах могли принимать участие только так называемые активные граждане, которые составляли 20% населения страны. Кроме этого, конституция так и не отменила рабства, которое все еще продолжало существовать в колониях Франции.

Тем не менее по сравнению с государственно-правовой системой феодально-абсолютистского строя, конституция 1791 года являлась весьма прогрессивным шагом, хотя она и не закрепила законодательно всеобщее равенство граждан, вступая тем самым в противоречие с Декларацией 1789 года.

Подобная антидемократическая политика Учредительного собрания вызывала все более резкое недовольство среди народных масс. Обманутыми оказались крестьяне, рабочие, ремесленники и мелкие собственники: они остались неудовлетворенными в своих социальных и политических требованиях, так как революция им не дала того, чего они от нее ожидали.

Это привело к тому, что в Учредительном собрании организовалась группа депутатов, которые защищали интересы демократических кругов. Ее возглавлял адвокат из Арраса — Максимилиан Робеспьер (1758 — 1794). Робеспьер являлся убежденным и непреклонным сторонником демократии и постепенно к его голосу все больше и больше стали прислушиваться в стране.

С того времени как во Франции произошла революция, политическая активность масс невообразимо возросла. Люди сами начинали участвовать в управлении страной. Так, в Париже, например, важнейшую роль играли органы районного самоуправления — дистрикты, которые позже были преобразованы в «секции». В них часто проводились всеобщие собрания, на которые приходили жители разных районов. Таким образом, активизация масс достигла значительной степени.

Руководителям муниципалитета было не выгодно такое положение дел — они всячески стремились уничтожить непрерывность заседаний дистриктов и секций

и превратить их только в избирательные собрания, которые бы созывались очень редко. Но народные массы сильно сопротивлялись этому.

В Париже, а также в провинциальных городах возникли различные политические клубы. Вскоре наибольшее влияние приобрели клубы якобинцев и кордельеров. Названия эти возникли от наименований монастырей, в помещении которых собирались члены клубов. Официальное же название каждый из них имел иное. Так якобинский клуб назывался «Общество друзей конституции», а клуб кордельеров — «Общество друзей прав человека и гражданина». Состав этих клубов был довольно пестрым: так в 1789 — 1791 гг. в якобинском клубе объединились различные буржуазные политические деятели самых всевозможных оттенков — от Мирабо до Робеспьера.

Клуб кордельеров возник в апреле 1790 года и служил политическим центром для людей простых, которые принимали активное участие в событиях революции. В его составе было много «пассивных граждан», а в заседаниях участвовали даже женщины. Среди деятелей этого клуба выделялись Жорж Дантон (1759 — 1794), который был великолепным оратором, а также талантливый журналист Камилл Демулен. С трибуны клуба кордельеров они активно и весьма резко критиковали антидемократическую политику Учредительного собрания, а также цензурную конституцию 1791 года.

Также в Париже существовал и «Социальный клуб», членами которого была создана широкая организация «Всемирная федерация друзей истины». Члены этого клуба выдвигали в первую очередь социальные требования, они издавали газету «Железные уста». Организаторами «Социального клуба» были аббат Клод Фоше и журналист Н. Бонвилль.

Кроме того, следует отметить, что значительное влияние на революционно-демократическое движение имела газета «Друг народа», которую издавал врач и ученый Жан-Поль Марат (1743 — 1793). Он с первых же дней революции целиком отдался революционной борьбе и всячески защищал права простого народа, его называли «другом бедняков», откуда и появилось название его газеты. Являясь революционером-демократом, Марат страстно критиковал на страницах

своей газеты ту смену власти, которая произошла в стране. Он доказывал, что на смену феодальному гнету пришел гнет «аристократии богатства». Как и другая революционная газета, «Друг народа» пользовалась хлестким слогом и высказывала беспартийные суждения, на ее страницах разоблачались контрреволюционные планы королевского двора, антинародная политика Неккера, а также склонность к измене вождей партии конституционалистов — Мирабо, Лафайета и других. Как говорил Жан-Поль Марат, они усыпляли бдительность народа фразами о братстве и доверии. На страницах своей газеты Жан-Поль Марат учил народ революционной решительности, призывал его не останавливаться на полпути, идти до конца, до полного сокрушения врагов революции.

Само собой разумеется, что деятель такого одиозного характера, каким являлся Марат, был весьма нежелателен правящей верхушке. И королевский двор, и дворянство, и крупная буржуазия одинаково ненавидели Марата, преследовали и травили его, но сочувствие и поддержка народа, которые Марат завоевал с помощью своих populistских лозунгов, позволили ему и дальше издавать свою газету в подполье. Все это создало ему необходимый политический имидж, который в будущем сыграл для него значительную роль.

Король и его окружение были фактически лишены любой возможности действовать открыто, а поэтому они втайне готовили контрреволюционный переворот.

Жан-Поль Марат.
Гравюра А. Туркати по рисунку Г. Симона.

Основной упор в нем делался на французскую аристократию, которая с первых дней революции в массовом количестве бежала за границу. Центры контрреволюционной эмиграции были созданы в Турине и в Кобленце. Они поддерживали тесные связи с абсолютистскими правительствами Европы. Именно в эмигрантской среде активно обсуждались планы интервенции иностранных государств против революционной Франции. Через тайных агентов Людовик XVI поддерживал связь с эмигрантами, а также и с европейскими дворами. В своих секретных письмах, которые он рассылал на имя испанского короля и других монархов, король отрекался от всего, что вынужден был делать после начала революции. Он заранее санкционировал все, что его уполномоченные сочтут необходимым предпринять для восстановления во Франции законной власти.

Утром 21 июня 1791 года воздух над Парижем потряс звон колоколов. Набат возвещал о том, что король и королева бежали за границу. Народ охватила ярость. Короля называли изменником и каждый понимал, что это чревато последствиями для революции. Именно этот факт привел к тому, что массы простых людей стали активно вооружаться.

Тогда еще мало кто догадывался, что бегство короля являлось составной частью давно подготовленного и тщательно продуманного заговора. Король бежал в пограничную крепость Монмеди, где стояли войска под командованием маркиза де Буйе — убежденного монархиста. Отсюда во главе контрреволюционных войск Людовик XVI намеревался двинуться в Париж. Кроме этого, заговорщики рассчитывали, что бегство короля из Парижа подтолкнет иностранные государства на осуществление интервенции в целях восстановления во Франции старых порядков.

Но планам этим не суждено было сбыться. Когда карета короля уже подъезжала к границе, почтовый смотритель Друэ опознал Людовика XVI, который был переодет лакеем. Он поднял на ноги местное население, которое бросилось вдогонку за королем. Это закончилось тем, что в небольшом городке Варенн король и королева были задержаны и взяты под стражу вооруженными крестьянами. Вокруг них собралась несметная толпа вооруженных людей, которая сопро-

вождала короля и королеву, как пленников народа, назад в Париж.

Измена короля, как считали революционеры, вновь породила острый политический кризис внутри страны. Клуб кордельеров тут же возглавил движение народных масс, которые настаивали на отрешении короля-изменника от власти. Все требовали установления

Арест короля в Варенне.
Лубок 90-х годов XVIII в.

республиканского правления, за которое и раньше выступали кордельеры. Теперь эта идея приобрела множество сторонников не только в Париже, но и в провинции. Такое требование выставляли местные клубы в Страсбурге, Клермон-Ферране и других городах. В деревнях вновь началась широкая борьба крестьян против сохранявшихся там феодальных порядков. В пограничных департаментах крестьяне самостоятельно стали создавать добровольческие батальоны революционных войск.

Все это не входило в планы крупной буржуазии, которая стояла у власти. Она не была заинтересована в ликвидации монархического режима. Пытаясь спасти и реабилитировать монархию, Учредительное собрание приняло решение поддержать версию о похищении короля. Кордельеры, возмущенные этим, развернули широкую агитацию против политики собрания. Это привело к расколу якобинского клуба, революционно-демократическая часть которого поддерживала кордельеров. Правая часть клуба — конституционалисты — 16 июля вышла из состава якобинцев и создала свой новый клуб — клуб фельянов, который также получил свое название от одноименного монастыря, в котором происходили его заседания.

17 июля по призыву клуба кордельеров тысячи и

тысячи парижан, главным образом рабочие, а также ремесленники, собрались на Марсовом поле. Они ставили свои подписи под петицией, которая требовала низложения короля и предания его суду. Против этой мирной демонстрации была двинута национальная гвардия под командованием Лафайета. Солдаты национальной гвардии открыли огонь. В результате несколько сот раненых и множество убитых остались лежать на Марсовом поле после того, как безоружные люди разбежались.

Расстрел 17 июля 1791 года ознаменовал собой открытый переход крупной буржуазии на сторону монархии и окончательный отход ее от революции.

В конце сентября 1791 года Учредительное собрание исчерпало свои полномочия и разошлось. Уже 1 октября того же года открылось Законодательное собрание, которое было выбрано на основе цензовой избирательной системы.

Правую часть Законодательного собрания составляли фельяны — партия крупных финансистов и неогциантов, судовладельцев-работорговцев и плантаторов, а также владельцев копей и крупных земельных собственников, промышленников, связанных с производством предметов роскоши. Как уже отмечалось выше, эта часть крупной буржуазии, а также примыкавшее к ней либеральное дворянство, всячески были заинтересованы в сохранении монархии и конституции 1791 года. Опираясь на многочисленную группу депутатов политического центра, фельяны первое время играли в Законодательном собрании руководящую роль.

Левую же часть собрания составляли депутаты, связанные с якобинским клубом. Вскоре и они раскололись на две группы, одна из которых получила название жирондистов, так как наиболее видные депутаты этой партии были избраны в департаменте Жиронда. Они представляли собой торгово-промышленную и новую землевладельческую буржуазию, главным образом, выходцев из южных, юго-западных и юго-восточных департаментов. Они были заинтересованы в коренном буржуазном переустройстве общества и были настроены более радикально, чем фельяны. Поначалу они также поддерживали конституцию 1791 года, но в даль-

нейшем перешли на республиканские позиции и превратились в буржуазных республиканцев. Виднейшими представителями жирондистов были Бриссо, по профессии журналист, и Верньо.

В клубе якобинцев политика жирондистов подвергалась яростной критике со стороны Робеспьера и других деятелей, которые представляли интересы наиболее демократических слоев общества. Кроме этого, их поддерживала крайне левая группа депутатов в Законодательном собрании. Эти депутаты получили название монтаньяров, так как в Законодательном собрании, а также позднее в Конвенте, они занимали места на самых верхних скамьях в зале заседания, так сказать, на «горе» (по-французски «гора» — la montagne). Но вскоре монтаньяры практически слились с якобинцами, и все вместе они стали называться якобинцами.

Поначалу жирондисты и монтаньяры совместно выступали против контрреволюционной партии королевского двора и против правящей партии фельянов. Но так как впоследствии между жирондистами и монтаньярами начались значительные разногласия, вскоре они перешли в открытую борьбу друг с другом.

Широкие революционные движения не могли не сказаться на экономике государства. В 1792 году экономическое положение Франции значительно ухудшилось. Обострился вновь несколько ослабевший в 1790 — 1791 гг. торгово-промышленный кризис. Быстро стала свертываться промышленность, которая работала ранее на королевский двор и дворянскую аристократию, а также на экспорт. Почти полностью прекратилось производство предметов роскоши. Все это привело к росту безработицы. После того, как в августе 1791 года на острове Сан-Доминго (Гаити) началось восстание негров-рабов, из продажи исчезли и колониальные товары — сахар, кофе и чай. Возросли цены на другие продукты питания.

Дороговизна и производственные лишения привели к тому, что в январе 1792 года в Париже начались крупные волнения. Уже весной недовольство стало распространяться на всю страну. Произошла стачка плотников и пекарей в Бордо. Рабочие боролись за повышение заработной платы, требовали чтобы она соответствовала росту цен на товары. В Законодательное собрание поступали многочисленные петиции от рабочих и бед-

ноты с требованием установить твердые цены на продукты питания и обуздать спекулянтов. Волновалась беднота и в сельских провинциях. Это привело даже к тому, что в некоторых районах Франции вооруженные отряды голодающих крестьян стали захватывать и делить между собой зерно. Они снова стали силой заставлять продавать хлеб и другие продукты питания по твердым ценам.

Все это вновь обострило аграрный вопрос, который так и остался нерешенным со времени начала революции. Крестьяне стремились добиться уничтожения феодальных повинностей без всякого выкупа. С конца 1791 года аграрные волнения усилились и потрясли всю страну.

В то же время стали активизироваться и контрреволюционные силы, которые боролись за восстановление феодально-абсолютистских порядков. На юге страны аристократы, как тогда стали называть всех сторонников феодализма, попытались поднять контрреволюционный мятеж, их поддерживало католическое духовенство, которое вело активную контрреволюционную агитацию, значительная часть которого отказалась присягнуть новой конституции и признать новые порядки.

Итак, заговор королевского двора не удался, контрреволюционные силы, готовясь к решающему удару против революции, главным образом теперь делали ставку на вооруженную интервенцию иностранных государств.

ВОЙНЫ С АВСТРИЕЙ И ПРУССИЕЙ

Само собой разумеется, что революция во Франции способствовала подъему антифеодальной борьбы и в других странах Европы. Не только в Лондоне и Петербурге, Берлине и Вене, Варшаве и Будапеште, но даже за океаном люди с напряжением наблюдали за развитием событий в революционной Франции. Декларация прав человека и гражданина, а также многие другие документы революции были переведены и изданы во многих странах мира. Лозунг «Свобода, ра-

венство, братство», который был провозглашен французской революцией, воспринимался повсюду как начало нового века, века свободы.

Все очевиднее становилось сочувствие к французской революции и ее идеям со стороны общественности многих стран. Это вызывало большую ненависть к революционной Франции многих европейских правительств, в государствах которых ухудшилась внутренняя обстановка. Это привело к созданию контрреволюционной коалиции государств. Главным организатором и вдохновителем ее выступала Англия. Буржуазно-аристократические правящие круги Англии опасались, что с падением феодализма укреплится международное положение Франции, и это подорвет позиции самой Англии, а также приведет к усилению радикально-демократического движения внутри страны.

Английская дипломатия стремилась примирить враждовавшие между собой Австрию и Пруссию, для того чтобы использовать их объединенные силы против Франции. На это были направлены в то время и усилия царской России. Летом 1790 года на Рейхенбахской конференции при посредничестве Англии удалось урегулировать основные разногласия между Пруссией и Австрией, и уже в августе 1791 года в замке Пильниц австрийский император и прусский король подписали декларацию о совместных действиях для оказания помощи французскому королю. Пильницкая декларация ознаменовала начало подготовки интервенции против Франции.

В начале 1792 года возник конфликт между Францией и немецкими князьями, которые ранее владели землями в Эльзасе и которые лишились их после революции. Это привело к дальнейшему резкому обострению отношений Австрии и Пруссии с Францией. Король Людовик XVI, его приближенные, а также большинство офицеров и генералов французской армии со своей стороны, стремились всячески ускорить войну. Они полагали, что Франция не выдержит внешнего натиска и, как только интервенты продвинутся в глубь страны, с их помощью удастся подавить революцию. Прекрасно понимая все это, Робеспьер в якобинском клубе всячески возражал против немедленного объявления войны. Он требовал предварительного очищения командного состава армии от контрреволюционеров

и предостерегал, что в противном случае генералы-аристократы откроют интервентам дорогу на Париж. Но жирондисты поддерживали предложение об объявлении войны. Они опасались дальнейшего роста выступлений народных масс и рассчитывали, что война отвлечет их внимание от внутренних проблем. В крупных же торговых центрах — Бордо, Марселе и других — жирондисты пытались всячески разжечь воинственные настроения, убеждая местных жителей, что успешная война приведет к значительному расширению границ Франции, укреплению ее экономических позиций и, вследствие этого — к ослаблению ее главного конкурента — Англии. Именно вопрос о войне привел к резкому обострению борьбы между якобинцами — сторонниками Робеспьера, с одной стороны, и жирондистами — с другой.

Жирондистам удалось настоять на своем. 20 апреля 1792 года Франция все-таки объявила войну Австрии. Вскоре после этого в войну вступила и союзница Австрии — Пруссия.

Сбылись предсказания Робеспьера. В первые же недели войны французская армия, которой руководили аристократы и которые абсолютно не хотели победы своих войск, потерпела ряд тяжелых поражений. Так стал явным тайный сговор французского короля и аристократов с руководителями государств, предпринявших интервенцию против Франции, о котором раньше лишь догадывались. Якобинцы всячески пытались использовать этот факт в своей политической борьбе: об этом они говорили на многочисленных митингах, об этом писалось в памфлетах, которые печатались в их газетах. Они призывали народные массы к борьбе как против внешней, так и против внутренней контрреволюции. Их лозунги достигли цели. Народ увидел, что пришла пора защищать с оружием в руках государство и революцию, с которой он все еще связывал свои надежды. Так как Французская революция являлась первой в истории революцией, в которой принимали такое широкое участие народные массы, то людям еще было неизвестно, к каким ужасным последствиям может она привести. В это время получило распространение слово «патриот», которое приобрело двойной смысл. Отныне патриотом называли человека, который защищал свою страну и защищал революцию.

Особенно активное участие в защите страны принимали крестьяне, так как они прекрасно понимали, что интервенты в случае победы восстановят феодальные порядки, частичного освобождения от которых они добились с таким большим трудом. Кроме этого, значительная часть мелкой буржуазии, а также зажиточные крестьяне успели приобрести, главным образом за счет церковных имуществ, земельную собственность. Например, к концу 1791 года было продано церковных земель более чем на полтора миллиарда ливров. Вторжение же интервентов, а также возможность реставрации дореволюционного режима, которую они ставили своей целью, создавали прямую угрозу этой новой собственности, а также ее новым владельцам.

Видя открытую измену правительства и основной части генералов и офицеров армии, а также слабость и бездеятельность Законодательного собрания, широкие народные массы по собственной инициативе стали выступать на защиту государства. В городах и деревнях в спешном порядке формировались батальоны волонтеров, создавались комитеты по сбору пожертвований для их вооружения. Местные демократические клубы и организации требовали от Законодательного собрания принять чрезвычайные меры для обороны страны и революции.

Под таким давлением народных масс Законодательное собрание было вынуждено 11 июля 1792 года принять декрет, который объявил, что «отечество в опасности». Согласно этому декрету, все пригодные к военной службе мужчины подлежали призыву в армию.

СВЕРЖЕНИЕ МОНАРХИИ

С каждым днем становилось все более очевидным, что невозможно будет победить интервентов, не разгромив внутреннюю контрреволюцию. Именно поэтому народ стал настойчиво требовать низложения короля и беспощадного наказания генералов-предателей. Коммуна (орган городского самоуправления) Марсе-

ля в конце июня 1792 года приняла петицию с требованием упразднить королевскую власть. Такое же требование было выдвинуто и в ряде других департаментов. Все это повлекло за собой глубокие изменения политической жизни. В июле в некоторых секциях Парижа явочным порядком было спешно отменено деление граждан на «активных» и «пассивных». Секция Моконсей, в которой проживало много рабочих и ремесленников, приняла постановление, которое гласило, что секция «не признает более Людовика XVI королем французов».

В июле месяце в Париж стали прибывать вооруженные отряды добровольцев из различных провинций, они получили название *федераты*. Марсельские федераты распевали «Песнь Рейнской армии», которую написал молодой офицер Руже де Лиль. Эта песня, получившая название «Марсельезы», стала боевым гимном французского народа, который был впоследствии принят за официальный гимн французской республики.

Федераты установили тесную связь с якобинцами и создали свой орган — Центральный комитет. Федераты, демонстрируя революционную решимость широких народных масс провинции, представили Законодательному собранию петиции, в которых настаивали на отрешении короля от власти и созыве избранного демократическим путем Национального Конвента для пересмотра конституции.

В это же самое время, когда в стране нарастал мощный революционный подъем, был опубликован манифест герцога Брауншвейгского, который командовал прусской армией, сконцентрированной в это время у границ Франции. Он в обращении к французскому населению откровенно заявил, что целью похода является восстановление во Франции власти короля и грозил бунтовщикам беспощадной расправой. Манифест герцога Брауншвейгского, который цинично раскрыл контрреволюционные цели интервенции, вызвал огромное возмущение в стране и послужил скорейшему свержению монархии.

Народные массы Парижа под руководством якобинцев стали открыто готовиться к восстанию. Две трети парижских секций присоединились к постановлению секции Моконсей, которая требовала низложения Людовика XVI. Это привело к тому, что в ночь на 10 ав-

густа в столице Франции вспыхнуло восстание. Народ стал собираться по секциям и формировать отряды. Комиссары секций провозгласили себя революционной Коммуной Парижа и возглавили восстание. Батальоны национальной гвардии из рабочих предместий, а также отряды федератов, которые прибывали из провинциальных департаментов, двинулись к Тюильрийскому дворцу, в котором находилась резиденция короля. Дворец этот представлял собой достаточно укрепленный замок, на подступах к которому была сосредоточена артиллерия. Но отряд марсельских добровольцев вступил в братание с артиллеристами и под возгласы «Да здравствует нация!» увлек их за собой. Таким образом, путь восставших ко дворцу был открыт. Король и королева, спасаясь бегством, укрылись в здании Законодательного собрания.

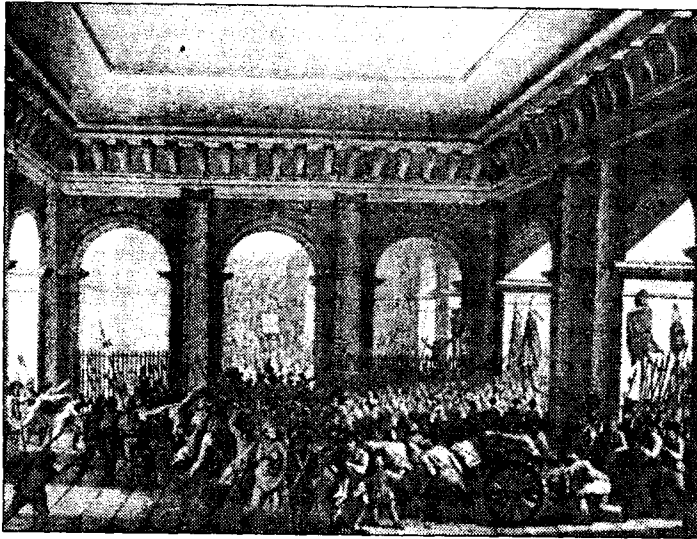
Всем стало казаться, что народное восстание смогло добиться скорой и бескровной победы, а поэтому возбужденные радостным событием люди ворвались во внутренний двор Тюильрийского замка, но засевшие там наемники-швейцарцы, а также офицеры-монархисты, верные королю и своему долгу, открыли огонь. Поначалу народ отхлынул, оставив десятки убитых и раненых на площади, но уже через несколько минут разгорелся ожесточенный бой. Разъяренные жители города, а также отряды федератов из провинции ринулись на штурм дворца. В этом коротком, но кровопролитном сражении было убито и ранено около пятисот человек, часть защитников замка была перебита, остальные — капитулировали.

Так образом была свернута монархия, которая до этого существовала во Франции около тысячи лет, а сама Французская революция вступила в новую стадию своего развития. Далее события продвигались по восходящей линии, так как в революционный процесс были втянуты широчайшие массы крестьянства, рабочих и плебеев. Французская буржуазная революция все больше и больше стала обнаруживать свой народный характер.

После победы восстания 10 августа 1792 года в Париже власть перешла фактически в руки революционной Коммуны Парижа. Законодательное собрание было вынуждено объявить Людовика XVI временно отрешенным от власти, но по настоянию Коммуны король

и его семья были подвергнуты аресту. Кроме этого, был издан декрет о созыве Национального Конвента, в выборах которого имели право участвовать все мужчины, достигшие 21 года, без всякого деления граждан на «активных» и «пассивных».

Законодательное собрание назначило новое правительство, получившее название Временный исполни-

Взятие Тюильри.
Гравюра П. Г. Берто по рисунку Ж. Л. Приера.

тельный совет. Оно состояло из жирондистов; единственным якобинцем в его составе был Дантон.

После победоносного восстания 10 августа, которое показало, что в народных массах таится огромная сила, уже нельзя было далее медлить с рассмотрением требований крестьянства. Законодательное собрание, которое еще совсем недавно пренебрежительно откладывало рассмотрение сотен крестьянских петиций, вынуждено было поспешно заняться аграрным вопросом, что выдавало его страх перед угрозой нового взрыва народного недовольства.

14 августа Законодательным собранием был принят декрет о разделе общинных земель. Согласно ему, конфискованные земли эмигрантов было разрешено сдавать

мелкими участками от 2 до 4 арпанов (примерно от 0,5 до 1 га) в бессрочное владение за годовую ренту или передавать в полную собственность с уплатой наличными. На следующий день было принято постановление о прекращении всех судебных преследований по делам, которые были связаны с бывшими феодальными правами. 25 августа Законодательное собрание постановило отменить без выкупа все феодальные права владельцев, которые были не в состоянии их доказать соответствующими документами.

Таким образом, аграрное законодательство, принятое в августе 1792 года и удовлетворившее основную часть требований крестьянства, было прямым результатом свержения монархии.

Сразу же после победы восстания 10 августа начался решительный перелом в ходе военных действий, которые велись на внешних границах государства. Уже 19 августа прусская армия перешла границу Франции и, развивая наступление, проникла в глубь страны. 23 августа прусские войска взяли крепость Лонгви, которую без боя сдал комендант-изменник. 2 сентября пал город Верден — последняя крепость, которая прикрывала подступы к Парижу. Войска интервентов ускоренным маршем шли на столицу Франции, уверенные в своей легкой победе.

Смертельная опасность нависла в эти дни над революционной Францией. Жирондисты проявили колебания, слабость и трусость — они готовы были сдаться на милость победителя. В то же время якобинцы обнаружили свою большую внутреннюю энергию. Они подняли на ноги все демократическое население Парижа. Им удалось разбудить в людях патриотические чувства. Это привело к тому, что мужчины и женщины, дети и старики все стремились внести свой вклад в дело борьбы с врагом. «Набат гудит, но это не сигнал тревоги, а угроза врагам отечества. Чтобы победить их, нужна смелость, еще раз смелость, всегда смелость, и Франция будет спасена», — говорил Дантон.

По Парижу поползли слухи о том, будто бы заключенные в тюрьмах контрреволюционеры готовят мятеж. Народ, и уходящие на фронт добровольцы вечером 2 сентября ворвались в тюрьмы. По Парижу полились реки крови, началась ужасная резня. Со 2

по 5 сентября в тюрьмах было казнено свыше 5 тысяч заключенных. Этот чудовищный акт наглядно показал кровавый характер революционного движения и окончательно разбудил темные силы, дремавшие до сих пор в народе, который теперь жаждал крови. Сейчас многим стало ясно, что на этом убийства не прекратятся. Так оно и произошло впоследствии.

А тем временем 20 сентября 1792 года у селения Вальми произошло решающее сражение между революционными французскими войсками, значительную часть которых составляли необученные, необстрелянные, а также плохо вооруженные добровольцы, и войсками интервентов — вышколенными, хорошо вооруженными. Прусские офицеры с насмешкой и самоуверенностью предвещали быструю решающую победу над «революционным сбродом». Но они недооценили разъяренный народ, руки которого были обгажены кровью соотечественников, а поэтому торжествовали рано. С пением «Марсельезы», с возгласами «Да здравствует нация!» французские солдаты отбили двукратную атаку прусских войск и заставили интервентов отступить.

Очевидцем этого сражения был Иоганн Вольфганг Гете. Вскоре он заметил, что битва при Вальми положила начало новой эпохе в мировой истории. Гениальный поэт оказался прав: Вальми была первой победой революционных войск над хорошо обученными и вооруженными войсками монархических государств Европы.

Победа при Вальми привела к тому, что французские войска перешли в наступление по всему фронту и вскоре изгнали интервентов со своей территории, сами вступив на территории соседних стран. 6 ноября 1792 года они одержали крупную победу над войсками Австрии при Жемаппе, после чего французские войска оккупировали всю Бельгию и Рейнскую область.

КОНВЕНТ

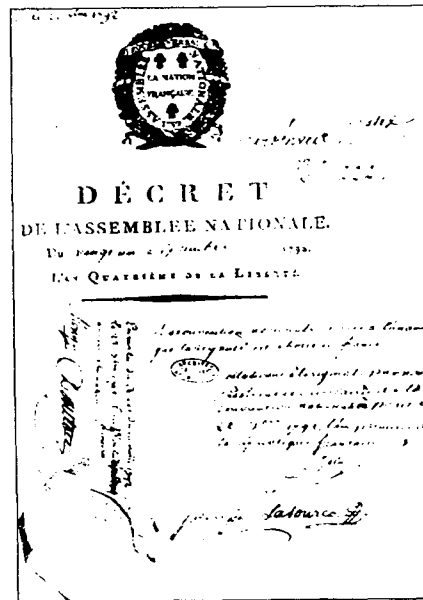
В тот день, когда произошла решающая битва при Вальми, в Париже было открыто заседание Национального Конвента, который был избран на основе всеобщего избирательного права. В Конвенте было 750 депутатов, 165 из них принадлежали к фракции жирондистов,

около 100 — к фракции якобинцев. Следует отметить, что население Парижа избрало своими депутатами только якобинцев, в числе которых были Робеспьер, Марат и Дантон, остальные же депутаты не примыкали ни к одной из партий, их иронически называли «равниной» или «болотом».

Первыми актами Конвента были декреты об упразднении монархии и установлении во Франции республиканского правления. Народ воспринял их с величайшим удовлетворением. Но в то же время с первых дней открытия Национального Конвента как в нем самом, так и за его пределами началась яростная борьба между жирондистами и якобинцами. Хотя жирондисты не участвовали в восстании 10 августа и народное восстание победило вопреки им, они стали теперь правящей партией. В своих руках они имели Временный исполнительный совет, сумели они на первых порах добиться руководящей роли и в самом Конвенте.

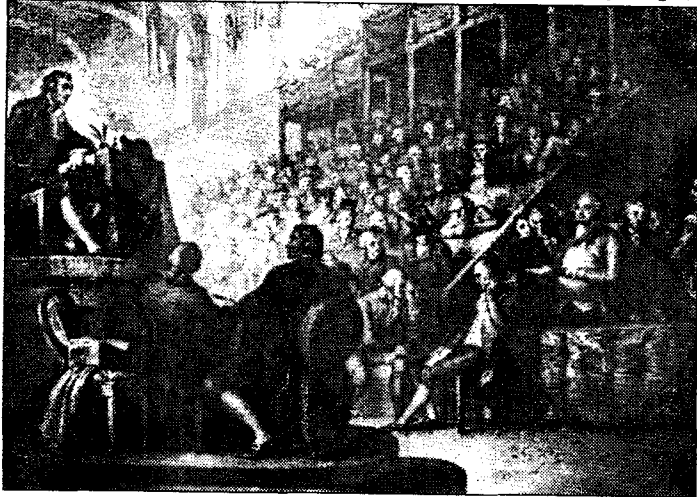
Как уже говорилось выше, жирондисты представляли интересы тех слоев торгово-промышленной и землевладельческой буржуазии, которые уже успели добиться осуществления своих основных экономических и политических требований. Именно поэтому жирондисты боялись выступления народных масс и не хотели дальнейшего развития революционных событий. Они пытались остановить, затормозить их, ограничить достигнутыми успехами.

Якобинцы же отражали интересы революционно-де-

Декрет Конвента о ликвидации королевской власти.

мократической, главным образом мелкой, буржуазии, которая не успела еще вкусить от раздираемого на части «монархического пирога». Поэтому якобинцам ничего не оставалось как выступить в блоке с широкими народными массами города и деревни — они стремились развивать революцию дальше. Сила якобинцев состояла в том, что они смогли привлечь на свою сторону народ,

Людовик XVI перед судом Конвента. Гравюра Дж.Вандрамини по рисунку Д.Пелегрини.

сумели возглавить его стихийные выступления, направить их в нужное для себя русло.

Таким образом, жирондисты пытались остановить революцию, а якобинцы, опираясь на народные массы, стремились двинуть ее вперед. В этом и заключалась сущность борьбы жирондистов с якобинцами, в этом были их основные разногласия.

Одним из главных политических вопросов, которые служили предметом спора и борьбы между жирондистами и якобинцами, в конце 1792 года стал вопрос о судьбе бывшего короля — вопрос приобрел большую остроту. Народные массы требовали предания свергнутого короля суду. Якобинцы поддержали это требование и настояли на нем в Конвенте. Когда в Конвенте начался судебный процесс над королем, жирондисты прилагали все усилия, чтобы спасти жизнь

свергнутого монарха. И жирондисты, и якобинцы прекрасно понимали, что вопрос о судьбе бывшего короля — это не личный, а политический вопрос. Казнить короля — означало далее свергнуть страну в хаос революционной борьбы, сохранить же жизнь Людовику XVI — означало задержать революцию на достигнутом уровне и заняться наведением порядка внутри страны. Но народ, почуяв запах крови, уже не мог остановиться, а якобинцы, жадно рвущиеся к власти и деньгам, всячески разжигали в нем ярость и нетерпение.

Это привело к тому, что старания жирондистов спасти жизнь Людовику XVI или хотя бы отсрочить его казнь потерпели фиаско. По требованию Марата было проведено поименное голосование депутатов Конвента по вопросу о судьбе Людовика XVI. «...Вы спасете родину... и вы обеспечите блага народа, сняв голову с тирана», — цинично говорил Марат в своей речи в Конвенте. Большинство депутатов высказалось за смертную казнь и за немедленное приведение приговора в исполнение. 25 января 1793 года Людовик XVI был казнен.

Остановить кровавую машину, которая начинала раскручиваться на всю мощь, уже ничто не могло.

Правительства Англии, Испании, Голландии и других государств использовали казнь бывшего короля как предлог для разрыва с Францией всех дипломатических отношений. Они присоединились к контрреволюционной коалиции.

Монархические правительства Европы были крайне обеспокоены развитием событий внутри Франции, успехами французских революционных армий и теми симпатиями, которые проявляли к ним различные слои населения их собственных государств, а главным образом население Бельгии и западных германских земель. Французская республиканская армия вступала на территорию других государств с революционным лозунгом: «Мир хижинам, война дворцам!» и это приводило к тому, что местное население становилось под знамена оккупантов, которых по иронии судьбы в Бельгии и в прирейнских провинциях Германии простые люди встречали как освободителей. Правящим кругам европейских государств все более становилось очевид-

ным, что они не смогут остаться в стороне от всего, что происходит внутри Франции.

Продвижение французских войск в Бельгию и распространение революционных настроений в самой Англии вынудило английское правительство перейти к открытой войне против французского государства. В январе 1793 года французский посол был выслан из Лондона. 1 февраля Конвент объявил Англии войну.

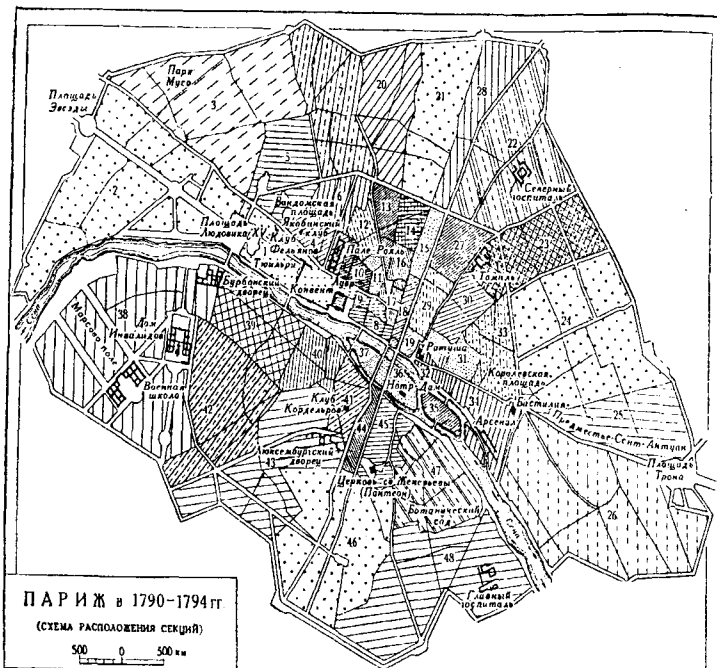
Триумф Марата. Фрагмент картины Л.Буальи.

Англия возглавила первую коалицию европейских государств, которая окончательно оформилась весной 1793 года. В ее состав вошли Англия, Австрия, Пруссия, Голландия, Испания, Сардиния, Неаполь и некоторые мелкие немецкие государства.

Российская императрица Екатерина II, которая раньше других порвала дипломатические отношения с Францией и оказывала всемерную помощь французской аристократической эмиграции, издала после казни Людовика XVI указ о расторжении

торгового договора с Францией и запретила впускать в русские порты французские суда, а также в пределы Российской империи — французских граждан. Но в открытую войну с революционной Францией Россия вступить не могла, так как в это время она воевала с Турцией и Речью Посполитой, где поляки и белорусы подняли мощное восстание против оккупировавших территорию их государства российских войск.

Война, которую вела Франция, требовала значительных денежных средств. Резко ухудшилось экономическое положение страны. Войска проводили военные операции большого масштаба, кроме этого, требовались расходы

ПАРИЖ в 1790-1794 гг.
(СХЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ СЕКЦИЙ)

С п и с о к с е к ц и я :

Названия секций указаны соответственно данным 1790г. Последующие переименования даны в скобках с указанием года переименования.

1. Тюильри	17. Рынок Невинных (Рынка - 1792)	35. Иль (Братства 1792)
2. Елисейский поле	18. Ломбардца	36. Нотр-Дам (Сите - 1791 и 1794, Рауза - 1793)
3. Руа (Республики - 1793)	19. Арси	37. Генриха IV (Нового моста - 1792, Революции - 1793)
4. Пале-Рояль (Пале-Эгальте - 1792, Бюг-де-Муазе - 1792 и 1794, Горы - 1793)	20. Предместья Монмартр (Предместья Мов-Марат - 1794)	38. Инвалидов
5. Вандомской площадь (Пик - 1792)	21. Улицы Пуассоньер	39. Гренельского фонтана
6. Библиотеки (Девяносто второго года - 1792, Лепеллетье - 1793)	22. Бонди	40. Четырех наций (Единства - 1793)
7. Гранд-Бательер (Мирабо - 1792, Мов-Блан - 1793)	23. Тампль	41. Французского театра (Марсеа - 1792, Марата и Марсеа - 1793)
8. Аура (Музея - 1793)	24. Попинкур	42. Красного Креста (Красного Колпака - 1793, Западная - 1794)
9. Ораutori (Французской гвардии - 1792)	25. Улицы Монтрей	43. Люксембурга (Муция Сувоаы - 1793)
10. Хлебного рынка	26. Кенз-Вен	44. Терм Юанана (Борепера - 1792, Возрождения - 1792, Шалле - 1793)
11. Почты (Общественного договора - 1792)	27. Гравилье	45. Св. Женевьев (Французского Пантеона - 1792)
12. Площади Людовика XIV (Молода - 1792, Вальгельма Телла - 1793)	28. Предместья Сен-Дени (Севера - 1792)	46. Обсерватории
13. Фонтана Монморанси (Мольера и Ларфонтена - 1792, Брута - 1793)	29. Улицы Бобур (Единения - 1792)	47. Ботанического сада (Санкюлотов - 1792)
14. Бон-Нувеаь	30. Красных ребат (Болота - 1792)	48. Гобсеаов (Финнистера - 1792, Лазовского - 1793)
15. Понсо (Друзей отечества - 1792)	31. Сицилийского короля (Прав человека - 1792)	
16. Моконсей (Бонконсей - 1792)	32. Ратуши (Дома Коммуны - 1792, Верности - 1794)	
	33. Королевской площади (Федератов - 1792, Неделамости - 1793)	
	34. Арсенала	

на содержание крупной армии. Усугубило положение и нарушение обычных хозяйственных связей, а также свертывание ряда отраслей промышленности. Все это привело к острому экономическому кризису.

Правительство жирондистов пыталось покрыть расходы на ведение войны увеличением выпуска бумажных денег. В обращение было выпущено огромное количество ассигнатов, что привело к их резкому обесцениванию и, как следствие этого, к быстрому росту цен на товары, в первую очередь на продовольственные. Зажиточные крестьяне и крупные торговцы-оптовики, которые скупали зерно, придерживали хлеб, не выпуская его на рынок. Они рассчитывали в дальнейшем хорошо заработать на повышении цен. В результате этого хлеб, а вслед за ним и другие продукты потребления, стали вовсе исчезать из продажи либо продавались из-под полы, по спекулятивным ценам.

В стране начался голод, на почве которого росло недовольство рабочих, мелких ремесленников, сельской и городской бедноты. Осенью 1792 года в Париже, а также в провинциальных городах и сельских местностях началось широкое движение народных масс. Повсеместно рабочие устраивали стачки, требуя улучшения условий труда и введения твердых цен («максимума») на продукты питания. В Туре и некоторых других городах плебейство силой добивалось установления твердых цен на хлеб.

К началу 1793 года требование «максимума» стало основным и общим требованием плебейских масс. Оно поддерживалось многочисленными петициями, которые были обращены к Конвенту, а также активными массовыми действиями, вылившимися в выступления на улицах, нападения на магазины, столкновения с властями и торговцами.

Главными выразителями настроений плебейских масс были парижские секции, в первую очередь секции плебейских кварталов. Они неоднократно выступали перед Конвентом с петициями об установлении твердых цен на продовольствие. Наиболее четко сформулировал эти требования один из видных деятелей клуба кордельеров, бывший священник Жак Ру, который в первые годы революции был близок к Марату и скрывал его от преследований. Вместе с Жаком Ру выступали выразителями интересов народных масс и его сторонники Тео-

филь Леклерк, Варле и другие. Жирондисты, которые ненавидели Жака Ру и других народных агитаторов, дали им прозвище «бешеные». Когда-то этим термином во Флоренции окрестили самых яростных приверженцев Джироламо Савонаролы. Вместе с «максимумом» на продукты питания «бешеные» требовали обуздания спекуляции и ажиотажа. Они осуждали крупную собственность и имущественное неравенство.

Якобинцы поначалу высказывались против введения «максимума» и относились отрицательно к агитации «бешеных», но вскоре они поняли всю выгоду решительных революционных мероприятий и активного участия в них народных масс, а поэтому с апреля 1793 года изменили свою позицию и стали выступать за установление твердых цен. Одновременно с этим они предложили для покрытия растущих военных расходов ввести чрезвычайный налог на крупных собственников в виде принудительного займа.

Это требование вызвало ярость со стороны жирондистов, которые защищали интересы торгово-промышленной буржуазии и крупных землевладельцев. Они видели в нем покушение на «священное право собственности» и свободу торговли.

Подобных взглядов жирондисты придерживались и на политику, проводимую в аграрном секторе. Еще осенью 1792 года они добились фактической отмены выгодных для деревенской бедноты декретов о порядке распродажи эмигрантских земель. Таким образом у крестьянства отобрали одно из важнейших завоеваний. В апреле 1792 года жирондисты провели в Конвенте декрет о порядке продажи «национальных имуществ», который был направлен против бедного и среднего крестьянства. Этот декрет, в частности, запрещал практиковавшиеся во многих местах покупки земельного участка из фонда «национальных имуществ» с последующим его разделом между владельцами.

В ответ на подобную политику, которая ущемляла интересы среднего и беднейшего крестьянства, произошли новые крестьянские восстания в департаментах Гар, Ло, Сена-и-Уаза, Марна и многих других. Огромная социальная сила — крестьянство — все еще продолжала требовать осуществления своих желаний.

В марте 1793 года французские войска, которыми командовал генерал Дюмурье, тесно связанный с

жирондистами, потерпели в Бельгии поражение в битве при Неервиндене. После этого Дюмурье вступил в переговоры с австрийцами, он попытался двинуть свою армию в контрреволюционный поход на Париж. Но заговор этот был раскрыт, и Дюмурье, потерпев неудачу, бежал в лагерь противника. Следствием измены Дюмурье, как и всей политики жирондистов, которые не желали вести войну по-революционному, было отступление французских войск из Бельгии и Германии. Война была вновь перенесена на территорию Франции.

В марте 1793 года вспыхнуло восстание в Вандее, которое распространилось и на Бретань. Здесь крестьяне, доведенные голодом и лишениями до отчаяния, стали требовать восстановления старых порядков в стране, кроме этого, они были возмущены объявленной Конвентом всеобщей мобилизацией. Восстание это вскоре было возглавлено дворянами-эмигрантами, которые получали помощь от Англии.

Положение республики стало угрожающим. Был объявлен новый набор в армию. Добровольцы тысячами стали поступать на службу. Якобинцы и на этот раз не преминули воспользоваться создавшимся положением. Они, вопреки яростному сопротивлению жирондистов, добились принятия Конвентом 4 мая 1793 года декрета о введении твердых цен на зерно по всей Франции, а 20 мая — решения о выпуске принудительного займа.

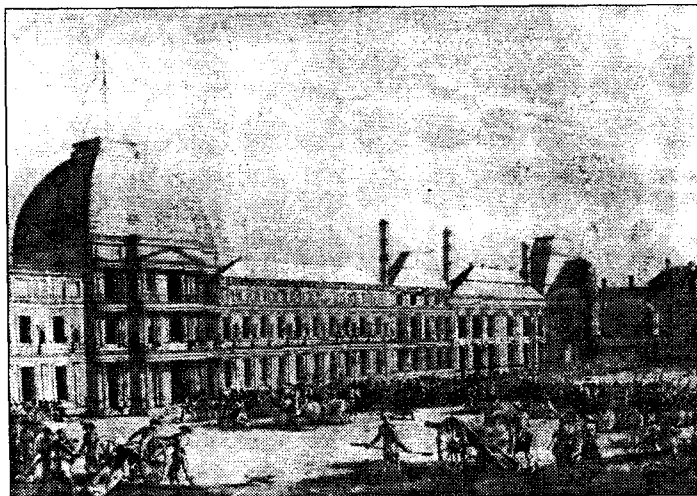
После этого события жирондисты, пользуясь внешними и внутренними затруднениями республики, усилили борьбу против революционных масс Парижа и якобинцев. Еще в апреле они добились придания Революционному трибуналу, который был учрежден для борьбы с контрреволюцией, Марата — одного из самых активных лидеров якобинцев, который благодаря своим популистским лозунгам имел большое влияние среди народных масс. Но революционный трибунал оправдал «друга народа», и Марат с триумфом возвратился в Конвент. Революция продолжала двигаться по нарастающей.

Несмотря на некоторые неудачи, жирондисты не отказались от намерения разгромить Парижскую Коммуну и другие революционно-демократические органы. Для этого они настояли на создании особой комиссии, которая называлась «комиссия 12-ти». Она должна была воз-

главить борьбу против революционно-демократического движения в Париже. Жирондисты организовали контрреволюционный переворот в Лионе и попытались захватить власть в ряде других городов.

Но подобная политика жирондистов привела лишь к новому народному восстанию.

31 мая 1793 года секции Парижа, которые создали

Восстание 2 июня 1793 г.

Гравюра П.Г.Берто по рисунку Свебака-Дефонтеа.

из своих председателей повстанческий комитет, двинулись к зданию Конвента. Вместе с ними туда пришли и отряды национальной гвардии, командование над которой было передано якобинцу Анрио.

Санкюлоты, как тогда назывались демократические слои населения, которые носили длинные брюки в отличие от коротких, как аристократы (*sans-culottes* — длинные брюки; *culottes* — короткие брюки), явившись в Конвент, потребовали упразднить комиссию 12-ти и арестовать некоторых жирондистских депутатов. Робеспьер тут же произнес обвинительную речь против Жиронды и поддержал требования парижских секций. Испуганный Конвент постановил распустить «комиссию 12-ти», но не согласился на арест жирондистских депутатов.

Выступление 31 мая не принесло желаемого резуль-

тата для якобинцев, поэтому борьба их продолжалась. 1 июня Марат в своей страстной речи призвал «суверенный народ» подняться на защиту революции. Утром 2 июня примерно 80 тысяч национальных гвардейцев и вооруженных горожан снова окружили здание Конвента, на которое по приказу Анрио были направлены стволы пушек. Конвент вынужден был подчиниться требованиям народа и принял декрет об исключении из своего состава 29 депутатов-жирондистов.

Народное восстание 31 мая — 2 июня нанесло окончательный удар политическому господству крупной буржуазии. Не только буржуазно-монархическая партия фельянов, но и буржуазно-республиканская партия жирондистов, которая защищала интересы крупных собственников и боялась народного восстания, оказалась неспособной противостоять возглавляемому якобинцами народу. Таким образом, Жиронда была сломлена и власть перешла к якобинцам.

Французская буржуазная революция вступила в новую стадию — стадию своего наивысшего развития. В результате восстания 31 мая — 2 июня 1793 года во Франции была установлена якобинская революционно-демократическая диктатура.

ЯКОБИНСКАЯ ДИКТАТУРА

Якобинцы пришли к власти, можно сказать, в самый критический момент французской революции. Силы европейской коалиции, превосходящие силы французских войск, со всех сторон теснили их, вынуждая к отступлению. В Вандее, Бретани, Нормандии продолжалось восстание, участники которого требовали восстановления монархии. Жирондисты, потерявшие власть в Париже, подняли восстание на юге и юго-западе Франции. Английский флот блокировал все французское побережье, кроме этого, Англия снабжала мятежников деньгами и оружием. Повсюду совершались террористические покушения на революционных деятелей. Так 13 июля 1793 года Шарлоттой Корде был убит «друг народа» — Марат. Стремительно взлетев на пирамиду власти, Марат очень переменялся: жил в необузданной роскоши и с цинизмом относился к горячо лю-

бившему его народу. К его дому со всех сторон стекались посетители, которые выстаивались в бесконечную очередь. Марат принимал их снисходительно и высокомерно, возлегал в ванне с теплой водой. Такого не мог позволить себе ни один из правителей даже во времена существования монархии. В этой ванне он и был заколот кинжалом отважной женщины, которая отомстила ему за поругание идеалов цивилизации, культуры и чести.

Якобинцы постановили спасти республику любой ценой. Для выполнения этой цели они готовы были пойти на все, не останавливаясь ни перед какими моральными принципами и физическими усилиями. Организуя борьбу против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции, буржуазные революционеры-якобинцы опирались на народные массы, искали поддержку среди крестьянства и городского плебейства. Впоследствии они были идеалом для российских революционеров, которые, создавая свое коммунистическое государство по образу и подобию Французской революции, ввергли свою страну в хаос, развязав кровавую братоубийственную войну.

Как только якобинцы пришли к власти, они сразу же с целью привлечения крестьянства на свою сторону занялись выполнением требований сельских жителей. Якобинский Конвент принял 3 июля декрет, который установил льготный порядок продажи конфискованных земель эмигрантов малоимущим крестьянам. Отныне земля продавалась мелкими участками с рассрочкой на 10 лет. Через несколько дней Конвент издал новый декрет, который возвращал крестьянам все отнятые у них общинные земли, а также вводил порядок раздела общинных земель поровну на душу населения, если за это выступала треть жителей общины. И наконец, 17 июля Конвент, осуществляя главное требование крестьянства, принял постановление о полном, окончательном и безвозмездном уничтожении всех феодальных прав, повинностей и поборов. Согласно этому указу, феодальные акты и документы подлежали сожжению, а их хранение наказывалось каторгой.

Впоследствии В.И. Ленин написал, что это была «действительно революционная расправа с отжившим феодализмом...» На самом же деле конфискованы были только земли эмигрантов, а не всех помещиков, и землю получило далеко не все крестьянство, которое к этому

стремилось. Но тем не менее основная часть сельских жителей избавилась от веками существовавшей феодальной зависимости.

Стоит ли говорить, что после этих новых аграрных законов крестьянство решительно перешло на сторону якобинской революционной власти. Отныне крестьяне с охотой шли воевать в республиканскую армию, что позволило намного увеличить численность войск. Отныне крестьяне, которые воевали за свои кровные интересы, проявляли на войне мужество и отвагу, что повлияло на ход всей войны.

С революционной решительностью и быстротой якобинский Конвент принял и представил на утверждение народа новую конституцию. Эта якобинская конституция 1793 года была большим шагом по сравнению с конституцией 1791 года на пути демократического общества. В то время она была самой демократической из всех буржуазных конституций XVIII и даже XIX веков. В ней нашли отражение идеи Жана Жака Руссо, которыми увлекались якобинцы.

Согласно конституции 1793 года во Франции был установлен республиканский строй правления. Отныне высшая законодательная власть принадлежала Законодательному собранию, которое избиралось всеми гражданами (мужчинами), достигшими 21 года. Кроме этого, важнейшие законопроекты подлежали утверждению народом на первичных собраниях избирателей. Высшая исполнительная власть отныне представлялась Исполнительному совету, в состав которого входили 24 человека. Половина членов этого Совета обязана была ежегодно обновляться. Принятая Конвентом новая Декларация прав человека и гражданина объявляла правами человека свободу, равенство, безопасность и собственность, а целью развития общества провозглашала «всеобщее счастье». В конституции 1793 года были заложены такие демократические принципы, как свобода личности, вероисповедания, печати, подачи петиций, законодательной инициативы, право на образование, на общественную помощь в случае нетрудоспособности, право на сопротивление угнетению.

Конституция эта была представлена на утверждение народа, которое происходило на первичных собраниях избирателей. Она была одобрена подавляющим большинством голосов.

Но как это происходит очень часто, благие идеи, высказываемые правителями, не находят своего реального осуществления. Так оказалось и на этот раз. Очень скоро якобинцы отказались от практического осуществления положений конституции 1793 года. Вся деятельность их отныне была направлена на подавление напряженности внешнего и внутреннего положения республики, которая сражалась с многочисленными врагами, на организацию и вооружение армии, на мобилизацию армии, на мобилизацию народа, на подавление контрреволюционных заговоров, на централизацию власти, концентрацию ее в одних руках.

Еще в июле месяце Конвент обновил созданный ранее Комитет общественного спасения. Был отстранен Дантон, который играл до этого руководящую роль в Комитете, но все более склонялся к примирению с жирондистами. В состав этого Комитета в разное время были выбраны Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон. Все они обнаруживали непреклонную волю к подавлению контрреволюции, были полны решимости удержать захваченную ими власть. Следует отметить, что в создании революционных сил республики принимал участие избранный в Комитет известный математик и инженер Карно. Фактическим руководителем Комитета общественного спасения стал Робеспьер. Это был человек, воспитанный на идеях Руссо, твердой воли и проницательного ума. Он, как никто другой, подходил на роль тирана. Повсюду распространялся миф о его чертах характера: говорилось, что этот человек, якобы, далек от всяких личных ко-

Максимilien Робеспьер.
Портрет работы неизвестного художника.

рыстей и расчетов, а поэтому его называли «Неподкупный». Он приобрел огромный авторитет и влияние и вскоре стал вождем революционного правительства. Подотчетный Конвенту Комитет общественного спасения превратился под руководством Робеспьера в главный орган якобинской диктатуры. Отныне ему подчинялись все государственные учреждения и даже армия, кроме того, ему принадлежало руководство внутренней и внешней политикой, делом обороны страны. Сохранил свою роль также и реорганизованный Комитет общественной безопасности, на который отныне возлагалась задача по ведению борьбы с внутренней контрреволюцией.

Конвент и Комитет общественного спасения осуществляли свою власть при посредстве комиссаров, которые набирались из числа депутатов Конвента. Они направлялись на места с чрезвычайно широкими полномочиями для подавления контрреволюции и реализации мероприятий правительства. Комиссары Конвента назначались и в армию, где они проводили работу по снабжению войск, контролировали деятельность командного состава, расправлялись с изменниками, руководили революционной агитацией.

Также большое значение в системе революционно-демократической диктатуры имели местные революционные комитеты. Они следили за выполнением директив Комитета общественного спасения, вели борьбу с контрреволюционными выступлениями, помогали комиссарам Конвента в осуществлении стоявших перед ними задач.

Сохранил большое влияние в эти времена и якобинский клуб с его разветвленной сетью отделений — провинциальными клубами и народными обществами. Большим влиянием продолжала пользоваться Парижская коммуна и комитеты 48 секций Парижа.

Таким образом, якобинцам удалось направить мощное движение народных масс на осуществление поставленных перед собой задач и якобинская диктатура получила свое логическое завершение.

Летом 1793 года значительно обострилось продовольственное положение внутри страны. Городские низы испытывали сильную нужду. Представители плебейства, в первую очередь «бешеные», выступали с критикой политики якобинского правительства, а так-

же конституции 1793 года. Они считали, что она не обеспечивает интересов бедноты.

«Свобода, — говорил Жак Ру, — пустой призрак, когда один класс может безнаказанно изнурять другой класс голодом.» «Бешеные» требовали введения «всеобщего максимума», а также смертной казни для спекулянтов и усиления революционного террора.

Якобинцы ответили на выступления «бешеных» репрессиями. В начале сентября Жак Ру и другие проводители «бешеных» были арестованы. Но плебейство оставалось важнейшей боевой силой революции, а поэтому 4 — 5 сентября в Париже произошли крупные уличные выступления. Главными требованиями народа, в том числе рабочих, которые принимали активное участие в этих выступлениях, были: «всеобщий максимум», революционный террор и помощь бедноте. Якобинцы, которые стремились сохранить союз не только с крестьянством, но и с городским плебейством, пошли навстречу требованиям санкюлотов: 5 сентября было принято постановление об организации особой «революционной армии» для «приведения в исполнение всюду, где это понадобится, революционных законов и мер общественного спасения, декретированных Конвентом». В задачи революционной армии вменялось, в частности, содействовать снабжению Парижа продовольствием и бороться со спекуляцией и укрывательством товаров.

29 сентября Конвент принял декрет об установлении твердых цен на основные продукты питания и предметы потребления — так называемый «всеобщий максимум». Для снабжения Парижа, прочих городов, и армии продовольствием с осени 1793 года стали широко практиковаться реквизиции зерна и других продовольственных товаров. В конце октября была создана Центральная продовольственная комиссия, которая ведала делом снабжения и осуществляла контроль за проведением «максимума». Реквизицию хлеба в деревнях вместе с местными властями проводили отряды «Революционной армии», которые состояли из парижских санкюлотов. С целью упорядочения снабжения населения хлебом по твердым ценам и прочими необходимыми продуктами питания в Париже и многих других городах были введены карточки на хлеб, мясо, сахар, масло, соль и мыло. Специальным постановлением Конвента разрешалось выпекать и продавать хлеб лишь

одного сорта — «хлеб равенства». Отныне за спекуляцию и укрытие продовольствия устанавливалась смертная казнь.

Кроме этого, Конвент под давлением народных низов решил «поставить террор в порядок дня». Уже 17 сентября был принят закон о «подозрительных», который расширял права революционных органов в борьбе против контрреволюционных элементов.

Вскоре были преданы суду Революционного трибунала и казнены бывшая королева Мария-Антуанетта и многочисленные представители дворянской аристократии, в том числе некоторые жирондисты. В самых невообразимых формах революционный террор стали применять и комиссары Конвента для подавления контрреволюционного движения в провинциальных городах и департаментах, особенно там, где произошли контрреволюционные восстания. Революционный террор стал распространяться по всей стране. Повсюду казнили тысячи и тысячи человек, реки крови залили Францию. Вся Европа с ужасом наблюдала за происходящим внутри этой страны.

Революционный террор был направлен не только против политической, но и против экономической контрреволюции. Он широко применялся в отношении спекулянтов, скупщиков и всех тех, кто, нарушая закон о «максимуме» и дезорганизуя снабжение городов и армии продовольствием, играл тем самым на руку врагам революции и интервентам. Вскоре казнимых людей стало так много, что не хватало пороха и пуль на приведение революционных приговоров в исполнение. Именно в годы Французской революции было изобретено страшное орудие смерти — гильотина, конструкция которой была предложена французским врачом Гильотеном. С историей ее создания связан один казус. Дело в том, что тяжелый нож, который, двигаясь по параллельным направляющим, отрубал голову осужденного, первоначально имел лезвие строго перпендикулярное направляющим. Именно вследствие этого несовершенства конструкции чудовищное приспособление часто заклинивало от перекоса ножа. Усовершенствование гильотины принадлежит Людовику XVI. Он предложил сделать нож, лезвие которого располагалось бы под углом к направляющим. По злой иронии судьбы впервые опробовали усовершенствованную кон-

струкцию на самом «рационализаторе» — на этой гильотине была отрублена голова самому королю.

Об ужасающем по своим размерам терроре впоследствии написал русский писатель А.И. Герцен: «Террор 93 г. был величествен и в своей мрачной беспощадности... Конвент завесил на время статую Свободы и поставил гильотину стражей «прав человеческих». Европа с ужасом смотрела на этот вулкан и отступала перед его дикой всемогущей энергией...»

Практически ни одно государство Европы не пожелало остаться в стороне, безмолвно наблюдая за всем этим ужасом, который происходил во Франции. Почти все государства выступили на борьбу против французской революции. Якобинское правительство вынуждено было мобилизовать все силы народа, все ресурсы республики для достижения собственной победы.

23 августа 1793

года Конвент принял декрет, в котором говорилось: «С настоящего момента и до тех пор, пока враги не будут изгнаны за пределы территории республики, все французы объявляются в состоянии полной мобилизации». Это привело к тому, что за короткий срок в армию влилось новое пополнение в составе 420 тысяч солдат. К началу 1794 года в революционной армии под ружьем находилось уже свыше 600 тысяч солдат. Такой огромной армии не имела ни одна страна Европы, и даже ее объединенные силы не могли выставить подобного количества бойцов.

Кроме этого, якобинцами была осуществлена реорганизация армии. Части прежней регулярной армии

Гильотина.
Офорт конца XVIII в.

слились с отрядами добровольцев и призывниками, в результате этого возникла новая республиканская армия.

Революционное правительство принимало чрезвычайные меры, чтобы снабдить быстро возрастающие контингенты войск всем необходимым. Особым декретом Конвента сапожники были мобилизованы на изготовление обуви для армии. Под наблюдением правительственных комиссаров в частных мастерских было налажено шитье мундиров. Десятки тысяч женщин принимали участие в пошиве одежды для солдат. Комиссары Конвента для снабжения армии не останавливались ни перед чем. Сен-Жюст в Страсбурге дал такое предписание местному муниципалитету: «Десять тысяч солдат ходят босиком; разуйте всех аристократов Страсбурга и завтра в 10 часов утра десять тысяч пар сапог должны быть доставлены в главную квартиру».

Все мастерские, в которых можно было наладить производство оружия и боеприпасов, работали исключительно на оборону, создавалось, кроме этого, много новых мастерских. Так в одном Париже под открытым небом работало 258 кузниц. Даже в помещениях бывших монастырей устраивались оружейные мастерские. Некоторые церкви и дома эмигрантов были приспособлены для очистки селитры, выработка которой возросла почти в 10 раз. Под Парижем, на Гренельском поле, в самые короткие сроки был создан пороховой завод. Благодаря усилиям рабочих производство пороха на заводе поднялось до 30 тысяч фунтов в день, кроме этого, в Париже изготавливалось ежедневно до 700 ружей. Рабочие военных заводов и мастерских трудились день и ночь с необычайным энтузиазмом. Они, по крылатому выражению того времени, «ковали молнии против тиранов».

Главой военного министерства стал полковник Бушотт. Он совершенно обновил аппарат своего ведомства и привлек туда на работу видных деятелей революционных секций Парижа. Комитет общественного спасения уделял большое внимание укреплению командного состава армии. Комиссары Конвента очищали армию от контрреволюционных элементов и выдвигали на руководящие посты революционную молодежь. Армии республики возглавлялись молодыми людьми, вышедшими из народа. Так бывший конюх Лазар Гош, который начал свою службу обыкновенным солдатом, уча-

ствовал во взятии Бастилии, уже в 25 лет стал дивизионным генералом и командующим армией. Кажется, этот человек обладает неисчерпаемой энергией. Он говорил: «Если меч короток — нужно только сделать лишний шаг». А генерал Морсо, который погиб в 27 лет и за свою храбрость был назван в приказе Комитета общественного спасения «львом Французской революции», начинал свою взрослую жизнь обыкновенным писцом. Сыном каменщика был генерал Клебер, а генерал Ланн — по происхождению крестьянин. Рабочий-ювелир Россиньоль, участник взятия Бастилии, был назначен генералом и командовал армией при подавлении восстания в Вандее. Генералом революционной армии был и Александр Дюма — отец знаменитого писателя. Он и вовсе по происхождению был мулатом. Один этот факт сделал бы невозможным для него столь блестящую военную карьеру в прежние времена.

Огромное количество войск позволило создать революционную армию, которая состояла из отдельных мобильных соединений, какие могли легко перебраться на различные направления. Общий характер новой тактики определил ученый Карно: «Нужно атаковать внезапно, стремительно, не оглядываясь назад, нужно ослеплять, как молния, и молниеносно бить».

Народ с воодушевлением сражался на фронтах. Рядом с мужчинами дрались женщины и подростки. Так девятнадцатилетняя Роза Баро, которая называла себя Свободой Баро, после того как ее муж был ранен, взяла

Республиканский плакат.

патроны из его патронташа и приняла участие в бою. Таких примеров было множество.

Якобинцы с присущей им энергией властно вмешивались и в решения вопросов народного образования, науки и искусства. 1 августа 1793 года Конвент принял декрет о введении на территории Франции новой системы мер и весов — метрической системы. Она была разработана и подготовлена французскими учеными и впоследствии была принята не только во Франции, но получила широкое распространение и за ее пределами.

Кроме этого, Конвент отменил старый календарь, основанный на христианском летоисчислении, и ввел новый, революционный календарь, по которому летоисчисление начиналось с 22 сентября 1792 года — со дня провозглашения Французской республики. Даны были новые названия и каждому месяцу в отдельности. Но, в отличие от метрической системы счисления, календарь этот долго не просуществовал.

Революционное правительство требовало от ученых помощи в организации военного производства и в решении задач укрепления собственной власти. Крупнейшие ученые того времени — Бертолле, Монж, Лагранж и многие другие, либо по своему желанию, либо по принуждению участвовали в деле обороны страны. Тем не менее мощный толчок получило металлургическое производство, химическая наука и другие отрасли техники. Инженер Гитон-Морво проводил опыты по применению аэростатов в военных целях, а инженер Шапп разработал оптический телеграф. Все эти новинки тут же находили себе практическое применение: отныне аэростаты применялись для проведения разведки и наблюдения за ходом боев, а сообщения из Лилля в Париж теперь передавались всего за один час.

Понятно, что за годы революции во Франции изменились изобразительное искусство и литература. Живопись и высокая словесность были неостребованы теперь в обществе, а поэтому постепенно приходили в упадок. Зато всячески развивалось и ширилось так называемое народное искусство. Народное творчество нашло свое наиболее полное выражение в революционных боевых песнях, таких как «Карманьола» и

многих других, которые распевались на улицах и площадях.

Композиторы Госсек, Керубини создавали революционные гимны. Художник Давид писал картины на патриотические темы. Театры ставили пьесы революционного содержания, написанные Мари-Жозефом Шенье и другими драматургами, которые служили революции. Художники и композиторы сами принимали участие в организации и оформлении народных революционных празднеств. Таким образом, настоящее искусство стало повсеместно активно заменяться революционным кичем.

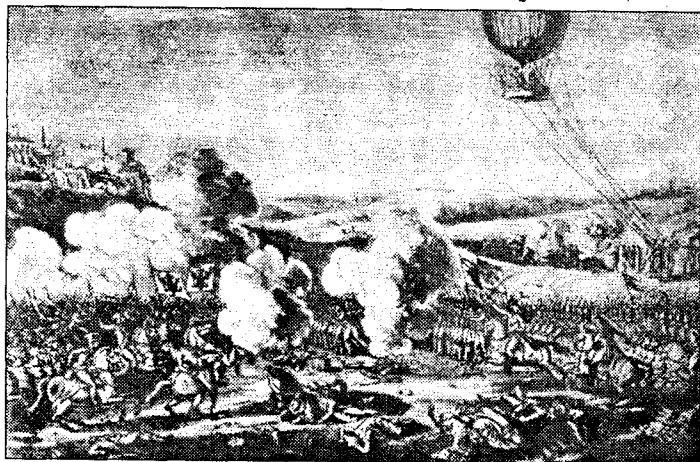
Беспоощадные и невиданные по своей жестокости удары революционного террора не могли не сломить внутреннюю контрреволюцию. Осенью 1793 года был подавлен и жирондистский мятеж на юге, потерпели поражение восставшие в провинции Вандея. В то же время республиканская армия остановила и отбросила назад войска интервентов. В декабре войсками Конвента был взят город Тулон, который являлся крупнейшим военно-морским портом и был ранее захвачен англичанами.

Это привело к тому, что весной 1794 года военное положение значительно улучшилось. Французская армия, перехватив инициативу на фронтах, прочно удерживала свои позиции. Интервенты были изгнаны из пределов Франции, а войска республики повели наступательные бои на территории сопредельных государств.

26 июня 1794 года в ожесточенной битве недалеко от города Флерюса французская армия, которой командовал генерал Журдан, разбила войска коалиции. В этом сражении, следует отметить, французы впервые использовали воздушный шар для наблюдения за ходом битвы. Его появление вызвало смятение в рядах противника. Победа при Флерюсе имела решающее значение. Отныне для французской территории опасности не существовало и военные действия перенеслись в Бельгию, Голландию и в Рейнскую область.

В течение одного года якобинская диктатура выполнила то, чего не удалось добиться за предшествующие четыре года революции: она сокрушила феодализм, разрешила главные задачи буржуазной революции, а также сломала сопротивление ее внутренних и внешних

врагов. Но для достижения этих целей французский народ заплатил слишком дорогую цену. Революция смогла решить поставленные задачи, лишь опираясь на широчайшие массы, переняв от народа плебейские методы борьбы и действуя ими против всех врагов. Поэтому в период якобинской диктатуры Французская буржуазная революция выступала как революция на-

Сражение при Флерюсе.
Гравюра конца XVIII в.

родная. Она наглядно показала всему миру, к чему может привести народная диктатура. Жаль только, что уроки эти, преподнесенные историей, в самом скором времени были забыты.

Период подъема якобинской диктатуры был непродолжительным. Дело в том, что в самой основе якобинской диктатуры, как и в их политике, скрывались глубокие внутренние противоречия. Якобинцы боролись во имя полного торжества свободы, демократии, равенства методами, которые для достижения этих целей являются недопустимыми. Они буквально сокрушали и выкорчевывали феодализм, выметали, по выражению Карла Маркса, «исполинской метлой» весь старый, средневековый, феодальный мусор и всех тех, кто пытался его сохранить. Этим якобинцы расчищали почву для развития буржуазных, капиталистических отношений. Именно в это время были пролиты целые реки крови.

Страна жила в состоянии жестокой диктатуры, которая подвергала строгой государственной регламентации продажу и распределение продуктов и других товаров, отправляла на гильотину всех, кто был не согласен с политикой якобинцев и нарушал законы о «максимуме». Даже В.И. Ленин замечал, что «...французским мелким буржуа, самым ярким и самым искренним революционером, было еще извинительно стремление победить спекулянта казнями отдельных, немногих «избранных» и громами деклараций...» Следует отметить, что русские коммунисты внимательно изучили все уроки французской буржуазной революции и попытались исправить «ошибки», допущенные якобинцами. Они казнили не только «избранных», а готовы были убивать каждого, кто не только говорил, но и думал иначе, чем они.

Поскольку государственное вмешательство осуществлялось только в сфере распределения и не затрагивало сферу производства, вся репрессивная политика якобинского правительства и все его усилия в области государственной регламентации способствовали росту экономической мощи буржуазии. За годы революции эта экономическая мощь значительно возросла в результате ликвидации феодального землевладения и продажи национальных имуществ. Война, которая нарушила обычные экономические связи и предъявляла огромные требования ко всем областям хозяйственной жизни, также создавала, вопреки ограничительным мероприятиям якобинцев, благоприятные условия для развития производства. В эти годы росла новая буржуазия, освобожденная от феодальных оков, предприимчивая и дерзкая. Политика репрессий якобинского правительства не могла ни остановить, ни даже ослабить этот процесс. Рискуя сложить головы на плахе, все эти выросшие за годы революции люди, которые были поглощены возможностью в кратчайший срок создать огромное состояние, умели обходить законы о «максимуме», запреты спекуляции и другие ограничительные меры революционного правительства.

Пока исход борьбы с внешней и внутренней контрреволюцией не был решен, новые собственники вынуждены были мириться с революционным режимом. Но по мере того, как благодаря победам республиканских армий опасность феодальной реставрации осла-

бевала, буржуазия все решительней стремилась избавиться от революционно-демократической диктатуры.

Также росло благосостояние среднего крестьянства, которое поддерживало якобинцев лишь до первых решающих побед. Как и буржуазия, они враждебно относились к политике «максимума», добились отмены твердых цен, стремились немедленно и полностью, без всяких ограничений, запретов и реквизиций воспользоваться приобретенным за годы революции.

Якобинцы же, несмотря на все это, продолжали проводить свою политику террора и «максимума». В начале 1794 года они сделали попытку осуществить новые социально-экономические мероприятия в ущерб крупным собственникам. Так 8 и 13 вантоза (конец февраля — начало марта) Конвент по докладу Сен-Жюста принял важные декреты, которые имели большое принципиальное значение для якобинцев. Согласно им так называемым вантозским декретам, собственность лиц, признанных врагами революции, подлежала конфискации и бесплатному распределению среди неимущих. Врагами же революции в это время считались уже не только бывшие аристократы, но и многочисленные представители как старой, фельянской и жирондистской, так и новой буржуазии, которую называли спекулянтами за то, что они часто нарушали закон о «максимуме». В вантозских декретах отразились уравнивательные стремления якобинцев — учеников и последователей Жана Жака Руссо. Само собой, что этим декретам воспротивились многочисленные собственники, которые появились в стране за годы революции.

В то же время внутренняя противоречивость политики якобинцев привела к тому, что росло недовольство и в рядах плебейских защитников революции. Дело в том, что якобинцы не сумели обеспечить условий для действительного улучшения материального положения плебейства. Установив под давлением народных масс «максимум» на продукты питания, якобинцы распространили его и на заработную плату рабочих, причинив тем самым большой вред себе; они оставили в силе рабочий закон Ле Шапелье. Все это привело к тому, что наемные рабочие, которые трудились на оборону республики и принимали активное участие в политической жизни в низовых органах революционно-демократической диктатуры (революционных комитетах,

революционных клубах и народных обществах), также становились все более недовольными политикой якобинцев.

Не удовлетворила якобинская диктатура и желаний деревенской бедноты. Распродажа национальных имуществ была на руку зажиточной верхушке крестьянства, которая скупила большую часть земли, что привело к безостановочному усилению дифференциации крестьянства. Беднота добивалась ограничения размеров ферм, владений зажиточных крестьян, изъятия у них земли и раздела ее между бедняками. Но якобинцы не решились поддержать их требования. Местные органы власти все чаще становились на сторону богатых крестьян в их конфликтах с сельскохозяйственными рабочими. Это вызвало среди малоимущих слоев населения деревни недовольство якобинской политикой.

В связи с тем что в стране обострились социальные противоречия, начался кризис революционной диктатуры, в рядах самих якобинцев наметился раскол. Осенью 1793 года среди них стали формироваться две оппозиционные группировки. Первая из них образовалась вокруг Дантона. Он был одним из влиятельных вождей революции и пользовался в одно время такой же огромной популярностью в народе, как Робеспьер и Марат, но впоследствии Дантон, понимая всю чудовищность политики террора, постепенно стал склоняться к союзу с жирондистами.

Это дало Марксу возможность утверждать: «несмотря на то, что он находился на вершине Горы... до известной степени был вождем Болота» (Гора — так называли якобинцев). Вскоре Дантон вынужден был уйти из Комитета общественного спасения и на некоторое время вовсе удалился от дел. Но даже оставаясь в тени, он являлся тем притягательным центром, вокруг которого объединялись видные деятели Конвента и якобинского клуба — Камилл Демулен, Фабр д'Эглантин и другие. Все это были люди, прямо или косвенно связанные с быстро растущей новой буржуазией.

Таким образом, вскоре определилась группировка дантонистов, они стали правым крылом якобинцев, которое представляло разбогатевшую на революции новую буржуазию. Они издавали газету «Старый кордель-

ер», редактором которой был Демулен. В своих статьях дантонисты выступали сторонниками умеренной политики, прекращения террора, восстановления в стране законности.

Дантонисты требовали иногда более, иногда менее откровенно ликвидации революционно-демократической диктатуры. Во внешней политике они выступали за соглашение с Англией и другими участниками контрреволюционной коалиции, для того, чтобы любой ценой и как можно скорее добиться мира, столь необходимого истощенной войной, разрухой и революцией Францией.

Следует отметить, что Комитет общественного спасения, возглавляемый Робеспьером и робеспьеровцами, встречал оппозицию не только справа, но и слева. Это недовольство отражали Парижская коммуна и секции. Они искали пути к смягчению нужды бедного населения и требовали далее проводить политику суровых репрессий против спекулянтов, нарушителей закона по «максимуму» и т.п. В отличие от дантонистов, левое крыло не имело никакой определенной программы, их требования были спонтанными и непродуманными.

После разгрома «бешеных» наиболее влиятельной группировкой в Париже стали сторонники Шометта и Эбера — левые якобинцы, которых впоследствии стали называть *эберистами*. В какой-то мере их можно считать приемниками «бешеных». Степень сплоченности и однородности эберистов была невелика. Эбер, (1757 — 1794 гг.) который, следует отметить, до революции был билетером в театре выдвинулся как один из активных деятелей клуба кордельеров. Осенью 1793 г., когда Шометт стал прокурором Коммуны, Эбера назначили его заместителем. Он оказался довольно способным журналистом и вскоре приобрел известность своей газетой «Отец Дюшен», которая была рассчитана на простых людей и пользовалась популярностью в народных кварталах Парижа.

Между эберистами, влияние которых было весьма сильным в парижской Коммуне, и робеспьеровцами осенью 1794 г. обнаружилось серьезное расхождение по вопросам религиозной политики. В некоторых провинциях и даже в самом Париже эберисты стали проводить политику «дехристианизации». Она сопровождалась закрытием церквей и принуждением духовенства

отрекаться от сана. Эти действия, которые осуществлялись главным образом административными мерами, натолкнулись на резкое сопротивление народа и особенно крестьянства. Робеспьер вынужден был осудить насильственную «дехристианизацию» и прекратить практику ее проведения. Но борьба между эберистами и робеспьеровцами продолжалась.

Весной 1794 г. в связи с ухудшением продовольственного положения в Париже эберисты стали усиленно критиковать деятельность Комитета общественного спасения. Руководил ими клуб кордельеров. Он намеревался вызвать новое народное движение, которое должно было быть направлено против Комитета. Однако Эбер и его сторонники оказались арестованы. Их осудил Революционный Трибунал, и 24 марта они были казнены.

Жестокие репрессии, развязанные якобинцами привели к тому, что они стали убивать друг друга. Уже спустя неделю правительство нанесло удар и по дантонистам. 2 апреля Дантон, Демулен и другие были преданы Революционному трибуналу и 5 апреля их гильотинировали.

Революционное правительство шло к неминуемому самораспаду. Уже ничто не могло остановить внутренние репрессии, когда соратники стали убивать друг друга. Вскоре был удален из военного министерства и арестован Бушотт. Несмотря на то, что Шометт не поддерживал призыв Эбера к восстанию, его также схватили и отрубили ему голову. Из Парижской коммуны, революционной полиции изгнали всех, кого подозревали в симпатиях к эберистам. Чтобы урезать самостоятельность Парижской коммуны, во главе ее поставили «национального агента», назначенного правительством. Все эти мероприятия вызвали широкое недовольство в столице. Таким образом от робеспьеровцев отвернулась часть сил, которая ранее поддерживала якобинскую диктатуру.

Внешне положение революционного правительства упрочилось. Прекратились оппозиции диктатуре. Но это внешнее впечатление силы и прочности якобинской диктатуры отныне было обманчивым.

На самом деле якобинская диктатура переживала острый кризис. Якобинцы стали встречать все возрастающую враждебность со стороны городской и сель-

ской буржуазии, а террор, развязанный в ее рядах, отвернул от нее какую-то часть народа, преданную ей ранее.

Робеспьер и его сторонники — руководители революционного правительства — пытались укрепить якобинскую диктатуру путем установления новой государственной религии — культа «верховного существа». Эта идея была заимствована у Руссо. 8 июня 1784 г. в Париже состоялось посвященное «верховному существу» торжественное празднество, во время которого сам Робеспьер выступил в роли первосвященника. Это мероприятие лишь повредило престижу революционного правительства и самого Робеспьера лично.

10 июня 1794 г. Конвент по настоянию Робеспьера принял новый закон, который значительно усиливал террор. В течение шести недель после издания этого закона Революционный трибунал ежедневно выносил до пятидесяти смертных приговоров. Так люди, которые прикрывались высокими словами о добре и справедливости, окончательно превратились в кровавых палачей. В это время, как уже говорилось выше, произошло сражение при Флерюсе с прусской армией и объединенными войсками коалиции. Войска интервентов были разгромлены, и эта победа укрепила намерения широких слоев буржуазии, крестьян-собственников, которые были недовольны усилением террора — что не удивительно! — избавиться от тяготившего их режима революционно-демократической диктатуры.

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 9 ТЕРМИДОРА

Дантонисты, а также близкие к ним депутаты Конвента и люди, разделяющие взгляды эберистов, вступили в тайную связь друг с другом с целью устранения Робеспьера и других руководителей Комитета общественного спасения. Так к июлю 1794 г. в глубоком подполье возник новый заговор против революционного правительства. Главными его организаторами были бывший комиссар Бордо Тальен, Фрерон, бывший аристократ Баррас, Фуше. В заговоре приняли участие многие члены Конвента и даже некоторые члены

Комитета общественного спасения (Колло д'Эрбуа и Билло-Варенн), а также члены Комитета общественной безопасности. Все это были люди, не равнодушные к судьбе собственного государства, которое постепенно подталкивалось в сторону пропасти находящимися в плену жестокости правителями.

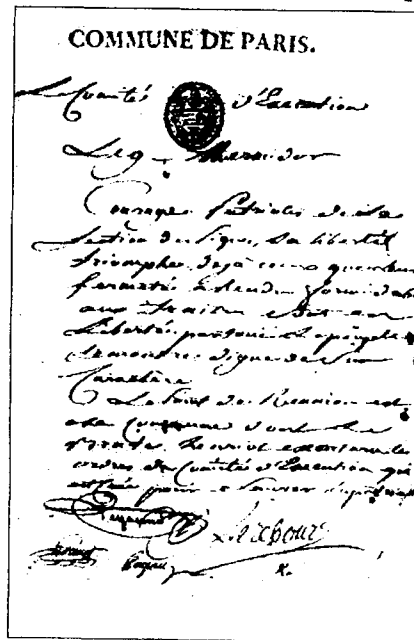
Заговор с самого начала носил откровенный контрреволюционный характер.

Несмотря на то, что Робеспьер и другие руководители революционного правительства догадывались о подготовке переворота, они уже не имели сил его предотвратить.

Так 27 июля 1794 года (9 термидора II года по революционному календарю) заговорщики выступили на заседании Конвента против Робеспьера. Не дали ему говорить и потребовали его ареста. Робеспьер был тут же арестован, а также его младший брат Огюстен и ближайшие единомышленники — Сен-Жюст, Кутон и Леба.

На защиту Робеспьера и правительства поднялась Парижская коммуна. По ее распоряжению арестованные были освобождены и доставлены в ратушу. Коммуна провозгласила восстание против контрреволюционного большинства Конвента и обратилась к парижским секциям с призывом прислать в ее распоряжение вооруженные силы. Конвент со своей стороны объявил вне закона арестованных лиц, а также обратился к секциям с требованием оказать помощь Конвенту в подавлении мятежа.

Половина парижских секций и прежде всего цен-

Воззвание Коммуны Парижа от 9 термидора.

тральные секции, населенные интеллигенцией и буржуазией, стали на сторону Конвента. Другие секции заняли нейтральную позицию или раскололись. Плебейские же секции присоединились к движению против Конвента.

Коммуна была в нерешительности, не предприняла активных действий против Конвента. Вооруженные отряды, которые собрались на площади перед ратушей по призыву Коммуны, постепенно стали расходиться. В 2 часа ночи вооруженные силы Конвента почти беспрепятственно достигли ратуши и ворвались в нее. Вместе с членами Коммуны были вновь арестованы Робеспьер и его соратники.

28 июля (10 термидора) руководители якобинского правительства и Коммуны, объявленные вне закона, были без суда гильотинированы. В следующие два дня продолжались казни приверженцев революционного правительства.

Переворот 9 термидора низверг революционно-демократическую диктатуру и фактически положил конец революции.

Французская буржуазная революция конца XVIII в. имела крупнейшее историческое значение. Оно заключалось прежде всего в том, что революция эта покончила с феодализмом и абсолютизмом так решительно, как никакая другая буржуазная революция. Несмотря на то что революцию возглавила буржуазия, она наглядно показала всему миру, на что способен вооруженный народ, особенно когда его руководителями становятся беспринципные люди со своими болезненными неудовлетворенными амбициями. Главной движущей силой французской революции были народные массы — крестьянство и городское плебейство, она являлась народной революцией. Решающее участие народных масс придало революции ту широту и размах, которыми она отличалась от других буржуазных революций. Французская революция конца XVIII в. осталась классическим образцом наиболее завершенной буржуазной демократической революции.

Французская буржуазная революция предопределила развитие по капиталистическому пути не только самой Франции, но и ускорила развитие буржуазных отношений в других европейских странах. Под ее влиянием возникло буржуазное революционное движение и в Латинской Америке.

ГЛАВА 2

ФРАНЦИЯ В ПЕРИОД ТЕРМИДОРИАНСКОЙ РЕАКЦИИ

С крушением якобинской диктатуры в страну так и не пришло спокойствие, началась реакция, которую возглавляла крупная буржуазия, пришедшая к власти. Ведущую роль в ее рядах играли «новые богачи», которые нажили свое состояние за годы революции. Люди, которые постоянно опасались за свою жизнь в годы якобинской диктатуры, теперь спешили закрепить власть за собой.

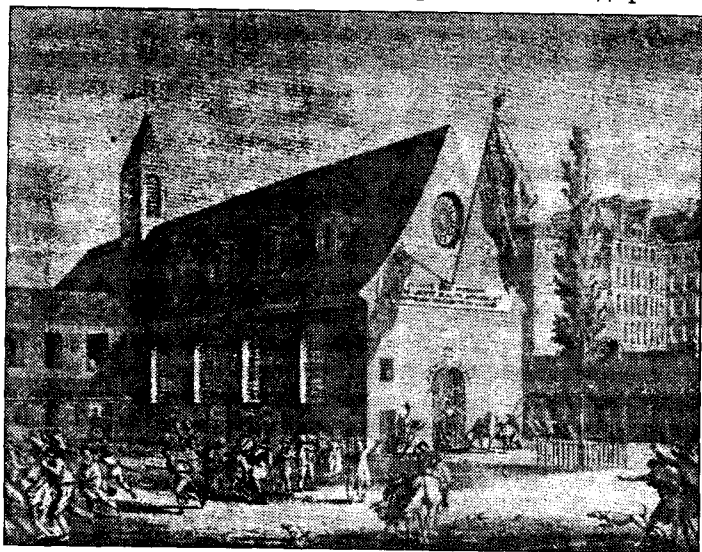
Термидорианцы разгромили аппарат революционно-демократической революции, лишив Комитет общественного спасения его прежних полномочий и функций, а также изменив его состав. Вместе с Парижской коммуной была ликвидирована и опора революционного правительства — народные общества и революционные комитеты. Простых людей, которые и так играли небольшую роль в революционных органах, окончательно отстранили от участия в политической жизни.

Были высвобождены из тюрем заключенные по политическим мотивам. Они снова получили доступ к политической деятельности. В декабре 1794 г. вышли

из тюрем и вернулись в Конвент уцелевшие жирондистские депутаты.

Одновременно усиливались репрессии против самих якобинцев. На улицах Парижа хозяйничала молодежь, которая разгромила помещения якобинского клуба, закрытого в ноябре 1794 г. по настоянию Конвента.

Термидорианцы спешным порядком ликвидировали

Закрытие якобинского клуба.
Гравюра К.М.Малапо по рисунку Ж.Дюлесси-Берто.

социально-экономическое законодательство якобинского Конвента. Отныне все ограничения, введенные против так называемой спекуляции, были отменены. Хотя государственное нормирование цен в течение некоторого времени формально все еще сохранялось, но на практике оно стало отходить в прошлое. В декабре 1794 г. был официально отменен закон о «максимуме». Вследствие восстановления свободы в торговле получили толчок к своему развитию нормальные экономические отношения в стране. Правда, как это часто происходит в период перемен, не обходилось без крайностей. Так, рабочие, мелкие ремесленники, городская, сельская беднота на какое-то время стали жертвой произвола торговцев, которые сразу же взвинтили цены на продукты.

Спекуляция, биржевой ажиотаж, махинации, связанные с падением денежного курса, получили небывалый размах. Количество выпущенных ассигнатов выросло с 8 млрд. ливров в 1794 до 20 млрд. к октябрю 1795 г. Курс ассигнатов стремительно падал. В июле 1794 г. за ассигнат в 10 ливров платили 34 ливра, в ноябре он стоил 24 ливра, в марте 1795 г. — 146,

Ассигнаты.

а в апреле того же года — только 8 ливров. Соответственно возросли цены на товары, в первую очередь на предметы широкого потребления. Покупка и перепродажа продолжали служить источником быстрого обогащения. Казнокрадство, взяточничество стали повсеместным явлением. Страна была ввергнута в хаос «дикого капитализма».

Доведенные до отчаяния жестокой нуждой и возмущенные реакционной политикой термидорианских правителей, весной 1795 г. трудящиеся Парижа дважды поднимали восстание. 12 жерминаля (1 апреля) население рабочих кварталов вышло на улицы с оружием в руках. Демонстранты заставили термидорианский Конвент выслушать их главные требования: «Хлеб! Конституцию 1793 года! Освобождение патриотов!» Но, лишенные руководства и четкого плана действий, они не сумели удержать свой первоначальный успех. Тер-

мидорианское правительство сосредоточило в Париже крупные вооруженные силы, и уже на следующий день восстание было подавлено.

Примерно через два месяца, 1 прериаля (20 мая), народные массы Парижа снова восстали. К этому времени положение рабочих и бедноты столицы стало еще хуже. С апреля по май цены на хлеб возросли в 2 — 2,5 раза. Такое крайне бедственное положение плебейских масс придало восстанию в прериае широкий размах и большую силу. На сторону восставшего народа перешло несколько батальонов национальной гвардии, а поэтому восставшим удалось захватить здание Конвента. Но и на этот раз восстание потерпело неудачу. 4 прериаля после ожесточенной борьбы восстание было подавлено вооруженными силами, которые оставались верными Конвенту.

После этого термидорианцы жестоко расправились с восставшими. Рабочее население парижских предместий было обезоружено, несколько тысяч человек арестованы, а затем осуждены и сосланы. «Последние монтаньяры», депутаты-якобинцы Ромм, Гужон, Субрани и трое других, которые поддерживали восстание, были приговорены к гильотине. Но они сами покончили с собой одним кинжалом, который умирающий передавал своему товарищу.

По плебейским массам, главному оплоту якобинской диктатуры, были нанесены сокрушительные удары. В южных департаментах, где было особенно сильно влияние жирондистов и роялистов, начался белый террор. Вооруженные люди нападали на тюрьмы, убивали заключенных в них якобинцев, топили их в реках. Массовые убийства заключенных были совершены в Лионе, Эксе, Марселе и других городах. В Тарасконе всех узников, которые находились в крепости, утопили в Роне. Несмотря на то, что революция пошла на спад, призыв ее все еще гулял по стране.

Дворяне-эмигранты были уверены, что теперь все подготовлено для восстановления в стране монархии Бурбонов. После того как умер в 1795 году сын казненного короля, который эмигрантами именовался Людовиком XVII, роялисты объявили брата Людовика XVI — графа Прованского — королем под именем Людовика XVIII.

Летом 1795 года в Бретани на Киберонском полу-

острове английские корабли высадили крупный десант эмигрантов. Роялисты рассчитывали на быстрый и легкий успех, однако буржуазия не хотела восстановления монархии и была готова на то, чтобы сохранить все материальные и политические выгоды, которые приобрела за годы революции, а поэтому она стремилась удержать власть в своих руках и не допустить реставрации феодально-абсолютистских порядков. Войска эмигрантов потерпели поражение. Многие эмигранты попали в плен и были расстреляны.

Следует отметить, что решающая победа над войсками коалиции, которая была одержана за месяц до крушения якобинской диктатуры, была лишь началом последующих крупных успехов французских армий. К концу 1794 и началу 1795 годов французы заняли Бельгию и Голландию, а также весь левый берег Рейна от моря до Альп.

Антифранцузская коалиция европейских монархий была непрочной, раздираемая внутренними противоречиями, она распалась под ударами французских войск. Из крупных европейских держав первой прекратила борьбу Пруссия. 5 апреля 1795 года в Базеле был подписан мирный договор между Францией и Пруссией, в силу которого последняя признавала переход левого берега Рейна к Франции. В мае того же года был заключен мир между Францией и Голландией. Согласно этому мирному договору, Голландия была обязана принять участие в войне против Англии на стороне Франции. В июле 1795 года и Испания подписала мир с Францией.

Другие государства, которые входили в антифранцузскую коалицию, продолжали свою борьбу. Англия становилась все более непримиримой, так как она опасалась побед Франции и усиления ее в Западной Европе. Не сложила руки и Австрия, которую поддерживали мелкие германские и итальянские государства.

Термидорианская крупная буржуазия была вынуждена подавлять выступления народных масс и в то же время сражаться с роялистами. Но несмотря на эти трудности она стремилась и юридически оформить свое политическое господство. В августе 1795 года термидорианский Конвент принял новую конституцию. Она

получила название конституция III года (по республиканскому календарю). Конституция эта сохраняла одно из главных положений конституции 1793 года — всеобщее избирательное право. По новой конституции избирательным правом могли пользоваться лишь мужчины, которые платили подушную или поземельную подать. Законодательная власть предоставлялась двум палатам: Совету пятисот и Совету старейшин. Исполнительная власть переходила к Директории в составе пяти директоров.

Термидорианский Конвент стремился ликвидировать завоевания якобинской диктатуры, но он пытался предотвратить также и феодальную реставрацию. Буржуазия и имущее крестьянство больше всего опасались за судьбу приобретенных ими «национальных имуществ», а также эмигрантских и церковных земель, которых они лишились бы в случае восстановления монархии. Кроме этого, термидорианцы, члены Конвента, которые проголосовали в прошлом за казнь короля Людовика XVI, понимали, что им этого монархисты не простят, поэтому термидорианский Конвент был вынужден принять меры против возможного прихода монархистов к власти. Вслед за провозглашением конституции он утвердил декреты, согласно которым две трети состава новых законодательных органов должны были состоять из бывших членов Конвента.

Роялисты надеялись на то, что они получат на выборах большинство и ликвидируют республику, но они обманулись в своих расчетах. 13 вандемьера (5 октября 1795 года) в буржуазных кварталах Парижа вспыхнул мятеж, организованный роялистами, но термидорианцам, которыми командовал Баррас, удалось его подавить. Главную роль в этом усмирении сыграл молодой генерал Наполеон Бонапарт.

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ

Наполеон Бонапарт, ставший впоследствии императором Франции, сыграл исключительную роль в истории не только своей страны, но и Европы в целом, а поэтому расскажем о нем подробнее.

Родился он 15 августа 1769 года на острове Корсика

в небольшом городке Аяччо в семье адвоката Карло Бонапарте и его жены Летиции.

Остров Корсика долгое время находился под властью Генуэзской торговой республики, но в 1765 году местные жители под предводительством землевладельца Паоли подняли восстание и прогнали генуэзцев. С 1765 года Корсика была самостоятельным государством. Здесь, особенно во внутренних частях острова, были сильны пережитки родового быта. Население жило кланами, которые вели между собой долгую ожесточенную борьбу. Была распространена кровавая месть — вендетта, которая нередко приводила к настоящим побоищам между кланами.

В 1768 году Генуэзская республика продала французскому королю Людовику XV свои уже фактически не существовавшие права на Корсику, и весной 1769 года французские войска разбили войска Паоли. Корсика была провозглашена владением Франции.

Таким образом, годы детства Наполеона проходили в первые годы утраченной независимости. Население разделилось на две части. Одни сожалели об утраченной политической самостоятельности, другие приняли владчеством Франции за должное. Отец Наполеона Карло Бонапарте примкнул к «французской партии». Но сам маленький Наполеон был сторонником изгнанного с Корсики Паоли и ненавидел французских захватчиков. Характер у ребенка был тяжелый. Сам Наполеон писал впоследствии: «Ничто мне не импонировало, я был склонен к ссорам и дракам, я никого не боялся. Одного я бил, другого царапал, и все меня боялись. Больше всего приходилось терпеть от меня моему брату Жозефу. Я его бил и кусал. И его же за это бранили, так как, бывало, еще до того, как он придет в себя от страха, я уже жалуюсь матери. Мое коварство приносило мне пользу, так как иначе мама Летиция наказала бы меня за мою драчливость, она никогда не потерпела бы моих падений!»

Наполеон был угрюмым и раздражительным ребенком, но мать любила его, хотя воспитание в семье дети получали достаточно суровое. Семья жила экономно, но без нужды. Отец, напротив, был добрым и слабохарактерным, а поэтому главой семьи фактически была Летиция — твердая, строгая и трудолюбивая женщина. Наполеон унаследовал от матери любовь к труду и строгому порядку.

Неудивительно, что на характер будущего императора наложила печать обстановка этого уединенного острова, где жило довольно дикое население в горах и лесах с нескончаемой междуклановой враждой и родовой кровной мстью, а также с ненавистью к французским захватчикам.

Отец решил дать своим детям французское воспитание. В 1799 году он отвез старших детей — Жозефа и Наполеона — во Францию, где они учились в Отенском колледже. Правда, в том же году десятилетний Наполеон был переведен в военное училище в городе Бриенне в Восточной Франции.

Он и здесь оставался угрюмым и замкнутым мальчиком, который быстро и надолго раздражался, не искал сближения с товарищами, смотрел на всех без почтения и приязни. Наполеон был не по годам уверенный в себе, несмотря на свой маленький рост. Его обижали, дразнили придирались к его корсиканскому выговору, но мальчик дрался яростно и ожесточенно, и вскоре к нему перестали придираются. Учился он великолепно, особенно нравилась ему история Древней Греции и Рима. Превосходные успехи были у него также по математике и географии. Так как учителя этой провинциальной военной школы не всегда оказывались на высоте, то пробелы в своих знаниях маленький Наполеон восполнял чтением. В детстве и впоследствии он читал всегда много и очень быстро.

Его товарищей отчуждал от него корсиканский патриотизм — французы для Наполеона были завоевателями его родного острова.

Тем не менее в 1784 году Наполеон с успехом окончил учебу и перешел в Парижскую военную школу, из которой выпускники-офицеры уходили уже в армию. В школе были собраны первоклассные преподаватели, среди которых был знаменитый математик Монж и известный астроном Лаплас. Здесь Наполеон учился с жадностью. Но произошло несчастье — в феврале 1785 года от рака желудка скончался его отец Карло Бонапарте. Семья осталась почти без средств к существованию. На старшего брата Наполеону надеяться не приходилось, так как он был не способен содержать семью из-за своей лени. Поэтому шестнадцатилетний юнкер взял на себя заботу о матери, братьях и сестрах. Он закончил короткий годичный курс

в Парижской военной школе и 30 октября 1785 года в чине подпоручика отправился в полк, который стоял на юге, в городе Валенсе.

Молодой офицер жил в большой нужде, так как большую часть своего жалованья он отсылал матери. Он не мог позволить себе никаких развлечений, и оставшихся денег ему хватало лишь на скудное пропитание. Единственным его досугом было чтение книг в лавке букиниста, находившейся в том же доме, где он снимал квартиру. Общества Наполеон чуждался, так как комплексовал из-за плохой одежды, а поэтому запоем и с жадностью читал книги, которые давал ему букинист. Наполеон выписывал из них цитаты и делал пометки у себя в тетрадях.

Больше всего он интересовался книгами по военной истории, математике, географии, а также описаниями путешествий. Увлекался он и трудами философов. Именно в те годы он впервые познакомился с литературой Просвещения — Вольтером, Руссо, Даламбером, Мабли, Рейналем. Возможно, тогда у него и зародилось то отвращение, которое он впоследствии испытывал к идеологам революционной буржуазии и ее философии. Но в это время он пока лишь накапливал знания. Ко всякой книге так же, как и ко всякому человеку, он подходил с непреклонным желанием извлечь для себя все то, с чем он еще не был знаком, чтобы дать пищу собственной мысли.

Читал Наполеон и художественную литературу. Особенно он любил «Страдания юного Вертера» и другие романтические произведения Гете. Любил Наполеон читать Расина, Корнеля, Мольера. Большое впечатление произвела на него книга стихов, приписанных средневековому шотландскому барду Оссиану. Но художественная литература никогда не отрывала его от основного чтения — математических трактатов, книг по военному искусству, особенно об артиллерийском деле.

В сентябре 1786 года Наполеон взял долговременный отпуск и уехал на Корсику в Аяччо, для того чтобы устроить материальные дела своей семьи. Дело в том, что отец перед смертью оставил небольшое имение и запутанные дела, с которыми Наполеону удалось довольно успешно разобраться. Вскоре он поправил материальное положение семьи. Ему удалось продлить

свой отпуск до середины 1788 года, хотя и без сохранения содержания, но это уже не имело значения, так как ему удалось покрыть все свои расходы. После того как в июне 1788 года Наполеон вернулся во Францию, он со своим полком был отправлен в город Оксонн. Здесь он жил в казарме и продолжал читать все, что попадалось ему под руку. Однажды он попал на гауптвахту и случайно нашел там старый том юстиниановского сборника по Римскому праву. Он не только прочел его от корки до корки, но и почти выучил его наизусть. Знаменитые французские юристы пятнадцать лет спустя изумлялись исключительной памяти Наполеона, который на заседаниях по выработке наполеоновского Кодекса цитировал наизусть римские дигесты.

Впоследствии Наполеон говорил: «Если кажется, что я всегда ко всему подготовлен, то это объясняется тем, что раньше чем что-либо предпринять, я долго размышлял уже прежде; я предвидел то, что может произойти. Вовсе не гений внезапно и таинственно (*en secret*) открывает мне, что именно должно говорить и делать при обстоятельствах, кажущихся неожиданными для других, — но мне открывает это мое размышление. Я работаю всегда. Работаю во время обеда, работаю, когда я в театре; я просыпаюсь ночью, чтобы работать».

Современники признавали его гением, но сам Наполеон о своей гениальности говорил с иронией и насмешкой. О своей же работе он всегда отзывался с полной серьезностью. Он гордился колоссальной работоспособностью, больше чем всеми другими дарами, которыми наделила его природа.

В Оксонне Наполеон сам впервые взялся за перо и составил небольшой трактат по баллистике «О метании бомб». С этих пор артиллерийское дело окончательно стало его излюбленной военной специальностью, хотя в его бумагах того времени сохранились кое-какие беллетристические наброски, а также философско-политические заметки. И хотя его нельзя было назвать последователем Руссо и его идей «Общественного договора», здесь он иногда высказывается более-менее либерально. Наполеон не давал подчинить свою волю и рассудок желаниям страстей. Жил он впроголодь, избегал общества, не сближался с женщинами

и отказывался от развлечений. Все свободное от службы время он проводил за книгами. Возможно, тогда Наполеон сам не осознавал, если ли у него какие-то планы на будущее, либо окончательно покорился доле небогатого провинциального офицера, на которого начальники и аристократы всегда будут смотреть сверху вниз. Но вскоре в жизнь его, как и в жизнь всей страны, вихрем ворвалась неожиданная весть: свершилась французская революция. Начались события, которые изменили судьбы миллионов людей, события, вследствие которых безвестный провинциальный дворянин Наполеон Бонапарт вознесся на вершину власти, славы и поклонения.

В том, что в 1789 году, когда началась французская революция, карьера Наполеона стала стремительно развиваться, нет ничего удивительного, так как по своему социальному положению он мог только выиграть от победы буржуазии. Хотя он и был дворянином по происхождению, но на Корсике бедные дворяне никогда не пользовались теми преимуществами, какие имели их французские собратья. А поэтому на быструю карьеру по военной службе Наполеону рассчитывать не приходилось, и именно французская революция дала ему возможность подняться по социальной лестнице.

Перед Наполеоном встал вопрос: оставаться ли ему во Франции или вернуться домой — на Корсику. Через два месяца после взятия Бастилии он уехал в Аяччо. Дело в том, что молодой поручик, как и прежде, оставался патриотом своей родины. Как раз незадолго до революции, в 1789 году он закончил очерк по истории Корсики, который отослал для рецензии Рейналю. Популярный в те годы писатель обрадовал молодого человека своим лестным отзывом.

Как только Наполеон прибыл на остров, он сразу же объявил себя поклонником вернувшегося из долгого изгнания бывшего правителя Паоли, но тот отнесся к молодому лейтенанту холодно, так как взгляды их на дальнейшую судьбу Родины расходились. Паоли стремился к независимости острова от французского владычества, а Наполеон, заинтересованный, в первую очередь, не в развитии Родины, а в развитии собственной карьеры, выступал за сохранение Корсики в составе Франции.

В результате этих разногласий добиться ему ни-

чего не удалось. Побыв несколько месяцев на острове, Наполеон снова уехал в полк и увез с собой младшего брата Людовика, для того, чтобы уменьшить расходы по дому для матери. Оба брата поселились в Валансе, куда перевели полк Наполеона. Лейтенант Бонапарт жил теперь еще беднее, так как должен был кормить брата и давать ему воспитание на свое скудное жалование. Наполеону не оставалось ничего другого, как вновь засесть за книги.

Вскоре ему удалось получить перевод на службу на Корсику, куда он переехал в сентябре 1791 года. На этот раз он окончательно разошелся во взглядах с Паоли, потому что вернулся на остров в качестве офицера оккупационных войск. И когда в апреле 1791 года разразилась борьба между контрреволюционным духовенством, которое поддерживало сепаратиста Паоли, и представителями революционных властей, Бонапарт даже стрелял в толпу восставших, которая напала на возглавляемый им отряд. Его возненавидели на родине. В то же время к нему с подозрением относились французские власти, так как он сделал попытку завладеть крепостью без распоряжения сверху. Его вызвали в Париж в военное министерство, где он должен был оправдаться в своем сомнительном поведении на Корсике. Наполеон приехал в столицу Франции в конце мая 1792 года и стал свидетелем революционных событий этого лета.

Здесь он недвусмысленно высказался в отношении двух важнейших событий этих месяцев — вторжения плебейских масс в Тюильрийский дворец 20 июня и свержения монархии 10 августа 1792 года. Увидя толпу, шедшую к королевскому дворцу 20 июня, Наполеон сказал Бурьену, с которым был на улице: «Пойдем за этими канальями». Когда же перепуганный этой грозной демонстрацией Людовик XVI поклонился толпе из окна, к которому подошел в красной фригийской шапке — одной из эмблем революции, — Наполеон сказал с презрением: «Какой трус! Как можно было впустить этих каналий! Надо было смести пушками 500 — 600 человек, остальные разбежались бы!» Следует отметить, что вместо слова «трус» Наполеон применил гораздо более грубый эпитет. 10 августа он снова повторил его по отношению к королю, а революционных повстанцев обозвал «самой гнусной чернью».

Тогда, 10 августа 1792 года, Наполеон Бонапарт не мог даже и предположить, что французский трон, с которого в этот момент сгоняют Людовика XVI, освободается тем самым именно для него. И люди, которые стояли вокруг него, молоденького худого офицера, которые с восторженными криками приветствовали рождение республики, также не могли знать, что именно он, стоящий в толпе человек, будет тот, кто задушит эту республику и станет императором.

После этого Наполеон еще раз был на Корсике, он приехал туда в тот момент, когда правитель Паоли, подписав соглашение с англичанами, хотел оторвать Корсику от Франции. Английские войска готовились высадиться на острове, и Наполеону удалось с большим трудом бежать оттуда вместе с матерью и всей семьей. Это произошло в июне 1793 года. Едва они скрылись, как в дом их ворвались сепаратисты, приверженцы Паоли, и разграбили его.

Потянулись тяжелые годы нужды. И хотя Наполеон получил уже в это время чин капитана, семья, которая состояла из матери и семерых братьев и сестер, была непосильной ношей для скудного жалования. Вначале он устроил их в Тулоне, а потом в Марселе.

Неожиданно судьба молодого офицера сделала резкий поворот. Когда на юге Франции разразилось контрреволюционное восстание, в ходе которого роялисты из Тулона в 1793 году изгнали и перебили представителей революционной власти, а также призвали на помощь крейсировавший в западной части Средиземного моря английский флот, революционная армия, какую направили на подавление восстания, осадила город Суши.

Но осада эта была безуспешной. Командовал армией Карто, а комиссаром в ней был земляк Бонапарта — корсиканец Саличетти, который вместе с ним выступал против Паоли. Наполеон посетил своего товарища возле Тулона и подсказал ему единственный способ взять город. После этого Саличетти тут же назначил молодого капитана помощником начальника осадной артиллерии.

Штурм, который начался в первых числах ноября, не удался, потому что командовавший в этот день Донне, велел отступать, вопреки мнению Бонапарта, в самый решительный момент. Наполеон после доказывал всем, что это была грубая ошибка. Он сам шел

впереді штурмуючої колонни і був ранен. Но після довгого супротивлення і проволок со сторони властей, которые не доверяли неизвестному молодому офицеру, по чистой случайности оказавшемуся в лагере, новый командующий Дюгомье разрешил ему привести свой план в исполнение. Расположив батареи так, как он хотел, Бонапарт после мощной артиллерийской подготовки штурмом, в каком участвовал лично, взял Эгиллет, который был командной высотой над рейдом и открыл огонь по английскому флоту.

После двухнедельного обстрела республиканцы 17 декабря вновь пошли штурмом на укрепления. Все семь тысяч человек штурмующих были отброшены, но тут подоспел Бонапарт с резервной колонной, и это решило все дело. Республиканские войска взяли Тулон. Английский флот, забрав часть роялистов, ушел в открытое море.

Находившийся в центре этого события генерал Дюгиль послал донесение в военное министерство в Париже, рекомендуя министру сохранить Бонапарта для блага республики: «У меня нет слов, у меня слов не хватает, чтобы изобразить тебе заслугу Бонапарта: у него знаний столько же много, как и ума, и слишком много характера, и это еще даст тебе слабое понятие о хороших качествах этого редкого офицера».

Любому военному из осадного корпуса была ясна заслуга Наполеона во взятии города. Штурм произошел 17 декабря 1793 года. Это было первое осадное сражение, выигранное Наполеоном. Начиная с 17 декабря 1793 года и по 18 июня 1815 года, когда император проиграл свое последнее сражение (под Ватерлоо), прошло долгих 22 года. За это время Наполеон дал около 60 больших и малых сражений, что гораздо больше, чем все сражения Александра Македонского, Ганнибала, Цезаря и Суворова вместе взятые. Кроме этого, в битвах участвовало гораздо больше людей, чем в войнах его предшественников. Но несмотря на обилие грандиозных сражений, которые выпали на судьбу Наполеона, Тулонская победа занимает в ней особое место. Именно благодаря этой победе, он обратил на себя внимание, о нем впервые узнали в Париже.

Взятие Тулона, который считался неприступной крепостью, сулило скорую ликвидацию роялистов на всем юге Франции. Кроме земляка Наполеона Саличетти,

в лагере осаждающих находился человек намного более влиятельный — Огюстен Робеспьер, младший брат Максимилиана Робеспьера. Он лично присутствовал при взятии города и также описал это событие в докладе, который отослал в Париж. Это не преминуло сказаться на карьере Наполеона. 14 января 1794 года Наполеон Бонапарт получил чин бригадного генерала. Ему было всего 24 года.

В те дни, когда Бонапарту удалось взять Тулон, в стране безраздельно правили монтаньяры. Их было большинство в Конвенте. Якобинский клуб имел огромное влияние в столице и провинциях. Вся страна находилась под безраздельным владычеством революционной диктатуры, которая, как уже говорилось выше, проводила жестокие беспощадные репрессии против роялистов, жирондистов, не присягнувших священников, а также вела на многих фронтах войну против сил объединенной коалиции.

В этой напряженной яростной схватке Наполеон Бонапарт должен был выбрать между монархией и республикой. Он прекрасно понимал, что в случае реставрации королевской власти ему не простят взятие Тулона. В то время как республика может дать ему все. Кроме этого, в печати вышла его небольшая брошюра «Ужин в Бокере», в которой он доказывал восставшим на юге городам безнадежность их положения. Весной и в начале лета 1794 года комиссары Конвента на юге и в первую очередь Огюстен Робеспьер, которые находились под влиянием Бонапарта, готовили вторжение в Пьемонт — в северную Италию, чтобы оттуда угрожать Австрии. Правда, Комитет общественного спасения не без колебания принял такое решение. Особенно против этого плана был Карно. Но, влияя на правителей через Огюстена Робеспьера, Наполеон предлагал защищаться от интервенции не обороной, а прямым нападением на саму Европу. Но этим планам Наполеона не суждено было осуществиться, так как в 1794 году неожиданно для всех диктатура якобинцев была свергнута.

Вот в таком свете представлялись эти события самому Бонапарту. Для того чтобы поддержать его лично перед братом и перед Комитетом общественного спасения, Огюстен Робеспьер отправился в Париж. Было лето, и этот вопрос было необходимо решать. Напо-

леон находился в это время в городе Ницце, куда он вернулся из Генуи, выполнив секретное поручение, связанное с затеваемым походом. Неожиданно из столицы пришло известие, которого не ожидали не только в южных провинциях, но и даже в самом Париже: в день 9 термидора на заседании Конвента Максимилиана Робеспьера, его брата Огюстена, а также Сен-Жюста и Кутона вместе с их приверженцами арестовали и на следующий день казнили без суда в силу простого их объявления вне закона. Тут же по всей Франции начались аресты людей, которые были близки к казненным. В связи с этим генерал Бонапарт оказался сразу же в опасности. Его арестовали через две недели после 9 термидора (27 июля) — 10 августа 1794 года. И посадили в антибский форт на Средиземноморском побережье. Но через две недели Наполеона выпустили на свободу, так как в его бумагах не нашли ничего, что давало бы повод к его преследованию. Узнав о том, что в дни термидорианского террора погибли тысячи людей, в той или иной степени близких к Робеспьеру и его соратникам, Бонапарт понял, что легко отделался, избежав гильотины. Люди же, которые пришли на смену казненным, знали генерала Бонапарта мало, а поэтому относились к нему с подозрением. Взятие Тулона не успело создать ему большой репутации, о нем все еще мало кто знал. Когда генерал Бонапарт предложил поручику Жюно стать его адъютантом, отец последнего произнес: «Бонапарт? Что такое — Бонапарт? Где он служил? Никто этого не знает». Тулонский подвиг Наполеона вскоре забыли, и его карьера оказалась под угрозой.

В это же время случилась еще одна неприятность. Бонапарта вызвали в Париж, где Комитет общественного спасения приказал ему ехать в Вандеу на усмирение восстания, назначив его командовать пехотной бригадой. Но Наполеон был артиллеристом и не хотел служить в пехоте. Он запальчиво объяснился с членом Комитета Обри и подал в отставку.

Так Наполеон оказался 25-летним генералом в отставке, генералом, поссорившимся со всем начальством и не имеющим средств к существованию. Он провел голодную зиму 1794 — 1795 гг. в Париже. Казалось, что все о нем забыли. Но в августе 1795 года Наполеона зачислили как генерала артиллерии в топогра-

фическое отделение Комитета общественного спасения. Комитет этот был прообразом генерального штаба, созданного Карно. В топографическом отделении Наполеон составлял инструкции (директивы) для итальянской армии республики, которая уже вела военные операции в Пьемонте. Но даже в эти дни Наполеон не переставал читать.

Заработок у Наполеона был небольшой, а поэтому он довольно часто обедал в семье Перно, где его очень любили. Но он ни разу не пожалел о своей отставке, так и не согласившись пойти в пехоту.

В это время ему снова улыбнулась судьба. В 1795 году произошли решающие события в истории Французской буржуазной революции. Буржуазия, которая уничтожила якобинскую диктатуру, добившись власти, стала на путь реакции. Она постоянно искала пути своего собственного владычества. С каждым месяцем буржуазная реакция все возрастала. С каждым месяцем все более бездонной делалась та пропасть между голодавшими предместьями рабочих и центральными секциями Парижа, где обогатившиеся во время революции «новые люди» проводили время в весельях и попойках.

Не выдержав такого положения дел, жители рабочих предместий подняли восстания, которые оба раза были направлены против термидорианского Конвента. Нападения на Конвент произошли 12 жерминаля (1 апреля) и 1 прериала (20 мая) 1775 года. За этим было разоружено Сент-Антуанское предместье. Теперь массовые выступления для парижского плебейства стали невозможными. Во время этого так называемого белого террора монархическая часть буржуазии решила, что пришло их время, и роялисты сделали попытку реставрации монархии. Но их планы сорвались.

Повсюду в Европе — Лондоне, Кобленце, Митаве, Гамбурге, Риме — во всех европейских столицах, где собрались многие влиятельные эмигранты, постоянно раздавались голоса о необходимости беспощадно карать всех, кто принимал участие в революции. Аристократия после прериальского восстания и яростного белого террора самодовольно утверждала, что наконец «парижские разбойники» начали резать друг друга и что теперь роялистам необходимо нагрнуть для того, чтобы перевешать и тех и других — термидорианцев и оставшихся в живых монтаньяров. Но когда роя-

листы, о чем говорилось уже выше, высадились на полуострове Киберон в Бретани, руководители термидорианского Конвента без малейших колебаний направили туда генерала Гоша с армией и после полного разгрома высадившихся войск расстреляли 750 человек из числа захваченных в плен.

Но даже после этого разгрома роялисты не считали свое дело проигранным. Через два месяца они снова выступили, но на этот раз в самом Париже. Это произошло по революционному календарю в первой половине вандемьера 1795 года (конец сентября — начало октября).

Происходило это так. Конвент уже выработал новую конституцию, по которой во главе исполнительной власти должны были стоять 5 директоров, а законодательная власть принадлежать двум собраниям: Совету пятисот и Совету старейшин. Конвент готовился ввести эту конституцию в действие и распуститься. Но так как усиливались в слоях крупнейшей буржуазии монархические настроения, и чтобы представители роялистов в большом количестве не были выбраны в Совет пятисот, руководящая группа термидорианцев во главе с Баррасом в самые последние дни Конвента провела особый закон, по которому две трети Совета пятисот и две трети Совета старейшин должны были обязательно быть выбранными из заседавших до этого в Конвенте, и лишь одну треть можно было выбирать вне этого круга людей.

Но роялисты в Париже были не настолько слабы, как в самом начале выступлений. А поэтому а месяце вандемьере положение Конвента было очень непрочным. Против этого декрета, который имел своей целью упрочить владычество существовавшего большинства Конвента, выступила значительная часть крупной денежной буржуазной аристократии, а также верхушка буржуазии, — верхушка так называемых «богатых», — центральных секций города Парижа. Все они выступили с целью расправиться с той частью термидорианцев, которая уже не соответствовала настроениям зажиточных кругов как в городе, так и в провинции. Центральные секции Парижа, которые взбунтовались в октябре 1795 года против Конвента, которые мечтали о немедленном возвращении Бурбонов, с радостью поддержали восстание. Как бы там ни было но «консер-

вативные республиканцы», для которых уже даже термидорианский Конвент был слишком революционным, постепенно стали расчищать дорогу реставрации монархии. Угрозу эту Конвент увидел сразу же, начиная с 7 вандемьера (29 сентября), когда стали поступать тревожные сведения о настроениях центральных частей Парижа. Положение Конвента было критическим. За четыре месяца до этого произошла зверская расправа с рабочими предместьями. Казни длились целый месяц после того как были разоружены рабочие, а поэтому Конвент не мог рассчитывать на помощь широких народных масс.

Рабочие Парижа в те дни смотрели на комитеты Конвента и на сам Конвент как на своих заклятых врагов. Рабочие не собирались сражаться во имя сохранения власти в будущем Совете пятисот за двумя третями опорочившего себя Конвента, да и сам Конвент не мог теперь возвать о помощи к плебейской массе Парижа, которая ненавидела его и которой он сам боялся. Оставалось надеяться только на армию, хотя и здесь были свои «но». Солдаты, правда, продолжали без колебаний стрелять в ненавистных им изменников-эмигрантов, в роялистские отряды, где бы они их ни встречали — в Нормандии, в Вандее, на полуострове Киберон, в Бельгии и на немецкой границе. Но вандемьеры действовали хитро. Они выставляли своим лозунгом не реставрацию Бурбонов, а борьбу с нарушением декретом Конвента принципа народного суверенитета, принципа свободного голосования и избрания народных представителей. Это во-первых. Во-вторых, генералы, которые командовали армиями, были не столь убежденными республиканцами, как солдаты, а поэтому надеяться на них было опасно. Даже генерал Мону, командующий парижским гарнизоном, который 4 прериала одолел Сент-Антуанское предместье и потопил в крови народное восстание, был одним из представителей центральных кварталов Парижа, а поэтому он не стал бы стрелять в людей своего круга. Этот генерал был значительно правее, реакционнее настроен, чем самые реакционные термидорианцы из Конвента. Центральные секции Парижа хотели свободно собрать более консервативное собрание, чем Конвент. А за это расстреливать их Мону не собирался.

Ночью, 12 вандемьера (4 октября), по Парижу рас-

пространилось известие, что Конвент отказался от борьбы, что можно будет обойтись без сражения на улицах, что декрет взят назад и выборы будут свободными. Люди вышли на улицы. Демонстративные шествия, громкие восторженные возгласы наполнили все улицы центра столицы. В доказательство этого абсурдного заявления приводилось одно-единственное, но непосредственное утверждение о том, что начальник вооруженных сил одной из центральных секций Парижа (секция Лепеллетье) Делало побывал у генерала Мену, поговорил с ним, и Мену согласился на переговоры с акционерами. Войска были отведены в казармы, и город оказался во власти восставших.

Но ликование людей было преждевременным, так как Конвент не собирался сдаваться без боя. В эту же ночь, на 13 вандемьера, генерал Мену был отстранен от командования Парижским гарнизоном и по приказу Конвента арестован. Начальником всех вооруженных сил Парижа был назначен Баррас — один из главных деятелей 9 термидора. Жители, узнав об отставке и аресте Мену, догадались, что Конвент решил бороться, а поэтому они без колебаний и с поспешностью стали собираться на ближайшей ко дворцу Конвента улице и готовиться к утреннему бою. Победа им казалась почти неизбежной. Но они просчитались.

Баррас не собирался упускать случая. Он был известен современникам как сибарит и казнокрад, распутный авантюрист и коварный, беспринципный карьерист. Но он не был трусом и не собирался упускать возможность выбиться наверх, которую открыло ему назначение его главнокомандующим вооруженных сил Парижа. Он стал действовать быстро и решительно. Какими бы пороками его ни наделяли, он был умным и пронырливым человеком, а поэтому понимал, что Францию могут вернуть под корону Бурбонов, что ему грозило гибелью. Баррас был дворянином, и он хорошо понимал, какой ненавистью пылают именно к нему и подобным отщепенцам рвущиеся к власти роялисты.

Он прекрасно знал, что нужно немедленно дать бой, но Баррас не был военным. А поэтому перед ним стала задача — назначить генерала. И в этот момент Баррас совершенно случайно вспомнил о худощавом молодом человеке, который несколько раз являлся к нему в

последнее время в качестве просителя. Баррас знал о нем лишь что он отставной генерал, который отличился под Тулоном, но потом имел неприятности, и сейчас он перебивался с большим трудом в столице, не имея какого-либо значительного заработка. Баррас приказал найти его и привести. Бонапарт явился. И у него спросили, «берется ли он покончить с мятежом? Наполеон попросил несколько минут на размышление. Он прекрасно понимал, что защита интересов Конвента для него принципиального значения не имеет, но если он выступит на стороне Барраса, то это принесет ему прямую выгоду. И тогда он согласился, поставив одно условие, чтобы никто не вмешивался в его распоряжения. После этого он предупредил: «Я вложу шпагу в ножны только тогда, когда все будет кончено».

Его тотчас назначили помощником Барраса. Он ознакомился с положением дела и увидел, что восставшие очень сильны и что опасность для Конвента огромная. Но у Наполеона тут же сложился план действий, который основывался на беспощадном применении артиллерии. Позже, когда все уже было кончено, он сказал своему другу Жюно, который впоследствии стал генералом и герцогом д'Абрантес, фразу, которая показала, что свою победу он приписывал стратегической неумелости мятежников: «Если бы эти молодцы дали мне начальство над ними, как бы у меня полетели на воздух члены Конвента!»

Уже на рассвете к дворцу Конвента стали стягиваться артиллерийские орудия. И вот наступил исторический день — 13 вандемьера, который сыграл в жизни Наполеона гораздо большую роль, чем его первая победа под Тулоном.

Мятежники двинулись на Конвент, и по ним стали стрелять из орудий по приказу Бонапарта. Наиболее страшным было избиение восставших на паперти костела св.Роха, где стоял их резерв. Следует отметить, что мятежники тоже имели возможность ночью завладеть артиллерией, но они упустили момент. Восставшие отвечали отчаянной ружейной пальбой, но к середине дня все было закончено. Оставив несколько сот трупов и унеся с собой раненых, восставшие бежали в разных направлениях и скрывались по домам, а кто и немедленно покидал Париж. Вечером Баррас горя-

что отблагодарил молодого генерала и настоял, чтобы Наполеон был назначен командующим военными силами тыла, так как сам Баррас немедленно сложил с себя это звание, как только восстание было разгромлено.

В Бонапарте Баррасу и другим руководителям импонировала отчаянная решительность, с которой он пошел на такое не употреблявшееся до него средство, как стрельба из пушек среди города по самой гуще толпы. В этом приеме подавления уличных выступлений он явился первооткрывателем. Причем он ни перед кем не оправдывался и не собирался сваливать на кого-либо ответственность.

У восставших было более 24 тысяч вооруженных людей, а у Бонапарта не было в этот момент и 6 тысяч человек. Поэтому он прекрасно понимал, что вся надежда может быть лишь на пушки, которые он без промедления пустил в ход. Тут, как и впоследствии, проявился основной принцип Наполеона: если дело дошло до битвы, — подавай победу, чего бы это ни стоило. Он не любил попусту тратить артиллерийские снаряды, но там, где они могли принести пользу, Наполеон никогда на них не скупился.

Беспощадность, с которой Наполеон вел борьбу, была его характерной чертой. Однажды в момент откровения он говорил Луи Редереру, к которому благоволил, следующее: «Во мне живут два различных человека: человек головы и человек сердца. Не думайте, что у меня нет чувствительного сердца, как у других людей. Я даже довольно добрый человек. Но с ранней моей юности я старался заставить молчать эту струну, которая теперь не издает у меня уже никакого звука».

13 вандемьера для карьеры Наполеона играло исключительно важную роль. Но подавление этого восстания имело и большое историческое значение. В-первых, роялисты потеряли надежду на близкую и быструю победу и планы реставрации династии Бурбонов потерпели поражение гораздо более тяжелое, чем на полуострове Киберон. Во-вторых, высшие слои городской буржуазии убедились, что они слишком поторопились взять власть в свои руки с помощью вооруженного выступления, забыв о тех представителях городской и сельской буржуазии, которые стоят за республику. И в-третьих, было еще раз продемонстри-

ровано, что антиреставрационные настроения в провинции особенно резко влияют на армию, на солдатские массы, которые оставались верными идее республиканского правления.

Если говорить лично о Наполеоне Бонапарте, то день 13 вандемьера впервые сделал его известным не только в военных кругах, где о нем уже слышали благодаря взятию Тулона, но и во всех слоях общества. Отныне на него смотрели как на человека большой воли, решимости, смелости. А поэтому политики, завладевшие властью с 13 вандемьера 1795 года, во главе которых стоял Баррас, сделавшийся сразу самым влиятельным из пяти директоров Директории, весьма благоклонно смотрели на Бонапарта. Они полагали, что на него и впредь можно будет положиться, если понадобится пустить в ход военную силу против тех или иных народных волнений.

Но они плохо знали Наполеона Бонапарта. Сам он мечтал о другом. Он стремился к широкому театру военных действий. Он мечтал о самостоятельном командовании одной из армий Французской республики. Так как к нему хорошо относился Баррас, эти мечтания казались ему уже не такими несбыточными, как в те дни, когда отставной 26-летний генерал в поисках заработка вынужден был слоняться по Парижу. Один день, а вернее даже одна ночь, круто изменили его судьбу. Теперь он был командующим парижским гарнизоном, любимцем самого могущественного правителя республики Барраса и кандидатом на самостоятельный пост в действующую армию.

Очень скоро после своего внезапного взлета молодой генерал встретился со вдовой казненного при терроре генерала графа Богарне и полюбил ее. Жозефина Богарне была на шесть лет старше его и поначалу никаких чувств к Бонапарту не питала. Но она не могла отказать в уходе за вдовой Бонапарту, так как после 12 вандемьера он занимал слишком уж важный пост. Сам же Наполеон Бонапарт влюбился пылко и страстно. Он потребовал немедленной свадьбы и женился. Так как Жозефина Богарне некогда не была близка с Баррасом, то брак открыл ему еще шире возможности доступа к могущественным лицам республики.

Следует отметить, что ни Жозефина, ни его вторая жена Мария-Луиза Австрийская, ни г-жа Ремюза, ни актриса м-ль Жорж, ни графиня Валевская никогда не имели на него сколько-нибудь сильного влияния. Слишком уж неукротимую, деспотическую, раздражительную и подозрительную натуру имел Бонапарт. Он не мог терпеть известную г-жу Сталь еще до того, как она высказала свои оппозиционные политические взгляды. Ненавидел он ее именно за излишний, по его мнению, для женщины политический интерес, за ее претензии на эрудицию и глубокомыслие. От женщин Наполеон требовал беспрекословного повиновения и подчинения его воле.

Наполеон не любил долго предаваться чувствам. Так было и на этот раз. 9 марта 1796 года состоялась свадьба Наполеона Бонапарта с Жозефиной Богарне. А уже через два дня, 11 марта, он простился с женой и уехал на войну.

В его судьбе, а также в судьбе Франции и в судьбе Европы начинался абсолютно новый исторический этап.

ДИРЕКТОРИЯ

В ноябре 1795 года в силу вступила новая конституция. Отныне исполнительная власть во Франции переходила в руки Директории, в состав которой вошли, как уже говорилось выше, Баррас и другие видные термидорианцы.

Время правления Директории было временем безграничного господства буржуазии. По образному выражению одного из современников, французское общество в годы правления Директории являло собой «гнусный контраст между самым неистовым богатством и самой ужасающей нищетой». Наиболее тяжелым временем для народа и бедноты оказались зима и весна 1795 — 1796 гг. Продолжалась инфляция. Нескончаемо падал курс ассигнатов. Росли цены. Все это создавало безвыходное положение для рабочих, ремесленников, служащих и интеллигенции. Полицейские заявления того времени пестрели подобными сообщениями: «Лишь зажиточный класс может пользоваться жизнью в настоящий момент, а трудя-

щиеся находятся в крайней нужде»; ремесленники и рабочие «видят все меньше соответствия между плодами своего труда и своими повседневными потребностями»; «отчаяние и горе достигли высшего предела».

Рабочие и служащие вынуждены были, чтобы выжить, продавать либо закладывать свое последнее имущество. По улицам бродили тысячи нищих, которые искали в мусоре отбросы, чтобы не умереть с голоду. Повсеместно сообщалось о многочисленных самоубийствах.

Такое положение дел заставило рабочих с сочувствием вспоминать даже времена якобинской диктатуры, когда люди, не имея ничего лишнего, во всяком случае имели возможность не умирать с голоду. Страна жила в постоянной тревоге и в ожидании новых восстаний.

Одним из выразителей смутных социальных надежд рабочих и бедноты был Ноэль-Франсуа Бабеф (1760 — 1797), который назвал себя именем древнеримского трибуна-реформатора Гракха. С первых же дней революции он был, как сам говорил об этом, «пропагандистом свободы и защитником угнетенных». Бабеф принимал активное участие в событиях своей эпохи. Его неоднократно арестовывали и преследовали, но это никак не повлияло на его взгляды. Уже в первые годы революции Бабеф выступал решительным противником частной собственности на землю. Он добивался не распродажи национальных имуществ, а их раздачи в долгосрочную аренду малоимущим крестьянам. Еще весной 1793 года Бабеф составил проект «законодательства санкюлотов», которое должно было обеспечить «совершенное равенство».

В 1795 году, когда сидел в тюрьме, Бабеф сблизился с революционерами-демократами Буонарроти, Дартэ и другими, сплотил их вокруг себя и вместе они работали над планом революционного переворота.

Выйдя из тюрьмы после амнистии, объявленной термидорианским Конвентом, бабувисты — как впоследствии их стали называть — без промедления взялись за дело. Уже в начале 1796 года под руководством Бабефа была создана «Тайная Директория общественного спасения», которая вошла в историю под названием «заговора во имя равенства». Один из участников этого

заговора историк Филипп Буонарроти писал впоследствии: «ничем не ограниченное равенство, максимальное счастье для всех, уверенность в его прочности — таковы были блага, которые Тайная Директория общественного спасения хотела обеспечить французскому народу».

Утописты-бабувисты считали, что полное равенство осуществимо лишь при коммунизме — таком обще-

Графх Бабеф.
Гравюра Ф. Бонвиля.

ственном строе, который не знает частной собственности. Они представляли, что коммунистическое общество должно быть основано на строгом равномерном распределении всех материальных благ между гражданами, т.е. на уравнительности. В отличие от Морелли и других французских предреволюционных мыслителей-коммунистов, Бабеф и бабувисты не только стремились к распространению своих примитивных взглядов, но и искали практиче-

ские пути к их осуществлению. Оценивая опыт Французской революции, они пришли к убеждению в необходимости насильственного революционного переворота, к мысли о необходимости установления революционной диктатуры простого народа.

Революционное правительство, по мнению бабувистов, сразу же после завоевания власти должно было организовать бесплатное снабжение населения хлебом, безвозмездно вернуть из ломбардов вещи, заложённые беднотой, вселить нищих в дома богатей. Но основная задача революционной диктатуры, как они мыслили, состояла в постепенном восстановлении во Франции коммунизма. Они хотели организовать большую «национальную коммуну», во владение которой должны были перейти нераспроданные до термидора

церковные земли эмигрантов, а также имущество врагов революции. Вместе с «национальной коммунной» в течение какого-то времени должны сохраняться и частные хозяйства крестьян и ремесленников, но в дальнейшем в результате целой системы мероприятий, таких, как отмена права наследования и т.д., частная собственность подлежала окончательной ликвидации.

Бабеф издавал газету «Трибун народа», вокруг которой сплотились уцелевшие деятели Парижской секции и народных обществ. Они составили костяк бабувистского движения. Они создали военную организацию, которая занималась подготовкой восстания. В ней активное участие принимал вышедший из плебейской среды генерал Россиньоль. Кроме этого, к движению примкнули некоторые робеспьеристы, такие как бывший депутат якобинского Конвента, как Друэ, арестованный в Варенне Людовика XVI и другие.

Бабувисты проводили в Париже широкую пропаганду, и их популистские лозунги нашли широкий отклик среди плебейского населения. В апреле 1796 года одна парижская газета писала, что даже на улицах ведутся разговоры о тех благах, которых можно было бы добиться в случае восстановления общности имущества.

Несмотря на то, что план вооружённого восстания тщательно готовился «Тайной Директорией», он был сорван. Провокатор, который находился в рядах участников движения, выдал их правительству. В мае 1796 года Бабефа и других руководителей «Тайной Директории» арестовали. Находившиеся под влиянием бабувистов солдаты Гренельского лагеря попытались поднять восстание, но попытка их потерпела неудачу. Через год Бабеф был казнен.

В 1797 году на выборах в законодательные органы одной трети депутатов страны роялисты неожиданно одержали победу. Это вселило в них надежду. Идея многочисленных сторонников в государственном аппарате, они практически открыто стали готовиться к перевороту. Но Директория опередила их. 3 сентября 1797 года правительственные войска заняли здания Совета пятисот и Совета старейшин и арестовали часть депутатов. На следующий же день, 4 сентября (18 фруктидора), было принято решение об аннулировании избрания депутатов-монархистов, о высылке их в колонии, об усилении репрессий против монархической пропаганды в стране.

События эти привели к тому, что Директория, которая вела решительную борьбу с роялистами, вынуждена была искать поддержки в противоположном лагере, среди уцелевших после разгрома якобинцев. Но как только Директория ослабила ограничение демократических свобод в стране, сразу же возросло влияние представителей различных демократических течений. Именно поэтому на выборах 1798 года уже республиканцы-демократы одержали серьезную победу. Среди избранных депутатов оказалось несколько деятелей периода якобинской диктатуры. На этот раз Директория была напугана избирательными успехами левых группировок. Это привело к тому, что 11 мая (22 флореаля) 1798 года Директория приняла решение об аннулировании выборов депутатов-демократов.

Представители Директории называли свои шатания то вправо, то влево политикой «золотой середины», но уже современники дали этим событиям определение иное: «политика качелей». Как бы там ни было, но события 18 фруктидора и 22 флореаля показали внутреннюю слабость режима Директории.

Все понимали, что политика лавирования между противоположными политическими лагерями могла поддерживать неустойчивый режим Директории лишь до того времени, пока крупными победами на фронтах могла прикрываться его внутренняя слабость. А на фронтах французам пока сопутствовала удача.

Наполеон Бонапарт не переставал убеждать Барраса и его сторонников в необходимости предупредить действия вновь собравшейся против Франции коалиции европейских государств. Он требовал повести наступательную борьбу против австрийцев и их итальянских союзников, для чего необходимо было вторгнуться в северную Италию.

В новой коалиции государств, которые выступали против Франции, объединились Австрия, Англия, Россия, Сардинское королевство, Королевство обеих Сицилий и несколько германских государств (Вюртемберг, Бавария, Баден и другие).

Директория, как впрочем и вся Европа, считала, что главным театром предстоящей военной кампании 1796 года будет западная и юго-западная Германия, через которую французы сделают попытку вторгнуться

в австрийские владения. Для этого похода Директория готовила свои самые лучшие войска и самых выдающихся военных во главе с генералом Моро. Для этой армии не скупилась на средства. Обоз ее был прекрасно организован, и французское правительство очень рассчитывало на успех этого наступления.

Планам Бонапарта относительно вторжения из южной Франции в северную Италию, захвата ее территории и удара по Австрии с юга мало кто доверял. Правда, на него обратили внимание, полагая, что такое вторжение можно использовать как диверсию, которая заставила бы венский двор раздробить свои силы, и с помощью которой можно было бы отвлечь внимание австрийцев от главного, германского, театра военных действий. А поэтому решено было отправить в Сардинию несколько десятков тысяч солдат, которые стояли на юге. Когда встал вопрос о главнокомандующем этой южной армии, Карно предложил утвердить Бонапарта. Все согласилось, потому что никто из более важных и известных генералов этого назначения не домогался. Таким образом, Наполеон Бонапарт стал главнокомандующим «итальянской» армии и выехал к месту своего назначения.

Именно благодаря этой первой войне, которую вел Наполеон, его имя впервые стало известным во всей Европе. Престарелый Суворов после этой военной кампании произнес: «Далеко шагает, пора унять молодца!» Но «унять» Наполеона было некому. Вскоре весь мир убедился, что равного ему по таланту военачальника не существует.

Бонапарт приехал в свою армию и провел смотр. Армия была в таком состоянии, что походила более на скопище оборванцев. Все имущество, которое отпускалось в Париже на эту армию, быстро разворовывалось. Сорок три тысячи человек жили на квартирах в Ницце и около Ниццы, питаются неизвестно чем, и одеты они были в лохмотья. У солдат не хватало сапог, они воочию видели воровство. Боеспособность этой армии была нулевая.

Бонапарт сразу понял, насколько трудная задача стоит перед ним. Ему нужно было не только одеть, обуять и дисциплинировать свое войско, но и сделать это практически на ходу, во время похода, в промежутках между сражениями. Откладывать поход он не собирался.

Кроме этого, ему неохотно подчинялись начальники отдельных частей армии — Ожеро, Массен, Серрюрье. Они не хотели признавать своим начальником 27-летнего Бонапарта. Это казалось им оскорбительным.

Наполеону приходилось несладко. После его нового назначения поползли слухи, будто однажды он, глядя снизу вверх на высокого Ожеро, сказал: «Генерал, вы ростом выше меня как раз на одну голову, но если вы будете грубить мне, то я немедленно устраню это отличие». Бонапарт с самого начала дал понять всем и каждому, что он не потерпит в своей армии даже малейшего неподчинения себе и своей воле, а также сломит всех сопротивляющихся, не глядя на их ранги и звания. Бонапарт доносил в Париж: «Приходится часто расстреливать».

Первое, что сделал Бонапарт в армии, это прекратил воровство. Это сразу же заметили солдаты, что восстановило дисциплину лучше, чем любые расстрелы. Но, если бы Бонапарт занялся лишь экипировкой армии, он пропустил бы кампанию 1796 года. И тогда Наполеон бросил воззвание: «Солдаты, вы не одеты, вы плохо накормлены... я хочу повести вас в самые плодородные страны в свете». И солдаты откликнулись на его призыв.

9 апреля 1796 года Бонапарт двинул свои войска через Альпы. С самого начала похода он обнаружил доходящую до дерзости смелость и презрение к личной опасности. Он прошел вместе со своим штабом по самой опасной, но самой короткой дороге — по знаменитому «Карнизу» Приморской горной гряды Альпийских гор, где все время они находились под прицелом пушек крейсировавших у самого берега английских судов. Наполеон считал, что без определенной необходимости военачальник не должен во время войны подвергаться личной опасности, потому что его гибель может повлечь за собой панику и проигрыш сражения и даже войны. Но если обстоятельства сложатся так, что личный пример необходим, то военачальник должен не колеблясь идти в огонь.

В первые же дни войны, которую Наполеон вел в Пьемонте, выявились основные принципы, которыми он руководствовался во время проведения военных кампаний: быстро собирать в один кулак большие силы, переходить от одной стратегической задачи к другой,

не затевать слишком сложных маневров и разбивать силы противника по частям. В первые же дни войны Наполеон одержал шесть крупных побед, историки даже называют эти «шесть побед в шесть дней» — одним сплошным большим сражением.

Кроме этого, в Наполеоне проявился и талант политика. Он и в последующие годы всегда сливал политику и стратегию в одно целое. Так и в этот раз, переходя от победы к победе в апреле 1796 года, Бонапарт не упускал из вида: ему необходимо принудить Пьемонт (Сардинское королевство) к сепаратному миру, чтобы остаться лицом к лицу с австрийскими войсками. Вскоре пьемонтский генерал Колли начал переговоры о мире, и 28 апреля перемирие с Пьемонтом было подписано. По условиям этого мира король Пьемонта отдавал Бонапарту две свои лучшие крепости и целый ряд других оборонительных пунктов. Окончательный мир с Пьемонтом был подписан в Париже 15 мая 1796 года. Отныне Сардинское королевство обязывалось не пропускать через свою территорию ничьи войска, кроме французских, а также не заключать ни с кем союзов. К Франции отошли значительные земли Пьемонта и последний обязывался содержать французскую армию. Оставшись наедине с австрийцами, в очень короткое время Наполеон отбросил их на восток от реки По и захватил Пармское герцогство. Наложив на герцога Пармского огромную контрибуцию, Наполеон направился к городку Лоди, собираясь перейти там реку Аду. Переправу защищал десяти тысячный австрийский отряд. Здесь 10 мая произошло знаменитое сражение при Лоди. Наполеон снова счел нужным рискнуть своей жизнью. Когда у моста завязывался страшный бой, генерал Бонапарт во главе гренадерского батальона бросился под пули. Кроме этого, двадцать австрийских орудий сметали картечью все на мосту и вокруг него. Но гренадеры отчаянным броском отесняли австрийцев, захватив пятнадцать пушек. После этого сражения молодому генералу удалось завоевать необычайное уважение и любовь среди солдат. Его поступок потряс не только его подчиненных, но и всех современников. «Наполеон на Лодийском мосту» — впоследствии был одним из популярных сюжетов для написания картин.

15 мая войска Бонапарта вошли в Милан. В ию-

не отряд под началом Мюрата занял Ливорно, генерал Ожеро вошел в Болонью. Сам Наполеон в середине июня занял Модену. Дальше располагалась Тоскана, которая была нейтральной в происходившей франко-австрийской войне. Но Бонапарт не обращал на нейтралитет ни малейшего внимания.

Еще совсем недавно голодные и разутые, а теперь сытые французские солдаты буквально бесчинствовали на захваченных территориях. Это привело к тому, что местные жители попытались несколько раз поднять восстания, но все выступления были жестоко подавлены. Вскоре Бонапарт двинулся к крепости Мантуя — одной из самых сильных в Европе по естественным условиям и по искусственно созданным укреплениям.

Но едва он успел приступить к осаде Мантуи, как на помощь крепости из Тироля вышла тридцатитысячная австрийская армия под командованием талантливого генерала Вурмзера. Все покоренные итальянские государства, а также Пьемонт, воспрянули духом.

Шестнадцать тысяч человек Бонапарт оставил на осаду Мантуи, а двадцать девять тысяч — были у него в резерве. Он ждал подкрепления из Франции. Навстречу Вурмзеру отправился один из лучших его генералов — Массен. Но Вурмзеру удалось его отбросить. Тогда на подмогу был отправлен генерал Ожеро, но и он потерпел неудачу. Казалось, поражение было неминуемо. И тогда Наполеон совершил маневр, который, по мнению и старых теоретиков, и новых, мог бы сам по себе обеспечить ему, как сказал Жомини, «бессмертную славу», даже если бы после этого он сразу же был убит.

Вурмзер уже был уверен в близкой победе. Он вошел в осажденную Мантую, сняв с нее осаду, и тут узнал, что Наполеон со всеми своими силами бросился на колонну австрийцев, которая действовала на сообщениях Бонапарта с Миланом, и в трех битвах разбил ее: в сражениях при Лонато, Сало и Брешии. Разозленный Вурмзер вышел из Мантуи со всеми своими силами и, разбив заслон, который поставили против него французы под начальством Валлета, 5 августа встретился под Кастельоне с самим Бонапартом. Здесь он потерпел тяжелое поражение от французских войск. Победа французов стала возможна благодаря блестящему маневру, в результате которого часть французских войск зашла в тыл австрийцам.

Вурмзер с остатками разбитой армии вскоре заперся в Мантуе. Бонапарт возобновил осаду. И тогда из Австрии была снаряжена в спешном порядке новая армия под командованием Альвинци, который считался одним из лучших генералов Австрийской империи. Оставив 3300 человек осаждать Мантую, Бонапарт, имея 28500 человек, вышел навстречу Альвинци. Он почти не имел резервов и в свое оправдание повторял: «Генерал, который очень уж исключительно заботится перед сражением о резервах, непременно будет разбит».

Так как армия Альвинци была значительно больше, он отбросил несколько французских отрядов в ряде стычек. Бонапарт попытался сконцентрировать вокруг себя все силы, готовясь к решающему сражению.

15 ноября 1796 года оно началось и закончилось вечером 17 ноября. Это была битва при Арколе. Австрийцев было гораздо больше и сражались они с чрезвычайной стойкостью, так как здесь были отборные полки Габсбургской империи. Одним из центральных пунктов, вокруг которого завязалось сражение, был Аркольский мост, на который французы трижды бросались штурмом: трижды брали его и трижды с тяжелыми потерями вынуждены были отступать. И тогда Бонапарт повторил то же, что сделал при взятии моста в Лоди: он лично бросился вперед со знаменем в руках. Вокруг него было убито несколько солдат и адъютантов. Тяжелый кровопролитный бой, длившийся трое суток, закончился победой французов. Альвинци был разбит и отброшен. Впоследствии штурм Аркольского моста стал также популярным сюжетом для написания картин.

Полтора месяца австрийцы готовились к реваншу. В начале 1797 года в битве при Риволи, которая произошла 14 — 15 января, Бонапарт разбил всю австрийскую армию, которую удалось собрать Габсбургам, а через две с половиной недели после битвы при Риволи Мантуя капитулировала.

После этого Бонапарт двинулся на север, угрожая уже наследственным Габсбургским владениям. Он разбил войска эрцгерцога Карла и отбросил австрийцев к Бреннеру. В Вене началась паника. В самом дворце стали спешно запаковывать и вывозить коронные драгоценности. Гибель нескольких лучших австрийских армий, страшные поражения самых талантливых и спо-

собных генералов, потеря всей Северной Италии и прямая угроза столице Австрии, — такими были итоги военной кампании, которая началась в конце марта 1796 года и закончилась весной 1797. Имя Наполеона приобрело всеобщую известность.

В начале апреля 1797 года генерал Бонапарт получил официальное уведомление, что австрийский император Франц просит его начать мирные переговоры. Наполеон, продолжая успешные военные действия, известил императора о своей готовности к миру. В письме императору он написал, что будет гордиться заключенным миром более, «чем печальной славой, которая может быть добыта военными успехами... Разве недостаточно убили мы народа и причинили зла бедному человечеству?»

Директория дала согласие на мир, но пока ее представитель Кларк ехал в лагерь Бонапарта, генерал уже успел заключить перемирие в Леобене.

Но еще до начала мирных переговоров Бонапарт отправился в экспедицию против папских владений, так как папа Пий VI был непримиримым врагом французской революции. Он разгромил папские войска в первой же битве. Они бросились убежать с такой быстротой, что посланный за ними в погоню Жюно не мог их догнать на протяжении двух часов. После этого все города сдавались Бонапарту без сопротивления. Рим был охвачен паникой, из него началось повальное бегство состоятельных людей и духовенства в Неаполь.

Папа Пий VI написал Бонапарту умоляющее письмо, в котором просил мира. Бонапарт согласился на него при условии полной капитуляции. 19 февраля 1797 года мир был подписан в Толентино. Согласно этому договору папа уступал значительную часть своих владений и уплачивал 30 миллионов франков золотом, а также отдавал лучшие картины и статуи из своих музеев. Эти произведения искусства из Рима так же, как еще раньше из Милана, Болоньи, Модены, Пармы, Пьяченцы, а позже из Венеции, были отправлены в Париж.

Уже тогда Бонапарт, убедившись на деле в своем исключительном военном таланте, стал задаваться вопросом: неужели ему всегда придется побеждать и за-

воевывать новые страны для Директории, «для этих адвокатов»? Уже тогда на этот вопрос Наполеон дал отрицательный ответ. Именно поэтому он не пошел дальше на Рим, а вернулся назад в Северную Италию, чтобы заключить мир с побежденной Австрией. Он не стал совершать насилия над папой Пием VI именно потому, что прекрасно понимал: подобный поступок отрицательно повлияет на его авторитет среди католических и христианских государств.

Леобенское перемирие, а также подписанный за ним Кампо-Формийский мир и все остальные дипломатические переговоры Бонапарт вел по собственному усмотрению и условия выработывал, считаясь исключительно со своими соображениями. Все это сходило ему с рук, потому что, как гласит старинное правило, «победителей не судят».

Следует отметить, что все лучшие республиканские генералы, в том числе и Моро, как раз в это же время — в 1796 и в начале 1797 года — были разбиты на Рейне, а рейнская армия постоянно требовала огромных денег на свое содержание, хотя с самого начала была отлично экипирована. Бонапарт же отправился на войну с неорганизованной толпой раздутых и раздетых солдат и за короткое время превратил их в грозное и преданное войско, причем ничего не требовал на его содержание, а наоборот, посылал в Париж миллионы золотых монет, произведения искусства, завоевывал Италию, уничтожал одну австрийскую армию за другой и принудил Австрию к подписанию мирного договора, а битва при Риволи и взятие Мантуи, завоевание папских владений окончательно утвердили его авторитет.

Город Леобен, который захватили французы, находился всего в 250 километрах от Вены, но Бонапарт понимал, что если он направится к столице Австрии, то тем самым вызовет отчаянное сопротивление. И тогда он решил совершить обходной маневр — Бонапарт принял решение захватить Венецию.

Венецианская республика была нейтральна и делала все, чтобы не дать никакого повода для нашествия. Но, как уже отмечалось выше, для Бонапарта нейтралитет не имел никакого значения. Повод для нашествия вскоре был найден: на рейде в Лидо кем-то был убит один французский капитан. Когда вене-

цианский дож стал умолять Бонапарта о пощаде, Наполеон цинично ответил ему в своем письме: «Я не могу вас принять, с вас капает французская кровь». В Венецию была отправлена дивизия под командованием генерала Бараге д'Илье. В июне 1797 года Венецианская торговая республика, просуществовавшая тринадцать столетий, прекратила свое существование: ее владения были разделены. По договору с Австрией город на лагунах отходил к ней, а материковые владения Венеции — к Цизальпинской республике, которую Бонапарт решил создать из основной массы занятых им итальянских земель. Следует отметить, что даже собственное правительство — Директорию, — он уведомил о том, что собирается сделать с Венецией, лишь когда уже стал приводить в исполнение свои планы.

Тем временем события в Париже развивались следующим образом.

После того, как весной 1796 года был раскрыт заговор Бабефа, побежденные в Вандемьере роялисты снова приободрились и подняли головы. Но они не учли и на этот раз, что массы новых землевладельцев желают для защиты своей собственности сильной полицейской власти, а не возврата династии Бурбонов, которая всегда будет дворянской, а не буржуазной монархией, а поэтому с ней вернутся феодализм и эмиграция, которая потребует обратно свои земли.

Но тем не менее роялисты из всех контрреволюционных группировок были лучше всех организованы, сплочены и снабжены помощью и средствами из-за границы, а поэтому они играли главную роль в подготовке низвержения Директории весной и летом 1797 года. Всякий раз частичные выборы в Совет пятисот давали явный перевес правым, а иногда даже откровенно роялистским элементам. Даже в самой Директории были колебания. Так Бартеlemi и Карно выступали против решительных мер, а Бартеlemi даже сочувствовал многому в поднимающемся движении. Остальные три директора — Баррас, Ребель и Ларевельер-Лепо — постоянно совещались, но так и не могли прийти к однозначному решению.

Одним из обстоятельств, которые вызывали эти сомнения, было то, что генерал Пишегрю, завоевавший Голландию в 1795 году, оказался в лагере оппозиции.

Его избрали президентом Совета пятисот — главой высшей законодательной власти в государстве, — и он готовился к нападению на республиканских «триумвиров», как называли трех директоров — Барраса, Ребеля и Ларевельера-Лепо.

Несмотря на то, что Наполеон воевал в Италии, он продолжал внимательно следить за всем, происходящим в Париже. Он прекрасно видел, что республике грозит опасность. Сам Бонапарт республику не любил и мечтал о ее удушении, но он вовсе не хотел, чтобы это сделал кто-то другой. Еще меньше он хотел того, чтобы с падением республики к власти вернулись Бурбоны.

Тут и произошло событие, которое повлияло на последующий ход истории. В один из майских вечеров 1797 года Бонапарту, который находился в Милане, прибыла экстренная эстафета от его генерала Бернадотта из Триеста. Ему был передан портфель, отнятый у некоего графа д'Ангрега, роялиста и агента Бурбонов, который, спасаясь от французов, бежал из Венеции в Триест и там был арестован. В портфеле этом находились убедительные доказательства измены генерала Пишегрю — материалы его тайных переговоров с агентом принца Конде, Фош-Борелем, что явилось свидетельством его давнего предательства делу республики.

Но Бонапарт не спешил отправить найденные бумаги в Париж Баррасу, потому что в одной из бумаг, и при этом в самой важной для обвинения Пишегрю, агент Бурбонов Монгайар писал, что побывал в Италии у Бонапарта, в главной квартире его армии и пытался вести с ним переговоры. Монгайар действительно мог под каким-нибудь предлогом побывать под чужим именем у Бонапарта, но Наполеон решил, что лучше эти строки уничтожить. Он приказал доставить к себе д'Ангрега и предложил ему переписать этот документ, убрав лишние строки, а затем подписать его. Д'Ангрег под угрозой расправы сделал все, что от него требовали, после чего ему было устроено мнимое бегство из-под стражи. После этого документы были отправлены в Париж. Это дало возможность «триумвирам» начать действовать. Они стянули верные себе дивизии в Париж, дождались отряда генерала Ожеро, которого Бонапарт спешно отправил из Италии в Париж на помощь ди-

ректором. Кроме этого, Бонапарт прислал 3 миллиона франков золотом для усиления средств Директории в предстоящей борьбе.

18 фрюктидора (4 сентября 1797 года) в 3 часа ночи Баррас приказал арестовать двоих умеренных директоров. Бартелеми был схвачен, а Карно успел бежать. После этого начались массовые аресты роялистов, чистка Совета пятисот и Совета старейшин. Арестованных сослали в Гвиану. Были закрыты заподозренные в роялизме газеты, произошли массовые аресты в Париже и провинциях.

Пишегрю — председатель Совета пятисот — тоже был схвачен и увезен в Гвиану. Никакого сопротивления переворот 18 фрюктидора не встретил. Плебейские массы ненавидели роялизм больше, чем Директорию, и открыто радовались удару, который надолго сокрушил приверженцев династии Бурбонов. «Богатые секции» на этот раз на улицу не вышли, так как хорошо помнили страшный вандемьерский разгром, который учинил им при помощи артиллерии в 1795 году генерал Бонапарт.

Директория и на этот раз победила. Республика была спасена. С чем не преминул поздравить Директорию генерал Бонапарт из далекой Италии. Право уничтожить Директорию он оставлял за собой, что и сделал спустя два года. Он же расправился и с республикой через семь лет.

Разгром роялистов 18 фрюктидора положил конец всем надеждам европейских монархических правительств на скорую смену власти во французской столице. Прекрасно сознавая это, генерал Бонапарт стал настаивать на скорейшем подписании мира. Из Австрии для переговоров с ним прибыл дипломат Кобенцль. Он был искусным дипломатом, но ничего поделать с Бонапартом не мог. В своих донесениях в Вену он жаловался: «Такого сутягу и такого бессовестного человека редко можно встретить».

Бонапарт вновь обнаружил свои дипломатические способности, которые, по мнению многих современников, не уступали его военному гению. Лишь один раз за все время переговоров он сорвался и закричал: «Ваша империя — это старая распутница, которая привыкла, чтобы все ее насиловали... Вы забываете, что Франция победила, а вы побеждены... Вы забываете,

те, что вы тут со мной ведете переговоры, окруженные моими гренадерами...» Он швырнул на пол столик, на котором стоял привезенный Кобенцлем драгоценный фарфоровый кофейный сервиз — подарок дипломату от русской императрицы Екатерины. «Он вел себя как сумасшедший», — доносил об этом в Вену Кобенцль.

Тем не менее 17 октября 1797 года в городке Кампо-Формио был подписан договор между Французской республикой и Австрийской империей. Согласно этому договору Бонапарт достиг почти всего и в Италии, где он победил, и в Германии, где, наоборот, австрийским генералам удавалось бить французских генералов. Как и предполагал Бонапарт, Венеция послужила компенсацией для Австрии за все уступки на Рейне.

Весть о мире была встречена в Париже с ликованием. Все надеялись на торговое и промышленное оживление. Имя гениального военного приобрело необычайную известность, так как все понимали, что война, проигранная несколькими генералами на Рейне, была выиграна одним Бонапартом в Италии, который этим самым спас и положение на Рейне. «О, могущественный дух свободы! Ты один мог породить... итальянскую армию, породить Бонапарта! Счастливая Франция!» — так восклицал в своей речи один из «триумфиров» республики Ларевельер Лепо.

В это время Бонапарт закончил создание новой вассальной Цизальпинской республики, куда вошла часть завоеванных им земель и прежде всего Ломбардия. Другая часть его завоеваний отошла непосредственно к Франции. Рим же и подобные ему части Италии Бонапарт до какого-то времени оставил в руках прежних государей, но с их фактическим подчинением Франции.

По Европе стала распространяться официальная версия о том, что итальянский народ сбрасывает с себя иго феодалов и берется за оружие, чтобы помочь освободителям-французам, которые устанавливают на территории Италии республиканское правление. Как же все обстояло на самом деле, Бонапарт сообщал Директории: «Вы воображаете себе, что свобода подвигнет на великие дела дряблый, суеверный, трусливый, увертливый народ... В моей армии нет ни одного итальянца, кроме полутора тысяч шалопаев, подобранных на улицах, которые грабят и ни на что не годятся...» Бо-

напарт прекрасно понимал, что Италию удержать в повиновении можно только силой. Он жестоко расправился с жителями городов Бинаско, Павия, а также с жителями некоторых деревень, возле которых были найдены убитыми отдельные французы.

Бонапарт уничтожил в завоеванной Италии все следы феодальных прав: лишил церковь и монастыри права на некоторые поборы, успел провести законоположения, которые должны были приблизить социально-юридический строй Северной Италии к тому, который успела выработать буржуазия во Франции. Не забывал он и о своем материальном положении, а также о материальном положении своих генералов — из похода они вернулись богатыми людьми.

Бонапарт не хотел покидать завоеванную страну, но Директория настойчиво звала его в Париж. Его назначили главнокомандующим армией, которая должна была действовать против Англии. Бонапарт прекрасно понимал, что Директория стала его бояться: слишком большой авторитет он приобрел. Он говорил: «Они завидуют мне, я это знаю, хоть они и курят фимиагом под моим носом; но они меня не одурачат. Они поспешили назначить меня генералом армии против Англии, чтобы убрать меня из Италии, где я больше государь, чем генерал».

7 декабря 1797 года Бонапарт прибыл в Париж, а 10 декабря был триумфально встречен Директорией в полном составе в Люксембургском дворце. Огромная толпа народа собралась у дворца, Бонапарту рукоплескали, когда он прибыл ко дворцу. Его встречали приветственными речами Баррас и министр иностранных дел Талейран. Все это молодой двадцативосьмилетний генерал принял с полным спокойствием, как должное. Он никогда не придавал большого значения восторгам толпы: «Народ с такой же поспешностью бежал бы вокруг меня, если бы меня вели на эшафот», — сказал он после этих оваций.

Приехав в Париж, Бонапарт взялся за проект новой Большой войны. Он понимал, что действовать против Англии следует не на Ла-Манше, где их флот гораздо сильнее французского, он предложил завоевать Египет и создать на Востоке плацдармы для дальнейшей угрозы английскому владычеству в Индии.

Когда в Европе услышали о готовящихся планах,

все в один голос утверждали, что Бонапарт сошел с ума. На самом деле план Бонапарта совпадал с устремлениями не только революционной, но и дореволюционной французской буржуазии, а поэтому он был принят.

ПОХОД В ЕГИПЕТ

Купцы Марселя и всего юга Франции с давних пор вели выгодную торговлю со странами Леванта, с Сирией, Египтом и с островами восточной части Средиземного моря, так называемым Архипелагом. Понятно, что французская буржуазия давно мечтала об установлении политического влияния Франции на этих прибыльных землях. Французские дипломаты давно приглядывались к левантийским странам, которые, как им казалось, слабо оберегаются Турцией, хоть и числятся владениями константинопольского султана, землями Оттоманской Порты, как тогда называлось турецкое правительство. Особое место в их устремлениях занимал Египет, который омывался Средиземным и Красным морями. Он был великолепным плацдармом, с которого можно было угрожать торговым и политическим конкурентам в Индии и Индонезии. Еще знаменитый философ Лейбниц предлагал Людовику XVI завоевать Египет и подорвать тем самым положение голландцев на Востоке. Но теперь уже не голландцы, а англичане смотрели на Бонапарта не как на сумасшедшего, когда он предложил войну с Египтом. Достаточно сказать, что осторожный и скептический министр иностранных дел Талейран решительно поддержал этот план молодого генерала. Как только Бонапарт завладел Венецией, он тут же приказал одному из своих генералов захватить Ионические острова. Уже тогда он утверждал, что это является первым шагом на пути к завоеванию Египта. Еще в августе 1797 года Бонапарт написал в Париж: «Недалеко уже то время, когда мы почувствуем, что для того, чтобы в самом деле разгромить Англию, нам нужно овладеть Египтом». Когда у него случилось свободное время, Наполеон с большим интересом читал книги о Египте. Ионическими островами, которые он захватил, Бонапарт дорожил

больше, чем всей Северной Италией. В свое время он, еще не заключив мир с Австрией, настойчиво советовал Директории овладеть островом Мальта.

Теперь, когда в Кампо-Формио был подписан мир с Австрией и главным врагом Франции была Англия, Бонапарт настойчиво убеждал Директорию дать ему флот и армию для завоевания Египта. Его всегда манил Восток, ему не давала покоя слава Александра Македонского, которого он почитал больше, чем Цезаря и Карла Великого. Наполеон говорил впоследствии, что Европа мала и что настоящие великие дела можно совершать лишь на Востоке.

Бонапарту и Талейрану не пришлось долго уговаривать Директорию дать деньги, солдат и флот для далекого и опасного похода. Директория тоже видела пользу и смысл в этом завоевании, кроме этого, она хотела убрать Бонапарта подальше от Парижа. «Я уже не умею повиноваться», — открыто признался Бонапарт в своем штабе, когда вел переговоры о мире с австрийцами. Директория об этом прекрасно знала. На чествовании его 10 декабря 1797 года Бонапарт вел себя не как молодой воин, который с волнением и благодарностью принимает похвалу от отечества, а как древнеримский император, — он был холоден, почти угрюм, неразговорчив, принимал все происходившее как должное и обыденное. Это не ускользнуло от глаз директоров. Судьба египетской кампании была решена: главнокомандующим был назначен генерал Бонапарт. Это произошло 5 марта 1798 года.

Бонапарт сразу же принялся готовить экспедицию. Он осматривал корабли, отбирал солдат для экспедиционного корпуса, от его зоркого взгляда не ускользала ни одна мелочь. Кроме этого, инспектируя берега и флот, формируя свой экспедиционный корпус, Бонапарт продолжал внимательно следить за мировой политикой, а также за слухами о передвижении эскадры английского адмирала Нельсона.

Бонапарт чуть ли не поодиночке отбирал солдат для своего экспедиционного корпуса. Его окружение поражало, какое громадное количество солдат он знал индивидуально. Это еще раз подтверждало его исключительную память. И впоследствии Наполеон не только правильно выбирал своих маршалов, но он правильно выбирал также и капитанов, если это было нужно.

Сейчас он выбирал солдат, способных воевать под палящим солнцем, при 50 градусах жары, которые были сильные, выносливые люди. 19 мая 1798 года экспедиционный корпус был сформирован и флот Бонапарта отплыл из Тулона. В нем было около 350 больших и малых судов и барок, на которых размещалась армия в 30 тысяч человек с артиллерией. Теперь главной задачей флота было избежать встречи с эскадрой Нельсона, которая могла потопить его.

Европа знала о подготовке морской экспедиции, во главе которой стоял генерал Бонапарт, что само по себе указывало на ее исключительную важность. Но куда отправится экспедиция, никто не знал. Наполеон сумел искусно распространить слух, будто он намерен пройти через Гибралтар и, обогнув Испанию, высадиться в Ирландии. Слух этот обманул адмирала Нельсона: он ожидал Наполеона у Гибралтара.

Французский флот вышел из гавани и направился в противоположную сторону, к острову Мальта. С самого XVI века им правил Орден мальтийских рыцарей. Когда флот Бонапарта подошел к острову, его правители вынуждены были покориться и остров Мальта стал владениями Французской республики. Не задерживаясь здесь надолго, Бонапарт повел свой флот дальше. 30 июня он причалил к берегу Египта близ города Александрия и немедленно начал высадку. Здесь Бонапарт узнал, что за 48 часов до его появления к Александрии подходила английская эскадра и спрашивала о нем.

Дело было в том, что адмирал Нельсон, который прослышал о взятии Мальты французами, убедился, что Бонапарт его обманул. Он на всех парусах отправился в Египет, чтобы не допустить высадки и разбить французов на море. Но ему повредили излишняя поспешность и большая быстрходность английского флота. Прибыв в Александрию раньше Бонапарта, сбитый с толку адмирал Нельсон направил свой флот в Константинополь. Он решил, что французам больше плыть некуда, если их нет в Египте.

Эти ошибки адмирала Нельсона спасли французскую армию. Бонапарт прекрасно это понимал, а потому высадка была произведена в срочном порядке — практически за сутки.

Оказавшись на суше, Бонапарт уже ничего не боялся. Он немедленно двинул свою армию на Александрию, так как высадку произвел в рыбацьем поселке Марабу в нескольких километрах от города.

В те времена Египет считался владением турецкого султана. Фактически же над ним властвовала верхушка хорошо вооруженной феодальной конницы, которая называлась мамелюками, а их начальники — владельцы лучших земель в Египте — беями-мамелюками. Они платили некоторую дань константинопольскому султану, на словах признавали его верховную власть, но практически от него не зависели.

Основное население Египта составляли арабы, которые занимались торговлей, ремеслом, караванными перевозками и работой на земле. Из доарабских племен в Египте жили копты, которых называли феллахами (крестьянами). Они находились в униженном положении, батрачили, были чернорабочими, погонщиками верблюдов и т.п.

Несмотря на то, что страна фактически принадлежала султану, Бонапарт все говорил, что с турецким султаном он не воюет, а лишь хочет освободить арабов от угнетения со стороны беев-мамелюков.

После нескольких часов перестрелки Бонапарт взял Александрию, которая была огромным и богатым городом. Здесь он, повторяя свой миф об освобождении арабов от мамелюков, установил французское владычество, вслячески уверяя арабов в своем уважении к корану и к магометанской религии. Однако он требовал проявлять полную покорность, грозя в противном случае расправой.

После завоевания Александрии Бонапарт двинулся на юг, в пустыню. Его войска страдали от недостатка воды, так как население деревень в панике покидало свои дома, отравляя и загрязняя колодцы. Мамелюки медленно отступали, изредка идя на короткие стычки, после которых быстро скрывались от погони на великолепных лошадях.

Когда 20 июля 1798 года Бонапарт увидел пирамиды, он воскликнул: «Солдаты! Сорок веков смотрят на вас сегодня с высоты этих пирамид!» Здесь армия Бонапарта встретилась с главными силами мамелюков.

Сражение происходило между селением Эмбабе и пирамидами. Мамелюки потерпели полное поражение

и, бросив значительную часть своей артиллерии — 40 пушек, — отошли на юг. Они потеряли несколько тысяч человек убитыми.

После этой победы войска Бонапарта вошли в город Каир, который был вторым по величине городом Египта. Население молча встретило завоевателя. Люди не только ничего не слышали о Бонапарте, но даже с трудом представляли, откуда он явился вместе со своими войсками.

Каир оказался намного богаче Александрии. Здесь армия сумела отдохнуть после тяжелого перехода.

Арабы были запуганы и относились к завоевателям с большой напряженностью, которая еще больше усилилась после того, как Бонапарт отдал приказ сжечь село Алькат недалеко от Каира, заподозрив его жителей в убийстве нескольких французских солдат. Так он впоследствии поступал всюду: его солдаты должны были видеть, как страшно он карает каждого, кто посмеет поднять руку на французского воина.

Утвердившись в Каире, Бонапарт принялся организовывать управление. В каждом селении власть была сосредоточена в руках французского начальника гарнизона. При нем находился совещательный «диван» из наиболее именитых и состоятельных местных граждан. Бонапарт строго предупредил своих командиров, что магометанская религия должна пользоваться полнейшим уважением, а мечети и духовенство — неприкосновенностью. Сбор податей и налогов был устроен так, чтобы страна содержала французскую армию. Местные начальники должны были организовывать полицейский порядок, охранять торговлю и частную собственность. Были отменены все земельные поборы, которые ранее взимались беями-мамелюками. Имения непокорных и продолжавших войну беев, которые бежали к югу, отошли к французской казне.

Здесь, как в Италии, Бонапарт стремился к уничтожению феодальных отношений и искал опору среди арабской буржуазии. Таким образом, в стране была установленная военная диктатура, централизованная власть которой была сосредоточена в руках генерала Бонапарта.

Следует отметить, что, провозглашенные Наполеоном веротерпимость и уважение к корану были в то время величайшим новшеством. Это дало повод российскому «священному синоду» весной 1807 года

отождествить Наполеона с предтечей антихриста, одним из аргументов синод выдвигал поведение Бонапарта в Египте, где он выказывал покровительство магометанству.

Установив в Египте свое правление, Бонапарт стал готовиться к походу в Сирию. Он прекрасно понимал, насколько опасна будет эта экспедиция, а потому решил не брать с собой ученых, которых привез из Франции. Он всегда с большим сочувствием и вниманием относился к своим ученым спутникам. Известна даже знаменитая его команда перед началом одного из сражений с мамелюками: «Ослов и ученых на середину!» Он имел в виду, что необходимо обезопасить представителей науки и драгоценнейших в походе выючных животных.

Следует отметить, что в истории египтологии поход Бонапарта сыграл огромную роль, так как с ним приехали ученые, которые, можно сказать, открыли для науки эту древнейшую страну, в коей зародилась человеческая цивилизация. Бонапарт имел возможность неоднократно убедиться, что далеко не все арабы восхищены «освобождением от тирании мамелюков», о котором постоянно говорил он в своих воззваниях, переводимых на местные языки. И если продовольствия для армии было достаточно, благодаря системе реквизиции и налогового обложения, то денег было найдено гораздо меньше — приходилось их добывать другими средствами.

Генерал-губернатор Александрии Клебер, которого оставил Бонапарт, арестовал прежнего шейха этого города и одного из самых богатых людей в Александрии Сиди-Мохаммеда Эль-Кораима, якобы, по обвинению в измене, не имея на то никаких доказательств. Эль-Кораим был отправлен под конвоем в Каир, где ему объявили, что для спасения своей жизни он должен отдать 300 тысяч франков золотом. Но Эль-Кораим оказался фаталистом: «Если мне суждено умереть теперь, то ничто меня не спасет и я отдам, значит, свои пиастры без пользы; если мне не суждено умереть, то зачем же их отдавать?» По приказу Бонапарта ему отрубили голову и провезли по всем улицам Каира с надписью: «Так будут наказаны все изменники и клятвопреступники». Несмотря на поиски, деньги, спрятанные казненным шейхом, так и не нашли. Но несколько богатых арабов, испуганных казнью Эль-Кораима, от-

дали все, что у них потребовали. Таким образом, вскоре было собрано 4 миллиона франков, которые поступили в казначейство армии.

В конце октября 1798 года жители Каира совершили попытку восстания. Несколько человек из оккупационной армии было убито, и в течение нескольких дней восставшие оборонялись в укрепленных ими кварталах. По приказу Бонапарта их беспощадно усмирили. После того, как перебили арабов и феллахов, сражавшихся с оружием в руках, в течение нескольких дней казнили по 12 — 30 человек ежедневно.

Восстание в Каире было не единичным, происходили волнения и в соседних с городом селениях. Узнав о первом же из этих восстаний, Бонапарт приказал своему адъютанту Куразье направиться туда, окружить племя и перебить всех без исключения мужчин. Женщин и детей привезли в Каир, а дома, где они жили, сожгли. Множество детей и женщин, которых гнали пешком по пустыне, умерло по дороге. Вскоре после карательной операции на главной площади Каира появились ослы, навьюченные мешками. Когда мешки раскрыли, на площадь покатались головы казненных мужчин провинившегося племени.

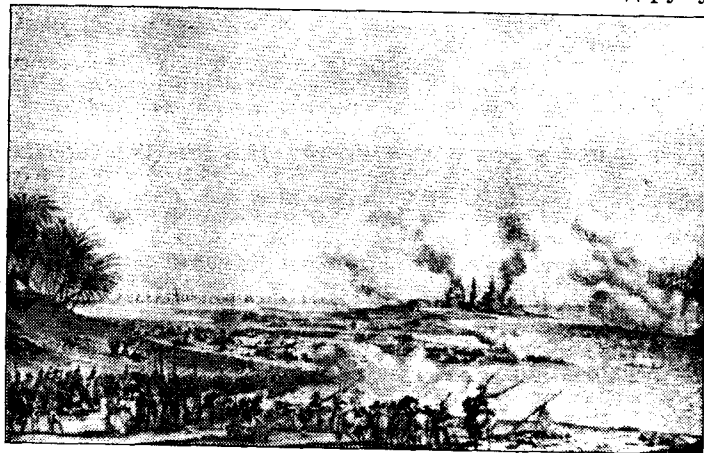
Эти зверства, по свидетельству очевидцев, какое-то время держали население в ужасе и покорности.

Кроме этого, генерал Бонапарт не мог считаться с двумя обстоятельствами. Во-первых, адмирал Нельсон спустя два месяца после высадки армии Наполеона в Египте, нашел французскую эскадру, которая стояла в Абукире, напал на нее и уничтожил, а командующий французской эскадрой адмирал Брией погиб в битве. Это означало, что армия Наполеона оказалась отрезанной от Франции. Во-вторых, турецкое правительство не поддержало миф Бонапарта, будто бы он не воюет с Оттоманской Портой, а лишь наказывает мамелюков за обиды, которые те чинят французским купцам, и за угнетение арабов. Турецкий султан послал в Сирию свою армию.

Армия Наполеона двинулась из Египта в Сирию. Поход этот был необычайно тяжелый, если учесть, что войскам не хватало воды. Несмотря на это город за городом, начиная с Эль-Ариша, по очереди сдавались Бонапарту. После того, как французские войска перешли Суэцкий перешеек, они двинулись к Яффе и 4

марта 1799 года осадили этот город, который решил не сдаваться. Тогда Бонапарт приказал объявить жителям Яффы, что если они не сдадутся, а французы возьмут приступом их город, то все жители будут истреблены, в плен брать никого не будут. Но Яффа не сдалась.

6 марта французы пошли на штурм и захватили город. Солдаты истребляли всех, кто попадался им под руку.

Битва при Абукире.

Гравюра Ж.В.М.Дюпрееля по рисунку Ж.Дюплесси-Берто.

Город был отдан на разграбление. Но 4 тысячи уцелевших турецких солдат при полном вооружении, в основном состоящие из арнаутов и албанцев по происхождению, заперлись в одном из районов города, и когда от них потребовали сдаться в плен, они объявили, что сдадутся лишь в том случае, если им будет обещана жизнь, иначе они намерены обороняться до последнего.

Им пообещали плен. И тогда турецкие солдаты вышли из своего укрепления и сдали оружие. Французские офицеры не стали расстреливать пленников, и их заперли в сарае. Но генерал Бонапарт пришел в ярость. «Что мне теперь с ними делать? — кричал он. — Где у меня припасы, чтобы их кормить?» У Наполеона не было ни судов, чтобы отправить их из Яффы в Египет, ни достаточно свободных войск, чтобы конвоировать 4 тысячи отборных и сильных солдат через все сирийские и египетские пустыни в Александрию или Каир.

Бонапарт размышлял три дня. Однако на четвертый

день приказал всех расстрелять. Четыре тысячи пленников были выведены на берег моря и уничтожены. «Никому не пожелаю пережить то, что пережили мы, видевшие этот расстрел», — говорил впоследствии один из французских офицеров.

После этого генерал Бонапарт двинул свои войска дальше к крепости Акр, которую французы называли Сен-Жан д'Акр, а турки — Акка.

Французы поскорее стремились покинуть Яффу, где в домах и на улицах, повсюду, где только возможно, гнили трупы перебитого населения, а поэтому началась эпидемия чумы.

Осада Акра длилась два месяца и окончилась неудачей, так как у Бонапарта не было осадной артиллерии. Защитники крепости оборонялись умело. Следует отметить, что обороной руководил англичанин Сидней Смит, кроме этого, с моря англичане подвозили боеприпасы и оружие, а сам турецкий гарнизон был достаточно велик. После нескольких неудавшихся приступов, 20 мая 1799 года Наполеон снял осаду, за время которой французы потеряли 3 тысячи человек. Но осажденные потеряли гораздо больше. Французские войска вынуждены были пойти обратно в Египет. Впоследствии Наполеон придавал особое, фатальное значение этой неудаче, так как крепость Акр была самой восточной точкой земли, до которой ему суждено было дойти.

Бонапарт решил остаться в Египте надолго. Он велел инженерам обследовать древние следы попыток прорыть Суэцкий канал и составить план будущих работ. Отсюда он писал письма майсорскому султану, который на юге Индии вел войну против англичан, — Бонапарт обещал ему помощь. Он планировал подписать соглашение о совместных действиях с персидским шахом.

Но неудача в Акре, постоянные восстания в сирийских деревнях, которые оставались в тылу между Эль-Аришем и Акром, невозможность без подкреплений растягивать коммуникации на такое расстояние положили конец его мечте о завоевании Сирии.

Назад армии Наполеона пришлось идти с гораздо большими трудностями, чем в наступление. Был конец мая, и страшная жара усилилась. Повсюду на своем пути озлобленный генерал жестоко карал сирийские деревни, когда считал нужным так поступить.

Но, несмотря на это, авторитет командующего среди

солдат не упал. Он делил вместе с рядовыми все трудности похода. Чума свирепствовала все больше. Больных чумой оставляли, но раненых и больных другими болезнями брали с собой. Генерал Бонапарт велел всем спешиться, а лошадей и повозки предоставить для больных и раненых. Когда после этого распоряжения заведующий конюшней спросил, какую лошадь оставить для Бонапарта, Наполеон пришел в ярость и ударил хлыстом по лицу своего подчиненного. «Всем идти пешком! Я первым пойду! Что, вы не знаете приказа? Вон!» — заорал он.

За подобные поступки солдаты любили своего генерала. Он прекрасно понимал это, а потому никто из наблюдавших подобные действия не мог понять, являются ли они сущностью его природы или это лишь игра на публику.

14 июня 1799 года армия Наполеона вернулась в Каир. Но не успел Бонапарт оправиться от неудачного похода, как ему сообщили, что близ Абукира высадилась турецкая армия, которую султан прислал для того, чтобы освободить Египет от французского нашествия. Бонапарт сразу же выступил со своими войсками из Каира и направился к дельте Нила. 25 июля он напал на турецкую армию и разгромил ее, почти все пятнадцать тысяч турок были перебиты — по приказу Бонапарта в плен никого не брали. «Эта битва одна из прекраснейших, какие я только видел: от всей высадившейся неприятельской армии не спасся ни один человек», — удовлетворенно написал Наполеон.

Море находилось по-прежнему в полной власти англичан, а в Египте прочнее, чем раньше, закрепились французы.

Но тут произошло непредвиденное. До Бонапарта уже давно не доходили никакие известия из Европы — и тут случайно ему в руки попала газета, из которой он узнал потрясающие для себя новости. Оказывается, пока он воевал в Египте, Австрия, Англия, Россия и Неаполитанское королевство возобновили войну против Франции. Русские войска, возглавляемые Суворовым, появились в Италии и, разбив французов, уничтожили Цизальпинскую республику. После этого Суворов двинулся к Альпам, угрожая вторжением во Францию. В самой Франции царили разруха и смута, Директория была ненавистна большинству населения и не могла уже контролировать ситуацию внутри страны.

«Негодяи! Италия потеряна! Все плоды моих побед потеряны! Мне нужно ехать!» — воскликнул Наполеон, когда прочел газету. Решение он принял сразу. Передав верховное командование армией генералу Клеберу, он в спешном порядке снарядил четыре судна и, посадив на них около пятисот человек, отобранных им, 23 августа 1799 года выехал во Францию.

Клеберу осталась большая, хорошо снабженная армия, а также исправно действующий, созданный Бонапартом, административный и налоговый аппарат. Население Египта было испугано и покорено.

Но тем не менее в 1800 году генерал Клебер был убит арабским патриотом, а год спустя, в августе 1801 года, французские войска, теснимые англичанами и турками, вынуждены были капитулировать и эвакуироваться из Египта.

ВТОРАЯ КОАЛИЦИЯ

Английское правительство прилагало максимаум усилий для того, чтобы воссоздать антифранцузскую коалицию. Особенно стремилось оно вовлечь в борьбу с Францией царскую Россию. Наконец представилась такая возможность, так как захваты, которые осуществили французы 1798 году — создание новых вассальных республик — Батавской (Голландия), Гельветической (Швейцария) и Римской (Папской область), а также занятие острова Мальта и вторжение их на Ближний Восток — привели к тому, что внешнеполитические цели России и Англии на какое-то время совпали.

Для борьбы с Францией наконец появились благоприятные условия, так как после разгрома французского флота при Абукире в Египте была отрезана одна из лучших французских армий. В конце 1798 — начале 1799 г. была создана Вторая антифранцузская коалиция, в состав которой вошла Россия, Англия, Австрия, Турция и Неаполитанское королевство.

Весной 1799 года возобновилась война в Европе, причем она велась при неблагоприятных условиях для Франции. Армия под командованием генерала Журдана была разбита на территории Германии и вынуждена

была отступить за Рейн. Гораздо более серьезные неудачи постигли французские войска в Италии. Сюда, пройдя огромные расстояния, пришли русские войска во главе с Суворовым, и в апреле 1799 года они появились в Северной Италии. В конце апреля они заняли Милан, а 26 мая вступили в Турин. Суворову удалось воспрепятствовать соединению двух французских армий генералов Моро и Макдональда, после чего в трехдневной кровопролитной битве при Триббиа (17 — 19 июня) он разгромил армию Макдональда и вынудил отступить армию Моро.

Напуганная положением на фронтах, Директория сместила генерала Макдональда и назначила главным командующим генерала Жубера, который считался одним из лучших полководцев республики. Теперь на него возлагались все надежды. Но 15 августа во время ожесточенного сражения у Нови, которое длилось шестнадцать часов, генерал Жубер был убит. На посту его сменил генерал Моро, но несмотря на все свои усилия, ему также не удалось добиться победы. К вечеру французские войска дрогнули и отступили — поле битвы осталось за Суворовым.

Победа Суворова у Нови во Франции вызвала панику. Казалось, что все завоевания французов в Италии утрачены. Суворов непреклонно продвигался к французским границам, но по настоянию Англии русские войска были направлены в Швейцарию на помощь находившимся там австрийским войскам.

Совершив переход через перевал Сен-Готард, армия Суворова прошла через Альпы, но, когда его войска вступили в Швейцарию, австрийский корпус под командованием эрцгерцога Карла уже покинул страну. Все это привело к разногласиям между Россией и Англией, что стало причиной выхода России из коалиции. Павел I приказал русским войскам возвратиться на родину.

ПЕРЕВОРОТ 18 БРЮМЕРА 1799 ГОДА

Наполеон отплыл из Египта с твердым намерением свергнуть Директорию и завладеть верховной властью во Франции. Он прекрасно понимал всю опасность собственной затеи. Необходимо было, по его собственному

выражению, «поставить точку в революции», которая началась взятием Бастилии более десяти лет назад. Сделать это было непросто.

Утром 8 октября 1799 года корабли Наполеона вошли в бухту у мыса Фрежюс на южном берегу Франции.

Рассмотрим теперь подробнее то положение, которое сложилось внутри страны к этому времени. После переворота 18 фруктидора V года (1797 года) и ареста Пишегрю, директор республики Баррас с товарищами, казалось, мог рассчитывать на новые собственные слои города и деревни, которые разбогатели в процессе распродажи национального имущества, и на армию, которая была тесно связана с крестьянством, ненавидевшим идею восстановления монархии.

Но за два года, которые прошли между 18 фруктидора V года и осенью 1799 года, Директория успела потерять всякую опору в обществе. Крупная буржуазия мечтала к тому времени о диктаторе, который мог бы восстановить торговлю, обеспечить развитие промышленности, принести Франции мир и крепкий внутренний порядок. Мелкая и средняя буржуазия желала того же. Было ясно, что диктатором мог стать кто угодно, только не представитель династии Бурбонов.

Парижские рабочие после массового разоружения, после жестокого террора в прериале 1795 года, после ареста и казни Бабефа в 1796 году, а также после ссылки бабувистов в 1797 году продолжали голодать. По-прежнему была массовая безработица. Надеяться на то, что плебейство будет защищать Директорию, не приходилось. Не лучше положение было и с крестьянами, которые пришли на заработки в город, у которых был один лозунг: «Мы хотим такого режима, при котором едят». Этой фразой часто пестрили донесения полицейских агентов.

Кроме того, Директория не смогла удержать Италию, завоеванную Бонапартом, что вызвало огромное недовольство среди лионских промышленников, шелковых фабрикантов и французских купцов. Деньги же, которые Бонапарт присылал в Париж из Италии в 1796 — 1797 годах, в большинстве случаев были разграблены чиновниками и спекулянтами, которые обкрадывали казну при попустительстве Директории. Когда же французские войска потерпели серьезное

поражение от войск Суворова, и теперь угроза представлялась непосредственно французским границам, от Директории окончательно отвернулись все слои населения.

На армию надеяться не приходилось. Там давно вспоминали о Бонапарте, воевавшем в Египте. Солдаты открыто жаловались на голод и воровство. Они говорили, что их зря гонят на убой.

Вновь оживилось движение роялистов в Вандее, а вожди шуанов — Жорж Кадудаль, Фротте, Ларошжаклен — грозили начать восстание в Бретани и Нормандии. Доходило до того, что роялисты кричали на улицах: «Да здравствует Суворов! Долой республику!» Даже когда осенью 1799 года Массена разбил в Швейцарии, недалеко от Цюриха, русскую армию Корсакова, этот успех не помог Директории в восстановлении престижа.

Директория не имела перспектив. За несколько месяцев она отдала неприятелю то, что десятком побед в сражениях завоевывал Бонапарт и другие французские военачальники.

Судьба Директории была предрешена.

21 вандемьера (13 октября) 1799 года Директория уведомила «с удовольствием» Совет пятисот, что генерал Бонапарт вернулся во Францию и высадился у Фрежюса. Собрание народных представителей стоя приветствовало это сообщение. Заседание тут же было прервано, и депутаты вышли на улицу. Столица ликовала в театрах, в салонах, на улицах и площадях произносилось имя Бонапарта.

Население Юга оказывало генералу невиданную встречу. Повсюду вдоль его пути в Париж крестьяне выходили из деревень, городские депутации представлялись Бонапарту. Его приветствовали как лучшего генерала республики. Он и вообразить не мог такой внезапно грандиозной встречи. В Париже, как только была получена весть о высадке Бонапарта, войска гарнизона столицы вышли на улицу и с музыкой прошли по городу. Никто после не мог объяснить точно, кто дал приказ об этом.

24 вандемьера (16 октября) генерал Бонапарт прибыл в Париж. До падения Директории оставалось три недели, но ни Баррас, ни все остальные не подозревали, что развязка так близка. Проезд Бонапарта по

Франции показал, что народ видит в нем спасителя. Повсюду были торжественные встречи, восторженные речи, манифестации. Офицеры и солдаты восторженно приветствовали своего любимого полководца.

Гарнизон Парижа также с восторгом приветствовал Бонапарта, который вернулся с лаврами завоевателя Египта и победителя турецкой армии. Наполеон почувствовал опору и в высших кругах общества. Он увидел, что к Директории все относятся враждебно. Буржуазия и ее вожди видели в Бонапарте того человека, который может устранить опасность как справа, так и слева.

Лишь два человека среди директоров представляли реальную силу — Сиейес и Баррас. Сиейес был известен своей брошюрой, в которой он провозглашал необходимость третьего сословия. Он был и оставался представителем и идеологом французской крупной буржуазии. На возвращение Бонапарта он смотрел с надеждой. «Нам нужна шпага», — говорил он. Он наивно полагал, что Бонапарт будет всего только «шпагой», а устанавливать режим будет он — Сиейес.

Баррас, конечно, был умнее Сиейеса. Он прекрасно знал, кто его ненавидит, и не давал никому пощады, понимая, что сам не получит ее ни от роялистов, ни от якобинцев, если они победят. К его сожалению, Бонапарт явился из Египта живым. Баррас понимал, что молодой генерал не собирается больше подчиняться Директории. Поэтому он сам часто бывал у Бонапарта в эти дни и посылал к нему для переговоров своих людей, чтобы обеспечить себе в будущем более-менее приличный пост.

Но, по-видимому, он в своих стараниях перегнул палку: Наполеон вскоре решил, что Баррас невозможен. Он понимал, что умные, смелые и тонкие политики ему нужны, и Баррас был одним из таких людей. Пренебрегать им было жалко, но Баррас сам себя сделал невозможным: его все ненавидели и презирали. Не прощали даром беззастенчивое воровство, взяточничество, коррупция, аферы с поставщиками и спекулянтами, постоянные кутежи на глазах у голодавших плебейских масс. Все это сделало имя Барраса символом разложения и порочности режима Директории.

С Сиейесом Бонапарт, наоборот, поступил иначе. Он приласкал его с самого начала, так как репутация у Сиейеса была лучше, чем он сам. Дело в том,

что при переходе на сторону Бонапарта он мог придать захвату власти вид законности.

Кроме этого, генерал Бонапарт стал поддерживать связи еще с двумя людьми: с Талейраном и Фуше. Бонапарт знал Талейрана давно и знал как бессовестного, но умного карьериста. Он прекрасно понимал, что Талейран не его продаст Директории, а, наоборот, продаст Директорию ему. Именно Талейран дал ему много ценнейших сведений и постоянно торопил с переворотом. Талейран, будучи министром иностранных дел Директории, откровенно перешел на службу к Бонапарту.

То же самое сделал и Фуше. Он был министром полиции при Директории и хотел остаться им при Бонапарте. Так как он был бывшим якобинцем и террористом, одним из тех, кто вотировал смертный приговор Людовику XVI, то страшно боялся реставрации Бурбонов. Именно это убеждало Бонапарта, что Фуше его не продаст.

Кроме того, Бонапарту открыто предлагали свои деньги и финансовую помощь крупные финансисты и богатые буржуа. Так банкир Коло принес ему сразу 500 тысяч франков — деньги Наполеон принял.

За три недели, которые прошли между приездом Наполеона в Париж и государственным переворотом, он принял огромное количество людей, постоянно наблюдая за ними. Он тонко оценивал их и прикидывал, кто из них может быть полезен ему в дальнейшем. Все они, кроме Талейрана, наивно полагали, что Наполеон — грубый вояка, который в делах политики ничего не смыслит, и при нем можно будет успешно устраивать собственные дела. Следует отметить, что сам Бонапарт подыгрывал им в этом, изображая из себя рубаху-парня, который к тридцати годам одержал множество побед и взял целую кучу крепостей, но абсолютно не разбирается в гражданских делах. До поры до времени он скрывал свое истинное лицо. Он, применяя испытанный прием, представлялся человеком простым, прямым и непосредственным, иногда даже незастыдливым и ограниченным. Его прием удался: люди, которые впоследствии стали его рабами, в эти дни считали своего будущего властелина орудием, которое они будут использовать по своему усмотрению. Некоторые даже не скрывали своего отношения к нему.

Но Наполеона это устраивало. Он прекрасно понимал, что проходят последние дни, когда люди могут говорить с ним как с равным, и делал все, чтобы они об этом не подозревали. Он настолько ловко и умело поставил себя, что в первые дни после переворота не только армия, но даже плебейские массы были уверены, что произошел левый переворот, который спасет республику от роялистов.

Государственный переворот, в результате которого Бонапарт приобрел неограниченную власть в стране, начался 18 брюмера (9 ноября), а решающее действие произошло на следующий день — 19 брюмера (10 ноября) 1799 года.

Все прошло легко и гладко, потому что два директора — Сиейес и Роже-Дюко — участвовали в игре Бонапарта. Директора Гойе и Мулен были сбиты с толку с помощью хитрого Фуше. Баррас все это время придерживался выжидательной тактики — он все еще надеялся, что без него не обойдутся. В Совете пятисот и в Совете старейшин многие догадывались о заговоре, а некоторые даже знали конкретно, но большинство сочувствовало и ожидало его. Они полагали, что это приведет всего лишь к персональным переменам в правительстве. В 6 часов утра 18 брюмера к дому, где жил Бонапарт, и на прилегающую к нему улицу стали стягиваться генералы и офицеры. Парижский гарнизон к этому времени состоял из 7 тысяч человек, на которых Бонапарт вполне мог положиться. Кроме этого, были еще полторы тысячи солдат особой стражи, которые охраняли Директорию и оба законодательных собрания — Совет пятисот и Совет старейшин. Бонапарт был уверен, что солдаты особой стражи не будут препятствовать ему в достижении намеченной цели.

Но тем менее для полной уверенности в успехе переворота необходимо было замаскировать истинный характер происходящего, чтобы якобинская часть Совета пятисот не призвала в решающий момент солдат на защиту республики. Поэтому все было организовано так, будто бы сами законодательные собрания призвали Бонапарта к власти.

Бонапарт уведомил собравшихся на рассвете генералов, на которых он мог особенно положиться, — Мюрата и Леклера, женатых на его сестрах, Бернадота,

Макдональда и других, — а также многих офицеров, которые пришли по его приглашению, что настал день, когда необходимо «спасать республику». Генералы и офицеры сообщили ему, что он может полностью рассчитывать на их части. Вскоре возле дома Бонапарта выстроились колонны войск. В это самое время, в наскоро созванном с утра Совете старейшин, его друзья проводили декрет, принятия которого ожидал Наполеон.

Дело происходило так. Некий Корне — преданный Бонапарту человек — заявил в Совете старейшин, который был в значительной степени представлен средней и крупной буржуазией, что готовиться «страшный заговор террористов». Он стал говорить о близкой гибели республики от этих коршунов, которые готовы ее заклевать, и тому подобные вещи. Корне не назвал ни одного имени, не конкретизировал свои сообщения, а в конце речи предложил немедленно вотировать декрет, по которому заседание Совета старейшин и Совета пятисот, у которого даже не спросили мнения, перенести из Парижа в Сен-Клу, расположенный в нескольких километрах от столицы. Подавление «страшного заговора» он предложил поручить генералу Бонапарту, который должен быть назначен начальником всех вооруженных сил, расположенных в столице и ее окрестностях.

Этот декрет был принят как теми, кто прекрасно понимал для чего он предназначен, так и теми, для кого он был полной неожиданностью, так как протестовать никто не посмел. Декрет сейчас же был передан генералу Бонапарту.

Перед тем как разогнать оба законодательных собрания, их заседания были перенесены в Сен-Клу, чтобы избежать выступлений рабочих предместий и плебейских масс, которые на угрозу разгона народных представителей отвечали: «Скажите вашему господину, что мы здесь по воле народа и уступим только силе штыков». У всех было еще свежо в памяти, что после этих слов Людовик XVI побоялся послать «штыки», которые вскоре обратились против Бастилии и полутора тысячелетняя монархия была раздавлена народными массами. Все помнили, как были задавлены жирондисты, как в прериале 1795 года народ носил на пике голову члена термидорианского Конвента и показывал ее другим членам Конвента.

Прекрасно это понимал и сам Бонапарт, а поэтому он не решился сделать в Париже то, что сам задумал. Это казалось ему слишком опасным, а поэтому место основных действий было перенесено в провинциальный городок, где единственным большим зданием был дворец — один из загородных дворцов французских королей.

Вначале действие разворачивалось так, как планировал Бонапарт. Внешне все выглядело законно, и он на основании декрета объявил войскам, что отныне они поставлены под его команду и должны «сопровождать депутатов в Сен-Клу».

Затем он повел войско в Тюильрийский дворец, где заседал Совет старейшин, и окружил его. После этого Бонапарт вошел в зал заседаний в сопровождении нескольких своих адъютантов. Он никогда не умел говорить публично, и поэтому произнес довольно бесвязную речь. В ней были такие слова: «Мы хотим республику, основанную на свободе, на священных принципах народного представительства... Мы ее будем иметь, я в этом клянусь». После этого он вышел на улицу, и войска встретили его приветственными возгласами.

Неожиданно к нему приблизился некто Ботто, которого послал Баррас, обеспокоенный тем, что Бонапарт до сих пор не позвал его. Увидев Барраса, Наполеон громко закричал, обращаясь к нему как к представителю Директории: «Что вы сделали из той Франции, которую я вам оставил в таком блестящем положении? Я вам оставил мир — нахожу войну! Я вам оставил итальянские миллионы, а нахожу грабительские законы и нищету! Я вам оставил победы — нахожу поражения! Что вы сделали из ста тысяч французоз, которых я знал, товарищей моей славы? Они мертвы!» И дальше он вновь повторил свои слова о том, что стремится к республике, которая будет основана «на равенстве, морали, гражданской свободе и политической терпимости». Все произошло быстро и без каких-либо затруднений — даже не пришлось никого убивать или арестовывать. Директория была ликвидирована. Сиейес и Роже-Дюко сами были в заговоре, Гоёе и Мулен, видя, что для них все пропало, молча пошли за войсками в Сен-Клу. К Баррасу направили Талейрана с приказом

заставить его подписать заявление о собственной отставке.

Убедившись, что Наполеон решил обойтись без него, Баррас сразу же подписал требуемую бумагу и заявил, что хочет вообще оставить политическую жизнь, удалившись в свое имение. Его тут же под конвоем взвода драгун отправили на новое место жительства. Он навсегда исчез с политической арены и больше о нем никто ничего не слышал.

К вечеру 18 брюмера квесторы обоих законодательных собраний были в Сен-Клу. Оставалось лишь ликвидировать сами эти собрания. Несмотря на то что Совет старейшин и Совет пятисот были окружены гренадерами, гусарами и драгунами, а поэтому находились целиком во власти Бонапарта, он решил обставить дело так, будто Советы сами признали свою непригодность и распустились, передав ему власть.

Современники отмечали, что подобное стремление сохранить законные формы во время переворота было абсолютно несвойственно Наполеону, но на этот раз он не был все-таки до конца уверен, что среди солдат не возникнет недовольство, если он открыто заявит о насильственном уничтожении конституции. Поэтому Наполеон решил вести себя спокойно и мирно, в противном случае план его мог сорваться, так как итальянская армия была основательно поредевшей, а преданные ему тридцать тысяч солдат находились в далеком Египте.

С самого утра были выполнены распоряжения по дислокации войск между Парижем и Сен-Клу. Население столицы с любопытством наблюдало за передвижением войск, а также за длинными колоннами карет и пешеходов, которые шли из Парижа в Сен-Клу. Простой народ не выказывал никаких признаков волнения. В центральных секциях Парижа, кое-где выкрикивали: «Vive Bonaparte!», но в основном все занимали выжидательную позицию. Заседание Советов было назначено на 19 брюмера.

К утру второго дня государственного переворота у Бонапарта возникли серьезные опасения. Несмотря на то что к вечеру 18 брюмера из трех высших государственных учреждений два были фактически лик-

видированы (Директория не существовала, а Совет старейшин был подготовлен к самоликвидации), оставалась еще палата народных представителей — Совет пятисот. Наполеон знал, что в этом Совете около двухсот мест занимают якобинцы — члены распущенного Сийесом Союза друзей свободы и равенства. Среди них находились люди, для которых взятие Бастилии, низвержение монархии, а также слова «Свобода, равенство или смерть» не были пустыми звуками. Были и такие, которые не ценили ни свои, ни чужие жизни, а поэтому были готовы отправить на гильотину кого угодно.

На протяжении всего 18 брюмера левая — «якобинская» — группа Совета пятисот собиралась на тайное совещание. Они были в растерянности и не знали, что предпринять. Агенты Бонапарта, которые находились среди этих людей, утверждали, что дело идет не о мерах против якобинцев, а лишь о способе преодолеть роялистскую опасность. Верили им или нет — неизвестно, но тем не менее утром 19 брюмера все якобинцы собрались на заседание во дворце Сен-Клу. Они были растеряны, но постепенно в них стала нарастать ярость.

Утром 19 брюмера Наполеон в сопровождении кавалерии приехал из Парижа в Сен-Клу. Когда он прибыл, то узнал, что среди депутатов Совета пятисот распространилось негодование, когда они увидели, что масса войск окружает дворец. Они были возмущены нелепым и внезапным перемещением из столицы в Сен-Клу — деревню, как называли этот маленький городок, — и открыто заявляли, что разгадали замысел Бонапарта. Некоторые называли его преступником и деспотом, а чаще всего — разбойником.

Все это встревожило Бонапарта, и он провел смотр своих войск. Смотров он остался доволен.

В час дня во дворце Сен-Клу открылись заседания обоих Советов, которые проходили в разных залах. Бонапарт и его приближенные ожидали, когда оба Совета примут декреты, согласно которым ему поручат выработку новой конституции, а после этого самораспустятся. Но время шло, а декреты эти не были приняты. Даже Совет старейшин не решался на подобный поступок, и в нем проявились растерянность и запоздалое желание противостоять мятежу.

Близился вечер. Бонапарт понял, что ему необходимо действовать решительно и немедленно, иначе всей его затее грозил полный провал. И тогда он в четыре часа дня неожиданно зашел в зал заседания Совета старейшин. При полном молчании он произнес сбивчивую речь, смысл которой заключался в том, что он требует быстрых решений. Он еще раз повторил, что будто бы приходит на помощь и хочет спасти республику от опасности, указав на то, что на него «клеветают, вспоминая Цезаря и Кромвеля». «Я не интриган, вы меня знаете; если я окажусь вероломным, будьте вы все в таком случае Брутами!» Он предлагал заколоть себя, если посягнет на республику. В зале начался шум. Его стали заглушать.

Тогда Бонапарт перешел к угрозам, напомнив, что располагает вооруженной силой. Затем он вышел из зала. Дела его были плохи, кроме этого, ему необходимо было объясниться с Советом пятисот, где к нему относились гораздо хуже.

Во второй зал Бонапарт вошел в сопровождении нескольких гренадеров. Но если бы на него накинулись сотни людей, эти гренадеры не смогли бы спасти жизнь Бонапарта, а это было весьма вероятно. Поэтому генерал Ожеро, который был под началом Наполеона в итальянском походе, пошел вслед за ним. Перед самым входом в зал Бонапарт неожиданно обернулся и произнес: «Ожеро, помнишь Арколе?» Наполеон напомнил тот решающий момент битвы, когда он бросился под огонь австрийской артиллерии со знаменем в руках на Аркольский мост.

После этих слов Бонапарт решительно открыл дверь — сразу же он услышал гневные крики, которыми встретили его появление: «Долой разбойника! Долой тирана! Вне закона! Немедленно вне закона!» Несколько депутатов кинулись схватить его за воротник, кто-то пытался вцепиться ему в горло. Наполеон никогда не отличался физической силой, а поэтому вскоре был едва ли не задушен возбужденными депутатами. Но несколько гренадеров успели окружить помятого Бонапарта и вывели его из зала. Депутаты возвратились на свои места и с яростными криками потребовали голосовать за предложение, которое объявляло генерала Бонапарта вне закона.

Дело в том, что в этот день в Совете пятисот председательствовал Люсьен Бонапарт — родной брат Наполеона, который тоже был в заговоре. Это немало способствовало успеху переворота. Придя в себя после этой безобразной сцены, Наполеон тут же принял решение разогнать Совет пятисот силой, попытавшись извлечь из зала заседаний своего брата. Это ему удалось без особого труда. Когда Люсьен оказался рядом с Наполеоном, то генерал предложил ему в качестве председателя обратиться к фронту построенных войск с заявлением. Он должен был объявить солдатам, что жизнь их начальника в опасности и попросить «освободить большинство собрания» от «кучки бешеных».

Люсьен выполнил просьбу брата. После этого раздался грохот барабанов и гренадеры под предводительством Мюрата вошли во дворец.

Двери зала заседаний распахнулись, и гренадеры с ружьями наперевес ворвались в зал. Они быстро очистили помещение. Неумолкаемый барабанный бой заглушал крики, и вскоре депутаты стали спасаться бегством. Кто-то бежал через двери, некоторые, разбив окна, выпрыгнули во двор — все это продолжалось не более пяти минут. Солдатам был дан приказ депутатов не убивать, не арестовывать.

Депутаты, убежавшие на улицу, оказались среди войск, которые со всех сторон подходили к дворцу. Генерал Мюрат командовал своим гренадерам: «Вышвырните-ка мне всю эту публику вон!»

Неожиданно солдатам приказали выловить нескольких разбежавшихся депутатов и привести их во дворец. После этого было принято решение составить из пойманных «заседание Совета пятисот» и вынудить их принять декрет о консульстве. Несколько перепуганных депутатов были пойманы и приведены во дворец. Они тутчас же сделали то, что от них требовали, после чего их отпустили — перед этим они вотировали собственный роспуск.

Затем Совет старейшин уже без всяких возражений принял декрет, согласно которому вся власть над республикой передавалась трем лицам, которых называли консулами. Ими были Бонапарт, Сиейес и Роже-Дюко, так как Наполеон считал, что небезопасно пока становиться единоличным правителем. Кроме это-

го, он прекрасно понимал, что оба бывших директора не представляют для него какой-либо опасности. Это прекрасно понимал и Роже-Дюко, а Сиейес должен был убедиться в этом в самом скором времени.

В два часа ночи все три консула принесли присягу на верность республике. После этого Бонапарт сразу же уехал из Сен-Клу. Вместе с ним ехал Бульен. Впоследствии он отмечал, что Бонапарт во время всей поездки оставался угрюм и до самого Парижа не проронил ни слова.

Как бы там ни было — мечта Наполеона сбылась. Этой ночью он фактически стал диктатором.

ГЛАВА 3

ЕВРОПА НАКАНУНЕ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

СОБЫТИЯ В АНГЛИИ КОНЦА XVIII ВЕКА

В отличие от Французской буржуазной революции, буржуазная революция в Англии, как и в Нидерландах, почти не оказала влияния на европейские государства, а поэтому не вызвала в них усиления движений против монархий и феодальных отношений. Неудивительно и то, что в войне конца XVIII века буржуазная Англия воевала на стороне монархических государств, против республиканской Франции. Объясняется это тем, что монархические государства воевали в основном по политическим мотивам, Англия же воевала с целью чисто экономической выгоды. Всем хорошо известно, что Франция была главным соперником Англии на протяжении всей истории развития этих двух государств.

В последние десятилетия XVIII века Англия укрепляла свое экономическое положение, хотя она и до этого считалась наиболее развитой капиталистической страной в мире. Успешно развивался начатый во второй половине столетия промышленный переворот, особенно

в хлопчатобумажной промышленности. В 1785 году в Англии появилась первая хлопчатобумажная прядильная фабрика, которая была оборудована новыми, усовершенствованными «мюльными» машинами Кромптона и паровой машиной Джеймса Уатта. Следует отметить, что всего за 25 лет к 1780 году таких прядилен было уже около пятисот, а поэтому потребление хлопка

Биржа в Лондоне.
Рисунок Т.Роуландсона. 1808 г.

достигло в 1781 году уже 50 млн. фунтов. Это вызвало увеличение численности населения одного из главных центров английской хлопчатобумажной промышленности — Манчестера: за последнюю четверть XVIII века она выросла почти в 3 раза. Само по себе это событие было не ординарным, так как хлопчатобумажное прядение стало первой отраслью промышленности, в которой фабрика окончательно вытеснила мануфактуру.

Повсеместное внедрение машин требовало расширения производства чугуна и железа. Понятно, что литейная промышленность тут же откликнулась на это. Производство железа в Англии между 1785 и 1797 гг. удвоилось. Этому способствовало применение кокса при

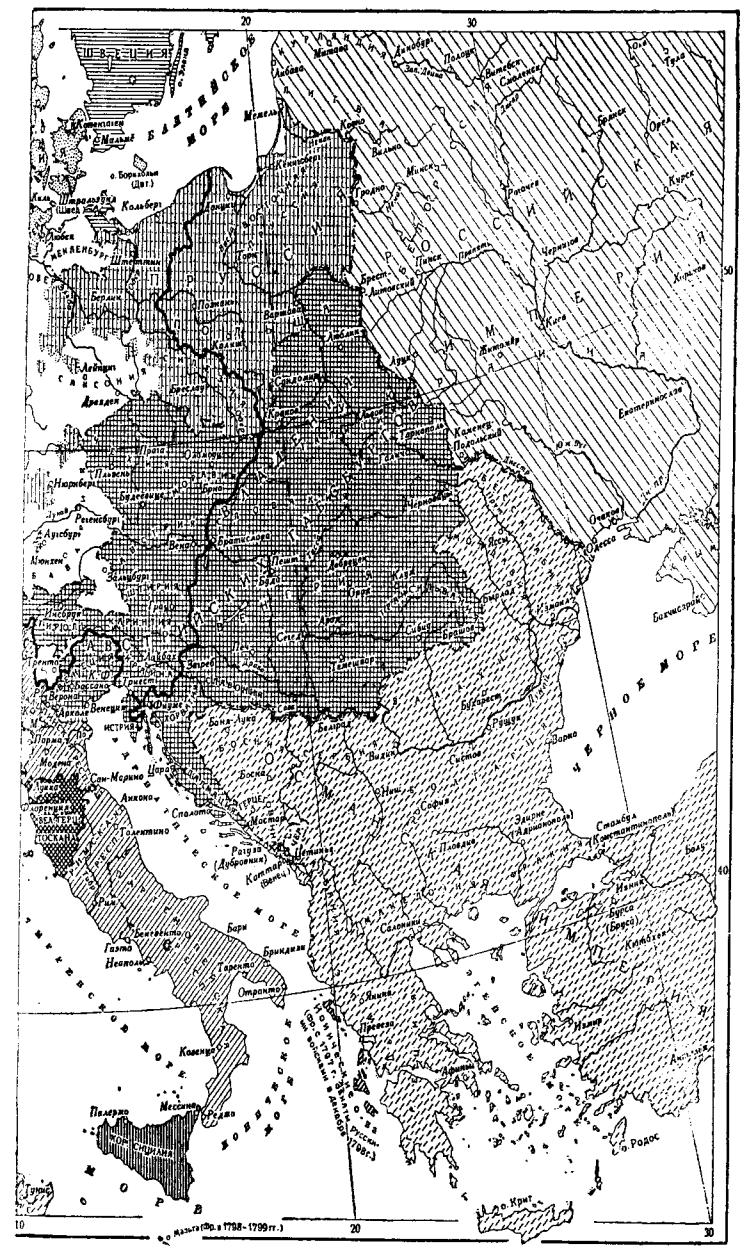
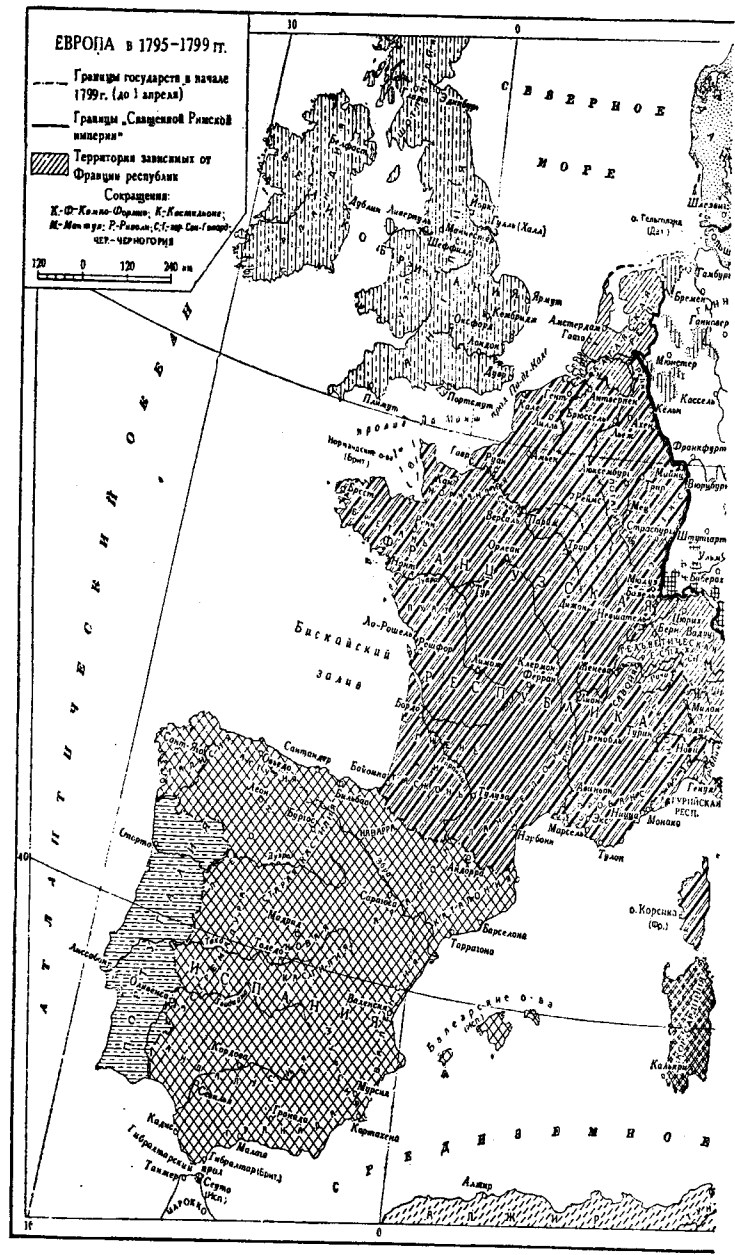
плавке чугуна вместо древесного угля, который использовался раньше. В связи с этим выросла добыча каменного угля, которая за столетие увеличилась в 4 раза, составив к концу XVIII века цифру 10 млн. тонн.

По всем промышленным показателям Англия решительно опережала своих конкурентов. Продукты ее производства не имели конкуренции на внутренних рынках других государств. Это объяснялось их более низкой ценой и более высоким качеством. Так цена хлопчатобумажной пряжи с 1787 по 1801 год понизилась в четыре с половиной раза. Экспорт хлопчатобумажных тканей благодаря этому вырос в 90-х годах в три с половиной раза (до 6,5 млн. фунтов стерлингов). В первую очередь этим объясняется увеличение английского экспорта за это десятилетие на 55 процентов.

В эти же годы необычайно вырос объем так называемой треугольной торговли: работорговцы Англии отправляли хлопчатобумажные ткани из Манчестера через Ливерпуль на африканское побережье, а оттуда вывозили негров на Антильские острова, там грузили на свои корабли сахар, кофе и хлопок. Условия перевозки негров были необычайно тяжелыми, а поэтому лишь небольшая их часть выносила все трудности подобного путешествия. Но зато английские работорговцы получали огромные прибыли. Так за десятилетие с 1783 по 1793 год они перевезли в общей сложности до 300 000 негров. Прибыль от чего составила примерно 15 млн. фунтов стерлингов.

Необычайно выгодной оказалась для английской буржуазии и война с Францией. Несмотря на то что расходы на ведение войны, в том числе субсидии на содержание континентальных войск союзников, только за первые пять лет возросли втрое (до 75 млн. фунтов стерлингов в 1797 году), они покрывались увеличением косвенных налогов и займами. Государственный долг в Англии вырос до огромных размеров, но именно он служил средством накопления капитала для английской буржуазии. Денежный рынок Лондона обгонял по своему значению старейшие денежные центры Европы.

Война против Франции была для английской буржуазии как бы продолжением торговых войн, которые велись с целью завоевания новых колоний и рынков.

Следует отметить, что и землевладельческая аристократия также использовала эту войну для собственного обогащения. Несмотря на то что Англии не хватало собственного хлеба, ввоз его в 1795 году был приостановлен с целью увеличения цен на хлеб, которые уже на третий год войны выросли на 25 процентов. В то же время заработная плата рабочих оставалась весьма низкой. Особенно низко оплачивался труд женщин и детей.

К XVIII веку практически все государства Европы перешли к более гибкой экономической политике. Правители и их советники понимали, что самый надежный способ привлечь в страну деньги — развивать производство экспортных товаров и добиваться превышения вывоза над ввозом. Поэтому государственная власть стала насаждать промышленное производство, покровительствовать мануфактурам и основывать их.

Подобная политика называлась *меркантилизмом*, который в экономике сводился к всемерному накоплению драгоценных металлов в стране и в государственной казне, а в теории — к поискам экономических закономерностей в сфере обращения (в торговле, в денежном обороте). Ранний меркантилизм, который иногда называют монетарной системой, не шел дальше разработки административных мероприятий для удержания денег в стране. Развитый же меркантилизм стал искать источники обогащения нации не в примитивном накоплении сокровищ, а в развитии внешней торговли и активном торговом балансе (превышение экспорта над импортом).

Представители развитого меркантилизма одобряли лишь такое вмешательство государства, которое, по их представлению, соответствовало принципам «естественного права». Философия «естественного права» оказала важнейшее влияние на развитие политической экономии в XVII — XVIII вв. Можно даже сказать, что сама наука развивалась в рамках идей «естественного права». Идеи эти, которые вели свое происхождение от Аристотеля и других античных мыслителей, получили в новое время новое содержание. Философы естественного права выводили свои теории из абстрактной «природы человека» и его «природных» прав. Поскольку права эти во многом противоречили светскому и церковному деспотизму средневековья,

философия естественного права содержала важные прогрессивные элементы. Следует отметить, что на позициях «естественного права» стояли и гуманисты эпохи Возрождения.

Обращаясь к государству, философы и следовавшие по их стопам теоретики меркантилизма рассматривали его как организацию, которая способна обеспечить природные права человека, в число которых входили собственность и безопасность. Социальный смысл этих теорий состоял в том, что государство должно обеспечивать условия для роста буржуазного богатства.

Связь экономических теорий с естественным правом впоследствии перешла из меркантилизма в классическую политическую экономию. Однако характер этой связи изменился, так как в период работы классической школы буржуазия уже меньше нуждалась в опеке государства и выступала против чрезмерного государственного вмешательства в хозяйство.

АДАМ СМИТ И «БОГАТСТВО НАРОДОВ»

Одним из выдающихся британских ученых XVIII века по праву считается Адам Смит — создатель политической экономии. Вот что о нем сказал впоследствии английский ученый Александр Грэй: «Адам Смит был столь явно одним из выдающихся умов XVIII века и имел такое огромное влияние в XIX веке в своей собственной стране и во всем мире, что кажется несколько странной наша плохая осведомленность о подробностях его жизни». И это неудивительно: открытие Адама Смита было настолько велико, что оно затмило его самого, сделав при этом имя его бессмертным.

Адам Смит родился в 1723 году в Шотландии в небольшом городке Керколд недалеко от Эдинбурга. Очень рано — в четырнадцать лет (так было в обычаях того времени) Адам Смит поступил в Глазговский университет. После первого курса (класс логики) он перешел в класс нравственной философии, выбрав гуманитарное направление. После окончания университета в 1740 году Адам Смит поступил в Оксфордский университет, в котором учился на протяжении следующих шести лет.

После долгих лет самообразования в 1751 году Адам Смит занял место профессора в университете Глазго. В 1759 году он опубликовал свой первый большой научный труд — «Теорию нравственных чувств». Эта книга была этапом становления философских и экономических идей Адама Смита, значительное место среди которых занимала антифеодалная идея равенства. В то время в Глазго существовал своеобразный клуб политической экономии, где велись разговоры о пошлинах, заработной плате и банковском деле, об условиях аренды земли и колониях. Вскоре Адам Смит стал одним из виднейших членов этого клуба. В это же самое время он читал лекции студентам Глазговского университета. К началу 60-х годов курс нравственной философии, который читал Смит, превратился по существу в курс социологии и политической экономии. Сохранились записки одного из студентов, по которым можно процитировать профессора Смита: «До тех пор, пока нет собственности, не может быть и государства, цель которого как раз и заключается в том, чтобы охранять богатства и защищать имущих от бедняков».

В середине 60-х годов XVIII века Адам Смит в качестве воспитателя юного герцога Баклю на три года уехал во Францию. Поездка эта оказала огромное влияние на развитие взглядов Смита, особенно полезно было его личное знакомство с так называемыми физиократами.

По соглашению с родителями герцога Баклю, Адам Смит должен был получать по триста фунтов в год не только во время путешествия, но и в качестве пенсии до самой смерти. Это позволило ему следующие десять лет работать только над своей книгой, которая принесла ему впоследствии всемирную славу.

Весной 1767 года Смит уехал на родину в Керколди и прожил там безвыездно почти шесть лет, которые целиком посвятил своей работе над книгой. Она получила название «Богатство народов».

«Исследования о природе и причинах богатства народов» вышла в свет в Лондоне в марте 1776 года. Книга эта состояла из пяти частей. В первых двух были изложены основы теоретической системы, в которой завершены и обобщены многие идеи английских и французских экономистов предыдущего столетия. В первой содержится анализ стоимости и прибавочной стои-

мости, которую Смит рассматривал в конкретных формах прибыли и земельной ренты. Вторая книга носила заглавие «О природе капитала, его накоплении и применении». Остальные три книги представляли собой приложение теории Смита отчасти к истории, а в основном к экономической политике. В небольшой третьей книге речь шла о развитии экономики Европы в эпоху феодализма и становления капитализма. Четвертая книга, большего объема, представляла собой историю, критику политической экономии, где восемь глав были посвящены меркантилизму, а одна — физиократам. Самая же большая по объему — пятая книга — была посвящена финансам (расходам и доходам государства).

Книга Смита была написана с огромной эрудицией, тонкой наблюдательностью и оригинальным юмором. В ней Адам Смит развивал основной научный метод исследования в политической экономии — метод логической абстракции. Согласно этому методу, в экономике выделялся ряд основных исходных категорий и, связав их принципиальными зависимостями, далее анализировались все более сложные и конкретные общественные явления.

Несмотря на то, что описательство и поверхностные представления часто захватывали Смита, тем не менее он имел глубокое представление о предмете политической экономии как науке, которая сохранила свое значение до настоящего времени. Политическая экономия имеет две стороны. Это, прежде всего, наука, изучающая объективные, существующие независимо от воли людей, законы производства, обмена, распределения и потребления материальных благ в обществе. Формулируя во введении тематику двух первых книг своего исследования, Смит излагал такое понимание политической экономии. Он писал, что будет рассматривать в них причины роста производительности общественного труда, естественный порядок распределения продукта между различными классами и группами людей в обществе, природу капитала и способы постепенного его накопления.

По мнению Смита, политическая экономия должна на основе объективного анализа решать практические задачи, обосновывать и рекомендовать такую экономическую политику, которая могла бы «обеспечить на-

роду обильный доход или средства существования, а точнее, обеспечить ему возможность добывать себе их...» Отсюда следует, что политическая экономия, согласно Смиту, должна вести дело к тому, чтобы в обществе существовал порядок, создающий максимально благоприятные условия для роста производительных сил.

Адам Смит начал свою книгу с разделения труда, изображая его как главный фактор роста производительности общественного труда. Самое изобретение и совершенствование орудий и машин он связывает с разделением труда. Смит приводил свой знаменитый пример с булавочной мануфактурой, где специализация рабочих и разделение операций между ними позволяет во много раз увеличить производство. Смит писал, что богатство «общества, то есть объем производства и потребления продукта, зависит от двух факторов: первое — доли населения, занятого производительным трудом, второе — производительности труда». Смит абсолютно правильно заметил, что несравненно большее значение имеет именно второй фактор.

Первые четыре главы «Богатства народов», довольно легкие и немного развлекательные по своему содержанию, служили своего рода введением в центральную часть учения Адама Смита — в теорию стоимости. Смит перешел к ней, заботливо попросив у читателя «внимания и терпения», так как он переходил к рассмотрению вопроса «чрезвычайно абстрактного характера».

Следует отметить, что первые критики Адама Смита пользовались чаще всего его же методами и идеями. Очень скоро к Смиту стали относиться строго. Первой жертвой естественно стала его теория стоимости. Адама Смита обвиняли в том, что он якобы толкнул английскую политическую экономию в тупик, из которого она не могла выйти целое столетие. Например, в одном из американских учебников по истории экономической мысли говорится: «Вклад Смита в теорию стоимости больше запутал дело, чем прояснил. Ошибки, неточности и противоречия — вот бич его рассуждений».

Несмотря на то что теория стоимости Смита действительно страдает серьезными недостатками, он с большей четкостью, чем кто-либо до него, определил и разграничил понятия потребительной и меновой стоимости. Отверг догму физиократов и, опираясь на свое учение о разделении труда, признал равнозначность

всех видов производительного труда с точки зрения создания стоимости. Плодотворной была и концепция Смита о естественной и рыночной стоимости товаров. Под естественной стоимостью он понимал денежное выражение меновой стоимости и считал, что в длительной тенденции фактические рыночные цены стремятся к ней, как к некоему центру колебаний. При уравнивании спроса и предложения в условиях свободной конкуренции рыночные цены совпадают с естественными. Он положил также начало анализу факторов, способных вызывать длительные отклонения цен от стоимости, важнейшим из которых он считал монополию.

Наряду со стоимостью, определяемой количеством в товаре необходимого труда, он ввел второе понятие, где стоимость определялась количеством труда, которое можно купить на данный товар.

Теория стоимости должна была дать ответ на два взаимосвязанных вопроса: о конечном основании цен и о конечном источнике доходов. Смит дал отчасти правильный ответ на первый вопрос, но, не сумев примирить его с реальностью, перешел на вульгарную позицию, развивая трудовую теорию стоимости. Он сделал вклад в научное решение второго вопроса. Но опять-таки оказался непоследователен. Адам Смит понимал, что стоимость рабочей силы («естественная заработная плата») определяется не только физическим минимумом средств существования, но зависит от условий места и времени, включает исторический и культурный элементы. Смит приводил пример с кожаной обувью, которая в Англии уже стала предметом необходимости и для мужчин и для женщин, в Шотландии — только для мужчин, во Франции не была таковым ни для того, ни для другого пола. Отсюда напрашивался вывод, что с развитием хозяйства круг потребностей расширяется и стоимость рабочей силы в реальном товарном выражении скорее всего должна повышаться.

Во-вторых, Адам Смит ясно видел, что одна из главных причин низкой заработной платы, ее близость к физическому минимуму — слабые позиции рабочих по отношению к капиталистам. И в-третьих, он связывал тенденцию заработной платы с состоянием хозяйства страны, различая три случая: экономический прогресс, экономический регресс, неизменное состояние. Он считал, что в первом случае заработная плата должна

повышаться, поскольку в растущей экономике имеет место большой спрос на труд. Последующее развитие капиталистического хозяйства показало, что условия экономического подъема действительно облегчают положение рабочих.

Когда Смит работал над «Богатством народов», промышленный переворот в Англии только начинался, новая техника играла весьма ограниченную роль в повышении производительности общественного труда, в «росте богатства». А поэтому Адам Смит большей пользы ожидал от разделения труда, чем от внедрения машин. Тем не менее он с большой силой выразил в своей книге главную социально-экономическую проблему промышленной революции — проблему накопления капитала. Он понимал, что эффективность разделения труда может быть неизмеримо выше, если он осуществляется на базе капиталовложений в новые производственные сооружения, оборудование, транспортные средства. Смит многократно подчеркивал: накопление — ключ к богатству нации, каждый, кто сберегает — благодетель нации, а каждый расточитель — ее враг.

Но кто может и кто должен накапливать? Конечно, капиталисты — состоятельные фермеры, промышленники, купцы. В этом Смит видел в сущности их важнейшую социальную функцию. Он приветствовал аскетизм богатых людей, утверждая, что, нанимая производительных работников, человек богатеет, а нанимая слуг — беднеет. Подобные взгляды он применял в отношении нации: надо стремиться свести к минимуму часть населения, не занимающуюся производительным трудом. А поэтому его концепция производительного труда была остро направлена против феодальных элементов в обществе и всего, связанного с ними: государственной бюрократии, военных, церкви. Смит писал: «... Государь со всеми своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот представляют собой непродизводительных работников. Они являются слугами общества и содержатся на часть годового продукта труда остального населения... К одному и тому же классу должны быть отнесены как некоторые из самых серьезных и важных, так и некоторые из самых легкомысленных профессий — священники, юристы, врачи, писатели всякого рода, актеры, паяцы, музыканты, оперные певцы, танцовщики и прочие».

Учение Адама Смита имело огромное влияние в Англии и во Франции — странах, где промышленное развитие в конце XVIII века шло наиболее интенсивно и где буржуазия в значительной мере овладела государственной властью.

В Англии, однако, среди последователей Смита не было вплоть до Давида Рикардо сколько-нибудь крупных и самостоятельных мыслителей. Во Франции учение Смита сначала натолкнулось на прохладный прием со стороны поздних физиократов, затем внимание народа было отвлечено от теории бурными революционными событиями. И лишь в начале XIX века был издан первый полноценный перевод «Богатства народов» на французский язык.

Смитианство было прогрессивно в Англии и во Франции, но еще в большой мере оно было ощущено в странах, где господствовала феодальная реакция и буржуазное развитие только началось — в Германии, Австрии, Италии, Испании и России. В Испании поначалу книга Адама Смита была даже запрещена инквизицией. В Германии также реакционные профессора долгое время не хотели признавать Смита, но тем не менее именно в Пруссии — крупнейшем германском государстве — идеи Смита оказали определенное влияние на ход событий: люди, которые в период наполеоновских войн проводили либерально-буржуазные реформы, были в известной степени его последователями.

Огромная роль Адама Смита в истории цивилизации определяется тем, что его идеи, часто в трудноразделимом сплаве с идеями других передовых мыслителей XVIII века, ощутимы во многих прогрессивных и освободительных движениях первой половины XIX века.

Во внешности Адама Смита не было ничего выдающегося. Он был немного выше среднего роста, простое лицо с правильными чертами, серо-голубые глаза, крупный прямой нос. Одевался он очень скромно. Носил до конца жизни парик и любил ходить с бамбуковой тростью на плече. Адам Смит имел привычку говорить сам с собой, так что однажды уличная торговка приняла его за помешанного и сказала соседке: «Бог мой, вот бедняга! А ведь прилично одет». Адам Смит умер в Единбурге в июле 1790 года на 66 году жизни. Последние четыре года он тяжело болел.

Адам Смит был одним из самых заметных интеллектуалов своей эпохи. Он был гуманен и не терпел несправедливости, жестокости и насилия. Он верил в успехи разума и культуры, но опасался за их судьбу в грубом и косном мире. Смит с сочувствием относился к беднякам и трудящимся. Он выступал за возможно более высокую оплату наемного труда, потому что, по его словам, общество не может «процветать и быть счастливым, если наименее благополучная его часть бедна и несчастна». Он считал несправедливостью, что в нищете жили люди, которые своим трудом содержали все общество, но тем не менее Смит понимал, что «естественные законы» обрекают рабочих на низшее положение в обществе, а поэтому, «хотя интересы рабочего тесно связаны с интересами общества, он не способен ни уразуметь эти интересы, ни понять их связь со своими собственными».

Капиталист в представлениях Адама Смита — это естественное и безличное орудие прогресса, роста, «богатства нации». Смит выступает за буржуазию лишь постольку, поскольку ее интересы совпадают с интересами роста производительных сил общества. Эта точка зрения перешла от Смита к Рикардо и стала важнейшей составной частью всей классической политической экономии.

Адам Смит — крупнейшая фигура в мировой экономической науке. Его учение и личность продолжают привлекать к себе внимание и по сей день, так как долговечность и актуальность многих идей великого мыслителя доказаны всем ходом исторического развития.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ АНглиИ XVIII ВЕКА

Французская буржуазная революция произвела в Англии огромное впечатление. Виги и их вождь Фокс взяли Бастилию оценивали как «самое великое и благотворное событие, когда-либо происходившее в мире». Многие английские писатели, такие как Вордсворт, Роберт Бернс, Кольридж, Шеридан восторженно приветствовали революцию, но в то же время в Англии

появился памфлет «Размышления о революции», который стал знаменем для всех врагов революции во Франции. Этот памфлет был написан бывшим вигом Берком, который называл революцию «сатанинским делом», грозящим гибелью для всей европейской цивилизации. Памфлет Берка вызвал бурные протесты и породил целую литературу, в том числе книгу участника американской революции Томаса Пэйна «Права человека», которая разошлась за несколько лет огромным для Англии тиражом — около миллиона экземпляров. Кроме Пэйна, в защиту французской революции выступали публицист Прайс, известный химик Пристли, писатель Годвин и другие. Идеи Берка осуждались также и значительной частью вигов, которые возобновили свою агитацию за избирательную реформу.

Томас Пэйн.
Гравюра Ф. Бонвилля.

С 90-х годов XVIII века в Англии широкое участие в демократическом движении стали принимать народные низы. Наравне с обществами, которые создавались вигами, а часто и в противовес им, стали возникать новые центры и движения, которые выступали не за либеральную избирательную реформу, а за коренную демократизацию всего политического строя Англии. Наибольшее значение имело «лондонское корреспондентское общество», которое образовалось в начале 1792 года и имело ряд филиалов. Председателем этого общества был сапожник Томас Гарди. Массовая агитация, которая велась обществом, а также посылка делегации во Францию, серьезно встревожили английское правительство, во главе которого с 1783 года стоял Уильям Питт Младший (1759 — 1806). Начиная с 1792 года в Англии стали проводиться репрессии, заочно

был осужден Томас Пэйн, который уехал во Францию и был избран членом французского Конвента.

После того как в феврале 1793 года началась война Англии с Францией, Уильям Питт проявил себя решительным и ярким врагом революции. «Мы должны быть готовы к длительной войне, — говорил он, — войне непримиримой, вплоть до истребления этого бича человечества». Согласно позиции Питта, английское правительство вело острую борьбу против демократического движения внутри собственной страны. Собранный в ноябре 1793 года в Эдинбурге «Британский Конвент народных делегатов, объединившихся чтобы добиться всеобщего избирательного права и ежегодных парламентов», был разогнан, а его руководители сосланы на четырнадцать лет в Австралию.

Но, несмотря на репрессии, демократическая агитация продолжала усиливаться. Берк считал, что из 400 тыс. человек, которые интересуются политикой в Англии, не менее 80 тыс. человек стоят на позициях «решительных якобинцев». «Лондонское корреспондентское общество» объявило о созыве нового Конвента. Тогда Уильям Питт добился временной отмены действия закона о «личных правах» (Habeas corpus act), и руководителей «Корреспондентского общества» во главе с самим Гарди арестовали и предали суду. Однако суд не решился поддержать обвинение, и Гарди был оправдан. День оправдания Гарди в течение пятидесяти лет впоследствии праздновался английскими демократами.

В 1795 году в Англии прошли выступления бедняков, которые были вызваны трудностями в снабжении продовольствием.

Плебейские массы захватывали мучные склады, суда с зерном и тому подобное. В октябре, перед самой парламентской сессией, «Лондонское корреспондентское общество» организовало огромные митинги, а в день открытия парламента на улицы Лондона вышли около 200 тыс. человек. Уильям Питт был освистан, в королевскую карету, в которой он разъезжал по городу, бросали камни. Его окружила толпа, которая скандировала: «Хлеба! Мира!» Уильям Питт ответил на эти выступления принятием законов «О мятежных собраниях», которые фактически отменяли свободу собраний и печати.

В следующие годы недовольство правительством

Уильяма Питта возросло, успехи французских армий, а также развал антифранцузской коалиции и дальнейшее ухудшение продовольственного положения внутри Англии, увеличение налогов на содержание армии и ведение войны все более делали правительство Питта непопулярным. В 1797 году не было почти ни одного графства, где не подавались бы петиции с требованием прекращения войны и отставки Уильяма Питта.

В 1797 году произошли крупные выступления матросов во флоте. Война требовала большого увеличения контингента военных моряков, так как добровольцев не хватало, правительство вынуждено было прибегнуть к принудительной вербовке. Среди моряков в связи с этим оказались люди, связанные с демократическими движениями, кроме того, часть экипажей составляли ирландцы, в числе которых были члены тайного общества «Объединенных ирландцев». Они проводили среди матросов активную агитацию. Она имела успех, так как недовольство моряков усиливалось низкой оплатой, плохим питанием и грубым обращением офицеров.

Массовые волнения моряков начались в середине апреля 1797 года на судах эскадры, которая охраняла Ла-Манш. Матросы создали выборные комитеты и вступили в переговоры с адмиралтейством. Они требовали повышения жалованья, улучшения условий питания, лучшего обращения, а также королевской гарантии, что они не подвергнутся репрессиям. Правительство обещало удовлетворить эти требования, и движение на время улеглось. Но вскоре волнения возобновились из-за проволочек, которые были допущены в осуществлении обещаний. Только после того, как парламент принял билль о повышении жалованья, а король подписал письма об амнистии, эти волнения прекратились.

Поспешность, с которой правительство пошло на уступки, объяснялась тем, что началось движение в другой эскадре — на судах, которые стояли в Северном море и в устье Темзы. Здесь в конце мая также были созданы судовые матросские комитеты, которые избрали «Центральный комитет», возглавляемый Ричардом Паркером, Бывший учитель и член общества «Объединенных ирландцев». Матросы повесили на реях петли, связанные из канатов, в качестве угрозы командному составу и подняли на мачтах красные флаги.

Борьба продолжалась больше трех недель. Восставшие были лишены подвоза свежей воды и провизии, а поэтому они вынуждены были сдаться. 23 наиболее активных участника восстания, в том числе Паркер, были повешены.

После того, как были подавлены восстания моряков, в апреле 1798 года аресту подверглись все члены комитета «Лондонского корреспондентского общества», которое было закрыто еще за год до этого. Три года они сидели в тюрьме без всякого следствия. Помочь им никто не мог, так как все демократические общества были запрещены. В 1799 году был принят закон о запрещении стачек и рабочих союзов.

Хорошо известно из истории, что ирландский народ никогда не хотел мириться с английским господством. Возможно, это вызвано в первую очередь тем, что Ирландия была оплотом английского лендлордизма — английским землевладельцам здесь принадлежали обширные земельные владения, от которых они получали большие доходы, сдавая землю в аренду небольшими участками. Ирландские крестьяне отдавали в виде ренты большую часть урожая.

Таким образом, народ Ирландии не имел ни земли, ни политических прав. И хотя уже в 1782 году парламент в Дублине получил некоторую автономию в законодательных вопросах, Ирландия по-прежнему оставалась угнетаемой английской колонией, так как в парламенте в основном заседали английские лендлорды и их ставленники. Отношение последних к народу Ирландии было настолько презрительным, что доходило до откровенных оскорблений. Так ирландцы, являясь католиками, обязаны были вносить десятину в пользу английской протестантской церкви.

Французская революция оказала на Ирландию большое влияние. Здесь возникло сильное демократическое движение, которое объединило всех противников английского господства. Его центром стало общество «Объединенных ирландцев», возглавляемое Уолфом Тоном и другими буржуазными революционерами. Они стремились к созданию независимой ирландской республики. «Объединенные ирландцы» смогли наладить связи с многочисленными крестьянскими союзами, которые были созданы для борьбы против произвола землевладельцев, и смогли воору-

жить тысячи своих сторонников. Они готовили восстание. Дата его начала приурочивалась к моменту ожидавшейся высадки в Ирландии французской экспедиционной армии. В 1796 году французская эскадра, имея на борту армию генерала Гоша, попыталась достичь ирландских берегов, но потерпела неудачу.

После этого английским властям с помощью предателей и шпионов удалось выследить и арестовать руководителей «Объединенных ирландцев». И все-таки в мае 1798 года в некоторых районах Ирландии началось вооруженное восстание. Все очень надеялись на поддержку Франции, но надежды эти не оправдались, так как французская экспедиционная армия во главе с генералом Наполеоном Бонапартом была отправлена не в Ирландию, как уже говорилось выше, а в Египет. Лишь небольшой отряд французов сумел высадиться в Ирландии в августе месяце, когда восстание было уже подавлено с исключительной жестокостью.

В январе 1801 года Уильям Питт провел «объединение» (унию) ирландского и английского парламентов. Таким образом, Ирландия лишилась всех остатков автономии.

ВЛИЯНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА СТРАНЫ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Революция во Франции не могла не оказать влияние на развитие внутривнутриполитических событий в странах континентальной Европы. В них так же, как и во Франции, начались революционные движения. Раньше всего они вспыхнули в Бельгии, которая входила тогда в состав Габсбургской империи. Австрийский император Иосиф II проводил реформы с целью добиться централизации монархии. Это вызвало в Бельгии еще в 1787 году резкую оппозицию. Под влиянием французской революции движение это усилилось, и в декабре 1789 года австрийские войска были изгнаны с территории Бельгии. После этого было образовано новое государство, которое стало называться «Объединенные бельгийские Штаты».

В стране сразу же после этого разгорелась острая

борьба между *штатистами* и *фонкистами*. Штатисты, возглавляемые Ван-дер-Ноотом, стремились сохранить прежнюю раздробленность Бельгии, сохранив тем самым власть провинциальных правительств, а также привилегии католической церкви и средневековую цеховую систему. Фонкисты же, во главе которых стоял адвокат Фонк, опираясь на городскую буржуазию, выступали за централизацию страны и проведение буржуазных реформ. Воспользовавшись борьбой между этими двумя лагерями, в конце 1790 года австрийцы снова захватили Бельгию.

Но уже осенью 1792 года, выиграв сражения при Вальми и Жемаппе, Бельгию заняли французские войска. Однако воспротививший французской армии генерал Дюмурье воспротивился проведению в Бельгии революционной политики, а поэтому шестимесячное пребывание французов мало отразилось на социальных-экономических отношениях внутри самой страны.

После победы при Флерюсе в июле 1794 года французская армия вторично вступила в Бельгию, а в октябре 1795 года страна была присоединена к Франции. Она оказалась лишенной суверенитета, а ее экономика была подчинена интересам французской буржуазии. Но тем не менее в Бельгии были упразднены феодальные отношения, проведена секуляризация части церковных владений и прочие буржуазные преобразования. Во многом это способствовало тому, что в XIX веке Бельгия стала одной из передовых капиталистических стран Европы.

Иначе происходили события в Голландии. После того, как в 1787 году здесь победили «оранжисты» (сторонники Оранской династии), наиболее революционные элементы были вынуждены покинуть страну. Это привело к тому, что около 5 тыс. эмигрантов из Голландии оказались во Франции. Голландская революционная эмиграция всячески добивалась того, чтобы Франция вмешалась в голландские дела. В Париже был образован «Комитет батавской революции» (батавы — племена, населявшие в древности территорию Голландии), а во время якобинской диктатуры во Франции был даже образован «Батавский легион».

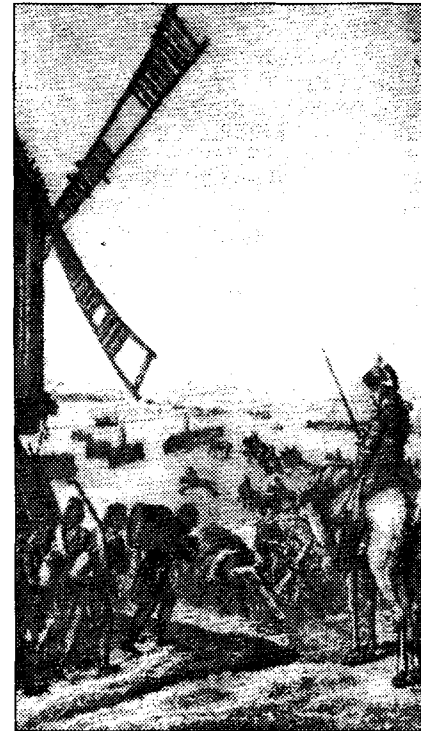
Все это привело к тому, что в январе 1795 года французские войска вступили в Голландию. Поскольку она была одной из самых богатых стран мира, а Ам-

стердам имел репутацию «золотого мешка Европы», французы проводили здесь весьма осторожную политику. Собранный в Голландии Конвент провозгласил создание Батавской республики, которая находилась в зависимости от Франции.

Произошли изменения и в политической жизни Швейцарии. Она представляла собой конгломерат, в который входили тринадцать суверенных кантонов, а также вассальные территории и союзники. Власть в стране принадлежала «старым кантонам», которыми правил городской патриат.

Французская революция привела к тому, что в Швейцарии поднялось демократическое движение против аристократической олигархии. Один из руководителей этого движения — Песталоцци (1746—1827). Он был педагогом по образованию и придерживался позиции проведения радикальных общественных преобразований. Песталоцци в 1792 году получил от Конвента гражданство Французской республики.

В 1798 году французские войска вступили в Швейцарию и заняли город Берн. Швейцария была провозглашена Гельветической республикой. После этого была принята новая конституция, которая увеличивала количество кантонов и привилегии «старых» кантонов. Хотя эта конституция просуществовала всего 5 лет (до 1803 года) она все-таки содействовала ломке старых общественных

Французские войска в Голландии.
Гравюра 1796 г.

отношений и возникновению новых буржуазных порядков.

В этом же, 1798 году к Франции были присоединены Женева и Мюлуз — крупный центр механизированной хлопчатобумажной промышленности.

В числе стран, на которые французская революция оказала большое влияние, оказалась и Германия. Сам факт революции приветствовали известные деятели немецкой культуры — Гердер, Виланд, Клопшток и Шиллер. Следует отметить, что двум последним впоследствии было присвоено французское гражданство. Восторженно встретил французскую революцию и знаменитый философ Иммануил Кант. Он был убежден, что «гражданский строй в каждом государстве должен быть республиканским». В одной из своих последних работ «Спор факультетов», написанной в 1798 году, Кант отмечал, что французская революция вызвала «сочувствие, граничащее с энтузиазмом». Далее он писал: «Эти события слишком значительны слишком связаны с интересами человечества..., чтобы при случае не дать народам вспомнить и повторить этот опыт».

Под влиянием идей французской революции оказался И.Г.Фихте. Он писал, что «справедливый человек может считать своей родиной только Французскую республику; только для нее он может жертвовать своими силами, с ее победой связаны не только самые лучшие надежды человечества, но и самое его существование».

Все это доказывает, что передовые мыслители той эпохи, находясь вдали от всех ужасов и той кровавой бойни, которую принесла народу Франции революция, воспринимали лишь те благородные идеи, которые ставили перед собой французские революционеры. Им казалось, что террор — это лишь следствие ошибок, допущенных республиканцами. Тогда еще никто не догадывался, что любая революция неминуемо несет с собой кровь, страдания и беды.

Но с восторгом встретили французскую революцию далеко не все представители германской общественной мысли. Многие немецкие интеллигенты уже в первые годы французской республики увидели весь тот ужас, в который была ввергнута Франция после революции, а поэтому после свержения монархии и казни короля Людовика XVI большая часть немецких пи-

сателей и ученых стали открыто высказываться против идей французской революции.

Буржуазия в Германии была слишком слаба экономически и слишком мало развита политически для того, чтобы преодолеть раздробленность своей страны и занять главенствующее положение в обществе. В некоторых немецких государствах, расположенных на Рейне, в Саксонии (1790 год) происходили крестьянские волнения. А в прусской Силезии в 1793 году восстали ткачи. Один из участников крестьянского восстания в Саксонии на допросе сказал: «В Саксонии все должно быть как во Франции, и мы хорошо знаем из газет и из других листов, что там все обстоит хорошо». Это еще раз доказывает, что многие люди были подвержены революционной французской пропаганде.

Однако все эти выступления в Германии носили разрозненный характер и довольно легко были подавлены властями. Лишь на границе с Францией, на Рейне, революционные выступления приняли массовый характер.

Между Эльзасом и Голландией вдоль левого берега Рейна было расположено множество мелких немецких государств, а также вольных городов. Наиболее крупными из них были три духовных курфюршества — архиепископства Майнцское, Трирское и Кельнское. Здесь французские события конца XVIII века оказали большое влияние на внутреннюю общественно-политическую ситуацию. Значительная часть интеллигенции выражала свои симпатии французской революции. Особенно активно выступали студенты и преподаватели в Майнцском университете. В 90-х годах библиотекарь этого университета Георг Форстер (1754 — 1794) стал одним из предводителей революционного движения в Германии.

Он был сыном естествоиспытателя, сам учился в Англии и еще в юности совершил кругосветное путешествие, приняв участие в экспедиции Джеймса Кука. Он дал блестящее описание этого плавания. Также его перу принадлежали ряд научных и литературных трудов, которые принесли Форстеру широкую известность. Когда началась французская революция, Георг Форстер выступил решительным сторонником ее принципов и высказался за осуществление революционных преобразований в самой Германии. Он заявлял: «Мы

ответим перед небом и землей, если упустим возможность установить у себя новый строй».

После того как в октябре 1792 года город Майнц заняли французские войска под командованием генерала Кюстина, Форстер и его друзья образовали «Общество друзей равенства и свободы». Вместе с бывшим священником Доршем, который был изгнан из Майнцского университета в 1790 году за революционные взгляды, Форстер стал во главе временной администрации Майнца.

Положение майнцских демократов было весьма тяжелым. Им трудно было завоевать симпатии среди широких крестьянских масс, так как генерал Кюстин, сам бывший аристократ, медлил с отменой феодальных повинностей. Немецкая буржуазия проявляла нерешительность, а сам Майнц со всех сторон был окружен войсками Пруссии и других государств, входивших в состав антифранцузской коалиции. У Форстера был единственный выход — добиваться присоединения Майнца к революционной Франции. В марте 1793 года майнцкий Конвент постановил отделиться от Германской империи и просил о присоединении к Франции. 30 марта Форстер до главе с делегацией временной администрации Майнца приехал в Париж, и Конвент удовлетворил их просьбу.

Но после многомесячной осады в июле 1793 года город Майнц был взят прусскими войсками. Форстеру не пришлось вернуться на родину, в январе 1794 года он умер в Париже.

Осенью 1794 года весь левый берег Рейна был захвачен войсками французов. Небольшая группа майнцских демократов, которым удалось уцелеть после прусской интервенции, в числе коих был и Дорш, снова вернулась к активной революционной деятельности. Они создали проект Рейнской республики, выбрав в качестве примера Батавскую республику. Движение республиканцев в Майнце поддержал генерал Гош, который тогда командовал французской армией на Рейне, но планам этим не суждено было сбыться, так как впоследствии территория Рейнской области была присоединена к Франции и разделена на четыре департамента.

Случилось так, что уже к концу 90-х годов французское господство стало вызывать большое недовольство среди населения Рейнской области. Тем не менее оно

имело прогрессивное значение, так как были упразднены права феодалов и церковная десятина, которая должна была проводиться на основе выкупа. На самом деле выкупа никто не получил, так как церковные и светские владельцы бежали за границу. Все эти годы на территории Рейнской области применялось более совершенное по сравнению с немецким французское законодательство и судопроизводство. Все это содействовало тому, что впоследствии Рейнская область стала наиболее экономически развитой частью Германии.

Все эти годы политика правящих кругов Австрии отличалась крайне реакционным курсом. После того, как в 1790 году умер император Иосиф II, в годы кратковременного правления императора Леопольда II (1790 — 1792) и при его преемнике императоре Франце II, правительство Австрии упорно отказывалось проводить какие бы то ни было реформы. А после того как в 1791 году был заключен Систовский мир Австрии с Турцией, все внимание во внешней политике правительства империи было сосредоточено на войне с Францией.

Наибольшую тревогу среди внутренних областей Австрийской империи вызывало положение в Венгрии. В одном из полицейских донесений говорилось: «Надо быть готовым к тому, что в Венгрии вспыхнет такая же революция, как во Франции». И действительно, в 1790 — 1791 гг. венгерский сейм выдвинул требования о создании автономной венгерской армии, о введении в сейме венгерского языка и перенесении заседаний сейма в Пешт. Отказаться от этих требований венгерский сейм вынудила концентрация австрийских войск на границе области, а также страх перед крестьянскими восстаниями.

Тем не менее в 1794 году в Венгрии возникли революционные организации «Общество реформаторов» и «Общество свободы и равенства». Представители этих обществ находились под сильным влиянием французской революции, а один из их участников — Сентмарьяи, которого называли «венгерским бешеным» — перевел на венгерский язык «Общественный договор» Руссо, а также некоторые речи якобинских ораторов в Конвенте. Члены общества «Свободы» во главе с Гайноци требовали независимости Венгрии и добивались освобождения крестьян. Эти общества поддерживали связи

с революционными кругами в столице империи Вене.

После того, как в июле 1794 года австрийские власти арестовали членов «Общества свободы и равенства», семь руководителей Общества, среди которых были Гайноци, Мартинович, Сентмарьяи и др., были обезглавлены.

Крупные политические события происходили в те годы в итальянских государствах, которые претерпели большие территориальные изменения.

Здесь идеи французской революции также нашли немало последователей. Среди них можно выделить Филиппа Буонарроти (1761 — 1837), который переселился в годы революции во Францию, был убежденным сторонником Робеспьера, а впоследствии одним из руководителей бабувистского движения. Буонарроти был близко связан со многими деятелями итальянской демократии, которые рассчитывали на поддержку Франции в деле восстановления единства Италии.

Перед началом похода французской армии под командованием генерала Бонапарта в Италию в 1796 году, Буонарроти должен был отправиться в Ломбардию для того, чтобы поднять там восстание против монархии и австрийского господства. Но его арестовали по делу Бабефа, что помешало осуществлению этого плана. Тем не менее генералу Бонапарту удалось достигнуть соглашения с пьемонтскими революционерами о взаимной поддержке, и когда французские войска приближались к Пьемонту, там началось восстание. Правда, король поспешил заключить перемирие, а Бонапарт защищать революционеров не стал, и тогда король жестоко подавил это восстание.

После итальянского похода Бонапарта в политической структуре Италии произошли серьезные перемены. В северной Италии французами, как уже говорилось выше, была уже создана Цизальпинская республика, в которую были включены австрийские владения в Ломбардии, бывшее герцогство Модена и папские легатства. В Генуэзской республике при помощи французских войск была упразднена власть аристократии и провозглашена Лигурийская республика. В дальнейшем, после того как французские войска вступили в Рим и Неаполь, возникли Римская (1798 год) и Партенопейская (Неаполитанская, 1799 год) республики.

Однако ни Директория, ни генерал Бонапарт не под-

держали стремление итальянских демократов к созданию единой Итальянской республики. Французская интервенция носила захватнический характер. Об этом ясно говорил раздел Венецианской республики между Австрией и Францией, вывоз из Италии ценностей и произведений искусства — все это вскоре оттолкнуло итальянцев от Франции. Кроме этого, французы внесли мало изменений в социальную политику в Италии. Во владениях папы, например, даже часть духовных имуществ не была передана крестьянам.

Все это привело к тому, что в Пьемонте в конце 1797 года было создано тайное революционное «Общество лучей». Оно относилось враждебно не только к монархии, но и к французам. Через год, когда французские войска полностью заняли Пьемонт, это тайное общество организовало восстание. Генерал Груши, который командовал французскими войсками, жестоко подавил его. После этого он сообщил Директории: «Я раскрыл существование анархического заговора, аналогичного заговору Бабефа во Франции».

В результате, когда была образована вторая антифранцузская коалиция, французская армия уже не смогла опереться на итальянский народ. Вскоре после ухода французских войск в Неаполе и в Риме были восстановлены старые порядки.

РАЗДЕЛЫ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Важнейшим событием конца XVIII века в Восточной Европе было прекращение существования Речи Посполитой как самостоятельного государства. Подобная угроза для существования Польского королевства и Великого княжества Литовского, союз которых назывался Речью Посполитой, появилась уже давно. А в 1772 году, после того как она была разделена между Австрией, Пруссией и Россией, угроза эта стала реальностью. Следует отметить, что территория Речи Посполитой охватывала огромные пространства Центральной Европы, которые населяли поляки, жмудины — предки современных литовцев и литвины — предки современных белорусов. Столица Польского королевства к тому времени была перенесена из Кракова в Варшаву,

столицей же Великого княжества Литовского продолжал оставаться город Вильно.

В истории Речи Посполитой XVIII столетие было столетием соглашательно-конфронтационной политики. В XVIII веке Великое княжество Литовское находилось в состоянии резкой конфронтации между различными дворянскими, магнатскими группировками. Такое положение дел досталось государству в наследство от XVII столетия, когда в 60-х — начале 90-х гг. XVII в. разгорелась острая борьба между князьями Радзивиллами с одной стороны, Сапегами и Пацами — с другой. Но уже во второй половине 70-х — первой половине 80-х гг. XVII в. князья Пацы попали в оппозицию к новому королю Яну Собескому и стали конфликтовать с князьями Сапегами и Огинскими. Когда же во второй половине 80-х гг. XVII века Сапеги укрепили свое положение в Великом княжестве Литовском, против них общим фронтом выступила белорусско-литовская шляхта, которая объединилась вокруг князей Огинских (бывших союзников Сапег) и Вишневецких. Это противостояние переросло практически в гражданскую войну, которая в первые годы XVIII века раздирала на части белорусские земли. Князья Сапеги в этой ситуации пошли даже на создание казацко-крестьянских отрядов, которые вели боевые действия в районе Дубровно, Быхова и Головчина со шляхетскими формированиями.

Но продажность и соглашательство охватили не только высшие круги знати в Речи Посполитой. Они санкционировались общегосударственной королевской властью. Преемник Яна Собеского на троне Речи Посполитой король Август II — курфюрст саксонский — показал наибольшую виртуозность в этом деле. В ноябре 1699 года в деревне Преображенское под Москвой он подписал антишведский союзный договор с Россией, но в скором времени — накануне битвы под Нарвой — Август II предал союзные обязательства и за спиной России вступил в тайные сношения с королем Швеции Карлом XII с целью заключить со Швецией мирное соглашение и направить ее армии только против российского государства. Но его планам не суждено было сбыться, а поэтому уже летом 1701 года он снова был вынужден пойти на тесный союз между Речью Посполитой и Россией. И все же несмотря на это Август II еще не раз делал попытки заключить сепаратный

мир со Швецией и обещал ей даже частичный раздел Речи Посполитой.

Неуверенность политического курса была связана со слабостью власти. В мае 1704 года была создана Сандомирская конфедерация сторонников Августа II. Ею был заключен союз с Россией и объявлена война Швеции. Но уже практически через два месяца по инициативе короля Карла XII родилась на свет конфедерация, которая провозгласила королем Речи Посполитой Станислава Лещинского.

В очередной раз жители Речи Посполитой были разделены на два вражеских лагеря. Вновь возникла конфронтация, которая привела к трагедии — привлечению внешних сил для решения внутренних противоречий. Осенью 1704 года русская армия под командованием Репнина вступила на белорусскую землю. Политика правительства Речи Посполитой привела к тому, что на белорусской земле теперь сводили счеты Россия и Швеция. Всем известно, к чему это привело: используя тактику выжженной земли, российские войска, когда армия Карла XII двинулась из Гродно на Москву, выжгли на пути шведов все поля и селения на огромной территории от Могилева до Смоленска.

Это было начало конца Речи Посполитой. Именно с этого времени объединенное государство превратилось для соседних стран в игрушку, с которой можно было играть абсолютно безопасно. Кроме этого, правители всех соседних государств жадно смотрели на земли Речи Посполитой — их хотелось иметь каждому. Через территорию Речи Посполитой постоянно проходили войска, все, кто только мог, грабили постепенно приходящее в упадок государство. Во время Северной войны по территории современной Белоруссии несколько раз прокатился ураганный смерч разрушений. Их чинили как шведские, так и российские войска. После же смерти Августа II в 1733 году, когда разгорелась борьба за польский трон между Станиславом Лещинским и сыном умершего монарха Фридрихом-Августом, русские войска снова сделали переход через белорусские земли вплоть до Варшавы. Как впоследствии справедливо замечал Фридрих Энгельс, Речь Посполитая служила постоянным двором и корчмой для иноземных войск, где однако, «они, как правило, забивали про оплату».

Внешние вмешательства в дела Речи Посполитой практически инспирировались внутренними конфликтами, которые продолжали разрывать страну на части. В 10-х годах XVIII века в Белоруссии разгорелась борьба между группировками Пацов-Огинских и сторонников вождя гетмана Великого княжества Литовского Денгафа. Следующие десятилетия также выделялись резкой конфронтацией влиятельных магнатских родов. Сначала Чарторийские вместе с Радзивиллами и Ревускими противостояли Потоцким и Браницким. Потом Радзивиллы уже боролись с Чарторийскими. Особенно обострилось это последнее противостояние во время выборов нового короля после смерти в 1763 году Августа III. Оно снова привело к белорусским землям русские войска, а с ними — опустошение (были разграблены Несвиж и Слуцк — радзивилловские резиденции).

То же самое происходило и в Польше. Точную характеристику положению дел в те годы дала сама шляхта в поговорке «Polska nierzadem stoi» («Польша держится на безладье»). Безладье это было следствием развития «золотых» шляхетских вольностей или, вернее сказать, злоупотреблений ими. Уже во второй половине XVII века было очевидным, что дальнейшее расширение шляхетской демократии при ослаблении центральной власти приведет к ее передаче в руки олигархов, которые финансово закабалили шляхту, делая ее своим вассальным окружением. Но ни одна из группировок не обладала достаточной силой, чтобы взять власть в свои руки. Силы им хватало только на то, чтобы не допустить к власти своих противников. Отсюда — таковой разгул анархии. Еще в 1669 году сейм принял постановление, в котором говорилось, что «всякое нововведение в Речи Посполитой может быть опасным и приведет к большим волнениям. Необходимо сейму следить за тем, чтобы ничто не подвергалось изменению».

Но в конце XVII — начале XVIII века эта необходимость для сейма отпала, потому что шляхетское право *Liberum veto*, по которому даже одному депутату позволялось сорвать заседание сейма, практически парализовало работу этого высшего органа власти. После первого применения этого права в 1652 году, когда депутат Упицкого повета В.Сицинский по желанию Яна Радзивилла не согласился с постановлением сейма, по

1764 год из 55 сеймов Речи Посполитой таким образом было сорвано 48.

Но следить за неукоснительным соблюдением шляхетских вольностей было кому: соседние государства заботливо охотились на беспорядок внутри Речи Посполитой. Так, российско-прусский договор 1764 года имел секретный параграф, согласно которому союзники обязались сохранять в Речи Посполитой шляхетскую конституцию, свободные выборы короля и право *Liberum veto*. Этот пункт, особенно со стороны Российской империи, выполнялся неукоснительно.

Речь Посполитая, которая в 60-х годах XVIII века стала интенсивно проводить реформаторскую политику, конечно, смогла бы преодолеть экономический и политический кризис, а поэтому раздел ее территории между соседними государствами не был исторической предрешенностью. Положительные результаты в экономической сфере имели реформы графа Тызенгауза, благодаря которым на северо-западе Белоруссии появилось довольно большое количество мануфактур. В 1764 году, а потом в 1775 году правительство Речи Посполитой ввело обязательный для всех сословий, в том числе шляхты и духовенства, единый таможенный налог, причем при отмене внутренних пошлин. В 1766 году были установлены единые единицы измерения длины и веса на территории Речи Посполитой. В эти годы велось активное транспортное строительство. В 1773 — 1775 гг. была сформирована «образовательная комиссия», которая стала проводить реформу в области образования. Напряженно работала мысль идеологов-реформаторов. Стали материализовываться некоторые реформы.

Так на сейме 1764 года было введено ограничение на применение права *Liberum veto* — решение экономических вопросов теперь принималось большинством голосов, и послам сейма разрешалось не придерживаться наказов малых найменников в тех случаях, если они противоречили решению большинства.

Это были первые стремления к проведению политических реформ. Именно они и привели к взрыву недовольства со стороны реакционной магнатирии, которая стремилась к неограниченной власти. Магнаты стали искать поддержки среди монархов соседних государств. Именно с помощью войск России и Прус-

сии на королевский трон был посажен ставленник магнатов Станислав-Август Понятовский. Они же и корректировали его политическую линию согласно с предварительной договоренностью между собой о сохранении, даже силой оружия, сложившегося порядка в Речи Посполитой.

Следует отметить, что в 60-е годы XVIII века Россия и Пруссия еще искали зацепок для того, чтобы диктовать свою волю властям Речи Посполитой. Такой зацепкой стала «диссидентская» проблема. Российская сторона поставила перед сеймом вопрос полного уравнивания в правах некаатоликов («диссидентов») с католиками, согласно договору России с Речью Посполитой 1686 года. Сейм отказался решить этот вопрос положительно, чем ввергнул Речь Посполитую в кровавые ненужные для спасения государства конфликты. Под патронажем России и Пруссии в 1767 году в Слуцке была создана православная, в а Торуне — протестантская конфедерация, которые ставили перед собой цель достичь равенства верующих разных конфессий в Речи Посполитой. Последним аргументом в споре между слуцко-торунскими конфедератами и сеймовыми заседателями в пользу первых была сорокатысячная российская армия, которая стояла на территории Белоруссии.

В 1768 году сейм был вынужден удовлетворить стремление «диссидентов» и дал им равные права с католиками. Это в свою очередь не удовлетворило горячих сторонников «золотой» шляхетской вольности. Хотя под гарантией Российской империи, но возвращались, как неприкосновенные, права *Liberum veto* и другие, которые были ограничены решением сейма 1764 года. Тем не менее были уничтожены древние нормы, которые возвышали католическую шляхту над некаатолической. Противники нарушения старинных традиций во главе с Ю. Пуласким организовали в Бору (Украина) конфедерацию, которая объединила доверьно широкие круги шляхетского сословия всей Речи Посполитой. Значительную поддержку борские конфедераты имели и в Белоруссии. Но противостоять мощи российского войска конфедератские отряды не могли. На протяжении 1768 — 1771 гг. они были разбиты. После этих событий под воздействием обострившейся международной ситуации произошел первый раздел Речи Посполитой между Российской империей,

Пруссией и Австрией. В 1772 году к России отошла Восточная Белоруссия.

Но даже это трагическое событие не прибавило политического здравомыслия соперничавшим между собой магнатским кланам. События дальше разворачивались по уже отработанному вершителями судьбы Речи Посполитой сценарию. Как только в стране начиналась реформаторская деятельность, зоркие соседи ее сразу душили, а потом карали страну за непослушание.

Реформаторская часть 4-летнего сейма (1788 — 1792 гг.), которую возглавляли Колонтай, Машинский, Немцевич и другие, хорошо понимала, что неравноправное и униженное положение «диссидентов» всегда может быть использовано в качестве причины для очередного вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой. Поэтому реформаторы сделали попытку лишить наиболее опасного соседа — Российскую империю — возможности использовать «религиозные мотивы» для возможных новых разделов государства.

Несмотря на сопротивление реакционных, в первую очередь католических, кругов, сейм принял постановление о необходимости созыва в Пинске «Генеральной конгрегации» — высшего собрания представителей православного вероисповедания в Речи Посполитой. 15 июня 1791 года пинская конгрегация начала свою работу и закончила ее 2 июля. Всего собралось 96 полномочных представителей от православного населения. В результате был создан проект об установлении в Речи Посполитой высшей православной церковной иерархии. Согласно ему православная церковь должна была получить право на избрание трех епископов и своего митрополита. Было объявлено об отказе церковных иерархов от какой-нибудь иноземной зависимости. В делах церкви и веры признавалось верховенство только Константинопольского патриарха, а не российского Синода. Пинская конгрегация решила также вопрос о временном православном управлении в Речи Посполитой до утверждения сеймом проекта о автокефалии. С этой целью было выбрано 12 человек (по три представителя от монашества и священников, а также от шляхты и мещанства). Председателем «Генеральной конгрегации» стал игумен Бельского монастыря С. Пальмовский.

Но дело утверждения поданных сейму предложений пинской конгрегации затянулось более чем на десять

месяцев. Только 25 мая 1792 года уже в условиях назвавшегося вторжения российской армии в границы Речи Посполитой по предложению короля Станислава-Августа «православный вопрос» рассматривался самым первым в повестке дня. При голосовании большинством голосов (123 «за» и 13 «против») сейм принял предложение пинской конгрегации.

Осуществление решений пинской конгрегации было необычайно опасным для Российской империи. По существу оно значило восстановление в Великом княжестве Литовском независимого от московского государства православного иерарха. Это событие, а также принятие Конституции 3 мая 1791 года, которая по существу должна была вывести Речь Посполитую из политического кризиса и привести к буржуазным реформам, инспирировали организацию очередного «крестьянского похода» против Речи Посполитой опять же под флагом неизменности шляхетских привилегий. Теперь для вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой Российской империи даже не требовалось никакой зацепки. Под рукой Екатерины II 14 мая 1792 года из представителей шляхетской партии организовалась тарговицкая (по названию украинского городка Тарговица) конфедерация, которая вслед за сотысячным российским войском уже 18 мая вошла в Речь Посполитую, чтобы защищать попраные шляхетские права.

Довольно значительная часть белорусской шляхты поддержала тарговичан, либо пассивно отнеслась к интервенции. Это имело свои причины. Реформаторские решения 4-летнего сейма привели фактически к преобразованию «Речи Посполитой Обоих Народов» в унитарное государство. Отныне за ее монархом сохранялся только один титул — «Короля польского». Перестал существовать исторический раздел государства на Великое княжество Литовское и Корону Польскую. Тем самым были существенно затронуты амбиции и белорусских магнатов. В такой ситуации они фактически теряли не только весьма доходные посты, но и возможность более основательно влиять, с учетом собственных интересов, на внутреннюю и внешнюю политику Речи Посполитой от имени ее правомерного члена — Великого княжества Литовского. Вследствие выше указанных причин российской армии понадобилось

только два месяца, чтобы разбить уже целиком дезорганизованную армию Речи Посполитой, причем боевые действия опять-таки происходили на территории Белоруссии (Орша, Мир, Зельва, Брест). Само собой разумеется, что конституция 3 мая была отменена, а вслед за этим, в январе 1793 года произошел и второй раздел Речи Посполитой. Под давлением торговичан, которых поддержала русская армия, условия второго раздела были подтверждены на гродненском сейме 1793 года. К России отошли белорусские земли приблизительно по линии Друя — Пинск.

Стало понятным, что от окончательного раздела Речи Посполитой между Российской империей, Пруссией, Австрией может спасти только решительное противостояние агрессорам консолидировавшегося общества, но этого не произошло. Произошло так, что лишь восстание 1794 года, во главе которого стал представитель древнего белорусского шляхетного рода генерал Андрей Тадеуш Костюшко, давало для этого последний шанс.

ВОССТАНИЕ Т. КОСТЮШКО. КОНЕЦ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Восстание под предводительством Тадеуша Костюшко началось после принятия 24 марта 1794 года Краковского акта восстания. В нем были определены главные цели повстанцев: избавление от иноземной оккупации, борьба за полную суверенность Речи Посполитой, восстановление ее в границах 1772 года, возвращение реформаторских решений Конституции 3 мая 1791 года. Лозунгом восстания стали три слова: «Свобода, целостность, независимость!»

Накануне восстания, на протяжении 1793 — начала 1794 гг. на территории Великого княжества Литовского велась активная его подготовка. Центром подготовки был город Вильно. Организаторы восстания под руководством полковника корпуса инженеров Великого княжества Литовского Якуба Ясинского собирали средства, разрабатывали план действий. Поддерживалась связь с единомышленниками в Варшаве, но, учитывая требования конспирации, а также отдаленность двух столиц друг от друга, связи эти были не слишком тесными.

Начало восстанию в Великом княжестве Литовском положил Шавельский акт (16 апреля 1794 года). Согласно ему к восстанию присоединилась Жмудь. Но было ясно, что успех дела в княжестве будет зависеть от того, в чьих руках окажется столица государства — Вильно. Именно там произошли решительные события в ночь с 22 на 23 апреля. По разработанному плану был неожиданно атакован и разбит российский гарнизон. При поддержке горожан это сделали части войска Великого княжества Литовского, которые были расквартированы в Вильно. Руководил операцией Якуб Ясинский. Таким образом, власть в городе перешла в руки повстанцев. На следующий день, 24 апреля, на площади перед городской ратушей был оглашен Виленский акт восстания. Был создан и начал свою деятельность высший для всего Великого княжества Литовского орган руководства восстанием — «Наивысшая Литовская Рада». Начал свою деятельность и криминальный суд. Именно по его решению 25 апреля был повешен на городской площади последний гетман Великого княжества Литовского Симон Касаковский. Его обвинили в злоупотреблениях против своих соотечественников и в предательском сотрудничестве с российскими войсками.

Командующим вооруженными силами повстанцев в Великом княжестве Литовском был назначен Якуб Ясинский. Состав «Литовской Рады» насчитывал 29 человек, кроме этого, от воеводств, паштетов и городов княжества в нее вошли еще 37 представителей. Это давало возможность с течением времени преобразовать «Раду» в своего рода независимое правительство Великого княжества.

Первые документы литвинских повстанцев имели более радикальный характер, чем в Короне. Виленский «Акт восстания народа Литовского» призывал не только к «вольности», но и к равенству «гражданинскому». В «Универсале воеводствам и поветам провинции Великого княжества Литовского и городам вольным», провозглашенным Литовской «Радой» 24 апреля, критиковался «король слабый». Одновременно в нем были высказаны симпатии к французской революции: «мужественный народ французский, вместе с другими, протягивает нам дружескую руку, требует восстания нашего, дает нам в этом помощь...»

Создание отдельного высшего органа управления восстанием в Великом княжестве Литовском, а также тот факт, что в Виленском акте имя Т. Костюшко как предводителя восстания в Речи Посполитой почему-то не было упомянуто, привели на какое-то время к полному непониманию между Вильно и Варшавой. Согласно краковскому акту во всей Речи Посполитой высшим органом власти, подчиненным Т. Костюшко, должна была стать «Высшая Национальная Рада».

На местах в воеводствах, а также в Великом княжестве Литовском должны были создаваться только «порядковые комиссии», которые бы подчинялись «Раде». Руководителей восстания в Великом княжестве Литовском, и в первую очередь Якуба Ясинского, стали подозревать в традиционном литвинском сепаратизме, но уже во второй половине мая недоразумения были сняты. «Литовская Рада» успела не один раз высказаться насчет своего безусловного подчинения Тадеушу Костюшко. 13 мая Якубу Ясинскому было присвоено Тадеушем Костюшко звание генерал-лейтенанта. Одновременно руководство повстанческими силами было выведено из-под власти одного человека: войско было разделено на три части с тремя командующими — Я. Ясинским, А. Хлевинским и Ф. Сапегой, — которые должны были действовать скоординированно. Таким образом, с одной стороны шел процесс централизации руководства восстанием в границах Речи Посполитой, с другой стороны — децентрализовалось командование войском в Великом княжестве Литовском.

В руководстве восстанием в Литве (имеется в виду территория современной Белоруссии), в котором с момента его подготовки и в начале ведущую роль играли Я. Ясинский, П. Гразмани, Ю. Гарновский, К. Эльнер и другие, стали наблюдаться два течения. Одно из них было радикальным либо «якобинским», во главе с Ясинским, и второе — умеренное, представленное магнатами и богатой шляхтой. Первые стремились к как можно более революционным изменениям в обществе в духе французской революции. Они выступали за ликвидацию панщины и крепостного права, отстаивали равноправие городских жителей, поддерживали идею создания республиканского правления. Такой подход к целям восстания, реализация которых существенно затрагивала и даже меняла ситуацию магнатории

и богатейшей шляхты, не мог нравиться «умеренным». Главного своего врага они видели в лице непримиримого республиканца Ясинского. К Тадеушу Костюшко не раз направлялись посланники «умеренных» с предложениями заменить Я.Ясинского, отозвать его из «Литвы». Следует отметить, что в конце концов они своего добились.

События, связанные с восстанием Тадеуша Костюшко в Белоруссии, охватывают время с апреля по конец сентября 1794 года. Для первого периода (апрель — июнь) были характерны наиболее активные действия повстанцев и, наоборот, нерешительность и осторожность в действиях российского войска. Это было вызвано успехами повстанцев и победой Тадеуша Костюшко под Рацлавицами (4 апреля), а также успехами восстания в Варшаве (16 апреля) и в Вильно. В этот период российской армия, лишенная общего плана действий, которая находилась в чужой стране и была окружена со всех сторон повстанцами, отчаянно маневрируя, отступала. Так отряд князя Цицианова 9 мая оставил Гродно и отошел в направлении Несвижа. В конце концов российские войска заняли позицию примерно вдоль границы раздела Речи Посполитой 1793 года. 7 мая под деревней Тальяны, недалеко от Ошмян, Якуб Ясинский разбил российские отряды под командованием полковника Деева и заставил их отступить под Сморгонь, показав тем самым силу повстанческих войск.

А в Гродно 14 мая перебравшая поветовая «порядковая» комиссия, которая была создана 9 мая в Саколке. Она развернула активную деятельность по формированию повстанческого войска. К 7 июня в Гродненском повете было мобилизовано на восстание до 5 тысяч рекрутов.

9 мая в Бресте была создана воеводская «порядковая» комиссия, которая официально заявила о том, что воеводство присоединяется к восстанию. В состав Брестской комиссии вошло восемь человек православного вероисповедания, среди которых был игумен Григоровский, который через некоторое время даже стал ее председателем (неслыханное до этого событие для Речи Посполитой). 15 мая Т.Костюшко обратился к своим землякам-брестчанам со специальным обращением. Он приветствовал их присоединение к Краковскому акту. Особенно отметил он заслуживающий поддержки и распространения пример религиозной толерант-

ности и сотрудничества с православным населением.

Наиболее опасной для российской армии виделась возможность расширения восстания на территорию Белоруссии, которая была присоединена к России после Первого и Второго разделов Речи Посполитой. На это были свои причины. Панические рапорты из Несвижа императрице посылал генерал-губернатор «минский, изаславский и браславский» Туталмин. Он не переставал добиваться у князя М.Решнина, который был назначен рескриптом Екатерины II от 22 апреля 1794 года командующим российскими войсками на территории Великого княжества Литовского, усиления границы Второго раздела. Одновременно с этим он сообщал о подозрительных пьесах шляхты, расширении повстанческой агитации и собирании оружия даже крестьянами. Началось срочное укрепление фортификационных сооружений в Несвиже. Современники отмечали атмосферу общей паники среди администрации в Минске. На случай опасности была подготовлена возможность перевода в Слуцк минских касс и архивов. Дело доходило до того, что от офицеров, которые прибывали из охваченной восстанием части Речи Посполитой, под присягой требовали, чтобы они молчали обо всем, что там происходит.

1 июня Якуб Ясинский издал приказ поветовым органам управления восстанием о создании трехсот особых конных отрядов из числа всех, кто способен держать оружие в руках. Эти отряды должны были, перейдя границу 2-го раздела, начать партизанские действия в тылу российской армии. Для лучшей организации этого дела Ясинским была составлена специальная «Инструкция для входящих в кордон российский». Кроме организационных военных вопросов, в «Инструкции» особенное внимание уделялось воздействию на местное население, чтобы «привлекать шляхту и люд» к восстанию. Эта инициатива была одобрена Тадеушем Костюшко, который сам через две недели издал аналогичный универсал.

Наиболее мощными рейдами на территории Белоруссии, захваченной в результате I и II раздела Российской империей, были выступления отрядов повстанцев под руководством Михала Клеофаса Огинского (на Динабург) и С.Грабовского (на Минщину) в августе 1794 года. Следует отметить, что Михал Клеофас Огинский был не только военным, но и великим компо-

зитором. Именно ему принадлежит авторство так называемого «Полонеза Огинского», который на самом деле имеет название «Прощание с родиной».

Отряд Михала Огинского насчитывал около 2,5 тысяч человек, из которых до тысячи человек составляли конницу. Отряд был весьма слабо вооружен: только 300 человек из пехоты имели ружья, остальные же 1200 человек были вооружены только пиками и косами. Оставив основную часть своего отряда на Браславщине, Михал Огинский с двумя сотнями наиболее подготовленных и вооруженных повстанцев направил Динабургу, но взять город ему не удалось. Сжегши предместье, повстанцы отступили.

Отряд С. Грабовского, перед тем как он пришел на Минщину, насчитывал немногим более двух тысяч человек. Одной из основных целей рейда С. Грабовского было отвлечение сил врага на себя от Вильно и Гродно. Одновременно повстанцы разрушали коммуникации: делали засеки на дорогах, уничтожали мосты. Как и в отряде Огинского, повстанцы Грабовского тоже были недостаточно вооружены и подготовлены. Обойдя Минск, отряд двинулся через Пуховичи к Бобруйску, где им был уничтожен небольшой гарнизон. Но противостоять организованной силе русского войска отряд С. Грабовского долгу не мог, а поэтому вскоре он вынужден был повернуть назад, 4 сентября под Любанью он был разбит. Сам С. Грабовский попал в плен, и лишь небольшая часть его отряда сумела спастись.

Постепенно инициатива стала переходить в руки российских войск. 26 июня войска, которыми командовал Якуб Ясинский, потерпели поражение в битве под деревней Соля от объединенных российских отрядов под командованием М. Зубова и Беннигсена. После этого поражения Ясинский выехал в Варшаву. С этого времени российские войска перешли к наступательным действиям. Кроме того, назначенный Тадеушем Костюшко 4 июня главнокомандующий всеми вооруженными силами восстания в Великом княжестве Литовском М. Вельгорский совсем не соответствовал этой должности и ничем себя не проявил. 3 — 5 июня в связи с болезнью М. Вельгорского его заменил на посту Макрановский. Территория восстания в Белоруссии стала сужаться. К середине июля русские войска контролировали все Новогрудское воеводство и часть Брестского.

19 июля русские войска сделали попытку захватить Вильно, но она окончилась неудачей. Начиная с этого времени, они уже не покидали окрестностей столицы. 12 августа российские войска окончательно овладели Вильно. В сентябре на территорию южных поватов Белоруссии вошли отряды Суворова. Вначале под деревней Крупчицы, недалеко от Кобрина, и окончательно под Брестом они разбили корпус Зигмунда Сераковского, который состоял из «коронных» и белорусских отрядов.

Битва под Крупчицами (17 сентября 1794 года), в которой с обеих сторон участвовало до двадцати тысяч человек, была самой крупной за время всего восстания. В ней погибло около 3 тысяч повстанцев, большинство из них — необученные крестьяне-косинеры, часть которых была порублена казаками в стенах Крупчицкого монастыря кармелитов, где они искали спасения.

Дольше всего повстанцы продержались в Гродно. Сюда в конце концов перебралась и «Центральная Депутация Великого княжества Литовского» — новый орган по руководству восстанием, который в начале июня пришел на смену Литовской раде. Сюда же на один день, 30 сентября, успел приехать Тадеуш Костюшко (единственный раз за все время восстания на территории Белоруссии). Но и Гродно, по приказу Тадеуша Костюшко, с 1 октября повстанцы оставили. Остатки повстанческого войска Великого княжества Литовского через Саколку и Белосток отступили к Варшаве. Здесь во время героической обороны Варшавского предместья Праги, где по приказу Суворова российские солдаты устроили страшную резню, не жалея ни женщин, ни детей, погиб Якуб Ясинский.

Восстание 1794 года в Белоруссии продержалось немногим более пяти месяцев, но оно смогло отвлечь на себя значительные силы российской армии. Это не позволило бросить их сразу против отрядов Тадеуша Костюшко. Одной из причин поражения восстания на территории Белоруссии являлось отсутствие единого командования, налаженного взаимодействия в повстанческом войске, неспособность военного командования. Но главной причиной все-таки является половинчатость объявленных реформ, постоянная оглядка на шляхту, которая не хотела допустить революционного выступления крестьянства и жителей городов. Так об-

народованный 7 мая 1794 года Тадеушем Костюшко знаменитый «Поланецкий универсал» создавал основы для облегчения положения крестьянства в Речи Посполитой. Этим универсалом всем крепостным крестьянам была дарована личная свобода, признавалось наследственное право пользования землей, которую они обрабатывали, значительно облегчались повинности.

Войска Костюшко в сражении под Рацлавицами.
Рисунок А. Орловского.

Но для того, чтобы шляхта окончательно не отвернулась от восстания, Тадеуш Костюшко вынужден был учитывать и ее интересы. Крепостное право так и не было упразднено. Это не позволило перерасти восстанию во всенародное движение, а также породило раскол в лагере повстанцев. Благодаря этим причинам русскому войску во главе с Суворовым и Ферзеном удалось выиграть несколько крупных сражений и в результате этого задуть восстание.

Теперь вопрос о сохранении Речи Посполитой не стоял, и последний ее раздел произошел в октябре 1795 года. Согласно ему почти вся территория Белоруссии была присоединена к Российской империи.

В упадке Речи Посполитой можно увидеть историческую закономерность, так как перестали функционировать практически замороженные, неизменные структуры. Пример Российской империи и пример Речи Посполитой показывают два пути развития феодализма:

тоталитарный и демократический. И один, и второй обеспечивали жизнедеятельность феодальной системы. При зарождении и развитии новых капиталистических отношений возникла необходимость реформирования общества, что требовало подчинения государству хозяйственных и политических механизмов, а значит, мощной центральной власти. При тоталитарной системе такая власть концентрировалась в руках монархов, при демократической же — размывалась (достаточно вспомнить сейм с его правом *Liberum veto*). Именно то что демократический институт в Речи Посполитой не смог выработать, развить централизаторских начал, не позволило правящим кругам Речи Посполитой, которые к тому же ощущали на себе невероятное внешнее воздействие, оторваться от старой системы и выйти на новый виток политических и производственных отношений, а тем самым и предотвратить государственную катастрофу.

Основная масса населения — крестьяне и городские жители Белоруссии — индифферентно восприняли распад Речи Посполитой. Жизнь в этой несчастной, продажной державе не давала надежды на какие-либо перемены. Новые же хозяева, новые порядки, как всегда, несли с собой надежду на лучшее будущее. Другое дело, что надеждам этим не суждено было сбыться.

Таким образом, в 1795 году государства-победители произвели третий и на этот раз окончательный раздел Речи Посполитой. Пруссия получила Варшаву и основную часть старопольских земель, Австрия — Краков и Люблин с прилегающими территориями, а Россия — западнорусские и западноукраинские земли (без Львова), а также большую часть Литвы и Курляндию. Значительная часть литовских земель, которые ранее входили в состав Великого княжества Литовского (в том числе Сувалки) отошли к Пруссии.

Уничтожение Речи Посполитой было частью борьбы европейской реакции против революционного и национально-освободительного движения. Как бы там ни было, польские и белорусские магнаты сумели сохранить свои земельные владения ценой потери независимости собственного государства.

СОБЫТИЯ В РОССИИ КОНЦА XVIII ВЕКА

Население России с большим интересом наблюдало за ходом событий во Франции. Н.М.Карамзин, который был непосредственным очевидцем революционных событий, впоследствии писал, что они «определяют судьбы людей на длинный ряд столетий».

Крушение французского феодализма привело в восторг и приободрило передовых людей России, которые в это время боролись за уничтожение крепостного права. Современники отмечали, что «французская революция имела в России, как и в других местах, много приверженцев», что «вольногогладание о власти самодержавной (стало) почти всеобщим, и чувство, устремляющееся к необузданной вольности, воспалилось примером Франции».

С 1 января 1790 года при Московском университете стал выходить «Политический журнал». В нем подробно рассказывалось о ходе событий в революционной Франции. В обращении к читателям журнала профессор П.А.Сохацкий писал, что «1789 год учинился вечно незабвенным между годами многих столетий», что «произошло в Европе начало новой эпохи человеческого рода — эпохи угнетения самопроизвольной власти и поправления судьбы так называемых низких состояний». Целым потоком в Россию шли французские революционные издания. Современники отмечали: «Все, какие только во Франции печатаются книги, здесь скрытно купить можно». Их переводили профессиональные переводчики и студенты, а затем продавали из-под полы в виде рукописных списков.

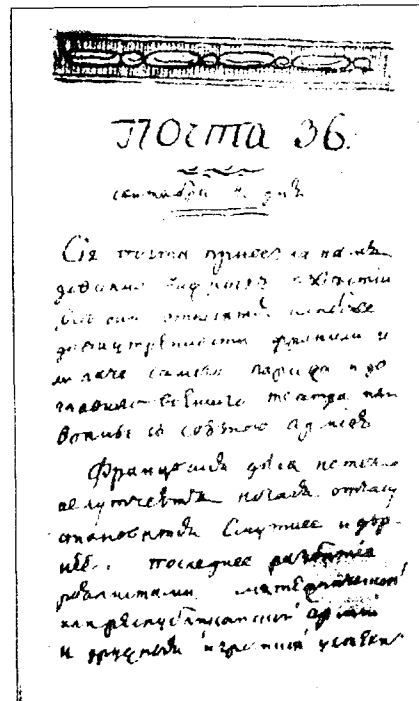
Идеи французской революции оказали большое влияние на лучшие умы России, в том числе на революционного мыслителя А.Н.Радищева, на сатирика и просветителя Н.И.Новикова и на многих других деятелей русской культуры. Царское правительство Екатерины II безжалостно душило все проявления вольнодумия: Радищев был сослан, Новикова бросили в тюрьму. Но на смену им приходили новые приверженцы свободы. Одним из таких людей был Ф. В. Кречетов, который призывал к «величайшему бунту, такому, которого еще не бывало». Он требовал «свергнуть власть самодержавия, сделать либо республику, либо иначе иное что-нибудь, чтобы всем быть равными».

После смерти Екатерины II на престол вступил новый император Павел I (1796 — 1801). Он любыми мерами пытался укрепить господство дворянства в обществе. Его правительство беспощадно подавляло крестьянские волнения, которые охватили целых тридцать две губернии. В годы его правления крепостное право не только не было уничтожено, но и получило дальнейшее распространение на Новороссию, Дон и Предкавказье — около 600 тысяч государственных крестьян были отданы помещикам.

Напуганный размахом крестьянских волнений, Павел I пытался хоть как-нибудь улучшить их положение. В 1797 году он издал указ, в котором рекомендовал помещикам ограничить барщину тремя днями в неделю, но никакого практического применения этот указ не получил.

Продолжали подвергаться суровым наказаниям передовые мыслители, которые выступали против самодержавия — В.В.Пассек, Ф.В.Кречетов, И.Рожнов и другие. В стране была введена строгая цензура, запрещен выезд за границу с целью получения образования, повсюду были закрыты частные типографии и учебные заведения.

Для укрепления самодержавного строя Павел I стремился к дальнейшей политической централизации. С этой целью он ограничил дворянское самоуправление и упразднил некоторые дворянские привилегии. Отныне например, был затруднен уход дворян в отставку

Первая страница одного из номеров рукописного журнала «Богородский вестник», посвященного революционным событиям во Франции (сентябрь 1793г.).

с государственной службы. В 1797 году им был восстановлен порядок престолонаследия по праву первородства, то есть от отца к старшему сыну, а при отсутствии прямых наследников — к старшему из братьев. Политика Павла I была всецело направлена на укрепление крепостничества феодальной системы. Тем не менее даже те немногие и половинчатые меры, которые он пытался принять для облегчения положения простого народа, вызвали недовольство некоторых кругов дворянства и особенно столичной знати, а также высшего офицерства. В принципе недовольство это было направлено не столько на действия, сколько на саму личность Павла I, на самодурство и капризы императора.

Несмотря на то что Россия не приняла участия в Первой антифранцузской коалиции, Екатерина II была злейшим врагом французской революции. Как уже говорилось выше, Россия отказалась от войны с Францией, так как воевала на Востоке и с повстанцами под предводительством Тадеуша Костюшко. Как только восстание в Польше и Белоруссии было подавлено, Россия сразу же стала готовиться к походу во Францию.

Как известно, Павел I почти все делал наперекор решениям своей матери. В начале своего правления он вступил в переговоры с Францией, однако между двумя государствами существовали серьезные противоречия в Германии, на Ближнем Востоке и в польском вопросе. Экспедиция французской армии под командованием генерала Бонапарта в Египет, захват им Мальты и Ионических островов шли вразрез с интересами политики России на Востоке. Это привело к тому, что Россия присоединилась ко Второй антифранцузской коалиции. В начале 1799 года был заключен союз между Россией и Турцией, благодаря которому русский военный флот получил право на свободный проход через проливы, контролируемые Османской Портой. Объединенный русско-турецкий флот, которым командовал Ф.Ф. Ушаков, вскоре освободил от французов Ионические острова. Адмирал Ушаков содействовал тому, что на этих островах была введена прогрессивная для того времени конституция. По русско-турецкой конвенции 1800 года была создана «Республика семи соединенных островов», которая находи-

лась под двойным протекторатом России и Турции, хотя формально сюзереном ее являлся турецкий султан.

Следует отметить, что в последующем Ионическая республика сыграла большую роль в развитии греческого национально-освободительного движения.

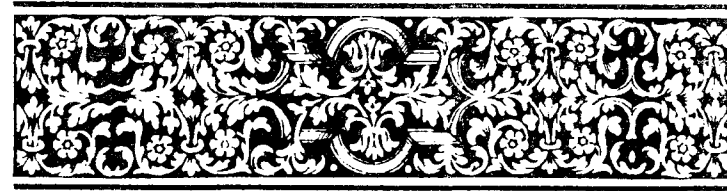
После того как армия Суворова пришла в Северную Италию, она нанесла ряд крупных поражений французам. Затем в Италии было упразднено республиканское правление и восстановились феодальные порядки.

Вторая коалиция оказалась недолговечной. В России недовольство вызывала политика Австрии, из-за которой русские войска в Италии оказались в тяжелом положении. К этому времени обострились и русско-английские противоречия на Ближнем Востоке и в Средиземном море. Англичане пытались всячески разрушить союз России и Турции, вытеснить Россию с Ионических островов. Овладев Мальтой, они не собирались выпускать ее из своих рук, в то время как Павел I сам хотел сделать Мальту опорным пунктом русского флота в Средиземном море.

Все это привело к тому, что Павел I отозвал русские войска с театра военных действий и в 1800 году порвал отношения с Англией, наложив секвестр на находившиеся в России английские товары и корабли. После этого он заключил союз со Швецией, Данией и Пруссией, направленный против Англии. Россия вновь возобновила правила вооруженного нейтралитета. Одновременно Павел I начал переговоры с Францией о мире, союзе против Англии и совместном походе в Индию. Таким образом, Англия и Россия оказались в состоянии войны. Английский флот под командованием адмирала Нельсона разгромил союзный России датский флот на рейде в Копенгагене и двинулся дальше на Кронштадт и Ревель.

Политика Павла I, направленная против Англии, была крайне непопулярна в дворянских кругах России, так как Англия являлась важнейшим рынком для экспортировавшихся русскими помещиками товаров. Сближение с Францией также не нашло сторонников среди дворянства, которое ненавидело французскую революцию и республику. Поэтому внешняя политика царя усилила нараставшее среди дворян недовольство и послужила толчком к организации дворцового за-

говора. В нем участвовали видные придворные и столичное офицерство. О заговоре знал и сам наследник престола Александр Павлович. Поддерживал связи с заговорщиками и высланный Павлом I из России английский посол в Петербурге Ч. Уитворт. 12 марта 1801 года Павел был убит в Михайловском дворце, его преемником стал Александр I (1801 — 1825).

ГЛАВА 4

ИМПЕРИЯ НАПОЛЕОНА

После переворота 18 брюмера во Франции была установлена неограниченная диктатура Наполеона Бонапарта. До 1804 года этот режим был облечен в форму консульства и формально Франция оставалась республикой. Но с 1804 года Наполеон Бонапарт стал «императором французов».

После совершения государственного переворота Наполеон Бонапарт поспешил юридически оформить свою власть. Он продиктовал новую конституцию, согласно которой вся полнота власти была сосредоточена в руках первого консула. Четыре законодательных органа — сенат, государственный совет, трибунал и законодательный корпус — имели чисто декоративное значение. При Наполеоне были ликвидированы парламентский режим и избирательное право, даже в том урезанном виде, в каком оно существовало при Директории. Вместо права избирать депутатов отныне граждане Франции получили лишь право намечать кандидатов, из числа которых правительство по своему усмотрению назначало членов законодательных органов.

Система выборного местного и областного (департаментского) самоуправления, созданная после рево-

люции, также была упразднена. Ее заменила полицейско-чиновничья система префектур. Отныне министр внутренних дел назначал префекта департамента, а префект назначал мэров и членов муниципальных советов городов и коммун. Вся Франция сверху донизу была охвачена строго централизованным административным аппаратом, который находился в полном подчинении Наполеона. Самым могущественным ведомством стала полиция, разветвленная сеть которой контролировала общественную и личную жизнь французов.

Как и вся правительственная власть, полиция с особой беспощадностью подвергалась преследованиям и репрессиям демократические круги. Наполеон стремился искоренить якобинство полностью, уничтожить его дух. Ему помогал в этом с особым усердием министр полиции Фуше.

Одним из первых мероприятий, которые Наполеон провел в начале 1800 года, было закрытие независимых газет; сохранены были лишь те органы печати, которые всецело подчинялись правительству и контролировались им. Была установлена строгая цензура. Цензоры из литературы, театра и преподавания исключали все, что напоминало о революции и ее деятелях.

Ликвидировал Наполеон и законодательство революции в вопросах религии и церкви. В 1801 году был заключен, а в 1802 введен в действие конкордат (соглашение с папой Пием VII). В силу этого конкордата католицизм признавался «религией огромного большинства французских граждан». Отныне государство стало выплачивать духовенству жалование, а римский папа отказывался от претензий на конфискованные во время революции церковные земли и признавал контроль французского государства над деятельностью священников и епископов. Это соглашение с папой позволило Наполеону поставить католическую церковь на службу новому, буржуазному строю. Единственное что сохранил Наполеон, так это то перераспределение собственности, которое произошло за годы революции, когда в руках буржуазии и крестьянства оказались земли церкви и дворян-эмигрантов. В то же время Наполеон разрешил вернуться во Францию тем эмигрантам, которые отказались от поддержки монархии Бурбонов и выказали готовность служить ему. Не-

которым из них даже были возвращены непроданные имения. Хотя, следует отметить, за всеми бывшими эмигрантами полиция установила надзор.

Наполеон последовательно поддерживал и поощрял предпринимательскую деятельность, инициативу промышленников, банкиров и торговцев. В 1800 году по его приказу был основан Французский банк. Под свое личное покровительство Наполеон взял промышленность, для развития которой он не скупился на правительственные заказы, государственные субсидии и экспортные премии. Правительство ограждало внутренний рынок от иностранной и, в первую очередь, английской конкуренции. В интересах собственников были сокращены прямые налоги и в 2 — 2,5 раза увеличены косвенные.

Современники замечали, что Наполеон боялся малейших волнений рабочих больше, чем проигранного сражения, а поэтому, поощряя развитие промышленности, организуя общественные работы, правительство стремилось не допустить безработицы, вследствие которой могли произойти революционные выступления масс. Вместе с тем рабочие также находились под тщательным наблюдением полиции. Несмотря на то, что Наполеон отменил почти все законы революционных лет, он сохранил закон Ле Шапелье, который лишал рабочих права организованной защиты своих интересов и предоставлял предпринимателям неограниченную возможность их эксплуатации. В 1803 году были введены рабочие книжки, что давало предпринимателям и властям средство контроля и полицейской опеки над рабочими.

До определенного времени политика наполеоновского правительства отвечала интересам не только промышленной и торговой буржуазии, но и интересам крестьян-собственников. Отныне крестьяне беспрепятственно могли пользоваться совсем недавно доставшейся им землей.

В этот период интересами буржуазии была продиктована и внешняя политика Наполеона. Ее целью было обеспечить Франции экономический и политический приоритет в Европе.

Когда произошел государственный переворот 18 брюмера, война с армиями стран второй коалиции была еще незакончена и, хотя Россия вышла из игры, Англия и Австрия продолжали борьбу, которая ничуть не ослабевала. Глава английского правительства Питт не жалел

ни денег, ни обещаний для того, чтобы привлечь новые государства в коалицию. Северная Италия, вновь оторванная от Франции, укреплялась как плацдарм против нее, там были сконцентрированы крупные военные силы.

Прекрасно понимая всю опасность такого положения дел, Наполеон в мае 1800 года во главе армии вторгся в Италию, пройдя по самому трудному пути — через альпийский хребет. Это дало ему фактор неожиданности, так как австрийцы меньше всего ожидали здесь нападения. Перейдя через Сен-Бернар, французская армия спустилась в Ломбардию, прямо в тыл противнику. 14 июня недалеко от деревни Маренго произошло решающее сражение. Так как войска Австрии превосходили французов числом и артиллерией, то в начале сражения они имели значительный перевес, но к вечеру положение резко изменилось, так как французы получили подкрепление и ударили по австрийцам с флангов. Наполеон, бросив все свои силы в атаку, смял и разгромил австрийскую армию.

Сражение под Маренго решило исход всей кампании. Правда, австрийцы после нескольких месяцев перемирия вновь возобновили военные действия. Но когда в декабре 1800 года генерал Моро нанес им поражение уже на территории Баварии, при Гогенлиндене, Австрия была вынуждена пойти на мир.

Новый мирный договор между Австрией и Францией был подписан 9 февраля 1801 года в городе Люневиле. Практически он воспроизводил все условия выгодного для Франции Кампоформийского мира.

Фактически Вторая коалиция прекратила свое существование. Лишь Англия продолжала войну. Но и она, несмотря на быстрое развитие промышленности и торговли, с трудом удерживала напряжение десятилетней войны, которая требовала колоссальных расходов не только на содержание и усиление военного флота, но и на субсидии участникам коалиции. Все это истощало казну. Для покрытия расходов английское правительство прибегало к займам и ужесточало налоговую систему. Все это стало причиной того, что внутри Англии нарастало недовольство: цены на хлеб резко возросли. Квартер пшеницы, который стоил в 1798 году 47 шиллингов, в апреле 1801 года уже стоил 148 шиллингов. Народ жил в страхе перед голодом, а по-

этому требование заключения мира получало все большую поддержку в массах. «Мир и изобилие», «Для народа хлеб и покой или с короля голову долой» — подобные надписи стали встречаться на домах в рабочих кварталах Лондона.

Следует отметить, что и в рядах английской буржуазии также начало усиливаться стремление к заключению мира с Францией. Многие надеялись, что перемирие с континентальным соперником вновь откроет европейские рынки для английских товаров, которые туда практически не проникали из-за жесткой континентальной блокады, политику которой проводила Франция.

В связи с этим Питт, который стоял твердо за продолжение войны до полной победы, в начале 1801 года вынужден был уйти в отставку. Новое английское правительство сразу же начало мирные переговоры с Наполеоном. В марте 1802 года в Амьене Англия подписала мирный договор с Францией и ее союзниками — Батавской республикой и Испанией. Согласно Амьенскому миру, Англия обязалась возвратить захваченные ею колонии (кроме острова Тринидад и голландских владений на Цейлоне), а также очистить Мальту и другие оккупированные ею острова в Средиземном море. Франция должна была за это вывести свои войска из Неаполя, Рима и с острова Эльба. Египет, откуда незадолго до подписания мира французская армия была уже эвакуирована, вновь возвращался турецкому султану.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ИМПЕРИИ

За десятилетия непрерывных войн Франции удалось значительно расширить свою территорию и она стала крупнейшим государством в Западной Европе, а также приобрела статус сильнейшей державы мира. Подобные успехи Франции были непосредственно связаны с именем Наполеона, который ловко использовал свою репутацию для усиления собственной власти. В августе 1802 года его провозгласили пожизненным консулом, а в мае 1804 года указом сената Наполеон был объявлен императором французов. Его торже-

ственно короновал на этот пост привезенный специально для этой цели из Рима папа Пий VII.

Французская республика перестала существовать. Отныне Франция стала империей, а двор императора Наполеона своим блеском, роскошью, богатством затмевал дворы всех остальных европейских монархов. Наполеон стал последовательно уничтожать в стране все демократические завоевания революции. В первую очередь он восстановил дворянство: возвратившиеся из эмиграции аристократы вновь получили свои прежние титулы, но вместе с этим постепенно стало возникать и новое, имперское дворянство. Наполеон щедро одаривал своих генералов, маршалов, а также высших должностных лиц землями и замками, наделял их титулами князей, герцогов, графов и баронов.

В 1804 году было закончено составление Гражданского кодекса — свода законов, которые регулировали гражданские отношения. В его разработку самое непосредственное участие принимал Наполеон. Гражданский кодекс был направлен против отжившего свой век феодализма и его правовых норм, он устанавливал правовые нормы нового, буржуазного общества, а поэтому был более прогрессивным законодательством по сравнению с законодательствами других феодально-абсолютистских государств Европы. Тем не менее Гражданский кодекс означал шаг назад по сравнению с гражданским законодательством периода революции (имеется в виду непосредственно свод законов, а не его применение на практике).

Незыблемость частной собственности были призваны охранять и другие законы: Коммерческий кодекс, который вошел в силу в 1808 году, и Уголовный кодекс (1811 г.).

Экономическое развитие Франции за годы консульства и империи Наполеона сделало значительные успехи. В промышленности вместе с мануфактурой стало возникать новое, фабричное, машинное производство. Промышленный переворот во Франции раньше всего начался в текстильной промышленности. К 1812 году в стране уже насчитывалось более 200 механических прядильных фабрик, среди которых были даже крупные. После того как в 1805 году был изобретен станок Жаккарда, получила быстрое развитие шелковая промышленность,

хоть это и не привело к вытеснению ручного труда. С 1800 по 1811 годы в Лионе утроилось количество ткачей. Росло и льняное производство.

Гораздо медленнее, но все же развивалась и тяжелая промышленность. С 1790 по 1810 годы более чем удвоилась выплавка чугуна, было увеличено количество доменных печей, повышена их производительность. В

Первый консул посещает мануфактуру в Руане.
Гравюра по рисунку Ж.Б.Изабе.

целом уровень производства к 1811 году был почти на 50% выше уровня производства 1789 года. Тем не менее французская промышленность все еще намного отставала от промышленности английской.

Также успешно за годы консульства и империи Наполеона развивалось сельское хозяйство.

ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ВОЙНЫ НАПОЛЕОНА

Англичане использовали войну с Францией, а после с ее союзниками — Испанией и Голландией для расширения своих колониальных владений. В результате этой войны в руки англичан перешли французские колонии на Антильских островах (Мартиника, Гваделупа), а также испанские колонии — острова Тринидад

и Кюрасао. Это привело к тому, что необычайно выгодная торговля вест-индским сахаром была теперь почти неограниченной монополией Англии. Кроме этого, английские войска захватили важнейшие голландские колонии (Гвиану, Цейлон), а также особенно важный для них командный пункт на южно-африканском побережье — Кейптаун.

Несмотря на то что уже в 60-х годах XVIII века Англии удалось добиться преобладания в Индии, английские колонизаторы все время опасались возобновления французской экспансии. Англия не безосновательно рассматривала появление французов в Египте прежде всего как угрозу для своих индийских владений. Кроме того, опасность для Ост-Индской компании представлял султан Майсура Типпу, который стремился найти поддержку у Франции. Только после того как англичане захватили Майсур, они стали обладать решающими позициями на юге Индии. Так как были устранены голландские конкуренты, к началу XIX века Ост-Индская компания добилась монополии на морскую торговлю между Европой и Азией, в частности с Китаем и Индией.

После подписания Амьенского мира, благодаря которому была устранена опасность столкновения с английской флотой на Атлантическом океане, Наполеон немедленно попытался восстановить бывшее французское господство на острове Сан-Доминго (Гаити) — «жемчужине французских Антилл».

На острове еще до революции существовали крупные плантации сахара, кофе и хлопка. Обработывались они исключительно трудом рабов. Революция во Франции так и не изменила положения на острове Сан-Доминго, где сохранилось рабовладение, и четырехсоттысячное негритянское население и мулаты здесь по-прежнему оставались полностью бесправными. В августе 1791 года началось большое восстание рабов. В первые же недели они уничтожили более 200 сахарных и 1200 кофейных плантаций. Одним из руководителей восстания был Туссен Лувертьюр (1743 — 1803). Это был мужественный человек, обладавший незаурядным военным талантом.

Этим воспользовались в 1793 году испанцы, которые занимали восточную часть острова. Они попытались в борьбе против Франции привлечь на свою сто-

рону руководителей восстания, присвоив им высокие воинские звания и пообещав освобождение негров. Туссену было дано звание полковника, но как только комиссар Конвента Сантонакс, а затем и сам Конвент в феврале 1794 года провозгласили отмену рабства во всех французских колониях, Туссен и руководимые им отряды негров перешли на сторону Конвента. В упорной

борьбе негритянским войскам удалось очистить весь остров от приверженцев плантаторов, испанцев и англичан, которые высадились на Сан-Доминго. В 1797 году Директория утвердила Туссена главнокомандующим всеми вооруженными силами на Сан-Доминго. Согласно новой конституции 1801 года рабовладение было уничтожено окончательно, хотя и была установлена обязательная трудовая повинность для бывших рабов на сохранившихся плантациях. Тем не менее часть земли перешла на условиях аренды в руки негров, которые получили все политические права и заняли большинство командных постов в армии.

Но Наполеон не утвердил этой конституции. Он не решился открыто провозгласить восстановление рабства, но именно такую цель он поставил перед французским экспедиционным корпусом, которым командовал его шурина, генерал Леклерк, высадившимся на острове в начале 1802 года.

Леклерк добился согласия Туссена на переговоры, чем внес разлад среди негритянских военачальников. Когда же Туссен прибыл к нему, его арестовали и отправили во Францию. Он был заключен в форт Жу,

Туссен Лувертьюр.
Портрет работы неизвестного художника.

где умер в начале 1803 года. Однако французская армия встретила настолько ожесточенное сопротивление со стороны негров, а также жестоко пострадала от тропической лихорадки, от которой умер и сам Леклерк, остатки французской армии были вынуждены капитулировать в 1803 году, и государство Гаити стало самостоятельным.

Появление 22-тысячного французского корпуса на островах Карибского (Карибского) моря необычайно встревожило англичан. Они опасались, что французская армия готовится к захвату английских колоний и в первую очередь Ямайки. Именно поэтому события на Сан-Доминго еще больше усилили англо-французские противоречия.

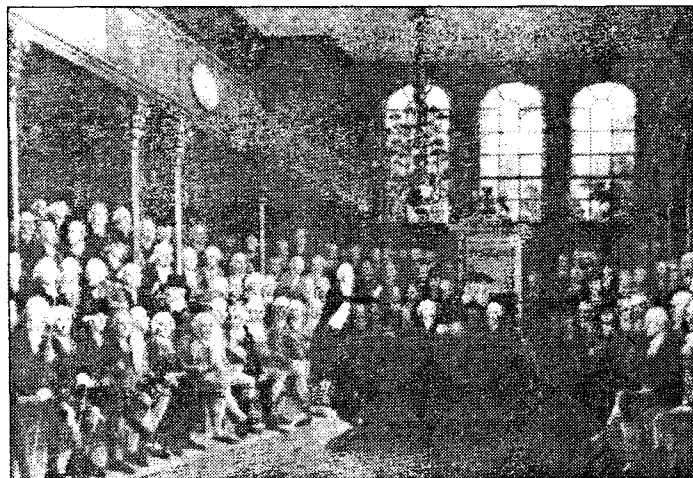
Из-за войны на Гаити Амьенский мир оказался лишь кратковременным перемирием. Кроме того, английская буржуазия надеялась, что мир этот откроет путь английским товарам на французский рынок. Но Наполеон, напротив, усилил протекционистскую политику. Это привело к тому, что обе стороны постоянно нарушали обязательства, взятые на себя по Амьенскому миру. Так Англия, например, не эвакуировала свои войска с острова Мальта. Англичане с настороженностью наблюдали за попытками Наполеона возобновить активную колониальную политику не только в районе Карибского моря, но и на Востоке. Снова усилилось французское влияние в Индии, куда Наполеон отправил специальную миссию.

Империя Наполеона и буржуазно-аристократическая Англия — две наиболее экономически развитые страны в мире — боролись друг с другом за исключительное влияние на мировую политику. Повсеместно агрессия Англии сталкивалась с агрессией Франции.

В мае 1803 года дипломатические отношения между Англией и Францией в связи с этим были прерваны и возобновилась англо-французская война. Вскоре английское правительство вновь возглавил Питт.

Наполеон готовился к форсированию Ла-Манша и высадке десанта на Британских островах. Он сосредоточил в Булони на берегу пролива огромные военные силы. В свою очередь Питт принимал все меры для создания новой коалиции против Франции.

Это удалось сделать без особого труда, так как обстановка в Европе благоприятствовала сплочению враждебных Франции государств. Нарушая границы, установленные по Люневильскому и Амьенскому договорам, Наполеон продолжал перекраивать карту Европы в свою пользу. Так в феврале 1803 года под его диктовку был подписан акт о «рецессии» Германии. Согласно ему

Выступление Питта в палате общин.
А.Хикел.

уничтожалась независимость ряда карликовых владений и почти 50 городов, ликвидировались церковные курфюршества, все, кроме Майнцкого, но зато значительно расширились владения тех немецких правителей, которые ориентировались в своей политике на Наполеона и фактически превратились в его вассалов (Баварии, Бадена, Вюртемберга и др.). Таким образом, было значительно ослаблено влияние Англии и Пруссии среди германских государств. В том же 1803 году Наполеон в качестве посредника («медиатора») вмешался в швейцарские дела и навязал Швейцарии новую конституцию («акт посредничества»). Согласно этой конституции Гельветическая республика превращалась в конфедерацию кантонов, которая полностью зависела от французских военных властей. Кроме того, не удовлетворенный присоединением в 1802 году Пьемонта, Наполеон в 1805 году уничтожил самостоятельность

Лигурийской (Генуэзской) республики, присоединив ее территорию, разделенную на три департамента, к империи. В Тоскане, которая была переименована в Этрорию, австрийский эрцгерцог был заменен ставленником Наполеона — испанским принцем.

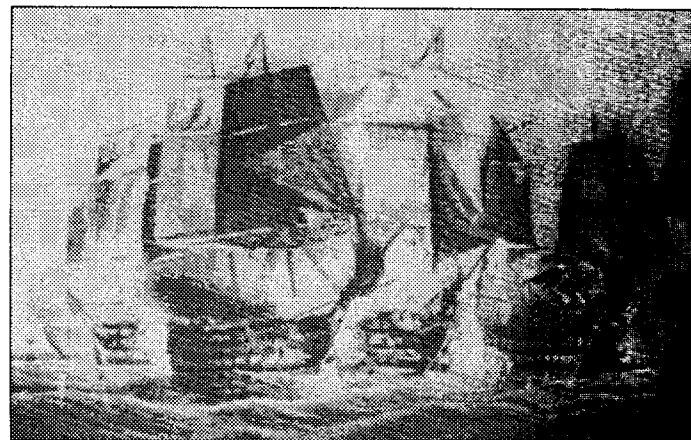
Все эти действия Наполеона вызывали резкое недовольство со стороны Австрии, России и Пруссии, что привело к заключению в апреле 1805 года англо-русского союза, который был направлен против Франции. В августе к нему присоединилась Австрия, которая, несмотря на двукратное поражение от французских войск, не желала мириться с преобладанием Франции в Италии и Германии. С Пруссией также велись переговоры о ее последующем присоединении к союзникам.

Осенью 1805 года возобновилась война в Европе. Начало ее ознаменовалось тяжелым поражением французского флота на море. 21 октября в сражении при Трафальгаре английский флот под командованием адмирала Нельсона, который был убит еще до окончания сражения, уничтожил объединенный франко-испанский военный флот. Зато на суше исход военных действий решался в пользу Франции. Еще до того как русская армия успела подойти к месту основных боев, крупные силы австрийцев были разбиты Наполеоном в Баварии, а главная австрийская армия без боя капитулировала в Ульме. 13 ноября французские войска вступили в Вену.

Командующий русскими войсками М.И.Кутузов прекрасно понимал, что при сложившемся соотношении сил необходимо маневрировать и не принимать решающего сражения до прибытия подкреплений из России. Но Александр I и австрийский император Франц вопреки его возражениям настаивали на том, чтобы дать Наполеону решающее сражение. К этому естественно стремился и сам Наполеон. Кутузов побоялся перечить царю и придворному правительству. 2 декабря под Аустерлицем австрийские и русские войска вступили в бой с войсками Наполеона.

Это произошло ровно через год после коронации Наполеона. Поле сражения простиралось на холмистом пространстве вокруг Праценских высот, западнее деревни Аустерлиц, в 120 километрах к северу от Вены. Битва эта является одной из самых грандиозных по своему значению во всемирной истории.

Наполеон лично руководил сражением с самого начала и до конца. То что русские и австрийские войска потерпят поражение, стало ясно уже в первые утренние часы. И все-таки русская армия не потерпела бы такого страшного поражения, если бы русские генералы разгадали ловушку, которую задумал Наполеон. Он угадал, что русские и австрийские войска бу-

Битва при Трафальгаре.
Офорт Э.Дункана по картине У.Д.Хаггинса.

дут стараться отрезать его от дороги к Вене и от Дуная, чтобы окружить или загнать к северу, в горы. Именно поэтому он как бы оставил без прикрытия и защиты эту часть своего расположения, отодвигая преднамеренно левый фланг. Когда русские войска направили туда основной удар, он их буквально раздавил массой своих войск, закрепившихся на Праценских высотах. Русские войска оказались прижатыми к линиям полузамерзших прудов. В этих прудах, лед на которых был непрочный, затонули и были уничтожены картечью целые русские полки, остальные сдались в плен. Русские кавалергарды были истреблены почти полностью, в самом разгаре битвы, после схватки с конными гренадерами наполеоновской гвардии. Маршалы Наполеона одновременно изумлялись храбрости русских солдат и их абсурдному поведению, а также полному военному невежеству, растерянности и бездарности русских генералов. Французы были поражены тем, что коман-

дующий левым крылом русских войск Буксгевден, в распоряжении которого имелось 29 батальонов пехоты и 22 эскадрона кавалерии, вместо того, чтобы помочь погибающей русской армии, во время всей битвы беспомощно провозился в абсолютно не имеющем тактического значения пункте, где его удерживал ничтожно малочисленный французский отряд. Когда же Буксгевден наконец догадался начать отступление, то сделал это настолько поздно и так неумело, что несколько тысяч человек из его корпуса были также отброшены к прудам, где и утонули, после того, как Наполеон, заметив этот отход, приказал стрелять ядрами в лед. Остальные были взяты в плен.

Император Франц и царь Александр бежали с поля битвы еще задолго до окончательной катастрофы. Свита их кинулась врассыпную, и оба монарха вынуждены были в одиночку убегать с поля сражения, уносимые собственными лошадьми в разные стороны.

Так как короткий зимний день сменился ранним вечером и зашло солнце, то царь Александр и император Франц вынуждены были, доверившись удаче, спастись в темноте от плена. Когда царя нашли, он дрожал, как в лихорадке, и плакал. Едва спасся от плена и раненый Кутузов.

После того, как все было закончено, по полю битвы, спотыкаясь о бесчисленные трупы людей и лошадей, проехал Наполеон, окруженный своей свитой, маршалами, генералами гвардии и адъютантами. Его приветствовали восторженными криками французские солдаты, которые со всех сторон сбегались к своему императору.

Результаты битвы были таковы: около 15 тыс. убитыми потеряли русские и австрийские войска, около 20 тыс. были взяты в плен, а также была захвачена почти вся артиллерия. Но самым главным результатом этой битвы явилось то, что фактически была уничтожена русско-австрийская армия, которая разбежалась в разные стороны, бросив весь свой огромный обоз, все боевые запасы и бесчисленные припасы провизии. Французская армия, насчитывавшая до сражения 80 тыс. человек, потеряла менее 9 тыс.

На следующий день в частях французской армии был зачитан приказ Наполеона. Он начинался словами: «Солдаты, я доволен вами: в день Аустерлица вы осу-

ществили все, чего я ждал от вашей храбрости. Вы украсили ваших орлов бессмертной славой. Армия в сто тысяч человек под начальством русского и австрийского императоров меньше чем в четыре часа была разрезана и рассеяна. Те, которые ускользнули от вашего меча, потоплены в озерах...» Сразу же после страшного поражения австрийский император Франц заявил царю Александру, что дальше продолжать борьбу бессмысленно, с чем царь не преминул согласиться. Император Франц попросил Наполеона о личном свидании и обратился к нему с просьбой о мире. Наполеон принял императора Франца вежливо, но прежде всего потребовал, чтобы все остатки русской армии немедленно ушли из Австрии по им же назначенным этапам. Он сразу же заявил, что переговоры о мире будет вести только с Австрией. Император Франц сразу же согласился.

Таким образом третья коалиция европейских держав прекратила свое существование. Русские солдаты дорого заплатили за удовольствие видеть российского государя на поле битвы, который своим присутствием сковал волю военачальников. Хотя этот факт говорит не в пользу последних: император Наполеон, как известно, весьма часто лично присутствовал на полях сражений.

26 декабря 1805 года в Прессбурге (Братислава) Австрия приняла продиктованные ей Наполеоном тяжелые условия мира. Согласно договору она отказывалась от ряда владений в пользу союзников Франции — Бадена, Баварии и Вюртемберга. Благодаря чему Бавария и Вюртемберг были превращены в королевства. Австрия вынуждена была признать французские захваты в Италии, уступила Венецианскую область и другие территории Итальянскому королевству. Результаты этой войны привели Австрию к катастрофическим последствиям. Она потеряла 1/6 часть своего населения, была окончательно вытеснена из Италии и обязалась выплатить Франции 40 млн. флоринов контрибуции.

Но Наполеон не ограничился даже этим. Ровно через полгода он объединил 16 немецких государств в Рейнский союз, во главе которого стал сам, присвоив себе звание протектора. В августе 1806 года он вынудил австрийского императора Франца отказаться от

титула германского императора. Таким образом, Священная римская империя германской нации была упразднена.

Еще ранее Наполеон изгнал династию Бурбонов из Неаполя, так как она была тесно связана с Австрией и Англией. На престол Неаполитанского королевства он посадил своего брата Жозефа, подчинив себе таким образом и юг Италии. Имели собственные владения в Италии и две его родные сестры. Кроме этого, он превратил Батавскую республику в Голландское королевство. Королем Голландии стал еще один его брат — Людовик.

ЧЕТВЕРТАЯ КОАЛИЦИЯ

Как бы тяжело это ни было, но создание Рейнского союза, а также новые захваты Наполеона вынуждали европейские государства продолжать борьбу. Александр I отказался от заключения мира с Францией и возобновил переговоры с Англией и Пруссией, а затем со Швецией. В сентябре 1806 года была сформирована новая, четвертая коалиция против Франции. В ее состав вошли Англия, Россия, Пруссия и Швеция. В начале октября 1806 года прусский король Фридрих-Вильгельм III предъявил Наполеону ультиматум с требованием отвести свои войска за Рейн. В ответ на это Наполеон сразу же начал военные действия и уже 14 октября в двух одновременных сражениях — при Иене и Ауэрштедте — французы разбили и уничтожили прусскую армию. Остатки ее в панике бежали, сдавая без боя города и крепости. Уже через две недели Наполеон вступил в Берлин. Впоследствии немецкий поэт Генрих Гейне написал: «Наполеон дунул на Пруссию, и Пруссии не стало».

Это был беспрецедентный в истории молниеносный и сокрушительный разгром, который доказывал прогрессивность буржуазного строя по отношению к изжившим себя феодально-абсолютистским режимам. Сказался и необычайный военный талант самого Наполеона. Его способы ведения боя, доведенные к этому времени до совершенства, несравненно превосходили старые взгляды на ведение боевых действий. Весьма характерен для

доказательства этого пример сражения при Иене. Здесь медленно двигавшиеся прусские колонны были молниеносно рассеяны огнем французских стрелков, на который прусские солдаты могли отвечать лишь беспорядочной стрельбой отдельных отрядов.

После оккупации Пруссии Наполеон двинулся дальше на восток, навстречу русским войскам, которым

Битва при Иене.

Гравюра Е.Бовине по рисунку Ж.Свебака-Дефонтена.

и на этот раз пришлось воевать с главными силами французов практически без союзников.

8 февраля 1807 года при Прейсиш-Эйлау произошло очередное кровопролитное сражение, исход которого остался неопределенным, но уже в следующем сражении — при Фридланде 14 июня русские войска потерпели полное поражение.

После поражения при Фридланде Александр I вынужден был вступить в переговоры с Наполеоном, который также хотел добиться соглашения с Россией. Император Наполеон и царь Александр I встретились в Тильзите и 7 июля между двумя государствами был подписан договор о мире и союзе.

По Тильзитскому договору Россия признавала все территориальные, политические изменения, произведенные Наполеоном в Европе, и становилась его союзником в борьбе против Англии, обеспечивая Франции

беспредельное господство на Западе Европы. Со своей стороны Наполеон дал Александру I обещание содействовать удовлетворению притязаний России на Ближнем Востоке.

Тут же, в Тильзите, был заключен мирный договор между Францией и Пруссией, но на крайне тяжелых условиях для последней. По настоянию Александра I Пруссия сохранялась как самостоятельное государство, но до уплаты обусловленной договором контрибуции французские войска продолжали оставаться на ее территории. Пруссия потеряла земли, которые были захвачены ею при разделах Речи Посполитой, а также все свои владения по левому берегу реки Эльбы. Из западных областей Пруссии и некоторых других немецких государств Наполеон образовал вассальное Вестфальское королевство, во главе которого поставил своего брата Жерома. Оно вошло в Рейнский союз. На отобранных у Пруссии землях Речи Посполитой было создано Великое герцогство Варшавское, во главе которого Наполеон поставил своего союзника — саксонского короля.

В результате подобных изменений население Пруссии уменьшилось с 10 млн. человек до 5 млн., а численность прусской армии была ограничена 42 тыс солдат.

КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ БЛОКАДА

После поражения Пруссии и России у Наполеона оставался лишь один серьезный противник — Англия. После смерти руководителя английского правительства Питта в Англии пришли к власти виги. Их возглавлял Фокс, который образовал так называемое «министерство всех талантов», в которое вошли наиболее видные представители вигов. Виги в свое время критиковали Питта за неуступчивость, а поэтому надеялись договориться с Наполеоном. Однако попытки Фокса добиться почетного мира оказались безуспешными. Наполеон, прекрасно сознавая свою силу, надеялся поставить Англию на колени.

Несмотря на то что разгром при Трафальгаре лишил Францию возможности бороться с Англией на море, Наполеон, подчинив себе почти всю Европу, поставил перед собой задачу подорвать Англию экономически и

с этой целью решил закрыть перед ней все европейские рынки.

Еще до подписания тильзитского мирного договора, пребывая в ноябре 1806 года в оккупированном Берлине, после Тильзита, в декабре 1807 года в Милане Наполеон подписал декреты, согласно которым британские острова объявлялись в состоянии блокады. Любая торговля и все сношения с англичанами категорически запрещались. Все английские товары, обнаруженные на территории Франции и союзных с ней государств, подлежали конфискации. Принятые на основе берлинского и миланского декретов меры получили название «континентальной блокады».

Проводя подобную политику, Наполеон рассчитывал, что, отрезав Англию от европейских рынков, он задушит ее экономически, но на это Англия ответила морской контрблокадой Франции и ее союзников. Английские корабли захватывали французские и нейтральные торговые суда, блокировали французские порты и, вопреки всем преградам, контрабандным путем ввозили британские товары в Европу и даже в саму Францию.

Тем не менее континентальная блокада, к которой Наполеон принудил присоединиться все европейские государства, в том числе и Россию, на первых порах укрепила политическую и экономическую гегемонию Франции в Европе.

После Тильзита власть Наполеона фактически простиралась на всю западную и центральную Европу. Он был повелителем десятков миллионов людей от Южной Италии до берегов Немана. Один только список его титулов звучит более чем внушительно: император Фран-

Конфискация английских товаров французскими войсками в Лейпциге.
Рисунок 1806 г.

ции, король Италии, протектор Рейнского союза, медиатор Швейцарии, сюзерен Голландии, Неаполитанского королевства, герцогства Варшавского и других вассальных государств. Его воле подчинялись также и другие независимые европейские государства, в том числе разгромленная им Пруссия и трижды проигравшая войну с ним Австрия. Наполеон находился на вер-

Наполеон.
Гравюра по портрету работы Виньо.

шине своей славы и могущества. Имя его окружалось ореолом легенд, его изображали сверхчеловеком, и он им, бесспорно, был, даже если отвергать всяческое божественное влияние. Наполеон был необычайно решительный человек, который в любой ситуации мог совершить такой поступок, на который, кроме него, вряд ли кто-либо был бы способен. С этого началась вся его карьера, так же он поступал на протяжении всей своей жизни. Кроме того, Наполеон прекрасно понимал, что именно нужно буржуазии — классу, возглавляющему общественное развитие. Какой бы ни была большая личная власть Наполеона, но даже в зените своего могущества он оставался представителем интересов молодой французской буржуазии, исполнителем ее воли. Необычайная заслуга Наполеона перед Европой именно в том и состоит, что он за годы своего правления окончательно разрушил повсеместно старые феодальные порядки и вывел страны Европы на новый этап исторического развития, который в будущем привел к процветанию населяющие их народы.

Наполеон одерживал блистательные победы над своими противниками в значительной мере потому, что Франция была более прогрессивным по сравнению с

остальными государством. Она имела прогрессивный общественный строй и прогрессивную военную организацию. Это было буржуазное государство, которое сражалось против феодально-абсолютистских, погрязших в средневековых предрассудках, монархий.

Но кроме всего этого, Наполеон был великим полководцем и выдающимся государственным деятелем. Он обладал огромной работоспособностью, необычайной волей, смелостью, решительностью, а также интеллектом, который был подкреплен глубокими и разносторонними знаниями. Но, следует отметить, что он отличался жестокостью, честолюбием, презрением к людям, беспринципностью в выборе средств, пренебрежительным отношением к праву, гуманности и другим прогрессивным идеям. Наполеон, не задумываясь, мог пролить реки крови, обречь миллионы людей на бедствия войны, если это нужно было для достижения его честолюбивых планов.

Военная диктатура Наполеона была деспотической формой правления, но она полностью поддерживалась буржуазией, так как непрерывные завоевательные походы приносили императору и его армии победу и славу, а буржуазии — несметные богатства.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Османская империя, которая находилась на территории современной Турции, в конце XVIII — начале XIX вв. переживала глубокий экономический и политический кризис. Вместе с феодальными междоусобицами и янычарскими восстаниями значительно усилилось национально-освободительное движение поработенных турками народов. И тем не менее правительство Турции упорно не желало проводить какие-либо реформы, несмотря на слабое развитие производительных сил в сельском хозяйстве и ремесле, при концентрации земельной собственности в руках крупных феодалов и государства.

По инициативе небольшой группы турецких деятелей во главе с султаном Селимом III еще во время русско-турецкой войны 1787 — 1791 гг. стали проводиться частичные военные и административно-финансовые ре-

формы. Они ставили целью усилить центральную власть и предотвратить распад государства. Реформаторы рассматривали армию как опору государства, а поэтому надеялись путем улучшения комплектования, обучения и содержания войск укрепить военно-феодалную Османскую империю. Кроме этого, были предприняты некоторые преобразования в области административного

Первый парад войск «низам-и-джедид» в присутствии Селима III.
Рисунок неизвестного художника.

устройства, финансов и военно-ленного землевладения. Эти реформы получили название «новой системы» (низам-и-джедид).

Несомненно, реформы эти имели прогрессивное значение и в случае успеха они могли бы содействовать переходу Османской империи к буржуазному развитию. Однако «новая система» проводилась в жизнь весьма нерешительно и непоследовательно, а поэтому результаты реформ были ничтожны. Кроме этого, «новая система» вызывала сильное сопротивление со стороны весьма влиятельных кругов турецкой феодальной знати и высшего мусульманского духовенства, которые считали всякое нововведение нарушением вековых устоев государства и религии. Активное сопротивление «новой системе» оказывали и янычары, которые понимали, что формирование новых, обученных по европейскому образцу и дисциплинированных войск послужит скорейшему уничтожению янычарского корпуса. Кроме всего этого, во-

енные и административные реформы требовали значительных расходов и послужили причиной введения новых налогов на крестьян и горожан. Это вызвало недовольство широких народных масс. Взятые все вместе вышеуказанные причины обусловили в конечном итоге полную неудачу проводимых реформ.

Против реформ открыто выступили Видинский папа Осман Пазванд-оглы, Али-паша Янинский, а также другие правители полунезависимых государств на Балканах и в Малой Азии. Правительство так и не смогло подчинить их себе. Таким образом, нововведения не смогли воспрепятствовать зарождению национально-освободительной борьбы среди народов и прежде всего Балканского полуострова.

Начавшийся процесс формирования сербской нации, который был обусловлен развитием товарно-денежных отношений, и приспособлением помещичьего хозяйства к новым условиям, сопровождался обострением социальных и национальных противоречий в Сербии. Особенно острыми были эти противоречия между турецкими и отуреченными сербскими помещиками, с одной стороны, и сербским крестьянством, с другой.

В начале XIX века наиболее развитым в экономическом отношении на территории Сербии был Белградский пашалык. Султанское правительство вынуждено было в 1793 — 1796 гг. предоставить белградскому пашалыку автономные права. Несмотря на это, янычары установили в 1801 году в Сербии власть своих начальников и продолжали грабить местное население.

В феврале 1804 года в Белградском пашалыке вспыхнуло восстание. Сербские крестьяне, предводителем которых был Кара-Георгий, восстали против янычар. Весьма скоро восстание это переросло в национально-освободительную борьбу против турецкого господства. Основную силу восставших составляли широкие вооруженные крестьянские массы. Восстанием руководили представители местного самоуправления — кнези, которые выражали интересы зажиточных крестьян.

Восставшие получили прямую военную помощь от России (во время русско-турецкой войны 1806 — 1812 г.) и после упорной борьбы им удалось изгнать янычар из страны. Таким образом, сербы первыми из народов Балканского полуострова добились независимости.

В конце XVIII — начале XIX вв. в Египте началась борьба против французской оккупации, которая после изгнания французских войск переросла в движение за завоевание независимости. После эвакуации в 1801 году французских войск из Египта начались раздоры между победителями — англичанами, турками и мамлюками. В 1803 году под давлением Франции и других государств английские войска были вынуждены уйти из Египта, но несмотря на условия Амьенского мирного договора, согласно которому Египет возвращался турецкому султану, англичане попытались передать власть в стране одной из мамлюкских группировок, рассчитывая таким образом сохранить собственные позиции в Египте. Франция, которая еще не отказалась от своих захватнических планов в отношении Египта, также искала поддержку среди мамлюкских военачальников.

С 1802 по 1804 год между турецкими правителями и мамлюкскими беями не прекращалась борьба за власть. В мае 1803 года мамлюкам удалось закрепиться в городе Каире, при этом большую поддержку им оказал албанский отряд, входивший ранее в состав турецкой армии, которым командовал энергичный и предприимчивый Мухаммед-Али.

Мамлюки тут же попытались возродить в стране старые порядки. Они начали притеснять, облагать налогами и откровенно грабить местное население. В ответ на это жители Каира в 1804 году подняли восстание. Успеху этого восстания содействовал Мухаммед-Али, который возглавил вместе со своим отрядом борьбу жителей Каира. Восставшие разрушили дворец мамлюкского бея Османа Бардиса и изгнали мамлюков из города.

Найдя поддержку среди горожан, Мухаммед-Али четыре месяца охранял осажденный мамлюками Каир, а затем и вовсе изгнал мамлюков в Верхний Египет. Этот его успех привел к тому, что в 1805 году Мухаммед-Али был избран каирскими шейхами, а позже официально признан турецким правительством египетским папой (наместником турецкого султана).

Наполеон всячески стремился ослабить позиции России на Ближнем Востоке, для того чтобы отвлечь ее вооруженные силы от войны в Европе. Поэтому он воспользовался нарастающим напряжением в русско-ту-

рецких отношениях и толкнул в 1806 году Турцию на войну против России. Война была объявлена в самом конце 1806 года, но зимой, по существовавшим тогда традициям, военные действия на русско-турецком фронте не велись. Англия, которая находилась тогда в союзе с Россией, попыталась использовать сложившуюся обстановку для подчинения Турции своему влиянию и для возможного захвата Константинополя и проливов. Для этого английская эскадра адмирала Декуорта в феврале 1807 года форсировала пролив Дарданеллы и вошла в Мраморное море. Англичане потребовали от султана отказаться от французской ориентации и передать Англии дарданелльские порты.

Но турки решительно отказались выполнить требования англичан. С помощью французского посла в Константинополе генерала Себастиани им удалось привести в боевую готовность береговые укрепления. Адмирал Декуорт был вынужден во избежание полного разгрома своей эскадры отступить в спешном порядке, причем при отходе через дарданелльский пролив английский флот понес серьезные потери от огня турецких батарей. После этого в марте 1807 года английская эскадра отправилась к берегам Египта. Английский десант высадился в Александрии, но вскоре был разгромлен египетскими войсками под командованием Мухаммеда-Али. Англичане вынуждены были уйти из Египта.

В это время турецкая армия, которой командовал великий везир, весной 1807 года выступила из Константинополя в Дунайские княжества. Турки с самого начала военных действий потерпели несколько поражений. Одновременно турецкий флот в Эгейском море был разгромлен флотом адмирала Сенявина.

Воспользовавшись неудачами правительственных войск и отсутствием у сторонников реформ надежной опоры в самом Константинополе, реакционные круги организовали восстание против Селима III. Он был свергнут, а многочисленные сторонники реформ казнены. Власть перешла к новому султану — Мустафе IV, который успешно дал обязательства строго соблюдать «древние обычаи» турецкого государства и немедленно отменил военную реформу, а также всю «новую систему».

Уцелевшим сторонникам «новой системы» удалось

объединиться в Рущуке (совр. болгарский г. Русе) вокруг местного пашы Мустафы Байрактара, который обладал большими богатствами и немалой военной силой. Здесь они создали тайную политическую организацию «Рущукские друзья», которая ставила задачей возвращение Селима III к власти и возобновление реформ. В июле 1808 года, придя в Стамбул с многочисленной армией, Байрактар и его единомышленники свергли Мустафу IV, но так как тот перед свержением успел убить Селима III, «Рущукские друзья» возвели на престол очередного наследника под именем Махмула II. Сам Мустафа Байрактар стал великим везиром, а остальные «Рущукские друзья» также заняли важнейшие правительственные посты. Они намеревались продолжить курс на реформаторскую деятельность. Однако, не получив поддержки от феодальных кругов, «Рущукские друзья» продержались у власти всего 3 месяца, потерпев поражение при новом восстании янычар.

После тильзитского мира русское командование на Дунае заключило с Турцией перемирие, по которому обязалось вывести свои войска из Молдавии и Валахий. Несмотря на то что Александр I отказался утвердить условия перемирия, военные действия на фронте фактически приостановились.

В 1809 году война на русско-турецком фронте вновь возобновилась. Поначалу военные действия велись вяло, так как из-за напряженного положения в Европе Россия не имела возможности выставить против Турции большого количества войск и обеспечить их бесперебойное снабжение. Но в 1811 году, после того как главнокомандующим Дунайским фронтом был назначен М.И. Кутузов, турки потерпели поражение. Русским войскам удалось дойти почти до самого Константинополя, но взять город им не было суждено, так как этому воспротивились Англия и другие европейские государства. Российская армия вынуждена была вновь отойти к Дунаю и в 1812 году в Бухаресте был подписан мирный договор, необычайно важный в то время для России, так как она уже явственно ощущала угрозу французского вторжения. Согласно Бухарестскому договору к России была присоединена Бессарабия вместе с находившимися здесь крепостями, а русско-турецкая граница устанавливалась по реке Пруту. Молдавия и Валахия вновь были возвращены под сю-

зеренитет султана, но получили некоторые привилегии. Кроме этого, султан обязался предоставить автономию сербам.

ЗАВОЕВАНИЕ ЗАКАВКАЗЬЯ РОССИЕЙ

После того как умер иранский правитель Надиршах, произошел распад иранского государства, что существенно изменило политическую обстановку в Закавказье. Это привело к тому, что во второй половине XVIII века зависимость закавказских ханств от Ирана стала чисто номинальной. Грузинские царства Картли и Кахетия даже сумели завоевать независимость и объединились в единое царство. Западная Грузия, которая оставалась под влиянием Турции, продолжала быть раздробленной на несколько феодальных владений — Имеретию, Мегрелию и Гурию.

В Закавказских ханствах продолжали господствовать отсталые феодальные порядки и натуральное хозяйство. Крестьянство было обложено тяжелыми повинностями. Основными формами ренты были натуральный оброк и отработочная рента. Феодальная раздробленность сдерживала развитие торговли и ремесла, которая все еще сохраняла свой средневековый характер.

В Картли-Кахетинском царстве развитие производительных сил также сдерживалось крепостным правом. Это приводило к тому, что крестьяне массами бежали из деревень. Царь Ираклий II делал попытки ограничить эксплуатацию крестьян для того, чтобы предотвратить окончательное разорение основных производителей и налогоплательщиков. Но его попытки, а также меры, которые он принимал для развития торговли и промышленности, не дали никаких результатов. Такой политике всячески противодействовали тавады — крупные феодалы, которые не были заинтересованы в создании регулярного войска и централизованной системы управления.

В связи с этим в Закавказье не прекращались феодальные распри и усобицы. Хан и другие правители совершали нападения на владения соседей для захвата добычи и угона жителей, вели постоянные междуособ-

ные войны. Часто в Закавказье совершали набеги и дагестанские правители.

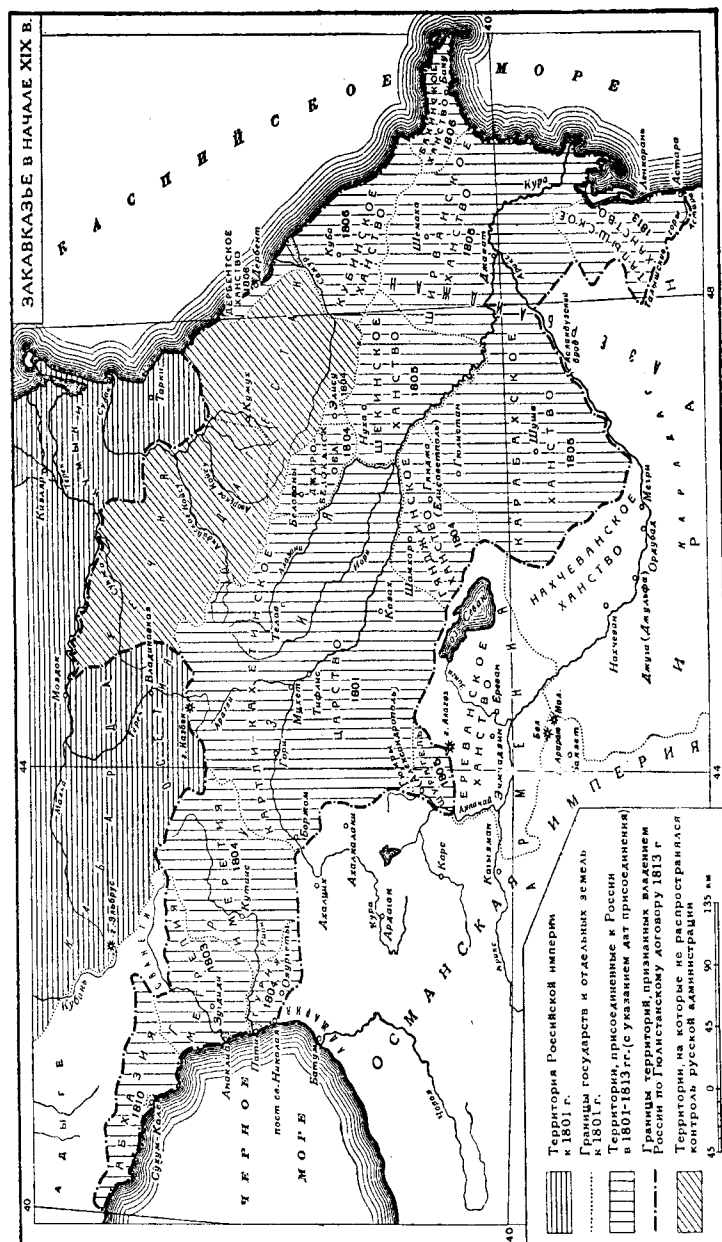
Положение усложнялось тем, что в конце XVIII века Картли-Кахетинское царство оказалось между трех огней, на его территорию претендовали одновременно Иран, вновь усилившийся в конце XVIII в., Турция, а также царская Россия. Большая часть местных правителей (грузинские цари и азербайджанские ханы) все больше склонялись к власти России над своими землями. Они успели натерпеться от иранского и турецкого владычества, а, как известно, любые изменения несут с собой надежды на лучшую долю.

В 1763 году Ираклий II подписал договор, по которому Картли-Кахетинское царство вступало под русский протекторат. Такое же желание изъявили и некоторые закавказские ханы. Учитывая благоприятную обстановку на этих землях, в Восточную Грузию были введены два батальона русских войск. Царское правительство России уже тогда планировало присоединить к своей империи прикаспийские области, а из остальной части Закавказья создать три зависимых от России вассальных государства — Грузию, Армению и Албанию (совр. Азербайджан). Но начавшаяся в 1787 году война с Турцией не дала возможности осуществить России свои захватнические планы, и царское правительство вынуждено было отозвать русские войска из Грузии.

В конце XVIII века ситуация изменилась. После длительных междоусобиц в Иране победил глава племени каджаров Ага-Мохаммед-хан, который к 1794 году подчинил своей власти почти всю территорию Ирана.

Летом 1795 года Ага-Мохаммед-хан во главе прекрасно вооруженной 50-тысячной армии вторгся в Закавказье. Одна часть войск направилась в Ереванское ханство, вторая — в Муганскую степь, а сам Ага-Мохаммед-хан с основными силами, пройдя через Карабах и Гянджинское ханство в Грузию, овладел Тбилиси. Грузинская столица была разграблена и сожжена.

Понятно, что такое развитие событий в корне не соответствовало российским захватническим планам в Закавказье, а поэтому в 1796 году русские войска предприняли поход в Закавказье. После смерти Екатерины II они были отозваны, но уже в конце 1799 года снова вступили в Грузию. Вновь встал вопрос о присоединении Закавказья к России.

Правящие круги царской России стремились завоевать Закавказье исключительно из политических интересов. Российская империя продвинулась на запад настолько, насколько могла, и теперь искала новые территории для своей экспансии. Создавшаяся неустойчивая обстановка в Закавказье, как нельзя лучше, соответствовала подобным планам.

Фактическое завоевание Закавказья было осуществлено в течение первых лет XIX столетия частично до, а частично во время войны России с Ираном (1804 — 1813 гг.) и Турцией (1806 — 1812 гг.). В начале 1801 г. было объявлено о включении Картли-Кахетинского царства в состав Российской империи. В 1803 году Россия подчинила себе Мегрелию, а в следующем году — Имеретию и Гурию. В 1804 году русские войска завоевали Гянджинское ханство и Джаро-Белоканскую область, в 1809 году — Карабахское, Шекинское и Ширванское ханства и территорию Ширака; в 1806 году — ханства Дербентское, Кубинское и Бакинское. Под русский протекторат было вынуждено перейти и Тальшское ханство. В 1810 году к России была присоединена Абхазия. Таким образом, в течение короткого времени России удалось завоевать почти все Закавказье, за исключением Ахалцыхского пашалыка и некоторых причерноморских районов, которые находились в руках Турции, а также Ереванского и Нахчеванского ханств, которые продолжали оставаться под властью Ирана.

Как уже говорилось выше, такое быстрое завоевание Закавказья было возможно вследствие отсталости закавказских государств, которые к тому же не оказывали российским войскам серьезного сопротивления. Лишь гянджинский хан Джавад решительно боролся с русскими войсками. Кубинский шейх Али-хан и бакинский Гусейн-Кули-хан вынуждены были бежать из своих владений после того, как те были завоеваны российскими войсками.

Российским завоеваниям в Закавказье активно противился Иран, которого в его борьбе поддерживали Франция и Англия. Оба этих государства стремились не допустить усиления России на Востоке. Они добились установления в этих землях своего собственного господства, а поэтому вели борьбу не только с Россией, но и друг с другом.

В 1801 году Англия удалось заключить с Ираном два договора — политический и торговый. Отныне Иран становился союзником Англии и брал на себя обязательства не поддерживать никаких сношений с французами. Англичанам предоставлялись политические и экономические привилегии на территории Ирана. В свою очередь англичане вооружили иранскую армию самым современным оружием, а английские военные советники обучали иранских солдат и офицеров тактике ведения современного боя.

Как уже говорилось, англо-иранский союз был направлен как против Франции, так и против России. Иранский шах Фатх-Али, который сменил в 1797 году Ага-Мохаммеда, убитого своими приближенными во время его второго нашествия на Закавказье, в 1804 году вступил в войну с Россией. Оружие Ирану англичане поставляли через Ост-Индскую компанию, но Фатх-Али, зная о победах Франции в Европе и о необычайном росте ее могущества, стал проводить двойственную политику, завязав секретные сношения с Наполеоном, который предложил Ирану широкую военную помощь против русских. В мае 1807 года между Францией и Ираном был подписан союзный договор, согласно которому Наполеон признавал Грузию законно принадлежащей шаху и обязался заставить русских уйти из Закавказья. Для осуществления этих планов в Иран была направлена французская миссия во главе с генералом Гарданом. Несмотря на то что миссия прибыла в Тегеран уже после заключения в Тильзите франко-русского союза, она развернула в Иране активную деятельность, направленную не только против Англии, но и против царской России. Следует отметить, что Гардану удалось навязать Ирану кабальный торговый договор.

Но французское пребывание в Иране оказалось весьма кратковременным. В 1809 году англичане заключили новый союзный договор с Ираном и изгнали оттуда французов. Англия стала выплачивать шаху ежегодную военную субсидию в двести тысяч туманов для ведения войны против России. Начиная с 1810 года англичане возобновили масштабные поставки вооружения в Иран. Именно тогда в Иран прибыли многочисленные английские офицеры, которые не только продолжили начатое французами обучение иранских войск, но и при-

няли непосредственное участие в военных действиях против России. Кроме того, активно действовали английские дипломаты, которым систематически удавалось срывать начинавшиеся время от времени мирные переговоры России с Ираном. Они добивались заключения союза между Ираном и Турцией, который был бы направлен против России.

И все же, несмотря на английское вооружение, состояние иранских армий значительно улучшить не удалось, а поэтому иранские войска потерпели поражение. Кроме этого, в войне с Ираном местное население Закавказья в некоторых местах выступило на стороне России. Так население округа Казах в 1805 году собственными силами изгнало расположенные на его территории иранские войска. Население Закавказья тогда еще не знало, что, как говорится в известной поговорке, «хрен редьки не слаще».

В октябре 1812 года в битве у Асландуза русским войскам удалось разгромить армию иранского наследника престола Аббаса-мирзы, после чего они овладели крепостью Ленкорань. Правительство шаха было вынуждено возобновить мирные переговоры с Россией. В 1813 году был подписан Гюлистанский мирный договор, по которому Иран признавал присоединение основной части Закавказья к России, удерживая под своей властью лишь Ереванское и Нахчеванское ханства. Кроме этого, были созданы условия для развития торговли: купцы обеих сторон получали право беспрепятственной торговли с уплатой ввозной пошлины не более 5% стоимости товара.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА НАРОДОВ ЕВРОПЫ ПРОТИВ ФРАНЦУЗСКОГО ГОСПОДСТВА

Империя Наполеона казалась могущественной и непобедимой. На самом же деле она была не настолько сильна, так как переживала глубокий внутренний кризис.

Войны, которые вел Наполеон, требовали огромных материальных ресурсов. Несмотря на то что он разорял завоеванные страны, порабощал побежденные государства и народы, экономика страны была подорвана.

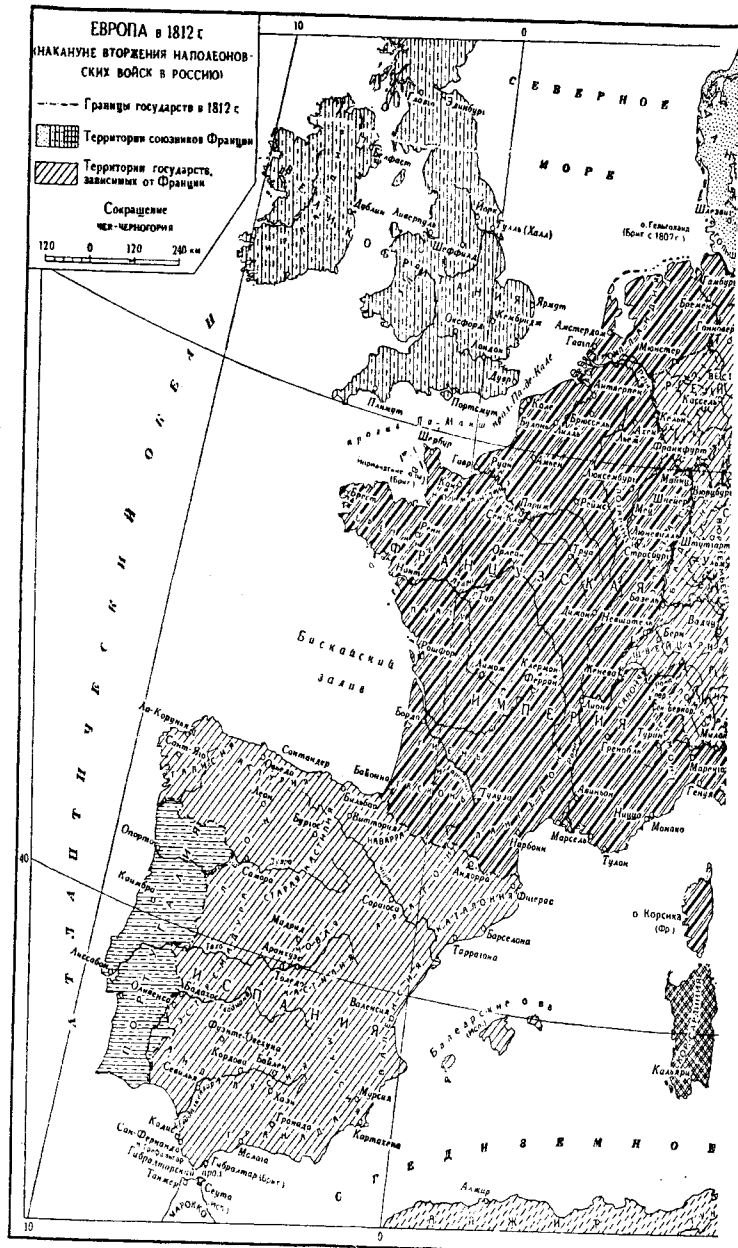
Как бы там ни было, но основной целью наполеоновских войн была борьба за военно-политическое и торгово-промышленное преобладание Франции в Европе. Завоевывая страны, Наполеон устанавливал выгодные для Франции таможенные тарифы в зависимых и полузависимых государствах, тем самым выкачивал из них промышленное сырье, денежные средства и другие материальные ценности. Постепенно войны стали чуть ли не единственным источником доходов наполеоновского правительства, для крупных финансистов и военных поставщиков, а также для маршалов и генералов.

Войны Наполеона, как уже говорилось выше, содействовали подрыву основ феодальных порядков в Европе. Под ударами французских войск пала средневековая Священная Римская империя. Наполеон упродолжил десятки мелких феодальных государств в Германии, что привело к уменьшению ее политической раздробленности. В завоеванных странах вместо феодальных законов устанавливался буржуазный гражданский кодекс. За годы правления Наполеона был нанесен сильнейший удар по отжившему свой век феодализму, и была расчищена дорога новым, капиталистическим отношениям.

Но тем не менее порабощенные народы оказывались под двойным гнетом — гнетом французских завоевателей и своих собственных эксплуататоров. Это привело к тому, что вскоре против империи Наполеона в разных странах стало подниматься национально-освободительное движение, которое содействовало крушению наполеоновской империи впоследствии.

Первым против власти наполеоновской империи восстал народ Испании.

В 1807 году обострились отношения между Францией и Португалией, которая находилась в политическом зависимости от Англии, отказалась примкнуть к континентальной блокаде. В ответ на это Наполеон заключил с главой испанского правительства Годоем соглашение, которое предусматривало захват Португалии. Вместе с испанскими войсками французы в ноябре 1807 года вторглись с пределы Португалии и оккупировали ее, но введенные под предлогом войны с Португалией французские войска остались также и в Испании.

Вскоре, в апреле 1808 года, в Испании произошел государственный переворот и вместо низложенного короля Карла IV стал править его сын Фердинанд VII.

Наполеон заманил во Францию (в Байонну) и Карла IV и Фердинанда VII и заставил их обоих отречься от престола. Королем Испании был провозглашен брат Наполеона Жозеф, который до этого провозглашен Неаполитанском королевстве. В свою очередь Неаполитанское королевство перешло к шурину Наполеона маршалу Мюрату.

Но на этот раз Наполеон, который привык не встречать практически никакого сопротивления при своих захватах, натолкнулся на ожесточенную борьбу народных масс Испании за свободу и независимость своей страны. В мае 1808 года в Мадриде началось восстание, которое было жестоко подавлено оккупантами. Но вскоре во всей стране началась партизанская война против захватчиков.

В июле 1808 года французская армия, которая насчитывала в своих рядах 20 тысяч человек, была окружена испанскими партизанами и после безуспешных попыток вырваться из окружения капитулировала у Байлена. Это событие произвело огромное впечатление в Европе.

Событие действительно было неординарным, так как французская армия, которая до этого считалась непобедимой, сдалась партизанским отрядам. После этого вспыхнуло национально-освободительное восстание против Франции в Португалии. В Оporto было создано временное правительство, на помощь которому пришли английские войска. После непродолжительной борьбы в августе 1808 года французские войска вынуждены были оставить Португалию.

Положение французов в Испании было настолько сложным, что для покорения этой страны требовалось вмешательство главных сил французской армии. Но Наполеон медлил с подобным решением, так как он прекрасно понимал, что если его «великая армия» уйдет за Пиренеи, то европейские государства тут же выступят против французов, и в первую очередь это сделает Австрия. Сдержать ее могла только Россия.

Наполеону необходимо было добиться активной поддержки России против Австрии. Он предложил Александру I провести с ним еще одну встречу, которая со-

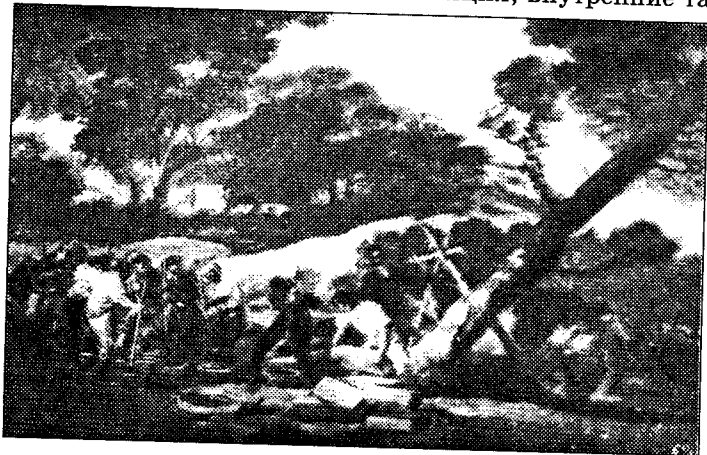
стоялась в последних числах сентября 1808 года в Эрфурте. Русский царь согласился на нее с явной неохотой. Он был раздражен политикой Наполеона в Польше и Пруссии и, что самое главное, на Востоке, а поэтому эрфуртская встреча двух правителей хоть и длилась более двух недель, но свелась лишь к показной демонстрации союзнических отношений между Францией и Россией. Никакого успеха на этих переговорах Наполеону добиться не удалось — Александр I решительно отказался от активного давления на Австрию.

Кроме Наполеона, Александр I в Эрфурте встретился с министром иностранных дел Франции Талейраном, который дал понять русскому царю, что политика Наполеона вовсе не пользуется единодушной поддержкой в самой Франции. Хитрый и двуличный Талейран уже тогда спешил застраховаться на случай поражения Наполеона. Это и неудивительно, так как к тому времени не ограниченный ничем авантюризм Наполеона стал внушать опасения его ближайшим сообщникам. Так, в 1808 году морской министр Декрэ говорил: «Император сумасшедший, абсолютно сумасшедший, он погубит себя и погубит нас всех вместе с собой».

Наполеону ничего другого не оставалось, как, лично возглавив крупную армию, в ноябре 1808 года вступить в Испанию. Его войска прошли через страну, сокращая и уничтожая на своем пути все. Но уже в январе 1809 года Наполеон был вынужден вернуться во Францию, так и не добившись победы над восставшими. Это привело к тому, что национально-освободительная война в Испании разгорелась с новой силой. Партизаны, которые скрылись в горах, как только французские оккупационные войска вторглись в Испанию, тут же возобновили нападение на французские гарнизоны, едва основная армия покинула их страну. Одной из наиболее ярких страниц этого восстания является героическая оборона города Сарагоса, которая продолжалась почти полгода.

Война против французских завоевателей сочеталась с революционной борьбой за преобразование общественного и государственного устройства Испании. Практически ее можно было назвать буржуазной революцией. На освобожденной от оккупантов территории в 1810 году открылись заседания Учредительных кор-

тесов, депутаты которых были выбраны испанским народом. Среди избранных преобладали представители либеральной буржуазии и либерального дворянства. В марте 1812 года кортесы приняли первую в истории Испании конституцию, которая ограничивала власть короля выборной палатой и упраздняла такие пережитки средневековья, как инквизиция, внутренние та-

Изготовление пороха испанскими партизанами.
Ф.Х.Гойя. 1814 г.

моженные пошлины, церковная десятина, а также некоторые феодальные привилегии дворянства. Но при этом сохранялось помещичье и церковное землевладение. Экономическая и политическая отсталость Испании, феодальная замкнутость и обособленность провинций, а также слабость испанской буржуазии и живучесть религиозных, монархических предрассудков в испанской провинции — все это было характерным для первой испанской буржуазной революции.

Восстание в Испании послужило своего рода толчком к началу национально-освободительных движений в Европе против французского владычества. Это восстание впоследствии нанесло решительный удар по наполеоновской империи, так как в Испании оказались скованными около трехсот тысяч отборных французских войск, что значительно ослабило военную мощь Франции.

Это не преминуло сказаться в самые ближайшие годы.

Под властью Наполеона находилась практически вся Италия, за исключением островов Сардиния и Сицилия. Бонапарт считался создателем королевства Италии, включившего в себя Ломбардию, Венецианскую область и другие территории на севере страны. Кроме этого, ему подчинялось и Неаполитанское королевство. Остальные итальянские территории были непосредственно присоединены к Французской империи.

Французские власти провели в Италии кое-какие преобразования: были упразднены внутренние таможенные барьеры, которые затрудняли развитие торговли, конфискована и распродана часть монастырских земель, введено французское буржуазное законодательство. В то же время проводимая ими экономическая политика препятствовала самостоятельному промышленному развитию Италии. В первую очередь это было обусловлено тем, что Италия обязана была вывозить весь свой шелк-сырец во Францию, а ввоз машин в Италию был запрещен. Кроме этого, политика континентальной блокады подрывала итальянскую морскую торговлю, что привело к упадку Генуи, Анконы, Ливорно и других портов Италии, вызвало свертывание знаменитого до недавнего времени стекольного производства в Венеции и других отраслей итальянской промышленности. Разорили страну и огромные денежные поборы, которые взимались с местного населения французскими властями. Понятно, что подобная политика порождала в стране глубокое недовольство.

Но французы не остановились на этом. В 1809 году была уничтожена папская власть в Риме, а сам папа в качестве пленника был вывезен во Францию. После этого Рим оккупировали французские войска. Отмена светской власти папы являлась сама по себе актом прогрессивным, но это было тяжело объяснить местному населению, тем более, что оккупация Рима французскими войсками возмущала итальянцев.

Все это привело к тому, что в Италии началось движение против иноземного правления. Итальянские патриоты, которые были разочарованы результатами наполеоновского господства, еще в 1807 году организовали на юге страны тайное общество карбонариев («угольщиков»), которое возглавило борьбу за национальное освобождение.

Положение в Германии было не лучше. В Вестфальском королевстве и других вассальных немецких го-

сударствах французские власти установили жесткий оккупационный режим. Государственный аппарат состоял в основном из французских чиновников. Французский язык был объявлен обязательным языком в администрации и в суде. Кроме этого, с германских государств взимались огромные налоги. Только за четыре года они выплатили Франции около 725 миллионов марок. Облегчению экономического положения отнюдь не способствовала континентальная блокада, которая привела к ослаблению торговых связей с Англией. Правда, следует отметить, что в некоторых районах Германии — Саксонии, Рейнской области, Силезии — запрещение ввоза английских изделий способствовало развитию местной промышленности.

Тем не менее среди населения германских государств все больше и больше усиливались антифранцузские настроения, и те отдельные прогрессивные реформы, которые проводились в период французского господства в некоторых немецких государствах, входивших в Рейнский союз, такие, как конфискация и распродажа монастырских поместий, упразднение ряда привилегий дворянства, отмена телесных наказаний в армии и другие, не могли серьезно ослабить недовольства.

После поражения в 1806 году, Пруссия была вынуждена вступить на путь частичных реформ. Около года прусское правительство возглавлял один из руководителей группы дворян-реформаторов Штейн; впоследствии его отстранил Фридрих-Вильгельм III под давлением Наполеона. Но реформы Штейна продолжал его приемник Гарденберг.

В 1807 году был издан указ, который отменял в Пруссии крепостную зависимость крестьян. Следующим указом, который был издан в 1811 году, крестьянам разрешался выкуп феодальных повинностей при условии выплаты суммы, равной 25-кратной стоимости годовых платежей, либо уступки помещику от трети до половины своего земельного участка.

Но аграрные реформы 1807 — 1811 гг. не смогли ослабить экономических позиций юнкерства. Условия выкупа повинностей были настолько тяжелыми, что становились практически невыгодными для крестьян. Но как бы там ни было, реформы эти все же открыли путь для развития капитализма в сельском хозяйстве Пруссии. Так как крестьяне оказались не

в состоянии выкупить землю, они вынуждены были отдавать ее юнкерам, превращаясь тем самым в безземельных наемных рабочих.

Была проведена в те годы и реорганизация прусской армии: организован генеральный штаб, основана военная академия, отменены телесные наказания солдат и создано гражданское ополчение «ландвер». Этими реформами руководили виднейшие деятели Пруссии тех лет Шарнгорст и Гнейзенау.

Как и в остальных частях Германии, в Пруссии стало усиливаться освободительное движение против французского гнета. Политика Наполеона оттолкнула от Франции даже тех, кто долгое время защищал идеи французской революции. Так, Фихте, который еще в 1799 году считал Французскую республику своей родиной, в 1807 — 1806 гг. выступил с «Речами к немецкой нации», содержащими призыв к борьбе за освобождение Германии от французского господства.

В 1808 году группа бюргеров, студентов и офицеров организовала в Кенигсберге тайное патриотическое общество «тугенбунд» («Союз добродетелей»), которое ставило своей целью ликвидацию феодальных отношений, введение конституционного строя, национальное возрождение Германии и освобождение ее от иноземного господства.

Австрия, в которую вселили надежды неудачи французских войск в Испании, весной 1809 года начала новую войну против Франции. Была образована пятая антифранцузская коалиция в составе Англии и Австрии. Россия, которая формально состояла в союзе с Францией, уклонилась от активной помощи Наполеону и ограничилась лишь концентрацией войск в Галиции у австрийской границы. Военные действия начались в то время, когда главные силы французской армии только возвращались из Испании. Но австрийское командование не смогло использовать этого преимущества. 13 мая 1809 года войска Наполеона вступили в Вену, а 5 — 6 июля они разбили австрийскую армию под Ваграмом. Австрия в очередной раз показала свою неспособность противостоять Франции, хотя теперь достичь победы Наполеону удалось с гораздо большими, чем прежде, усилиями.

В октябре 1809 года Австрия была вынуждена заключить в Вене мир с Францией, по которому она усту-

пала победителю и подвластным ему странам территорию с населением свыше 3,5 миллионов человек. Галицию Наполеон передал герцогству Варшавскому, а Франция приобрела Триест, Рагузу (Дубровник), Хорватию и другие территории, которые вместе с Далмацией составляли так называемые Иллирийские провинции французской империи.

На протяжении последующих двух лет Наполеон включил в состав своей империи Голландию, северные немецкие земли с Бременем, Гамбургом и Любеком. Но уже в ходе войны 1809 года Наполеон вновь столкнулся с той грозной силой, которая уже проявила себя в Испании — с национально-освободительной войной народных масс. Так в апреле 1809 года началось восстание тирольских крестьян, которыми руководили трактирщик Андреас Гофер и крестьянин Шнекбахер. Тирольским партизанам удалось нанести серьезные удары по французским войскам. Почти одновременно с восстанием в Тироле произошли восстания в Пруссии, Вестфалии, Брауншвейге и Саксонии. Отрядами восставших руководили майор Катт, полковник Дернберг, майор Шилль и ряд других офицеров. Опираясь на поддержку местного населения, они начали активную партизанскую войну против французов. Для того чтобы подавить эти восстания, французским войскам потребовалось много усилий и времени. Наиболее упорно сражались тирольские крестьяне. Лишь в конце 1809 года французам удалось сломить их борьбу. Вождь тирольских повстанцев Андреас Гофер был казнен.

Поначалу некоторые польские деятели склонны были рассматривать создание Великого герцогства Варшавского как шаг к восстановлению независимой Польши. Но на самом деле Наполеон здесь, как и в других странах, проводил такую политику, которая преследовала исключительно его собственные интересы и интересы его империи. От Польши нужны были только польские легионы, которые он использовал для своих завоевательных войн, в частности для военных предприятий в Испании. Тадеуш Костюшко, который решительно отказался от предложения Наполеона возглавить один из таких легионов, сказал: «Он думает только о себе, он презирает любую крупную национальность и еще больше дух независимости. Это тиран».

КРИЗИС ПОЛИТИКИ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ БЛОКАДЫ

Те затруднения, которые империя Наполеона переживала в связи с широким национально-освободительным движением в подвластных странах Европы, усугублялись ухудшением экономического положения в самой Франции.

Несмотря на то что огромные завоевания Наполеона и континентальная блокада открыли для французской промышленности широкие рынки, сама французская промышленность нуждалась в некоторых видах сырья, которое поступало только из Англии или ее колоний (хлопок, красители и пр.), а также во многих изделиях английской промышленности, особенно в сукне. В результате же английской блокады французских портов, а также портов, входящих в состав империи государств, значительно сократился импорт во Францию колониальных товаров, в том числе и предметов первой необходимости, как сахар и кофе. Лишились важнейшего для себя английского рынка сбыта некоторые отрасли французской промышленности, особенно шелкоткацкая. В подобном же положении оказалось и виноделие. Цены на виноград и вино намного снизились, что нанесло огромный ущерб значительным слоям французского крестьянства.

В то же время потерпело неудачу намерение Наполеона закрыть для английской торговли весь европейский континент. Английские товары проникали в Европу через Пиренейский полуостров, через Балканы и северогерманское побережье. Огромного развития достигла контрабанда, несмотря на то что она наказывалась продолжительным тюремным заключением и даже смертной казнью.

Непрерывные войны принуждали постоянно увеличивать налоги во Франции. Претерпела изменения и структура экономики, которая перестроилась применительно к военным нуждам. В 1810 — 1811 гг., когда наполеоновская империя казалось достигла своего самого наивысшего могущества, французская промышленность на самом деле переживала сильный кризис, который был вызван недостатком и дороговизной хлопка, а также разрывением европейских стран, которые являлись главными потребителями французских изделий. Именно в то время в буржуазных кругах Франции

обнаружилось недовольство политикой Наполеона. Начинали возмущаться и крестьяне, которые были обременены тяжелыми налогами и непрерывными наборами в армию.

Исходя из вышеуказанных причин, Наполеону пришлось смягчить свою политику континентальной блокады. Поначалу была введена система лицензий-расширений на ввоз и вывоз товаров в Англию для того, чтобы облегчить положение французских виноделов, а также оздоровить обстановку в шелкоткацкой промышленности Лиона, которая жестоко пострадала от кризиса. По лицензиям разрешалось вывозить в Англию шелк и вино, взамен ввозить сахар. Но Наполеон надеялся, что эта мера является лишь временной уступкой, а поэтому в марте 1811 года он заявил делегации промышленников: «Континент будет закрыт для английского импорта; я остаюсь в полном вооружении с головы до ног, чтобы осуществлять мои декреты». Наполеон по-прежнему был абсолютно убежден в том, что ему удастся и в дальнейшем проводить подобную политику. Он все еще считал себя непобедимым.

Но главным препятствием на пути установления мирового господства империи Наполеона была Россия, которая являлась самым большим по территории государством в мире и продолжала проводить самостоятельную по отношению к Наполеону политику. Несколько раз Наполеон пытался привлечь Россию на свою сторону, но из этого ничего не вышло, и тогда он окончательно пришел к выводу, что осуществление его планов мирового господства возможно будет лишь после нанесения России решительного военного поражения. По убеждению Наполеона, разгром России сделал бы безнадежным положение Англии, которая тогда вынуждена была бы капитулировать.

Приняв такое решение, Наполеон стал проводить усиленную стратегическую и дипломатическую подготовку к войне с Россией.

ГЛАВА 5

ВОЙНА 1812 ГОДА. КРАХ ИМПЕРИИ НАПОЛЕОНА

РОССИЯ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

На протяжении XVIII века территория России увеличилась на 1/3, а население возросло в 2,5 раза и к началу XIX века в Российской империи проживало 36 миллионов человек. В начале XIX века в России шел постепенный процесс разложения крепостничества и развитие капиталистических элементов в хозяйстве. Особенно это было заметно в области промышленности.

На основе развития мелких промыслов стали возникать мануфактуры, которые принадлежали купцам и разбогатевшим крестьянам. На них использовался труд наемных рабочих, они обслуживали массовый рыночный спрос. Так, в 1804 году в России насчитывалось около тысячи мануфактур, не считая горных заводов, на которых работало в общей сложности около 95 тысяч рабочих. Почти половина из них были наемными. В начале XIX века проводились первые опыты применения машинной техники в текстильном производстве,

но в то же время на Уральских металлургических заводах по-прежнему господствовал принудительный труд — порядки, введенные еще в годы правления Петра I.

Наметились кое-какие сдвиги и в сельском хозяйстве. Так, в первые годы XIX века возникли новые отрасли, которые имели промышленное значение, расширялись посевы сахарной свеклы, развивалось тонкорунное овцеводство и так далее. Но существование крепостного права не позволяло осуществить радикальную перестройку помещичьих хозяйств.

Основная масса дворян-землевладельцев использовала по-прежнему привычные формы эксплуатации крестьян. Они увеличивали свои доходы путем расширения барской запашки за счет уменьшения наделов крестьян, путем усиления барщины и повышения оброка. Все это приводило к массовым недовольствам среди сельского населения и к тому, что в первом десятилетии XIX века в России произошло более 60 волнений крестьян. Для их подавления нередко применялась военная сила. Происходили также крупные волнения рабочих людей и приписанных к фабрикам крепостных крестьян на Урале и в Нижегородской губернии.

Необходимость проведения реформ становилась все более очевидной. Правящие круги России стремились усилить государственный аппарат и провести через него некоторые меры, которые смогли бы сгладить остроту общественных противоречий. Перестройка государственного аппарата шла по пути усиления бюрократии: был реорганизован Сенат, а вместо коллегии образовали министерства, которыми управляли министры, непосредственно подчиненные царю.

В 1803 году был издан закон о «свободных хлебопашцах», согласно которому помещикам разрешалось освобождать крепостных крестьян за выкуп при обязательном наделении их земельными участками. Но дворяне не спешили использовать этот закон, а условия освобождения были крайне обременительными для крестьян. Именно поэтому, на основании закона о «Свободных хлебопашцах» за первую четверть XIX века было освобождено лишь 47 тысяч крестьян мужского пола.

В первые годы правления Александра I в так называемом Негласном комитете — немногочисленной замкнутой группе, в которую входили близкие к царю

лица, пользующиеся большим влиянием на него, происходило обсуждение вопросов внутренней и внешней политики России. Члены Негласного комитета интересовались западно-европейскими буржуазными политическими учениями, но о применении их к феодально-крепостнической России говорили крайне робко. Результаты деятельности Негласного комитета были невелики: даже те представители царской бюрократии, которые считали необходимым проведение реформ, стремились лишь сочетать основы самодержавия с внешними признаками представительного правления, которые они почерпнули из конституций буржуазных государств. Реформы предполагалось сделать лишь для того, чтобы уменьшить растущую в стране критику самодержавия и сохранить тем самым неизменными основы существующего строя. Временное сближение с Наполеоном, которое наступило после заключения договора в Тильзите, усилило эту группировку бюрократии. Она поручила М.М.Сперанскому разработать план реформ. В своем проекте Сперанский придавал самодержавной монархии форму конституционного устройства. Он предполагал создать сложную четырехстепенную систему представительных учреждений, право выбора в которые было ограничено имущественным цензом и не распространялось на помещичьих крестьян. Вместе с этим, в плане Сперанского законодательная инициатива предоставлялась особому Государственному совету из назначенных сановников, а окончательное утверждение принятых законов по-прежнему сохранялось за царем.

Сперанский не ставил вопроса об отмене крепостного права в России, но все же он пытался ограничить произвол помещичьей власти над крестьянами. Согласно его проекту, крепостные подлежали наказанию только по решению суда и их феодальные повинности должны были регламентироваться законом или добровольным соглашением. Помещичьи крестьяне должны были получить право приобретать движимую и недвижимую собственность, но они не могли самовольно оставлять имения своих помещиков, а самим землевладельцам запрещалось продавать крестьян без земли.

«План государственного преобразования» Сперанского, несмотря на его очевидную ограниченность, в перспективе позволил бы развить в России буржуаз-

ные отношения. Именно это вызвало решительное противодействие со стороны влиятельных крепостников. Поэтому из всех предложений плана было осуществлено лишь учреждение Государственного совета, которое произошло в 1810 году. Он был лишь совещательным органом при царе.

Но реакционное дворянство на этом не успокоилось. Оно требовало расправиться со Сперанским, и в конце концов Александр I вынужден был отстранить его от дел, а впоследствии отправить в ссылку. Это произошло из-за того, что накануне назревавшей войны с наполеоновской Францией, в возможности которой уже никто не сомневался, Александр I стремился обеспечить себе крепкую поддержку среди наиболее влиятельных дворян.

РАЗРЫВ СОЮЗА РОССИИ И ФРАНЦИИ

Примерно к 1810 году борьба между Англией и Францией достигла своей критической точки. Континентальная блокада, несмотря на все трудности, о которых говорилось выше, продолжала поддерживаться со всей жесткостью военного положения, а поэтому стала приносить свои плоды. Французской промышленности, которая была освобождена от конкуренции, все-таки удалось завоевать европейский рынок. Выгодно это было и для других стран, которые вошли в состав империи Наполеона, например, сильное развитие получило текстильное производство в Саксонии. Несмотря на то что в европейских странах простой народ поднялся на борьбу против наполеоновского ига, буржуазия этих стран продолжала быть заинтересованной в поддержании французского господства. Пережив первые тяжелые для себя годы, она постепенно осваивалась с континентальной блокадой, привыкая обходиться без английских товаров. Контрабандным путем закупалась английская техника, и нужное производство стало налаживаться в самой континентальной Европе. Единственным недостатком континентальной блокады было теперь лишь сужение рынка, а поэтому постепенно стал чувствоваться кризис перепроизводства. В связи с этим росло количество безработных.

Но как бы там ни было, а цели континентальной блокады оказались достигнуты. Французские агенты с радостью извещали свое правительство о постоянном банкротстве в лондонском Сити. Постепенно Англия начинала вариться в собственном соку, что весьма отрицательно сказывалось на ее экономическом положении. Наполеону оставалось позаботиться лишь о том, чтобы та стена, которая была воздвигнута им вокруг английских мануфактур, становилась все выше и прочнее. Однако в ней существовала брешь — Пиренейский полуостров. На Пиренеях продолжала удерживаться английская армия. Восстание испанского крестьянства не было подавлено. Теперь, после того как был подписан в 1809 году Венский мир и Австрия оказалась не в состоянии продолжать борьбу против Франции, все силы Наполеона были направлены на то, чтобы заделать эту брешь в «континентальной системе». К началу 1811 года в Испании было сосредоточено до 270 тыс. французского войска, что было в полтора раза больше, чем понадобилось в 1805 году для разгрома Австрии и в 1806 году для завоевания Пруссии. Но несмотря на такую концентрацию войск и на огромные усилия по подавлению восстания, война на Пиренейском полуострове не приносила никаких результатов. Именно в этот момент Наполеон узнал, что воздвигнутая им «континентальная система» имеет еще одну брешь, которая находится на территории владений «друга» и «союзника» Франции российского императора Александра I.

До Наполеона стали доходить сведения, что 600, а по некоторым данным и в два раза больше, кораблей под самыми различными флагами, но нагруженных английским товаром, направляются к северо-восточным берегам Европы. Ближайшим их этапом был расположенный на берегах Швеции Готенбург. Здесь шло распределение запретного груза небольшими и малозаметными партиями по всем портам Балтийского моря. Наибольшее их количество доставалось России, причем грузов этих было намного больше, чем она могла потребить при своем уровне развития хозяйства. Именно «континентальная блокада» привела к развитию в России транзитных перевозок: английские товары шли из России в Западную Европу по рекам, как некогда, в годы существования Киевской Руси поступали в Ев-

ропу восточные товары. Поначалу с берегов Балтики английская контрабанда шла на австрийскую границу, к Бродам, где был образован второй передаточный пункт не меньшей важности, чем Готенбург. Отсюда запрещенные товары наводняли Великое герцогство Варшавское, Австрию и Пруссию и к тому же пробирались далее вплоть до южной Германии и Швейцарии. Здесь контрабанда, которая шла с севера-востока, встречалась с контрабандой, которая шла с юго-запада — из Испании, и кольцо замыкалось.

Английские контрабандисты были темой переписки двух «владык мира» — Наполеона и Александра. Те шестьсот кораблей, о которых говорилось выше, явились причиной для дипломатических нот, после которых осенью 1810 года последовало специальное послание Наполеона императору Александру. Послание было передано в Петербург через особо доверенное лицо — флигель-адъютанта русского императора Чернышева.

Наполеон писал: «Англичане очень страдают от присоединения (к Франции) Голландии, и от предписанной мною оккупации портов Мекленбурга и Пруссии. Каждую неделю в Лондоне происходят банкротства, вносящие смятение в Сити. Фабрики стоят без дела; склады переполнены. Я только что приказал конфисковать во Франкфурте и в Швейцарии огромное количество английских и колониальных товаров. Шестьсот английских судов, которые блуждали в Балтийском море и не были приняты ни в Мекленбурге, ни в Пруссии, направились к владениям Вашего Величества. Если Вы их примете, война будет продолжаться; если Вы их секвестрируете и конфискуете их груз в гавани или уже на берегу, Англии будет нанесен страшный удар; все эти товары принадлежат англичанам. От Вашего Величества зависит, иметь мир или продолжать войну. Мир есть и должен быть вашим желанием. Вашему Величеству ясно, что мы достигнем его, если Россия конфискует эти шестьсот судов и их груз. Какие бы бумаги у них ни были, чьим бы именем они ни прикрывались, выдавали бы они себя за французов, немцев, испанцев, датчан, русских, шведов — Ваше Величество можете быть уверены, что это англичане».

Наполеон в отчаянии считал, что мир в Европе теперь зависит от конфискации английской контрабанды. Отчаяние это вызывало понимание того, что невозможно

задавить Англию, какие бы убытки она ни терпела. Поняв бесплодность усилий заткнуть дыры в континентальной блокаде, Наполеон пришел к эфемерной идее — сделать так, чтобы нарушения континентальной блокады шли на пользу Франции.

Сама блокада имела две стороны. Во-первых, она опиралась на вполне реальные потребности континентального капитализма, давая возможность более отсталой промышленности материка выиграть борьбу за рынки сбыта с самой передовой промышленностью Европы. В этом случае континентальная блокада играла такую же роль, как и всякая сильная таможенная охрана, которая, как обычно, возникает с развитием новой промышленности. Блокада ускоряла развитие промышленности, так как в первую очередь была направлена не на производителей, а на потребителей, которые должны были переплачивать отныне за мануфактурные товары (понятно, что товары, произведенные в Европе были дороже английских). Наполеоновская блокада не нарушала обмена товарами между фабрикантами, а лишь форсировала тенденции, свойственные любому полицейскому государству и которые, следует отметить, вполне привычны для любой буржуазии на первых стадиях капиталистического развития. Именно это и привело на первых этапах к успеху континентальной блокады, потому что повсюду в Европе имелись возможности для самостоятельного развития крупной промышленности. Но в «континентальной системе» была и другая сторона — область обмена сырья. Здесь «континентальная система» вступала в борьбу не только с иноземными конкурентами Франции, но и с законами развития рынка: Европа не могла обходиться без колониальных продуктов. Даже если бы удалось заменить суррогатами чай и кофе, как это удалось сделать в отношении сахара, и примириться с отсутствием американского табака, то текстильная промышленность, бурный рост которой наблюдался повсюду в Европе, не могла обойтись без хлопка. Но с точки зрения «континентальной системы» все, что привозилось из-за океана, было английским товаром, так как ни один колониальный продукт не мог проникнуть в Европу иначе, как на английском судне или с дозвола англичан, флот которых блокировал побережье континентальных европейских государств. Наполеон не делал никакого раз-

личия в отношении этих грузов, а поэтому попытки прекратить контрабанду подобного рода сильно ударили по интересам европейской буржуазии, ради которых, как будто бы, и был запрещен ввоз английских товаров. И все же после того, как все испанские колонии оказались в руках Англии, поставка хлопка в Европу окончательно была монополизирована англичанами. Наполеон был вынужден пойти на уступки и узаконить колониальную контрабанду. Утвержденный Наполеоном 5 августа 1810 года так называемый «трианонский тариф» разрешал ввоз колониальных товаров, даже если они прошли через руки англичан, с уплатой высокой таможенной пошлины. Тариф дополнялся системой «разрешений» (licences), которые фактически разрешали прямую торговлю с Англией колониальными продуктами при условии вывоза товаров французской промышленности на равную сумму. Лицензии давали повод к массе всевозможных злоупотреблений. Фактически они давали возможность просто-напросто откупиться от «континентальной системы». А поэтому кризис «континентальной системы» историки рассматривают как один из первых симптомов разложения господства империи Наполеона в Европе.

Поначалу французское правительство ревностно оберегало свою монополию выдавать «разрешения», всякий товар английского происхождения, кроме колониального и оплаченного высокой пошлиной, подлежал немедленному истреблению в случае обнаружения. На это еще раз указывалось в трианонском тарифе, и это неустанно требовалось от всех союзников императора Наполеона.

Трианонский тариф был выгоден для стран, которые обладали хотя бы зачатками крупной промышленности. Такими странами были Саксония, Западная Германия, Северная Италия. Теперь они еще более тесно были привязаны к Франции, чем когда бы то ни было ранее. Но для стран, которые жили вывозом сырья, а покупали продукты (Швеция, вывозившая в Англию лес и полезные ископаемые, северо-восточная Германия, Польша и Россия, где крупное землевладение одинаково было заинтересовано в хлебном экспорте), это было смертельным ударом. Именно трианонский тариф наметил ту группу стран, которые вошли в будущую коалицию. Отныне Пруссия, Швеция и Россия просто вы-

нуждены были стать ее членами и это несмотря на то, что прусский король все еще ждал союза с Наполеоном, а Швеция — несмотря на то, что французский маршал стал в ней наследным принцем и фактически правителем ввиду преклонного возраста монарха. Для России принять трианонский тариф означало пойти на войну с Францией. Все остальные мелкие обиды личного характера (неудачное сватовство Наполеона к русской великой княжне, обиды, нанесенные Наполеоном владетельным правам Гольштинской династии в Ольденбурге), а также крупный конфликт из-за вопроса о восстановлении Польши, — все это также вело к экономическому разрыву на почве трианонского декрета 1810 года. Наполеон сказал однажды Чернышеву, уверенный в том, что его слова непременно дойдут до Александра I: «Если англичане продержатся еще несколько времени, я не знаю, что тогда будет и что нам делать». Он давал понять союзникам, что вопрос о континентальной блокаде имеет для него первостепенную важность. Отсюда следовало, что если союзники этого не понимали, значит, они были уже не союзниками, а изменниками. А отсюда следовало, что нужно их силой принудить к повинности.

Отказ России от политики континентальной блокады прямо или косвенно вынуждал Наполеона к войне, хотел он этого или нет. Это понимали все, а поэтому начало боевых действий между Францией и Россией было лишь вопросом времени. Если во время эрфуртского свидания русский царь мог разыграть роль «друга» императора Наполеона, то в конце 1810 года это было уже невозможно. Современники отмечали полное отсутствие «доверенности и усердия» к русскому правительству со стороны его поданных. Каждому было ясно, что надеяться на экономические реформы в России — безумие. Все это означало, что для России легче согласиться на войну, чем переносить далее тяготы континентальной блокады. Александру I было предъявлено двойное требование: во-первых, не пускать к себе англичан, «за кого бы они себя ни выдавали», и истреблять любой подозрительный груз. В то же время французское правительство стремилось сохранить за собой влияние на российский рынок, так как ввозить сущей в Россию лионские шелковые материи и другие предметы роскоши было выгодно. В обмен на них

из России вывозилось не сырье, а золото. С точки зрения меркантилизма, на позициях которого стояла основная масса российских финансистов (даже если они и читали Адама Смита), в этом крылась главная причина падения курса ассигнаций. Меркантилизм утверждал: «не надо выпускать золото из страны».

Россией была установлена высокая пошлина на шелковые материи, кружева и другие предметы роскоши и приняты строжайшие меры против контрабанды этими предметами. При официальном разрыве торговых сношений с Англией эта мера могла бить только подданных императора Наполеона и никого другого. Несмотря на то, что русский посол Куракин говорил, будто от нового русского тарифа страдали не только французские производители, но и немецкие, это было слабым утешением для Наполеона. Кроме того, строгие постановления о контрабанде распространялись только на товары, привезенные сухопутным путем. Морская (фактически английская) контрабанда преследовалась гораздо мягче, во всяком случае ввезенные морским путем, конфисковывались, но не сжигались.

Это означало фактически экономический мир с Англией и таможенную войну с Францией. Кроме того, указ царя был формальным нарушением Тильзитского договора, согласно которому всякие изменения в политике должны были устанавливаться по обоюдному согласию. Когда французское правительство указало на это правительству российскому, ему ответили, что Францией также были получены пошлины на поташ, чай, ремень, рыбий жир и другие предметы, которые вывозились из России без согласования с последней. Тем не менее любому было понятно, что это лишь отговорка, так как пошлина на рыбий жир и за двадцать лет не могла составить ту сумму, которую были обязаны выплатить в виде пошлины лишь за один год купцы, ввозившие в Россию лионский бархат.

Но к этим оговоркам российское правительство могло и не прибегать, так как французский Сенат сам нанес Тильзитскому договору гораздо большее оскорбление. Согласно договору, подписанному в Тильзите, была гарантирована неприкосновенность владений германских родственников русского императорского двора и в том числе герцога Ольденбургского, несмотря на это в конце 1810 года Наполеон взял под непосред-

ственное наблюдение французского правительства всю береговую линию Германии, объясняя это необходимостью борьбы с английской контрабандой. 13 декабря Сенат постановил, что ганзейские города со всеми их владениями и прилегающими к ним территориями, присоединяются к французской империи. В числе них оказались и герцогство Ольденбургское.

Наполеон понимал, что нарушает договор, а поэтому вступил с герцогом в переговоры, но его собственная администрация, которую он приучил действовать быстро, по-военному, в один день ввела в Ольденбург войска, правление в нем было передано французским чиновникам. А герцогу заявили, что если он не примет французское подданство, то должен будет выселиться на территорию, которую ему пожалует взамен Ольденбурга по усмотрению императора Наполеона. Возможно Наполеон, администрация которого действовала без его санкции, наказал бы своих чиновников, но в это же самое время ему доложили об объявленной Россией таможенной войне Франции. Родственник русского царя стал ее первой жертвой: декретом 22 января 1811 года герцогство Ольденбургское было присоединено к Франции.

Возможно, Наполеон пожелал ответить личным оскорблением царю Александру за российскую политику, которая подрывала экономику Франции. Как бы там ни было, но император попал в точку: современникам было хорошо известно, что царь Александр I обладал весьма болезненным самолюбием. Кроме этого, он всегда стремился играть роль покровителя Европы и защитника слабых, несмотря на то, что в ранг слабых, по воле российского императора, часто попадали короли и даже императоры соседних государств. Александру I было нанесено личное оскорбление, оскорбление было нанесено и его родственнику — члену одной из древнейших династий, предки которого на протяжении семисот лет носили корону. Но самое обидное было то, что оскорбление это нанес выскочка, без роду без племени, каковым, по мнению императора, Александра, был Наполеон. Трудно было найти лучший способ для того, чтобы разорвать союз между Францией и Россией.

Именно Ольденбургское дело часто рассматривали как одну из важнейших причин войны 1812 года. На самом деле оно было всего лишь предлогом, так как

план войны был оформлен у Александра I еще до захвата французами Ольденбургского герцогства.

Весной 1811 года Россия была готова начать войну при самых благоприятных для себя условиях. Русская армия могла вывести на западную границу империи от 200 до 250 тыс. человек и лишь обстоятельства, а не воля русского императора, дали Наполеону лишний год на подготовку к войне. Следует отметить, что за год количество российской армии так и не возросло, в то время как вместо полумиллионной «Большой армии» весной 1811 года на границе с Россией французы имели всего только 46 тыс. солдат маршала Даву, которые были разбросаны по всей Пруссии, да 50 тыс. солдат польской армии. Кроме того, Александр Павлович собирался восстановить польское королевство руками России и взамен намеревался переманить польскую армию на свою сторону. Это было основной идеей царя Александра.

Главным ударом, который нанес Тильзитский договор по России, было образование Великого герцогства Варшавского. Возможность восстановления польского королевства встревожила русских дипломатов, и они пытались получить от Наполеона гарантию того, что Польша «никогда не будет восстановлена». Наполеон ответил отказом. Это еще раз доказывало, что разрыв между Францией и Россией неизбежен.

Опасения российского императорского правительства были небезосновательными. После заключения венского мирного договора население Великого герцогства Варшавского увеличилось на два миллиона человек, и теперь почти все этнические поляки были собраны под одной властью. Возрождение польской национальности в последующем должно было привести к возрождению польского королевства, которое вскоре после этого тут же предъявило бы России претензии на земли Великого княжества Литовского, оккупированные российскими войсками в результате трех разделов Речи Посполитой. Если бы Александру I удалось склонить поляков на свою сторону, он сразу переместил бы театр военных действий на четыреста верст западнее тогдашней границы Российской империи.

Надежды царя Александра были вполне реальными. Несмотря на подчинение наполеоновскому кодексу и французской бюрократии, Польша продолжала оста-

ваться дворянским государством, а дворяне Польши были в неменьшей мере заинтересованы в сбыте своих продуктов на запад, чем дворяне российские, а значит отношение к «континентальной системе» у них было такое же, как и у дворянства российского и прусского.

Князь Чарторыйский выступил посредником при переговорах между царем Александром и польской знатью. Он стремился убедить поляков, что русский император обеспечит их национальную независимость не хуже Наполеона, что интересы польских дворян ближе к интересам дворян российских, чем к интересам французской буржуазии. Царь Александр обещал дать Польше больше, чем дал ей Наполеон: свободные конституционные учреждения.

Если бы российские войска стояли в Варшаве, как произошло три года спустя, поляки по-видимому не колебались бы. Но в 1811 году польская армия ближе стояла к революции и Наполеону, чем к России и ее правителю. Союз Польши и Франции оказался намного крепче, чем это представлялось в Петербурге. Главнокомандующий польской армией Понятовский тут же выдал Наполеону планы России, как только они ему стали известны.

Теперь Наполеону было ясно, что с войной надо спешить, не теряя даром ни одного дня.

ВОЙНА 1812 ГОДА

Французский министр иностранных дел написал в Петербург французскому послу Лористону: «Говорю это для Вас одного, Ольденбургское дело не имеет значения ни для нас, ни для России: вся суть в торговых интересах и континентальной системе».

Об этом пытался умолчать царь Александр I. Император Наполеон заговорил об этом также после того, как стал во главе полумиллиона солдат. Пока российский посол Куракин в Париже протестовал против Ольденбургского дела, пятьсот тысяч солдат стали медленно подтягиваться по направлению к Великому герцогству Варшавскому.

Как и в случае с эрфуртским конгрессом, поход на

Россию был больше похож на манифестацию, целью которой было укрепить престиж Наполеона там, где он начинал падать, и запугать тех, кто перестал бояться. По Европе стали заранее распространяться невероятные слухи о количестве вооруженных сил французской империи — в этом Наполеон был мастер не хуже, чем русский царь Александр Павлович. Вся разница между ними заключалась в том, что Наполеон использовал это для обмана врагов, а российский император постоянно обманывал сам себя и своих союзников. Российским же патриотам, казалось, только это и было нужно: после войны они называли раздутую численность наполеоновской армии в 600 тыс. человек для того, чтобы количеством пораженных врагов придать вес собственной победе. На самом же деле списочный состав армии Наполеона насчитывал 387 тыс. 343 человека, не учитывая вспомогательных войск в составе прусского и австрийского корпусов, первый из которых насчитывал 20, а второй — 26 тыс. человек. Как обычно, реальный состав армии бывает процентов на десять ниже списочного. Едва ли Наполеон уменьшил свои силы 1812 года, когда впоследствии на острове Святой Елены он определил их количество в 400 тыс. человек вместе с союзниками.

Чтобы там ни говорилось, это была самая крупная армия, которую когда-либо выдвигала Франция на одном театре военных действий. Она была почти вдвое сильнее трех российских армий, которые царь Александр сосредоточил на западной границе. В общей сложности они насчитывали 280 тыс. человек, а без учета запасных частей и гарнизонов в полевой армии числилось 200 тыс. человек.

Фантастические слухи о размерах французской армии усиливались тем, что двигалась она лишь ночью, обходя крупные города. Например, маршалу Жюно было приказано выехать к месту своих частей так, чтобы его адъютанты и прислуга не знали, куда он отправляется. Подобные меры принесли свои результаты. В то же время Наполеон прекрасно знал число и расположение русских войск по точным сведениям о количестве съестных припасов и фуража, которые доставлялись в тот или иной пункт дислокации российских войск. Подобные вещи нельзя скрыть от шпионов-специалистов. Наполеон это прекрасно понимал, а по-

этому ночные переходы его армии были скорее всего рассчитаны на воображение публики, чем на серьезные меры предосторожности. Это доказывает и то, что сам он ехал на войну с показным великолепием. Его кортеж сопровождали сотни и тысячи экипажей: на несколько дней были прерваны сношения между столицей Франции и восточной границей государства, императором были монополизированы все средства сообщения для нужд его двора и штаба. В Германии подняли на ноги население целых областей для исправления дорог, по которым он ехал. Огромные костры освещали ночью его путь и их зарево возвещало о движении императора. Двор в полном составе камергеров, шталмейстеров, пажей и всей женской свиты императрицы доехал до Дрездена, где была назначена встреча Наполеона с союзниками. Здесь он распрощался с Марией-Луизой.

В Дрездене строго соблюдался придворный этикет. Сюда привезли парадный серебряный сервиз и коронные бриллианты, здесь разворачивалось показное величие величайшей в мире империи, которое должно было ошеломить жителей немецкой столицы.

Все это выступало резким контрастом по сравнению с жизнью народных масс самой Франции, особенно контраст бросался в глаза в дни празднеств, которые сопровождали крещение наследника Наполеона, «Короля Римского», летом 1811 года. По улицам Сен-Антуанского предместья бродили толпы безработных. В разных местах города на стенах домов появились прокламации, которые призывали народ к восстанию против режима Наполеона. Повсюду императорский кортеж встречало озлобленное молчание. Когда же наемные полицейские шпионы пробовали кричать «Ура!», их пытались, пока еще робко, освистывать.

Франция в те годы находилась в состоянии промышленного кризиса, который породил дороговизну съестных припасов. В Нормандии то и дело вспыхивали хлебные бунты, которые усмирялись с помощью войск. Наполеон, как во время Конвента, установил максимум на цену продуктов питания своим императорским декретом, но во всем остальном Франция больше не походила на республику времен Конвента. Теперь в армию не стремились толпы волонтеров, как это было в 1792 году. Даже тех, кто обязан был служить, нелегко

было принудить к этому. Повсюду по стране рыскали отряды подвижной жандармерии, которые разыскивали беглых рекрутов, на всех дорогах можно было видеть, как полицейские вели закованных в цепи будущих солдат «Великой армии».

Наполеон прекрасно понимал, что если его политика континентальной блокады окончательно провалится, то положение дел внутри страны еще более ухудшится. Даже среди императорской администрации стали находиться люди, которые пророчили близкий конец империи и реставрацию Бурбонов.

Империя старательно маскировала свое критическое положение показной роскошью. Сам Наполеон прекрасно сознавал, что его империя приходит в упадок, а поэтому война с Россией может привести к ее полному краху. Он говорил Савари: «Мне оказал бы большую услугу тот, кто избавил бы меня от этой войны. Но что же делать — вот она пришла: пора с ней развязаться». Другому своему соратнику он говорил, что русский поход — самое трудное предприятие, за которое он когда-либо брался. «Но раз это начато, надо кончать», — добавил он.

Наполеон высказывал уверенность, что война продлится не долго. Он надеялся на то, что дворяне заставят царя Александра просить мира, что доказывает его полное заблуждение относительно политической ситуации внутри русского общества, но тем не менее он не возлагал больших надежд на кризис в России. Надеялся он лишь на собственные войска. Наполеон готовился к войне 1812 года как не готовился ни к одной войне раньше. Он старался не упустить из виду ни одной мелочи, которая могла бы повлиять на ход событий, несмотря на все огромные средства и силы, которые были затрачены на подготовку к войне.

Основное ядро «Большой армии» составляли войска, расположенные вдоль берега Балтийского моря, от Голландии до Пруссии, от Утрехта до Штральзунда. Здесь стояло девять пехотных дивизий, которые образовывали первый и второй корпуса армии, выставленной против России. Пока с Россией был мир, эти войска осуществляли континентальную блокаду и были направлены против Англии. Эти корпуса Наполеон выдвинул в первую линию. В тактическом и административном отношении эти войска, особенно первый корпус под

командованием маршала Даву, были лучшими войсками Франции после императорской гвардии. Они состояли из отборных солдат, которыми командовали опытные боевые генералы — Даву, Удине, Гюден, Компан, Фриан, Жерар. Даву считался лучшим военачальником Франции. Свой корпус он называл подвижной колонией, которую можно было перенести в любую страну — она могла сама найти средства для существования и военных действий. Даву писал Наполеону: «В каждой роте есть портные, сапожники, каменщики, хлебопеки, оружейники, словом, всякие рабочие». Эти отборные войска были снабжены всем необходимым, поэтому на них возлагались основные надежды. Наполеон говорил: «Нам придется действовать в скудной стране, которую, по всей вероятности, неприятель опустошит, — и мы должны быть готовы во всем обходиться собственными средствами».

Французская армия никогда ранее не брала с собой такого огромного запаса провианта, как на этот раз. Каждая часть обязана была иметь при себе 25 дневных рационов на каждого солдата! Следует отметить, что провиант сам следовал за войсками, представляя из себя огромные воловьи стада, что всегда могло обеспечить солдат свежей говядиной. В армии, которая двигалась в сторону России, насчитывалось 28 миллионов бутылок вина и 2 миллиона бутылок водки. Кроме этого, на реке Висле были устроены магазины в качестве резерва. А съестными припасами, оставленными в них, 400 человек могли прокормиться целый год. Хлеб в зерне и фураж для конницы должен был следовать за армией, так как поход предполагалось начать в июне, а разгар кампании, соответственно, должен был приходиться на время жатвы. Для того, чтобы перемалывать зерно в муку, были заказаны специальные ручные мельницы, которые имел при себе каждый полк. Казалось, все было предусмотрено для того, чтобы французские войска могли избежать той участи, которая, в конце концов, их постигла. Возможно, эти меры предосторожности и привели к тому, что, уже начиная с третьего месяца войны, французские солдаты питались кониной. Виной этому был не недостаток предусмотрительности, а его избыток, который привел к тому, что предприятие это фактически переросло границы технической осущест-

вимости для своего времени. И действительно, для одной перевозки провианта, не считая пороха, запасной амуниции и других грузов чисто военного предназначения, потребовалось около 6 тысяч повозок, до 10 тысяч погонщиков и около 20 тысяч лошадей и волов. Все это количество людей и животных, которые должны были заботиться о питании армии, сами потребляли огромное количество фуража и провианта. Для обоза это было необычайно трудно, так как он шел сзади основной армии, которая съедала и истребляла на своем пути практически все. Несмотря на то что весь фураж приходился на долю кавалерии, она постоянно страдала от его недостатка, артиллерии же доставалось еще меньше. Говорить про обоз просто не приходилось. Все это привело к тому, что лошади и волы падали тысячами. В результате войска постоянно недополучали фураж и продовольствие.

Фантастические размеры этого похода явились причиной его неудачи, но Наполеону деваться было некуда: ему приходилось количеством заменять качество. Если бы при нем были солдаты, которые сражались под его началом при Аустерлице, он ограничился бы на треть меньшим контингентом войск. Сейчас же под его командой были войска чуть ли не самого низкого уровня. Лишь в двух первых корпусах — Даву и Удино — находились старые французские войска, в которых были живы традиции революционных войн и первых войн империи, какие умели применять тактику войск, разбивших армии практически всех европейских государств. К ним можно было причислить лишь императорскую гвардию, да несколько дивизий отборной тяжелой кавалерии. Но и их полки частично были сформированы из солдат, абсолютно равнодушных к войне, которые временами откровенно ненавидели императора Наполеона. Даже в корпусе Даву был полк, сформированный из ганзейских немцев, которые почти все разбежались еще на территории Германии, когда войска еще не дошли до российской границы. Убежавших солдат невозможно было найти, так как население всячески помогало дезертирам. Даву вынужден был применять самые жестокие меры для того, чтобы страхом удерживать солдат в рядах своей армии: он расстреливал отставших от колонны за «намерение дезертировать», но даже это не помогало, и остатки полка при-

шло вести к русской границе под сильным конвоем французской пехоты и кавалерии.

В корпусе Удина был полк швейцарцев, в котором треть солдат болели: в армию их привели закованными в кандалы. Рекруты были страшно истощенные после подобного путешествия. В рядах императорской гвардии были испанцы, португальцы и голландцы, на которых также нельзя было положиться. Из испанских дезертиров впоследствии был сформирован целый партизанский отряд, который действовал против французов.

Начиная с третьего корпуса маршала Нея, количество союзных войск возрастало, а поэтому на эти войска можно было положиться еще меньше. У Нея была целая дивизия вюртембергцев, беспорядки и бесчинства творимые которыми постоянно отмечались в приказах по армии. Остальные корпуса почти целиком состояли из иностранцев, принудительно завербованных на французскую службу. Наиболее сильным из них считался четвертый корпус, состоящий из итальянцев, но те с большим трудом переносили климат средней полосы. Пятый корпус состоял из поляков, на которых Наполеон возлагал большие надежды. В остальных корпусах служили баварцы, саксонцы и вестфальцы, которые в своем буйстве и грабежах превзошли даже вюртембергцев. Наполеон прекрасно понимал, что 150 тыс. немцев, которые нехотя следовали за ним, представляют из себя весьма мало боеспособную армию. Их можно было использовать только в качестве подмоги — на самостоятельную роль они абсолютно не годились. Когда же они оказывались одни, то тут же терпели поражение, как баварцы на Двине и саксонцы на Волыни. Это приводило к тому, что более ценные войска приходилось отправлять им на выручку.

Но часто войска, состоящие из французов были далеко не лучше союзных, их слабость состояла в том, что они были переполнены рекрутами, которые с одной стороны, были абсолютно не приспособленными к воинской службе, особенно в условиях войны и к тому же принесли в ряды армии острое недовольство режимом империи Наполеона. Недовольство это к 1812 году все острее чувствовалось в самой Франции. Как получали рекрутов в армию, говорилось выше, тем не менее, как свидетельствовал маршал Ней, рекруты составляли подавляющее большинство во французских

полках, кроме первых трех корпусов и императорской гвардии. Все это привело к тому, что часто французские полки, как и союзные войска, представляли из себя абсолютно недееспособную массу отставших дезертиров и мародеров.

Массовый упадок дисциплины в войсках Наполеона являлся стихийным протестом против принуждения. «Большая армия» буквально таяла на глазах: за то время, пока войска прошли от Немана до Смоленска, армия потеряла около 80 тыс. человек, из которых убитыми и ранеными было не более 10 тыс. Под непосредственной командой Наполеона при Бородине границы находилась 280 тыс. человек, при Бородине он смог выставить лишь 140 тыс. Исходя из всего вышесказанного, можно утверждать, что время было для российских войск наилучшим союзником. Время стало действовать намного раньше, чем второй союзник, которым был климат.

Тогда как французская армия с каждым годом почти непрерывных войн все ухудшалась, постоянно пополняясь войсками союзников, которые были не активны, русская армия наоборот приобрела некоторые положительные боевые качества после участия в двух коалициях, в войне со Швецией и в шестилетней, почти безрезультатной войне с Турцией (1806 — 1812 гг.). Несмотря на то что российская армия не могла похвастаться особыми успехами, тем не менее это было уже не то войско, которое потерпело жестокое поражение под Аустерлицем. Кроме того, в ходе этих войн выдвинулся целый ряд офицеров и генералов, которые были хоть и не слишком талантливы, но во всяком случае обладали теперь определенным боевым опытом и с огромным трудом научили кое-чему доставшуюся им в наследство от царя Павла армию, предназначенную лишь для военных парадов.

Российская армия была мала по численности, так как содержать много войск России не позволяла весьма скудная казна. Обещанные же английские субсидии появились слишком поздно — уже в самом начале войны. Реальная помощь от Англии сказалась только в 1813 году.

Как уже говорилось выше, к началу боевых действий царь Александр имел на берегах Немана и Буга по спискам около двухсот тысяч человек. Реальная

численность войск, скорее всего, была немного меньше. Даже вместе с дунайской армией, которая подошла лишь в самом начале осени, российская армия была в полтора раза меньше армии Наполеона.

Необходимо было образовывать ополчение, вооружать простой народ. К радости царя дворяне охотно давали своих крестьян для дела борьбы с Наполеоном. Он с удовлетворением писал 18 июля адмиралу Чичагову, который был назначен командующим дунайской армией: «Последствия превзошли мои ожидания. Смоленск мне дал 15.000 чел., Москва — 80.000, Калуга — 23.000. Каждый час я ожидаю донесений из других губерний.» На самом же деле и на этот раз сказалась отрицательная черта царя Александра — рисовать все для себя в розовых красках. Все было далеко не так, как ему хотелось видеть. Вот что по поводу написал официальный историк Отечественной войны 1812 года Богданович: «Поспешность, с которой было составлено ополчение 1-го округа (в него входило 8 губерний, которые были расположены ближе других к театру военных действий — Московская, Тверская, Ярославская, Смоленская, Калужская, Тульская, Владимирская, Рязанская), не позволила им снарядить его надлежащим образом и дать ему достаточное военное обучение. Ратники большею частью были вооружены только пиками и рогатинами и обуты в лапти, что заставило употреблять их почти исключительно для оказания помощи раненым, либо ставить в третью шеренгу пехоты регулярных войск». Наиболее боееспособным оказалось ополчение петербургское (2-го округа), что доказывало: при некоторой подготовке народная армия могла превратиться из мечты в реальность. Петербургских ополченцев удалось обучить фронтным приемам всего за пять дней. Они за это короткое время достигли таких успехов, что английский военный агент, который наблюдал за обучением, сказал: ополченцы производят впечатление настоящей армии, «выросшей из земли». На наш взгляд в этом нет ничего удивительного: жизнь крестьян в России всегда была серой и непримечательной, а поэтому крестьяне воспринимали ополчение как какое-то разнообразие в своей беспроблемной тоскливой жизни. Смерть их не пугала.

Но значение ополченцев во время войны было не-

велико, так как в итоге оно составляло небольшой отряд, количеством 13 тысяч человек, и, тем самым, не могло оказать решающего влияния на ход боевых действий. Как всегда, основная тяжесть войны легла на плечи солдат регулярных войск: им незанялись опасными для противника лишь тогда, когда надо было гнать окончательно расстроенные боями, голодом и холодом войска. Вот как отзывался о них впоследствии генерал Ермолов: «Никто более казаков не рассуждает об опасности и едва ли кто смотрит на нее с большим ужасом».

Таким образом, российская армия была количественно значительно меньше армии Наполеона, но качественно лучше, чем когда-либо в предыдущие войны с французами. Но, несмотря на это, армия управлялась так же плохо, как всегда. Так как первоначальный план кампании был рассчитан на наступление, все запасные магазины были выдвинуты к самой границе, что в случае отступления неизбежно вело к их сдаче врагу, либо к уничтожению. Именно из-за этого армия все время войны содержалась исключительно населением губерний, где она велась, чем достигалось естественное опустошение страны, которого так боялся Наполеон. Все это, естественно, вело к мародерству и грабежам со стороны армии собственной страны. Царь Александр писал Барклаю-де-Толли 6 июля, через две недели после начала войны: «Я обогнал много бродяг, отставших от войны на целый переход, в самом отвратительном виде». Император требовал «прекратить эти беспорядки». В ответ на это требование Барклаю-де-Толли приказал расстреливать мародеров либо подозреваемых в мародерстве. Сам Барклай сомневался в действенности таких мер, а потому пошел на них просто по обычаю. Так оно было на самом деле — грабежи не прекратились. Грабили, начиная от самой Вильны, и до самой Москвы. Не грабить солдаты просто не могли, так как им нечего было есть.

Следует отметить, что не меньше, чем обыкновенные солдаты, грабили и высшие чины армии. Генерал Ермолов, который был начальником штаба первой армии, рассказывал впоследствии о многих случаях, очевидцем которых он был. Так при отступлении российской армии на северо-восток дорога на Петербург прикры-

валась одним из опорных пунктов — крепостью Динабург (совр. Двинск). Она, по словам генерала, «строилась около двух лет большим весьма иждивением: более 5.000 человек военных погребено при работах и в таком же или большем числе рассеяла смертность». Дело в том, что на самом деле крепости просто не существовало, и «надобно было расспрашивать, где она: линии оной даже не были означены». Генерал Ермолов заключает, что «все время, по-видимому, употреблено было, дабы дать правдоподобие расходам похищенной суммы». Этот чудовищный факт показывает масштабы воровства, которое было обычным явлением в армии. Но «крепость» эта строилась инженерными войсками, а приоритет в области воровства принадлежал интендантам, к радости которых армия вынуждена была отступать, и был отдан приказ уничтожить запасные магазины. По словам Ермолова, горели магазины, в которых не было ни одной четверти овса и ни одного пуда сена. Таким образом были скрыты масштабы колоссальных злоупотреблений.

После того, как рухнули все надежды на союз с поляками и стало известно про союз Франции с Австрией и Пруссией, в главном штабе российских войск царил полный хаос. Историк Богданович писал: «В то время, как Наполеон готовился вторгнуться в Россию, никто у нас не мог в точности определить — ни образа действий наших армий, ни направления, по которому следовало двигаться в случае отступления, ни конечного пункта, к коему довелось нам отступить».

Но полное отсутствие плана объяснялось не только этим. Существует мнение, что «скифская тактика» заманивания французской армии в глубь России была выбрана с самого начала, после того, как был отвергнут план вторжения в Польшу. В подтверждение этого историки цитировали отдельные фразы царя Александра и Барклаю-де-Толли, которые те сказали задолго до войны. Но тем не менее российская армия постоянно, на всем протяжении своего отступления от Вильно до Москвы пыталась дать французам решительное сражение. Главнокомандующий Барклай-де-Толли неоднократно заявлял о своей готовности к бою. Он заявлял это не только публично для поднятия боевого духа войск, но и в частных письмах. Однако император Александр постоянно упрекал Барклаю за отказ

от решающего сражения с французами под Смоленском, несмотря на то, что оборонительная тактика великолепно оправдалась, привела к полному моральному разложению французских войск. А поэтому, несмотря на то что царь грозился заманить Наполеона чуть ли не на Камчатку, отступление до Москвы было не результатом тонкого расчета, а следствием мощного удара, который российская армия получила от «Большой армии» Наполеона.

Как говорил генерал Ермолов «...средство отступления, единственное в положении вашем... слишком хорошо истолковано было превосходством сил неприятельских». Но куда отступать, никто не знал. Руководители российской армии, по-видимому, приняли план прусского генерала Фуля, который перешел на русскую службу. План состоял в устройстве системы оборонительных лагерей (что было в те годы последним словом военной стратегии) и разделением всей армии, которая без труда могла бы укрыться в лагере, на две части: одна удерживала неприятеля перед лагерем, а другая действовала ему в тыл, либо во фланг.

Как бы то ни было, но в план Фуля не входила растянутость войск вдоль всей западной границы на протяжении нескольких сот верст отдельными корпусами, которые после вынуждены были соединяться с огромным трудом перед самым авангардом французов, рискуя в любую минуту быть отрезанными и разбитыми. Так располагать войска имело бы смысл лишь в том случае, если бы предполагалось упорно защищать линию Немана. Но это, как известно, не входило ни в план Фуля, ни, скорее всего, в планы генерального штаба, так как Наполеон переправился через Неман без единого выстрела.

О плохой организации войск говорит такой факт. По плану Фуля предполагалось, чтобы вторая российская армия, направленная во фланг и тыл армий Наполеона, должна была обладать достаточной силой для ведения самостоятельных боевых действий. В то же время если первая армия, расположенная в лагере на Дриссе, насчитывала 110 — 120 тыс. человек, то вторая армия, которой командовал Багратион, имела в своем составе не более 40 тыс. человек. Такая армия была слабее даже двух наполеоновских корпусов, которых в его армии насчитывалось восемь. А поэтому этой армии не оставалось ничего другого, как поспешно отступать

в глубь России на соединение с первой армией. Такое положение вещей все бессмысливало план Фуля и объясняется скорее всего тем, что при первой армии находилась сам император Александр, и она призвана была прикрывать наступление армий Наполеона на Петербург, а поэтому сосредотачивала втрое большее количество войск, чем армия вторая. Как и раньше, придворные интересы возобладали над интересами военными.

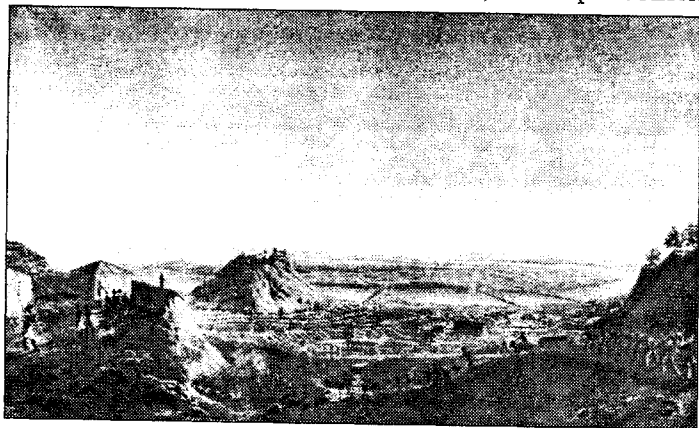
Как известно, захват Петербурга не входил в планы Наполеона, а поэтому подобное расположение войск не оправдало себя. Наполеон боялся двигаться на север, так как в этом случае его левый фланг оказался бы под ударом шведов и англичан, чей флот хозяйничал в Балтийском море. Захват российской столицы дал бы возможность Наполеону замкнуть кольцо континентальной блокады, но экономические ресурсы государства все равно оставались бы в руках царя, что позволило бы ему продолжать войну до бесконечности. Была еще одна причина: Наполеон стремился завершить войну как можно быстрее, потому что долго воевать в двух точках — в России и Испании — Франция была не в состоянии.

Все вышеуказанные причины предопределяли тактику войск Наполеона — нанести удар по экономическим центрам России, захватить в свои руки узел трех речных путей, что, при условии почти полного отсутствия сухопутных дорог в России, было необычайно важно. Кроме того, Наполеон стремился отрезать Петербург от губерний, снабжавших его хлебом, и царь Александр оказывался заблокированным в своей столице. Для достижения всех этих целей Наполеону достаточно было разбить основные силы русских и стать между реками Волгой и Окой. Наполеон стремился поднять французское знамя на башнях Кремля, что для него — большого любителя театральщины — было отнюдь немаловажно. Само по себе это было сродни походу к Египетским пирамидам... Наполеон не мог даже предположить, что разложение его войск пойдет так быстро, и до Москвы он дойдет лишь с обломками «Большой армии», что в самой древней российской столице он не найдет ничего, кроме развалин.

Известие о переходе французской армией границы застало царя Александра I врасплох. Информированность армии и двора была настолько слабой, что Александр

был уверен — основные силы Наполеона находятся еще под Варшавой, а на Немане стоят лишь передовые отряды. Именно поэтому в России кое-кто продолжал мечтать о наступлении даже накануне вторжения, отражение которого потребовало максимальной концентрации всех сил империи.

Несмотря на внешнее спокойствие, с которым Алек-

Переход французской армии через Неман 24 июня 1812 г.
Гравюра по рисунку Дж.П.Бажетти.

сандр принял известие, он оказался в полной растерянности. Александр еще наивно надеялся, что переход «Большой армией» Наполеона российской границы — всего только недоразумение, следствие случайной ошибки русского посла в Париже Куракина, который, без ведома и разрешения российского императорского правительства потребовал свой паспорт. Александр, надеясь выиграть хотя бы несколько дней для отступления своих армий, послал Наполеону письмо с описанием самовольных действий посла Куракина. Но Наполеон был слишком опытный военный, чтобы попасться на подобную уловку. Пусть не сразу, но он принял Балашова, с которым Александр отправил свое письмо, и даже удостоил того продолжительной беседы. Но все это время «Большая армия» продолжала двигаться безостановочно.

На помощь российским войскам сразу же пришел их основной союзник — климат: необычайно сильные ливни в одно мгновение превратили дорогу в почти

непроходимое болото. Лошади французской армии, которых кормили зелеными, скошенными на корню овсом и рожью, не выдержали тяжести перехода и падали тысячами — за несколько дней их погибло до десяти тысяч. Это привело к тому, что обозы безнадежно отстали, а солдаты стали голодать. Понятно, что они стали тут же грабить местное население, которое ушло в леса и, несмотря на все надежды, большой поддержки французы от него не получили.

Чтобы привлечь на свою сторону польских и белорусских землевладельцев, Наполеон, как известно, обещал восстановить Речь Посполитую в границах 1772 года взамен на поддержку своих военных планов. Это привело к тому, что накануне нашествия белорусская шляхта саботировала оборонительные приготовления царской администрации и сохранила, где возможно, магазины и склады до прихода войск французов.

В знак благодарности за поддержку в Вильно Наполеоном была создана комиссия временного правительства Великого княжества Литовского под руководством председателя первого департамента Минского главного суда Каминского. Минским губернатором стал аристократ Браниковский.

Но вскоре раннее административное деление была заменено новым на французский лад, а главные посты заняли французские военачальники и интенданты. Несмотря на это, поддержали Наполеона и магнаты, которые с собственными войсками отправились вместе с ним на Москву. Так, собрав два полка кавалерии, с французскими войсками вместе воевал последний из несвижской линии князей Радзивиллов Доминик Радзивилл. При отступлении французских войск он был ранен и умер от ран, а его родовое поместье — знаменитый Несвижский замок, в котором были сосредоточены несметные богатства, был разграблен российскими военачальниками.

Белорусские крестьяне ожидали, что Наполеон ликвидирует крепостное право, как он сделал в Европе. За это они также были готовы оказать французам всяческую поддержку. Но они так и не дождались облегчения своего положения. Все это привело к тому, что белорусская шляхта вскоре превратилась в исполнителя экзекуций, грабежей, выбивания недоимок из крестьян. В ответ на это белорусский народ вынужден был под-

няться на вооруженную борьбу против интервентов и их прислужников, чем содействовал разгрому французских войск.

Кроме этого, французские войска сильно путались в незнакомой стране, несмотря на то, что главный штаб французов обладал подробной картой официального русского издания. Она была размножена и передана в полки, но оказалась настолько плоха, что пользоваться ею было практически невозможно.

Первой русской армии удалось благополучно отойти в лагерь на Дриссе, причем это сделано было так быстро, что на несколько дней французы потеряли русские войска из виду. Правда при этом русским войскам пришлось бросить большую часть обозов. Тем не менее план Фуля фактически не срабатывал, так как вторая армия оказалась отрезанной от первой французскими войсками и о ней в Дриссе ничего не знали. В результате оставаться в Дриссе русским войскам не имело никакого смысла. Так как отступить для царя Александра было ниже его достоинства, он покинул армию и уехал в Москву воодушевлять население. Непопулярное отступление ради спасения армии взял на себя Барклай-де-Толли, который еще совсем недавно писал Багратиону, что он надеется на Бога, «который помилует нас от отступления», и назначил генеральное сражение под Свентянами (недалеко от Вильно).

Теперь, когда французам не удалось разбить русские армии на границе, у Наполеона было две главные задачи: во-первых, помешать дальнейшей концентрации русских войск, не допустив соединения Барклая-де-Толли и Багратиона; во-вторых, отрезать главные силы русских — первую армию Барклая — от южных и центральных губерний, заставив их отступить на северо-восток или даже восток. Первую задачу должен был выполнить корпус Даву, но ему сделать это не удалось, и он под Могилевом дал Багратиону опередить себя на целый переход. Этого было достаточно, чтобы русские армии соединились под Смоленском. И тогда Наполеону не оставалось ничего другого, как с удвоенной энергией взяться за выполнение второй задачи. И это ему едва не удалось, так как объединившись, оба русских командующих решили перейти от оборонительной тактики к наступательной.

Обе армии двинулись к северо-западу на Витебск, имея перед собой ясные цели. По-видимому, они хотели напасть на левое крыло «Большой армии», состоявшее из войск итальянцев, которые сильно отстали от главных сил.

Следует отметить, что на контрнаступление Барклая-де-Толли согласился крайне неохотно, а поэтому оно выполнялось медленно и неточно. Личные отношения между двумя командующими были весьма натянутыми. Впоследствии Барклай-де-Толли писал царю Александру: «Никогда главнокомандующий какой-либо армии не находился в столь неприятном положении, как я в сие время». Дело в том, что Багратион открыто обвинял Барклая в государственной измене. «Мы проданы, — писал он генералу Ермолову. — Я вижу, нас ведут на гибель». После этих слов он добавлял: «Я служил моему природному государю, а не Бонапарту».

Таким образом Барклай-де-Толли оказался между двух огней. С одной стороны, он опасался разгрома, который был бы неизбежным в случае столкновения с главными силами французов, а с другой стороны он боялся, что его ославят как изменника, либо поступят, как со Сперским. Это привело к тому, что Барклай вынужден был изображать активные боевые действия, пытаясь сохранить при этом армию, и постоянно оглядывался на Багратиона. Позже он признавался царю Александру: «Я должен был льстить его самолюбию и уступать ему в разных случаях против собственного удовольствия».

Пока все это происходило, французы успели перебросить основные силы «Большой армии» на левый берег Днепра и через Красное попытались охватить левое крыло соединенных русских армий, отрезая тем самым их от резервной армии Тормасова. В этой армии также насчитывалось около 40.000 человек, как и в армии Багратиона. Первоначально она предназначалась для прикрытия юго-западных губерний, а затем вместе с войсками, переброшенными с Дуная, она должна была действовать на сообщениях «Большой армии». В начале войны ей не удалось сыграть заметной роли в ходе боевых действий, так как действовала она против австрийцев и саксонцев, которым даже сам Наполеон отводил чисто демонстрационную роль.

Но наполеоновским маршалам не удалось успешно

провести задуманный императором маневр. Мюрат допустил ту же ошибку, что и Даву: он дал возможность отступить небольшому сторожевому отряду, который прикрывал левый фланг и позволил благодаря этому сконцентрировать необходимые силы для защиты Смоленска.

Бои под Смоленском, которые произошли 4 — 5 августа, были первым крупным сражением в войне 1812 года. Багратион и его сторонники очень хотели превратить их в решающее сражение (генеральную битву). Мюрат отчаянно пытался исправить свою ошибку, допущенную под Красным, но природные условия оставались на стороне русских. Кроме того, старая смоленская крепость, построенная еще при Борисе Годунове, смогла выполнить с честью свое предназначение и в начале XIX века. В течение двух дней французы обстреливали из артиллерии крепостные стены; применялись даже батарейные (тяжелые полевые) пушки. Но крепость выдержала. Требовались осадные орудия, которые были лишь в корпусе Макдональда, выступившего против Риги. Смоленск был взят лишь тогда, когда российские войска решили оставить его, когда обе армии отошли за Смоленск и оказались в безопасности. Это был несомненный успех, которым российские войска обязаны Барклаю-де-Толли. Таким образом он добился того, что и вторая задача, которую ставил перед собой Наполеон, не была выполнена. После этого французский император впервые заговорил со своими маршалами о возможности закончить кампанию 1812 года, не доходя до Москвы, расположившись на зиму под Смоленском. А через несколько дней после того, как он поговорил с пленным русским генералом Тучковым, Наполеон даже заявил, что больше не желает войны, а хочет закончить все подписанием мирного договора. По-видимому, Наполеон был даже готов пойти на уступки в своей политике континентальной блокады, сказав: «Мы уже довольно сожгли пороха, и довольно пролито крови; ведь когда женибудь надобно покончить! За что мы деремся?.. Вы хотите иметь сахар и кофе, вы будете иметь их». Об этом он просил пленного генерала донести до Александра посредством брата Тучкова, который был командиром корпуса.

Возможно, если бы это известие вовремя достигло Петербурга, ответ царя был бы положительным.

Но в то время все основные решения принимались задним числом из-за плохого сообщения. В это самое время, находясь под сильным впечатлением от удачного соединения армий, столичные патриоты требовали решительных действий. Они хотели немедленного перехода в наступление и смены главнокомандующего. Император Александр стоял перед принятием непростого решения:

он должен был снять Барклая-де-Толли, которого сам когда-то сделал военным министром и главнокомандующим, за что Барклай был ему беззаветно предан. Царь снова должен был принять решение, как в случае со Сперанским. Барклаю надо было менять. Но основная трудность в принятии подобного решения заключалась все же в том, что его не на кого было менять.

И царь вынужден был пойти на поводу у «патриотов». Он назначил главнокомандующим Кутузова, которого сам лично терпеть не мог еще со времен Аустерлица. Для придания видимости законности, было созвано особое совещание из высших военных чинов, некоторых министров и членов Государственного совета. Заседание произошло вечером после второго смоленского сражения 5 августа. На нем был заслушан и обсужден доклад Барклая-де-Толли о ходе боевых действий. После этого совещание «пришло к заключению» что необходимо назначить нового, единого главнокомандующего над всеми вооруженными силами России. Совет «принял решение» назначить таким человеком Кутузова. Для этого его за несколько дней до совещания возвели в княжеское достоинст-

Бюст М.И. Кутузова.
Скульптура 1813 г.

во, а поэтому весь Петербург уже знал, что главнокомандующим будет именно он.

Сам Кутузов не был в восторге от подобного назначения. Он понимал, что его назначают на этот пост потому лишь, что он русский по национальности. А поэтому, отправляясь в армию, он откровенно заявлял близким, что не надеется разбить Наполеона, но надеется его обмануть. Вот как написал об этом знаменитый русский историк М.Н.Покровский: «Первое очень скоро оправдалось в точности — второго пришлось ждать довольно долго. С новым главнокомандующим в армию явилось много новых лиц, которые начали с того, разумеется, что стали выживать старых руководителей и заводить новые порядки. Кутузов был слишком стар, чтобы положить конец этой грызне, вообще он оказался слишком стар для каких бы то ни было решительных действий и, по-видимому, помимо этого, слишком хорошо помнил Аустерлиц. Но если тогда его военные соображения были парализованы придворными расчетами, то теперь в дела вмешивался на каждом шагу другой элемент невоенного характера; давление дворянских «патриотов», уверенных, как и все предшественники этой разновидности во все времена, что неприятеля можно шапками закидать. Про себя Кутузов смотрел на дело, может быть, более пессимистически, чем нужно было; но ради удовлетворения общественного мнения он должен был казаться гораздо более дерзким, чем следовало. Результаты получались обратные тем, каких ожидали в Петербурге от перемены главнокомандующего. С назначением Кутузова — до конца кампании, в сущности — армия лишилась всякого центрального руководства. События развивались совершенно стихийным путем — и генеральное сражение, о котором мечтали «патриоты», но которое было нужно Наполеону, а никак не русским, застало нашу армию в самых невыгодных условиях, на позиции, крайне неудачно выбранной и еще хуже укрепленной. Она была неприступна с той стороны, откуда нам никто не угрожал, и настолько доступна со стороны, обращенной к неприятелю, что Наполеон, как известно, брал наши батареи кавалерийскими атаками. На этой позиции русская армия стояла, пассивно ожидая противника, — и фактически приняла сражение вместо того, чтобы его дать. Между тем, теперь шансы не были

так безнадежны, как в начале кампании. На 130.000 штыков и сабель Наполеона русские имели 105.000 (не считая ополчения и казаков): но почти 20.000 штыков гвардии Наполеон не пустил в дело и не расположен был пускать ни при каких условиях. При почти равном числе сражающихся мы имели крупный перевес в главном огнестрельном оружии эпохи, в артиллерии: у русских было 640 орудий против 587 французских, причем почти четверть наших орудий были батарейные, тогда как у Наполеона едва десятая часть; остальные по дальности и силе боя далеко уступали русским батарейным орудиям. Если прибавить к этому, что обычный маневр Наполеона — охват левого русского крыла — тактически также не удался под Бородином, как не удался он под Смоленском стратегически (господствующие над левым флангом высоты были своевременно заняты русскими, хотя и относительно слабыми силами, но достаточными, чтобы задержать обходное движение поляков и вестфальцев), и что самую сильную часть нашей позиции корпусам Даву и Нея пришлось брать в лоб, фронтальными атаками, — то придется признать, что результаты Бородинского боя были несравненно ниже того, на что позволяли надеяться имеющиеся в распоряжении Кутузова данные. Он достиг только того, что не был разбит наголову — при всех не весьма добросовестных усилиях его рапорта изобразить дело, как полупобеду, его нельзя было назвать даже нерешительным. К вечеру все наши позиции (левого крыла и центра; о правом не приходится говорить, так как французы вовсе его не атаковали) были в руках французов; неприятель имел двадцатитысячный совершенно нетронутый резерв, — тогда как из русских армий вторая не существовала вовсе, а первая была почти совершенно расстроена, потеряв до 40%, если не более. Вообще наши потери поражали свою непропорциональностью сравнительно с французскими; в то время, как более слабая артиллерией и все время наступавшая самым энергичным образом армия Наполеона потеряла только 28.000 человек, русские лишились не менее 44.000, в результате чего на второй день боя Наполеон оказался вдвое сильнее Кутузова, тогда как накануне он был сильнее всего на 25%. Причиной было крайне беспорядочное расположение наших войск, теснившихся без всякой ну-

жды на небольшом пространстве, так что неприятельские ядра могли бить все четыре линии наших корпусов вплоть до резервов.

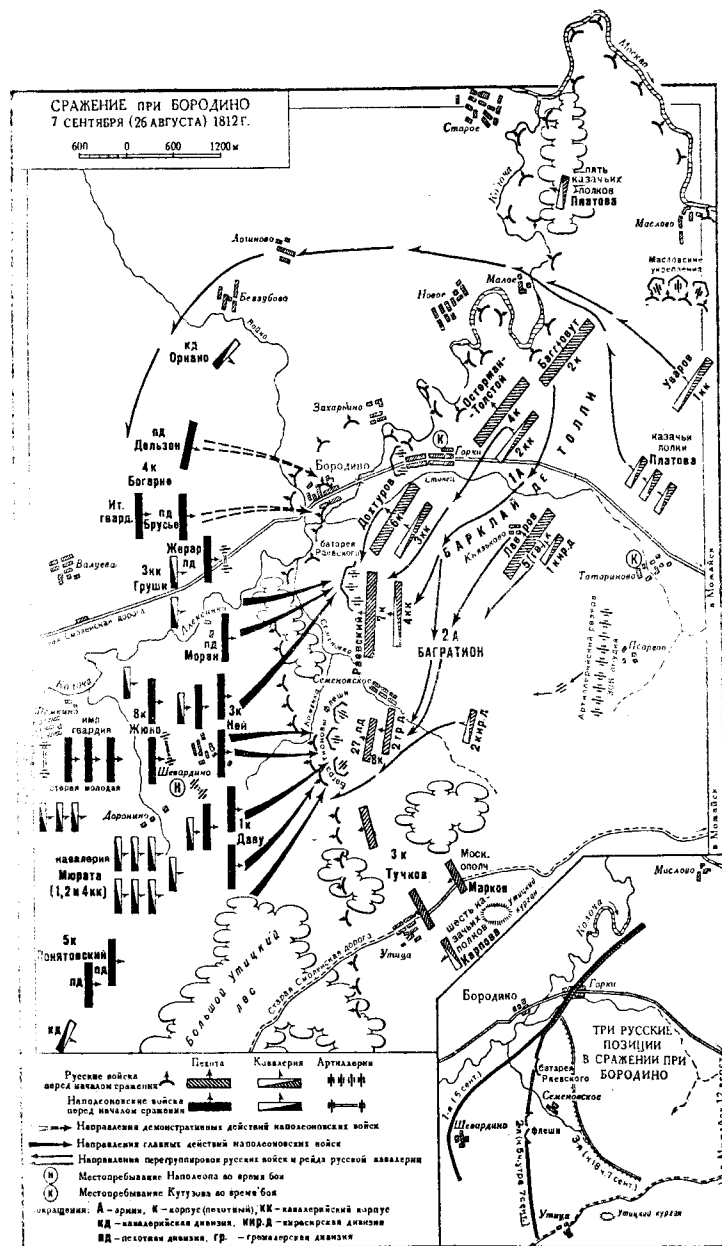
Бородинское сражение дало Наполеону без всякой необходимости — последний формальный успех: взятие Москвы. Если бы все атаки французов на Бородинском поле были отбиты, в чем не было, как мы сейчас могли видеть, ничего невероятного, «Большой армии» пришлось бы возвращаться к Смоленску и там располагаться на зимовку».

Забегая немного вперед, мы рассказали про те результаты, которые имелись после Бородинского сражения. А теперь расскажем о том, как оно происходило. Для этого обратимся к еще одному знаменитому историку Е.В.Тарле. Вот как он описывает эту одну из крупнейших битв своей эпохи: «Бородинская битва много раз приковывала к себе внимание и историков, и военных специалистов, и великих художников слова, и великих живописцев. Судьба наполеоновской империи переломилась не на Бородинском поле, а во время всего этого русского похода: Бородино было лишь одним из актов трагедии, но не всей трагедией. Даже и весь русский поход не был еще концом, а лишь началом пока далекого конца.»

Воображение современников и потомства всегда приковывалось к Бородинскому полю с его тысячами трупов, которых долгие месяцы никто не убирал.

Приблизился миг, которого Наполеон не переставал ожидать и о котором он не переставал мечтать еще в Дрездене, а потом на Немане, в Вильне, в Витебске, в Смоленске, в Вязьме, в Гжатске. Подойдя теперь к месту, где суждено было разразиться одному из самых страшных побоищ, какие только были до тех пор в истории человечества, Наполеон имел в своем непосредственном распоряжении в три с половиной раза (приблизительно) меньше сил, чем в первый момент своего вторжения в Россию.

Болезни и трудности похода, дезертирство, мародерство, необходимость подкреплять далекие фланги и тылы на рижском и петербургском направлениях, с одной стороны, и на юге против войска, идущего из Турции, — с другой, необходимость обеспечить все более и более серьезно обеспечивать гарнизонами колоссальную линию сообщений от Немана до Шевардина — все это

страшно уменьшило «Великую армию». Наполеон в момент, когда он подошел к Шевардинскому редуту, имел 135 тыс. солдат и артиллерию в 587 пушек. У русских было 103 тыс. регулярных войск и 640 орудий, 7 тыс. казаков и около 10 тыс. ратников ополчения. Русская артиллерия качественно не уступала французской, а количественно превосходила ее. Слишком много пало лошадей у Наполеона, и далеко не все пушки он мог подтянуть от Могилева, Витебска и Смоленска к Московской дороге.

Во время Бородинского сражения ставка Наполеона находилась в деревне Валуево.

Наполеон был совершенно уверен в победе, и начало дела только укрепило его уверенность. 5 сентября он приказал атаковать Шевардинский редут. Мюрат отбросил часть русской кавалерии, а генерал Компан после артиллерийской подготовки с пятью пехотными полками пошел штурмом на Шевардино и после упорного пштыкового боя взял редут. Французы с удивлением рассказывали поздно вечером, что русские канониры не бежали, хотя имели эту возможность, когда атакующие ворвались в редут, а упорно сражались и были переколоты на месте. На рассвете 6 сентября Наполеон сел на лошадь и почти не слезал с нее весь день. Он боялся, что русские, стоявшие в нескольких километрах от Шевардина, уйдут после падения своего редута. Но его опасения были напрасны: Кутузов стоял на прежних позициях. Император так боялся нового отступления русских без генерального боя, что только потому и отверг предложение Даву обойти с левого фланга русскую армию крупными силами (со стороны Утицы), так как этот маневр мог спугнуть Кутузова, и тот мог уйти.

После Смоленска и окончательного решения не растягивать войну на два года, а кончить в один год, главной, непосредственной целью для Наполеона было войти в Москву и из Москвы предложить царю мириться. Но, как ни жаждал Наполеон овладеть Москвой, он ни за что не хотел получить ее без боя: истребление русской армии, т.е. генеральная битва под Москвой, — вот чего нужно было достичь какой угодно ценой, а не гоняться за Кутузовым, если тот вздумает уйти за Москву, к Владимиру, или к Рязани, или еще дальше. Оттого-то Барклай и Кутузов и не хотели сражения,

что Наполеон его очень хотел. Но Барклай теперь молчал, обязанный после Царева-Займища беспрекословно обвиняться Кутузову, а Кутузов тоже молчал, не имея сил взять на себя страшную ответственность и уйти без боя, бросить Москву на произвол судьбы, хотя и спасая этим армию.

Наполеон в течение всего этого дня 6 сентября, следовавшего за взятием Шевардинского редута, не начинал битвы. Он приказал дать солдатам основательно отдохнуть, выдать усиленные рационы, составлял и детализировал планы действий на следующий день, уточнял индивидуальные приказы маршалам и генералам, толпой сопровождавшим императора в его разъездах. И он сам, и они, и простые солдаты постоянно поглядывали в сторону видневшегося вдаль русского расположения: не ушел ли Кутузов. Но все было неподвижно: русские войска оставались на месте.

Наполеон был простужен, но в течение всего этого хлопотливого дня не показывал ни малейших признаков утомления.

Наступила ночь. Армия улеглась рано, так как было известно, что бой начнется на рассвете. Наполеон почти не ложился, несмотря на физическое и умственное напряжение в течение всего дня. Он скрывал свое волнение, но на этот раз ему это плохо удавалось; он разговаривал с адъютантами, но они видели, что он не слушает их. Он все выходил из палатки посмотреть, горят ли огни в русском лагере. Солнце едва встало, как Наполеон дал приказ двинуться на русских, и вице-король Италии Евгений Богарне со своим корпусом бросился согласно императорской диспозиции на деревню Бородино, на левом фланге. Даву, Ней, Мюрат один за другим устремились со своими корпусами на Багратионовы флеши у села Семеновского в центре. Раздался такой оглушительный и уже не прекращающийся грохот артиллерии с обеих сторон, что даже люди, побывавшие под Эйлау и под Ваграмом, ничего подобного не слыхали.

В течение всего этого долгого еще теплого сентябрьского дня Наполеон, судя по свидетельству очевидцев, пережил смену двух настроений. На рассвете, когда солнце только начинало всплывать над линией горизонта, он весело воскликнул: «Вот солнце Аустерлица!» И это настроение длилось все утро. Казалось, русских

начинают постепенно и неуклонно выбивать из их позиций. Но и в эти часы первого, могущественного натиска французов, в ставку, откуда император наблюдал битву, уже начали поступать довольно тревожные известия, перемежаясь с радостными и победоносными. Так, императору уже в ранние утренние часы доложили, что один из его лучших генералов, командир 106-го линейного полка Плезонн, ворвался со своим полком в деревню Бородино, выбил оттуда русских егерей, которые совершенно истребили часть его полка, убив Плезонна и многих офицеров. Правда, подоспела помощь, и французы заняли Бородино. Но обстоятельства гибели Плезонна показывали, что русские дерутся в этот день ожесточенно. Затем примчался адъютант с известием, что наступление маршала Даву развивается успешно, но за ним — другой, сообщивший, что лучшая дивизия корпуса Даву, дивизия генерала Компана, попала под страшный огонь, что Компан ранен, его офицеры ранены или перебиты, что сам маршал Даву, спешивший на помощь, штурмовал русские батареи, обстреливавшие Компана, взял их, и опять русские канониры (как за два дня до того в Шевардине) были перебиты на своих пушках, так как стреляли до последней минуты, и одно из ядер убило лошадь под маршалом Даву, а сам маршал контужен и упал без сознания.

Не успел император выслушать и отдать новые приказания, как ему доложили, что маршал Ней ворвался с тремя дивизиями во флешу, защищаемые русскими гренадерами, и хотя удерживает эти Багратионовы флешу, но русские не перестают яростно атаковать. Новый адъютант принес известие, что дивизия Неверовского выбила Нею. Спустя некоторое время Ней восстановил положение, но князь Багратион продолжал на этом участке отчаяннейшую борьбу. Одна из важнейших флешей, взятая было французами (генералом Резу), подверглась яростной штыковой атаке, причем французы были выбиты с огромными потерями. Мюрат в конце концов отбил эту флешу с новыми огромными потерями.

Наполеону доносили настойчиво и из разных пунктов, что потери русских гораздо больше, чем французов, что русские не сдаются, а гибнут до последнего человека в тех контратаках, которыми они стремятся

восстановить положение. Чтобы развернуть действия кавалерии, приходилось брать со страшными усилиями небольшие возвышенности и неровности, пересекающие почти посередине огромное поле сражения. И эти естественные препятствия дорого стоили французам. Корпус Раевского, неся огромные потери, причинил Нею и Мюрату такой урон, что оба маршала подтягивали сюда буквально все части, какие только могли подтянуть. Семеновский овраг и местность у оврага несколько раз переходили из рук в руки. Наконец маршалы отправили адъютантов к Наполеону просить подкрепления; они ручались за выигрыш сражения, если вовремя взять у Багратиона Семеновский овраг и Семеновское.

Наполеон отправил им на помощь одну дивизию, но отказался дать больше. Он видел по ожесточению боя, что Ней и Мюрат ошибаются и что русские корпуса, по их мнению готовые уйти с поля, не уйдут, а французские резервы будут истрачены до наступления решающего момента. А решающий момент все не наступал. Днем дивизия генерала Морана взяла штурмом батарею Раевского, расположенную между Бородино и Семеновским, но русские части штыковым натиском выбили французов и снова заняли эту батарею. Потери русских были огромны, но батарея была отнята у Морана, а сам Моран пал на поле битвы.

Известие о том, что русские снова овладели большой батареей, Наполеон получил почти одновременно с другим: именно, что Багратион делает отчаянные усилия вырвать у Нея и Мюрата три флешу, которыми они овладели с таким трудом.

Страшный бой против Багратиона завязался из-за Семеновских флешей. В течение нескольких часов флешу несколько раз переходили из рук в руки. На одном этом участке гремело больше 700 орудий — 400 выдвинутых тут по приказу Наполеона и более 300 с русской стороны. И русские и французы вступали тут неоднократно в рукопашный бой, и сцепившаяся масса обстреливалась иногда картечью без разбора, так как не успевали вовремя уточнить обстановку.

Маршалы, пережившие этот день, с восторгом говорили до конца своей жизни о поведении русских солдат у Семеновских флешей. Французы не уступали им. Именно тут раздался предсмертный крик Багратиона

навстречу французским гренадерам, под градом картечи бежавшим в атаку со штыками наперевес, не отстреливаясь: «Браво! Браво!» Спустя несколько минут сам князь Багратион, по мнению Наполеона, самый лучший генерал русской армии, пал смертельно раненный и под градом пуль с трудом был унесен с Бородинского поля.

Была середина дня. Настроение Наполеона быстро и окончательно изменилось. Дело было не в простуде, на чем так настаивали его старые биографы, а в том, что он, получив повторную и настоятельную просьбу Нея и Мюрата прислать им подкрепления, дать, наконец, гвардию, не видел возможности сделать это не только потому, как он тогда сказал, что не может рисковать гвардией в нескольких тысячах километров от Франции, но и по другой важнейшей причине: русская кавалерия, и в том числе казаки под начальством Уварова и Платова, произвела внезапно с целью диверсии нападение на обозы и на ту дивизию, которая еще утром участвовала во взятии деревни Бородино. Русская конница была отогнана, но эта попытка окончательно сделала невозможным пустить в бой всю гвардию: создалось чувство необеспеченности в глубоком расположении французских войск. В три часа дня Наполеон приказал повести снова атаку на батарею Раевского. Редут был взят французами после повторных ужасающих штурмов. Наполеон лучше всех своих маршалов мог взвесить и оценить страшные потери, известия о которых стекались к нему отовсюду.

День склонялся к вечеру, когда император узнал важные вести: князь Багратион пал, пораженный насмерть, оба Тучкова убиты, корпус Раевского почти истреблен, русские, отчаянно обороняясь, отходят наконец от Семеновского. Наполеон приблизился к Семеновскому. В один голос все, кто к нему подъезжал и с ним говорил, передают, что они просто не узнавали императора. Угрюмый, молчаливый, глядя на горы трупов людей и лошадей, он не отвечал на настоятельные вопросы, на которые никто, кроме него, не мог ответить. Его впервые наблюдали в состоянии какой-то мрачной апатии и как будто нерешительности.

Уже совсем стемнело, когда по отступавшим медленно и в полном порядке русским войскам начали палить около 300 выдвинутых французских орудий. Но

ожидаемого окончательного эффекта это не произвело: солдаты падали, а бегства не было. «Им еще хочется, дайте им еще», — в таких выражениях Наполеон отдавал приказ вечером усилить огонь. Русские отходили, но отстреливались. Так застала ночь обе стороны.

Когда Кутузову представили ночью первые подсчеты и когда он увидел, что половина русской армии истреблена в этот день, 7 сентября он категорически решил спасти другую половину и отдать Москву без нового боя. Это не помешало ему провозгласить, что Бородино было победой, хотя он и был удручен. Победа моральная была бесспорно.

За отступающими российскими войсками неотступно следовал корпус маршала Мюрата. Уже 9-го сентября французские войска захватили Можайск, а 10-го принц Евгений — вице-король Италии, — вошел в Рузу.

Утром 13 сентября Наполеон со всей своей свитой въехал на Поклонную гору. Перед ним лежала Москва.

В течение всего дня 14-го сентября российская армия непрерывным потоком проходила через Москву, выходя на Коломенскую и Рязанскую дороги.

Наполеон не знал, что на совете в Филях было решено отдать Москву без боя. Милорадович, который командовал русским арьергардом, добился обещания от Мюрата дать возможность русским войскам спокойно пройти через город.

15 сентября Наполеон въехал в Кремль. Отовсюду виднелось зарево пожаров. 16-го пожары усилились, а в ночь на 17-ое загорелся Кремль. «Какое страшное зрелище! Это они сами поджигают... Какая решимость! Какие люди! Это — скифы!» — произнес Наполеон, с ужасом наблюдая за океаном огня, который чуть не стоил жизни ему самому.

Маршалам с трудом удалось убедить императора покинуть пылающий город и перебраться в загородный Петровский дворец. Впоследствии один из сопровождавших Наполеона сказал: «Мы шли по огненной земле под огненным небом, между стен из огня».

Насчет пожара Наполеон не ошибался. Для того, чтобы лишить французов возможности зимовать в Москве, по предписанию генерал-губернатора Ростопчина

полиция сожгла город. Об этом свидетельствует историк Богданович. Согласно его сведениям, подобный план имелся у Ростопчина еще за несколько недель до самих трагических событий. Кроме того, чтобы пожар мог успешно разгораться, из города заранее были вывезены все пожарные трубы. Кроме этого, губернатор отдал непосредственное распоряжение полицейским приставам, которые часто даже сами принимали участие в поджогах.

То, что Москва была оставлена жителями, мягко говоря, не соответствует истине. Да в те годы так никто и не утверждал. Как говорил Кутузов, в Москве не осталось «ни одного дворянина». Все остальные сословия в расчет не шли. Именно поэтому и прибегли к помощи полиции, которая помогла жителям города поднять их «патриотические чувства». Из-за этой акции тысячи и тысячи жителей Москвы остались накануне суровой зимы без крова и средств к существованию. Отсюда и, по словам генерала Ермолова, «оскорбительное равнодушие столицы к бедственному состоянию солдат».

Тем не менее военная цель благодаря этому пожару была достигнута: «Большой армии» зимовать было негде. Среди разрухи и пожарищ не было никакой возможности поддерживать дисциплину в войсках, моральное разложение которых началось еще до начала всей кампании. Даже старая гвардия поддалась общему настроению: в присутствии самого императора войска вели себя так, что поведение это необходимо было отмечать приказами по войскам. О подчинении непосредственным командирам не стоит даже говорить — они не могли совладать с анархией в переутомленных походах частях. Хуже всех вели себя союзники: вспомогательные войска после вступления в сожженную Москву окончательно превратились в банду мародеров.

Мародерство мгновенно породило в самом городе и его окрестностях то, что не смогли сделать царские воззвания и манифесты — народную войну. Крестьянство вооружалось чем попало, чтобы защититься от разбойников в солдатских мушкетерах. Об этом замечает и генерал Ермолов в своих записках: «Если бы вместо зверства, злодейств и насилий неприятель употребил кроткое с поселянами обращение, и к тому же не пожалел денег, то армия (французская) не толь-

ко не подверглась бы бедствиям ужаснейшего голода, но и вооружение жителей или совсем не имело бы места, или было бы не столь общее и не столь пагубное». На почве массового вооружения крестьян развилась партизанская война, подобная той, с которой французы безуспешно боролись в Испании. Несмотря на то что российские партизаны были разрозненны, малочисленны и не провели ни одного крупного сражения, тем не менее им удалось достичь основной цели — фуражировки и реквизиции стали невозможны. А они были единственным средством прокормиться в стране, где французская армия не имела запасных магазинов. Небольшие отряды фуражиров истреблялись уже на расстоянии всего десяти верст от основной армии. Приходилось посылать за фуражом пехоту с пушками, но и это слабо помогало. А между тем совсем недалеко от Смоленской дороги, по которой шли французские войска, оставалась масса нетронутых деревень, где потом успешно кормились российские войска, которые преследовали Наполеона.

Быстрое разложение «Большой армии» привело к тому, что Наполеон почти две недели, заняв Москву, не предпринимал какой-либо рекогносцировки, а поэтому даже не знал, куда увел армию Кутузов. Это дало время российскому командованию более-менее восстановить дисциплину в рядах своей армии, которая начала ухудшаться еще под Смоленском, и особенно после того, как была оставлена Москва. Сторожевая служба находилась на таком низком уровне, что однажды не замеченные никем два эскадрона французской кавалерии чуть не взяли в плен начальника российского арьергарда Милорадовича, когда незаметно подъехали к дому, в котором он ночевал. В другой раз в хвосте колонн оказалась пехота с батареей артиллерии, а конница, которая должна была прикрывать их отход, ушла далеко вперед.

Именно в это время из Петербурга была послана войскам присяга для младших чинов, в которой были слова: «... не отлучаться от команды и не грабить». Но в армии посчитали за лучшее умолчать о ее тексте и ограничились лишь приказом по армии.

Положение Наполеона в Москве становилось весьма неприятным, что сам император прекрасно понимал. Он просто не знал, что ему делать дальше. Ведь Кутузов

мог отступать хоть до Сибири, а у Наполеона совсем не осталось лошадей, которые уже падали не тысячами, а десятками тысяч. Кроме того, могущество его «Большой армии», как уже упоминалось выше, сильно подорвала огромная протяженность коммуникационной линии, которая к тому же была обеспечена весьма слабо. Подорвало силы армии и занятие выжженной, лишенной средств к существованию Москвы. Не мог забыть Наполеон и огромные потери в Бородинской битве, которую он впоследствии назвал самым страшным из всех данных им сражений. Кроме этого, все указывало на то, что противник собирался вести борьбу не на жизнь, а на смерть.

Наполеон принял решение дать понять царю Александру, что он согласен на самый почетный и безобидный для русских мир. Уже 18 сентября из Москвы выехал чиновник Воспитательного дома с рапортом. Наполеон просил передать просьбу царю Александру о мире. Ответа он не получил. Наполеон сделал еще одну попытку, послав письмо с Яковлевым — отцом А.И.Герцена. Но и на этот раз он не получил ответа.

И тогда Наполеон предпринял последнюю попытку. Вот что об этом пишет Е.В.Тарле: «4 октября он послал в лагерь Кутузова, в село Тарутино, маркиза Лористона, бывшего послом в России перед самой войной. Наполеон хотел, собственно, послать генерала Коленкура, тоже бывшего послом в России еще до Лористона, но Коленкур настойчиво советовал Наполеону этого не делать, сказав, что такая попытка укажет русским на неуверенность французской армии. Наполеон раздражался, как всегда, когда чувствовал справедливость аргументации спорящего с ним; да и очень он уж отвык от спорщиков. Лористон повторял аргументы Коленкура, но император оборвал разговор прямым приказом: «Мне нужен мир; лишь бы честь была спасена. Немедленно отправляйтесь в русский лагерь».

Приезд Лористона на русские форпосты вызвал целую бурю в главной квартире Кутузова. Кутузов хотел выехать на форпосты для беседы с Лористоном. Но уже тут обнаружилось, что в Кутузвском штабе есть русские патриоты, гораздо более пылкие, чем он сам, и несравненно более оскорбленные потерей Москвы. Это были английский официальный агент при русской армии Вильсон, бежавший из Рейнского союза

граф Винценгероде, герцог Вюртембергский, герцог Ольденбургский и ряд других иностранцев, ревниво следящих за каждым шагом Кутузова. К ним присоединился я ненавидевший Кутузова Беннигсен, в свое время донесший царю, что вовсе не было надобности сдавать Москву без нового боя. От имени русского народа и русской армии (представляемой в данном случае вышеупомянутыми лицами) Вильсон явился к Кутузову и в очень резких выражениях заявил главнокомандующему, что армия откажется повиноваться ему, Кутузову, если он после выехать на форпосты говорить с глазу на глаз с Лористоном. Кутузов выслушал это заявление и изменил свое решение. Кутузов принял Лористона в штабе, отказался вести с ним переговоры о мире или перемирии и только обещал довести предложение Наполеона до сведения Александра. Царь не ответил. У Наполеона оставалось еще другое средство: поднять в России крестьянскую революцию. Но на это он не решился. Да и совершенно невозможно было ждать, что, беспощадно подавляя французской военной силой не то что попытки восстания, а малейшие признаки неповиновения крестьян помещичьей власти в Литве, Наполеон вдруг явится освободителем русских крестьян.

Лютое беспокойство овладело верхами дворянства после занятия Москвы Наполеоном, и Александру доносили, что не только среди крестьян идут слухи о свободе, что уже и среди солдат поговаривают, будто Александр сам тайно просил Наполеона войти в Россию и освободить крестьян, потому, очевидно, что сам царь боится помещиков. А в Петербурге уже поговаривали (и за это был даже отдан под суд некий Шебалкин), что Наполеон — сын Екатерины II и идет отнять у Александра свою законную всероссийскую корону, после чего и освободит крестьян. Что в 1812 г. происходил ряд крестьянских волнений против помещиков, и волнений местами серьезных, — мы это знаем из документов.

Наполеон некоторое время явственно колебался. То вдруг приказывал искать в московском архиве сведения о Пугачеве (их не успели найти), то окружающие императора делали наброски манифеста к крестьянству, то он сам писал Евгению Богарне, что хорошо бы вызвать восстание крестьян, то спрашивал владелицу

магазина в Москве французенку Обер-Шальме, что она думает об освобождении крестьян, то вовсе переставал об этом говорить, начиная спрашивать о татарах и казаках.

Наполеон все-таки приказал доложить ему об истории пугачевского движения. Эти мысли о Пугачеве показывают, что он очень реально представлял себе возможные последствия своего решительного выступления в качестве освободителя крестьян.

Если чего и боялись стихийно, «нутром», русские дворяне, то не столько континентальной блокады, сколько именно потрясения крепостного права в случае победы Наполеона, причем они могли мыслить это потрясение или так, как им подсказывал пример Штейна и Гарденберга в Пруссии (после иенского разгрома Прусской монархии), т.е. в виде реформы «сверху» уже после заключения мира, что тоже было для них совсем неприемлемо, или в виде новой грандиозной пугачевщины, вызванной Наполеоном во время войны в форме всенародного крестьянского восстания, стремящегося открытым, революционным путем низвергнуть рабство.

Наполеон не захотел даже приступить к началу реализации последнего плана. Для императора новой, буржуазной Европы мужицкая революция оказалась неприемлемой даже в борьбе против феодально-абсолютистской монархии, и даже в такой момент, когда эта революция являлась для него единственным шансом возможной победы».

На мир с Наполеоном никто не шел, но для того чтобы привести армию в порядок, необходимо было перемирие на несколько недель. Оно соблюдалось безо всякой договоренности и длилось с 20 сентября, когда русские войска вступили в Тарутинский лагерь, и до 6-го октября. Из военных действий в эти недели совершались только набеги партизан, регулярные же армии находились в бездействии. Начальники авангардов войск Мюрат и Милорадович ездили друг к другу в гости.

Наполеон окончательно убедился в том, что не оправдались его надежды на богатые московские запасы. В этом нет ничего удивительного, так как французам было просто тяжело себе представить то полунатуральное хозяйство, которым жила средняя полоса России. Впервые за все войны французские войска заняли город,

который был населен исключительно потребителями и где производители составляли ничтожно малый процент населения. Пока из города не разъехались все потребители — дворяне со своими слугами — в город со всех сторон везли продукты. Как только потребители уехали, город превратился в настоящую пустыню, где еду было найти практически невозможно. Только к концу пятой недели, перед тем как покинуть сожженную столицу, французы понемногу стали осваиваться со средневековыми, в их представлении, порядками. Стали выпускаться прокламации, которые призывали крестьян свозить товары на рынок. В листовках гарантировалась неприкосновенность как товарам, так и самим продавцам. Но попытка «Большой армии» самой выступить в качестве потребителя потерпела неудачу, так как окрестные деревни были уже опустошены, а в дальних началась партизанская война.

Д.В.Давыдов.
Рисунок А.Орловского.

Наполеону становилось еще яснее, чем в первый день занятия Москвы, что необходимо ее оставить и перебраться со всей армией на зимовку поближе к западной границе. Но не ясно было, как осуществить двадцать переходов, необходимых для того, чтобы дойти до Смоленска, ведь на обратном пути Наполеон не позаботился устроить ни одного магазина — в надежде на огромные московские запасы.

Французскому штабу было известно о существовании старой дороги на Смоленск, которая вела через Боровск, Малоярославец и Медынь. Был отдан приказ топографам исследовать этот район, и они попали в абсолютно не-

тронутый войной край, в котором можно было прокормить войско местными средствами.

В то же время французам удалось бы охватить левый фланг войск Кутузова и в случае удачи — отбросить его на юго-восток, войдя клином между главной армией и резервной армией Тормасова в соединении с дунайской армией адмирала Чичагова. Одновременно с этим только что прибывший из Франции свежий корпус маршала Виктора должен был отбросить к Петербургу армию Витгенштейна, которая продвигалась на юг, тесня корпус маршала Удино и баварцев, стоявших вдоль Двины и охранявших левый фланг «Большой армии» Наполеона. Таким образом было бы разорвано кольцо, в которое хотели взять французские войска, а Наполеон получил бы возможность бить русских по частям.

О таком возможном развитии событий, по-видимому, — догадывались в ставке Кутузова, а поэтому войска пришли в движение одновременно. Перед самым выступлением французских войск из Москвы, армия Кутузова вышла из тарутинского лагеря и атаковала авангардные войска маршала Мюрата. Сражение произошло на реке Чернишне 6 октября. Это была самая бесполовая битва за всю кампанию. Но так как в ней участвовали все силы русских (около 95 тыс. человек) против 15.000 французам — российские войска одержали победу, Кутузов собственноручно представил это сражение в донесении царю Александру, сравнил его с «учебным маневром, с рачением приготовленным».

Это успешное сражение привело к тому, что российские войска начали наступление. Продвигаясь на север, русская кавалерия вышла на ту дорогу, по которой должны были двигаться главные силы французам. Вскоре произошло столкновение. Благодаря захваченным в плен, российскому командованию стало известно, что уже пять дней, как «Большая армия» покинула Москву. Несмотря на то что войска Наполеона двигались быстрее, Кутузов был предупрежден заранее.

Противники встретились при Малоарославце. У Наполеона было 70.000 человек и поэтому он оказался почти на треть слабее Кутузова. Кроме этого, у него было вдвое меньше орудий. Наполеон решил сражения не принимать и вынужден был отступить на прежнюю дорогу, в сторону Можайска.

Под Малоарославцем произошел коренной перелом

в ходе войны. Наполеон начал отступать. Теперь, не имея достаточно продовольствия и фуража, французские войска вынуждены были бежать.

Разложение армии шло с катастрофической скоростью. Количество конницы у французам сократилось до четырех тысяч человек, корпус вестфальцев, который шел первым и находился дальше всех от противника, потерял за два дня отставшими до 8% личного состава.

Кольцо, которое надеялся прорвать Наполеон, стягивалось все сильнее. Но в самый последний момент французским войскам все же удалось прорваться, благодаря, скорее всего, российским генералам. Прежде всего Кутузов все еще продолжал видеть перед собой своего победителя при Аустерлице и никак не мог поверить в то, что теперь он гораздо сильнее Наполеона. В доказательство этого можно привести тот факт, что под Малоарославцем Кутузов успел отдать приказ об отступлении перед тем, как узнал, что отступают французам. Когда же произошло сражение под Вязмой, Кутузов мог привести на поле сражения всю армию, но не сделал этого, оставив сражаться лишь передовые отряды, для того чтобы потери были намного меньше в случае поражения. И даже когда Наполеон оставил Смоленск, что само по себе доказывало его слабость, Кутузов так и не отважился напасть на французскую гвардию и лишь добивал отставшие корпуса.

Такая нерешительность Кутузова привела к тому, что он даже не успел к сражению на реке Березине, которое произошло во время переправы наполеоновской армии и в котором она была разгромлена окончательно, потеряв 29 тыс. человек и весь обоз. Лишь авангардные части войск Кутузова были свидетелями этого сражения, но не участвовали в нем. Здесь против Наполеона сражались корпуса Витгенштейна и Чичагова. Отношения этих двух генералов напоминали отношения Барклай-де-Толли и Багратиона: никто из них не желал сближаться друг с другом, особенно Витгенштейн, который опасался попасть под начало Чичагова. Кроме этого, он, как и Кутузов, все еще побаивался остатков «Большой армии» и теснил стоявшие перед ним корпуса маршалов Удино и Виктора лишь для того, чтобы показать свое участие в битве.

Вся тяжесть, следовательно, в этом сражении пала

на Дунайскую армию адмирала Чичагова, который перед этим сильно разбросал свои войска, а поэтому сумел подтянуть к Березинской переправе лишь 22.000 человек. Против него Наполеон мог выставить до 40.000 тысяч солдат, которые находились в строю, не считая тех, кто отстал, и безоружных. Все эти причины, а самая главная — нерешительность — привели к тому, что не был и близко выполнен составленный еще в августе царем Александром план пленения французской армии. В руки русских не попал ни один маршал, ни один батальон гвардии, не говоря уже о самом Наполеоне.

Спустя несколько дней после поражения на Березине, Наполеон оставил в Сморгони свою армию, а сам выехал в Вильно. Здесь он узнал о попытке республиканского переворота, которую предпринял 23 октября генерал Мале в Париже. Пользуясь отсутствием Наполеона, Мале распространил слух о гибели императора в России и пытался провозгласить новое правительство. Его вовремя схватили и расстреляли, но тем не менее событие это сильно встревожило Наполеона.

Оставив в Вильно командовать остатками армии маршала Мюрата, Наполеон поспешил во Францию.

Маршалы, оставшиеся одни, попытались подтянуть к Вильно оставшие гарнизоны и организовать сопротивление, но это им не удалось. Разбитые окончательно остатки французской армии вынуждены были отойти назад к границе. Они переправились через Неман в середине декабря 1812 года.

Кутузов считал войну законченной уже после того, как остатки войск Наполеона оставили Вильно. Он написал в своем донесении: «Война закончилась за полным истреблением неприятеля... Неприятель очистил все границы. Надо заметить, что Карл XII вошел в Россию с 40.000 солдат, а вывел обратно 8.000. Наполеон вошел с 480.000, а вывел только 20.000, оставил нам не менее 150.000 пленных и 850 пушек».

И действительно, казаки пленили огромное количество полужамерзших солдат вместе с обозом и артиллерией. Но следует признать, что погибли во время отступления в основном недавние рекруты и «союзники». Основной костяк «Большой армии» французам удалось сохранить. Эти войска и послужили впоследствии ядром при создании новой армии, с помощью

которой Наполеон смог сражаться еще в 1813 и 1814 годах.

Главные потери от холодов французская армия понесла на переходах между Березиной и Вильной. В Вильне в строю у Наполеона было лишь 4.300 штыков и сабель, остальные пришли полностью безоружными. Тем не менее в общей сложности, не считая ав-

Разгромленная наполеоновская армия в Вильно.
Рисунок начала XIX в.

стрийцев, пруссаков и саксонцев, которые действовали отдельно, через границу обратно перешло не 20.000, как указывал Кутузов, а 42.000 наполеоновских войск.

Российская армия также была сильно изнурена походом. Она также жестоко пострадала от морозов, а поэтому потери у русских были почти такими же, как и у французов. Так армия Кутузова, когда выступала из Тарутина, насчитывала 95.000 человек, а на границе имела всего 27.000, армии Чичагова — не более 10.000. Кутузов был прав, посчитав, что война окончилась. Для проведения новой кампании требовалось создавать новую армию. Но, возможно, из-за его нерешительности и возникла потребность в проведении этой новой кампании.

КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ НАПОЛЕОНА

Несмотря на возражения Кутузова, который считал, что война для России закончилась, победили сторонники продолжения войны, которых поддержал и царь Александр I. Это привело к тому, что вслед за отступавшими остатками «Большой армии» русские войска в декабре 1812 года также перешли Неман. Через три месяца после этого 28 апреля 1813 года Кутузов умер в Бунцлау.

Поражение французских войск в России послужило толчком к национально-освободительному движению во всей Европе. Первой восстала против французского господства Пруссия. Еще в декабре 1812 года генерал Иорк, который командовал прусскими войсками в составе наполеоновской армии, заключил без санкции прусского короля соглашение с российским командованием о прекращении военных действий. Разгневанный Фридрих-Вильгельм III, который боялся Наполеона, предал Иорка суду, но тот не подчинился. В Пруссии стали создаваться партизанские отряды, которые сражались против французов. Особенно известен был отряд под командованием капитана Лютцова. Призывали немецкий народ к освободительной войне поэты Кернер и Арндт, композитор Вебер. Ранее существовавшее тайное патриотическое общество «Тугендбунд» пополнилось тысячами новых членов, а поэтому еще активней стало призывать народ на борьбу против Наполеона. Восточно-прусский ландтаг (парламент), который собрался в Кенигсберге в феврале 1813 года, постановил призвать под ружье ландвер и ландштурм — ополчения первой и второй очереди.

Все эти события убедили короля и его окружение в том, что если они не присоединятся к национально-освободительному движению своего народа и не возглавят его, то монархия может быть низвергнута. Это подвигнуло Фридриха-Вильгельма III на решительные действия. 28 февраля 1813 года был заключен союз между Пруссией и Россией, направленный против наполеоновской Франции. Теперь, когда национально-освободительное движение охватило почти всю страну, Фридрих-Вильгельм обратился к народу с воззванием, в котором призвал население страны свергнуть гнет французских завоевателей и обещал, хоть и неопре-

деленно, провести после окончания войны обширные реформы, вплоть до введения конституции.

На самом деле ни Фридрих-Вильгельм III, ни российский царь Александр I не преследовали освободительных целей и меньше всего собирались предоставить народам Европы свободу. Они собирались уничтожить империю Наполеона и извлечь из этого политическую и территориальную выгоду для себя. Так царь Александр добивался присоединения к России Великого герцогства Варшавского, а Фридрих-Вильгельм намеревался расширить владения Пруссии за счет земель Саксонского королевства и других германских государств. Накануне решающих боев с Наполеоном, в момент наивысшего подъема национально-освободительного движения народов Европы против французского господства, что играло на руку Александру I и Фридриху-Вильгельму III, монархи государств антифранцузской коалиции старались использовать это движение в своих интересах.

Антифранцузская коалиция носила весьма противоречивый характер, как, впрочем и любая другая. Каждая страна, принимавшая в ней участие, стремилась достичь каких-то своих интересов, и до тех пор, пока эти интересы совпадали, коалиция была крепкой и сплоченной. На этот раз главной задачей всех монархических государств было уничтожение буржуазной империи Наполеона, который одним махом, благодаря своим завоеваниям, уничтожил в Европе старые средневековые порядки и вывел ее на новый, прогрессивный этап развития.

Но побежденные ждали реванша. В этом их поддерживала и Британская буржуазия, которая совсем не была заинтересована в том, чтобы у нее стали возникать на материке конкуренты.

После того, как Наполеон вернулся в конце декабря 1812 года в Париж, он немедленно приступил к созданию новой армии. Он, не считаясь ни с чем, стал черпать из Франции и вассальных государств, которые были и без того ослаблены предыдущей войной, людские ресурсы, продовольствие, боеприпасы, оружие и деньги. Наполеон торопился нанести удар по российской и прусской армиям до того, как они получат подкрепления, пока еще германские государства, входящие в Рейнский союз, сохраняли ему верность. Австрию Наполеон надеялся нейтрализовать.

В самый короткий срок Наполеону удалось собрать 300 тыс. солдат. Это были все, кого он смог поставить под ружье.

Теперь соотношение сил было явно в пользу противников Наполеона. Против Франции образовалась новая, шестая по счету коалиция, в состав которой вошли Россия, Пруссия, Англия и Швеция.

Битва под Лейпцигом.
Гравюра по рисунку Т.А.Клейна.

Военные действия начались весной 1813 года на территории Саксонии. Уже в мае месяце Наполеон нанес войскам союзников два поражения — при Лютцене и при Бауцене. В начале лета при посредничестве Австрии между воюющими сторонами было заключено перемирие, но переговоры, которые начались после этого, не привели к положительным результатам. Они и не могли иметь успех, так как обе враждующие стороны лишь стремились выиграть время. Наполеон на уступки идти не собирался, ибо все еще был уверен в своих силах.

После окончания сроков перемирия, в августе вновь возобновились военные действия. На этот раз к коалиции примкнула и Австрия. Теперь армии союзников насчитывали в общей сложности более миллиона человек. Положение Наполеона усложнялось с каждым днем.

Тем не менее в конце лета и начала осени военные действия велись с переменным успехом, хотя чувствовалось, что положение французской армии становится все более и более затруднительным, так как в тылу французов действовали многочисленные партизанские отряды, а в городах происходили постоянные волнения. Все более ненадежными становились войска государств Рейнского союза, которые входили в состав армии Наполеона. Они бросали оружие, отказывались воевать против своих соотечественников. Вскоре Бавария открыто разорвала свои отношения с Наполеоном и примкнула к коалиции.

Решающее сражение между войсками императора Наполеона и армиями союзников произошло 16 — 19 октября 1813 года под Лейпцигом. В нем участвовало свыше полумиллиона солдат с обеих сторон, оно отличалось крайней жесточечностью и кровопролитностью. В истории оно получило название «Битва народов».

В самом начале сражения армия Наполеона насчитывала 155 тыс. человек, против которых стояли войска Пруссии и Австрии общей численностью 220 тыс. человек. Но 17 октября в бой вступила 110-тысячная армия союзников, в которую в основном входили шведские и российские войска.

18 октября сражение достигло наивысшего напряжения. В самый разгар боя корпус саксонских войск, которые сражались на стороне Наполеона, в полном своем составе перешел на сторону союзников, что окончательно решило исход сражения. Войска Наполеона вынуждены были спешно отступать. В начале декабря последние части разбитой французской армии перешли Рейн.

После поражения под Лейпцигом французы были вынуждены окончательно уйти из Германии. Распалась Рейнская конфедерация, и все государства, входившие в нее, по примеру Баварии перешли на сторону союзников. Вскоре пришлось родному брату Наполеона — Жерому — бежать из прекратившего свое существование Вестфальского королевства.

Рухнуло французское господство в Голландии и других европейских государствах. В Испании объединенные силы повстанцев и английских войск под командованием Веллингтона нанесли поражение французской армии

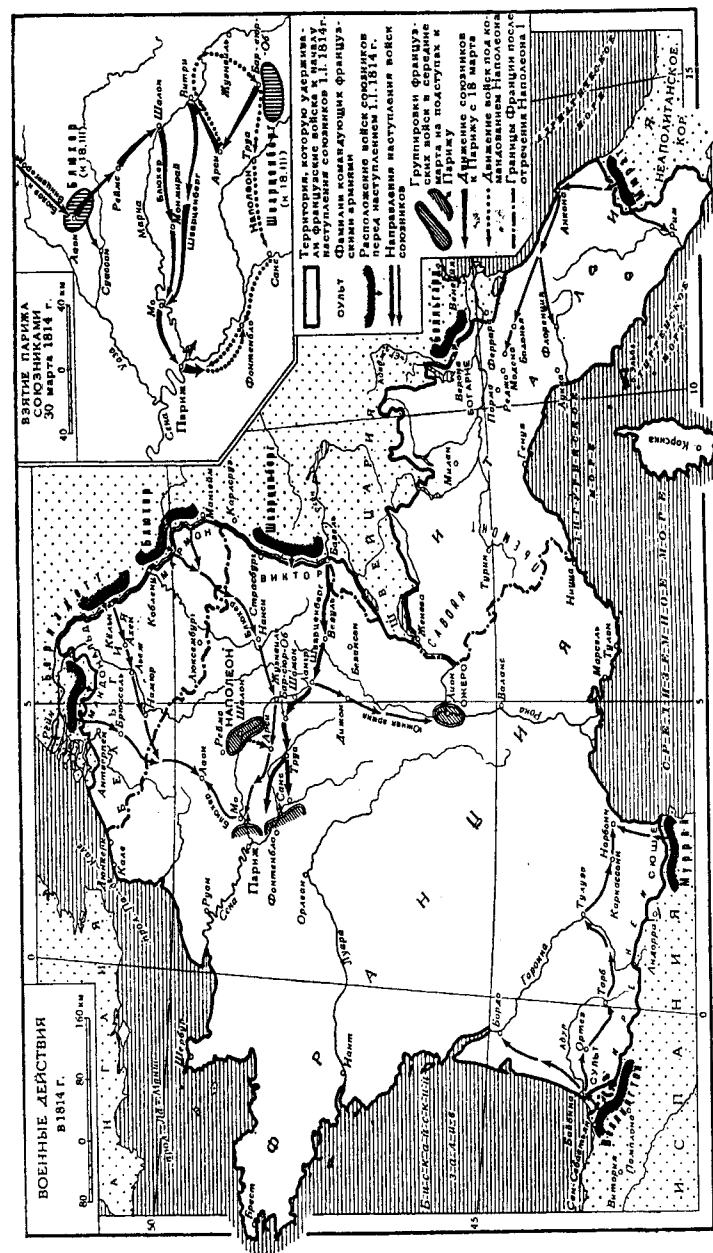
при Виттории еще в июне 1813 года. Французы вынуждены были оставить Испанию. Лишь в Италии освободительная борьба тянулась вплоть до 1814 года.

ОТРЕЧЕНИЕ НАПОЛЕОНА. РЕСТАВРАЦИЯ БУРБОНОВ

В октябре 1813 года армия Веллингтона, которая насчитывала 70.000 человек, перешла Пиренейские горы и вторглась на территорию Франции. В начале 1814 года его примеру последовали основные армии союзников. Впервые с 1793 года неприятель находился на территории Франции. Но на этот раз каждому было ясно, что исход борьбы предрешен.

Франция значительно ослабла за годы бесконечных войн, которые истощили людские и материальные ресурсы страны. Континентальная блокада, на какую возлагал большие надежды Наполеон, не привела к капитуляции Англии, но зато нанесла большой вред самой Франции, обороты внешней торговли которой значительно сократились. Кроме того, вследствие неурожая 1811 — 1812 гг. иссякли запасы продовольствия в стране. Усугубляли положение и непрерывные рекрутские наборы, которые вели к нехватке рабочих рук в сельском хозяйстве. Большие затраты на проведение войн вели к непрерывному росту налогов. В конце же 1813 года правительство Наполеона снова повысило прямые и косвенные налоги, ввело дополнительный налог на земельных собственников, домовладельцев и держателей торгово-промышленных патентов. Вместе с этим удвоили подушную подать, увеличили соляной и другие косвенные налоги. В январе 1814 года был издан декрет, который установил дополнительный сбор в размере 50 сантимов с каждого франка поземельного налога и опять увеличил подушную подать, а также другие налоги. Все это вызвало волну недовольства в стране.

В некоторых городах и провинциях вспыхнули мятежи. Зимой произошли волнения среди плебейского населения в Париже, Джоне, Марселе и других городах. Для того, чтобы провести наборы в армию в 1813 — 1814 гг. приходилось прибегать и жандармским облавам, так как призывники повсеместно укрывались от мобилизации. Например, в ноябре 1813 года

было призвано в армию 300 тыс. человек, а под ружье удалось поставить только 63 тысячи.

Войска коалиции, которые вступили на территорию Франции, в пять раз превосходили по численности французскую армию. Тем не менее Наполеону удалось на некоторое время затянуть войну и даже нанести союзникам ряд поражений. Это можно объяснить тем, что он теперь воевал на своей территории, а население Франции при всем недовольстве режимом Наполеона выступало против иноземной интервенции. Крестьяне же, опасаясь, что союзники пришли для того, чтобы восстановить монархию, стали объединяться в партизанские отряды, которые активно помогали регулярной армии.

Но силы были слишком неравными. В конце марта 1814 года войска союзников подошли к Парижу и 31 марта вступили в столицу Франции. Тут же воспрянули духом сторонники реставрации монархии в самой Франции (имеется в виду династия Бурбонов). Много бывших сторонников Наполеона перекинулось теперь на сторону роялистов. Так по предложению бывшего министра иностранных дел Талейрана Сенат постановил низложить Наполеона и провозгласил новым королем Франции брата Людовика XVI, казненного в 1793 г., Людовика XVIII.

Наполеон был вынужден отречься от престола, после чего был сослан на остров Эльбу, который ему предоставили в пожизненное владение.

В мае 1814 года был заключен мирный договор, по которому Франция лишалась всех завоеванных территорий, которые она захватила в конце XVIII — начале XIX в. Отныне ее границы устанавливались в основном в соответствии с границами 1792 г.

В октябре 1814 года в столице Австрии городе Вене открылся конгресс представителей всех европейских государств, которому предстояло перекроить политическую карту Европы.

Как уже не раз говорилось выше, Бурбоны были ненавистны подавляющему большинству населения Франции, а поэтому реставрация их правления происходила под защитой штыков войск союзных государств, которые входили в антифранцузскую-антинаполеоновскую коалицию. Во Францию из эмиграции стали возвращаться дворяне, которые ненавидели революцию и все ее завоевания.

По настоянию союзных государств и в первую очередь российского императора Александра I, а также тех политических деятелей из самой Франции, которые понимали, что невозможно уже вернуть Францию назад к феодально-абсолютистским порядкам, Людовик XVIII был вынужден обнародовать хартию (конституцию). Согласно ей во Франции устанавливался режим

Людовик XVIII — игрушка в руках европейских монархов.
Французская карикатура начала XIX в.

конституционной монархии, но избирательное право фактически было сохранено лишь для узкого круга самых богатых людей в государстве, число которых примерно равнялось 12 — 15 тыс. человек. Людовик XVIII также вынужден был признать изменения в землевладении, которые были произведены за годы революции и империи Наполеона, а также согласился с упразднением сословных привилегий. Таким образом был достигнут компромисс между дворянством и крупной буржуазией.

Однако так называемые ультрароялисты, которых возглавлял брат короля граф д'Артуа, и которые объединяли наиболее реакционно настроенных дворян, вели себя так, будто во Франции вовсе не произошла революция четверть века назад. Поэтому вскоре о Бурбонах стали говорить, как сказал Талейран, что «они ничего не забыли и ничему не научились».

Аристократы были озлоблены и стремились к одному — к мести. Они ненавидели все новое и стре-

милось вернуть страну к дореволюционному режиму. Бывшие эмигранты абсолютно серьезно обсуждали вопрос о возвращении прежним собственникам земельных владений, которые были конфискованы у них после революции. Крестьян снова собирались обложить феодальными повинностями, ввести церковную десятину.

«СТО ДНЕЙ»

Находясь на острове Эльба, низложенный император продолжал внимательно следить за тем, что происходит во Франции. Он прекрасно понимал, какую тревогу и ненависть вызывают приготовления дворян в кругах буржуазии, среди крестьянства и в армии. Дворяне пытались отбросить Францию далеко назад в ее экономическом и политическом развитии, из современного государства превратить ее в отсталую феодальную страну.

Кроме того, Наполеон знал о том, что на Венском конгрессе возникли разногласия между Россией и Пруссией, с одной стороны, и Австрией и Англией — с другой, что привело к развалу коалиции. Исходя из всего этого, Наполеон решил, что его рано еще списывать со счетов. 1 марта 1815 года он высадился на южном берегу Франции с небольшим отрядом в тысячу человек и с шестью пушками. Через три недели он, не произведя ни одного выстрела, во главе многочисленной армии, которую выслали против него, но которая в полном составе перешла на его сторону, с триумфом вступил в Париж. Людовик XVIII и его многочисленный двор едва успели бежать за границу. Та легкость, с которой Наполеону удалось, совершив бескровный поход, снова захватить власть в стране, объясняется той безмерной ненавистью широких масс населения, к Бурбонам и к дворянам-роялистам.

Подобное развитие событий во Франции испугало союзников, которые не желали восстановления империи Наполеона. Этот страх заставил забыть о разногласиях. Союзники снова готовы были выступить единым фронтом против общего врага. Образовалась новая, седьмая по счету, антифранцузская коалиция европейских

монархий, которую вновь возглавила буржуазно-аристократическая Англия. Коалиция выставила огромную объединенную армию численностью до миллиона человек. В распоряжении у Наполеона было только 275 тыс. человек. Силы были слишком неравными.

У Наполеона оставался единственный шанс на успех — поднять на борьбу народную Францию. Как он написал одному из своих маршалов, необходимо было «снова надеть сапоги 1793 г.» Но, как оказалось, на такой поворот событий Наполеон, который был тесно связан с крупной буржуазией, пойти оказался не в состоянии. Это доказал «дополнительный акт к конституции империи», который был утвержден 1 июня. Несмотря на то что он предусматривал восстановление всеобщего избирательного права, он в то же время вводил «наследственное царство», по образцу английских лордов. Подобный шаг оттолкнул от Наполеона демократические круги внутри страны.

Наполеон сделал государствам коалиции предложение о мире, но оно было отвергнуто. Тогда Наполеон решил, пока не подошли главные силы союзников, разгромить английскую и прусскую армии, которые были расположены в Бельгии.

18 июня 1815 года при Ватерлоо (недалеко от Брюсселя) армия Наполеона вступила в бой с английскими войсками под командованием Веллингтона. Победа была уже близка, и Наполеон надеялся, что ему удастся разгромить английскую и прусскую армии в отдельности. Но в самый разгар битвы на помощь Веллингтону подоспел корпус прусских войск под командованием Блюхера. Это решило исход сражения. Армия Наполеона была разбита, он потерял свою гвардию. Войска союзников снова вторглись на территорию Франции и захватили Париж.

После поражения при Ватерлоо Наполеон снова вынужден был отречься от престола, что произошло 22 июня 1815 года. Он хотел уехать в Америку, но английская эскадра, которая осуществляла блокаду берегов Франции, остановила его корабли, и Наполеон был вынужден сдаться англичанам. Следует отметить, что, когда он поднимался на борт английского корабля, весь экипаж выстроился на палубе для приветствия. Противники отдавали французскому императору почести, как великому полководцу.

Так закончились «Сто дней» вторичного правления Наполеона. Английское правительство с согласия союзных держав отправило его в ссылку на остров св.Елены, где Наполеон умер 6 мая 1821 года. По словам присутствовавших при его смерти, последними словами императора были: «Франция... армия... авангард...»

В заключение приведем еще одну цитату из Е.В.Тар-

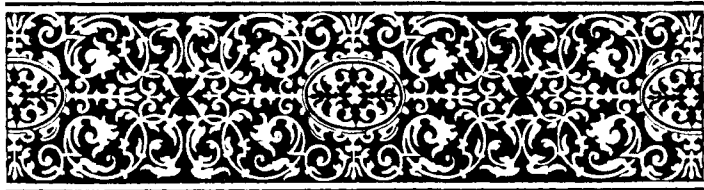

Битва при Ватерлоо.
Гравюра С.Фримена по рисунку У.Г.Брукса.

ле: «...мировая империя рухнула, длительное существование было суждено лишь делам Наполеона, которые обусловлены и подготовлены были еще до его воцарения детерминирующими, глубокими социально-экономическими причинами. А в памяти человечества навсегда остался образ, который в психологии одних перекликался с образами Аттилы, Тамерлана и Чингисхана, в душе других — с тенями Александра Македонского и Юлия Цезаря, но который по мере роста исторических исследований все более и более выясняется в его неповторяемом своеобразии и поразительной индивидуальной сложности».

ЧАСТЬ II

РЕВОЛЮЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ 20 — 40-х гг. XIX ВЕКА

ГЛАВА I

РЕАКЦИЯ В ЕВРОПЕ ПОСЛЕ КРУШЕНИЯ ИМПЕРИИ НАПОЛЕОНА

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС

Ожесточенная борьба европейских монархий против империи Наполеона закончилась поражением Франции. Государства коалиции стремились извлечь для себя из этой победы как можно больше выгоды. Это привело к тому, что после крушения империи Наполеона, за годы существования которой практически на всей территории Европы были установлены прогрессивные капиталистические отношения, наметился откат к старым феодальным порядкам, на полтора десятка лет европейские государства были подвержены дворянско-монархической реакции.

Правящая верхушка феодально-абсолютистских монархий пыталась задержать прогрессивное развитие общества, стремилась восстановить феодальные порядки, уничтоженные французской революцией и всеми последующими событиями.

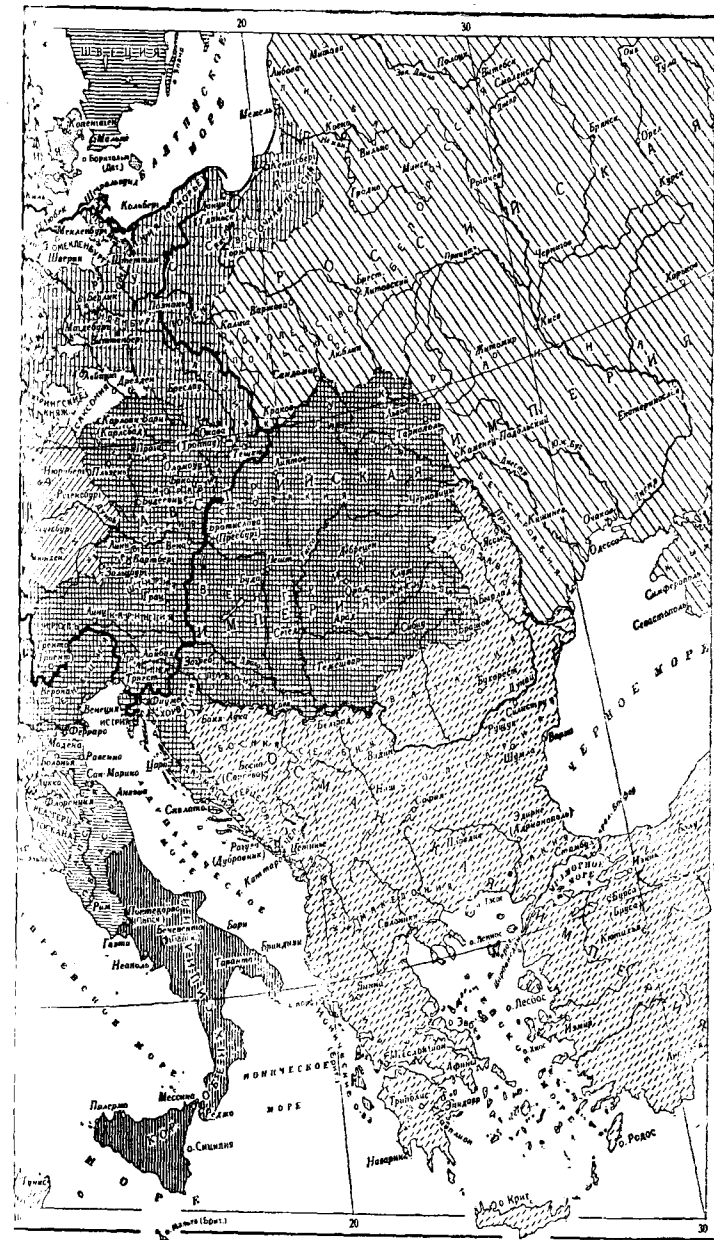
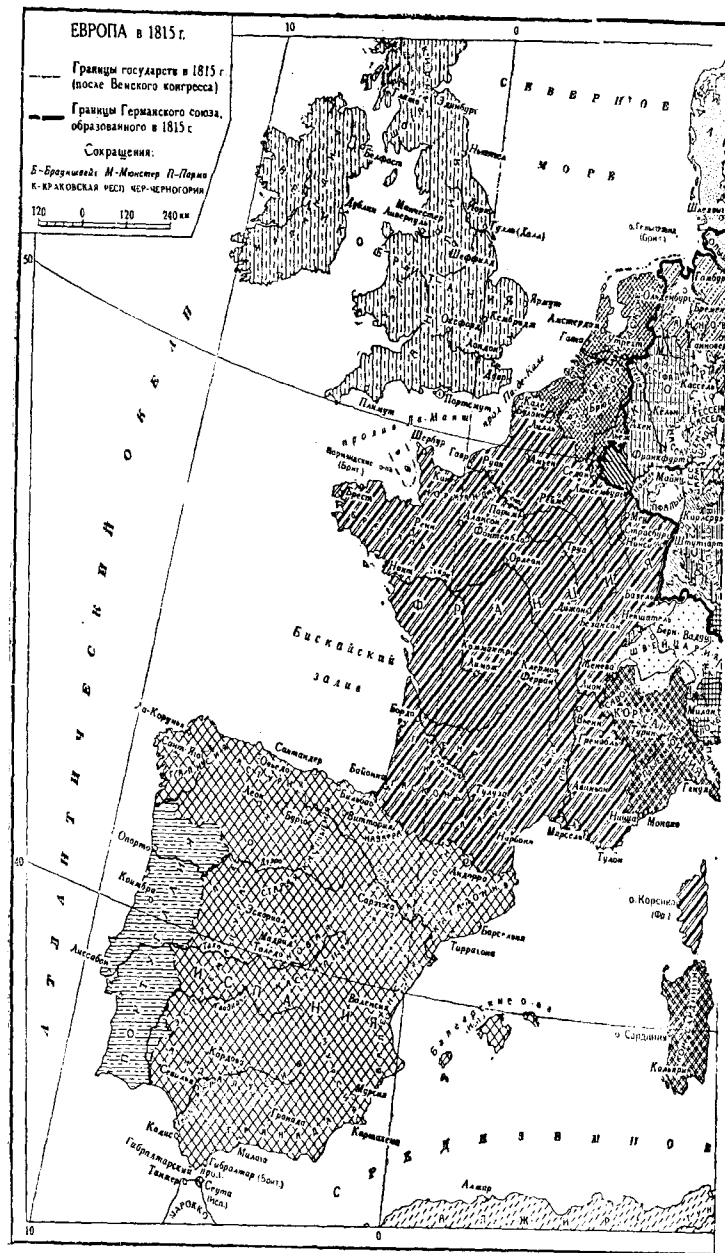
Но за годы существования империи Наполеона в обществе произошли существенные изменения, и ре-

акционные попытки феодалов встречали решительное противодействие со стороны социальных слоев, возникших при развитии капиталистического общества, — с каждым годом сила этого противодействия возрастала.

После победы над Наполеоном победители сгорали от нетерпения перекроить карту Европы, стремясь уничтожить все изменения, внесенные Наполеоном, и извлечь при этом максимальную выгоду для себя. С этой целью, в октябре 1814 г. в Вене был созван конгресс представителей европейских государств. Он работал до июня 1815 г.

Вопрос о разделе территорий был единственным, который после победы над Францией связывал государства коалиции. После падения Парижа цель коалиции была достигнута, поэтому она неизбежно должна была распасться. Распад назрел гораздо раньше, когда англичане хотели начать мирные переговоры с Наполеоном на Рейне, т.к. стало ясно, что французская армия не собирается сдаваться и будет сражаться до конца. Именно тогда в главной квартире коалиции представитель англичан лорд Кэстлри уговаривал российского императора Александра I вступить в переговоры с Наполеоном. Он ссылался на инструкции, полученные от английского парламента, добавляя при этом, что коалиция все равно распадется. Австрийские войска крайне неохотно продвигались по территории Франции и вошли в Париж, увлеченные туда русскими и прусскими войсками буквально силой. Единственный из всех предводителей коалиции царь Александр I настаивал на низложении Наполеона. Сильные расхождения во внешней политике государства коалиции чуть не привели к войне между ними. Для спасения коалиции необходимо было найти общие интересы монархических правительств в их внутренней политике. Общие внешнеполитические задачи государств коалиции были сформулированы сразу при ее образовании в августе 1813 г.: во-первых, разрушение империи Наполеона и «освобождение около 32 млн. итальянцев, швейцарцев, голландцев и немцев из-под французского ига» и, во-вторых, образование из «угнетенных» наций, не имеющих своих «законных государей», законных государств, которые должны были стать вознаграждением для победителей. Все государства коалиции стремились к тому, чтобы сама Франция вернулась в прежнее состояние,

т.е. к уничтожению последствий революции в общественном и территориальном отношениях. Франция должна была стать тем государством, которым она была до 1 января 1792 г.

Ведущую роль в Венском конгрессе играл российский император Александр I, а также канцлер австрийской империи Меттерних, английский министр иностран-

Венский конгресс.
Гравюра Ж. Годфруа по рисунку Ж. Б. Изабе.

ных дел лорд Кэстлри, министр иностранных дел Пруссии Гарденберг и французский министр иностранных дел Талейран. Постоянно враждующая между собой и ведя торговлю друг с другом, они шаг за шагом определяли основные решения конгресса.

Учредители конгресса ставили перед собой главную цель — ликвидация политических изменений и преобразований, которые произошли в Европе в результате французской революции и наполеоновских войн. Руководители конгресса всячески отстаивали принцип «легитимизма» (восстановления «законных» прав прежних монархов, которые утратили свои владения).

Все латиноамериканские колонии Испании — Венесуэла, Перу, Боливия, Чили, Ла-Плата и Аргентина, а также Мексика, которая вскоре присоединилась к ним — восстали против своего государя, стремясь стать республиками. Из принципа «легитимизма» следовало, что бунтовщиков необходимо усмирить и восстановить

на их территориях прежний порядок. Но возникала трудность: без содействия британского флота до мятежников было весьма сложно добраться. Англия в свою очередь была заинтересована в том, чтобы колонии Испании не попали вновь в зависимость от европейских континентальных государств, т.к. бывшие испанские колонии были для Англии новыми рынками сбыта и сырьевыми источниками.

Как ни добивался российский император Александр возвращения заокеанских земель законному властителю — королю Испании — его требования наткнулись на упорное сопротивление со стороны лорда Кэстлри. Единственное на что соглашались англичане — установить во вновь образовавшихся государствах монархическое, а не республиканское правление. Но эта попытка закончилась весьма плачевно, так как жители бывших колоний питали нескрываемое отвращение к монархии, а мексиканского императора, который при поддержке английского правительства хотел воцариться над республикой, мексиканцы просто-напросто расстреляли.

Америка находилась далеко, а потому не могла стать первопричиной споров, которые возникали между недавними союзниками. В самой Европе находились народы, о судьбе которых ставился вопрос: должны ли ими править их бывшие «законные» правители или им следует находиться в том состоянии, в котором оказались за последнюю четверть столетия. И если император Александр в вопросе с испанскими колониями отстаивал право испанского короля на утраченные территории, то в данном случае он, наоборот, был категорически против восстановления «законных» монархий. Народы, о которых идет речь, были белорусы и поляки. Белорусам, которые проживали на территории Великого княжества Литовского, оккупированного Россией после трех разделов Речи Посполитой, несмотря на участие в восстаниях и выступление в войне 1812 г. на стороне Наполеона, так и не удалось изменить свое положение. В Польше сложилась иная ситуация. В 1807 г. поляки, которые были подданными прусского императора согласно третьему разделу, решительно восстали. Им удалось отвоевать себе герцогство Варшавское — зачаток государственной и политической независимости. В 1809 г. Варшавское

герцогство расширило свою территорию за счет оставших польских земель, находившихся до этого под властью австрийского императора.

На Венском конгрессе представителями Австрии и Пруссии был поставлен вопрос об очередном разделе Речи Посполитой. Но царь Александр твердо решил не делать этого и не позволять делать этого другим. Он не хотел ни с кем делиться и намеревался захватить Речь Посполитую целиком, Польша должна была стать его личной «собственностью», как он впоследствии сам выражался. Царь Александр стремился, кроме титула российского императора, заполучить еще и титул польского короля.

Подобные планы царя возмущали российских патриотов, которые не желали, чтобы их император получил титул короля не православного, а католического государства. С чисто военной точки зрения в стремлении царя Александра I был вполне реальный смысл. Оставив полякам их завоевания — Варшавское герцогство — Александр I надежно обеспечил себе тылы в военной кампании 1813 — 1814 гг. Несмотря на то что Польша была наиболее преданной Наполеону союзницей, никому из русских военных не пришлось беспокоиться о передислокации через польскую территорию. Кроме этого, царь Александр прекрасно понимал, что за время разделов Речи Посполитой в поляках была воспитана ненависть к интервентам, поэтому лучше было эту ненависть обратить на Австрию и Пруссию. Александр I говорил: «Польское царство послужит нам авангардом во всех войнах, которые мы можем иметь в Европе. Сверх того, для нас есть еще та выгода, что давно присоединенные к России польские губернии при могучей встретиться войне не зашевелиются, как то бывало прежде, и что опасности сей подвергнуты Пруссия, которая имеет Познань, и Австрия, у которой есть Галиция».

С теми странами, судьба которых не вызывала столь бурных споров, обошлись более решительно. Никто не считался с национальными интересами народов, карта Европы кроилась исключительно в пользу участников Венского конгресса. Так Голландия была превращена в королевство Нидерланды, к территории которого присоединили Бельгию; Норвегия была отдана Швеции; Пруссия приобрела часть Саксонии и Вестфалии, а также Рейнскую область; Австрия вернула

себе земли, которые были отторгнуты от нее во время наполеоновских войн, кроме этого, она присоединила Ломбардию и владения бывшей Венецианской республики, а также Зальцбург и некоторые другие земли. Об Италии австрийский представитель Меттерних прерительно сказал, что «она представляет собой не более, чем географическое понятие». Эти слова довольно точно определили отношение конгресса к данному государству, территорию которого вновь раздробили на ряд маленьких королевств, в которых были восстановлены старые династии. Так в Пьемонте (Сардинское королевство), к которому присоединили Геную, вновь была восстановлена власть Савойской династии. Великое герцогство Тосканское, а также герцогства Моденское и Пармское перешли во владение представителей австрийского дома Габсбургов. В Риме восстановили светскую власть папы, которому были возвращены все его прежние владения. В Неаполитанском королевстве возвращена династия Бурбонов.

Восстановить все мелкие немецкие государства, которые ликвидировал в свое время Наполеон, не представлялось возможным, их число сократилось почти в десять раз. Но политическая раздробленность Германии была сохранена. На ее территории было 38 государств, которые вместе с Австрией объединялись в Германский союз.

Венский конгресс узаконил колониальные захваты, которые совершили англичане во время войны. Англия отвоевала остров Цейлон, мыс Доброй Надежды и Гвиану. Англичане оставили за собой также остров Мальту, имеющий важное стратегическое значение в Средиземном море, и Ионические острова. Вследствие этого господство Англии на морях, океанах и в колониях весьма усилилось.

Еще в апреле 1914 г. в Испании была восстановлена монархия испанских Бурбонов, а границы Швейцарии, согласно решениям Венского конгресса, были расширены. Саму Швейцарию конгресс объявил вечно нейтральным государством.

Российский император прекрасно понимал, что, протвортив дальнейший раздел Польши и укрепив в ней свою власть, он раз и навсегда уничтожит главную проблему невыгодного для России мирного договора, подписанного в Тильзите, согласно которому Россия при-

обретала на своей западной границе настроенное враждебно государство. А так как еще одно последствие Тильзита — континентальная блокада — отпало само собой еще в процессе войны, то фактически Россия вновь оказывалась в том положении, в котором она была до начала наполеоновских войн и, кроме этого, в гораздо более выгодных для себя условиях.

Но кроме царя Александра это прекрасно понимали Меттерних и Гарденберг, которые выступили резко против подобного решений проблемы. Те доводы, которые царь Александр выдвигал за сохранение Варшавского Герцогства были для Австрии и Пруссии доводами против, так как они хотели видеть в лице России соучастника в разделе Польши. Та доля польской ненависти, которую Россия приобрела бы после раздела Речи Посполитой, при данном развитии событий могла достаться им. Поэтому Меттерних, который в принципе ничего не имел против того, чтобы большая часть территории Польши отошла к России, решительно выступал против признания царя Александра польским королем.

К удивлению российского императора представителя Австрии поддержал и министр иностранных дел Франции Талейран. Когда выработывались условия мира, царь Александр постоянно шадил Францию, чем надеялся приобрести себе впоследствии союзника при разделе спорных территорий. При личном свидании с Талейраном царь Александр с упреком сказал французскому представителю: «Я полагаю, что Франция мне кое-чем обязана». Но российский монарх не понимал, что Франции нужно было не облегчение рабства, а полное возвращение свободы, о чем свидетельствуют возврат Наполеона, вторичное изгнание Бурбонов и Сто дней.

Царю Александру пришлось искать себе новых союзников уже против Австрии и Франции. Такого союзника он нашел в лице Пруссии, предложив прусскому императору взамен на признание себя королем польским уступку территории всей Саксонии, что для прусского императора было весьма выгодно: взамен миллиона поляков, постоянно готовых к восстанию, ему доставалось два миллиона спокойных немцев, к тому же прусские владения значительно расширились к югу. После такого предложения Пруссия стала горячим сторонником России.

Саксонский король и его королевство были третьим затруднением для членов коалиции. После битвы под Лейпцигом саксонского короля — союзника Наполеона — перевезли в Австрию и держали там под надзором. Несмотря на то, что царь Александр во всеулышание называл его изменником, заслуживавшим умереть в ссылке, судить короля Саксонии не решались.

Министр иностранных дел Франции Талейран, отстаивая принцип «законности», не соглашался с царем Александром, доказывая, что не может быть королев-изменников, потому что измена заключается в неповиновении воле короля и ни в чем другом. Это выводило российского императора из себя: «Вы всегда говорите мне о принципах: ваше общественное право (droit public) для меня ровно ничего не значит; я не знаю, что это такое. Какое употребление, думаете вы, я могу сделать для всех ваших пергаментов и трактатов?..» Право у императора Александра было одно — сила, об этом он намекал недвусмысленно: «У меня двести тысяч человек в герцогстве Варшавском, пусть же меня выгонят!» — и добавлял: «... я сохраню то, что занимаю».

Когда же Талейран, согласно инструкциям своего правительства, готов был пойти на уступки и польский вопрос мог решиться благоприятно для России без всякой поддержки Пруссии, царь Александр говорил Талейрану: «Для меня одно выше всего, данное мною слово. Я его дал и сдержу: я обещал Саксонию прусскому королю... Убедите пруссаков, чтобы они вернули мне мое слово». Это была почти измена прусскому императору Фридриху-Вильгельму, который беспрекословно исполнял все приказы царя Александра. В то же время Гарденберг тайно беседовал с Талейраном по поводу возможного союза против России.

Австрия не собиралась уступать Саксонию Гогенцоллернам (прусская династия). Если бы пруссаки завладели Саксонией, то им бы в руки попали горные переходы в Богемию, а это значило для Австрии иметь постоянную угрозу на северной границе. Пруссак все же сумели воспользоваться данным преимуществом позже, в 1866 г.

Австрию поддерживала не только Франция, но и Англия, которая, используя Россию в своих интересах, больше не нуждалась в союзе с ней, и делать

из императора Александра вершителя судеб Европы вовсе не входило в ее планы. А тем временем царь Александр I уже не скрывал свои честолюбивые намерения стать преемником Наполеона.

Разногласия по этому вопросу к началу 1815 г. настолько обострились, что Пруссия и Россия решили оккупировать спорные территории. В то же время 3 января 1815 г. Меттерних, Кэстлри и Талейран подписали конвенцию, по которой Австрия, Англия и Франция обязывались выставить войска количеством по 150 тыс. каждая. В марте должна была начаться война между бывшими союзниками. Талейран радовался своему блестящему успеху: Франция из пораженного и побежденного государства стала равноправной, самостоятельной союзницей двух главных участников недавно победившей ее коалиции — Австрии и Англии. Но война между бывшими союзницами так и не разгорелась, так как в феврале 1816 г. Наполеон высадился на юге Франции и начал свой победный марш в сторону Парижа, желая внести еще больший разлад в отношения между своими бывшими врагами. Наполеон предложил союз царю Александру. Но российский император, которому уже удалось один раз победить Наполеона, решил не рисковать достигнутыми успехами во имя эфемерных выгод. К тому же Англия, напуганная перспективой новой континентальной блокады, направила усилия на восстановление прежнего союза.

Таким образом, четвертая антинаполеоновская коалиция была создана гораздо быстрее, чем третья: главная проблема заслонила собой все мелкие неурядицы, возникшие в отношениях между союзниками. Царь Александр вынужден был пожертвовать частью «своей собственности» и уступил Пруссии Познань, а Австрии — Галицию, себе он оставил лишь титул польского короля («царя»), сохранив за собой также основную часть территории Варшавского герцогства, где даже не приостановил действия польской конституции. Таким образом, видимость возрождения польского королевства была сохранена.

Был решен и вопрос относительно Саксонии. Торг шел быстро: сначала саксонскому королю обещали 350 тыс. «душ», потом 700 и, наконец, это количество перевалило за миллион. В конце концов, сошлись на том, что ссыльный король сохранял за собой 3/5 своего королевства вместе со столицей Дрезденом.

9 июня 1815 г. был подписан заключительный акт Венского конгресса («L'Acte final»). Статья 6 вышеуказанного акта гласила о готовности государств, подписавших его, соблюдать мир и поддерживать неизменность территориальных границ. Документ пестрел фразами о «благах Европы», о «благах всего христианства». На самом деле это был, как определила правая рука Меттерниха — публицист Генц, «дележ между победителями имущества побежденного».

Победив французскую революцию и военную диктатуру Наполеона, европейские монархи хорошо устроили свои дела. Удовлетворив земельные притязания, они решили застраховать себя и свои приобретения от новых революций и потрясений. Для этого в сентябре 1815 г. был подписан договор — акт основания Священного Союза.

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ

Создателями и идейными вдохновителями Священного Союза были царь Александр I, австрийский император Франц I и прусский король Фридрих-Вильгельм III. В тексте документа, который они подписали в сентябре 1815 г. говорилось, что «связанные узамы истинного и нерасторжимого братства», а также принципами христианской религии, они обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку «по всякому случаю и при всяких обстоятельствах».

Как отметил Меттерних, из всех «звучных и пустых» документов эпохи конгрессов это был наиболее «звучный и пустой». Но за громкими фразами скрывался конкретный смысл.

Практическим проявлением священного Союза были протоколы, которые государства-союзники подписали в ноябре 1815 г. Они были дополнены инструкциями, полученными Веллингтоном — главнокомандующим оккупационной армией во Франции (после победы союзников над Наполеоном под Ватерлоо Франция обязана заплатить 600 млн. франков контрибуции и содержать в течение 5 лет оккупационную армию союзных государств в количестве 150 тыс. человек). Так, трактат от 20 ноября включает в себя два

договора — Шомонский трактат, заключенный 1 марта 1814 г. — перед первым взятием Парижа союзниками и трактат от 25 марта 1815 г. — перед началом последней войны о Наполеоне. К этим договорам внесено дополнение, вызванное опасностью воскресения бонапартизма. Договор, оговорив отлучение от престола Наполеона и всех членов его семьи, гласит: «А так как революционные принципы могли бы и впоследствии раздирать Францию и угрожать таким образом спокойствию других государств, высокие договаривающиеся стороны, торжественно признавая свою обязанность охранять в подобных обстоятельствах спокойствие и интересы своих народов, с удвоенным тщанием обязуются в то же время, если бы такое несчастное событие разразилось снова, условиться между собою и с его христианнейшим величеством (королем Франции) о мерах, которые они сочтут необходимыми для безопасности своих государств и для общего спокойствия Европы». Здесь учтивым языком оговаривалось право государств союзников вмешиваться во внутренние дела Франции. В инструкции Веллингтону все это было сказано без смягчающих словесных оборотов. В ней заявлялось, что монархи коалиции «формально обещали королю (Людовику XVIII) поддержать его оружием против всякой революционной попытки». О том же, когда следует применить оружие, предоставлялось судить самому фельдмаршалу Веллингтону, а послы союзных государств обязаны были держать его в курсе всех относящихся к этому событий.

Так государства, входящие в коалицию, стремились обезопасить свои завоевания. Согласно заключительному акту Венского конгресса, Австрия получила 2300 квадратных миль и 10 млн. человек, Пруссия — 2217 квадратных миль и 5 млн. 362 тыс. человек, а Россия — 2100 квадратных миль территории и 3 млн. человек населения.

Позже к договору о Священном Союзе присоединились почти все европейские монархи. Англия, хотя формально и не входила в Священный Союз, поначалу также поддерживала его политику. Фактически это был союз монархов, которые объединились для совместной борьбы против революционных выступлений собственных народов, предотвращения и разгрома революционных выступлений повсюду, где бы они ни возникали.

В 1818 г. в Ахене состоялся конгресс 4 государств — России, Пруссии, Австрии и Англии, которые возобновили союзный договор, направленный против всяких перемен во Франции, «угрожающих спокойствию и безопасности ее соседей». Здесь, по словам публициста Генца, «все соображения ступшеывались перед верховной обязанностью предотвратить крушение власти, спасая народы от их собственных заблуждений». В то же время, «дабы не подать повода к злоречию и нескромностям», ни разу не упомянули «ни о форме правления, ни о представительной системе, ни о поддержании или видоизменении привилегий дворянства, ни о свободе печати...»

Решительные революционные выступления против монархов, которые произошли в Испании, Неаполе и Пьемонте, вынудили союзников на последующих конгрессах называть вещи своими именами. Так на Троппауском конгрессе, который проходил осенью 1820 г., российский император Александр настаивал на вооруженном вмешательстве в испанскую и итальянскую революции. Он впервые провозгласил принцип полицейского надзора не только за Францией, но и за любой страной, где началось бы революционное движение. В декларации этого конгресса было четко сформулировано, что всякое государство, внутри которого произойдет революция, тем самым исключается из союза, и никакие изменения в государственном устройстве, произведенные революционным путем, не будут признаны Священным Союзом. В документе указывалось также, что если революция будет угрожать спокойствию других государств, державы-союзницы обязаны вмешаться, применив сначала «дружеские увещания», а затем «силу обуздывающую» с целью возвращения данного государства «в лоно Союза».

Согласно декларации конгресса в Троппау, любые изменения государственного устройства, которые произошли снизу, являлись неправомерными. На конгрессе в Лайбахе (Любляна), который проходил весной 1821 г. и был непосредственным продолжением конгресса в Троппау, указаны «полезные или необходимые изменения в законодательстве и управлении» государств. Эти изменения истекали из «свободной воли, обдуманного и просвещенного решения тех, кому Господь вверил власть».

Подобные формулировки появились в связи с тем, что в Священный Союз входили не только правители абсолютистских монархий, но и конституционных монархий. Даже император Александр был таковым в Финляндии и Польше. Таким образом Священный Союз обеспечивал взаимную страховку государей для поддержания старого порядка, а не абсолютизма в чистом виде.

В 1822 г. в Вероне прошел очередной конгресс Священного Союза, где обсуждались все те же меры борьбы против поднимающихся революционных движений в различных странах Европы.

Решения конгрессов были направлены не только на открытое военное вмешательство, всесторонне рассматривались и политические пути решения проблем. Монархи государств Священного Союза принимали конституции нового типа, в которых избирательное право ограничивалось разумным цензом. Царь Александр I, например, был сторонником французской хартии 1814 г. и ускорил ее опубликование, объявив Людовика XVIII, который не осмеливался принять на себя подобное политическое обязательство, что русские войска не выйдут из Парижа, пока хартия не будет опубликована. Но вскоре, согласно этой хартии, во Франции была образована «несравненная палата» (*Chambre introuvable*), в которую входили одни помещики. Когда же буржуазия, освоившись с новыми условиями парламентской борьбы, сумела в большом количестве проникнуть в эту палату, царь Александр потребовал изменения избирательного закона во Франции, и дворянам искусственно был дан перевес над всеми другими слоями населения. Это учреждение стало называться «вновь обретенной палатой» (*Chambre retrouvée*).

В проведении подобной политики большое внимание уделялось церкви. Католическое и православное духовенство держало в своих руках народное образование, вмешивалось во все сферы общественной и частной жизни, шпионило, разжигало религиозный фанатизм. Католические и православные священники часто выступали против передовых «вольнодумных идей».

Мировоззрению просветителей XVIII в., на идеях которых основывались принципы французской революции, вдохновители Священного Союза пытались противопоставить свою идеологию. В эти годы в Европе

прославлялась религия и церковь, возвеличивалось значение монархов, провозглашались идеи сословного неравенства, происходила идеализация средневекового рыцарства, монашества, персонажей древней мифологии.

Одним из идеологов реакции был граф Жозеф де Местр, который считал человека прирожденным рабом, восхвалял инквизицию, отводя палачу роль опоры общества, он предлагал восстановить неограниченную светскую власть римского папы. Другим идеологом реакции был Луи-Габриель Бональд, проповедствующий в своих трудах необходимость восстановления сильной церковной власти и сословного деления общества. Он утверждал, что главное зло таится в личной свободе. Швейцарский публицист Людвиг Галлер обосновывал абсолютную власть монарха божественным происхождением и призывал подчиняться ей беспрекословно.

В России основными проповедниками реакции были славянофилы, которые провозглашали божественность царя, неизменность общественного уклада, восхваляли мессианскую сущность православной церкви. Вся эта пропаганда служила для подавления новых прогрессивных идей, которые под влиянием Европы начинали укореняться в общественном сознании народов, входящих в состав Российской империи.

Жесткие меры, предпринятые правителями государств, входящих в Священный Союз, не могли остановить революционные выступления, которые охватили европейские страны после 1815 г. Дворянско-монархическая верхушка была уже не в состоянии уничтожить прогрессивный капиталистический строй, который утвердился в Европе за годы существования империи Наполеона. Монархам удалось лишь немного урезать буржуазные преобразования, которые были проведены во многих европейских странах в конце XVIII — начале XIX вв.

Никакие искусственные преграды, которые воздвигались господствовавшей дворянской аристократией на пути развития производительных сил, не могли сдерживать их бурного роста в странах Европы. Повсюду происходил промышленный переворот: машинный труд вытеснял ручной, фабрики и заводы заменяли ремесленные мастерские и мануфактуры. Особенно бурно развитие промышленности шло в Англии и Франции, начинался экономический подъем в германских государствах, а

также в других странах Европы и в США. Реставрация старых монархических династий, мнимое восстановление влияния дворянства и духовенства, организация Священного Союза создавали лишь видимость полного торжества феодализма. Новый прогрессивный общественный строй начинал играть ведущую роль в ходе исторических событий.

В сельском хозяйстве развитие капитализма также шло ускоренными темпами. Во Франции, где за годы революции были полностью ликвидированы феодальные порядки, сельское хозяйство продолжало развиваться по пути капитализма. Также и в Германии, где было отменено крепостное право и проведены аграрные реформы, хоть и медленнее, чем во Франции, происходил рост капитализации сельского хозяйства. Проникновение новых отношений в аграрную сферу в тех или иных формах наблюдалось практически во всех странах Европы и особенно в тех, которые в годы существования империи Наполеона попали в полную зависимость от Франции.

Существующая форма правления в государствах, где господствующее положение занимало дворянство и духовенство, все больше и больше мешало дальнейшему развитию капитализма. В то же время окрепшие экономические позиции буржуазных слоев населения этих стран давали им возможность вступить в борьбу с существующими в Европе политическими порядками. Все это привело к новому подъему революционного движения в 20-х гг. XIX в.

РЕВОЛЮЦИЯ В ИСПАНИИ

После реставрации в Испании династии Бурбонов были ликвидированы все прогрессивные политические преобразования, осуществленные в этой стране за годы национально-освободительной борьбы 1808 — 1814 гг. Новый король Фердинанд VII отменил действие конституции 1812 года, разогнал кортесы и расправился с руководителями и наиболее заметными участниками национально-освободительного движения. В Испании полностью восстановился и даже усилился абсолютистский режим. Была задушена свобода слова. Средств

ва печати находились под жесточайшим контролем. Вся власть вновь была сосредоточена в руках феодалов, придворной камарильи и высшего католического духовенства. Был восстановлен институт инквизиции, вследствие чего огромное влияние в обществе вновь приобрели монахи Ордена иезуитов.

Политика короля Фердинанда вызывала огромное недовольство в обществе. Оппозицию ему и монархистам составляла городская буржуазия, интеллигенция и прогрессивная часть дворянства. Недовольство росло с каждым днем. Положение короля осложнялось тем, что главной силой назревавшей революции была испанская армия. Революционные настроения прогрессивного офицерства являлись отголоском патриотического подъема, произошедшего в годы освободительной борьбы против иноземного господства. Все это привело к тому, что в 1814 г.

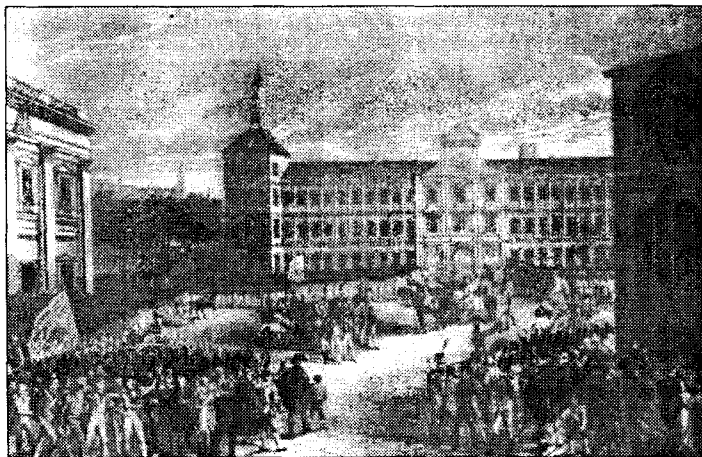
Рафаэль Риэго.
Гравюра Кюнера.

в Наварре вспыхнуло восстание под руководством генерала Мина, которое было подавлено с особой жестокостью. Та же участь постигла восстание в Корунье в 1815 г. под руководством другого видного деятеля освободительной войны — генерала Порлье. После подавления восстания в Корунье генерал Порлье был казнен.

Но жестокие репрессии уже не в состоянии были сломить нарастающее революционное движение. В январе 1820 г. недалеко от Кадиса восстал полк под командованием полковника Рафаэля Риэго. Восстание было тщательно подготовлено группой офицеров, оппозиционно настроенных королю и его правительству. Рафаэль Риэго, а также освобожденный им из за-

ключения другой руководитель восстания — генерал Антонио Кирога, арестовали верных королю генералов, объявили о восстановлении конституции 1812 года. Несмотря на победы, которые удалось одержать правительственным войскам над восставшими, подавить восстание не удалось. Оно постепенно охватывало всю большую территорию. За короткое время имя руко-

Гарнизон Мадрида 9 марта 1820 г. присягает конституции.
Т.М. Ругендас.

водителя восстания — полковника Риэго — стало известно во всей Европе. Испанский композитор Уэрто написал «Марш Риэго», эта мелодия стала гимном испанской революции.

Так как число войск, остававшихся верными королю, было невелико, Фердинанд VII в марте 1820 г. вынужден был провозгласить восстановление действия конституции 1812 г., а уже в июле 1820 г. в Мадриде собрались кортесы. В их составе образовались два крыла: *модератос* — умеренные, к ним относились представители крупной городской буржуазии, чиновничества и отдельных групп прогрессивного дворянства, а также *экзальтадос* — радикалы, которые отражали интересы широких демократических слоев населения. До 1822 г. в кортесах преобладало влияние умеренных, из состава которых формировалось правительство, но потом власть в стране перешла к радикалам.

Кортесам удалось осуществить ряд буржуазных преобразований. Они вновь узаконили отдельные демократические свободы, ликвидировали цехи, отменили внутренние таможенные пошлины, которые мешали развитию свободной торговли, конфисковали монастырские земли и упразднили инквизицию. Но так как в Испании оставалась практически нетронутой феодальная собственность, кортесы не посмели провести подобные реформы в аграрном секторе, хотя в экономике Испании преобладало сельское хозяйство. Таким образом, крестьянский вопрос не был решен. Т.к. пущенные в продажу монастырские земли крестьянству не достались, то этот общественный слой не принял активного участия в революционном движении, особенно в тех районах страны, где было сильно влияние католической церкви.

Силы испанских монархистов были слишком слабы для того, чтобы надеяться на победу в своей стране без вмешательства извне. Именно поэтому на конгрессе Священного союза в Вероне, который проходил в октябре — декабре 1822 г., было принято решение о военной интервенции силами союзников в Испанию.

Действуя от имени держав Священного Союза, в апреле 1823 г. французская армия вторглась в Испанию и к концу мая при поддержке испанского дворянства заняла Мадрид. К ноябрю были сломлены последние очаги сопротивления и революция была задушена. 7 ноября 1823 г. был казнен генерал Рафаэль Риэго, что послужило началом жестокого контрреволюционного террора. С помощью французской армии в Испании вновь был восстановлен феодально-абсолютистский режим. Несмотря на свое поражение, испанская революция 1820 — 1823 гг. имела широкий международный отклик. Именно испанским демократам, которых поддерживала армия, удалось первыми нанести удар по дворянско-монархическому режиму, установленному после падения империи Наполеона.

Повсюду в Европе передовые люди выражали сочувствие и поддержку испанскому народу. Во Франции была популярна песня на слова Беранже, в которой автор призывал солдат, посланных против Испании, «сделать пол-оборота», то есть повернуть свои штыки против испанских Бурбонов. Великий английский поэт лорд Байрон прославлял мужественных

испанских революционеров и проклинал Священный Союз. Имена генералов Риэго и Кирога можно встретить в стихотворениях великого русского поэта А.С.Пушкина. А «Марш Риэго» в те годы стал гимном всех демократических сил Европы.

РЕВОЛЮЦИИ В НЕАПОЛЕ И ПЬЕМОНТЕ

Весьма сходный характер с испанской революцией имели выступления в Неаполе и Пьемонте, которые произошли в 1800 — 1821 гг. В Италии революционное движение возглавило общество карбонариев, возникшее на юге страны еще в период французского господства. Это общество представляло собой тайную и строго законспирированную организацию, которая состояла из сети вент (ячеек). Наибольший размах приобрела деятельность карбонариев в 1815 г. с наступлением в стране реакции. За эти годы была создана сеть тайных вент не только в Неаполитанском королевстве, но и в Папской области, Пьемонте, Тоскане, Парме, Модене и в подвластной Австрии Ломбардо-Венецианской области. В организации карбонариев, как правило, шли смелые и стойкие патриоты в основном из среды буржуазии, либерально настроенного дворянства и интеллигенции. Положительная сторона в организации движения карбонариев одновременно являлась и отрицательной стороной, так как строгая конспиративность и секретность организаций порождали замкнутость, отсутствие прочных связей с широкими массами населения.

Когда в Италию пришла весть об успехе революции в Испании летом 1820 г., глубокое недовольство, которое накопилось в обществе, выплеснулось наружу. События начались с того, что в июле 1820 г. поднял восстание один из полков, которым командовал Гульельмо Пепе — член карбонарской организации. К восставшим военным тут же присоединились другие воинские части, руководимые также офицерами-карбонариями. Восставшим удалось быстро одержать победу во всем Неаполитанском королевстве. Вскоре король Фердинанд IV вынужден был согласиться на принятие конституции, образцом для которой послужила испанская конституция 1818 года.

Восставшим военным не удалось вовлечь в свое движение широкие народные массы, что явилось внутренней слабостью неаполитанской революции и облегчило Священному Союзу задачу разгромить ее. По инициативе канцлера Австрии Меттерниха конгрессы Священного Союза в Троппау и Лайбахе в конце 1820 — начале 1821 гг. приняли решение о вмеша-

Пепе во главе революционной армии вступает в Неаполь 9 июля 1820 г.
Т.М.Рутендас.

тельстве в неаполитанские события. Король Фердинанд, который прибыл по вызову союзных держав на Лайбахский конгресс, нарушил свою клятву на верность конституции и обратился к государствам Священного Союза с просьбой об оказании ему вооруженной поддержки. Подавить революцию в Неаполе было поручено Австрии.

В феврале 1821 г. австрийская карательная армия вступила на территорию Италии. Вместо того чтобы атаковать неприятеля, генерал Пепе вел пассивную оборону. Австрийской армии удалось без особого труда восстановить в стране прежние порядки. 23 марта интервенты заняли Неаполь.

В то время как в Неаполитанское королевство вторглась австрийская армия, в марте 1821 г. в Пьемонте вспыхнула революция. Революционное движение воз-

главляли представители либерального дворянства и военные, состоявшие в организации карбонариев. Как и неаполитанские восставшие, пьемонтские карбонарии рассчитывали на успех революции, который связывали с возможной поддержкой одного из представителей Савойской династии — герцога Карла-Альберта. Действительно, Карл-Альберт, назначенный регентом после отречения короля, торжественно заявил о своем присоединении к революции и провозгласил введение конституции в Сардинском королевстве. Карбонарии ликовали — им казалось, что они одержали победу. Но через неделю герцог Карл-Альберт бежал из страны, и уже в апреле 1821 г. австрийские войска, несмотря на ожесточенное сопротивление верных революции войск, вступили в Пьемонт и восстановили прежние порядки. Тут же началась жестокая расправа над участниками революционного движения.

Священный союз охранял «порядок», а не только личные интересы коронованных особ. Под знаменем этого «порядка» проходила европейская реакция на протяжении долгих тридцати лет, вплоть до того момента, когда демократическая революция 1848 г. в Европе сокрушила ее.

ГРЕЧЕСКОЕ ВОССТАНИЕ

Восстание в Греции, которое началось в январе 1821 г. было национальным всенародным восстанием против турецкого владычества, длившегося долгие четыре века и принесшего грекам множество бед.

Греческий народ — как крестьяне, так и горожане — на протяжении столетий страдал от произвола турецких пашей, беев и янычар. Притеснялся народ и «христианскими» турками, так называемыми *коцамбасами* — представителями высших слоев греческого общества, в руках которых находилось местное управление многих регионов страны.

За столетия господства туркам не удалось уничтожить самобытность греческого народа, искоренить его стремление к независимости. Несмотря на многочисленные карательные экспедиции, проводимые турецкими войсками, отряды партизан — *клефтов*, те

продолжали бороться против завоевателей, не желая примириться с турецким феодальным и национальным гнетом.

Начиная со второй половины XVIII в., в порабощенной стране началось бурное развитие греческой буржуазии, которая обогащалась главным образом за счет судоходства и торговли. Это привело к тому, что к концу XVIII — началу XIX вв. борьба за освобождение Греции приобрела новое социально-экономическое и политическое значение.

Росли торговые связи Греции с другими странами. После того, как в 1774 г. был заключен Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией, открывший проливы для российских торговых судов, этим не преминули воспользоваться и греческие суда, которые нередко плавали под русским флагом. Черноморская торговля приносила греческим купцам большую выгоду, особенно после основания Одессы, а также ослабления и последующего почти полного прекращения французского мореплавания в Восточном Средиземноморье, связанного с происходящими во Франции событиями — революцией и последующими наполеоновскими войнами.

Одновременно с ростом экономического влияния греческой буржуазии росло и ее национальное самосознание. Стали появляться первые греческие просветители — Адамантий Кораис и др.. Постепенно формировался литературный новогреческий язык, а в кругах интеллигенции были весьма популярны идеи греческого «Возрождения», которые исходили из необходимости возродить греческую культуру, величие и независимость древней Эллады. Эти идеи проповедовал крупнейший греческий поэт конца XVIII в. Ригас (1757 — 1798), который вел большую просветительскую деятельность. Именно его перу принадлежат широко распространенные в те годы в Греции боевые гимны и «Греческая марсельеза»: «Вставайте, сыны Эллады, славы час уже настал».

Французская революция воодушевила греческих патриотов, которые стали повсеместно создавать тайные общества. Росту национально-освободительных идей в Греции способствовало также создание на островах Ионического моря республики семи соединенных островов — первого конституционного государства с

греческим населением. Большое влияние на рост национального самосознания оказывало полунезависимое Янинское княжество, возникшее в конце XVIII в. и управляемое албанским феодалом Али-пашой. В княжество входили южная Албания и значительная часть греческих земель. Али-паша, стремясь заручиться поддержкой греков в борьбе против турецкого султана, предоставлял им многие привилегии, покровительствовал греческим ученым и писателям.

Активное участие в национально-освободительном движении принимало многочисленное греческое население, которое проживало в крупных портовых городах. Так в 1814 г. в Одессе было создано тайное общество Филики Гетерия («Союз друзей»), которое ставило своей целью освобождение Греции от турецкого господства. Вскоре организации этого тайного общества стали возникать в других городах. Все это привело к тому, что в стране стало назревать национально-освободительное восстание.

Восстание вспыхнуло в Дунайских княжествах. Это произошло в январе 1821 г. Руководил народными выступлениями Тудор Владимиреску. Восстание было направлено как против Турции, так и против валашских и молдавских бояр. После того, как в начале марта на территорию Молдавии из России перешел вооруженный отряд гетеристов во главе с Александром Ипсиланти, оно вспыхнуло с новой силой. Ипсиланти был генералом российской армии и сыном бывшего валашского правителя. Он возглавил «Гетерию» и вскоре все национально-освободительное движение. Александр Ипсиланти надеялся на помощь русского царя и на поддержку со стороны населения дунайских княжеств. Но его надежды не оправдались, так как Александр I отказал Ипсиланти в какой-либо помощи. Эти неудачи привели к возникновению серьезных разногласий между Ипсиланти и Владимиреску. Они вылились в открытое вооруженное противостояние, в ходе которого Владимиреску был убит, это привело к ослаблению обоих повстанческих лагерей. Этим воспользовались турки и жестоко подавили восстание. Но уже в конце марта оно вспыхнуло в самой Греции, в Морее, где гетеристы получили широкую поддержку народных масс.

Восстание ширилось с каждым днем и уже вскоре охватило всю континентальную Грецию и острова Эгейского моря. С гор спускались отряды партизан-клефтов, к которым тут же присоединялись тысячи крестьян, вооруженных чем попало. Они громили усадьбы турецких землевладельцев, убивали представителей турецкой власти. Янычары, из которых состояла основная часть турецких гарнизонов на греческой территории, были не в состоянии справиться с повстанцами. К концу 1821 г. в руках восставших оказалась значительная часть Греции.

В январе 1828 г. в городе Эпидавре было открыто Национальное собрание, которое провозгласило независимость Греции и приняло конституцию нового государства по образцу конституций других европейских стран. Было сформировано первое национальное правительство преимущественно из представителей богатых судовладельцев и знати.

Но победа не была окончательной, греческому народу пришлось отстаивать свою независимость в тяжелой борьбе против турецких войск. Правительство султана провело против греков жестокие репрессии. По всей турецкой империи прокатилась волна греческих погромов, а в самом Константинополе был повешен 84-летний греческий патриарх Григорий V.

Наиболее жестокую расправу турецкие войска учинили на острове Хиос, где из 100 тыс. жителей острова уцелело около 2 тыс. человек, а остальные были убиты, либо проданы в рабство.

Уже в 1821 г. правительство турецкого султана начало широкие военные действия против восставших греков, в феврале туркам удалось сломить сопротивление Али-паши. Это дало возможность высвободить значительные силы турецкой армии. И вскоре 20-тысячный экспедиционный корпус вторгся в Морю. Кроме этого, к берегам Греции был направлен военно-морской флот.

Тяжелым было и международное положение греческих повстанцев. Священный Союз оценил восстание греков как мятеж против «законного государя». Канцлер Австрии Меттерних даже предложил султану военную помощь, а греческие делегаты, направленные в Верону на конгресс Священного Союза, даже не были допущены в зал заседаний.

Но все это не сломило дух греческих патриотов.

С турецкими войсками продолжали отважно сражаться партизанские отряды, нанеся им ряд значительных поражений. Это заставило правительство султана приостановить широкое наступление. В Эгейском море небольшие греческие суда вступали в бой с огромными многопушечными турецкими кораблями. А греческий моряк Канарис со своим брандером проник на стоянку около берегов острова Хиоса и уничтожил флагманский корабль, заставив тем самым турецкий флот поспешно укрыться в Дарданеллах.

Несмотря на отрицательную реакцию европейских правительств, освободительная борьба греческого народа встретила поддержку и сочувствие в кругах передовой европейской общественности. Вызывали всеобщее восхищение смелость и мужество народа, вступившего в неравный бой с огромной империей. В своих произведениях греческое восстание приветствовали все те же Беранже, лорд Байрон, Пушкин и Шелли. Во многих городах Европы стали возникать комитеты *филэллинов* — друзей сражающейся Греции. На помощь грекам направлялись добровольцы из Германии, Франции, Англии и других стран.

Среди них был великий английский поэт лорд Байрон, который погиб за освобождение Греции от турецкого ига.

Становилось очевидным, что правительство султана не в состоянии подавить восстание собственными силами. Австрийский канцлер Меттерних посоветовал султану обратиться за помощью к правителю Египта Мухаммеду-Али. За содействие в подавлении греческого восстания Египту обещали отдать остров Кандию (Крит) и Сирию. Могущественный вассал турецкого султана согласился принять участие в подавлении греческого восстания.

Наступил критический момент в борьбе за свободу Греции. Он требовал сплочения всех сил греческого народа, однако как раз в это время обострились борьба и внутренние распри в среде восставших. Все началось с того, что греческая буржуазия и аристократия, захватившие власть на освобожденных от турецкого влияния территориях, выступили против генерала Колокотрониса, который поддерживал тесную связь с простым народом. Причиной были опасения, что генерал поддержит социальные требования греческого крестьянства.

Такой поворот событий был очень выгоден турецкому султану. В Греции, которая еще не успела добиться полного освобождения, началась гражданская война. В ходе этой войны потерпели поражение сторонники генерала Колокотрониса, а сам он был арестован. Таким образом, был отстранен от участия в освободительной борьбе в самый опасный для Греции момент наиболее талантливый греческий полководец, который к тому же пользовался большой популярностью в народе.

В феврале 1825 г. в Морею высадились войска египетского правителя Мухаммеда-Али. Ими командовал его сын — Ибрахим-паша. Греки оказывали героическое сопротивление захватчикам, но многочисленная египетская армия, которая была обучена по европейскому образцу французскими офицерами, быстро овладела значительной частью Мореи. Ибрахим-паша, чтобы лишить греков возможности дальнейшего сопротивления, приказал провести варварское разорение страны. По его приказу сжигались и вытаптывались посевы, разрушались целые населенные пункты, а местные жители вывозились в Египет.

После опустошения Мореи Ибрахим-паша со своими войсками в мае 1825 года осадил город Миссолонги (Месолонгион) — важный стратегический пункт. Город был хорошо укреплен, поэтому турки безрезультатно пытались овладеть им на протяжении нескольких лет. Но у Ибрахима-паши было достаточно сил, чтобы взять этот город. После того как подошла египетская армия, началась глухая осада города, полностью прекратилась всякая связь осажденных с внешним миром. В городе начался голод, к тому же наступила зима и ощущалась нехватка топлива для обогрева — люди умирали от голода и холода. Несмотря на то что защитники, которые с трудом могли держать в руках оружие, оборонялись до последнего и не ответили ни на одно из предложений о сдаче, в апреле 1826 объединенные турецкие и египетские войска сумели ворваться в город. Жестокие победители истребили почти всех оставшихся в живых защитников Миссолонги.

Падение этого важного стратегического пункта еще не означало завершения греческой войны. Продолжали бороться мужественные повстанцы в горах Аттики и Мореи, в водах Эгейского моря. За годы борьбы из среды повстанцев выделились талантливые полководцы, одним

из таких был Макриянис. На протяжении всей войны он получил 7 ранений, но несмотря на это мужественно продолжал борьбу и благодаря своему уму и отваге стал одним из выдающихся командиров повстанческой армии.

Пока греческий народ сражался за свое освобождение, постепенно стала меняться международная обстановка вокруг Греции. К 1825 г. российское императорское правительство стало склоняться к решению оказать поддержку сражающимся грекам. Император Александр стремился усилить свое влияние на Балканах.

В то же время, опасаясь одностороннего вмешательства России в греческие дела, министр иностранных дел Англии Каннинг направил в Петербург фельдмаршала Веллингтона, которому было дано поручение добиться соглашения о совместных действиях по греческому вопросу. В ходе встречи был подписан протокол, в котором признавалась необходимость добиться автономии греков.

После того как в апреле 1827 г. Национальным собранием в Трезене президентом Греции был избран бывший русский министр иностранных дел Иоанн Каподистрий, началось непосредственно вмешательство европейских государств в греческую войну, так как данный шаг был расценен в Лондоне и Париже как рост русского влияния на Балканах.

Уже 6 июля 1827 г. Россия, Англия и Франция на совместной встрече, которая проходила в Лондоне, заключили конвенцию об «умиротворении Греции». Эти три крупнейших европейских государства предложили Турции прекратить военные действия и отозвать из Греции египетско-турецкий флот, а также войска, и предоставить грекам автономию с сохранением номинальной власти султана. Но подобное решение проблемы не устраивало правительство Турции, которое отклонило это предложение и стало активно готовиться к нападению на оставшиеся в руках греков острова.

После того как турецкие войска вторглись в Мессению, к греческим берегам была направлена союзная эскадра, состоящая из 27 судов, принадлежавших русскому, английскому и французскому флотам. Объединенная эскадра вошла в бухту Наварин, где в то время находился египетско-турецкий флот, который имел подавляющее превосходство над русско-англо-французской эскадрой (126 судов против 27). В ходе сражения 20 октября 1827 г. египетско-турецкий флот был полностью разгромлен.

Такое развитие событий отнюдь не входило в планы дипломатии западноевропейских государств. В Англии были очень недовольны обострением отношений с Турцией, в связи с чем английский король назвал наваринскую битву «горестным событием». В России же, наоборот, известие о победе над египетско-турецким флотом было встречено восторженно.

Начались активные дипломатические переговоры между союзниками и Турцией. Но они оказались безрезультатными. После того как Турция нарушила условия мирных соглашений и стала притеснять российскую морскую торговлю, резко обострились российско-турецкие отношения. Все это привело к тому, что весной 1828 г. преемник Александра I — Николай I — объявил Турции войну. Кроме этого, в августе 1828 г. в Морее высадился десант, и египетские войска были выведены из Греции. Успех французских войска, а также победы российской армии в русско-турецкой войне 1828 — 1829 гг. позволили Греции обрести полную независимость.

Греческое национально-освободительное восстание имело огромное прогрессивное значение. По своему характеру оно явилось революционным движением, направленным против феодализма и реакции, господствовавших в те годы в Европе, а поэтому его победа нанесла непосредственный удар и по Священному Союзу. Если государствам Священного Союза совместными действиями удалось подавить революционные выступления в Испании и Италии, то по отношению к греческому восстанию между ними возникли неразрешимые разногласия. Это обусловлено различным подходом европейских государств к решению восточного вопроса.

Победа греческого восстания оказала непосредственное влияние на ослабление Священного Союза.

СОБЫТИЯ ВО ФРАНЦИИ ПЕРИОДА РЕСТАВРАЦИИ

После того как во Франции произошла вторая реставрация династии Бурбонов, по всей стране прокатилась волна белого террора, казнены без суда многие политики периода Республики и империи Наполеона. Для этой цели были созданы специальные Чрезвычайные

трибуналы, которые вынесли более 10 тыс. обвинительных приговоров по политическим делам; уволено с государственной службы по подозрению в политической «неблагонадежности» до 10 тыс. человек. Отныне руководящие посты занимали дворяне-эмигранты. Кроме того, королевское правительство вступило в союз с католической церковью, что привело к усилению влияния иезуитов, а также других монашеских орденов при дворе, в администрации и в школах.

В 1815 г. прошли выборы в палату депутатов. Большинство избранных принадлежали к лагерю крайних монархистов — ультрароялистов. Палата, которая вошла в историю под названием «бесподобной», последовательно добивалась восстановления всех бывших привилегий для дворянства и духовенства. О депутатах говорили, что они «больше роялисты, чем сам король», а также «больше католики, чем папа римский».

Действия депутатов, открыто бросивших вызов всему народу, породили неприкрытую ненависть в стране. Это привело к тому, что Людовик XVIII, опасаясь революционного взрыва, вынужден был в 1816 г. распустить «бесподобную» палату. После проведения новых выборов в парламент были выбраны умеренные роялисты, сторонники конституции. Правительство стало проводить более осторожную политику, но с 1820, а особенно с конца 1821 г., когда к власти снова пришли ультрароялисты, реакция в стране усилилась. Были внесены реакционные изменения в избирательную систему, повсеместно вводилась предварительная цензура, а школа была отдана под надзор епископов.

В некоторых кругах либеральной буржуазии и интеллигенции стали создаваться тайные организации. Они строились по образцу итальянских карбонарских обществ. В 1820 — 1821 гг. были созданы венты карбонариев в ряде городов Франции, а также в армии. Карбонарии ставили перед собой целью свержение монархии Бурбонов путем вооруженного восстания. Основные свои надежды они возлагали на армию. В случае победы восстания карбонарии надеялись заменить династию Бурбонов на династию Орлеанов, тесно связанную с буржуазией. Кроме этого в рядах карбонариев были бонапартисты, которые надеялись возвести на престол сына Наполеона. Но были и карбонарии-радикалы, выступавшие за республиканский строй.

Некоторые карбонарские венты в конце 1821 и в 1822 г. предприняли попытки организовать восстания в различных городах и провинциях Франции, но большинство из заговоров было раскрыто, их участники казнены, а разгромленные выступления немедленно подавлялись.

В качестве оппозиции к существовавшему в те годы монархическому режиму во Франции выступала буржуазия, экономические и политические интересы которой были ущемлены королевской властью и дворянской аристократией. В борьбе между ними сложилась и развивалась идеология буржуазного либерализма с ее главным лозунгом о защите свободы личности. Видным теоретиком этой идеологии был писатель и политический деятель Бенжамен Констан, который в своей политической программе доказывал, что обязательным условием политической правоспособности должно быть обладание собственностью.

За преимущественное право буржуазии на политическую власть выступали историки периода Реставрации — Тьерри, Гизо, Минье. В своих трудах они описывали многовековую борьбу буржуазии против феодализма, доказывали прогрессивность этой борьбы и то, что буржуазия всегда возглавляла народ и защищала его интересы. Тем самым французские историки периода Реставрации признавали, применительно к прошлому, существование классовой борьбы. Этот факт позволил впоследствии Карлу Марксу назвать Тьерри «отцом классовой борьбы».

Не только историки внесли свою лепту в создание либеральной идеологии. Посильную борьбу против феодальной реакции вели писатели и поэты. Так, поэт Беранже в своих песнях и стихах высмеивал спесь и бездарность аристократии, жадность и развращенность духовенства, а также Священный Союз, который он называл «союзом варваров». За сборник «Неизданные песни» Беранже был посажен в тюрьму.

После того как в 1824 г. умер Людовик XVIII и его место на престоле под именем Карла X занял брат короля, граф д'Артуа, бывший в то время предводителем ультрароялистов, дворянско-клерикальная реакция в стране усилилась. В 1825 г. был принят закон о вознаграждении бывших эмигрантов. Отныне им выплачивалась сумма в размере 1 млрд. фран-

ков за конфискованные в период революции земли. Этот закон, который ставил своей целью укрепить экономические позиции дворянства, вызвал массовое недовольство в кругах буржуазии, так как выплата этого вознаграждения должна была производиться за счет конверсии государственной ренты с 5 до 3%, а это напрямую било по интересам земледельцев и буржуазии.

Большое возмущение в обществе вызвал откровенный союз королевского правительства с духовенством. В этом же 1825 году был принят «закон о святотатстве». По этому закону суровому наказанию (вплоть до смертной казни с предварительным отсечением кисти правой руки) подвергались люди, совершившие проступки против религии и церкви. В оппозиционной печати этот варварский закон назывался попыткой реакционеров вернуть Францию во времена средневековья.

После того как в 1825 г. в Англии начался промышленный кризис, в 1826 г. Франция впервые подверглась циклическому кризису перепроизводства, который сменился периодом длительной депрессии. Это вызвало недовольство буржуазии действиями королевского правительства, которое обвинялось в заботе об интересах лишь крупных землевладельцев и не обращало внимания на сферу производства, а также торговлю. Развитию кризиса способствовали высокие таможенные пошлины на хлеб, сырье и топливо. В связи с этим быстро подорожали продукты промышленного производства, что сильно затрудняло сбыт французских товаров на зарубежных рынках. Кризис еще больше усилил и без того тяжелое положение широких масс.

Все это привело к возобновлению революционных выступлений. После того как в ноябре 1827 г. на новых выборах в палату депутатов победу одержали либералы, по Парижу прокатилась волна мощных демонстраций. Правительство предприняло попытки к их разгону, в рабочих кварталах Сен-Дени и Сен-Мартен были построены баррикады. Здесь происходили кровопролитные бои между демонстрантами — с одной стороны, и полицией и жандармерией — с другой.

Несмотря на то что в период Реставрации политическая власть во Франции принадлежала дворянству и духовенству, экономика ее, хоть и с большими трудностями, продолжала развиваться по капиталистиче-

скому пути, при этом продолжало действовать в полном объеме буржуазное законодательство, а также сохранялась созданная еще Наполеоном система административного управления страны. Поэтому при всей своей ортодоксальности монархия Бурбонов все же не была прежней абсолютистской монархией.

Монархический режим периода Реставрации вынужден был мириться с теми изменениями в экономике страны, которые произошли во Франции за время революции и в годы существования империи Наполеона. Таким образом, земля, которая давно перешла в руки буржуазии и крестьянства, продолжала оставаться у новых собственников, а удельный вес дворянского землевладения был невелик, к тому же оно постепенно начинало перестраиваться на капиталистический лад.

В результате развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве происходила дифференциация крестьян. Постепенно увеличивалось применение труда батраков. Это привело к тому, что в период Реставрации значительно выросли посевные площади и увеличилась урожайность отдельных культур. Крупные хозяйства начинали развиваться на высокой технической базе: здесь широко применялись сельскохозяйственные машины. Этого нельзя было сказать про многие крестьянские хозяйства, на которых сохранилась отсталая техника обработки земли и сбора урожая. Это приводило к разорению мелких хозяйств и расширению за их счет крупных.

Во Франции продолжался промышленный переворот. После того как закончились наполеоновские войны и была снята континентальная блокада, в мирных условиях промышленность обрела бурный рост. Отныне она развивалась бесперебойно, быстрыми темпами. В самые различные отрасли производства широко внедряли машины, особенно этот процесс был заметен в текстильной промышленности. Так, мощность паровых машин, которые приводили в движение ткацкие станки, с 1815 по 1826 гг. выросла в 16 раз (с 375 до 6328 лошадиных сил). Зарождалось собственное французское машиностроение, что делало французскую экономику все более независимой от английских машин. Бурно развивались шерстяная, шелковая, металлургическая и некоторые другие отрасли производства. Так, с 1812 по 1829 гг. потребление хлопка промышленностью

Франции возросло в 3 раза, удвоилась добыча угля. С 1810 по 1830 гг. в 3 раза выросло производство чугуна.

Подобное быстрое развитие промышленности часто приводило к безудержной эксплуатации пролетариата, что не могло не сказаться на отношениях между буржуазией и рабочими. Страну лихорадило от забастовок, часто стихийные выступления заканчивались тем, что рабочие ломали машины, появлением которых они объясняли ухудшение условий своей жизни. Все это говорило о неразвитости теоретического обоснования происходящих в стране процессов, вследствие чего капитализм вынужден был прокладывать себе дорогу интуитивно.

Тем не менее ученые-мыслители не оставались в стороне. Они вели активный поиск новых теорий, пытались логически обосновать закономерность построения нового общества.

ИДЕИ ФРАНЦУЗСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Жан Шарль Леонард Симонд де Сисмонди родился в 1773 г. в окрестностях Женевы. Предки его происходили из Северной Италии, жили во Франции, а позже, приняв кальвинизм и спасаясь от религиозных преследований, переселились в Женеву. Отец Жана был кальвинистским пастором; семья была состоятельной и принадлежала к женевской аристократии. Сисмонди был женевец по рождению и чувствам, но француз по складу ума и характеру трудов. Все научные работы Сисмонди написаны по-французски и издавались, как правило, в Париже.

Не закончив образования, Сисмонди в 18 лет был вынужден уехать в Лион и работать там конторщиком у купца, с которым был дружен его отец. Якобинская революция скоро дошла до Лиона, а затем захватила и Женеву, всегда тесно связанную с соседней Францией. Для семьи Сисмонди настало время скитаний. В начале 1793 г. она эмигрировала в Англию, где прожила полтора года. Вскоре после возвращения пришлось снова бежать — на этот раз в Северную Ита-

лию, которая, однако, тоже была оккупирована французами. В течение 5 лет Сисмонди-младший управлял небольшой фермой в Тоскане, купленной на спасенные при бегстве деньги. За эти годы он несколько раз побывал в разных тюрьмах как политически подозрительное лицо. Семья Сисмонди вернулась на родину после того, как Женева (в 1798 г.) стала официально частью Франции, где первый консул Наполеон Бонапарт «восстановил законность и порядок».

Способности и склонности Сисмонди к этому времени уже определились. В 1803 г. он публикует работу по политической экономии «О коммерческом богатстве», в которой выступает как ученик Адама Смита и проповедник его идей.

Сисмонди входит в кружок ученых и писателей, которые группировались вокруг мадам де Сталь, писательницы и общественной деятельности, женщины, по словам Пушкина, необыкновенной. Сисмонди подолгу жил и работал в имении мадам де Сталь, сопровождал ее в путешествиях. Литературный романтизм де Сталь и близких к ней писателей оказал определенное влияние на Сисмонди. Главным занятием его была история; он написал многотомную «Историю итальянских республик». В 1813 г. Сисмонди отправился в Париж, где наблюдал падение Наполеона, реставрацию Бурбонов и трагедию Ста дней. Эти события внезапно превратили его из противника в сторонника Наполеона: Сисмонди надеялся, что новая империя осуществит его довольно туманные идеалы свободы и счастья.

После окончательного поражения Наполеона Сисмонди вернулся в Женеву, ставшую вновь частью Швейцарии. В эти годы сложились социально-экономические взгляды Сисмонди, которые он изложил в опубликованной в 1819 г. книге «Новые начала политической экономии, или о богатстве в его отношении к народонаселению», сделавшей его экономистом с европейским именем. В 1827 г. вышло второе издание книги, где еще острее развернута полемика Сисмонди со школой Рикардо в Англии и школой Сэя во Франции. Экономический кризис 1825 г. он считал доказательством своей правоты и ошибочности представлений о возможности общего перепроизводства. Книга эта, как писал Сисмонди, возникла не столько в результате

углубленного изучения трудов других ученых, сколько выросла из жизненных наблюдений, которые убедили его в неверности самих основ «ортодоксальной» науки.

Сисмонди заявил, что производство не самоцель, что национальное богатство, в сущности, не богатство, так как от него подавляющему большинству населения достаются жалкие крохи. Путь развития промышленности губителен для человечества. Сисмонди требовал, чтобы политическая экономия видела за своими абстрактными схемами живого человека.

В 1819 г. Сисмонди женился на молодой англичанке. Детей у них не было. Остаток жизни он мирно прожил в своем небольшом имении под Женевой, погруженный в работу над грандиозной «Историей французов». Было выпущено 29 томов, но он так и не завершил этот труд. Сисмонди умер в 1842 г. в возрасте 69 лет.

Сисмонди оказался родоначальником мелкобуржуазного социализма, прежде всего во Франции, но в известной мере и в Англии. Он поставил в центр своей теории проблему рынков, реализации и кризисов. Сисмонди не удалось разрешить вопросы проблемы кризисов, но уже тем, что он их поставил, Сисмонди сделал большой шаг вперед по сравнению со своими современниками.

В противовес школе Смита — Рикардо, считавшей ключевой целью капитализма накопление и игнорировавшей проблему реализации, Сисмонди на передний план выдвинул противоречие между производством и потреблением, а в связи с этим проблему рынка и реализации. Для Рикардо и его последователей экономический процесс был бесконечной серией состояний равновесия, а переход от одного такого состояния к другому совершался путем автоматического «приспособления». Сисмонди, напротив, фиксировал внимание на этих переходах, т.е. экономических кризисах. Сисмонди был решительным противником тезиса об автоматическом приспособлении спроса к предложению и невозможности общего перепроизводства, получившего в истории политэкономии название «закона Сэя».

Модель капитализма у Сисмонди заключалась в следующем. Поскольку движущей силой и целью производства является прибыль, капиталисты стремятся полу-

чить наибольшую прибыль от своих рабочих. Вследствие естественных законов предложение труда хронически превышает спрос, что позволяет капиталистам удерживать зарплату на голодном уровне. Покупательная способность пролетариев крайне низка и ограничивается небольшим количеством предметов первой необходимости. Между тем их труд способен производить все больше и больше товаров. Внедрение машин лишь усиливает диспропорцию: они повышают производительность труда и одновременно вытесняют рабочих. В итоге получается, что все больше общественного труда занято производством предметов роскоши для богатых. Но спрос последних на предметы роскоши ограничен и неустойчив. Отсюда Сисмонди выводит неизбежность кризисов перепроизводства.

Общество, в котором существует более или менее «чистый» капитализм и преобладают два класса — капиталисты и наемные рабочие, — обречено на жесткие кризисы. Спасение Сисмонди ищет в «третьих лицах» — промежуточных классах и слоях. Для Сисмонди это прежде всего мелкие товаропроизводители — кустари, крестьяне, ремесленники. Сисмонди полагал, что развитие капиталистического производства невозможно без обширного внешнего рынка, который он трактовал односторонне: как сбыт товаров более развитых стран в менее развитые. Именно наличием внешних рынков он объяснял то, что Англия еще не задохнулась от бремени богатства.

Сисмонди отвергал положение А. Смита о том, что общественный интерес будет наилучшим образом обеспечен, если каждому члену общества предоставить возможность максимально свободно преследовать свою личную экономическую выгоду. Свободная конкуренция, указывал Сисмонди, имеет свои губительные экономические и социальные последствия: обнищание основной массы населения при концентрации богатства в руках немногих, тяжелые экономические кризисы. Он выступал с программой социальных реформ, для проведения которых, впрочем, требовал «только постепенных и косвенных мер со стороны законодательства, только осуществления в отношениях между хозяином и рабочим полной справедливости, которая возлагала бы на первого всю ответственность за зло, которое он причиняет второму». Реформы, которые рекомендовал Сис-

монди, сводятся к введению социального обеспечения за счет предпринимателей, ограничению рабочего дня, установлению минимума заработной платы. Он писал также о желательности участия рабочих в прибыли предприятия. Для своего времени это были прогрессивные меры.

Но во многом Сисмонди смотрел не вперед, а назад. Спасения от бед капитализма он искал в искусственном сохранении старых порядков, в недопущении концентрации богатства в руках немногих лиц. Сисмонди не хотел возвращения к средним векам, к феодализму, но он желал, чтобы шествие капитализма было остановлено путем насаждения общественных институтов, которые под видом нового вернули бы «добрые времена». Сисмонди предлагал ввести систему, напоминающую старые ремесленные цехи, хотел возродить в Англии мелкую земельную собственность. Этот экономический романтизм был утопическим и по сути реакционным, так как отрицал прогрессивное существование развития капитализма и черпал свое вдохновение в прошлом.

Споря с Рикардо и его последователями, не видевшими никаких иных перспектив общественного развития, кроме капитализма, Сисмонди задавал своим оппонентам вопрос: на основании того, что капитализм прогрессивнее формаций, которые он сменил, «можно ли заключить, что мы достигли теперь истины, что мы не откроем основного порока в системе наемного труда... как мы его открыли в системах рабства, феодализма, цеховых корпораций?.. Придет, без сомнения, время, когда наши внуки будут считать нас варварами за то, что мы оставили трудящиеся классы без защиты, такими же варварами, какими они, так же, как и мы, будут считать нации, обратившие эти классы в рабство».

«Итак, народы подвержены опасностям как будто противоречивого характера. Они могут разоряться оттого, что тратят слишком много, и оттого, что тратят слишком мало». Эта мысль Сисмонди до известной степени верна: кризисы начинаются потому, что нации «тратят слишком мало». На складах накапливаются товары, которые некому покупать. Сокращается производство, падают занятость и доходы. Современное буржуазное государство ищет меры, на-

правленные на то, чтобы подтолкнуть людей тратить деньги, добывая их с помощью государственного кредита. Если в хозяйстве недостает платежеспособного спроса, чтобы рассосать производимые массы товаров, надо этот спрос подстегнуть или даже искусственно создать — это прописная истина современного антикризисного регулирования. Но теоретическая система Сисмонди сохранила в себе глубокие ошибки, которые в конечном счете привели к реакционной утопии — к защите патриархальщины, отсталости, ручного труда.

Жан Батист Сэй родился в 1767 г. в Лионе и происходил из буржуазной гугенотской семьи. Он получил неплохое образование, но рано вынужден был начать службу в торговой конторе. Сэй много занимался самообразованием. Изучая политическую экономию, он штудировал «Богатство народа» Смита.

Сэй восторженно принял революцию. Его патриотического пыла хватило на то, чтобы пойти волонтером в революционную армию, воевавшую с европейскими монархиями на восточных границах Франции. Но якобинской диктатуры Сэй не перенес. Он ушел из армии и вернулся в Париж, где стал редактором довольно солидного журнала. Власть консервативной буржуазии, правившей в эти годы после свержения якобинцев, в общем устраивала Сэя, хотя он и критиковал многие действия правительства.

Консульство Бонапарта сначала принесло Сэю дальнейшее продвижение. Он получил пост члена трибунала в комитете финансов. Одновременно Сэй работал над большим сочинением, которое вышло в 1803 г. под заглавием «Трактат политической экономии, или простое изложение способа, которым образуются, распределяются и потребляются богатства». Эта книга, которую Сэй впоследствии многократно переделывал и дополнял для новых изданий (при жизни автора их вышло пять), осталась главным его произведением.

«Трактат» Сэя, по его мнению, представлял собой упрощенное, схематизированное от ненужных абстракций и сложностей изложение Смита. Трудовая теория стоимости уступала место «плюралистической» трактовке, где стоимость ставилась в зависимость от ряда факторов: субъективной полезности товара, издержек его производства, спроса и предложения. Идеи Смита об эксплуатации наемного труда капиталом (то есть

элементы теории прибавочной стоимости) совершенно исчезли у Сэя, их заменила теория факторов производства. Сэй следовал Смиту в его экономическом либерализме: он требовал «дешевого государства» и выступал за сведение к минимуму его вмешательства в экономику. Экономический либерализм Сэя имел особое значение для судьбы книги и автора: он оказался в конфликте с политикой Наполеона, направленной на жестокое регулирование экономики, и долгое время был в опале. Реставрация Бурбонов вновь упрочила положение Сэя в обществе и науке.

Сэй с его культом трезвого рассудка и коммерческого расчета был словно специально создан для эпохи консолидации буржуазных позиций. Он начал читать публичные лекции по политической экономии, которые были весьма популярны. Как и в своих сочинениях, он упрощал проблемы политической экономии, сводя их до уровня обывательского рассудка. Искусный систематизатор и популяризатор, он создавал у слушателей иллюзию ясности и доступности.

В 1828 — 1829 гг. Сэй издал «Полный курс практической политической экономии», в котором, однако, не давал ничего теоретически нового по сравнению с «Трактатом». Он занял специально созданную для него кафедру политической экономии в Коллеж де Франс. Сэй умер в Париже в ноябре 1832 г. В последние десятилетия жизни Сэй, по существу, прекратил всякие научные поиски и только повторял свои старые идеи.

Теория факторов производства Сэя была попыткой ответить на основной вопрос, разрешения которого мучительно искали и Смит и Рикардо. С развитием капитализма производство материальных благ ведется с применением средств производства, принадлежащих особому общественному классу. Следовательно, стоимость товаров должна каким-то образом содержать в себе элемент, приходящийся на долю класса капиталистов. Как возникает эта доля и чем она определяется?

Для Смита и Рикардо это была одновременно проблема стоимости и распределения. У Сэя дело обстоит проще. По существу, теория распределения у него отделена от теории стоимости, причем последняя его вообще мало интересует. От процесса производства остается в результате лишь одна сторона — создание потребительских стоимостей. При такой постановке

вопроса очевидно, что для всякого производства необходимо соединение природных ресурсов, средств и орудий труда, рабочей силы, т.е. земли, капитала, труда. На эту очевидность и напирал Сэй.

В теории Сэя прибыль предстает как естественное порождение капитала, а рента — как естественное порождение земли. И то и другое совершенно независимо от общественного строя, от классовой структуры, от форм собственности. Капитал приносит прибыль, как яблоня — яблоки, а смородиновый куст — ягоды. Эта концепция отрицает эксплуатацию трудящихся капиталистами и землевладельцами и изображает экономический прогресс как гармоническое сотрудничество равноправных факторов производства. Главное сочетание Фредерика Бастиа, наиболее известного последователя Сэя, так и называлось: «Экономические гармонии».

Теория факторов производства в том виде, в каком ее излагали Сэй и его ученики, даже в буржуазной науке заслужила репутацию чрезмерно упрощенной и поверхностной. Действительно, ответы, которые давал Сэй на коренные вопросы экономической науки своего времени, в большей мере были уходом от этих вопросов. Как образуется стоимость и чем в конечном счете определяются цены товаров? Как складываются пропорции распределения созданной стоимости — доходы, приходящиеся на долю каждого из факторов производства? Сэй и его ученики не могли сказать об этом ничего существенного. Они отделались банальностями, общими фразами.

В своих сочинениях Сэй рассматривал каждый вид дохода отдельно, но интерес представляет лишь его трактовка прибыли. Для Сэя предпринимательский доход не просто род заработной платы, которую мог бы получать и наемный управляющий. Это — вознаграждение за особую и очень важную общественную функцию, суть которой — рациональное соединение всех факторов производства. Доходы предпринимательства, писал Сэй, — это «вознаграждение за его промышленные способности, за его таланты, деятельность, дух порядка и руководство». Смит тоже высоко оценил роль капитализма, который сберегает и вкладывает деньги в производство, но он уделял сравнительно мало внимания организующей деятельности предпринимателя.

И дело здесь не только в том, что характеры экономистов были различны. Смит принадлежал восемнадцатому столетию, а Сэй — в большей мере девятнадцатому, эпохе относительно крупных предприятий и больших накоплений капитала. В условиях, когда наемный труд соединяется с растущими массами средств производства, проблемы оптимального сочетания факторов производства и его организации приобретают важнейшее значение, что в зачаточной форме и отразила теория Сэя.

В первом издании «Трактата» Сэй написал 4 странички о сбыте, где очень нечетко была изложена мысль, что общее перепроизводство товаров в хозяйстве и экономические кризисы в принципе невозможны. Всякое производство само порождает доходы, на которые обязательно покупаются товары соответствующей стоимости. Совокупный спрос в экономике равен совокупному предложению. Могут возникать лишь частично диспропорции: одного товара производится слишком много, другого — слишком мало. Но это выправляется без всякого кризиса. Скоро вокруг «закона Сэя» (тогда он еще не носил этого громкого названия) развернулась бурная дискуссия. В ней приняли участие крупнейшие ученые-экономисты той эпохи, в том числе Рикардо, Сисмонди, Мальтус и Джемс Милль. Защищая и обосновывая свою идею; Сэй с каждым новым изданием «Трактата» расширял изложение «закона», однако так и не придумал ему сколько-нибудь четкой формы.

В первой половине XIX в. «закон Сэя» — или то, что под ним понимали тогдашние экономисты, — сыграл двоякую роль. С одной стороны, он отражал свойственную школе Сэя веру в предостановленную гармонию буржуазного общества и хозяйства. Эта школа не видела или не хотела видеть противоречий, неизбежно ведущих к кризисам перепроизводства. «Закон Сэя» подразумевает, что товары производятся непосредственно ради удовлетворения потребностей людей и обмениваются при совершенно пассивной роли денег в этом обмене. Но в «законе Сэя» была и прогрессивная для своего времени сторона: он был направлен против развития капитализма. В нем, хотя в очень неточной форме, выражалась мысль, что капитализм в ходе своего развития сам создает себе рынок и не нуждается для разрешения проблемы реализации в пре-

словутых «третьих лицах». Используя аргументы Сэя, буржуазия выдвигала прогрессивные требования сокращения бюрократического государственного аппарата, свободы предпринимательства и торговли.

Многие экономические явления и процессы носят по своей природе количественный характер. Между экономическими величинами обычно существуют количественные связи: если изменяется одна из них, то по какому-то закону изменяются другие, связанные с первой. Скажем, если повышается цена на данный товар, то вернее всего, снизится в какой-то мере спрос на него. Характер этой зависимости, вероятно, можно передать какой-нибудь функцией. Приблизительно такие соображения заставили некоторых мыслящих людей уже в XVIII в. задуматься над вопросом, не следует ли применить математику для изучения экономических явлений. И такие попытки делались. В дальнейшем развитие теоретической экономики вплотную подвело к математической формализации некоторых основных вопросов этой науки.

Первым ученым, который сознательно и последовательно применил математические методы в экономическом исследовании, был француз Антуан Огюстен Курно. Произведение Курно, принесшее ему впоследствии славу, вышло в 1838 г. и называлось «Исследование математических принципов теории богатства». Поскольку оно не вызвало при его жизни почти никакого интереса, сложилось не совсем верное представление, что Курно был талантливым неудачником, «мучеником науки». Однако Курно прожил спокойную и обеспеченную жизнь профессора высшей школы и администратора учебных заведений, он был автором ряда математических сочинений, имевших в свое время успех. Курно находился в хороших отношениях со всеми режимами, сменявшими друг друга во Франции на протяжении его долгой жизни, и занимал видное место в официальной науке и на государственной службе.

Но вместе с тем Курно болезненно ощущал непризнание научных заслуг в более глубоком смысле. Он пытался найти с помощью математики и философии какой-то синтез естественных и общественных наук. Его сочинения последних двух десятилетий жизни посвящены в основном философии естествознания. Не применяя формул, Курно попытался в 2 работах 60-х

и 70-х гг. вернуться к экономической науке, но они не привлекли внимания публики. Биограф Курно писал: «Имеется явный контраст между его блестящей служебной карьерой и совершенно недостаточным признанием его при жизни как ученого... Печально и гордо говорит он в своих записках, что какой бы сбыт ни находили его сочинения, особенно во Франции, они все же содержали более или менее новые идеи, способные больше, чем ранее, осветить общую систему наук».

Курно родился в 1801 г. в маленьком городке Грe (Восточная Франция). Дед его был нотариусом и оказал на воспитание мальчика большое влияние. До 15 лет Курно учился в школе, затем около четырех лет жил дома, занимаясь чтением и самообразованием, и некоторое время посещал коллеж в Безансоне. В 1821 г. он поступил на естественное отделение Высшей нормальной школы в Париже, где проявилось его увлечение математикой. Однако вскоре школа была временно закрыта правительством по причине антироялистских настроений студентов, и Курно, несмотря на свою аполитичность, в числе других студентов на некоторое время попал под надзор полиции.

С 1823 по 1833 гг. Курно жил в семье маршала Сен-Сира как его секретарь и воспитатель сына. Все эти годы Курно много занимался науками, посещал лекции в разных учебных заведениях, опубликовал несколько статей. В 1829 г. он получил от Парижского университета докторскую степень за работу по математике. Он сблизился со многими видными учеными, особенно с математиком Пуассоном, который считал Курно одним из своих талантливейших учеников и до конца жизни покровительствовал ему. Благодаря протекции Пуассона, Курно получил место профессора в Лионе и стал преподавать высшую математику. Через год он был переведен ректором академии (университета) в Гренобль, где проявил себя дельным администратором. В 1838 г. он получил еще более высокий пост в системе народного образования, став генеральным инспектором учебных заведений. В начале 40-х гг. вышли в свет и главные математические труды Курно. Особенно велики заслуги Курно в развитии теории вероятности в ее философском истолковании.

Для биографов представляется загадкой, каким об-

разом среди этих многообразных трудов совершенно неожиданно появилось на свет экономическое сочинение Курно. Не обнаружено никаких признаков того, что до этого он проявлял интерес к политической экономике. Надо, однако, иметь в виду, что Курно был человеком энциклопедического ума и широких интересов. Очевидно, в круг его чтения входили весьма популярные в то время труды Сэя. Возможно, через Сэя он ознакомился с произведениями Смита и Рикардо. К этому надо прибавить здравый смысл и экономическую интуицию ученого. Неудовлетворенный неточностью, зыбкостью, бездоказательностью положений экономической науки, он попытался применить к ней строгую логику и математические методы. Курно, видимо, рассчитывал, что его книга привлечет внимание и подтолкнет мысль других исследователей, но его ждало разочарование.

Успешная служебная карьера Курно продолжалась до 1862 г. В период Второй республики (1848 — 1851 гг.) он был членом комиссии по высшему образованию; при Второй империи — членом имперского совета по народному образованию; 8 лет — ректором университета в Дижоне, где своей инициативой и широтой взглядов заслужил уважение студентов и профессоров. Выйдя а отставку, Курно поселился в Париже и до конца своих дней вел педантично размерную жизнь: вставал и ложился всегда в одно время и первую половину дня неизменно отдавал работе. На первый взгляд он казался человеком строгим и суровым, но с друзьями и хорошими знакомыми был общителен и разговорчив, не лишен юмора. Курно умер в Париже в 1877 г.

Курно опасался, что его экономико-математическая книга может показаться слишком сложной для обычных читателей и в то же время не привлечет внимания профессиональных математиков. Он писал, однако, что «имеется большой класс людей... которые, получив основательную математическую подготовку, занялись затем теми науками, которые особенно интересуют общество. Теории богатства общества должны привлечь их внимание. Но, рассматривая эти теории, они наверняка почувствуют, как почувствовал я, необходимость с помощью известных им символов сделать определенным и точным тот анализ, который является

обычно неопределенным и часто темным у авторов, считающих достаточным ограничиваться возможностями обычного языка».

Курно был первым из математиков, инженеров, ученых-естественников, которые, увлекшись своеобразными и острыми проблемами общественных наук, пытаются применить к ним точный язык цифр и формул. Как многие математики после него, он рассматривал экономическую науку и ее задачи такими, какими находил их в существующей литературе.

В своей работе Курно исследовал, в сущности, один большой вопрос: о взаимозависимости цены товара и спроса на него при различных рыночных ситуациях, т.е. при различной расстановке сил покупателей и продавцов. Он не претендовал на решение с помощью математики принципиальных социально-экономических вопросов, ограничившись задачей, условия которой были более или менее пригодны для математической формализации.

Весь анализ основывается на использовании единого метода — определении экстремальных значений функций спроса, имеющих различный вид в зависимости от рыночной ситуации. Математическая строгость и логичность этого исследования резко отличает его от произведений видных представителей буржуазной экономической мысли того времени, для которых язык изложения Курно совершенно не знаком, а поэтому не понятен. Курно понимал, что его математическая модель могла бы стать более ценным орудием познания, если бы удалось наполнить ее эмпирическим материалом, в цифровой форме отражающим экономическую реальность.

Клод Анри Сен-Симон де Рувруа родился в Париже в 1760 г. и вырос в наследственном замке на севере Франции. Он получил хорошее домашнее образование. Свободолюбие и твердость характера рано проявились в юном аристократе. В 13 лет он отказался от первого причастия, заявив, что не верит в таинства религии и не собирается лицемерить. Скоро в нем обнаружилась еще одна черта, немало удивлявшая родных: убеждение в своем высоком общественном призвании. Существует рассказ о том, что 15-летний Сен-Симон приказал слуге ежедневно будить его со словами: «Вставайте, граф, вас ждут великие дела».

Но до великих дел было еще далеко, и Сен-Симон,

как это было принято в их роду, поступил на военную службу и около трех лет вел скучную гарнизонную жизнь. Избавление от нее для молодого офицера пришло, когда он отправился добровольцем в Америку в составе французского экспедиционного корпуса, посланного в помощь восставшим колониям.

Во Францию он вернулся героем и скоро получил под командование полк.

Блестящая карьера открывалась перед молодым графом Сен-Симоном. Но праздная жизнь скоро наскучила ему. Путешествие в Голландию, а затем в Испанию выявило новое лицо Сен-Симона — лицо искателя приключений и прожектера. Создавалось впечатление, что его неуемная энергия и изобретательный ум, еще не найдя подлинного назначения, искали себе выход в этом прожектерстве. В Голландии он готовил военноморскую экспедицию для отвоевания у англичан Индии. В Испании он составил проект большого канала для соединения Мадрида с морем.

Воспитанный на идеях энциклопедистов и на опыте американской революции, Сен-Симон с энтузиазмом принял события 1789 г. Около двух лет Сен-Симон активно участвовал в революции, однако только «на местном уровне»: он жил в маленьком городке вблизи бывшего родового поместья. О потере поместья он не жалел, а от графского титула и древнего имени официально отказался и принял имя гражданина Бонома (*bonhomme* — простак, мужик).

В 1791 г. в жизни гражданина Бонома произошел резкий и странный поворот. Он уехал в Париж и вступил на поприще земельных спекуляций, которые в тот

Клод-Анри Сен-Симон.
Гравюра К.Алта.

период приняли огромные масштабы в связи с распродажей собственности, конфискованной государством у дворян и церкви. В партнеры он выбрал знакомого ему еще по Испании немецкого дипломата барона Редерна. Успех превзошел все ожидания: уже к 1794 г. Сен-Симон был очень богат, но на его голову опустилась карающая десница якобинской революции. Лишь контрреволюционный термидорианский переворот спас узника от гильотины. Проведя около года в тюрьме, он вышел на свободу и вновь пустился в спекуляции. В 1796 г. совместное богатство Сен-Симона и Редерна оценивалось в 4 млн. франков.

На этом карьере преуспевающего спекулянта обрывается. В Париж возвратился барон Редерн, благоразумно скрывшийся за границу во время террора, и предъявил свои права на все их совместное состояние, поскольку операции велись от его имени. После долгих споров Сен-Симон вынужден был удовлетвориться отступным в 150 тыс. франков, которые дал ему Редерн.

Увлеченный большими успехами естественных наук, Сен-Симон с обычным для него жаром и энергией берется за их изучение. Остаток своего богатства он использует на содержание дома, где принимает крупнейших ученых Парижа. В течение нескольких лет Сен-Симон путешествовал по Европе. Примерно к 1805 г. выяснилось, что от его денег ничего не осталось, и он оказался на краю бедности.

Большой оригинальностью отличается первое произведение Сен-Симона — «Письма женевого обитателя к современникам» (1803 г.). Это не утопический план переустройства общества, хотя изложенный в туманной форме. Об ученых он писал: «Взгляните на историю прогресса человеческого разума, и вы увидите, что почти всеми образцовыми произведениями его мы обязаны людям, стоявшим особняком и нередко подвергавшимся преследованиям. Когда их делали академиками, они почти всегда засыпали в своих креслах, а если писали, то лишь с трепетом и только для того, чтобы высказать какую-нибудь маловажную истину». С другой стороны, он говорил о препятствиях на пути подлинной науки: «Почти всегда занятия, которым они принуждены отдаваться, чтобы добыть себе пропитание, уже в самом начале их деятельности отвлекают их от важнейших идей. Как часто им недоставало опытов или

необходимых для развития их взглядов путешествий! Сколько раз они были лишены необходимых сотрудников, чтобы дать своей работе весь размах, на который они были способны!» Призывая ученых выступить против костости и занять в переустроенном обществе место руководителей, автор восклицает: «Математики! Ведь вы находитесь во главе, начинайте!»

Последние 20 лет жизни Сен-Симона были наполнены лишениями, борьбой и интенсивным творчеством. Оказавшись без средств, он стал искать любой заработок и одно время работал переписчиком бумаг в ломбарде. В 1808 г. Сен-Симон выпустил свою вторую работу — «Введение к научным трудам XIX века».

В 1810 — 1812 гг. Сен-Симон дошел до предела нужды. Он писал, что продал все свое имущество, вплоть до одежды, что кормится одним хлебом и водой и не имеет топлива и свечей. Однако, чем труднее ему приходилось, тем ударнее он работал. Именно в эти годы окончательно формируются его взгляды на общество. Внимание публики к Сен-Симону было привлечено его брошюрой о послевоенном устройстве Европы. В ней Сен-Симон впервые выдвинул свой любимый тезис: «Золотой век человечества не позади нас, а впереди». Дальнейшая деятельность Сен-Симона посвящена обоснованию этого тезиса.

Жизнь Сен-Симона несколько налаживается. У него появляются ученики и продолжатели. С другой стороны, проповедь мирного преобразования общества, обращенная к его просвещенным «вождям» — банкирам, промышленникам, купцам — привлекает внимание некоторых людей из этого класса. Сен-Симон получает возможность печатать свои сочинения, и они приобретают довольно широкую известность. Богатые последователи обеспечивают ему возможность жить в достатке и напряженно работать.

Но в жизни и в своих сочинениях Сен-Симон остается бунтарем, энтузиастом, человеком порыва и фантазии. Группа банкиров и богачей, давших деньги на издание одного из сочинений Сен-Симона, публично отмежевывается от его идей и заявляет, что он ввел их в заблуждение и обманул доверие. Вскоре после этого Сен-Симон попадает под суд по обвинению в оскорблении королевской фамилии: он напечатал «Притчу», которой заявил, что Франция ничего не потеряет, если

вдруг волшебным образом бесследно исчезнут члены королевской фамилии, а, заодно все аристократы, высшие чиновники и т. д., но очень много потеряет, если исчезнут лучшие ученые, художники, мастера, ремесленники. Суд присяжных оправдал его, найдя здесь лишь забавный парадокс.

Попытка самоубийства в марте 1823 — подлинно трагический эпизод в жизни Сен-Симона. В оставленной друзьям записке Сен-Симон говорит о своем разочаровании в жизни, вызванном слабым интересом людей к его идеям. Однако, едва поправившись после ранения он вновь с жаром берется за работу и в 1823 — 1824 гг. издает «Катехизис индустриалов». В течение 1824 года Сен-Симон лихорадочно работает над своей последней книгой — «Новое христианство», стремясь дать будущему «обществу индустриалов» новую религию, берущую от христианства лишь его исходный гуманизм. В мае 1825 г., через несколько недель после выхода в свет «Нового христианства», Клод Анри Сен-Симон умирает.

Сен-Симон решительно отказывался признавать капитализм естественным и вечным строем и выдвинул тезис о смене его новым обществом, где сотрудничество людей заменит антагонизм и конкуренцию. Эта смена произойдет путем мирного развития «общества индустриалов», в котором будет ликвидирована экономическая и политическая власть феодалов и паразитических буржуа-собственников, хотя сохранится частная собственность.

Сен-Симон считал, что современное ему общество состоит из двух основных классов — праздных собственников и трудящихся индустриалов. В этом представлении причудливо сплелись классовые противоположности феодального и буржуазного общества. Первый класс у Сен-Симона включает крупных землевладельцев и капиталистов-рантье, не участвующих в экономическом процессе. К ним примыкает возвысившийся за годы революции и империи слой военной и судейской бюрократии. Индустриалы — все прочее, составляющие вместе с семьями, по мнению Сен-Симона, до 96% всего населения тогдашнего французского общества. Сюда входят все люди, занимающиеся любой общественно полезной деятельностью: крестьяне и наемные рабочие, ремесленники и фабри-

канты, купцы и банкиры, ученые и художники. Доходы собственников Сен-Симон считал паразитическими, доходы индустриалов — трудовыми. Выражаясь политическими категориями, он соединял в доходах первых земельную ренту и ссудный процент, в доходах вторых — предпринимательский барыш (или всю прибыль) и заработную плату. Таким образом, Сен-Симон не видел классовой противоположности между буржуазией и пролетариатом или, во всяком случае, не считал ее значительной. Отчасти это объяснялось неразвитостью классов в начале XIX в., отчасти стремлением ученого подчинить свою теорию единой цели: сплочению подавляющего большинства нации для мирного и постепенного преобразования общества. Сен-Симон не выступал в принципе против частной собственности, а лишь против злоупотребления ею и считал возможным установить над ней известный контроль со стороны общества.

Шарль Фурье родился в 1772 г. в Безансоне. Отец Фурье, состоятельный купец, умер, когда мальчику было 9 лет. Единственный сын в семье, он должен был унаследовать значительную часть состояния и дело отца. Но Шарль Фурье очень рано вступил в конфликт со своей семьей. Обман и жульничество, с которыми была связана торговля, возмущали его уже в детские годы.

Образование Фурье получил в Безансоне, в учебном заведении иезуитов. У него были отличные способности к наукам, литературе, музыке. Позже он пытался поступить в военно-инженерную школу, но это ему не удалось, и свои знания Фурье мог пополнить только путем чтения. В образовании Фурье остались пробелы, которые отразились в его сочинениях. В частности, он никогда специально не изучал трудов английских и французских экономистов. Фурье познакомился с их идеями довольно поздно и косвенно: из журнальных статей и бесед со сведущими людьми. Он никогда и не пытался анализировать теории экономистов сколько-нибудь подробно, принципиально отвергая самый их дух, считая эти теории голой апологетикой гнусного «строения цивилизации».

После долгих споров 18-летний Фурье был вынужден уступить давлению семьи и начать службу учеником в большом торговом доме в Лионе. В этом промышленном городе ему было суждено провести зна-

чительную часть жизни и здесь наблюдения за общественными отношениями помогли формированию его социально-экономических идей. В 1792 г., получив долю наследства отца, Фурье открыл собственное торговое дело. Молодость Фурье пришлось на годы революции. До этого великие исторические события мало затрагивали его, но грозный 93-й год перевернул всю

Шарль Фурье.
Рисунок Вейрона.

жизнь молодого купца. Во время восстания Лиона против якобинского Конвента Фурье оказался в рядах восставших, а после капитуляции — в тюрьме. Все его имущество погребло. Из тюрьмы ему удалось освободиться, и он уехал в родной Безансон. В контрреволюцию юного Фурье привели, очевидно, не убеждения, а обстоятельства. Возможно, он был насильно мобилизован в войско мятежников. Вскоре Фурье вступил в революционную армию и полтора года служил Республике. Уволенный из армии по состоянию здоровья (оно было у Фурье слабым), он нанялся коммивояжером в торговую фирму, а потом стал мелким торговым маклером в Лионе. В эти годы ему пришлось много ездить по Франции, наблюдать экономическую и политическую жизнь. Он видел, что на верхних ступеньках социальной лестницы место дворян заняли новые богачи — армейские поставщики, биржевики, банкиры. Новая фаза, в которую вступил «строй цивилизации», породила лишь новые бедствия и лишения для огромной массы населения.

В декабре 1803 г. Фурье опубликовал в лионской

газете небольшую статью под заглавием «Всеобщая гармония», где возвещал о своем «удивительном открытии». Он писал, что на основе методов естественных наук откроет (или уже открыл) «законы социального движения», как другие ученые открыли «законы материального движения». Более полно идеи Фурье были изложены в вышедшей анонимно в 1806 г. Лионе книге «Теория четырех движений и всеобщих судеб». При всей необычности формы этого сочинения оно содержит основы «социетарного плана» Фурье, плана преобразования буржуазного общества в будущий «строй гармонии».

Книга Фурье осталась почти незамеченной, но это не уменьшило его энтузиазма. Он продолжал работать над развитием своих идей. Условия его жизни несколько облегчились после того, как в 1811 г. он перешел на государственную службу, а вскоре получил по завещанию матери небольшую пенсию. В 1816 — 1822 гг. Фурье жил в провинции, недалеко от Лиона. У него появились последователи. Впервые в жизни он мог работать в сравнительно спокойной обстановке.

Фурье пытался подробно разработать и обосновать устройство трудовых ассоциаций, которые он называл фалангами. Здание, в котором должны были жить, трудиться и отдыхать члены фаланги, называлось фаланстером. Фурье надеялся, что экспериментальные фаланги могут быть созданы в Париже и каждый день в объявленное время наивно ждал у себя дома богатей-жертвователей, на средства которых мог бы быть построен фаланстер. Разумеется, такие богачи не являлись.

Фурье вновь был вынужден зарабатывать себе на жизнь службой в конторах Парижа и Лиона. Лишь в 1828 г., благодаря материальной поддержке друзей и последователей, он уединился в Безансоне и закончил книгу, над которой работал уже несколько лет. Эта книга — «Новый хозяйственный и социетарный мир» (1829 г.) — лучшее произведение Фурье. К этому времени прошло четверть века после его первых литературных опытов. Развитие капитализма дало новую огромную массу материалов для его критики. Вместе с тем Фурье развивал свои взгляды на будущее общество, излагал их более популярно и в очищенном от мистики виде.

Последние годы жизни Фурье провел в Париже. Он продолжал напряженно трудиться. Мысль Фурье работала непрерывно и с большой творческой энергией, хотя его здоровье ухудшилось. Шарль Фурье умер в октябре 1837 г.

После 1830 г. существовало широкое фурьеристское движение, но тем не менее сам Фурье был очень одинок в свои последние годы. Нарастало отчуждение между ним и многими его учениками, стремившимися придать учению Фурье реформистский оттенок. Многим было трудно переносить его характер, в котором старость и болезни усиливали подозрительность, мнительность, упрямство.

С точки зрения здравого смысла Фурье, как и Сен-Симон, был не совсем нормальным. Острики даже обыгрывали по этому поводу фамилии великих утопистов (saint — святой, fou — безумец). Но это был один из тех безумцев, о которых Беранже сказал:

*Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет, —
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!*

С точки зрения Шарля Фурье, безумным был мир, в котором он жил.

Фурье сделал попытку найти закономерность развития общества, по которой история человечества от его появления до будущего общества гармонии выглядит следующим образом:

Периоды, предшествующие производственной деятельности.

1. Первобытный, именуемый эдемом.
2. Дикость, или бездеятельность.

Раздробленное, обманное, отталкивающее производство.

3. Патриархат, мелкое производство.
4. Варварство, среднее производство.
5. Цивилизация, крупное производство.
- Социетарное, правдивое, привлекательное производство.
6. Гарантизм, полуассоциация.
7. Социантизм, простая ассоциация.
8. Гармонизм, сложная ассоциация.

Внутри периода цивилизации Фурье выделял четыре фазы. Две первые представляют собой, в сущности, рабовладельческий и феодальный строй, а третья — капитализм свободной конкуренции.

Фурье не только выделил основные стадии развития человеческого общества, но и увязал их с состоянием производства. Тем самым он прокладывал путь к введенному Марксом понятию общественно-экономической формации. Что касается четвертой фазы цивилизации, то в ней Фурье предсказал переход капитализма в монополистическую стадию, которую он называл торговым феодализмом. Фурье показал, что свободная конкуренция закономерно превращается в собственную противоположность — ведет к монополии, которая представлялась в образе монополизации «новыми феодалами» торговли и банковского дела.

Фурье предъявил капитализму, который он называл миром наыворот, обвинительный акт. Подобно Сен-Симону, он считал предпринимателей и наемных рабочих единым трудовым классом. Правда, он включил фабрикантов в число «социальных паразитов», но лишь постольку, поскольку «добрая половина» их производит изделия плохого качества и обманывает государство.

Вынужденный ради хлеба насущного заниматься коммерцией, Фурье питал чуть ли не патологическую ненависть к капиталистической торговле. Торговый и денежный капитал был для него главным носителем эксплуатации и паразитизма в буржуазном обществе. Капиталистическое общество Фурье характеризует как антисоциальное, разобщенное, раздробленное. Единственная цель буржуазного производства, — барыш предпринимателя, а не удовлетворение потребностей общества. Поэтому постоянной чертой капитализма является антагонизм интересов между индивидуальным производителем товаров и обществом. Конкуренция между предпринимателями отнюдь не служит интересам общества, как утверждают экономисты, а, напротив, разрушает его, создавая анархию производства, хаос и обстановку войны всех против всех. Погоня за барышом и конкуренция порождают чудовищную эксплуатацию наемных рабочих.

В росте пропасти между богатством и бедностью, в нищете среди изобилия Фурье видел важнейшее до-

казательство краха буржуазной политической экономии с ее принципом свободы конкуренции.

«Строй цивилизации» превратил труд из нормальной жизнедеятельности человека, из источника радости в проклятье и ужас. В этом обществе все любыми правдами и неправдами пытаются избавиться от труда. Труд мелкого собственника — крестьянина, ремесленника, даже предпринимателя — это непрерывная борьба с конкурентами, отсутствие обеспеченности, зависимость. Но еще тяжелее труд наемного рабочего, труд подневольный и не способный дать никакого удовлетворения человеку. С ростом производства, с его концентрацией и подчинением крупному капиталу такой труд становится преобладающим.

Фурье бичует не только экономические язвы капитализма, но также его политику, мораль, культуру, систему воспитания. Особенно много и резко он писал о том, как извращает капитализм естественные человеческие отношения полов и ставит женщину в неравноправное, угнетенное положение.

В схеме, где изображены периоды развития общества по Фурье, между цивилизацией и гармонизмом помещаются два переходных периода, называемые гарантизмом и социантизмом. Фурье много раз заявлял, что цель заключается не в каких-то частных реформах строя цивилизации, а в уничтожении этого строя и создании принципиально нового общества. Но поскольку Фурье исключал революционный путь перехода, он был согласен идти на компромисс и допускал, что людям цивилизации потребуется более или менее длительное время для создания гармонизма.

Основные черты первого переходного периода — гарантизма — намечались следующим образом. Частная собственность существенно не видоизменяется, но подчиняется коллективным интересам и контролю. Возникают частные ассоциации, объединяющие группы семей для совместного труда, а также питания, отдыха и т.д. Как все утопии Фурье, гарантизм не требует широких изменений в политическом устройстве, он может начаться при монархии абсолютной и конституционной, при республике и любом другом строе.

Фурье считал, что в самом строе цивилизации уже развилась некоторые предпосылки гарантизма, что к этому направляется «гений строя цивилизации». Лишь

заблуждения людей и особенно воздействие буржуазных общественных наук мешают переходу к гарантизму. С другой стороны, гарантизм, будучи установлен, быстро убедит человечество в преимуществах нового общественного устройства и подготовит его к строю полной ассоциации.

В 30-х и отчасти в 40-х гг. XIX фурьеризм был главным социалистическим течением во Франции. Он оказался более жизненным, чем сен-симонизм, поскольку был лишен религиозно-сектантской формы и выдвигал более близкие и реалистические идеалы. Однако в среде французского рабочего класса учение Фурье имело слабую известность и было распространено главным образом среди интеллигентной молодежи.

Революция 1848 г. толкнула фурьеристов на арену политической деятельности, где они заняли позиции, близкие к мелкобуржуазной демократии. Не поддержав народное восстание в июньские дни, они через год попытались выступить против правительства Луи Бонапарта, но были легко раздавлены. Немногие оставшиеся во Франции фурьеристы позже занимались кооперативной деятельностью. Историческая роль фурьеризма была исчерпана. Если Фурье (хотя и неосознанно) во многом выражал интересы рабочего класса, то его последователи отошли на позиции мелкой и средней буржуазии.

Если Сен-Симон составил общий эскиз будущего общественного строя, то Фурье разрабатывал его элементы с детализацией. Обе утопии во многом отличаются одна от другой, но имеют важнейшую общую черту: они рисуют социалистическое общество с рядом ограничений, из которых главным является сохранение частной собственности. В обеих системах частная собственность должна, однако, радикально изменить свою природу и быть подчинена интересам коллектива.

Экономическая сторона утопии Фурье состояла в следующем. Фаланга — это производительно-потребительское товарищество, сочетающее в себе черты коммуны и обычного акционерного общества. Число участников фаланги вместе с детьми Фурье определял в разных работах от 1500 до 2000 человек. Он считал, что в таком коллективе будет иметь место необходимый и достаточный набор человеческих характеров для опти-

мального распределения труда как с точки зрения склонностей людей, так и с точки зрения полезного результата. В фаланге сочетается сельскохозяйственное и промышленное производство с преобладанием первого.

Исходный фонд средств производства фаланги получает за счет взносов акционеров. Поэтому в нее должны входить капиталисты. Вместе с тем в фалангу принимаются бедняки, которые могут первоначально и не быть акционерами, а делать свой вклад трудом. Ответственность на акции является частной. В фаланге сохраняется имущественное неравенство. Однако капиталист, став членом фаланги, перестает быть капиталистом в старом смысле. Общая обстановка созидательного труда вовлекает его в процесс непосредственного производства. Если он обладает талантом руководителя, инженера, ученого, общество использует его труд в этом качестве. Если нет, он работает по своему выбору в любой «серии» (бригаде). Поскольку дети богатых и бедных воспитываются в одной здоровой среде, различия между ними в следующих поколениях могут сгладиться. Крупные акционеры имеют некоторые привилегии в управлении фалангой, но они не могут преобладать в руководящем органе, роль которого ограничена.

Особое внимание Фурье уделял организации общественного труда. Отрицательные стороны разделения труда он хотел ликвидировать путем частых переходов людей от одного вида труда к другому. Каждому человеку будет гарантирован известный жизненный минимум, в результате чего труд перестанет быть вынужденным, а станет выражением свободной жизнедеятельности. Появятся совершенно новые стимулы к труду: соревнования, общественное признание, радость творчества.

Богатство и доход общества стремительно возрастут, прежде всего благодаря увеличению производительности труда. Кроме того, исчезнут паразиты, работать будут все. Наконец, фаланга избавится от массы всякого рода потерь и непроизводительных затрат, неизбежных при старом строе. Общество будущего по Фурье — это подлинное общество изобилия, а также здоровья, радости. Аскетизм, который нередко связывался с представлениями о будущем обществе, был совершенно чужд Фурье.

В фаланге нет наемного труда и нет заработной платы. Распределение продукта труда (в денежной фор-

ме) совершается путем выдачи членам фаланги особого рода дивидендов по труду, капиталу, таланту. Весь чистый доход делится на три части: $5/12$ дохода достается «активным участникам работы», $4/12$ — владельцам акций, $3/12$ — людям «теоретических и практических знаний». Поскольку каждый член фаланги обычно относится сразу к двум, а иногда и к трем категориям, его доход складывается из нескольких форм. Оплата труда у отдельного члена фаланги зависит от общественной ценности, привлекательности и неприятности выполняемой им работы. Однако оплата обычного (главным образом физического) труда более или менее уравнивается благодаря участию человека в разных «трудовых сериях»: если, к примеру, человек получает несколько меньше среднего как садовник, зато больше среднего — как конюх или свинарь.

Фактическую долю труда в распределении за счет капитала Фурье рассчитывал несколько увеличить путем введения дифференцированного дивиденда на акции различного типа. По «рабочим акциям», которые покупаются в ограниченном количестве из мелких сбережений, он предлагал выплачивать высокий дивиденд, а по обычным акциям капиталистов — гораздо более низкий. Не ликвидировать частную собственность, а превратить всех членов общества в собственников и тем самым лишить частную собственность ее эксплуататорского характера хотел Фурье.

Денежные доходы членов фаланги реализуются в товарах и услугах через торговлю, которая целиком находится в руках ассоциаций. Организация, выступающая от лица фаланги, ведет торговлю с другими фалангами. Общественные арбитры устанавливают цены, по которым в розничной торговле продаются товары.

Система Фурье полна противоречий и пробелов. С чисто экономической точки зрения многое в фаланге остается неясным и сомнительным, несмотря на стремление Фурье все предусмотреть и регламентировать. Каков характер и масштабы товарно-денежных отношений внутри фаланги? Как обмениваются ее подразделения продуктами своего труда, в частности, как передаются в следующие стадии производства сырье и полуфабрикаты? Если здесь нет купли-продажи, а есть лишь какой-то централизованный учет, то для чего фаланге товарная биржа, которую он подробно описывает?

Неясно, как образуются общественные фонды потребления, которые должны играть в фаланге большую роль (школы, театры, библиотеки, затраты на празднества и т.п.). В фаланге как будто нет ни отчислений из совокупного дохода на подобные цели, ни налогов на личные доходы. У Фурье есть лишь намек, что богачи будут обильно жертвовать на общественные цели.

Еще важнее вопрос о накоплении и его социальных аспектах. Поскольку опять-таки не предусматривается отчислений из совокупного дохода на капиталовложения, фонд накопления, очевидно, может складываться лишь из индивидуальных сбережений членов фаланги, формой которых может быть покупка акций. Но капиталисты из своих высоких доходов (да еще при уравнительности потребления) могут сберегать гораздо больше, чем прочие члены фаланги. Поэтому должна действовать тенденция к концентрации капитала и дохода. Возможно, опасаясь этого, Фурье и предложил описанную выше дифференциацию акций. Но в то же время, заботясь о привлекательности фаланг для капиталистов, он предусматривал возможность владеть акциями «чужих» фаланг.

Пороки системы Фурье приводят к двум главным выводам. Во-первых, утопический социализм — иллюзия. Во-вторых, заведомо обречены на провал все попытки предписать людям будущего обязательный образ действий и поведения, подробно регламентировать их жизнь.

СОБЫТИЯ В АНГЛИИ В ПЕРИОД С 1815 ПО 1830 гг.

Первые десятилетия XIX в. были отмечены быстрым развитием капитализма в Англии. Если в конце XVIII в. наиболее активно развивалась легкая промышленность, и в первую очередь текстильная, со своей новой отраслью — хлопчатобумажным производством, то теперь толчок в своем развитии получили другие отрасли индустрии, в частности, тяжелая промышленность. Развитию металлургии послужили крупные правительственные заказы на вооружение артиллерии армии и флота, что привело к широкому внедрению в производство механической силы. Для сравнения можно сказать,

что в 1810 г. в Англии насчитывалось около 5 тыс. паровых машин, а в последующие пятнадцать лет их число утроилось. Особенно успешно развивалось машиностроение после того, как в 1824 г. парламент частично снял ограничения на вывоз машин из Англии.

В начале XIX в. Англия была наиболее экономически развитым государством в мире. Уже в 1811 г.

Риджент-канал.
Гравюра по рисунку Т.Шеферда. 1828 г.

в торговле и промышленности Англии было занято около 44% населения страны. Это были, прежде всего, рабочие и мелкие ремесленники, которые находились в большей или меньшей степени зависимости от крупных предпринимателей. Быстро росло число индустриальных рабочих.

Положение трудящихся было тяжелым. Так как английские товары вывозились во все страны мира, что влекло за собой огромные транспортные расходы, то промышленники и коммерсанты пытались снизить цены на продукцию за счет уменьшения заработной платы рабочих. К тому же массовое внедрение машин в производство привело к разорению ремесленников и мелких промышленников, в связи с чем в стране образовалась огромная армия безработных. Этот факт также способствовал уменьшению заработной платы рабочих на действующих предприятиях.

Для поддержания семьи на фабрику вынуждены были наниматься жены и дети рабочих. Промышленники

охотно шли на это, так как труд женщин и детей оплачивался гораздо ниже, чем труд рабочих-мужчин. О размахе подобного явления можно судить по таким данным: в начале XIX в. рабочие-мужчины старше 18 лет составляли в Англии 27% от общего количества фабричных рабочих.

Большое количество люмпен-пролетариата имело свои специфические проблемы. Очень часто люмпены считали врагом всех своих бед машины, а поэтому разрушение машин — движение луддитов (от имени легендарного рабочего Лудда, который, якобы, первым сломал машину) — в 1811 — 1812 гг. приняло весьма широкий размах. Это привело к тому, что правительство вынуждено было установить в 1813 г. смертную казнь за разрушение машин.

Несмотря на то, что упорная борьба в конце XVIII — начале XIX в. между Францией и Англией, закончилась победой последней, не прошли бесследно гигантские затраты, вызванные многолетней борьбой, а также политикой континентальной блокады. После наполеоновских войн в течение нескольких лет Англия переживала экономические трудности: полное расстройство финансов, возросший в 10 раз государственный долг, тяжелые торгово-промышленные кризисы, произошедшие в 1816 — 1817 гг. и в 1819 году.

От экономических трудностей в первую очередь страдали широкие народные массы. Несмотря на отмену подоходного налога, введенного во время войны, постепенно увеличивались косвенные налоги. Так в 1815 г. парламентом были приняты «хлебные законы», которые устанавливали высокие, а по существу запретительные, пошлины на импортный хлеб. Это предпринималось для того, чтобы сохранить на высоком уровне цены на хлеб, что давало возможность лендлордам и фермерам сохранить высокие доходы, которые они получали во время войны, — в годы, когда ввоз хлеба в Англию был затруднен.

В связи с этим обострилась политическая обстановка внутри страны. Усилилась агитация радикалов за реформу парламента, а также за введение всеобщего избирательного права и тому подобные реформы. Заглохшее за годы борьбы с Наполеоном движение де-

мократов развернулось с новой силой. В нем приняли участие интеллигенция, мелкобуржуазные слои и рабочие. Заметную роль в демократическом движении сыграл видный публицист Уильям Коббет, который в своих статьях, издаваемых в журнале «Еженедельный политический наблюдатель», широко распространенном в то время, резко критиковал политическую строй Англии, всевластие правящей олигархии, несправедливое и угнетение народных масс. Неизменно в своих статьях он требовал демократической реформы парламента. Его публицистика оказывала огромное агитационное воздействие на население.

В 1816 — 1817 гг. произошли массовые стачки по всей стране. На некоторых предприятиях снова были отмечены факты луддизма. На этот раз к городским рабочим примкнули батраки сельской местности. Правительство вынуждено было направлять против стачечников полицию и войска. В некоторых местах, например, в городе Глазго, временами дело доходило до настоящих сражений между рабочими и войсками. Рабочие Манчестера и Ньюкасла даже пытались организовать поход на Лондон, но их планам не суждено было сбыться, так как колонны были разогнаны полицией. Но и в самом Лондоне постоянно проходили митинги и демонстрации, особенно активными были последователи аграрного реформатора Тома Спенса, чья пропаганда пользовалась наибольшим успехом среди безработных и люмпенов. Именно они предприняли безуспешную попытку поднять восстание в столице государства.

Лондонское правительство отвечало на все эти выступления жестокими репрессиями. Парламентом было приостановлено на год действие закона о гарантиях личной неприкосновенности (Habeas corpus act) и предоставлено местным властям право распускать собрания, митинги, а также арестовывать авторов и распространителей прокламаций и различного рода «опасных» сочинений. Но затихнувшие было волнения возобновились в 1819 г. в связи с дальнейшим ухудшением положения рабочих. По всей стране снова проходили массовые собрания, которые требовали демократических реформ и отмены «хлебных законов». Участники движения решили явочным порядком избрать новый, демократический парламента.

16 августа 1819 г. полиция с помощью войск

разогнала массовый митинг на Питерсфильде, недалеко от Манчестера, куда собралось около 80 тысяч человек, не обошлось без жертв: было убито 15 участников выступления и ранено около 400. По аналогии со сражением при Ватерлоо, где был окончательно разгромлен Наполеон, эту акцию с иронией стали называть «битва при Питерлоо».

«Питерлоо».
Гравюра Д.Крукпенка. 1819 г.

Это трагическое событие вызвало в стране волну возмущения. Повсюду по этому поводу стихийно собирались митинги протеста, а поэт-демократ Шелли посвятил жертвам разгона собрания в Питерсфильде свою «Песню к защитникам свободы». В этом стихотворении он призывал соотечественников не покоряться и идти на бой во имя свободы.

В ответ парламент снова принял серию реакционных законов, которые отменяли право собраний и ввели дополнительные ограничения для органов печати. Эти законы получили название «акты для затыкания рта». По стране прокатилась новая волна репрессий.

К началу 20-х гг. XIX в. Англии удалось преодолеть послевоенные экономические трудности и страна вступила в полосу экономического подъема. Вновь вырос экспорт английских изделий и в первую очередь за счет бывших испанских и португальских колоний в Латин-

ской Америке. Эти страны отныне являлись обширным рынком сбыта для продуктов английской промышленности.

Улучшение экономического положения страны привело к ослаблению политической напряженности внутри государства. Репрессии уступали место политике реформ. «Хлебные законы» были невыгодны не только широким народным массам, но и промышленной буржуазии, так как вызывали ответную реакцию со стороны иностранных государств, затрудняя английским товарам проникновение на их территорию.

Интересы буржуазии стали поддерживаться не только находящимися в оппозиции вигами. В самой правящей партии, которая была связана с земледельческой аристократией, возникла группа «левых тори»; представители ее выступали за проведение части реформ, которые учитывали бы интересы промышленной буржуазии. Предводителем «левых тори» был Джордж Каннинг (1770 — 1827 гг.). После вступления в правительство в 1822 г. на пост министра иностранных дел он тут же провел целый ряд реформ: были снижены таможенные пошлины на хлеб и промышленное сырье, а также облегчены правила вывоза товаров за границу, кроме этого, было пересмотрено уголовное законодательство. Но наиболее существенной реформой, на которую вынуждены были пойти правительство и парламент в 1824 г. под влиянием очередного роста рабочего движения, была отмена закона 1799 года, который запрещал объединение рабочих в союзы. Согласно новому закону разрешалось существование профессиональных союзов — тред-юнионов; перестали считаться уголовным преступлением стачки.

Несмотря на принятые меры, а может быть, благодаря им, в следующем году по стране прокатилась очередная волна забастовок, и парламент, напуганный новым, развернувшимся движением, принял закон, который ограничивал деятельность рабочих союзов.

Период экономического подъема закончился в 1825 г., когда в Англии разразился первый в истории капитализма циклический промышленный кризис. Им были охвачены почти все отрасли английской экономики. Это привело к обострению политической обстановки внутри страны во второй половине 20-х гг.

Основным был вопрос о парламентской реформе,

с требованием которой выступали радикально-демократические круги. Они опирались на мелкую буржуазию и рабочих и выступали за всеобщее избирательное право в стране.

Представители крупной промышленной буржуазии также требовали парламентской реформы. Все это говорило о том, что господство земледельческой аристократии не соответствует существующей расстановке сил внутри страны. С этим господством торгово-финансовая буржуазия мирилась до начала промышленного переворота, так как английское дворянство отнюдь не стояло на ортодоксальных позициях и защищало интересы буржуазного строя, возникшего в Англии сразу после революции. Но теперь положение в корне изменилось, и промышленная буржуазия претендовала на непосредственное участие в управлении страной. Именно поэтому она домогалась реформы избирательной системы, в результате которой ей без труда удалось бы контролировать действия вновь избранного парламента.

Этот основной вопрос не удалось разрешить с помощью реформ Каннинга. После его смерти в начале 1828 г. к власти пришло правительство Веллингтона, состоявшее из правых тори, которые были противниками любых преобразований. Сам Веллингтон заявлял, что существующий в Англии политический строй является совершенным. Это привело к тому, что политическая борьба внутри страны приобрела более острый характер.

ВЗГЛЯДЫ БРИТАНСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В 1799 г. молодой состоятельный бизнесмен с лондонской биржи жил на курорте Бат, где лечилась его жена. Зайдя в публичную библиотеку, он случайно перелистал «Богатство народов» Адама Смита, заинтересовался и попросил прислать книгу ему на квартиру. Так впервые пробудился интерес Рикардо к политической экономии.

Эта история рассказывается со слов самого Рикардо, но она похожа на легенду, как рассказы о яблоке Нью-

тона и чайнике Уатта. Будучи образованным человеком, он едва ли мог не знать о книге Смита. Рикардо имел обширные практические познания в экономике, а также известный навык к абстрактному мышлению, ибо интересовался науками. Тем не менее находка в библиотеке Бата могла послужить толчком к дальнейшим исследованиям.

Рикардо продолжал заниматься бизнесом, а для души увлекался минералогией. Но вскоре главным его делом, трудом, отдыхом и отрадой стали занятия политической экономией. Среди достоинств, которыми обладал Рикардо, больше всего поражает самозабвенная увлеченность наукой, постоянная и бескорыстная погоня за истиной. Рикардо был скромным человеком и всю жизнь считал себя в науке немного дилетантом. Этот «дилетант» завершил создание английской классической политической экономии.

Важной заслугой Рикардо была разработка методов научного исследования в экономике. Уже современники говорили о вышедшей из-под пера Рикардо «новой науке политической экономии». Рикардо пытался найти ответ на вопрос, всегда волновавший и волнующий экономистов: каковы общественные условия производства и распределения, в наибольшей степени благоприятные (оптимальные) для роста материального богатства общества. Важным отличием теоретических взглядов Рикардо было наличие единой концепции, лежащей в основе научного истолкования всего огромного многообразия фактов экономической действительности. Рикардо стремился исследовать экономику как сложную систему и определить основные условия равновесия. Это было связано с уверенностью в том, что в экономике существуют объективные законы и механизмы, обеспечивающие действие этих законов как преобладающих тенденций.

Большую роль сыграли труды Рикардо в развитии таких конкретных областей экономической науки, как денежное обращение и кредит, международные экономические отношения, налоги. Идеи теории земельной ренты и международного разделения труда вошли в золотой фонд экономической мысли. Глубокий теоретик, Рикардо вместе в тем близко стоял к экономическим проблемам своего времени и своей страны. Он был искусным полемистом и талантливым публицистом по

экономическим и социальным вопросам. Рикардо были свойственны высокие принципы научной этики, заслуживавшие уважения и подражания.

Даже для той эпохи, когда жил Рикардо и профессии экономиста фактически еще не существовало, его путь в науку был необычайным и вызывал изумление. Один из последователей Рикардо восторженно писал в 1821 г.: «Возможно ли, что один англичанин, и притом не из мира академической науки, а стесненный коммерческими и общественными заботами, совершил то, что не могли продвинуть на волосок все университеты Европы и целое столетие научной мысли».

Предки Рикардо, испанские евреи, бежали от преследований инквизиции в Голландию и осели там, отец экономиста в 60-х гг. XVIII в. перебрался в Англию, где сначала занимался оптовой торговлей товарами, а потом перешел к торговле векселями и ценными бумагами. Давид был третьим из 17 детей. Он родился в Лондоне в апреле 1772 г., обучался в обычной начальной школе, а затем был отправлен на два года в Амстердам, где начал постигать в конторе своего дяди тайны коммерции.

После возвращения Рикардо еще некоторое время учился, но в 14 лет его систематическое образование окончилось. Правда, отец разрешил ему брать уроки у домашних учителей. Однако скоро выяснилось, что интересы юноши выходят за пределы того, что отец считал необходимым для дельца. Уроки прекратились. В 18 лет Давид был ближайшим помощником отца в конторе и на бирже. Наблюдательный, сообразительный, энергичный, он быстро сделался заметным человеком. Отец стал поручать ему самостоятельные дела и оставался доволен.

Однако Давид тяготился деспотизмом и консерватизмом отца. Он был равнодушен к религии, а дома его заставляли строжайшим образом следовать всем догмам иудаизма и выполнять его обряды. Конфликт вышел наружу, когда в 21 год Рикардо заявил отцу, что он намерен жениться на христианке. Невеста была дочерью врача-квакера, такого же домашнего тирана, как старый Рикардо. Брак был заключен против воли обоих семейств. Молодые ничего не получили от родителей. Женитьба на христианке означала для Рикардо изгнание из иудейской общины. Рикардо не

перешел в квакерскую общину, а остановился на унитарстве — самой свободной и гибкой из сект, отколовшихся от государственной английской церкви. Но всей видимости, это было просто благопристойным прикрытием его атеизма.

В 25 лет Рикардо уже был отцом 3 детей (всего их было 8). Он не знал никакого другого дела, кроме биржевой деятельности, и теперь занимался ею не как подручный отца, а самостоятельно. Ему повезло: помогли связи, репутация и способности. Через 5 лет он уже был богат и вел крупные операции.

В конце XVIII в. акционерных обществ было еще очень мало. Сделки с акциями Английского банка, Ост-Индской компании и нескольких других обществ составляли ничтожную долю биржевых операций, и Рикардо ими почти не занимался. Золотым дном для него оказался государственный долг и сделки с облигациями государственных займов. За первые 10 лет войны — с 1793 по 1802 гг. — английский консолидированный государственный долг возрос с 238 млн. до 587 млн. фунтов стерлингов, а к 1816 г. превысил 1 млрд. Кроме того, в Лондоне размещались иностранные займы. Курсы облигаций менялись под влиянием разных экономических и политических факторов. Игра на курсах стала первым источником обогащения молодого Рикардо.

Как рассказывают современники, Рикардо отличался феноменальной проницательностью и чутьем, быстротой реакции и вместе с тем большой осторожностью. Он никогда не терял хладнокровия и трезвости оценок, порой удовлетворяясь скромным выигрышем на каждой облигации, наращивая прибыль за счет больших оборотов. В эти годы начались операции, из которых позже развилось инвестиционное банковское дело, а с ним выросли состояния и власть таких финансовых магнатов, как Ротшильды и Морганы. Богатые финансисты, объединявшиеся в небольшие группы, брали у правительства подряд на размещение вновь выпускаемых займов. Проще говоря, они оптом покупали все облигации нового займа, а затем распродавали их в розницу. Прибыли от этих операций были огромны, хотя порой были сопряжены с большим риском: курс облигаций мог внезапно упасть. Заем доставался той группе финансистов, которая называла на торгах,

устраиваемых казначейством, самую выгодную для правительства цену. В 1806 г. Рикардо в компании с двумя другими бизнесменами неудачно выступил на торгах, и заем достался другой группе. В следующем году Рикардо и его группа добились права размещения 20-миллионного займа, после этого он в течение 10 лет неизменно участвовал в торгах и несколько раз проводил размещение займов.

К 1809 — 1810 гг. Давид Рикардо — одна из крупнейших фигур лондонского финансового мира. Он купил роскошный дом в аристократическом квартале Лондона, а затем большое поместье Гэткомб-парк в Глостершире, где устроил свою загородную резиденцию. После этого Рикардо постепенно отходит от активной деятельности в мире бизнеса и превращается в крупного землевладельца и рантье. Его состояние достигло 1 млрд. фунтов, что по тем временам представляло огромную сумму.

Этот биржевой волк и почтенный отец семейства был человеком с любознательным умом и ненасытной жаждой знаний. В 26 лет Рикардо, добившись финансовой независимости и даже некоторого богатства, вдруг обращается к наукам, которыми обстоятельства не позволяли ему заняться в юности: естествознанию и математике. В первой половине дня на бирже и в конторе — не по годам выдержанный и хладнокровный, вечером у себя дома — увлекающийся молодой человек, который с наивной гордостью показывал родным и знакомым опыты с электричеством и демонстрировал свою коллекцию минералов.

Мышление Рикардо отличалось строгой, почти математической логичностью, четкостью. В это время он впервые столкнулся с политической экономией как наукой. В ней еще безраздельно царил Смит, и молодой Рикардо не мог не попасть под его влияние. Вместе с тем на него сильное впечатление произвел Мальтус, чей «опыт о законе народонаселения» вышел в 1798 г. Позже, лично познакомившись с Мальтусом, Рикардо писал ему, что при чтении этого сочинения нашел идеи Мальтуса «такими ясными и так хорошо изложенными, что они пробудили во мне интерес, уступавший только интересу, вызванному прославленным трудом Адама Смита».

В начале века в Лондоне появился молодой шот-

ландец Джеймс Милль, острый публицист и писатель по социально-экономическим вопросам. Рикардо познакомился с ним, знакомство вскоре перешло в тесную дружбу, которая связывала их до смерти Рикардо. В первые годы Милль играл роль наставника. Он ввел Рикардо в круг ученых и писателей, подтолкнул его к публикации первых сочинений. Позже роли в известном смысле переменились. После выхода главных трудов Рикардо Милль объявил себя его учеником и последователем. Правда, в своих работах он развивал не сильнейшие стороны учения Рикардо и защищал его от критиков отнюдь не лучшим образом. Тем не менее искренний поклонник таланта Рикардо, Милль постоянно тормозил его, требуя писать, переделывать, публиковать. Иной раз Милль брал на себя слегка комическую роль, задавая Рикардо «уроки» и требуя отчетов. В октябре 1815 г. он пишет Рикардо: «Я надеюсь, вы в настоящее время уже в состоянии что-то сообщить мне о том, насколько вы продвинулись в вашей книге. Я считаю теперь, что эта работа — ваш определенный обет».

Рикардо всегда страдал от неуверенности в своих силах, от некоторой литературной робости. Вне пределов своего бизнеса Рикардо был мягкий и даже застенчивый человек. Это проявлялось в повседневной жизни, в общении с людьми. В 1812 г. он поехал в Кембридж где, его старший сын Осман первый год обучался в университете. В непривычной обстановке он, 40-летний богач и уважаемый человек, чувствовал себя неуверенно. Давая в письме жене отчет о своей поездке, Рикардо говорит: «Я стараюсь преодолеть все, что есть в моем характере робкого и замкнутого, чтобы сделать все возможное и обеспечить Осману несколько приятных знакомств».

В Англии начала XIX в. вопрос о деньгах и банках оказался в центре страстной полемики и борьбы партийных и классовых интересов. Рикардо, который хорошо знал кредитно-денежную практику, впервые попробовал свои силы как экономист и публицист на этой арене. Ему было тогда 37 лет. В 1797 г. Английскому банку было разрешено приостановить размен его банкнот на золото. Банкноты превратились в неразменные бумажные деньги. В нескольких статьях и памфлетах, опубликованных в 1809 — 1811 гг., Ри-

кардо доказывал, что повышение рыночной цены золота в этих бумажных деньгах является следствием и проявлением их обесценения в связи с чрезмерным выпуском. Его противники утверждали, что повышение цены золота объясняется другими причинами, в частности, спросом на золото для вывоза за границу. В этих сочинениях раскрылся талант Рикардо — искусного полемиста, автора, способного очень логично и последовательно составлять цепь аргументов. Это была отнюдь не академическая дискуссия. За теми, кто отрицал обесценение банкнот, стояли управители Английского банка, консервативное большинство парламента, министры, вся «военная партия». В конечном счете тут находили выражение классовые интересы землевладельцев, которым война и инфляция приносили рост рент. Рикардо же выражал, как и во всей своей последующей деятельности, интересы промышленной буржуазии. Политически он был близок к вигской (либеральной) оппозиции.

Рикардо не ограничился критикой существующей системы денежного обращения, но разработал позитивную программу. Он дополнил ее в нескольких более поздних сочинениях. То, что он предлагал, было денежной системой, максимально соответствующей потребностям развития капиталистического хозяйства.

Идеи Рикардо в большой мере осуществились в течение XIX столетия: с 1819 по 1914 гг. в Англии действовал золотой стандарт. Эти идеи сводились к следующему: 1) устойчивое денежное обращение — важнейшее условие роста экономики; 2) такая устойчивость возможна лишь при денежной системе, основанной на золоте; 3) золото в обращении может быть в значительной мере или даже полностью заменено бумажными деньгами, разменными по твердому паритету на золото, что дает нации большую экономию. В своей последней работе, которую он не успел закончить, Рикардо предлагал отнять у Английского банка, являвшегося частной компанией, право эмиссии банкнот и управления государственными средствами. Для этих целей он предлагал создать новый Национальный банк. В то время это было крайне смелое предложение.

Рикардова теория денег отражала как силу, так и слабость классической политэкономии. Рикардо попытался положить в основу теории денег трудовую тео-

рию стоимости, но сделал это непоследовательно и фактически отказался от нее при анализе конкретных экономических процессов.

Он исходил из того, что в данной стране может обращаться любое количество так или иначе попавшего туда золота. В обращении масса товаров сталкивается с массой денег, и таким образом устанавливаются товарные цены. Если золотых денег больше, то цены выше, если меньше — ниже.

Над мышлением Рикардо тяготел опыт неразменного бумажноденежного обращения. Покупательная способность бумажных денег в основном определяется их количеством. Сколько бы ни было выпущено этих денег, все они будут представлять то количество полноценных золотых денег, какое необходимо для обращения. Когда, скажем, бумажных долларов становится вдвое больше, чем нужно золотых, бумажный доллар обесценивается вдвое.

Рикардо механически перенес явления бумажноденежного обращения на золото. Он не видел принципиальной разницы между тем и другим, считая золото тоже в сущности знаком стоимости. Он видел в деньгах только средство обращения и не учитывал всей сложности и многообразия их функций.

Своей теорией денег Рикардо объяснял колебания в международных экономических отношениях. Если в данной стране оказывается слишком много золота, то в ней повышаются товарные цены и становится выгодно ввозить в нее товары из-за границы. В торговом балансе страны образуется дефицит, который приходится оплачивать золотом. Золото уходит из страны, цены понижаются, приток иностранных товаров приостанавливается, и все приходит в равновесие. При недостатке золота в стране все происходит в обратном порядке. Таким образом, действует автоматический механизм, выравнивающий торговые балансы и распределяющий золото между странами. Отсюда Рикардо делал выводы в пользу свободы торговли. Нечего беспокоиться, говорил он, если ввоз превышает вывоз товаров и золото уходит из страны. Это вовсе не основание для ограничений ввоза. Просто в стране слишком много золота и слишком высокие цены, свободный импорт помогает их понизить.

Требование свободы торговли в Англии во времена Рикардо было прогрессивным. Но теория об автома-

тическом выравнивании плохо отражала действительность. Во-первых, она опиралась на количественную теорию денег и необоснованно утверждала, что изменение количества денег в стране прямо определяет уровень цен. Во-вторых, золото между странами передвигается не только под влиянием относительных уровней товарных цен. Критики Рикардо не без оснований указывали, например, что в годы наполеоновских войн золото уходило из Англии не потому, что цены в Англии были выше (наоборот, цены на промышленные товары были там значительно ниже), а в связи с большими военными платежами за границей, закупками хлеба в неурожайные годы и т.п. В-третьих, если выравнивание, о котором писал Рикардо, в конечном счете и происходит, то отнюдь не в виде гладкого и гармонического процесса, а через острые кризисы, ценой больших потерь для народного хозяйства. Эта закономерность в полной мере обнаружилась уже после смерти Рикардо в ходе циклических экономических кризисов последующих десятилетий.

При всех своих недостатках теория денег Рикардо сыграла важную роль в развитии экономической науки. Она подняла много вопросов, о которых ранее представление было крайне смутным: о скорости обращения денег; о «спросе на деньги», т.е. о факторах, определяющих потребности хозяйства в деньгах; о роли разменности бумажных денег на золото; о механизме международного движения золота и влиянии уровня товарных цен на торговые и платежные балансы.

Если в 1809 г. Рикардо был совершенно неизвестен как экономист, то в 1811 г. — он уже признанный авторитет, лидер движения за восстановление разменности банкнот. Через Милля и другими путями Рикардо знакомится с видными политиками, журналистами, учеными, в его доме начинаются регулярные собрания, где дебатуются острые вопросы — политические, экономические, литературные. Без особых усилий с его стороны Рикардо оказывается в центре этого круга людей. Причина — не только его ум, но и такт, спокойствие, выдержка.

Английская писательница Мария Эджуорт оставила характеристику Рикардо как собеседника: «Мистер Рикардо, с его очень спокойной манерой держаться, имеет живой ум, который непрерывно находится в движе-

нии; все время он в беседе поднимает новые темы. Мне никогда не приходилось спорить или дискутировать вопрос с человеком, который спорил бы более честно и больше стремился бы к истине, чем к победе. Он отдает должное любому аргументу, выдвигаемому против него, и не настаивает на своем мнении ни одной минутой больше, чем говорит ему его убеждение по этому вопросу. Для него, кажется, совершенно безразлично, вы ли обнаружите истину или он, лишь бы суть была обнаружена. Беседуя с ним, всегда что-то получаешь: убеждаешься, что ты либо неправ, либо прав, и начинаешь лучше понимать дело, причем настроение в этой беседе всегда сохраняется наилучшим».

Рикардо познакомился с Мальтусом. Дружба этих двух людей была весьма тесной: они часто встречались, ездили друг к другу в гости и без конца переписывались. Между тем трудно представить себе более разных людей. Вся история дружбы Рикардо и Мальтуса — это история идейных споров и разногласий, они редко могли согласиться в чем-либо. И неудивительно: мальтусова политическая экономия подчинена интересам класса землевладельцев, что для Рикардо было совершенно неприемлемо. В свою очередь Мальтус не мог принять самые важные идеи Рикардо: трудовую теорию стоимости, изображение ренты как паразитического дохода, свободу торговли, требование отмены хлебных законов.

Вероятно, одно из объяснений этой дружбы состоит в том, что Рикардо в высшей мере обладал качествами научной объективности и самокритичности. Всегда недовольный тем, чего он достиг и как он это выразил, в острой критике Мальтуса Рикардо искал ключ к совершенствованию, к уяснению и развитию своих идей.

Рикардо много думал о факторах, определяющих потоки международной торговли: для Англии внешняя торговля всегда играла особо важную роль. Он задавался вопросом: почему из данной страны вывозятся именно такие товары, а ввозятся другие? И что дает внешняя торговля для роста производства, для экономического процесса?

У Адама Смита был довольно примитивный ответ на такие вопросы. Может быть, и мыслимо производить в Шотландии виноградное вино, но затраты труда будут непомерно велики, поэтому лучше производить, скажем,

овес и обменивать его на вино из Португалии, где производство вина требует мало затрат труда, а овса — много. По всей вероятности, выиграют обе страны. Но это не могло удовлетворить Рикардо. Неужели торговля возможна только в очевидных случаях, когда распоряжается сама природа?

По рассуждениям Рикардо, если даже представить себе, что Шотландия производит и овес и вино с меньшими издержками, но по овсу ее преимущество больше, чем по вину, то при известном соотношении издержек и известных пропорциях обмена ей все же будет выгодно производить только овес, а Португалии — только вино. Это и есть принцип сравнительных затрат, или сравнительного преимущества. Рикардо основывал этот принцип на трудовой теории стоимости и пытался доказать его с помощью числового примера — он очень любил и постоянно использовал такие примеры.

Рикардо считал, что выгода от внешней торговли «создает... побуждение к сбережению и к накоплению капитала», а накопление капитала — залог экономического роста, и, в частности, оно в общем может благоприятно отразиться на положении рабочего класса, так как вызывает увеличение спроса на силу. Надо сказать, что Рикардо посвятил теории внешней торговли всего несколько страниц. Он высказал и обосновал фундаментальную идею, предоставив поколениям экономистов развивать и модернизировать ее.

Основное направление свободы торговли, особенно выгодной для английской буржуазии, было прогрессивным: она была нацелена на ликвидацию феодализма в Англии и в других странах, на создание капиталистического мирового рынка. В современных условиях идея свободы торговли, во всяком случае в применении к развивающимся странам, нередко является реакционной. Многие экономисты из Западной Европы и США признают, что свобода торговли обрекла бы развивающиеся страны вечно быть сырьевыми придатками, могла бы лишь законсервировать их отсталость. Напротив, только активное вмешательство в сферу внешней торговли (как и в другие сферы хозяйства), в частности обложение пошлинами ввоза иностранных промышленных товаров, содействие национальному экспорту таких товаров и т.д., могут помочь этим странам выбиться из отсталости.

Главное сочинение Рикардо появилось совсем иначе, чем «Богатство народов» Смита. Бурная эпоха не отвела ему долгих лет для кропотливой работы. Научные интересы Рикардо были тесно связаны со злободневными вопросами. Такими вопросами стали хлебные законы, оттеснившие даже проблемы банков и денег. Рикардо, в это время уже видный экономист и публицист либерального лагеря, не мог остаться в стороне. Непосредственным поводом для его выступлений послужила полемика с Мальтусом, который отстаивал хлебные законы и высокие цены на хлеб. В этой полемике под пером Рикардо сформировалась теоретическая система. В его трудах, написанных в 1814 — 1817 гг., нашла свое выражение классическая буржуазная политическая экономия в Англии. Система Смита уже не могла полностью объяснить экономическую реальность. Слишком многое изменилось за 40 лет. Завершилось выделение классов буржуазного общества, произошла кристаллизация их экономических интересов. Борьба вокруг хлебных законов открыто велась с позиций основных классов, главным образом промышленной буржуазии и землевладельцев. В центре экономической науки оказалась проблема распределения национального дохода между классами. Для Смита это, в сущности, предмет политической экономии. Он пишет: «Определить законы, которые управляют этим распределением, — главная задача политической экономии. Как ни обогатили эту науку исследования Тьюго, Стюарта, Смита, Сэя, Сисмонди и др., все-таки объяснения, которые они дают относительно естественного движения ренты, прибыли и заработной платы, весьма мало удовлетворительны».

Рикардо пытался установить законы распределения, исходя из условий и интересов производства. Он положил в основу своей системы теорию, утверждавшую, что стоимость товаров создается трудом в процессе производства и измеряется количеством этого труда. Далее он задавался вопросом, как образуется стоимость и распределяются доходы в условиях, когда средства производства находятся в руках лендлордов (земля) и капиталистов (фабрики, машины, сырье). Наконец, главную функцию капитализма он видел в увеличении производства материальных благ.

В 1815 г. Рикардо опубликовал небольшой пам-

флет под заглавием «Опыт о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала». Здесь Рикардо делал следующий основной вывод. «Если предоставить экономическое развитие самому себе, то в связи с ростом населения и постепенным переходом к обработке все менее плодородных земель цены на сельскохозяйственные продукты будут расти. Вся выгода от этого достанется землевладельцам, тогда как норма прибыли на капитал будет понижаться. От этого будут страдать и рабочие, так как на их труд будет предъявляться относительно более низкий спрос. Что может оказать противодействие этой тенденции? В частности, импорт дешевого хлеба из-за границы. Отсюда очевиден вред хлебных законов: выгодны они только паразитам-лендлордам.»

В ходе работы Рикардо наталкивается на главную трудность — проблему стоимости. Смитова теория его не удовлетворяет, но заменить ее он еще не в состоянии. Поиски становятся мучительными. В одном из писем он сообщает, что две недели не знал покоя, пока не додумался до какой-то важной вещи. Письма Рикардо в это время наполнены жалобами и сомнениями. Милль старается вселить в него бодрость любыми средствами, вплоть до лести: «Вы уже лучший мыслитель в политической экономии, я уверен, что вы будете и лучшим писателем». Жалобы Рикардо не мешают феноменальному темпу, в котором создается книга.

В апреле 1817 г. «Начала политической экономии и налогового обложения» выходят из печати тиражом в 750 экземпляров. Книга Рикардо носит все следы спешки. Он посылал издателям рукопись частями, одновременно дописывая и переделывая оставшееся. При жизни Рикардо вышли еще два издания. Они мало отличались от первого, за исключением главы первой — «О стоимости», в которой Рикардо упорно стремился к четкости и убедительности.

В третьем издании книга состоит из 32 глав, четко разделенных на 3 части. Основы рикардовой системы изложены в первых 7 главах. Более того, самое необходимое сказано уже в первых 2 главах — о стоимости и ренте. Далее следуют (не подряд) 14 глав, посвященных вопросам налогов. В остальных 11 главах содержатся различные дополнения, возникшие после завершения основных глав, мысли и критические соображения в адрес других экономистов, в основном Смита, Мальтуса и Сэя.

В своей политической экономии Рикардо принял единый руководящий принцип — определение стоимости товаров трудом, затратами рабочего времени. Трудовая теория стоимости получила у него самую развитую форму в рамках домарксовской науки. Рикардо исходил из противоположности интересов основных классов буржуазного общества. Это позволило ему, как писал Маркс, ухватиться за самый корень исторического развития.

Очень скоро приверженность Рикардо трудовой теории стоимости навлекла на него обвинения в чрезмерной абстрактности и схоластике, а классовый подход — обвинения в цинизме и разжигании розни внутри нации. Политическая экономия Рикардо была жестока, ибо жесток был мир, который она пыталась объяснить. Научность взглядов Рикардо, как и Смита, определяется тем, что он смотрел на интересы классов только с точки зрения развития производства, роста богатства нации. Интересы промышленной буржуазии он защищал лишь в той мере, в какой они соответствовали этому высшему принципу. Рикардо изображал рабочих в процессе производства как живые орудия. Капиталист выбирает, что ему выгоднее — нанять рабочих или установить новые машины. Маркс писал: «Это — стоицизм, это объективно, это научно. Поскольку это возможно без греха против его науки, Рикардо всегда филантроп, каким он был в практической жизни».

Рикардо не считал, что благотворительность может излечить пороки общества. Но в жизни он был добрым и щедрым человеком. При своем богатстве он мог себе позволить заниматься филантропией. Мария Эджуорт рассказывает, что близ Гэткомб-парка она осматривала школу, где на его деньги обучалось 130 детей бедняков. Рикардо жертвовал средства на больницы и приюты, помогал множеству бедных родственников.

Последняя работа Рикардо, которую прервала болезнь и смерть, носила заглавие «Абсолютная и относительная стоимость». Под абсолютной стоимостью Рикардо понимал заключенное в товаре количество труда. Под относительной стоимостью — меновую стоимость, количество другого товара, которое должно в силу естественных законов обмениваться на единицу данного товара. Слабость Рикардо заключалась в том, что, признавая абсолютную стоимость, он вместе с тем даже не пытался проникнуть в ее природу, исследо-

вать характер самого труда, воплощенного в этой стоимости. Его всегда интересовала только количественная сторона дела: как определяется сама величина меновой стоимости и чем ее можно измерять. Отсюда его поиски «идеальной меры стоимости».

Как и во многих других вопросах, Рикардо начал там, где остановился Смит. Он более четко разграничил два фактора товара — потребительную и меновую стоимость. Меновая стоимость всех товаров, кроме ничтожного числа невоспроизводимых благ (скажем, картины старых мастеров или выдержанные вина из знаменитых погребов), определяется относительными затратами труда на их производство.

Смит был непоследователен в своей трудовой теории стоимости. Он считал, что определение стоимости трудом, рабочим временем применимо лишь к «примитивному состоянию общества», когда не было капитала и наемного труда. В современном же обществе стоимость определяется фактически суммой доходов в виде заработной платы, прибыли и ренты, получаемых от производства и реализации товара. Такая непоследовательность была неприемлема для строгого логического ума Рикардо, свойственное Смицу вольное обращение с основными принципами его не устраивало. Такой фундаментальный закон, как закон стоимости, не может полностью меняться с развитием общества, определение стоимости рабочим временем есть абсолютный, всеобщий закон. Капиталистическое хозяйство представлялось Рикардо идеально отлаженным механизмом, в котором всякое затруднение со сбытом разрешается быстро и просто: производители товара, который выпускается в излишнем количестве, немедленно получают соответствующий сигнал рынка и переключаются на производство другого товара. Тезис о невозможности общего перепроизводства Рикардо выражал так: «Продукты всегда покупаются за продукты или услуги; деньги служат только мерилom, при помощи которого совершается этот обмен. Какой-нибудь отдельный товар может быть произведен в излишнем количестве, и рынок будет до такой степени переполнен, что не будет даже возмещен капитал, затраченный на этот товар. Но это не может случиться одновременно со всеми товарами».

Но жизнь решительно опровергла эти выводы: уже

в 1825 г. в Англии разразился первый общий кризис перепроизводства. Возможно Рикардо, при его научном беспристрастии и самокритичности, пересмотрел бы впоследствии свои взгляды. Но его уже не было в живых. Итак, в трудах Рикардо нашла свое наиболее полное отражение система классической буржуазной политической экономии (классическая школа) со следующими основными ее чертами.

1. Для классической школы было характерно стремление проникнуть, используя метод научной абстракции, в суть экономических явлений и процессов, она анализировала эти процессы с объективностью и беспристрастием.

2. В основе учения классической школы лежала трудовая теория стоимости; на ней строилось все здание политической экономии. Однако классическая школа оказалась не в состоянии объяснить законы капитализма, исходя из трудовой теории стоимости в той форме, в какой она была развита ее представителями. Капитализм считался единственно возможным, вечным и естественным общественным строем.

3. Классическая школа рассматривала проблемы производства и распределения в обществе с точки зрения основных классов. Это позволило ей близко подойти к выводу о том, что источником доходов капиталистов и землевладельцев является эксплуатация рабочего класса. Однако выяснить природу прибавочной стоимости она не могла, так как не имела ясного представления о специфике рабочей силы как товара.

4. Представления классической школы о воспроизводстве общественного капитала покоились на принципе естественного равновесия в экономической системе, это было связано с уверенностью в существовании объективных стихийных экономических законов, не зависящих от воли человека. В концепции саморегулирования капиталистической экономики заключалось затупевывание ее противоречий. Особенно важное значение имело отрицание классиками возможности всеобщего перепроизводства и кризисов.

5. Буржуазная классическая политическая экономия выступала за максимальное ограничение вмешательства государства в экономику, за свободу торговли. Экономический либерализм в большей мере сочетался в ней с либерализмом политическим.

«Начала политической экономии и налогового обложения» были книгой для экономистов, а не для широкой публики. Но через год после ее выхода в свет Мак-Куллох опубликовал большую хвалебную рецензию, где попытался изложить идеи Рикардо в более популярной форме.

В 1819 г., когда вышло второе издание книги, Рикардо окончательно ушел из сферы бизнеса и отказался от членства на бирже. Его капитал к этому времени был вложен в землю, недвижимость и надежные бумаги. Дети Рикардо воспитывались как наследники богатого землевладельца, английского джентльмена.

Парламентская деятельность была весьма естественна для человека с положением и склонностями Рикардо. Чтобы попасть в палату общин, у Рикардо был только один путь — купить парламентское кресло у какого-нибудь обедневшего лендлорда, хозяина одного из многочисленных «гнилых местечек». Избранный от глухой ирландской провинции, Рикардо никогда не бывал там и в глаза не видел своих избирателей.

В парламенте он провел всего четыре года, но играл там довольно видную роль. Рикардо не принадлежал формально ни к правящей тори, ни к вигской оппозиции.

Экономические проблемы занимали важнейшее место в парламентской деятельности Рикардо. Он продолжал борьбу против хлебных законов, за свободу торговли, сокращение государственного долга, улучшение банковского дела и денежного обращения. Среди его речей были и выступления за свободу печати, против ограничений права собраний. Как и Адам Смит, Рикардо был в политике сторонником максимально полной демократии.

Теперь наукой он мог заниматься только в летние месяцы в Гэткомб-парке. Там он готовил третье издание своих «Начал», продолжал напряженно думать над проблемами стоимости, земельной ренты, экономических последствий применения машин. Велась интенсивная переписка с Мальтусом, Миллем, Мак-Куллохом, Сэем. Регулярные собрания экономистов в его доме привели в 1821 г. к основанию лондонского клуба политической экономии, где Рикардо был общепризнанным лидером.

Смерть настигла Рикардо внезапно. Он умер в Гэткомб-парке в сентябре 1823 г. от воспаления мозга. Ему был только 51 год.

Прошло почти 200 лет после выхода в свет «Опыта о законе народонаселения», но идея и имя его автора — Мальтуса — и теперь объект острых идеологических и политических дискуссий. От Мальтуса ведет свое начало мальтузианство — теория народонаселения, утверждающая, что все бедствия человечества должны быть приписаны перенаселению.

Томас Роберт Мальтус родился в 1766 г. в сельской местности недалеко от Лондона и был вторым сыном просвещенного сквайра (помещика). Поскольку состояния в английских семьях не делятся между детьми, он не имел наследства, но зато получил хорошее образование — сначала дома, а потом в колледже Кембриджского университета. Окончив колледж, Мальтус принял духовный сан в английской церкви и получил скромное место второго священника в сельском приходе. В 1793 г. он стал членом (преподавателем) колледжа и оставался им до своей женитьбы в 1804 г.

Много времени молодой Мальтус проводил в доме отца, с которым вел бесконечные беседы и споры на философские и политические темы. Старик был энтузиастом и оптимистом, а молодой человек — скептиком и пессимистом. Подыскивая аргументы в спорах с отцом, Мальтус натолкнулся у нескольких авторов на идеи о том, что люди размножаются быстрее, чем растут средства существования, что население, если его рост ничем не сдерживается, может удваиваться каждые 20 — 25 лет. Мальтусу казалось очевидным, что производство пищи не может расти столь же быстрыми темпами. Значит, силы природы не позволяют человечеству выбиться из бедности. Чрезмерная плодовитость бедняков — вот главная причина их жалкого положения в обществе.

В 1798 г. Мальтус анонимно опубликовал небольшой памфлет под заглавием «Опыт о законе народонаселения в связи с будущим совершенствованием общества». Свои взгляды он излагал резко, бескомпромиссно, даже цинично. Мальтус писал: «Человек, пришедший в занятый уже мир, если его не могут прокормить родители... и если общество не нуждается в его труде, не имеет права на какое-либо пропитание; в сущности, он лишний на земле. На великом жизненном пиру для него нет места. Природа повелевает ему удалиться, и не замедлит сама привести свой приговор в исполнение».

В жизни Мальтус, как сообщают современники, был общительным и даже приятным человеком. Он отличался удивительной уравновешенностью и спокойствием духа, никто никогда не видел его рассерженным, слишком радостным или слишком угнетенным. Такой характер позволял ему с равнодушием (может быть, и показным) выносить хулу, которой он подвергался за свои жестокие взгляды.

Правящим классам Англии, боявшимся влияния французской революции на народ, книга Мальтуса пришлась как нельзя кстати. Мальтус сам был удивлен ее успехом и занялся подготовкой второго издания. Он съездил за границу, где занимался сбором материала в обоснование своей теории. Второе издание резко отличалось от первого: это был обширный трактат с историческими экскурсами, критикой ряда авторов и т.п. Всего при жизни Мальтуса вышло шесть изданий «Опыта», причем последнее превышало по объему первое в 5 раз!

В 1805 г. Мальтус получил кафедру современной истории и политической экономии в только что основанном колледже Ост-Индской компании, где он исполнял обязанности священника. В 1815 г. Мальтус опубликовал работу о земельной ренте, в 1820 г. — книгу «Принципы политической экономии», в основном содержащую полемику с Рикардо. Лекции и выступления Мальтуса отличались сухостью, склонностью к доктринерству. К тому же его трудно было слушать, так как он от рождения страдал дефектом речи. По политическим взглядам Мальтус был вигом, но весьма умеренным, всегда стремился, как сказано о нем в английском биографическом словаре, к золотой середине. Умер он скоропостижно в декабре 1834 г. от болезни сердца.

Чтобы доказать свою теорию, Мальтус сразу ошаршивал читателя своей пресловутой прогрессией: каждые 25 лет население может удваиваться и возрастать как ряд чисел геометрической прогрессии: 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64...; тогда как средства существования могут якобы в лучшем случае возрасти лишь в арифметической прогрессии: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7... «Через два столетия народонаселение относилось бы к средствам существования, как 156:9; через три столетия, как 4096:13, а по прошествии двух тысяч лет

отношение это было бы беспредельно и неисчислимо».

Читатель был склонен забывать, что это только тенденции, и у него волосы становились дыбом от апокалипсического видения мира, где людям уже негде стоять, не то что жить и работать. Автор немного успокаивал его воображение, говоря что в действительности это невозможно: природа сама заботится о том, чтобы эта тенденция не стала реальностью. Как она это делает? С помощью войн, болезней, нищеты и пороков. Все это Мальтус считал как бы естественным (в сущности, божественным) наказанием человека за его греховность, за неистребимый инстинкт пола. Неужели нет другого выхода? Есть, говорил Мальтус в своей книге, начиная с ее второго издания: половое воздержание, поздние браки, безбрачие, вдовство. Но Мальтус сам не очень верил в эффективность этих мер и опять возвращался к неизбежности насильственного и жестокого сокращения народонаселения. Любопытно, что Мальтус отрицательно относился к противозачаточным средствам, вопрос о которых уже начинал обсуждаться в печати. Такое ограничение рождаемости он отрицал как вторжение в компетенцию природы, т.е. опять-таки бога. Перенаселение в системе Мальтуса не только проклятье человечества, но своего рода благо, божественный хлыст, подстегивающий ленивого от природы рабочего. Лишь постоянная конкуренция других рабочих, которых всегда слишком много, заставляет его работать усердно и за низкую плату.

Мальтусова теория страдает крайней негибкостью, догматизмом. Ограниченный и притом отнюдь не достоянный опыт определенной стадии развития капитализма она пытается выдать за всеобщий закон, действительный для любой эпохи и любого общественного строя.

Мальтус утверждал, что рост средств существования немедленно вызывает реакцию в виде увеличения рождаемости и численности населения, пока она не нейтрализует указанный рост. В действительности эта тенденция не только не является абсолютной, но на определенной стадии развития общества явно уступает место противоположной тенденции: увеличение средств существования и повышение жизненного уровня способствует снижению рождаемости и темпов роста населения. В современных богатых странах Запада есте-

ственный прирост населения в несколько раз ниже, чем в бедных странах Азии, Африки, Латинской Америки.

Представьте себе участок земли, на котором кормится один человек. Он вкладывает за год 200 человеко-дней труда и получает со своего участка, скажем, 10 тонн пшеницы, которых ему как раз хватает. Приходит второй человек (может быть, вырастает сын) и на том же участке вкладывает еще 200 человеко-дней. Поднимется ли сбор зерна ровно вдвое, до 20 тонн? Едва ли, полагает Мальтус; хорошо, если он возрастет до 15 или 17 тонн. Если же придет третий, то на новые 200 человеко-дней они получат еще меньше отдачи. Кому-то придется уйти.

Это в самом примитивном изложении так называемый закон убывающей отдачи (доходности), или так называемый закон убывающего плодородия почвы, лежащий в основе учения Мальтуса. При определенных условиях в экономике, очевидно, могут возникать такие ситуации и явления, когда прирост затрат не дает пропорционального прироста продукции, не нося при этом характер всеобщего закона.

Приведенный выше пример изображает условную ситуацию и не исчерпывает проблему использования человеком ресурсов природы. Труд, о котором идет речь, в реальной жизни прилагается в сочетании с определенными средствами производства. Если это сочетание правильно подобрано, отдача данного количества рабочих часов не уменьшится. Особое значение имеет технический прогресс, то есть вооружение труда все более производительными орудиями и методами. Данный участок может быть объединен с несколькими соседними, и отдача, весьма вероятно, возрастет в связи с увеличением масштабов производства, за счет лучшей организации, специализации, более эффективного применения техники.

Исторический опыт развития сельского хозяйства в капиталистических странах опровергает Мальтуса и его прогнозы.

Объективный смысл сочинений Мальтуса сводится к защите интересов земельных собственников. Сознательный контраст между собой и Рикардо, Мальтус сам отметил парадокс: «Несколько странно, что мистер Рикардо, который получает значительную ренту, так недооценивает ее национальное значение, в то время, как я, который

ренты никогда не получал и не надеюсь получить, возможно, буду обвинен в переоценке ее важности».

Смит и Рикардо считали, что ключевой проблемой для капитализма является накопление, обеспечивающее рост производства, тогда как со стороны спроса и реализации никаких серьезных трудностей не существует. Мальтус (одновременно с Сисмонди) выступил против этой точки зрения и впервые поставил в центр экономической теории проблему реализации. Разрешение этой проблемы Мальтус искал в существовании общественных классов и слоев, не относящихся ни к капиталистам, ни к рабочим. Предъявляемый ими спрос только и может, говорил он, обеспечить реализацию всей массы производимых товаров. Таким образом, спасителями общества у Мальтуса выступают те самые землевладельцы и их челядь, офицеры и попы, которых Смит в свое время прямо назвал паразитами.

Роберт Оуэн родился в 1771 г. в маленьком городке Ньютаун (Уэльс) в семье мелкого лавочника. В 7 лет учитель местной школы уже использовал его как своего помощника, но через 2 года школьное образование Оуэна навсегда закончилось. Он служил учеником и приказчиком в мануфактурных магазинах Стэмфорда, Лондона и Манчестера. Книги удавалось читать только урывками.

Манчестер был в это время центром промышленной революции, особенно бурно развивалось хлопчатобумажное производство. Для энергичного и дельного юноши, каким был Оуэн, скоро представилась возможность выйти в люди. Сначала он, взяв у брата деньги в займы, открыл с одним компаньоном небольшую мастерскую, изготовлявшую прядильные машины. Затем завел собственное крохотное прядильное предприятие, где работал с двумя-тремя рабочими. В 20 лет стал управляющим, а затем и совладельцем большой текстильной фабрики.

Будучи по делам фирмы в Шотландии, Оуэн познакомился с дочерью богатого фабриканта Давида Дэйла, хозяина текстильной фабрики в поселке Нью-Ланарк, близ Глазго. После брака с мисс Дэйл в 1799 г. переселился в Нью-Ланарк, где стал совладельцем (вместе с несколькими манчестерскими капиталистами) и управляющим бывшей фабрики своего тестя. Как пишет Оуэн

в своей автобиографии, он уже давно задумал свой промышленный и социальный эксперимент и прибыл в Нью-Ланарк с твердым планом.

Оуэн не посягал в то время ни на частную собственность, ни на капиталистическую фабричную систему. Но он поставил своей задачей доказать, что наемное рабство и угнетение рабочих вовсе не является

Роберт Оуэн.
Литография по портрету Р.Гофмана. 1857 г.

необходимым условием эффективного производства и высокой рентабельности. Он создал для рабочих элементарные человеческие условия труда и жизни, и отдача, как в виде повышения производительности труда, так и в виде социального оздоровления, оказалась разительной.

Оуэну приходилось вести постоянную борьбу со своими компаньонами, которые возмущались этими, с их точки зрения, нелепыми идеями и еще более нелепыми затратами и требовали, чтобы вся прибыль распределялась по паям. В 1813 г. ему удалось подыскать новых компаньонов, которые согласились получать твердый доход в размере 5% на капитал, а в остальном предоставили Оуэну полную свободу действий. К этому времени имя Оуэна было широко известно, а Нью-Ланарк стал привлекать толпы посетителей. Оуэн завел знакомства и нашел покровителей в самых высоких лондонских сферах: его мирная благотворительная деятельность мало кого беспокоила и многим казалась неплохим способом разрешения острых социальных проблем. Первая книга Оуэна «Новый взгляд на общество, или опыт о принципах образования человеческого характера» (1813 г.) была встречена благожелательно.

Но филантропия все менее удовлетворяла Оуэна. Он видел, что даже при известных успехах она бессильна разрешить коренные экономические и социальные вопросы капиталистической фабричной системы. Впоследствии он писал: «В немногие годы я сделал для этого населения все, что допускала фабричная система. И хотя бедный рабочий люд был доволен и, сравнивая свою фабрику с другими фабричными предприятиями, а себя с другими рабочими, живущими при старой системе, считал, что с ним обращаются гораздо лучше, чем с другим, и больше о нем заботятся, и был вполне удовлетворен, однако, я понимал, что его существование жалко в сравнении с тем, что можно было бы создать для всего человечества при огромных средствах, находящихся в распоряжении правительства».

Непосредственным толчком для превращения Оуэна из капиталиста-благотворителя в проповедника коммунизма послужили дискуссии 1815 — 1817 гг., связанные с ухудшением экономического положения Англии, ростом безработицы и бедности. Переустройство общества Оуэн мыслил через трудовые кооперативные общины, несколько напоминающие фаланги Фурье, но основанные на коммунистических началах. Он обрушился с критикой на три опоры старого общества: на частную собственность, религию и существующую форму семьи. Наиболее полно свои идеи Оуэн высказал в «Докладе графству Ланарк о плане облегчения общественных бедствий», опубликованном в 1821 г. Выступление против основ буржуазного общества потребовало от Оуэна большого гражданского мужества. Он знал, что вызовет ярость могущественных сил, но это не остановило его. До предела наивный при всем своем трезвом реализме, он верил, что власть имущие и богатые должны быстро понять благодетельность его плана для общества. В эти и последующие годы Оуэн без конца предлагал его правительству Англии и американским президентам, парижским банкирам и русскому царю Александру I. Все усилия Оуэна были напрасны.

Разочаровавшись в английском «образованном обществе», не имея связи с рабочим движением тех лет, утратив свое влияние даже в Нью-Ланарке, Оуэн с сыновьями уехал в Америку. Он купил участок земли и основал в 1825 г. общину «Новая гармония», ус-

тав которой основывался на принципах уравнительного коммунизма. Практический склад ума и опыт помогли Оуэну избежать многих ошибок, которые делали организаторы других подобных общин. Тем не менее это предприятие, поглотив почти все состояние Оуэна, окончилось провалом. В 1829 г. он вернулся на родину. Выделив некоторые средства своим детям (их было семеро), Оуэн в дальнейшем вел очень скромный образ жизни. В эти годы бурно росли производственные и потребительские кооперативы, объединявшие ремесленников, а отчасти и фабричных рабочих. Оуэн скоро оказался во главе кооперативного движения в Англии. В 1832 г. он организовал Биржу справедливого обмена труда. Биржа принимала товары (как от кооперативов, так и от других продавцов) по оценке, основанной на затратах труда, и продавала другие товары на «трудовые деньги». В конце концов биржа обанкротилась, и Оуэну пришлось из своих средств покрывать убытки. Оуэн стоит у истоков и другого движения рабочего класса, которому было суждено большое будущее, — профсоюзного. В 1833 — 1834 гг. он руководил попыткой создания первого всеобщего национального профессионального союза, который объединял до полумиллиона членов. Организационная слабость, недостаток средств, сопротивление хозяев, имевших поддержку правительства, — все это привело к распаду союза.

Абсолютная убежденность в своей правоте нередко делала Оуэна упрямым и нетерпимым. Обаяние гуманистического энтузиазма в сочетании с деловитостью, которое отличало Оуэна в молодости и в зрелые годы и привлекало к нему людей, отчасти уступило место навязчивому однообразию речей и мыслей. Сохранив до смерти большую ясность ума, он не избежал старческих странностей. В последние годы жизни Оуэн увлекался спиритизмом, стал склонен к мистике. Но он сохранил обаяние доброты, которое отметил Герцен. Всю жизнь Оуэн очень любил детей.

После 1834 г. Оуэн не играл большой роли в общественной жизни, хотя продолжал много писать, издавал журналы, участвовал в организации еще одной общины и неутомимо проповедовал свои взгляды. Его последователи образовали узкую секту, нередко выступавшую с довольно реакционных позиций.

Осенью 1858 г. Оуэн, в возрасте 87 лет, поехал в Ливерпуль и на трибуне митинга почувствовал себя плохо. Отлежавшись в течение нескольких дней, он вдруг решил отправиться в свой родной Ньютаун, где не был с детства. Там он и умер в ноябре 1858 г.

Оуэн был первым, кто из принципов классической школы сделал антикапиталистические выводы. Экономических вопросов он касается в своих сочинениях лишь слегка, не занимаясь ими специально. Оуэн был практик и свои экономические идеи пытался осуществить в жизни.

В основе взглядов Оуэна лежит трудовая теория стоимости Рикардо: труд есть создатель и мерило стоимости; обмен товаров должен осуществляться по труду. Но в отличие от Рикардо он считает, что при капитализме обмен не совершается по труду. По его мнению, обмен по труду предполагает, что рабочий получает полную стоимость произведенного им товара.

Для объяснения нарушения «справедливого» закона стоимости Оуэн обращается к идеям: во всем виноваты деньги, это искусственное мерило стоимости, вытеснившее мерило естественное — труд.

Оуэн предлагает ввести трудовую единицу в качестве меры ценности, обмен товаров на основе этого мерила, отказ от употребления денег. Это, по мнению Оуэна, разрешит самые трудные проблемы общества. Рабочий будет получать справедливое вознаграждение за свой труд. Поскольку вознаграждение, получаемое трудящимися, будет соответствовать истинной стоимости товаров, станут невозможны перепроизводство и кризисы.

Экономические взгляды Оуэна неразрывно связаны с его планом радикального преобразования общества, включая производственные отношения: справедливый обмен по трудовой стоимости требует ликвидации капиталистической системы! Лишь в будущем обществе без частной собственности рабочий будет отдавать свой труд «по полной стоимости». В таком случае отпадает и вопрос о капиталистах и землевладельцах. Они выигрывают от переустройства общества не как капиталисты и землевладельцы, а как люди.

Маркс и Энгельс отличали утопию Оуэна от других утопий той эпохи, подчеркивая ее коммунистический характер.

Системы Сен-Симона и Фурье не были до конца социалистическими. В их будущем обществе оставалась частная собственность с теми или иными ограничениями, оставались и капиталисты, в той или иной форме распоряжающиеся средствами производства и получающие доход от капитала.

Ячейкой коммунистического общества у Оуэна является небольшая кооперативная община. Частная собственность и классы в общинах полностью отсутствуют. Единственное различие, которое может создавать известное неравенство и в труде и в распределении, — это «различие в возрасте и опытности». Механизм распределения Оуэн почти не описывает. Много внимания Оуэн уделил формированию нового человека, причем изменение психологии он связывает прежде всего с материальными факторами — ростом богатства и удовлетворением потребностей.

Выходя за пределы общины, Оуэн пытался обрисовать общество, объединяющее большое количество таких ячеек. Между ними существует значительное разделение труда, а взаимный обмен осуществляется на основе трудовой стоимости. Для целей этого обмена какой-то союз общин будет выпускать особые трудовые бумажные деньги под обеспечение товарами на складах. В представлении Оуэна это новое общество должно было в течение какого-то времени сосуществовать со «старым обществом» и его государством, платить последнему налоги и продавать этому обществу товары на обычные деньги.

Оуэн обходил важнейший вопрос о том, каким образом, от кого получат общины исходные средства производства, в том числе землю. Иногда он дает понять, что средства производства будут безвозмездно переданы общинам государством или разумными капиталистами. Но в других работах он более реалистично говорит, что членам общины придется «оплачивать проценты на капитал, потребный для того, чтобы дать им работу». Выходит, от капиталистов общинам избавиться не удастся. В лучшем случае общины могут сохранить при себе предпринимательский доход, поскольку сами будут управлять производством.

СОБЫТИЯ В ГЕРМАНИИ И АВСТРИИ В 1815 — 1830 гг.

Многие германские политики и деятели культуры надеялись, что в результате победы над Наполеоном их народ освободится от иноземного владычества и получит, наконец, возможность обрести государственное единство и политическую свободу. Это дало бы новый толчок в развитии германской нации, которая до этого представляла на географической карте Европы «лоскутное одеяло». Надеждам этим не суждено было сбыться, так как Германия осталась разъединенной и раздробленной, за сферу влияния на ее территории между собой боролись государства-союзницы бывшей антинаполеоновской коалиции. И несмотря на то что по решению Венского конгресса был образован Германский союз. Это неустойчивое политическое образование не обеспечивало единства Германии, и не давало ей права считаться полноценным государством.

В Германский союз, кроме 38 малых германских государств, вошли и Австрийская империя (официально лишь часть ее земель), а также королевство Пруссия. Среди малых германских государств наиболее развитыми и влиятельными были Саксония, Бавария, Ганновер и Вюртемберг.

Союз оказался лишь на бумаге, так как он не имел ни общего коалиционного правительства, ни общего законодательства, ни объединенных вооруженных сил, а союзный сейм, который состоял из представителей всех германских государств и под председательством представителя Австрийской империи заседал во Франкфурте-на-Майне, реальной властью не пользовался. Каждое из государств Германского союза имело своего монарха, правительство, собственную армию, денежную систему, а также свои собственные таможенные тарифы.

Политический строй малых германских государств отличался крайней реакционностью, так как в большинстве из них была сохранена абсолютная монархия, и лишь некоторые южные государства (Бавария, Баден, Вюртемберг, Гессен-Дармштадт) ввели некое подобие конституционного режима, который тем не менее не предоставлял проживающим в этих государствах народам никаких политических прав и свобод. Лишь в четырех «вольных городах» — Гамбурге, Бремене,

Любеке и Франкфурте-на-Майне — управление производилось представителями слоя богатых коммерсантов, но во всех других государствах господствующим классом продолжало оставаться феодальное дворянство.

Несмотря на то что прусский император Фридрих-Вильгельм III два раза, в 1813 и 1815 гг., обещал ввести у себя в стране конституционную монархию, обещаний своих он не выполнил. Внутри страны насаждалась палочная дисциплина, которая распространялась не только на армию, но и на все другие сословия. В Пруссии в XVIII в. бурное развитие получила философия просветителей, благодаря гениальному мыслителю Иммануилу Канту, который жил в Кенигсберге и имел много учеников и последователей. Прусское дворянство противопоставляло этой философии свою собственную идеологию. В ней пропагандировался культ насилия, презрения к низшим сословиям, прославлялась война, насаждалась расовая ненависть.

Подобные реакционные порядки были установлены в Австрийской империи. Здесь феодальные отношения не претерпели практически никаких изменений и сохранились в своем средневековом состоянии дольше, чем в какой-либо другой стране. Кроме того, под властью венских правителей находилось множество славянских народов, венгров, итальянцев и др., которые подвергались, кроме феодального, еще и жестокому национальному гнету. Фактически в эти годы в стране правил всемогущий канцлер, что послужило поводом назвать систему политического управления в Австрийской империи «системой Меттерниха». Канцлеру удалось создать классическую схему полицейского государства, которая не раз впоследствии повторялась в истории: всеохватывающий полицейский надзор, тайная полиция, слежка за собственным населением и жестокие репрессии. Для того, чтобы удержать в своих руках все многочисленные народы, поработанные империей Габсбургов, Меттерних нашел хитрый способ ослабить национальное освободительное движение: он разжигал вражду, всячески натравливая один народ на другой. Меттерних ненавидел революции и презирал низшие сословия.

Политическая раздробленность Германии и господство реакционных режимов на ее территории были помехой не только на пути построения сильного госу-

дарства, но также препятствовали экономическому развитию малых государств. В те годы, когда эти земли входили в империю Наполеона, повсеместно начался процесс раскрепощения крестьян. Но как только над императором Франции была одержана победа, прусские дворяне приложили все усилия, чтобы затормозить этот процесс. В 1818 г. был издан закон, который предоставлял право выкупа феодальных повинностей лишь зажиточным крестьянам. Это позволило прусским юнкерам (помещикам) значительно расширить свои земельные владения, так как крестьяне вынуждены были уступать часть своей земли в виде выкупа. Но на этом феодальная верхушка не остановилась и в 1821 г. прусским правительством был издан закон о так называемом разделении «марки», согласно которому уничтожались сельские общины. Этим не преминули воспользоваться юнкера для захвата в свою собственность общинных крестьянских земель.

Промышленное производство в германских государствах сдерживалось медленным процессом раскрепощения крестьян, разницей таможенных пошлин между многочисленными германскими государствами, что очень сильно било по торговле. Тем не менее все больше развивалась фабричная промышленность, прежде всего в Рейнской провинции, где к тому времени появились крупные предприятия и получили распространение паровые машины. В Саксонии и Силезии активно развивалась текстильная промышленность, но в общей массе преобладали предприятия мануфактурного типа.

В империи Габсбургов фабричная промышленность раньше других стала развиваться в Чехии, а также в Штирии и самой столице государства — Вене. На всех же других территориях продолжало господствовать ремесло с цеховой организацией и техникой, остававшейся на уровне XVIII в.

Несмотря на сильную монархическую реакцию в германских государствах, борьба против эксплуататоров здесь все же велась. И хотя массового революционного движения в Германии не было, основную тяжесть борьбы с реакцией взяла на себя передовая интеллигенция и в первую очередь студенты.

Первая демонстрация студентов и профессоров произошла в Вартбурге 17 октября 1817 г. Это была памятная для немецкого народа годовщина Реформации,

в этот день отмечалось и четырехлетие Лейпцигской битвы. Несколько сот студентов и преподавателей выступили в защиту свободы и единства Германии. С этого момента в студенческих кругах постоянно росло недовольство, в 1819 г. студент Занд убил реакционного публициста и писателя Коцебу, что было проявлением ненависти к реакции и ее представителям. Данное со-

Клуб мыслителей «Еще одно немецкое общество».
Карикатура на Карлсбадские постановления. 1820 г.

бытие встревожило правящие круги.

В том же 1819 г. по инициативе австрийского канцлера Меттерниха в Карлсбаде (Карловы Вары) был созван съезд германских монархов и их министров. Собирались они с одной целью — выработать меры к полному искоренению революционного духа в своих странах. Распространялись, которые были приняты в Карлсбаде, распространялись на все государства Германского союза и вводили режим тотального полицейского террора. Была создана центральная следственная комиссия, которая стала органом полицейского сыска. В тюрьмы было брошено множество лиц, заподозренных в крамоле. Строгий надзор был установлен за всеми университетами и средствами печати. Любое проявление недовольства жестоко каралось.

После принятия карлсбадских постановлений в стране началась новая полоса преследований свободомыслия. Но все это было лишь агонией умирающего феодализма.

Неуклонное экономическое развитие Германии, которое порождало процесс роста прогрессивных сил в стране, продолжало расшатывать основы полицейского режима.

КЛАССИЧЕСКАЯ НЕМЕЦКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Несмотря на реакции и репрессии, в германских государствах велась активная культурная жизнь. Особенно большой толчок в своем развитии получила философская наука, что позволило впоследствии говорить о создании собственной школы, которая получила название классической немецкой философии.

Основателем классической немецкой философии общепризнанно является Иммануил Кант. В начале XIX в. его идеи получили дальнейшее развитие в творчестве Иоганна Готлиба Фихте и Фридриха Вильгельма Йозефа Шеллинга. Борьба между силами прогресса и реакции находила свое отражение в творчестве философов, приводя иногда к противоречивости их собственных взглядов. Особенно отчетливо это проявилось в философии гениального немецкого философа, крупнейшего представителя философской науки XIX в., Георга Вильгельма Фридриха Гегеля.

Гегель родился в 1770 г. в Штутгарте, его отец был высоким чиновником государственной службы. В 1788 г. Гегель в качестве стипендиата поступил в протестантское теологическое училище в Тюбингене, где подружился с Фридрихом Гельдерлином и Шеллингом. Здесь он вместе со своими друзьями переживает французскую революцию, которую они отметили посадкой дерева свободы.

В то время Гегеля не привлекали абстрактные метафизические проблемы. Он с удовольствием читал Платона, Гердера, Шиллера, Монтескье, а также Канта, имевшего в училище ряд приверженцев. Его излюбленным философом был идеолог демократии и революционного переворота Ж. Ж. Руссо.

После завершения учебы он вступил на «обязательный» путь немецкого интеллигента — стал домашним учителем в Берне. В 1797 г. по совету Гельдерлина он переселился во Франкфурт, где также работал учи-

телем. Теоретическим результатом этого периода был ряд очерков и исследований с критикой и анализом социальной роли христианства и его взаимосвязи с развитием общества. Центральным в этих исследованиях является понятие жизни, в котором прослеживается спекулятивное выражение общественных отношений. Исходное единство жизни диалектически превращается

Георг Вильгельм Фридрих Гегель.
Портрет работы Я.Шлезингера.

в свою противоположность — раздвоенность (Гегель называет ее «судьбой»), а с преодолением раздвоенности вновь возвращается к единству, но уже будучи богаче и конкретнее. Раздвоение жизни преодолевает любовь, которая усмиряет судьбу. Любовь представляет «цвет жизни»: раздвоенная, попранная жизнь в ней приходит к высшему единству, а также и к осознанию этого единства.

Эти очерки и исследования важны для познания развития мысли Гегеля и их влияния на последующее творчество. В первом трактате — «Различие между системами философии Фихте и Шеллинга» — содержатся реминисценции на эти ранние концепции.

На первые печатные работы Гегеля, к которым, кроме приведенного трактата, относится ряд статей в журнале, издаваемом им вместе с Шеллингом в 1801 — 1803 гг., наибольшее влияние оказали произведения Шеллинга. В стиле Шеллинга Гегель развивает теорию, согласно которой абсолютное начало вещей (которое Гегель называет «субъект-объект») фиксируется с точки зрения перспективы двух философских наук — трансцендентальной философии, предметом которой является субъект, и натурфилософии, которая занимается природой. С ян-

варя 1801 г. Гегель находился уже в Йене, где он провел 7 лет, с осени 1801 г. в качестве доцента, а с 1805 г. — как экстраординарный профессор. Из-за стесненности в финансовом отношении он переселяется в Бамберг. В Йене он написал свой эпохальный трактат «Феноменология духа», разработал очерк «Науки логики». Кроме «Феноменологии духа», эти труды не были изданы вплоть до 30-х гг. нашего столетия.

В Бамберге Гегель становится редактором центральных «Бамбергских новостей» (официальная французская газета). Кроме официальных сообщений Гегель помещал в газете небольшие заметки на злобу дня, имеющие пронаполеоновскую направленность, что соответствовало его политическим убеждениям — Гегель возлагал на Наполеона большие надежды относительно упорядочения внутригерманских отношений и улучшения положения страны. Эта деятельность, однако, не оправдала его ожиданий, и поэтому в 1808 г. он переходит на должность ректора гимназии в Нюрнберге, где провел 8 лет вплоть до своего назначения профессором в Гейдельберге. Затем его пригласили в качестве профессора в Берлин, где он жил с 1818 г. до своей смерти в 1831 г.

Во вступительной лекции в Гейдельберге (ее содержанием было введение в философию) он подчеркивал, что «прусское государство основано на интеллекте». Тем не менее отношение Гегеля к Пруссии до 1819 г. было критическим. Имя философа прусского государства он заслужил с изданием «Основ философии права» в 1821 г. Эта работа уже в то время вызвала критическую реакцию со стороны прогрессивной философской общественности. «Основы философии права» построены на либеральной теории «абстрактного права», они завершаются оправданием наследственной монархии и майората. Беспардонные нападки во введении к трактату на лидера националистически настроенных студентов Я.-Ф.Физа должны были оправдать участие Гегеля в национальном движении.

Философия Гегеля не была философией прусского двора, однако, в тогдашней Германии обладала властвующей интеллектуальной силой. Вокруг Гегеля сосредоточилась многочисленная группа последователей, которые вплоть до 40-х гг. поддерживали главное направление немецкой философии.

Пантеистический характер философии Гегеля наиболее заметен в его «Философии религии» и в разделе о религии в «Феноменологии духа». Исходным пунктом его «Философии религии» является идея о том, что неличное начало мира познает самое себя. Религиозные представления — лишь неадекватная идея самопознания «абсолютного духа». Адекватной формой этого осознания может быть лишь философия. В условиях жесточайшего авторитарного режима критика религии была косвенной критикой политических отношений.

Гегель подчеркнул, что абсолютное начало реальности должно быть родственным характеру нашего мышления, иначе его нельзя зафиксировать мыслью. Гегель разработал тезис о том, что познание является самосознанием абсолютного начала самой реальности. В характере реальности, которая в своей основе должна быть «духовной», чтобы мочь себя осознать, внутренне содержится и ее родство с нашим познанием. Поэтому основой реальности, по Гегелю, являются понятия, «определения мысли», но, разумеется, не субъективные, а объективные. Наиболее адекватно эта концепция проматривается в «Науке логики».

Характерным для Гегеля является его понимание познания, общества и форм, в которых общество осознает само себя, а также религии и философии как выражения направленности абсолюта к своему самопознанию. Это, согласно его взглядам, означает, что абсолют является не только субстанцией, но и субъектом, т.е. источником собственного движения к своему самосознанию.

В философской литературе уже при жизни Гегеля разгорелся спор о том, является ли его «Феноменология» философской «пропедевтикой», т.е. введением в философию, или ее задача — предварять «путь знания к науке», т.е. показывать, как знания человечества вылились в философию Гегеля. В действительности «Феноменология духа» является и тем и другим, ибо под введением в философию Гегель понимает не объяснение основных понятий, но оправдание своих философских позиций. Он оправдывает их тем, что показывает свою систему как завершение предшествующей истории познания и как результат общественного и культурного развития. Никаких других проверок правильности Гегель не признавал. Он написал аналогичное введение с доказательствами правильности собственных

позиций еще дважды — первый раз как введение к первой части «Энциклопедии», так называемой «Малой логике», второй раз — в форме «Истории философии».

Гегель убежден, что изучение тех этапов, которые прошло человечество на своем пути к «науке» (т.е. к философии Гегеля), является наилучшей подготовкой к внутреннему тождеству именно с той позиции, которую выражает его философия. Он говорил: «Индивид должен и с содержательной стороны пройти через образовательные ступени общего духа, но как через формы, которые дух уже оставил, как через этапы пути, который уже проложен и выровнен... Нетерпеливость требует невозможного, т.е. достичь цели без средств... Так как субстанция индивида, так как даже мировой дух был таким терпеливым, что прошел этими формами в течение длительного промежутка времени и взял на себя огромный труд мировой истории... и так как он не мог сознание о самом себе обрести никаким меньшим трудом, не может индивид и с точки зрения реальности понять свою сущность каким-либо более коротким путем...»

Своим современникам Гегель больше всего импонировал лекциями по философии истории, ибо они имели актуальное значение. Интерес к философии истории и философии права в этот период подготовил теоретическую почву для возникновения материалистической философии истории.

Для Гегеля история является сферой закономерности, которая имеет несколько иной характер, чем сфера природной закономерности. Законы здесь реализуются посредством сознательной деятельности людей. Шеллинг в «Системе трансцендентального идеализма» утверждает, что закономерность истории есть проявление неличной «абсолютной идентичности», которая объединяет наши индивидуальные цели с неличными целями истории. Гегель, хотя его идеальный принцип истории аналогичен, делает другой акцент. Если Шеллинг за действиями людей видит «таинственную руку» истории, Гегель стремится устранить видимость судьбы и загадочность истории. На первый взгляд история напоминает поле боя и потому необходимо доказать смысл и разумное в том, что вызывает впечатление неразберихи и крушения.

История является «развитием духа во времени», имеется в виду «мировой дух».

Цель истории — развитие свободы гражданина в «гражданском обществе». «Свобода, — говорил Гегель, — является сама в себе целью духа. Мировая история была направлена к этой окончательной цели, которой на протяжении многих веков приносятся жертвы на алтаре мира. Только эта последняя цель воплощается и реализуется, только она является в изменении всех событий и отношений тем... что в них воистину действительное». Гегель различает три основных этапа мировой истории. Древние восточные народы знали, что свободным является лишь один-единственный человек; греки и римляне полагали, что свободной является определенная группа людей, и лишь современные «германские» народы полностью осознали, что все люди свободны.

По мнению Гегеля, принципом исторического развития является отражение состояния общества. «Знанием, — говорил Гегель, — дух разграничивает знание и то, чем оно является; это знание образует затем новую форму развития». Когда «дух эпохи» поймет сам себя, то форма исторически завершится. Понимание, по Гегелю, значит преодоление до сих пор существующей формы духа и тем самым исходной точки нового «духа эпохи».

«Дух эпохи» является важной концепцией в двояком смысле. С одной стороны, в ней содержится факт, что сначала образуются экономическая и государственная организации, а затем идут все остальные элементы общественной жизни, которые возвышаются над ними, вплоть до религии или философии, и что все это образует единое целое. В «Истории философии» Гегель так представляет эту структуру: «Это единая определенная сущность, единый определенный характер, который проникает через все стороны и проявляется в политическом и иных моментах как в своих различных элементах. Это единое состояние, взаимно связанное всеми своими частями, отдельные стороны которого пусть даже выглядят различными и случайными, пусть даже кажется, что они взаимно противоречат, но они ведь не содержат в себе ничего, что бы было по отношению к началу неоднородным». И в другом месте: «Этот богатый дух народа является организацией, является домом, который имеет крышу, лестницы, колонны, залы, много отделений, которые возникают из единого целого и еди-

ной цели». Самосознание, которое наступает тогда, когда возможности определенного «духа эпохи» уже исчерпаны — сова Минервы летает ночью, — «дух эпохи» замыкается и выходит за свои пределы. Это второй важный аспект «духа эпохи».

Развитие «мирового духа» проходит не автоматически, оно не может обойтись без практического участия людей, без «человеческой активности вообще». Человеческая активность, мотивированная разобщенными эгоистическими потребностями, интересами, даже страстями индивидов, образует, по Гегелю, единственное адекватное средство, посредством которого история реализует свою внутреннюю наиболее желаемую цель.

Далее Гегель развивает диалектическую концепцию так называемого коварства разума, которая исходит из идеи шеллинговской «бессознательной» деятельности. Исторический прогресс невозможен без упорного труда и борьбы, поэтому можно сказать, что «мировая история не является юдолью счастья». Однако сам дух не может ни работать, ни воевать и поэтому позволяет действовать за себя человеку.

Важное место в истории принадлежит так называемым «всемирно действующим индивидам», подлинным историческим героям, интересы, потребности и страсти которых ведут к свершениям эпохального значения. Их действия вытекают из эгоистических побуждений. Однако важно то, что эти побуждения покоятся на определенном сознании, что позволяет реализовать общую «волю мирового духа». Типичным примером является Александр Македонский и Цезарь.

Внутренний характер идеи у Гегеля всегда должен стать внешним, чтобы идея стала реальностью. Объективизацией свободы в истории является государство. Оно — «предмет, в котором свобода обретает и переживает свою объективность...» Этим самым, по Гегелю, образуется единство истории и государства. Народы, которые не образовали государства, не принадлежат истории, они вечно внеисторичны.

Движение исторического «мирового духа» проходит по степеням, свобода реализуется постепенно, в следовании ограниченных во времени исторических эпох. Каждую из них представляет определенный характерный «народный дух», т.е. народ, который в данную эпоху стал по причине своего характера — по своему

пониманию общественной нравственности, государственного устройства и т.д. — важнейшим в историческом смысле. Как только он выполнил свою историческую роль — передает эстафету следующему и навсегда уходит в сторону.

Необходимое следование «народных духов» в истории, по Гегелю, выглядит следующим образом. Ниже всех стоят народы восточного мира — Древний Китай, Индия и Персия. После них следует греческий мир, общины Древней Греции, которые сменяет универсальная империя римлян. Высшую эпоху мировой истории представляет германский мир, охватывающий христианские народы Западной Европы.

Древние восточные народы, в частности Китай и Индия, по Гегелю, принадлежат истории, но история в этом случае остановилась на своей низшей ступени, ибо эти общества еще не способны прийти к полной рефлексии, к полному осознанию самих себя, своей свободы. Поэтому они отличаются «неисторической историей», являются «царствами пространства». Эта «неисторичность» первых исторических народов связана с неразвитой индивидуальностью личности. Где индивид является безвольным органом государственной власти, там нет места для развития индивидуальности.

Жизнь в общности заменяет человеку жизнь в природе. Человек, по Гегелю, отличается от животного тем, что может удовлетворять свои потребности лишь при помощи других людей. В первых обществах этот характер выражался прямо: человек был органом прямого общественного разделения труда без возможности создать индивидуальное содержание жизни. Поэтому рефлексия здесь имеет характер мифа, в котором человек слишком сливается с предметом своей рефлексии, в котором отсутствует осознание человеческой автономности, свободы относительно мира.

После древнего Востока в историю вступает античная Греция. Античный полис — это уже «нравственная деятельность», которая является взаимным единством индивида и общины, индивида и закона. Здесь уже не существует слепой подчиненности индивида общности, которая выступает по отношению к индивиду как чуждый фетиш. Индивид внутренне отождествляется с законом, с нравственными обычаями и познает свою волю, хотя он и не может ее сам выразить. Греческий

полис является, однако, субстанциональной нравственной действительностью, или только непосредственной реальной нравственной действительностью. Развитой нравственной действительностью будет лишь современное Гегелю буржуазное общество. Греческая субстанциональная нравственная действительность отличается тем, что сознание индивида имеет неререфлектированное, но внутренне искреннее доверие к нравам и законам.

«Счастье», которое греческий гражданин обретает благодаря тому, что живет свободно и в неререфлектированной гармонии с другими и со «всеобщей субстанцией», имеет свою внешнюю и внутреннюю границу. Внешняя граница проявляется в том, что свободой пользуются лишь некоторые. С существованием рабства связана внутренняя граница греческой свободы. Свобода здесь не для всех, она является свободой «счастья» и «гения». Греческий гражданин пред принятием решения прибегает к гаданиям, помощи оракула либо ждет знамения, что является признаком того, что он еще не достиг субъективной воли, а тем самым и своей самостоятельности. Иначе говоря, индивид здесь еще не является «личностью», ибо его воля не определяется им самим.

С развитием частного образа мышления граждан греческое государство приходит в упадок. На следующем шаге истории формируется государство как «политическая общность», независимая от убеждений своих граждан. Все это реализуется в Римской империи. В Риме гражданин представляет собой «нечто в себе», независимое от государства, но это естественное бытие он имеет лишь в реальности, которую он сам создает как правовое лицо в отношениях собственности. В этом смысле, все личности в Риме равны. Личность поэтому является принципом лишь «абстрактного внутреннего». Подобным образом государство является принципом абстрактного общества, которое выступает против индивида как фатум: «С одной стороны, фатум и абстрактная общность, с другой стороны, индивидуальная абстракция, лицо, которое содержит определение, что индивидум представляет собой нечто в себе не своей жизнью, индивидуальной полнотой, но как абстрактный индивид».

С преодолением непосредственного общества римское

«правовое состояние» разрушает черты натуральности, которые существовали в греческом государстве и в сознании греческого гражданина. С преодолением непосредственной принадлежности к общине и с возникновением субъективной воли появляются условия для адекватной рефлексии сущности человека как существа, которое становится само собою потому, что преодолевает природу. Пока индивид полагал свою сущность вне себя, в общине он не мог осознать все бремя человеческого удела.

Недостаток внутреннего единства в империи способствует тому, что правитель имеет абсолютную власть над своими подданными, которые принимают ее как судьбу. В этой ситуации человек осознает тяжесть и несчастье своего существования.

Стоицизм, скептицизм и эпикуреизм представляют философскую рефлексию уделом римлянина; утверждают, что основой человеческой жизни является несчастье, которое имеет ту позитивную сторону, что оно внутренне освобождает человека. Человек, который выстрадал познание человеческого естества, не может принимать решения по полету птиц и гаданию. «Человеку принадлежит безграничная сила решения».

После упадка и гибели Рима на сцену выходит германская эпоха, которая является последней, ибо доводит внутреннюю цель истории до полной действительности. Это происходит потому, что история германских народов опирается на принцип христианства, который провозглашает, что человек является в смысле бытия свободным, что все равны через свою свободу.

Внутренняя свобода человека существует лишь в виде абстрактного требования, которое должно исторически реализоваться и воплотиться. Длительная история германского мира, по Гегелю, состоит из трех основных периодов. Первый, самый ранний, начинается с проникновением новых германских народов, которые как носители христианства овладели Западной Европой. Заканчивается он выходом на арену истории Карла Великого. Второй период ограничен властью Карла Великого и Карла V (первая половина XVI в.) и определяется упадком духовного содержания христианства, которое, по словам Гегеля, все больше «выходит из себя», т.е. все больше ориентируется на выс-

шие, чисто светские экономические и политические интересы: «Христианская свобода перешла в свое обратное в религиозном и светском плане. С одной стороны, она превратилась в жесточайшее рабство, с другой стороны, в аморальнейшие эксцентричности и жестокости всех страстей». Светской аналогией упадочных церковных отношений является феодальная система государства, опирающаяся на привилегии правителей и послушание подданных.

Третий период германского мира представляет собой Новое время — от немецкой Реформации до современности. Реформация обновила и углубила внутреннюю свободу, которая в католической церкви преобразовалась в почитание внешнего авторитета. Гегель подчеркивает, что для дальнейшего развития решающими являются два момента: создание государства и преобразование протестантской религиозной формы свободы и внутренней жизни человека в индивидуальную волю, которая хочет свободно проявиться. Реально это означает: свобода ремесел, право человека продавать свою способность к труду и умение, свободный доступ ко всем государственным учреждениям.

Реализацию свободы как универсального человеческого права Гегель считает явлением мирового значения, которое начала французская революция. Поэтому революция для него — несмотря на все предубеждения, с которыми он относится к революционному террору, — является величайшим явлением истории. «Был это прекрасный восход солнца».

И хотя Гегель без предубеждений принимал только принцип революции и ее историческую необходимость, но ни в коем случае не ее историческую форму, включая политическую революционную борьбу, в целом он переоценивал ее значение в экономическом развитии общества. К пониманию экономики он ближе всего подходит в «Основах философии права».

«Основы философии права» являются одним из основных философских трактатов Гегеля и вместе с тем политическим памфлетом. Более того, Гегель в них выражает более позитивное отношение к прусскому государству, чем это есть на самом деле. На первых страницах работы Гегель обрушивается на воззрения, согласно которым истинный дух общества, объединяющий граждан в одно целое, возникает исключительно снизу,

не нуждается в законах и распространяется по «святой цепи дружбы». Эта критика соответствует его взглядам, ибо Гегель был противником того, чтобы установки обосновывались «чувством», «сердцем» или же «воодушевлением», как это делал коллега Гегеля Фриз. По Гегелю, задача философии состоит в том, чтобы проанализировать подобные «беспочвенные» способы мышления.

Вторым и более ясным яблоком раздора в спорах, вызванных книгой Гегеля, был тезис о тождестве разумного и действительного. Эта формула не означает того, что все существующее является разумным, потому, что Гегель видит различие между существованием и действительностью. «Основания философии права» Гегеля, однако, затрагивали более широкий круг общности, чем круг его интерпретаторов и учеников, и поэтому данное утверждение принималось прямолинейно как доказательство его оправдания прусского государства.

Философия права Гегеля начинается учением об «абстрактном праве», т.е. об отношении индивида к другим индивидам, вытекающим из сути человека, пришедшего к осознанию личной свободы. О праве можно говорить лишь там, где индивид принимает решение по своей воле, где он является «личностью» и субъектом права. По Гегелю, это происходит в Римской империи.

Гегель исходит из идеи, что собственность является чем-то гораздо более важным, чем просто накоплением средств для удовлетворения потребностей. «Иметь собственность является по отношению к потребности (если потребность выступает как нечто первичное) средством». Действительное значение собственности состоит в том, что она является «сущим личности», «внешней сферой ее свободы». В этом основном определении видна тенденция к изменению исторически возникшего качества человека в «естественное», «натуральное», которое характерно для догегелевской «естественно-правовой теории» и для английской политической экономии. Человек как личность естественным образом является собственником, и собственность есть проявление его личной воли. Можно было бы сказать, что, по Гегелю, «римское состояние» и «личность» являются продуктом истории. Однако вследствие теоло-

гического понимания истории личная воля является внутренне присущим «естеством» человека, до которого человеку еще нужно созреть и которое он изначально потенциально имеет. Поэтому существует определенная аналогия между теорией естественного права и гегелевской концепцией «абстрактного права», или же между Гегелем и «робинзонадами» английской политической экономии.

Все дальнейшее изложение «естественного права» развивается из идеи, что «в собственности воля проявляется как личная воля, т.е. воля индивида становится объективной...». Вещи являются сами, без «господина», собственность означает, что в вещь, на которую я претендую «обладанием», я вкладываю свою личную волю. Обладание устанавливается путем «формирования» — примерами обладания являются возделывание полей, приручение скота, добывание природных веществ и т.д. Во всей этой концепции, с одной стороны, говорится о неприкасаемости моей личной воли и о ее «признании», с другой стороны, о фиктивном обосновании общественных отношений в отношении человека к природе.

В отличие от английской политической экономии, которая от присвоения предметов природы идет к обмену и разделению труда, Гегель главный упор делает на правовой политический аспект обмена: если собственность является выражением моей личной воли, обмен означает (Гегель говорит уже «договор») «признание» другого как равного мне (обмен с моей стороны означает, что со своей вещи я «снимаю» свою волю, чтобы сделать вещь предметом воли другого, т.е. что признаю его равным себе; то же самое делает другой по отношению ко мне).

По Гегелю, необходимо, чтобы личность имела собственность. Поэтому Гегель отвергает идею общественного имущества, так же, как и идею Фихте о равенстве доходов. С точки зрения Гегеля, все гражданское общество является обществом собственников, взаимно обменивающихся вещами, которыми они владеют, и тем самым предлагающих друг другу «признание». Предметом собственности и обмена может стать все, что угодно, кроме того, что по сути неотчуждаемо. Неотчуждаемыми являются лишь «моя собственная личность и общее бытие моего самосознания... так же

как... моя личная свобода воли, нравственность, религия». Отдельные продукты телесной и духовной активности отчуждаемы, так же как отчуждаемо и временно ограниченное использование «телесных и душевных способностей». Посредством их продажи в процесс взаимного обмена и признания вступает пролетарий. Экстериоризация его «времени, которое в труде становится конкретным временем» была бы равна рабству, что противно «понятию человека». Как видно, Гегель наблюдает отношения капиталиста и пролетария прежде всего с точки зрения права — это единственный способ, каким пролетарий (слово «пролетарий» начало употребляться только в 30-гг., Гегель его еще не употреблял), не имеющий никакой внешней собственности, может достичь признания.

После изложения «абстрактного права» Гегель переходит к разъяснению моральных отношений как сферы, основанной на субъективном самоопределении воли. Главным пунктом теории морального поведения Гегеля является идея о том, что индивид может проявляться внешне в своих действиях, ибо это есть способ его существования для других. Каждое действие ведет к бесконечным следствиям, ибо из принципа личной ответственности вытекает, что индивид отвечает за свое действие лишь постольку, поскольку оно было задумано и поскольку его следствия могут быть предвиденными. В то же время предполагается, что действующий человек является разумным человеком и что он знает, к каким необходимым следствиям его действие приведет. Право на «субъективную собственность» предполагает реализацию личных интересов индивида. Сюда относится и право на индивидуальное «благо», которое, по Гегелю, не исключает принципа личной собственности и справедливо как некий вид вынужденного права. «Право на собственность» приобретает конкретное содержание лишь в организме «нравственной жизни», в «гражданском обществе» и государстве.

В концепции «нравственной действительности» реализуется общественная жизнь. Гегель называет эту сферу «нравственностью» или «нравственной действительностью» и относит к ней законы интуиции, регулирующие семейную жизнь, экономические законы «гражданского общества», государственной сферы.

Семейные, социальные и государственные институты обеспечивают право на свободный брак, право понимать действующие законы и руководствоваться лишь законами, публично известными, право выбирать способ, каким индивид будет участвовать в производстве и общественном потреблении, право на образование. Сюда относится также право на правовую охрану и безопасность, на совместное определение «публичных дел государства» и т.д. Как видно, речь идет о буржуазных правах. Г. Рейхельт обратил внимание, что тезис Гегеля «человек имеет силу потому, что он является человеком, а не потому, что он еврей, католик, протестант, немец, итальянец и т.д.» указывает на прусский государственный свод законов, вышедший до этого за несколько лет (даже французский Гражданский кодекс, изданный в 1804 г., не признает одинаковых прав за всеми, но лишь за французами). Рейхельт указывает, что, начиная лишь с 1807 г., гражданин недворянского происхождения мог владеть дворянским имуществом и что уравнивание в правах евреев было проведено лишь в 1812 г.

Влияние английской политической экономии проявляется в том, что Гегель рассматривает труд как труд за плату, что всех членов общества он считает собственниками в универсальной сфере обмена и что он замечает такие явления, как накопление богатства, с одной стороны, и специализация и ограниченность труда — с другой, и «тем самым зависимость класса, который с этим трудом связан...» Гегель проследживает рост обнищания, который проявляется в падении жизненного уровня значительных масс «ниже определенного уровня основ существования», и подчеркивает, что уровень этих основ существования регулируется некоей саморегуляцией. В буржуазном обществе «оказывается, что при избытке богатства оно недостаточно богато, чтобы ограничить избыток бедности и образование нищеты». По мнению Гегеля, английское общество очутилось в этом неблагоприятном состоянии вследствие ликвидации «корпораций», т.е. цеховых организаций. Поэтому в «Основаниях философии права» Гегеля корпорации сохранены как элемент семейных институтов, ибо семья ремесленника или мастера имеет в них гарантию «основ существования, а он сам — свою сословную честь». Главный рецепт про-

тив роста бедности Гегель усматривает — в духе английской политической экономии — в колонизации заморских стран.

Однако в ряде концепций Гегель не стоит на позициях наиболее передового понимания экономической жизни своего времени. Так, например, потребность является для него центральным понятием гражданского общества, которое понимается как взаимное удовлетворение потребностей посредством разделения труда, тогда как английские экономисты уже подходили к пониманию капитала как власти стоимости, созданной пролетариатом, но отторгнутой от него.

«Философия права» Гегеля завершается концепцией государства, в которой звучит энтузиазм по отношению к античной государственности, проявившейся уже в самых ранних трактатах. По Гегелю, античный гражданин отождествлял себя с законами государства и правами семьи, не будучи при этом несвободным. Современное государство должно поступать так же и на высшем уровне индивидуальной жизни граждан, которые созрели до уровня личности. Задачей государства является опосредование реализации отдельных свободных индивидов через законы и учреждения. Это не значит, что государство должно в интересах свободной реализации индивидов разрешить все. Государство должно иметь институты и органы, которые следят, чтобы граждане не преступали своих прав. Государство уважает права индивидов как индивидов, индивиды со своей стороны как граждане государства признают в законах и институтах выражение своей собственной воли, объективацию своего общего «духа» и конечную цель своей деятельности. Теория государства у Гегеля по сути является буржуазной. Тезис о том, что государство Нового времени должно покоиться на общеобязательных, объективных, «разумных» законах, гарантирующих права всех граждан, исходит из ведущей идеи французской революции; Гегель выступает против реакционных реставраторских концепций, в частности против теоретика патримониального абсолютизма К.-Л. Геллера, согласно которому власть правителя является источником всех законов.

Другим центральным мотивом является идея государственной администрации как «общего сословия», которое печется об общих интересах общества и управ-

ливает тем самым частные интересы двух остальных сословий: сельского и ремесленного. Гегель делит «политическое государство», т.е. институциональную сторону государства, на власть законодательную, властвующую (т.е. исполнительную) и правящую. Тем самым он повторяет известное деление власти у Монтескье, с тем различием, что вместо судебной власти вводит правящую власть (судебная власть, по Гегелю, относится к институтам «гражданского общества», а не «политического государства»). Значение правящей власти, по Гегелю, заключается в том, что государственная администрация должна обладать «моментом окончательного решения». Правящая власть является «общностью предписаний и законов самоуправления как отношения частного и общественного и момента окончательного решения как самоопределения...». Правитель здесь не властвует неограниченно, он должен опираться на закон, который имеет в себе момент «разумности», а именно он должен уважать индивида как «свободную субъективность» и понимать этих индивидов («субъективное убеждение»). Правитель необходим для того, чтобы прийти к окончательным решениям в случаях, автоматически не вытекающих из предписаний и законов, на которые опирается деятельность государственной администрации. В «Основаниях» Гегель красноречиво говорит о «сословии нужды», в котором на первый план выступает личность суверена в противоположность мирному сословию, а также об «уверенности в самом себе — том окончательном, что порывает с выведением доводов и антидоводов, между которыми всегда можно колебаться сюда и туда, и решает: я хочу».

Утверждение о личной воле как о необходимой вершине государственной бюрократии имеет широкие теоретические доводы и соответствует убеждению Гегеля, которое он пронес через всю жизнь. В «Основаниях философии права» он выводит необходимость определения правителя на основе «естественного рождения», т.е. необходимости наследуемой династии правителей.

Эта крупнейшая философская система своего времени была отягощена внутренними противоречиями, и, вследствие быстрого общественного развития, вскоре после смерти своего творца перестала отражать эпоху.

ГЛАВА 2

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ В РОССИИ

ПОЛОЖЕНИЕ В РОССИИ ПОСЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

В годы существования Священного Союза, когда в странах Европы начался новый подъем революционного движения, в России появились первые революционные общества. Убеждения первых русских революционеров находились под воздействием взглядов передовой европейской общественности, а поэтому распространение революционных идей, которое захватило и Россию, объясняли «духом времени». Один из виднейших участников революционных событий начала XIX в. в России П.И. Пестель писал: «Нынешний (век) ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции... То же самое зрелище представляет и вся Америка. Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клочкотать».

Коренные причины начала русского революционного движения определялись социально-экономиче-

скими условиями России — разложением феодализма и зарождением новых капиталистических отношений. Но так же, как и в Европе в разных странах эти процессы происходили на неодинаковом уровне, так и в России они имели свои характерные особенности.

Не могли не сказаться на экономическом состоянии страны последствия войны 1812 года. Большие затраты на ведение многолетней войны нанесли экономике страны огромный ущерб. Это отразилось на положении широких народных масс. Так население с 1813 по 1817 гг. сократилось почти на 10% (с 45 млн. человек до 41 млн.). Разорились сотни тысяч крестьянских хозяйств. Это привело к тому, что недоимки по податям в 1814 г. уже превысили 160 млн. рублей ассигнациями. Кроме этого, сильно пострадала промышленность, особенно в районах, охваченных войной. Было нарушено денежное обращение, поскольку для покрытия военных расходов правительство только за 1812 — 1814 гг. выпустило почти четверть миллиарда бумажных денег. Это привело к падению кредитного рубля до 20 копеек серебром.

Так как в России в то время не существовало еще крупного промышленного производства, то при несложной технике мануфактурного производства довольно быстро удалось восстановить российский промышленность. Это даже привело к относительному росту производства, и уже во второй половине 20-х гг. XIX в. в России насчитывалось около 1800 мануфактур, на которых было занято 340 тыс. рабочих. Тем не менее промышленность все еще находилась на низком уровне развития и даже наиболее крупные предприятия являлись мануфактурами, на которых преобладала ручная техника с весьма низкой производительностью труда. Это приводило к тому, что промышленные изделия, произведенные в России, были невероятно дороги, а поэтому не могли выдержать конкуренции с иностранными фабричными товарами. Покупательная способность населения России была невысока, а поэтому на растущем внутреннем рынке товары отечественного производства имели ограниченный спрос.

Так же, как и промышленность, было разорено сельское хозяйство. Восстанавливалось оно не с помощью

введения новых прогрессивных способов производства сельскохозяйственной продукции, а за счет усиления эксплуатации крепостных крестьян. А так как после войн с Наполеоном в Европе произошел резкий скачок цен на хлеб и другое сельскохозяйственное сырье, российские помещики, стремясь извлечь из этого максимальную выгоду для себя, всячески повышали размер оброка, увеличивали барщину и расширяли барскую запашку. Это было настоящим бедствием для сильно пострадавших от последствий войны крестьян. В ответ на усиление крепостнического гнета с середины второго десятилетия XIX в. в Российской империи начался подъем антикрепостнического движения. Только за 1816 — 1820 гг. в стране произошло около 87 крупных волнений помещичьих крестьян. Наибольший размах это движение получило в 1818 — 1820 гг. на Дону, где в выступлениях участвовало около 45 тыс. крестьян, которые отказывались от работ на помещиков и вступали в открытую вооруженную борьбу с посланными на усмирение бунта карательными отрядами.

Царское правительство не останавливалось ни перед чем, чтобы беспощадно подавить крестьянские выступления. Были изданы специальные указы, согласно которым помещики имели право ссылать своих крепостных в Сибирь. Подобная позиция правительства объясняется тем, что в эти годы царь Александр I часто отсутствовал, принимая активное участие в конгрессах Священного Союза и лично проводя переговоры с представителями других европейских государств. Во время его отсутствия практически неограниченной властью пользовался генерал Аракчеев, который стоял на ярых крепостнических позициях. Сам царь также поддерживал подобную политику и с целью укрепления реакционного режима ввел в стране так называемые военные поселения. Это был особый вид войск в количестве около 375 тыс. человек. Все крестьянское население, которое проживало на территориях военных поселений, обязано было нести военную службу и одновременно заниматься сельским хозяйством, обеспечивая сами поселения продовольствием и фуражом. Они были расположены в 6 губерниях западной части европейской России — от побережья Балтийского моря до берегов Черного моря. Жизнь поселенцев была подчинена строгой регламен-

тации и находилась под постоянным надзором военного начальства. Дети военных поселенцев отдавались в военную муштру в возрасте 7 лет.

Считалось, что подобная политика дает возможность царскому правительству иметь огромную постоянно действующую армию, при этом ничуть не увеличивая расходов на ее содержание. На самом деле это были лишь фантазии российского императора, так как боеспособность подобных войск находилась на низжайшем уровне. Кроме того, каторжный режим, который существовал на военных поселениях, приводил к постоянным бунтам, которые приходилось подавлять с помощью военной силы. Эти поселения были олицетворением и символом ненавистной народу «аракчеевщины». Практика их создания постоянно критиковалась и осуждалась в передовых кругах российского общества.

Для предотвращения развития прогрессивных идей и революционной мысли в России были введены беспрецедентные стеснения образования и печати. Дело дошло до того, что министерство просвещения в 1817 г. было преобразовано в министерство духовных дел и народного просвещения. Из университетских программ были исключены любые прогрессивные тематики, а профессура подвергалась жестоким гонениям.

Кроме этого, царское правительство уделяло большое внимание созданию официальной реакционной идеологии. Именно в эти годы Н. М. Карамзин создал официальную самодержавно-крепостническую концепцию историографии царской России. На протяжении 1816 — 1824 гг. он опубликовал 11 томов «Истории государства российского» (в 1829 г., после смерти Карамзина, был издан двенадцатый, последний том). В своей истории Карамзин довел изложение исторических событий до начала XVII в. Весь труд написан с монархической и националистической точки зрения. Ход развития истории России объяснялся действиями самодержавия и дворянства, а колониальные завоевания русских царей оправдывались якобы стремлением малых народов объединиться с русскими в одно государство.

Суровым репрессиям подвергались прогрессивные русские писатели. Их произведения проходили через придирчивую цензуру. Из печатных текстов вырезались малейшие антиправительственные намеки. Да-

же молодому А.С. Пушкину угрожала Сибирь только лишь за свободолюбивый дух его поэзии, но только благодаря заступничеству влиятельных друзей поэта наказание было заменено в 1820 г. ссылкой в Бессарабию. Любому образованному человеку в те годы было ясно, что самодержавно-крепостнический строй России с каждым годом становился все большим препятствием для прогрессивного развития страны. Но помещики-дворяне по собственной воле ни за что бы не отказались собственной власти. Для того, чтобы страна пошла по прогрессивному пути развития, необходимо было, как минимум, добиться свободы для крестьян. Но огромные массы темного российского крестьянства не способны были на организованные действия, хотя повсюду в стране продолжались стихийные выступления крепостных. Российская буржуазия при неразвитости экономики страны была малочисленна, слаба и политически пассивна. Все это привело к тому, что во втором десятилетии XIX в. ведущая роль в зарождающемся русском революционном движении принадлежала представителям прогрессивной и образованной части дворянства.

Мировоззрение этой части русской дворянской молодежи развивалось в начале XIX в., в годы, когда в самой России царил сложная и противоречивая обстановка. В то же время, повсюду в Западной и Южной Европе происходил подъем революционных и освободительных движений. Молодые дворяне, многие из которых принимали участие в военных походах против Наполеона, собственными глазами наблюдали резкий контраст между бедственным положением крепостных крестьян в России и средним уровнем жизни населения западных стран. С детства они слышали рассказы об убийстве заговорщиками царя Павла I, о свержении королевской власти во Франции и других странах. Они читали труды французских просветителей XVIII в. В те годы по рукам ходили рукописные списки «Путешествия» Радищева и другие произведения прогрессивных русских и иностранных писателей.

Молодые представители передовой русской аристократии начинали задумываться над резкими контрастами между Россией и странами Европы. В то время как в революционной Франции были возглашены «свобода, равенство и братство», в самой России царил неог-

раниченное самовластие крепостников-феодалов и царских властей, действия которых не регламентировались никакими законами. Бурные политические события, которые происходили в конце XVIII — начале XIX вв., заставляли задумываться над общественно-политическим положением внутри России, неизменно пробуждая критическое отношение к самодержавно-крепостническому строю.

Почти все члены первого русского революционного общества были участниками Отечественной войны и последующих антинаполеоновских войн. Позже они с гордостью говорили: «Мы были дети 12-го года». Участие в европейских походах 1813 — 1814 гг. расширило политический кругозор молодых офицеров. Они воочию увидели мощное освободительное движение в Германии, наблюдали за острой политической борьбой, которая разгорелась во Франции. За границей они познакомились с разнообразной политической литературой. Все это вместе оказало решающее воздействие на формирование взглядов передовой части русского дворянства.

РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОБЩЕСТВА

В 1816 — 1826 гг.

Вернувшиеся из-за границы, молодые офицеры стремились к активной деятельности. Уже в 1816 г. было создано первое революционное общество, учредителями которого были офицеры Александр Муравьев, его дальний родственник Никита Муравьев, И.Д. Якушкин, С.П. Трубецкой, а также братья Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы. Они назвали свое общество «Союзом спасения», так как полагали, что настало время спасти Россию. Вскоре в их общество был принят П. И. Пестель и еще несколько офицеров.

Все участники этого общества единодушно признали, что основной задачей «Союза спасения» является ликвидация крепостного права и самодержавия. Они много спорили о формах революционной организации и ее тактике, изучая деятельность политических клубов в революционной Франции, а также карбонарских вент, Тугендбунда и др. Исходя из оценки ошибок выше-

перечисленных организаций, большинство членов «Союза спасения» признало, что действовать необходимо постепенно, пытаясь привлечь на свою сторону влиятельных лиц в государственном аппарате и с их помощью добиться провозглашения конституции после смерти царя. Наиболее же решительные офицеры предлагали ускорить революционные выступления путем

П.И.Пестель.
Рисунок его матери Е.Пестель. 1813 г.

цареубийства, но их предложение поддержки не получило. Опасаясь предательства и прекрасно понимая, что их ожидает в том случае, если о существовании «Союза спасения» станет известно вышестоящему командованию, члены организации ввели строгую конспирацию. Существовал весьма сложный порядок пополнения рядов общества, который ограничил его рост. За два года существования «Союза спасения» количество членов его достигло лишь 25 — 30 человек. Уже в конце 1817 г. стала видна очевидная слабость этой первой революционной организации, когда почти все ее участники собрались в Москве по причине приезда туда царского двора и гвардии. Именно здесь, признав отсутствие сил для решительных действий, основная масса членов «Союза спасения» приняла постановление о реорганизации общества.

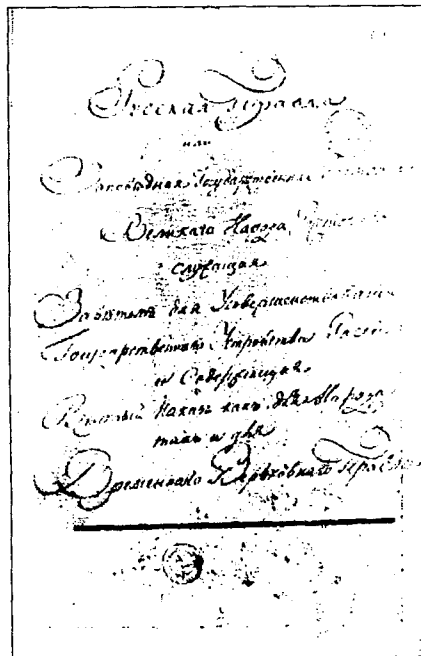
В начале 1818 г. члены «Союза спасения» организовали «Союз благоденствия», в работу которого они предполагали привлечь значительное количество участников. Теперь они решили поменять тактику своей борьбы. Учредители «Союза благоденствия», находясь под воздействием философов-просветителей XVIII в., были уверены, что «мнение правит миром», а поэтому стремились произвести государственный переворот, овладев «общественным мнением». Был принят

устав нового общества, согласно которому в него допускались представители всех свободных сословий. Кроме этого, предполагалось создать широкий круг сочувствующих целям «Союза благоденствия»: литературные общества, благотворительные и другие легальные организации. Руководители «Союза» полагали, что для пропаганды революционных идей потребуется около

двадцати лет и что революция произойдет сама собой примерно в 1839 г. «Союзу благоденствия» удалось преодолеть узкие рамки «Союза спасения», и за три года существования этой организации при ней возникло до 15 управ (отделов), в том числе и в провинции. Количество членов этого общества уже выросло до 200 человек. Следует отметить, что общество привлекло многих видных представителей российской культуры, в том числе А. С. Пушкина и А. С. Грибоедова.

Так как в те годы обострилась ситуация в западных провинциях России и к тому же произошел новый подъем революционного движения в Западной Европе, некоторые члены «Союза благоденствия» образовали внутри организации республиканское течение. Впервые это произошло на совещании «коренной» (главной) управы в Петербурге в январе 1820 г., когда П. И. Пестель по поручению 30 членов Тульчинской управы, которые служили в войсках на Украине, сделал доклад о преимуществах республиканского строя правления. Ему удалось убедить собравшихся, и совещание единодушно приняло республиканскую программу. Ни-

титальный лист «Русской правды» П.И.Пестеля.

Титульный лист «Русской правды»
П.И.Пестеля.

408

кита Муравьев тут же предложил убить царя и тем самым ускорить выступление общества. Он считал, что можно произвести военную революцию, подобно испанской, быстрые успехи которой произвели на молодых русских офицеров огромное впечатление. Но его предложение поддержки не получило.

После того как в октябре 1820 г. солдаты Семеновского полка выразили открытый протест против жестокого самоуправства нового командира, возник вопрос о реорганизации «Союза благоденствия». Восставших солдат заключили в Петропавловскую крепость, но требование семеновцев о смещении ненавистного им командира нашло искреннее сочувствие в остальных полках гвардии. Именно в эти дни в преобразенских казармах были найдены прокламации, которые призывали солдат к восстанию и выбору командиров «из своего брата солдата». Это подтолкнуло членов «Союза благоденствия», сторонников решительных действий, к мысли о возможности военной революции в России. В то же время после усиления правительственных репрессий в армии из общества вышли люди умеренные и готовые к решительным действиям. В начале 1821 г. московский съезд уполномоченных от управ принял постановление о прекращении деятельности «Союза благоденствия». На этом съезде было принято решение создать строго конспиративное тайное общество с тщательным отбором членов, которые готовы на решительные выступления в духе военной революции.

После того, как был распущен «Союз благоденствия», была образована новая революционная организация, которая состояла из двух обществ — Северного и Южного. Центр Северного общества находился в Петербурге, и во главе его стоял Н.М. Муравьев. Центр Южного общества находился в войсках второй армии на Украине. Оно было образовано из бывших членов Тульчинской управы, и во главе с П. И. Пестелем.

Организаторы Южного общества сразу же показали себя умелыми руководителями. Им удалось создать крепкую быстро растущую организацию. Активно велась вербовка новых членов общества, а поэтому вскоре организовались новые управы — Васильковская и Каменская. Начиная с 1822 г., они регулярно созыва-

ли ежегодные съезды представителей всех управ в Киеве во время январских контрактов (ярмарок). Все члены Южного общества единодушно приняли тактику военной революции, в случае победы которой в стране должен был установиться республиканский строй правления. Еще в начале 1823 г. руководители Южного общества установили связи с польскими и белорусскими патриотами, которые выступали за воссоздание королевства Польского и Великого княжества Литовского. Вместе с ними они обсуждали планы совместного выступления против российского царизма.

Главной задачей для руководителей обоих обществ было согласование единой программы. Выработку проекта такой программы взял на себя глава Южного общества П.И. Пестель и один из руководителей революционных обществ Петербурга Никита Муравьев. Но путь формирования русской революционной идеологии в 20-х гг. XIX в. был сложным и неоднозначным, поэтому разработка подобного проекта затянулась на несколько лет. Согласно проекту П.И. Пестеля, который окончательно назвал его в 1824 г. «Русской правдой», Россия должна была стать демократической республикой, а вся полнота законодательной, судебной и административной власти должна принадлежать народным выборным представителям. В стране следовало ввести гражданское равноправие с предоставлением политических прав всем мужчинам, достигшим возраста 20 лет. Этот проект содержал раздел, в котором предлагалось решение аграрного вопроса. Проект подрывал основу феодализма — помещичье землевладение. Пестель считал, что крупные помещичьи имения должны были подлежать конфискации, а все граждане могли получить в пользование земельные наделы из особого государственного фонда, включающего в себя половину всех земель. Вторая половина земель должна была быть продана или сдана в аренду. Такой путь открывал возможность для развития буржуазной собственности на землю в России.

В отличие от руководителей Южного общества, Никита Муравьев и другие представители столичных революционных кругов разработали проект конституционно-монархической программы. Согласно этому проекту, получившему название «Конституция», предусматривалось ограничение власти императора основным за-

коном государства и избрание народных представителей в законодательный орган. Работающие по найму не пользовались политическими правами, а крестьяне-общинники могли посылать в избирательные собрания одного представителя от каждых 500 душ. Право прямого участия в выборах получали лишь владельцы собственности на сумму не менее 500 рублей серебром, а для кандидатов на высшие выборные должности устанавливался еще более высокий имущественный ценз — до 30 — 60 тыс. рублей серебром. Так же как и Пестель, Муравьев требовал освобождения крестьян от крепостной зависимости, но без обеспечения их земель, а поэтому помещичье землевладение сохранялось неприкосновенным.

Оба проекта содержали требование ликвидации крепостного права и самодержавия, но по ряду существенных вопросов позиции руководителей Южного и Северного обществ серьезно расходились, были непоследовательны и противоречивы. Кроме этого, многие из дворянских революционеров, входящие как в одно, так и другое общество, занимали неуверенную позицию, так как не решались на немедленную ломку всего самодержавно-крепостнического строя.

Не вызывала разногласий лишь принятая ими тактика военной революции. Представители как Северного, так и Южного обществ единодушно считали, что свержение феодального строя в России должно быть произведено только с помощью войск и отвергали участие широких народных масс в будущей революции. Дворянские революционеры противопоставляли французскую революцию конца XVIII в., которая по их словам «началась чернью, и поэтому произошли все ужасные безначалия», «бескровной» революции в Испании, на основе которой они формировали собственную тактику. М.П.Бестужев-Рюмин, один из самых активных членов Южного общества, говорил: «Наша революция будет подобна революции испанской: она не будет стоить ни одной капли крови, ибо произведется одною армиею, без участия народа».

Несмотря на большие разногласия в программах, представители Южного и Северного обществ всегда рассматривали свои организации как части единой революционной организации с общими задачами и согла-

сованным планом революционного восстания. Именно поэтому активные участники обеих организаций постоянно стремились к достижению полной договоренности по вопросам программы и тактики будущих выступлений.

Именно с этой целью в 1821 г. Никита Муравьев был введен в состав руководства Южного общества, а на ежегодных съездах Южного общества всегда получал одобрение план совместных действий с Северным обществом, которое в будущем выступлении должно было сыграть решающую роль — захватить власть в Петербурге.

Представители обществ постоянно держали друг друга в курсе своих действий. Так, руководители Южного общества сразу же сообщили столичной организации о своих переговорах с польскими и белорусскими патриотами. Представители Южного общества неоднократно ездили в Петербург для согласования программного документа обоих обществ.

Тем не менее разногласия между представителями двух организаций оставались значительными. Это сказалось даже в том, что в отличие от «Русской правды», которую на съезде Южного общества в 1823 г. признали как программу всей организации, «Конституция» Никиты Муравьева так и не получила одобрения руководящими членами Северного общества и резко осуждалась Пестелем.

Весной 1824 г., когда в Петербург приехал Пестель, революционеры предприняли решительный шаг к объединению обоих обществ. Этому способствовало то, что в Северном обществе к тому времени усилилось влияние новых членов во главе с поэтом К. Ф. Рылеевым, которые разделяли республиканские убеждения южан и критиковали ограниченность «Конституции» Муравьева. Они настаивали на активной подготовке революционного выступления. Поэтому Пестелю без особого труда удалось добиться принятия Северным обществом решения о том, что после переработки Пестелем и Муравьевым их конституционных проектов, в 1826 г. будет созван объединительный съезд для принятия единой программы.

Благодаря этим событиям внутренняя жизнь Северного общества заметно оживилась. Сам Муравьев пошел на уступки и в новых вариантах «Конститу-

ции» под давлением группы Рылеева признал право крестьян сначала на усадьбу, а позднее — на земельный надел в две десятины. Кроме этого, в его документе был снижен имущественный ценз, что позволило бы в будущем расширить круг лиц, имеющих избирательное право. В свою очередь Пестель также перерабатывал «Русскую правду», уточняя и обосновывая ее прин-

К.Ф.Рылеев.
Миниатюра начала XIX в.

ципиальные положения, которые вызвали наибольшие разногласия. К этому времени в общества вступили новые члены. В Петербурге группа Рылеева активно расширялась, и к ней перешло все руководство Северным обществом. В то же время в Южное общество вступило несколько десятков офицеров из «Общества соединенных славян», которое было основано в 1823 г. офицерами Петром и Андреем Борисовыми и польским революционером Юлианом Люблинским. Руководители этого общества

были сторонниками всеобщего равенства, осуждали власть денег и тиранию, стояли на панславистских позициях и мечтали о создании федеративной республики, куда, кроме Российской империи и Варшавского герцогства, должны были войти государства чехов, хорватов, далматинцев, сербов и даже венгров.

Но рост количественного состава обществ имел и отрицательную сторону. Стали поступать тревожные сведения о постоянных доносах правительству на революционную деятельность Северного и Южного обществ, нависла опасность разгрома и ареста руководителей, поэтому было решено ускорить подготовку восстания. Отводя захвату власти в Петербурге первостепенное значение, Пестель наметил совместное вы-

ступление обоих обществ на весну 1826 г. Этот срок был согласован с представителем Северного общества С.П.Трубецким. Но неожиданная смерть царя Александра I заставила революционеров ускорить ход событий.

1 декабря 1825 г., не оставив прямых наследников, внезапно умер царь Александр I. По закону царем должен был стать старший из его братьев Константин, который находился в это время на посту наместника в Варшаве. Но члены царской семьи знали, что еще до смерти царя Константин отказался от своих прав на престол, и о том, что существовало тайное распоряжение Александра I, в котором он назначал своим наследником другого своего брата — Николая. Тем не менее Николай, который был непопулярен в гвардии, так и не решился стать царем до получения формального отречения Константина, поскольку генерал-губернатор Петербурга Милорадович открыто заявил, что в случае воцарения на престол Николая он не ручается за сохранение порядка в столице. После смерти Александра I Николай провозгласил царем Константина и провел ему присягу в Петербурге. Но Константин оказался верен своему первоначальному решению и в Петербурге так и не появился. Переписка между столицей и Варшавой по вопросу о престолонаследии затянулась почти на месяц. 25 декабря 1825 г. Николай принял решение о своем собственном воцарении. На 26 декабря в Петербурге была назначена «переприсяга» новому царю. Это вызвало замешательство в правящих сферах столицы, чем решило воспользоваться Северное общество.

Непопулярное и необычное событие — «переприсяга», — показалось им довольно благоприятным поводом, чтобы поднять войска для государственного переворота. Подготовку восстания возглавил Рылеев, который надеялся на то, что к восставшим присоединятся многие войска.

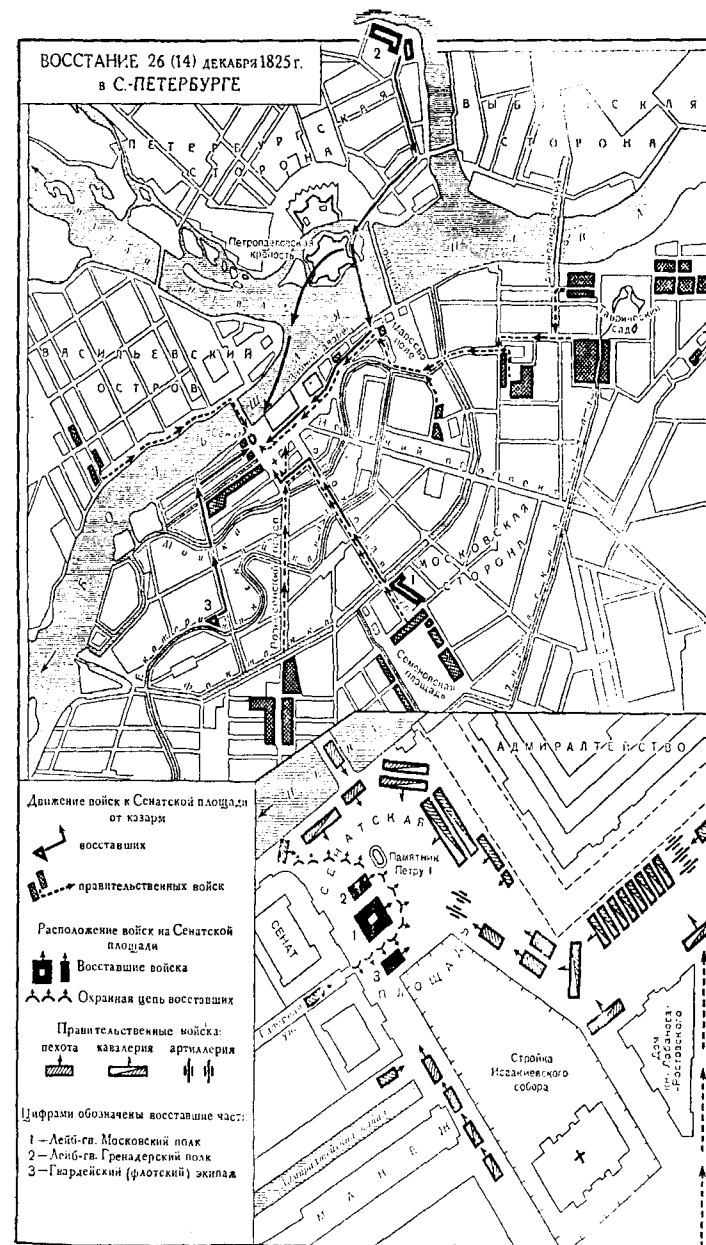
В случае победы восстания революционеры собирались провозгласить через сенат демократические свободы, отменить крепостное право и объявить о созыве Учредительного собрания. Предполагалось заставить сенаторов издать об этом особый манифест. Восставшие войска, выстроившись на Петровской (Сенатской) площади, должны были своим присутствием оказать дав-

ление на сенат и ускорить принятие подобного манифеста. Одновременно с этим восставшие намеревались захватить Зимний дворец и арестовать царскую семью, а также овладеть Петропавловской крепостью и арсеналом, занять другие важные для столицы объекты. Для выполнения этого плана войска столичного гарнизона, во многих полках которого имелись члены Северного общества, должны были в своих частях воспрепятствовать присяге солдат новому царю и вывести их из казарм, после чего пройти по городу и сосредоточить части у сената. Командование всеми восставшими войсками поручалось С.П.Трубецкому, который наделялся фактически диктаторскими полномочиями.

Наступило утро 26 декабря (14 декабря по старому стилю) — день, на который было назначено восстание. Еще до восхода солнца все члены тайного общества были в своих частях, где они вели горячую агитацию против «переприсяги». Время шло, церемония присяги в войсках задерживалась, так как Николай I вызвал командиров полков к 7 часам утра к себе во дворец.

Ситуация становилась критической. И вдруг около 10 часов утра, после того, как А.Бестужев произнес горячую речь, направленную к солдатам московского полка, те решительно отказались присягать новому царю Николаю. Произошла стычка между прибывшим в свою часть командиром полка и революционными офицерами, в которой командир был тяжело ранен. Около 800 солдат полка покинули свои казармы и с развернутым знаменем, пройдя по Гороховой улице и увлекая за собой толпу народа, прибыли к сенату. Здесь они построились в каре недалеко от памятника Петру I. Так началось восстание декабристов.

Первоначальный план восстания был сорван, так как Николай I объявил о своем воцарении Государственному совету и принял присягу от его членов еще в час ночи. Утром во дворец были созваны не только командиры полков, но и сенаторы, которые также присягнули новому царю и успели разехаться до того, как на Сенатскую площадь пришел Московский полк. По городу успели распространить заранее отпечатанный манифест о восшествии на престол Николая I, поэтому предотвратить провозглашение нового царя восставшим не удалось. Сорвала первоначальный замысел и задержка с присягой по полкам.

Тем не менее открытое выступление Московского полка крайне встревожило нового царя и его окружение. Николай I уже получил донесение о существовании тайного общества в армии и о его связях с Петербургом. Донесение было составлено по наветам предателей, которые сообщили о деятельности Южного общества. П. И. Пестель был арестован уже 25 декабря. Кроме того, Николай I хорошо помнил предупреждение о его непопулярности в гвардии, а поэтому не был уверен в том, что столичный гарнизон не поддержит восставших из Московского полка.

К моменту восстания у Николая был лишь один батальон преображенцев, которых вызвали из соседних казарм. Царю необходимо было выиграть время, чтобы выяснить положение в других частях гарнизона. С этой целью для переговоров с восставшими был послан Милорадович.

Московский полк уже более часа ждал прихода на площадь других революционных частей. Затянувшееся ожидание вызывало тревогу, не явился к восставшим и С. П. Трубецкой, который был избран «диктатором», а поэтому восстание было лишено руководства. Ситуация была критической. А когда на площадь приехал генерал Милорадович, известный еще с войны 1812 г. и имевший популярность в войсках, и стал призывать солдат разойтись по своим казармам, ряды восставших могли дрогнуть каждую минуту. Сознвая опасность этого, один из революционных офицеров П. Г. Каховский выстрелил из пистолета в Милорадовича и смертельно ранил его.

К этому времени на Сенатскую площадь подоспели войска столичного гарнизона, который вызвал Николай I. Они были выдвинуты против Московского полка. Правительственным войскам удалось окружить восставших лишь к двум часам дня, что не помешало пробиться на площадь новым отрядам революционных войск — лейб-гвардии и морякам гвардейского экипажа. Это увеличило численность восставших до 3 тыс.

Обе стороны избегали решительного столкновения, так как руководители восстания все еще надеялись на присоединение новых воинских частей, а войска, остававшиеся верными царскому правительству, не решались атаковать своих же соотечественников. Лишь конная гвардия произвела несколько атак на восстав-

ших, но была без труда отбита беглым огнем солдат, выставленных в охранную цепь восставших. Отражению этих атак способствовал и собравшийся на площади народ, бросавший в конницу поленья дров.

С каждым часом тревога Николая I росла, и он даже поручил своему родственнику Евгению Вюртембергскому подготовить вывоз царской семьи из Петербурга. Позже, вспоминая события 28 декабря, он признался ему: «Что непонятно во всем этом, Евгений, так как это, что нас обоих тут же не пристрелили».

Начались сумерки, а восставшие войска стояли на площади. Николай I опасался, что с наступлением темноты возрастет активность народных масс и восставших войск, а поэтому он решил прибегнуть к последнему средству — артиллерии. Был отдан приказ открыть огонь по восставшим, но выполнить его оказалось невозможным, так как к доставленным на Сенатскую площадь пушкам не подвезли снаряды. За ними спешно послали в военную лабораторию, которая находилась примерно в пяти верстах от площади. Снаряды подвезли на извозчиках и в пятом часу вечера по рядам восставших был открыт артиллерийский огонь. Стреляли картечью с расстояния 150 — 200 шагов. Первый же залп оказался губительным, после второго залпа ряды восставших были смяты. Участники восстания стали спасаться бегством, пытаясь укрыться на соседних улицах, многие бросились на лед Невы. Лишь Михаил Бестужев попытался построить убегающих солдат в боевой порядок, но к набережной подтянули орудия, и отряд Бестужева был расстрелян в упор.

Так было подавлено первое российское открытое восстание против царизма, в результате чего сотни людей были убиты и ранены. Уже в ночь на 27 декабря во дворец стали свозить арестованных офицеров — руководителей восстания.

О неудачном восстании в Петербурге членам Южного общества стало известно лишь 6 января 1826 г. В это время шли повальные аресты, что угрожало полным разгромом всей организации. И тогда ближайшие сторонники П.И.Пестеля — руководитель Васильковской управы подполковник Черниговского полка С. И. Муравьев-Апостол и его друг подпоручик М.П.Бестужев-

Рюмин приняли решение о восстании в соответствии с заранее разработанным планом одновременного выступления в столице и на Украине. Как офицеры, они не могли не понимать, что подобная отчаянная попытка вряд ли приведет к победе, но долг призывал их разделить участь своих друзей.

События начались 10 января, когда при активном участии членов Васильковской управы и группы «Соединенных славян» восстала 5-я рота Черниговского полка. На следующий день к восставшим присоединился весь Черниговский полк, который стоял в городе Василькове. С. И. Муравьев-Апостол, который возглавил восстание, через гонцов попытался установить связь с членами Южного общества в других полках второй армии. Восставший полк двинулся из Василькова в походном порядке на Житомир, где надеялся получить подкрепление. Но маршрут Черниговского полка неоднократно менялся из-за того, что командование армии, хорошо осведомленное через шпионов о деятельности тайного общества, заранее изменило местопребывание связанных с ним полков. Это привело к тому, что укрепить силы восставших не удалось.

Вскоре против Черниговского полка были высланы конные части генерала Гейсмара вместе с артиллерией. Сражение произошло 15 января 1826 г. недалеко от деревни Ковалевка, в 8 — 10 километрах к югу от города Фастова. Залпами картечи восставший полк был рассеян, многие участники восстания погибли. С. И. Муравьев-Апостол был ранен в голову и его захватили с оружием в руках. Восстание Южного общества было разгромлено.

После подавления восстания декабристов Николай I приказал жестоко расправиться с его участниками. Пятеро из них — П.И. Пестель, К.Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол, М.П. Бестужев-Рюмин, П.Г. Каховский — были повешены, свыше 120 человек сосланы на каторгу либо на поселение в Сибирь. Наиболее активных участников декабрьского восстания 1825 г., которые смогли выдержать многолетнюю каторгу, он до конца жизни держал в Сибири, и лишь после смерти Николая I оставшимся в живых декабристам была объявлена амнистия и они смогли вернуться домой. К тому времени это были уже большие пожилые люди.

Революционное выступление офицеров-декабристов против самодержавия нашло в стране повсеместное сочувствие. Это восстание подтолкнуло к мысли о борьбе с царизмом других передовых людей в России того времени. Суровая расправа над декабристами вызвала осуждение современников. Это выступление революционеров-дворян дало толчок к дальнейшему разви-

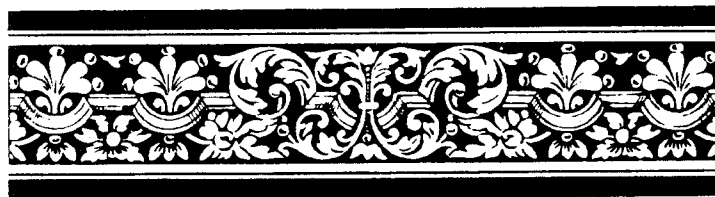

Заключенные декабристы.
Рисунок декабриста Н.Решна.

тию прогрессивных идей и популяризации их среди широких масс населения.

Восстание 26 (14) декабря 1825 г. в Петербурге вызвало острый интерес в Западной Европе. Поначалу к нему отнеслись как к очередной попытке дворцового переворота, и оценивалось оно исключительно из внешнеполитических последствий, которые оно могло повлечь за собой. Во многих английских газетах появились статьи, авторы которых надеялись на скорое ослабление России. Но Николай I поспешил сформулировать официальную версию, которую он высказал на приеме иностранных послов в Петербурге; декабристы были объявлены «кучкой безумных мятежников», которые не имели никакой опоры внутри страны. Реакционная западноевропейская печать подхватила эту официальную версию, выставляя фигуру нового российского царя в качестве героя.

Но либерально-оппозиционные и радикальные периодические издания Западной Европы отнеслись к восстанию декабристов иначе. Здесь высказывались более объективные суждения о выступлении первых российских революционеров. Некоторые английские газеты и журналы написали о серьезном революционном потрясении, которое произошло в России. Они выразили мнение о слабости царского самодержавия, которое «перестало быть неприступным». Таким образом, восстание декабристов стало оцениваться иностранными современниками как одно из звеньев общеевропейского революционно-освободительного движения 20-х гг. XIX в., которое было направлено против реакционно-монархических режимов. Газета «Конституционалист», которая являлась органом французских либералов, задавала вопрос: «Чем вызвано петербургское движение?» И тут же давала ответ: «Это то же, что происходит во Франции, Англии, Америке, Риме и Париже, в Мадриде и Мексике, т.е. всеобщее мировое движение, которое захватило и Россию».

ГЛАВА 3

ОБРАЗОВАНИЕ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ИСПАНСКИХ КОЛОНИЯХ

В начале XIX в. почти все страны Латинской Америки были колониями двух европейских монархий — Испании и Португалии. Испанскому королевству принадлежали земли в составе вице-королевств Ла-Платы (современные Аргентина, Уругвай, Парагвай, Боливия), Новой Испании (Мексика и часть Центральной Америки), Новой Гранады (Колумбия, Панама, Венесуэла, Эквадор), Перу (современные Перу и Чили). Кроме этого, Испания владела островами Куба, Пуэрто-Рико и Сан-Доминго. Португалии принадлежала Бразилия, которая занимала почти половину всей территории Южной Америки.

Это были огромные колонии как по территории, так и по количеству населения. Численность населения испанских колоний в Латинской Америке составляла, по оценке известного путешественника и ученого Александра Гумбольдта, около 16 млн. человек, из

которых 7,5 млн. были индейцы, а 5,3 млн. родились от смешанных браков белых с индейцами и неграми. 3 млн. человек были креолами, как называли испанцев, родившихся в колониях. Этот термин впоследствии приобрел весьма условный оттенок, так как большинство креолов, считавшихся «чистокровными», на самом деле в той или иной степени имели примесь индейской или негритянской крови. Уроженцами метрополии было всего около 200 тыс. человек. Насчитывалось около 700 — 800 тыс. негров, проживавших в основном на островах и на южном побережье Карибского моря. Население португальской колонии Бразилии составляло около 3 млн. человек, из которых приблизительно 1,5 млн. были негры-рабы.

подавляющее большинство населения Латинской Америки занималось сельским хозяйством. В Бразилии, на островах Вест-Индии, а также на территории Ла-Платы огромные земельные участки использовались под плантации кофе, сахарного тростника, хлопка, индиго и других сельскохозяйственных культур. В Новой Испании, Перу и самой Бразилии добывались драгоценные металлы, которые в полном объеме добычи отправлялись в метрополию.

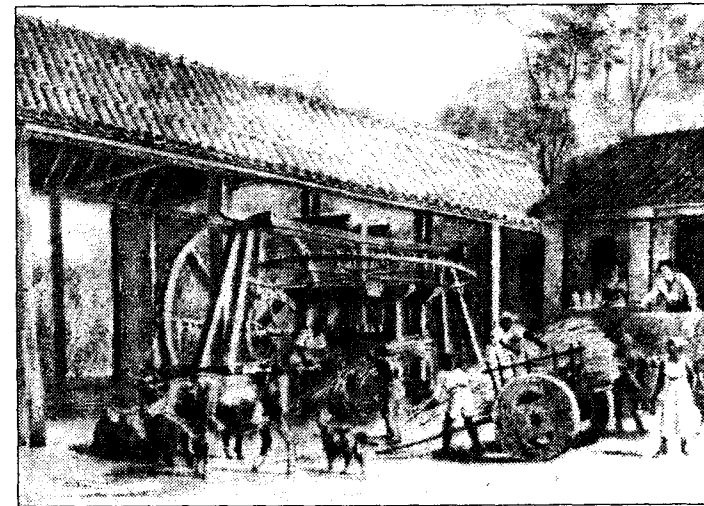
Специфические условия колониального режима привели к тому, что в Латинской Америке господствовали своеобразные феодальные отношения. Большая часть земли принадлежала короне, помещикам и церкви, которая также являлась крупнейшим землевладельцем и удерживала в своих руках треть земель, причем в Новой Испании церковь принадлежала половине всей территории. Кроме сельскохозяйственных земель, церковь владела рудниками, плантациями, от ее имени проводились крупные денежные и банковские операции.

Коренные жители Латинской Америки — индейцы — в подавляющем большинстве своем работали на землевладельцев-плантаторов, ибо сами были безземельными арендаторами, которые вынуждены были оплачивать аренду своим трудом. Среди местного населения большое количество людей было наследственными должными рабами — пеонами. Какая-то часть индейских племен жила в горах и тропических джунглях в условиях первобытнообщинного строя.

На плантациях Бразилии, Вест-Индии и Новой Гранады широко использовался труд рабов-негров. Прав-

да, в некоторых районах материка существовало свободное крестьянство, которое занималось преимущественно скотоводством, на юге Бразилии и в Ла-платской пампе (степи) их называли *гаучо*, а на равнинах Венесуэлы — *льянеро*.

Для того, чтобы заставить работать местное население, индейцев, на рудниках, полях, строительстве зданий и

Сахарный завод в Бразилии.
Литография. 1835 г.

др., колониальные власти установили принудительную трудовую повинность, поэтому положение местного населения во многом мало чем отличалось от положения рабов. Работа на рудниках была настолько тяжелой, что из каждых пятерых рабочих после окончания трудовой повинности домой возвращался только один, а остальные погибали. Люди, назначенные на работу в рудниках, считались обреченными, и родственники при прощании совершали над ними погребальные обряды. Индейцы обязаны были платить церковную десятину и другие многочисленные налоги.

В латиноамериканских владениях колонизаторами насаждался жестокий реакционный режим, здесь политическое бесправие местного населения сочеталось с расовым и национальным гнетом. Власть находилась

в руках уроженцев метрополии, которые занимали почти все высшие административные, военные, судебные и церковные должности. Даже богатые креолы подвергались дискриминации и по существу были полностью отстранены от участия в управлении владениями, лишь в порядке исключения они могли допускаться к занятию высших постов, притом им всячески чинились препятствия в продвижении по службе. Церковь препятствовала ввозу и распространению на территории Латинской Америки светской литературы, стремясь предотвратить развитие в стране свободолобивых идей. В Латинской Америке продолжал сохранять свое огромное влияние орден монахов-иезуитов, который с помощью инквизиции стремился к подавлению прогрессивных тенденций в колониальном обществе.

Латиноамериканские колонии были для испанского королевства источником фантастических доходов. Огромные прибыли от торговли с колониями имела также верхушка испанских коммерсантов. Наличие таких богатых колоний вызывало острую зависть по отношению к Испании со стороны остальных европейских метрополий. На протяжении столетия Испания вынуждена была бороться за свое господство в Латинской Америке против притязаний Англии и Франции. Она терпела огромные убытки от флотилий корсаров, которые совершали постоянные пиратские нападения на испанские корабли, поставлявшие товары из латиноамериканских колоний в метрополию. Но никакие потери не шли в сравнение с теми прибылями, которые продолжала приносить Латинская Америка.

Стремясь сохранить монополию на эксплуатацию латиноамериканских колоний, испанское правительство воздвигло настоящую стену вокруг них. Иностранцам было категорически запрещено торговать с колониями, поэтому иностранные суда не допускались в латиноамериканские порты. В самой Испании торговля с океанскими владениями была монополией верхушки коммерсантов, а исключительным правом торговли с латиноамериканскими колониями пользовались коммерсанты Севильи, позднее Кадиса. Но даже они могли поставлять свои товары лишь в определенные порты Испанской Америки.

Подобная колониальная система препятствовала экономическому, политическому и культурному раз-

витию латиноамериканских колоний Испании. Внутренней торговле мешали многочисленные таможенные барьеры, с помощью которых испанское правительство тормозило экономическое развитие колоний, опасаясь конкуренции и стремясь сохранить собственные торговые прибыли. С этой же целью на самом континенте запрещалось производить множество необходимых товаров и возделывать культуры, которые ввозились из метрополии (оливки, виноград, лен и пр.).

Несмотря на все многочисленные запреты и ограничения, которые установили колонизаторы, они не могли сдержать роста производительных сил в колониях, и в конце XVIII — начале XIX в. здесь стал наблюдаться рост промышленности, сельского хозяйства и торговли. Землевладельцы-креолы и зарождающийся слой местной буржуазии, главным образом местные коммерсанты, были заинтересованы в вывозе колониальных продуктов (индиго, хлопка, сахара, кофе и какао) и в получении высококачественных и дешевых промышленных товаров. Но их отсталая метрополия не могла уже ни поглотить всю продукцию колоний, ни снабдить качественными промышленными изделиями. Торговле с более развитыми странами продолжали препятствовать наложенные Испанией запреты, а также монополия кадисских купцов на доставку товаров в Испанскую Америку и всевозможные ограничения, пошлины, налоги. Кроме того, сохранялась королевская монополия на производство важнейших товаров, каковыми являлись табак, спирт, гербовая бумага и пр., а также жесткие меры, при помощи которых колониальные власти пытались препятствовать развитию ремесла и мануфактуры, мешали местной буржуазии заниматься предпринимательской деятельностью. Все это привело к тому, что практически любому жителю Испанской Америки стала очевидной необходимость ликвидации колониального режима. С каждым годом росло стремление различных слоев латиноамериканских колоний к освобождению от господства Испании. Порой это движение принимало характер вооруженных выступлений против колонизаторов.

В последней четверти XVIII в. во владениях Испании произошли крупные народные восстания. Первыми в 1780 г. поднялись на вооруженную борьбу перуанские индейцы, которыми руководил Хосе Габриэль

Кондорканки. Он принял имя вождя инков Тупака Амару, который в конце XVI в. вел борьбу против испанских поработителей. Тупак Амару II объявил о своем намерении восстановить государство инков. Испанским войскам с большим трудом удалось разбить отряды повстанцев. Восстание было подавлено, а сам Тупак Амару II — казнен.

Но уже в 1781 г. в Новой Гранаде вспыхнуло восстание, вызванное очередным увеличением налогов. Первыми восстали жители города Сокорро, к которым вскоре примкнули индейцы окрестных деревень. Вооруженные повстанцы отправились к столице вице-королевства Боготе, и напуганные размахом восстания власти спешно объявили о снижении налога. После этого в лагере восставших произошел раскол, что позволило испанским войскам нанести им поражение. Другое масштабное выступление произошло в городе Коро в Венесуэле, которое также было подавлено в 1797 г.

Все эти выступления против колониального гнета испанским властям удавалось подавить благодаря стихийному характеру восстаний, неорганизованности восставших, с помощью землевладельцев-креолов, которые в массе своей опасались победы восставших — индейцев, негров и метисов.

Богатые жители колоний, за исключением уроженцев метрополии, выражали сильное недовольство испанским господством, сковывавшим экономическое развитие колоний. Возмущение вызывало политическое бесправие даже креольской аристократии. Недовольство помещиков, коммерсантов, офицеров к чиновников, а также интеллигенции — уроженцев колоний, находило выражение в многочисленных книгах, памфлетах, в которых остро критиковался колониальный режим, в горячем интересе, который проявлялся к сочинениям английских и французских просветителей, а также в многочисленных заговорах против власти испанских колонизаторов. Все эти заговоры были раскрыты либо потерпели неудачу вследствие плохой подготовленности. К примеру, неудачей окончилась попытка Франсиско Миранды — одного из виднейших борцов за независимость Испанской Америки, проживавшего в эмиграции — высадиться в 1806 г. на венесуэльском побережье, чтобы начать освободительную войну.

Тем не менее внутренняя обстановка в латиноамериканских

колониях оставалась напряженной. Дело в том, что они видели перед собой реальный пример — освободительную войну в Северной Америке, которая увенчалась успехом. Декларация независимости и конституция Соединенных Штатов Америки были для латиноамериканских патриотов доказательством, которое подтверждало реальность возможности освобождения от колониального господства. Таким примером служили и успехи французской революции.

В 1794 г. Антонио Нариньо перевел и издал в Боготе Декларацию прав человека и гражданина. То же самое сделал в Буэнос-Айресе Мариано Морено, который перевел и «Общественный договор» Руссо. Франсиско Миранда, который искал поддержку освободительного движения Испанской Америки у европейских государств, участвовал в войне за независимость английских колоний и в чине генерала воевал на стороне революционной Франции. Для негритянского населения Латинской Америки вдохновляющим примером было восстание негров в западной (французской) части острова Сан-Доминго, которое началось в 1791 г.

Ослабевшая испанская монархия уже не могла эффективно отстаивать колониальную латиноамериканскую империю от своих извечных противников. В результате войны с Францией в 1795 г. она утратила восточную часть острова Сан-Доминго, а в 1800 г. была вынуждена уступить Франции Луизиану — обширную область в Северной Америке к западу от Миссисипи. Господству Испании в ее американских колониях угрожали иноземные коммерсанты; французские, американские, английские купцы, не считаясь ни с какими запретами, проникали в порты Испанской Америки, где вели масштабную контрабандную торговлю. Не прекращались и пиратские набеги на испанские торговые корабли, которые совершались прямо у берегов колоний.

Кроме того, на арену борьбы против Испании за влияние на американском континенте вышел новый грозный противник в лице Соединенных Штатов Америки. Намерения США в отношении испанских колоний особенно отчетливо проявились после того, как они купили у Франции Луизиану в 1803 году и тут же предъявили свои претензии на полуостров Флорида, который являлся испанским владением. Предприня-

ла очередную попытку к захвату колоний и Англия, войска которой высадились на побережье Ла-Платы в 1806 году. Однако в 1807 году они были разбиты местным ополчением.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ ПРОТИВ ИСПАНСКОГО ГОСПОДСТВА В 1810 — 1815 гг.

Как уже упоминалось в части I данного тома энциклопедии, в 1808 г. французские войска вторглись в Испанию, вследствие чего был низложен король Фердинанд VII и провозглашен королем Испании брат Наполеона — Жозеф Бонапарт. Именно это послужило непосредственным толчком к подъему освободительного движения в испанских колониях.

Когда пришли первые тревожные известия из метрополии, в колониях создалась крайне сложная политическая обстановка. Представители колониальной администрации находились в растерянности от того, что не могли принять решения: признать ли власть Жозефа или сохранить верность Фердинанду VII, которого в Испании представляла Центральная хунта. В конце концов решено было принять второе решение, и к середине 1809 г. власть во всей Испанской Америке уже находилась в руках Испанской хунты. Их поддержала и креольская оппозиция, которая рассчитывала, что номинальное признание Центральной хунты фактически даст возможность отстранить от власти королевских чиновников, и тогда автоматически власть перейдет к органам самоуправления. Но когда весьма скоро местные патриоты увидели, что колониальный режим вследствие смены верхушки, находящейся у власти, существенно не изменился, они предприняли активные действия против эголистов. Уже летом 1809 г. произошли восстания в городах Чукисака, Ла-Пас (Верхнее Перу) и Кито (Эквадор). Но они не носили массового характера и вскоре были подавлены.

В начале 1810 г. из метрополии пришли известия о серьезных поражениях испанских войск и о том, что большая часть страны захвачена французскими войсками. Это явилось сигналом к началу восстания в

различных районах испанских колоний в Америке. Уже весной и летом 1810 г. в крупнейших колониальных центрах Каракасе, Кито, Буэнос-Айресе и Боготе, а вслед за ними и в других городах было свергнуто испанское господство и к власти пришли местные патриотические хунты. В начале осени 1810 г. революционным движением уже были охвачены Мексика и Чили. Так началась война за независимость испанских колоний в Латинской Америке.

Особенно широкого размаха освободительная борьба достигла в Мексике, где ее возглавил Мигель Идальго — приходский священник, который сумел собрать вокруг себя многотысячную армию, состоящую из крестьян-индейцев. Следует отметить, что Идальго выступал не только за независимость страны, но также и за возвращение индейцам отнятой у них земли, за отмену рабства и за другие преобразования. Поначалу восставшим благоприятствовала удача: они заняли ряд крупных экономических центров страны и угрожали столице — городу Мехико. Но в 1811 г. войска Мигеля Идальго потерпели поражение, сам он и другие руководители были захвачены в плен и казнены. Борьбу за свободу Мексики продолжил соратник Идальго — священник Хосе Мария Морелос. По его инициативе в 1813 г. был создан национальный конгресс, который провозгласил независимость Мексики и принял в 1814 г. конституцию. Повстанцам удалось одержать ряд побед над испанскими войсками. Но крестьяне-индейцы, которые сражались в рядах восставших, часто расправлялись и с помещиками-креолами, что побудило значительную часть местных землевладельцев перейти на сторону испанцев. В 1815 г. армия Морелоса оказалась разбитой, а самого его расстреляли испанцы.

В это время события в Южной Америке разворачивались следующим образом. 5 июля 1811 г. была провозглашена республика Венесуэле. Вернувшийся на родину Франсиско Миранда был избран главнокомандующим ее вооруженными силами, в остальной части Новой Гранады действия патриотов возглавлял Антонио Нариньо. Но в 1812 г. испанские войска перешли в решительное наступление против войск Венесуэльской республики и заняли город Каракас. Миранда был взят в плен и отправлен в Испанию, где вскоре умер в тюрьме. Однако освободительная борьба

в Венесуэле на этом не закончилась. Руководителем восставших выступил Симон Боливар (1783 — 1830 гг.) — наиболее выдающийся из государственных деятелей и полководцев Латинской Америки эпохи войн за независимость.

Симон Боливар родился в Каракасе в креольской аристократической семье. Он получил отличное обра-

Симон Боливар.
Портрет Хосе Хилла. 1823 г.

зование, несколько лет жил в Европе и много путешествовал. Будучи в чине полковника, Симон Боливар сражался под командованием Франсиско Миранды, а после капитуляции и пленения последнего продолжал борьбу самостоятельно, участвовал в новых боях и получил чин генерала. Ему удалось организовать освободительную армию Венесуэлы, которую он повел в наступление на Каракас. Город был взят летом 1813 г., после чего вторично провозглашена Венесуэльская республика, а Болива-

ру присвоено почетное звание «Освободителя».

Но и вторая Венесуэльская республика просуществовала недолго. Вскоре кавалерийские отряды, сформированные из льянеро, выступили на стороне испанцев. Колонизаторам удалось обмануть восставших агитацией, и это помогло испанским войскам одержать победу. Боливар был вынужден покинуть страну, а разгром революционных войск в Венесуэле завершил испанский экспедиционный корпус, которым командовал генерал Морильо. После окончательной победы он продолжал активные боевые действия, вследствие которых ему удалось полностью разбить повстанцев во всей Новой Гранаде.

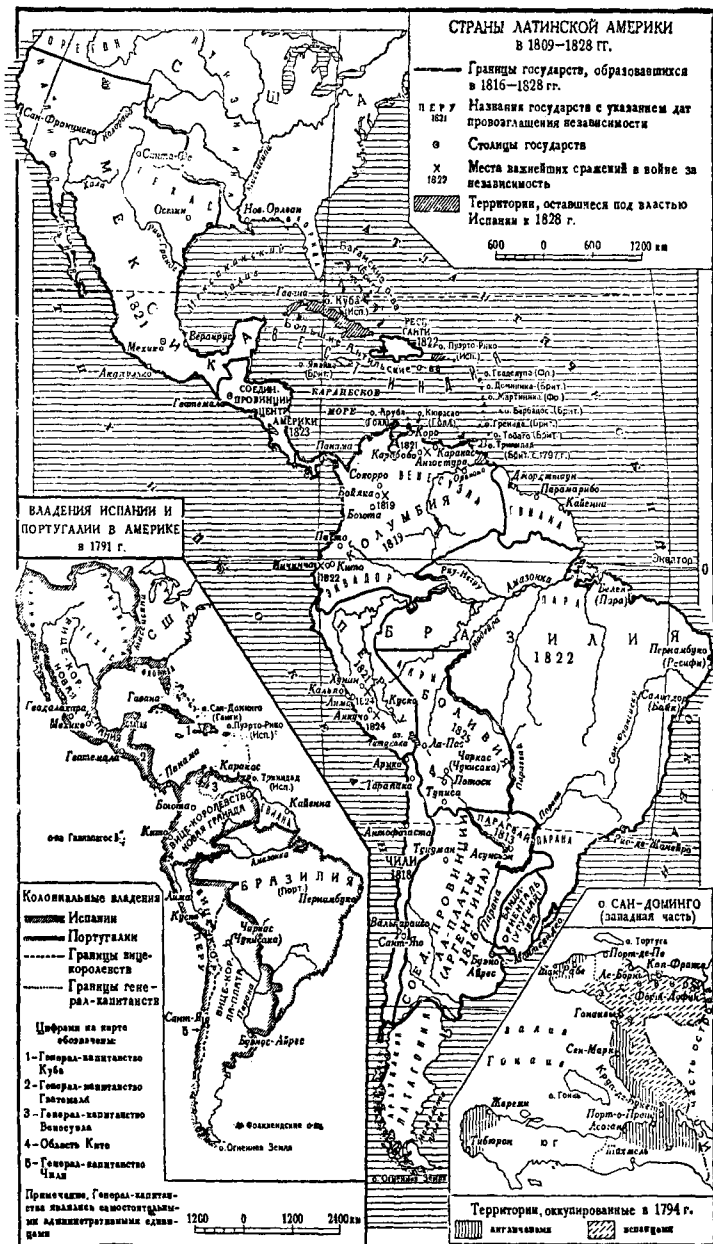
На территории вице-королевства Ла-Платы, в отличие от Новой Гранады, к началу войны за независимость практически не было испанских войск. Образовавшаяся в мае 1810 г. хунта в городе Буэнос-Айрес начала активную борьбу за независимость, в которой видную роль играли адвокат Мариано Морено, а также Мануэль Бельграно и Хосе Сан-Мартин.

Деятельность хунты Буэнос-Айреса осложнялась разногласиями между унитариями. Одни добивались превращения территории вице-королевства в единое централизованное государство, другие — федералисты — выступили за широкую автономию провинций. Когда же правительство Буэнос-Айреса попыталось распространить свою власть на всю Ла-Плату, то оно натолкнулось на сопротивление отдельных провинций. В 1811 г. парагвайские войска разгромили посланный против них отряд буэнос-айресского ополчения, а вскоре в Парагвае вспыхнуло восстание, был арестован испанский губернатор и образована своя хунта, которой руководил доктор Хосе Гаспар Франсиа. В 1813 г. была провозглашена независимость Парагвая.

Жители Уругвая (в то время он назывался «Банда ориенталь» т.е. «Восточный берег») вели длительную борьбу за независимость под руководством Хосе Хервасио Артигаса. Сначала они сражались против испанцев, а затем против вторгшихся на территорию провинции войск из Бразилии. Эта борьба была осложнена постоянными конфликтами с хунтой Буэнос-Айреса. Правительству Буэнос-Айреса не удалось удержать в сфере своего влияния Восточный берег, так же, как и Верхнее Перу, где потерпели поражение войска Буэнос-Айреса от испанцев в 1813 г.

В это самое время из Испании были изгнаны французские интервенты, а в 1814 г. в страну вернулось правительство Фердинанда VII. В метрополии была восстановлена абсолютистская монархия, которая приняла очередную попытку для подавления освободительного движения в латиноамериканских колониях. Этому способствовала международная обстановка — создание Священного Союза европейских государств. Решительные действия короля Фердинанда VII привели к тому, что в конце 1815 г. колониальное господство Испании было восстановлено в большей части Испанской Америки, за исключением Ла-Платы.

Однако эти удачи метрополии оказались временными. Реакционная политика властей, террор колонизаторов по отношению к местному населению и в первую очередь к патриотам, которые сражались в рядах борцов за независимость, а также по отношению к тем, кто сочувствовал их борьбе, нежелание проводить какие-либо реформы — все это привело к тому, что освободительная борьба латиноамериканских колоний Испании за свою независимость возобновилась. Способствовала этому и поддержка США и Англии, которые попытались воспрепятствовать попыткам испанского правительства восстановить систему запретов на торговлю колоний с другими странами. Новый подъем освободительного движения начался в 1816 г.

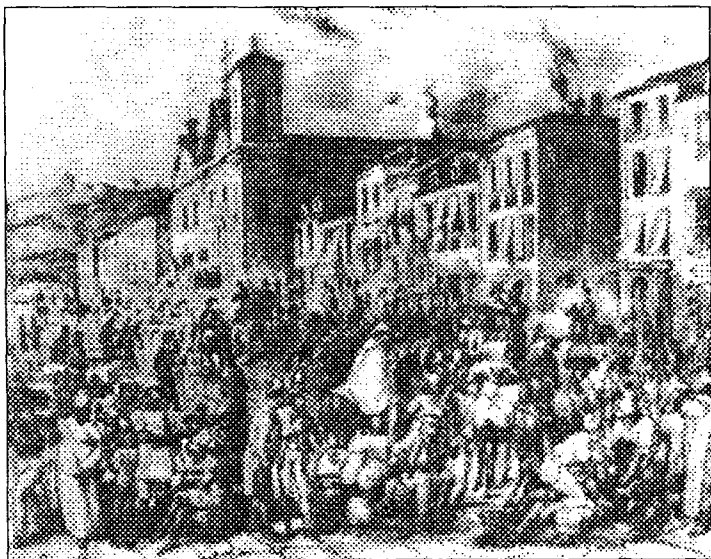
ЗАВОЕВАНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ

Генерал Боливар получил помощь от президента республики Гаити Петюона и в январе 1817 г. высадился со своими войсками в Венесуэле. К нему тут же присоединились партизанские отряды, которые продолжали все это время действовать внутри страны.

Войска под командованием Боливара сумели освободить от испанцев несколько районов в бассейне реки Ориноко. Город Ангостура стал временной столицей повстанцев. Успехам борцов за независимость способствовала поддержка широких слоев населения, которые ненавидели испанских колонизаторов и страдали от их жестокости. С помощью мероприятий, проведенных генералом Боливаром, удалось быстро увеличить рост армии под его началом. Было освобождено рабы-негры, а также вступили в армию льянеро, которым было обещано, что после окончания войны они будут наделены землей. Следует отметить, что армия Боливара обладала высокими боевыми качествами и дисциплиной, а воинственные льянеро, которых возглавлял легендарный Паес, были обмануты испанцами, а поэтому стали их непримиримыми врагами. В армии Боливара сражались несколько тысяч английских, ирландских, немецких, французских и других иностранных добровольцев.

В 1819 г. в Ангостуре открылся конгресс, кото-

рый объявил о создании республики Колумбии. В нее должны были войти Венесуэла, Новая Гранада и провинция Кито (современный Эквадор). Название страна получила от мореплавателя Колумба, который первым из европейцев нового времени достиг американского континента. Главой новой республики стал генерал Боливар, он был наделен чрезвычайными полномочия-

Улица в Рио-де-Жанейро.
Литография. 1835 г.

ми. Армия под его началом продолжала дальнейшую борьбу против испанских колонизаторов. Боливару удалось нанести сокрушительные удары испанским войскам в Венесуэле и Новой Гранаде, а в начале лета 1822 г. колумбийские войска, совершив беспрецедентный поход через горы, заняли Кито. Таким образом, от испанцев была освобождена вся территория республики.

В Мексике, как и в Колумбии, даже после разгрома главных сил освободительного движения не прекращалась партизанская борьба. Возможно, из-за этого большинство землевладельцев, боявшихся восставшего крестьянства, продолжали поддерживать испанских колонизаторов. Но после того, как в 1820 г. произошла революция в Испании, крупные мексиканские земле-

владельцы и высшее духовенство были напуганы восстановлением либеральной испанской конституции 1812 г., а также прочими антифеодальными и антиклерикальными мероприятиями, которые проводились в метрополии, а поэтому они стали добиваться отделения Мексики от Испании. Руководителем движения стал бывший офицер испанской армии Агустин Итурбиде, который ранее активно участвовал в подавлении освободительной борьбы. В 1821 г., после того как армия Итурбиде заняла столицу Мексики, была провозглашена независимость страны. На короткое время в стране была установлена диктатура Итурбиде, который правил под именем императора Агустина I, но в 1823 г. его диктатура была свергнута и в стране установился республиканский строй правления.

Одновременно с Мексикой независимость была провозглашена и в Центральной Америке, территория которой впоследствии была присоединена к империи Итурбиде. Но после свержения диктатуры Агустина I, была образована федеративная республика Соединенные провинции Центральной Америки.

В 1816 г. в городе Тукумане открылся конгресс, который провозгласил независимость нового государства — Соединенных провинций Ла-Платы, которые в дальнейшем получили название Аргентины. Армией молодого государства командовал талантливый полководец генерал Хосе Сан-Мартин. В 1817 г. его войска совершили беспрецедентный поход через Анды и вступили на территорию Чили. К армии Хосе Сан-Мартина тут же присоединились отряды чилийских патриотов, которых возглавлял Бернардо О'Хиггинс. Вместе им удалось освободить страну от испанцев. Таким образом, в 1818 г. была провозглашена независимость Чили, верховным правителем которой стал О'Хиггинс. Армия Сан-Мартина в 1820 г. из Чили переправилась морем в Перу, которое продолжало оставаться главным оплотом испанцев в Южной Америке. В июле 1821 г. генералу Хосе Сан-Мартину удалось занять столицу страны Лиму, после чего была провозглашена независимость Перу. Но значительная часть страны, в том числе все Верхнее Перу, продолжала оставаться в руках испанцев.

На помощь армии Ла-Платы пришли колумбийские войска, которые сыграли решающую роль в ликвидации

последнего оплота испанцев на американском континенте. Осенью 1823 г. генерал Боливар направил свою армию в Перу, и 8 августа 1824 г. они разбили испанцев при Хунине. 9 декабря того же года генералом Сукре, который являлся сподвижником Боливера, в битве при Аякучо были окончательно разгромлены испанские войска. Это привело к полному освобождению Верхнего Перу, на территории которого была создана республика, получившая в честь генерала Боливара название Боливия.

Битвы при Хунине и Аякучо, где были наголову разбиты испанские войска, означали окончательное крушение колониального господства Испании в Латинской Америке. В 1826 г. капитулировал последний испанский гарнизон, который был осажден в крепости Кальяо в Перу. Таким образом, к 1826 г. из своих огромных владений в Америке Испания сохранила лишь острова Куба и Пуэрто-Рико. Попытки испанской монархии привлечь для восстановления своего господства в Латинской Америке помощь со стороны государств, входящих в Священный Союз, потерпели неудачу из-за жесткой позиции Англии, которая не была заинтересована в этом. Господство английского флота в водах мирового океана исключало всякую возможность переброски войск реакционных европейских монархий в Америку без согласия на то Англии. Кроме того, противниками европейской интервенции в Латинскую Америку выступили США, правительство которых стремилось извлечь максимальную выгоду для себя из открытия латиноамериканского рынка. А в 1822 г. Вашингтонское правительство признало независимость новых государств, которые возникли на обломках испанской колониальной империи. В декабре 1823 г. президент США Монро направил конгрессу послание, в котором выражал протест против возможных планов вмешательства монархических государств Европы в дела американских государств с целью ликвидации в них республиканского правления и насильственного восстановления монархии. В 1824 г. независимость новых государств признала и Англия. Это привело к тому, что в 1826 г. Франция установила с ними регулярные торговые связи, хоть и отказавшись от официального признания, что на самом деле являлось лишь формальной данью принципу ле-

гитимизма, которому она обязана была следовать, являясь одним из членов Священного Союза.

В эти же годы получила независимость и португальская колония Бразилия, где, как и в испанских колониях, господство метрополии являлось главным тормозом экономического и политического развития страны. Еще в конце XVIII в. в Бразилии был организован заговор, во главе которого стоял Жозе да Силва Шавьер по прозвищу Тирадентис, с целью завоевания независимости для Бразилии. Но осуществить свою попытку заговорщикам не удалось, так как власти вовремя раскрыли их заговор, схватили Тирадентиса и казнили его.

В 1808 г. в Бразилию бежал португальский принц-регент Жуан после поражения португальских войск в войне с наполеоновской Францией. В 1815 г. он объявил Бразилию королевством, объединенным с Португалией, а в 1816 г. принял титул короля Жуана VI. Это вызвало большую волну недовольства в стране. Бразилия страдала от политики континентальной блокады, от сокращения торговли с Европой, а война с Соединенными провинциями Ла-Платы за Уругвай и вызванные ею экономические трудности еще более ухудшили внутреннее положение в стране. Это привело к тому, что в 1817 г. в провинции Пернамбуко вспыхнуло восстание, в ходе которого провинция была объявлена республикой. Но королевским войскам удалось подавить выступление.

В 1821 г. король Жуан уехал в Европу, после чего борьба за независимость Бразилии стала усиливаться. Этому способствовала политика лиссабонских кортесов, которые отказались предоставить Бразилии самостоятельность. Таким развитием событий воспользовался находившийся в Бразилии принц-регент Педро, который в 1822 г. объявил Бразилию империей, независимой от Португалии, а португальские войска были изгнаны из страны. С этого года господствующей силой в стране стали плантаторы-рабовладельцы.

В результате борьбы за независимость народов Латинской Америки, населявших бывшие испанские и португальские колонии, на американском континенте возникли новые государства — Мексика, Боливия, Колумбия (в состав которой до 1830 г. входили Венесуэла и Эквадор), Чили, Перу, Бразилия, Аргентина,

Парагвай, а также Соединенные провинции Центральной Америки, которые в дальнейшем распались на 5 республик: Гватемалу, Гондурас, Коста-Рику, Никарагуа и Сальвадор. Уругвай, захваченный в 1817 г. войсками Жуана VI, освободился от бразильского господства лишь в 1825 г., а установление его полной независимости произошло в 1828 г. после трехлетней войны между Бразилией и Аргентиной.

После ликвидации колониального режима и достижения политической независимости в этих странах произошли важные преобразования. Почти повсюду был установлен республиканский строй правления, в ряде латиноамериканских стран было полностью или частично отменено рабство, а коренное население освобождено от уплаты подушной подати и несения трудовой повинности. Были отменены всяческие запреты и ограничения в экономике этих стран, которые получили возможность активно включиться в международную торговлю. Новые независимые латиноамериканские государства получили возможность для развития прогрессивных капиталистических отношений.

ГЛАВА 4

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В 30 — 40-х гг. XIX в.

РЕВОЛЮЦИЯ 1830 ГОДА ВО ФРАНЦИИ

В 30 — 40-х гг. XIX в. капиталистическое производство в странах Западной Европы достигло больших успехов. Вслед за Англией, где в эти десятилетия завершился промышленный переворот, фабричная промышленность успешно развивалась во Франции, а также, хотя и более медленно, в Бельгии, Пруссии и ряде других стран. Одновременно усиливались влияние и роль промышленной буржуазии, которая решительно претендовала на власть. Реакционная политика французского правительства Реставрации, защищавшего интересы и привилегии крупных землевладельцев-дворян и высшего духовенства, отрицательно отражалась на экономическом развитии Франции. Усилению недовольства в стране способствовали засилье иезуитов при дворе, в администрации, в школах, вызывающее поведение бывших эмигрантов, угрожавших крестьянству восстановлением феодальных порядков.

Промышленный кризис 1826 г., а затем депрес-

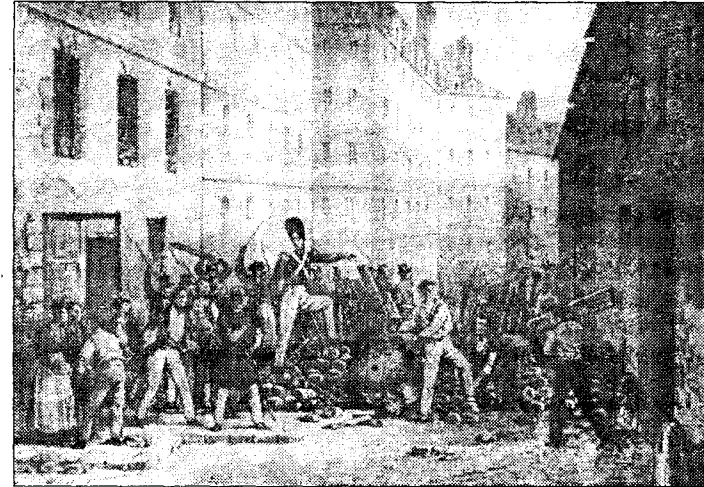
сия 1829 — 1830 гг., совпавшая с неурожаем, ухудшили и без того тяжелые условия существования широких слоев населения. Большие массы людей в городах были лишены заработка, в деревне царил нищета и голод.

В то же время усиливалась оппозиционность либеральной буржуазии. Буржуазные либералы требовали расширения круга избирателей, ответственности министров перед парламентом, введения местного и областного самоуправления, борьбы с клерикальным засильем, отмены ограничений для печати. После выборов 1827 г., принесших большинство в палате конституционным монархистам и буржуазным либералам, король Карл X вынужден был дать отставку ультрароялистскому кабинету графа Виллеля. Новое правительство, составленное из конституционных монархистов во главе с графом Мартиньяком, пыталось лавировать между крупной буржуазией и дворянской аристократией. В августе 1829 г. король, не желавший идти на уступки буржуазным либералам, уволил Мартиньяка в отставку и вновь вручил власть ультрароялистам. Во главе кабинета стал любимец короля князь Полиньяк, в прошлом активный деятель дворянской эмиграции. Крайние монархисты были назначены и на другие министерские посты.

Создание правительства Полиньяка вызвало огромное недовольство во Франции. Либеральные газеты резко нападали на новых министров. Основанная в начале 1830 г. левым крылом либералов газета «Насьональ» повела агитацию за замену династии Бурбонов династией Орлеанов, тесно связанной с верхушкой буржуазии. Оживилась деятельность подпольных республиканских групп и карбонарских вент. В середине марта 1830 г. палата депутатов выразила недоверие кабинету Полиньяка и потребовала его отставки. В ответ на это король прервал заседание палаты, а в середине мая совсем распустил ее. Однако новые выборы, состоявшиеся в июне и июле, принесли либералам и конституционным монархистам победу над сторонниками правительства. Политическая обстановка становилась все более напряженной.

Карл X, успокоенный уверениями своих приближенных, что народ равнодушен к политике и что конституционной хартией дорожит только кучка адвока-

тов и журналистов, решил расправиться с оппозицией. 25 июля по рекомендациям своего министра он подписал указы, известные под названием «ордонансов Полиньяка». Они предписывали роспуск вновь избранной палаты, сокращение числа депутатов вдвое, исключение из списков избирателей всех владельцев торговых и промышленных патентов и ограничение круга

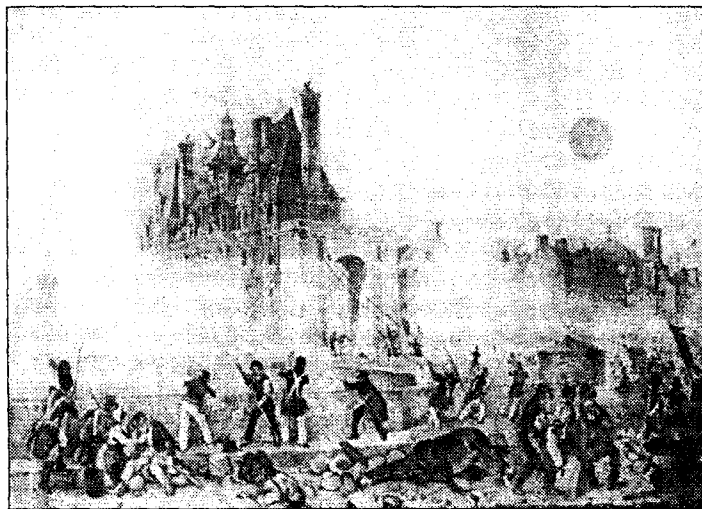
Баррикада 28 июля 1830 г. в Париже.
Гравюра по рисунку Ж.Свебака-Дефонтема. 1830 г.

избирателей только крупными землевладельцами, т.е. в основном людьми дворянского происхождения, введение системы предварительных разрешений для издания газет и журналов. Это была попытка реакционного государственного переворота.

Опубликование ордонансов вызвало бурю возмущения в Париже. Сотрудники оппозиционных газет, собравшиеся в помещении редакции газеты «Насьональ», приняли декларацию, которая призывала население Франции оказать сопротивление правительству. Вечером 26 июля на улицах Парижа произошли столкновения с полицией. На следующий день уличные демонстрации переросли в вооруженное восстание под лозунгом защиты конституционной хартии и смещения министерства Полиньяка. 28 июля восстание приняло массовый характер. Париж покрылся баррикадами, особенно

много их было сооружено в Сент-Антуанском предместье и других рабочих кварталах. Так началась июльская революция.

29 июля 1830 г. восставшие с боем овладели Тюильрийским дворцом, над которым тотчас же было поднято трехцветное знамя — знамя революции 1789 — 1794 гг. Королевские войска, понеся большие потери,

Взятие Парижской ратуши.
Гравюра по рисунку В.Адама. 1830 г.

отступили в пригород Сен-Клу. Под давлением народных масс, организовавших поход на Рамбулье, где находился королевский двор, Карл X отрекся от престола (в пользу своего внука — графа Шамбора) и бежал в Англию.

31 июля депутаты палаты, среди которых преобладали орлеанисты, собравшись в доме банкира Лафитта, решили передать корону герцогу Орлеанскому Луи-Филиппу. Протесты республиканских групп и организованные ими народные демонстрации не достигли цели. Луи-Филипп был провозглашен королем.

Новая конституция, принятая 14 августа 1830 г., сохранила многие положения прежней хартии. Власть короля была несколько урезана; права палаты депутатов немного расширены; число избирателей увеличилось вследствие некоторого снижения имущественного ценза;

духовенству было запрещено приобретать недвижимую собственность; государственные учреждения, армия и флот были очищены от дворян-реакционеров; периодическая печать освобождена от прежних стеснений. Однако широкие слои населения оставались политически бесправными. Полицейско-бюрократический аппарат сохранился в том виде, в каком он сложился в период наполеоновской империи, и лишь перешел в другие руки; не были отменены ни законы против рабочих стачек и профессиональных союзов, ни тяжелые косвенные налоги, вызывавшие сильное недовольство как городской, так и сельской бедноты. Власть окончательно перешла из рук дворянства в руки буржуазии. Притом, только одной ее группы — финансовой аристократии (т.е. верхушки торгово-промышленной и банковской буржуазии). Во Франции установилась буржуазная монархия.

Июньская революция имела большое международное значение. Свержение правительства Реставрации нанесло сильный удар по системе Священного Союза, способствовало подъему либерально-демократических и национально-освободительных движений во многих странах Европы. Передовые люди повсюду приветствовали поражение французской реакции. «Солнечные лучи, завернутые в бумагу», — так называл Гейне газеты, сообщавшие об июльских событиях в Париже. Позднее Лермонтов посвятил этим событиям стихотворение, в котором резко осуждал Карла X и приветствовал «знамя вольности», поднятое парижским народом.

В годы монархии Луи-Филиппа (июльской монархии) развитие капитализма во Франции сделало большие успехи. Промышленный переворот затронул в первую очередь легкую промышленность. Потребление хлопка возросло с 28 млн. кг в 1831 г. до 64 млн. кг в 1845 г. Капиталы, вложенные в торговые и промышленные предприятия, увеличились за два десятилетия в полтора раза (с 30 млрд. до 45 млрд. франков). Количество паровых машин, применявшихся в промышленности, к 1847 г. достигло 4853. В 30-х гг. во Франции началось железнодорожное строительство, к 1 января 1847 г. в эксплуатации находилось 1535 км и сооружалось 529 км железнодорожных линий. Крупная промышленность, главным образом текстильная (изделия из хлопка, шерсти, полотна), росла на севере Франции

(Лилль), северо-западе (Руан) и востоке (в Эльзасе и Лотарингии). Металлургическая промышленность быстро развивалась в Луарском бассейне. В Париже господствовали такие отрасли, как производство одежды, галантереи, предметов роскоши, дорогой мебели; здесь преобладали мелкие и средние предприятия, в которых было занято от двух до десяти рабочих. В 1847 г. только 10% парижских предпринимателей использовали труд более чем 10 рабочих.

В промышленности Лиона — второго по численности населения города Франции, центра шелкоткацкой индустрии — все еще преобладала рассейнная мануфактура. Крупные предприниматели-мануфактуристы имели обычно только раздаточные конторы; они сдавали заказы из своего сырья владельцам мелких заведений. Во многих департаментах мануфактуристы предпочитали размещать свои заказы в деревне, где рабочие руки были дешевле, чем в городе.

Политика правительства, оказывавшего покровительство только крупным финансистам, коммерсантам и верхушке промышленников в ущерб интересам остальной буржуазии, тормозила развитие промышленности и торговли. Высокие таможенные пошлины на ввоз угля, железа, хлопка обогащали «угольных баронов» и других промышленных магнатов, но были крайне невыгодны для основной массы предпринимателей, так как удорожали себестоимость производства и этим снижали конкурентоспособность французских изделий на иностранных рынках. Банкиры и ростовщики наживали огромные богатства за счет дороговизны кредита.

В интересах финансовой верхушки монархия Луи-Филиппа продолжала завоевание Алжира. Оно было начато еще при Бурбонах: правительство Полиньяка отправило в середине июня 1830 г. в Алжир экспедиционный корпус, и уже 5 июля алжирский дей (правитель), не оказав серьезного сопротивления, сдал свою столицу город Алжир французам. Номинальный сюзерен Алжира — турецкий султан ограничился бумажными протестами. На защиту своей страны поднялись широкие народные массы — арабские и берберские племена. Правительству июльской монархии пришлось столкнуться с освободительной войной алжирского народа, продолжавшейся почти двадцать лет.

С 1832 г. борьбу против французских колониза-

торов возглавил талантливый военачальник Абд-эль-Кадер. Сплотив под своим руководством многие племена западных и центральных районов Алжира, он создал независимый эмират и нанес французским войскам ряд крупных поражений. Французские власти были вынуждены заключить с ним в 1834 и 1837 гг. договоры и признать его власть над двумя третями алжирской территории. Через некоторое время, перебросив в Алжир подкрепления, колонизаторы возобновили военные действия, но по-прежнему терпели неудачи. Только ценой больших потерь и огромных средств, сосредоточив в Алжире более 100 тыс. солдат и значительную военную технику, истребив целые племена, захватчики смогли к концу 1847 г. разбить войска Абд-эль-Кадера и взять его в плен. Однако и после этого в Алжире продолжалась борьба против колонизаторов.

Тяжелая и непопулярная алжирская война принесла большой ущерб французскому народу. Кавеньяк, Ламорисьер, Пелиссье, Шангарнье и другие «алжирские генералы» именно здесь приобрели опыт кровавого, беспощадного подавления народного движения, который они перенесли позднее во Францию.

Жестокоей эксплуатации подвергались рабочие шелкоткацкой промышленности Лиона — крупнейшего центра этой отрасли производства. В результате развития фабричной промышленности ухудшилось положение подмастерьев, учеников и даже хозяев мелких мастерских, находившихся в полной зависимости от крупных предпринимателей-мануфактуристов.

21 ноября 1831 г. в Лионе началась стачка протеста против отказа предпринимателей признать новые, более высокие расценки, которые были утверждены комиссией, составленной из представителей от рабочих и от хозяев. Многие мануфактуристы закрыли для ткачей двери своих раздаточных контор. В ответ на это, а также на провокационные действия национальной гвардии трудящиеся Лиона взяли за оружие. Стачка переросла в восстание. Лозунгом восставших рабочих было: «Жить, работая, или умереть, сражаясь». Эти слова были вышиты на черном знамени, поднятом в рабочих предместьях Лиона. После почти трехдневной вооруженной борьбы правительственные войска были вытеснены из Лиона, и город перешел в руки рабочих.

3 декабря многочисленные войска вступили в Лион

и подавили восстание. Число повстанцев, убитых в уличных боях, исчислялось несколькими сотнями. Более 10 тыс. человек было выслано из Лиона и его предместий.

В июне 1832 г. во время похорон популярного в демократических кругах генерала Ламарка в Париже произошло восстание с целью свержения монархии. Руководили этим восстанием республиканцы, но решающую роль сыграли рабочие. В рабочих кварталах над баррикадами было поднято красное знамя. После 2 дней героической борьбы сопротивление республиканцев было сломлено.

В апреле 1834 г. в обстановке промышленной депрессии произошло второе восстание в Лионе. Толчком к нему послужили два обстоятельства: принятие сурового закона о союзах, направленного против демократических организаций, и судебная расправа с участниками стачки, происшедшей незадолго до того.

Второе лионское восстание носило ярко выраженный политический характер: лионские повстанцы сражались за демократическую республику. 6 дней на улицах Лиона шли ожесточенные бои между восставшими и королевскими войсками. Предместье Круа-Русс, являвшееся главным очагом восстания, было укреплено с большим искусством, обнесено рвами. «Республика или смерть!» — таков был лозунг повстанцев. Среди руководителей восстания были республиканцы — Лагранж, Бон, Кассидьер, Карье — деятели профессиональных рабочих союзов и обществ взаимопомощи. Правительство жестоко расправилось с восставшими. В подавлении восстания участвовала артиллерия. Солдаты разрушали дома, расстреливали не только повстанцев, но и мирных жителей.

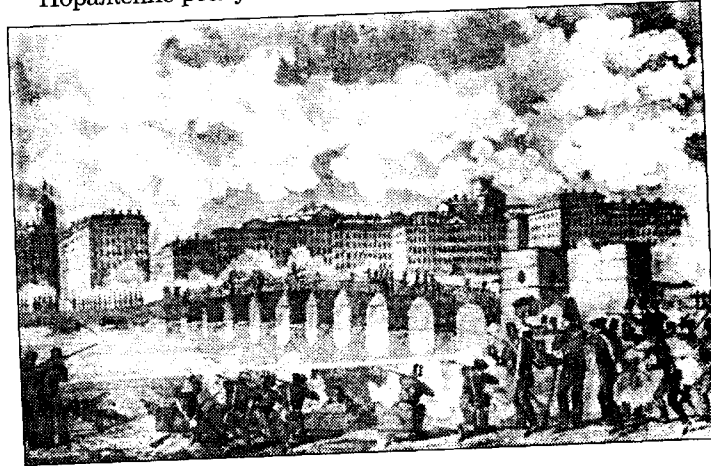
Второе лионское восстание нашло отклик в Париже, а также в Сент-Этьенне, Гренобле, Клермон-Ферране и в некоторых других промышленных городах страны. Восстаниями были охвачены и некоторые сельские местности, особенно в винодельческих районах. В Арбуа на помощь восставшим республиканцам прибыли отряды крестьян с красными знаменами; повстанцам удалось на время завладеть этим городом и низложить мэра.

В Париже вооруженная борьба продолжалась около двух дней (13 и 14 апреля). При подавлении восстания были совершены чудовищные злодеяния. Особенно бесчинствовали солдаты на улице Транснонэн, где были

и перебиты ни в чем не повинные люди, в том числе старики, женщины, дети.

После подавления восстания 1834 г. правительство устроило судебный процесс, который продолжался почти целый год. Многие подсудимые были сосланы на казнь.

Поражение республиканского движения начала 30-х гг.

Лионское восстание 1831 г.
Литография Барду.

привело к временному упрочению правительства. Этому опоспособствовало и усиление реакционных настроений в буржуазных кругах, напуганных политической активностью рабочих.

В 40-х гг. режим июльской монархии вступил в полосу внутренних и внешних трудностей. Усиливались оппозиционные и революционные настроения в широких слоях общества, нарастало рабочее движение. Роптало крестьянство, придавленное налогами. Недовольство правительством выражала часть буржуазии, главным образом промышленной. Несмотря на проведенные в интересах капиталистических кругов законодательные мероприятия — протекционистские пошлины, привилегии железнодорожным компаниям и т. п., — «царство банкиров» сковывало развитие производительных сил Франции, задерживало и тормозило процесс промышленного переворота. Буржуазию тревожил рост государственного долга, который с 1830

по 1846 г. увеличился более чем вдвое и достиг 2,5 млрд франков. Огромные проценты по этому долгу шли финансовой олигархии.

Буржуазные круги были недовольны и неудачной внешней, в особенности колониальной, политикой правительства, «дипломатическим Ватерлоо», пережитым Францией в 1840 г. в борьбе с блоком четырех дер-

Подавления восстания в Лионе в апреле 1834 г.
Рисунок Ф.О.Жанрона.

жав (Англия, Россия, Австрия, Пруссия) за влияние на Востоке, отступлением в том же году перед колониальной экспансией Англии, захватившей Новую Зеландию и острова Океании, куда Франция уже направила свою военную экспедицию.

Недовольство внутренней и внешней политикой июльской монархии к концу 1847 г. чрезвычайно усилилось. В широких народных массах росли революционные настроения. Буржуазная оппозиция требовала избирательной реформы, надеясь укрепить свое влияние в парламенте и предотвратить революционный взрыв. Однако правительство, во главе которого с 1840 г. стоял историк и публицист Гизо, превратившийся после революции 1830 г. из умеренного либерала в яркого реакционера, упорно отклоняло требования оппозиции. «Обогащайтесь, господа, и вы станете избирателями», — цинично отвечал Гизо тем, кто предлагал снизить имущест-

венный ценз и расширить круг избирателей. «... Ротшильд и Луи-Филипп прекрасно понимают, — писал в 1847 г. Энгельс, — что включение в круг избирателей мелкой буржуазии означает не что иное, как «LA REPUBLIQUE!».

Социальная база июльской монархии все более суживалась.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ В АНГЛИИ. ДВИЖЕНИЕ ЧАРТИСТОВ

В 30-е и 40-е гг. XIX в. в Англии быстро развивался капитализм. Здесь раньше, чем в других странах, промышленный переворот вступил в завершающую стадию, что и сделало Англию наиболее развитой страной капиталистического мира.

В 30-х — 40-х г. в основных отраслях английской промышленности окончательно победило фабричное производство. Еще в 1830 г. даже в наиболее развитой отрасли производства — хлопчатобумажной промышленности — число ручных станков в 3 раза превышало число механических станков. В последующие два десятилетия ручное ткачество почти совершенно исчезло. Такой же процесс происходил и в других отраслях производства. Этому способствовали следовавшие одно за другим технические изобретения и усовершенствования. В частности, в текстильной промышленности большую роль сыграл так называемый сельфактор (автомат), обеспечивший механизацию прядильных процессов. Ширилось применение паровых машин. В текстильной промышленности мощность паровых двигателей возросла с 1834 по 1850 г. в 3,5 раза. Быстрыми темпами шла концентрация производства, увеличивались размеры фабричных предприятий.

Другой важной чертой промышленного развития Англии этих лет был быстрый рост тяжелой промышленности. За 17 лет — с 1830 по 1847 г. — производство металла в Англии возросло более чем в 3 раза. Применение горячего дутья при плавке руды, начавшееся в 1828 году, второе сократило расход топлива на тонну металла и, что еще важнее, позволило использовать в производстве низшие сорта каменно-

го угля, которые в изобилии имелись в Англии, но раньше применялись только для отопления. Англия, зависевшая до того времени от привозного металла, сама стала его вывозить в больших масштабах. За двадцать лет — с 1826 по 1846 гг. — вывоз железа и чугуна из Англии увеличился в 7,5 раз. В 1839 г. в Англии было добыто угля в 4 раза больше, чем во Фран-

Медный рудник в Корнуолле.
Гравюра Д.Томаса по рисунку Т.Аллома. 1837 г.

ции, Бельгии и Пруссии, вместе взятых. Для промышленного развития Англии этих лет характерным был быстрый рост машиностроения и станкостроения. Создание точных и высокопроизводительных строгальных, токарных, фрезерных, штамповальных станков облегчало труд и улучшало качество продукции. Английские станки и машины по своему качеству и дешевизне не имели себе равных. Англия стала поставщиком машин во все страны мира.

Огромное значение для английской экономики имело развитие транспорта, в особенности железных дорог. После 1830 г. в Англии началось быстрое строительство железных дорог. К 1850 г. длина железнодорожной сети достигла почти 10 тыс. километров. Железные дороги ускорили превращение английской экономики в единое целое и облегчили включение отдельных районов страны в мировую торговлю.

Завершение промышленного переворота выдвинуло Англию на первое место в мировом промышленном производстве и торговле. Английский вывоз увеличился с 1830 до 1849 гг. более чем в 4 раза. Он почти целиком складывался из фабричных товаров. Ввоз состоял в основном из промышленного сырья для фабрик и продуктов продовольствия для населения. Англия превращалась в промышленную «мастерскую мира». Промышленное развитие вело к росту городского населения. В 1851 г. более трети населения Англии проживало в крупных городах, в то время как в крупных городах Франции жило в эти годы только 10,5% населения.

Постройка железнодорожного моста.
Гравюра. 1830 г.

Процесс индустриализации находил отражение и в постепенном сокращении удельного веса сельского хозяйства в экономике страны. Вместе с тем быстрое развитие промышленности и городов стимулировало спрос на продукты сельского хозяйства и ускорило перестройку сельского хозяйства на капиталистический лад. В результате огораживаний вся общинная пахотная земля к 30-м гг. XIX в. перешла в собственность крупных землевладельцев; в последующие десятилетия были огорожены и перешли в собственность лендлордов также и общинные пустоши. Концентрация земельной собственности достигла огромных масштабов: в середине 30-х г. в руках 35 тысяч крупных землевладельцев сосредоточилось около половины всего земельного фонда страны.

Земельный собственник — лендлорд, как правило, не вел собственного хозяйства, а сдавал свою землю в аренду, преимущественно крупными участками. Вложения капитала в подобные предприятия были под силу только состоятельным людям. Фермер-арендатор вел хозяйство по-капиталистически. Он нанимал рабочую силу и был тесно связан с рынком. В 1851 г. количество сельскохозяйственных рабочих в Англии

составляло 1442 тыс.; в среднем на каждую ферму приходилось около 10 рабочих. В сельском хозяйстве широко применялись передовые методы агрокультуры: многопольная плодоперемная система, дренаж, удобрения и сельскохозяйственные машины.

По мере того как промышленный переворот приближался к завершению, отчетливо выявлялись его социальные последствия.

Систематические переписи, начатые с 1800 г., обнаружили быстрый рост населения: в 1801 г. оно составляло (без Ирландии) 10,9 млн. человек, в 1831 г. — 16,5 млн., а через 20 лет, в 1851 году — уже около 21 млн. человек. В 1841 г. на фабриках мануфактур, на шахтах и на строительстве было занято около 3800 тыс. человек — не менее 34% самостоятельного населения. Быстрое внедрение машин вело к полному вытеснению ремесла. Но промышленность не успевала поглощать свободные рабочие руки. В результате возникла огромная резервная армия труда, которая возростала вследствие систематически повторявшихся кризисов и периодов тяжелой депрессии. Наличие массовой безработицы позволяло капиталистам усиливать эксплуатацию рабочих и снижать заработную плату. Рабочий день в промышленности составлял в 30-х гг. обычно 12 — 14 часов (иногда 16 часов). Заработной платы едва хватало для поддержания жизни. Комиссия, обследовавшая в 1838 — 1839 гг. положение ткачей в фабричном городе Аштон-андер-Лайн, установила, что на средний недельный заработок семья из четырех человек могла бы купить только 12 кг хлеба и ничего более; между тем квартирная плата и другие расходы отнимали у рабочих более половины заработка.

Хозяева жестоко притесняли рабочих, прибегали ко всяческим уловкам, чтобы урезать и без того низкую заработную плату. Этой цели служила, в частности, система штрафов. На одной фабрике возле Манчестера штраф взимался, если рабочий открывал окно в мастерской, опаздывал на работу на одну минуту, не ставил на место масленку, работал при газовом освещении, когда уже было светло, и т. д. Ограблению рабочих служила система обязательных покупок в заводской лавке: хозяин выплачивал деньгами лишь часть заработка, а на остальную сумму рабочий по контракту обязан был покупать залежалые, подчас недоброкачественные товары.

Особенно беспощадной эксплуатации подвергались женщины и дети — они получали за свою работу значительно меньше, чем взрослые рабочие-мужчины.

Демократический публицист Уильям Коббет, характеризующий угнетенное положение рабочего класса Англии, писал в эти годы: «Говорят о вассалах прошлого, говорят о вилланах! Говорят о рабстве в прошлом! Но

Стачка в Престоне (Англия).
Войска стреляют в рабочих. Гравюра. 1842 г.

были ли в эпоху феодализма те и другие так унижены, так абсолютно поработены, как унижены и поработены те несчастные создания, которые на «просвещенном» севере в душной температуре работают по 14 часов в день и подлежат наказанию, если выгледнут в окно?»

Период, когда рабочие видели главную причину своих несчастий в машине, заменявшей ручной труд, и пытались бороться с введением машин, даже уничтожали их, остался позади.

Под влиянием пропаганды Роберта Оуэна начали создаваться производственные кооперативы и «меновые базары», где из обмена были устранены деньги; крах таких предприятий показал рабочим, что, идя по этому пути, они никогда не добьются существенного улучшения своего положения.

Борьба английских рабочих принимала организованный характер, создавались новые профессиональные объединения. В 1829 г. была сделана попытка организации единого профсоюза прядильщиков в масштабе всей страны; в 1830 г. рабочий-прядильщик Догер-

ти, инициатор «Великого общего союза прядильщиков», организовал «Национальную ассоциацию для защиты труда» — единую профессиональную организацию в национальном масштабе.

Встревоженные ростом организованности рабочего класса, органы власти прибегли к жестоким гонениям против рабочих союзов и их членов. В результате политических репрессий «Национальная ассоциация» прекратила существование. Под влиянием французской революции 1830 г. сторонники парламентской реформы в Англии активизировали свою деятельность. В ноябре 1830 г. реакционное правительство герцога Веллингтона вынуждено было уйти в отставку. Новый кабинет во главе о Греем, опиравшийся на вигов и левое крыло тори, выдвинул проект реформы, который предусматривал изменение представительства в парламенте в интересах буржуазии за счет уничтожения так называемых «гнилых местечек» — обезлюдивших избирательных округов в сельских местностях, где депутатов фактически назначал лендлорд.

Созданные буржуазией сначала в Бирмингеме, а затем и в других крупных городах политические союзы вели широкую агитацию, обещая трудящимся, что избирательная реформа значительно улучшит их положение. Митинги и демонстрации, организованные политическими союзами, приняли внушительные размеры. Особенно большую активность проявил «Национальный политический союз» в Бирмингеме. Руководители движения, в частности бирмингемский банкир Автуд и владелец портняжной мастерской в Лондоне Френсис Плэс, грозили противникам реформы прекратить уплату налогов и совершить «набег на банки», т. е. начать массовое изъятие денежных вкладов. Министр внутренних дел Джон Рассел и другие члены правительства, принадлежавшие к партии вигов, активно поддерживали сторонников парламентской реформы. Для ведения агитации Плэс получал средства из секретных фондов.

Осенью 1830 г. в ряде графств Англии развернулось массовое движение батраков, которые требовали повышения заработной платы. Их поддерживали мелкие фермеры, тяготившиеся высокой арендной платой и десятиной в пользу церкви. Анонимные письма лендлордам, заключавшие в себе требования бат-

раков, подписывались мифическим именем «Свинг» (это слово означает качели, но иносказательно также и виселицу). Движение «свинг», затронувшее главным образом южные районы страны, охватило 16 графств и сильно встревожило лендлордов. Крупные полицейские и военные силы, присланные правительством, жестоко расправились с участниками движения.

Через год, осенью 1831 г., в связи с отказом палаты лордов утвердить билль о реформе, уже принятый палатой общин, в различных частях Англии произошли серьезные события. Дворцы и замки некоторых противников билля подверглись нападению; в Бристоле и Глазго начались народные волнения. Эти выступления были подавлены, однако они оказали свое действие: оба лагеря господствующих классов — и сторонники и противники реформы, запуганные активностью масс, начали склоняться к компромиссу. Поэтому, когда правительство пригрозило поставить вопрос о пополнении верхней палаты новыми членами — сторонниками реформы, лорды пошли на уступки. В июне 1832 г., после двухлетней напряженной борьбы, билль о реформе был утвержден.

Парламентская реформа 1832 г. ликвидировала многие «гнилые местечки», были созданы новые избирательные округа, преимущественно в новых промышленных городах, ранее не имевших представительства в парламенте.

В 1836 г. группа передовых рабочих и ремесленников организовала «Лондонскую ассоциацию рабочих», которая занялась выработкой политической программы рабочего движения. Программа эта, названная «народной хартией» (по-английски хартия — «чартер»), предусматривала последовательную демократизацию политического строя Англии. Хартия выдвигала шесть требований: всеобщее избирательное право (для мужчин), ежегодное переизбрание парламента, тайная подача голосов при выборе депутатов, деление страны на равные избирательные округа для обеспечения равномерного представительства, отмена имущественного ценза и выплата жалованья депутатам. Широкие слои населения поддержали хартию, надеясь, что ее осуществление приведет к улучшению их положения. Как выразился один из чартистских ораторов, «хартия — это вопрос ножа и вилки».

С 1838 г. по всей стране развернулись массовые митинги, на которых хартия получила всеобщее одобрение. К весне 1839 г. под петицией в парламент, требовавшей осуществления хартии, подписалось более 1200 тыс. человек.

4 февраля 1839 года в Лондоне открылся Конвент (съезд) чартистских делегатов. Среди его участников сразу же обнаружилось серьезные разногласия. Некоторые делегаты считали, что следует лишь вручить петицию и затем разойтись, предоставив решение вопроса парламенту. Но большинство Конвента считало своей задачей решительную борьбу за осуществление хартии. Возник вопрос о том, что делать, если лорды все же откажутся удовлетворить требование народа. Одни делегаты призывали вести решительную борьбу вплоть до вооруженного выступления. Другие считали, что следует ограничиться мирной агитацией, воздействием общественного мнения. Глубокие тактические разногласия в чартистском Конвенте отражали пестроту социального состава чартистского движения на первых его этапах.

Наиболее активным сторонником решительных действий был Джулиан Гарни, создавший в 1838 г. «Лондонскую демократическую ассоциацию», которая объединяла революционных рабочих столицы. Гарни резко критиковал тех, кто верил в возможность осуществления демократических реформ без революционных выступлений. Гарни призывал к вооружению народа и выдвигал план похода на Лондон вооруженных отрядов чартистов, чтобы заставить парламент принять хартию.

Иную позицию занимал Уильям Ловетт, столяр, представитель лондонских ремесленников, который считал, что чартисты должны ограничиться пропагандой и просвещением рабочих.

Видную роль в чартистском движении играл ирландский адвокат и публицист О'Коннор, издатель влиятельной чартистской газеты «Северная звезда», организатор «Большого северного союза», объединявшего значительные массы фабричных рабочих. О'Коннор призывал к решительным действиям. Однако он полагал, что до народного восстания дело не дойдет и что одна только угроза восстания заставит парламент осуществить хартию. Весьма влиятельным деятелем чартизма был публицист Джеймс Бронтер О'Брайен, редактор не-

скольких чартистских газет. Его статьи получали широкий отклик в рядах чартистов.

Между тем правительство, встревоженное агитацией чартистов, решило принять меры против развернувшегося движения. Публичные митинги и массовые демонстрации были запрещены; в промышленных районах сосредоточились войска и полиция, буржуазия стала создавать добровольческие отряды в помощь властям.

7 мая 1839 г. петиция чартистов была внесена в парламент, который отверг ее. Конвент, ослабленный внутренними разногласиями, бездействовал, однако рабочие массы, раздраженные полицейскими репрессиями, рвались в бой. 15 июля 1839 г. в ответ на провокационные действия властей, запретивших митинги чартистов, восстали рабочие Бирмингема; два дня они держали город в своих руках. 3 ноября того же года в Ньюпорте группа рабочих пыталась силой освободить из тюрьмы чартистского деятеля Винсента, но в стычке с войсками потерпела поражение.

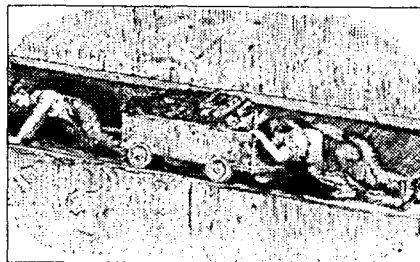
Правительство усилило репрессии, начались массовые аресты активных участников движения. Суровые судебные приговоры, тюремное заключение, ссылки на каторгу обезглавили чартистское движение. В конце 1839 г. оно оказалось сломленным.

Еще в 1840 г. была создана «Национальная чартистская ассоциация» со своим уставом, руководящими органами (исполнительным комитетом), членскими взносами. Число членов ассоциации вскоре достигло 40 тыс. Центром ее и всего чартистского движения стал Манчестер.

О'Коннор с хартией перед парламентом и лорд Рассел.
Шарж из журнала «Панч». 1848 г.

Вторая петиция чартистов с подписями 3,3 млн. человек, представленная в парламент в апреле 1842 г., была более резкой по тону, чем первая. Она затрагивала многие социальные вопросы и более последовательно выражала интересы рабочих. «Ее величество, — говорилось о королеве Виктории в петиции, — получает ежедневно доход в 165 ф. ст., тогда как тысячи рабочих семей получают ежедневно 3,75 пенса на душу». Авторы петиции обличали несправедливость английского общественного и политического строя, указывали на непосильный труд рабочих, низкую заработную плату, высокие налоги, концентрацию земли и других средств производства

Дети на работе в шахте.
Гравюра из официального доклада комиссии по рудникам и фабрикам. 1842 г.

в руках высших классов, требовали отмены закона о бедных, расторжения унии между Англией и Ирландией.

Парламент отклонил петицию. Среди рабочих приобрела популярность идея «священного месяца», т.е. всеобщей политической стачки. 4 августа 1842 г. в промышленном городе Стэлибридже (недалеко от Манчестера) рабочие забастовали и выдвинули требование об осуществлении хартии. К ним присоединились рабочие остальных городов этого фабричного района, затем стачка перекинулась в другие части страны. В середине августа к ней присоединились многие тред-юнионы. Забастовочное движение охватило северные промышленные районы Англии. Но стачка все же не стала всеобщей: в нее не были вовлечены рабочие центральных и южных графств.

Чартистская конференция, открывшаяся в Манчестере 17 августа 1842 г., не приняла конкретных решений. Лишенная общего руководства, стачка постепенно начала ослабевать. Правительство снова прибегло к полицейским репрессиям, применив их в еще более широком масштабе, чем прежде.

После неудачи стачки 1842 г. чартистское движение стало терять свой массовый характер. Этому способ-

ствовало улучшение экономической конъюнктуры в связи с ослаблением кризиса и начавшимся в 1843 г. оживлением в промышленности.

О'Коннор выступил с планом возвращения рабочих к сельскохозяйственному труду. С этой целью в 1845 г. была основана чартистская земельная кооперативная ассоциация: каждый член ее при условии денежного взноса должен был получить участок земли с жилым помещением, орудиями труда, рабочим скотом. План оказался совершенно нереальным. На деньги, собранные к 1848 г., из 75 тыс. членов ассоциации удалось обеспечить землей только 230 семей. Вскоре земельная ассоциация чартистов обанкротилась и распалась.

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА АНГЛИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Во второй четверти XIX в. Англия вела активную захватническую политику на всех морях и на всех континентах земного шара. Одним из наиболее последовательных проводников этой политики был лорд Пальмерстон, который с 1830 по 1841 г. и с 1846 по 1851 г. занимал пост министра иностранных дел. Бесперемонность Пальмерстона в обращении со слабыми и малыми государствами являлась примером для других колониальных империй.

В важнейшей английской колонии — Индии хозяйничала Ост-Индская компания. Она содержала свой флот и армию, творила суд и расправу. В 1833 г. свои пересмотре положения о компании привилегии ее были несколько урезаны, в частности, торговля с Китаем была открыта для более широкого круга английских купцов и промышленников. Тем не менее Ост-Индская компания все еще оставалась могущественной экономической и политической организацией.

Продолжая расширять свое господство в Индии, английские колонизаторы в 1834 г. захватили Синд, в 1846 г. — Кашмир. Под фальшивым предлогом «обороны» подступов к Индии Англия в 1839 г. заняла порт Аден, продолжала расширять свои владения на Малакском полуострове. В том же году английские

колонизаторы начали агрессивную войну против Афганистана, но, натолкнувшись на решительное сопротивление афганского народа, в 1842 г. вынуждены были заключить договор с афганским эмиром и на время отказать от захвата этой страны. В Китае в результате так называемой первой опиумной войны (1839 — 1842 гг.) Англия захватила Гонконг и заставила Цинское правительство открыть ряд портов для иностранной, главным образом английской, торговли (в частности, для ввоза опиума). Продолжалось расширение английских владений и в других частях земного шара: в 1840 г. была захвачена Новая Зеландия, в 1842 г. — северная часть острова Борнео (княжество Саравак), в 1842 г. — территория в Южной Африке (Наталь).

Агрессивная политика Англии обостряла ее отношения с другими колониальными державами. Англо-русские отношения на Ближнем Востоке непрерывно ухудшались. Обострялись и англо-французские противоречия; несколько раз Англия и Франция оказывались на грани вооруженного конфликта из-за Египта, Новой Зеландии и т. д.

Серьезным противником Англии на американском континенте были США, претендовавшие на господство в Западной полушарии. Англия вела с США острую борьбу за определение границы между Канадой и штатом Мэн, за территорию Орегона и др., а также за господство в Центральной Америке, где у каждой из этих держав был свой проект сооружения канала, который соединил бы Атлантический и Тихий океаны. Не придя к соглашению по этому вопросу, Англия и США приняли в 1849 г. взаимное обязательство не приступать к сооружению такого канала, и вплоть до начала XX в. суда, направлявшиеся из одного океана в другой, вынуждены были совершать длительное и опасное плавание вокруг Южной Америки.

В середине XIX в. Англия была крупнейшей колониальной державой. Ее колонии занимали территорию более чем в 2 млн. кв. км с населением в 100 млн. человек. Обширная колониальная империя Англии являлась источником фантастического обогащения. Огромные ценности, извлекавшиеся путем ограбления колоний, ускоряли развитие капитализма в метрополии.

В 1833 г. английской буржуазии пришлось пойти на отмену рабства в своих колониях, так как рабы

упорно добивались свободы, неоднократно поднимая восстания: весь конец XVIII в. и начало XIX в. происходили восстания рабов на плантациях в Вест-Индии. К тому же труд рабов становился все менее выгодным экономически. Английское правительство выкупило рабов у их собственников, выплатив последним крупную сумму — 20 млн. ф. ст. Плантаторы-рабовладельцы пытались сохранить и далее рабство под видом «ученичества», однако новые восстания рабов заставили их в 1838 г. отказаться от продолжения этой системы. Впрочем, положение бывших рабов не стало многим лучше: лишенные земли, они были вынуждены работать на плантациях за нищенскую заработную плату. В 40-х гг., нуждаясь в рабочей силе, плантаторы в широких масштабах начали ввоз кули из Индии и Китая в Вест-Индию и в другие английские колонии. Положение этих кули почти не отличалось от положения рабов.

По мере развития в Англии промышленного производства ее колониальные владения становились все более важным источником дешевого колониального сырья и рынками сбыта английских промышленных изделий. Этим в первую очередь и объясняется широкая экспансия Англии. Вместе с тем в Англии важную роль стала играть и эмиграция из страны: в 30-х гг. в колонии выехало около 500 тыс. человек, а в 40-х гг. — уже более 1,2 млн. человек.

Трудом эмигрантов были освоены обширные просторы английских владений в Америке и в Австралии. Их руками расчищались леса, распахивались прерии, строились железные дороги.

Среди английских заокеанских владений одно из важнейших мест занимала Британская Северная Америка (нынешняя Канада), которая состояла из нескольких колоний: Верхней и Нижней Канады (границей между ними был приток реки св. Лаврентия — Оттава) и приморских провинций. Главное значение в экономике Британской Северной Америки имели сельское хозяйство, лесные промыслы, рыболовство. Промышленность ограничивалась обработкой продуктов сельского хозяйства. Лен, конопля, рыба, хлеб являлись важными статьями вывоза. В приморских провинциях быстро развивалось судостроение.

Заселение западных территорий колонии задерживалось земельными спекуляциями капиталистов, глав-

ным образом английских, которые захватывали огромные участки земли, быстро дорожавшие по мере притока населения, и наживали целые состояния на перепродаже их мелкими участками. Хозяиничанье английских земельных спекулянтов, которых поддерживали английские власти, вызывало большое недовольство среди фермеров. Молодая канадская буржуазия тяготилась английской таможенной и налоговой политикой. В Нижней Канаде (по нижнему течению реки св. Лаврентия) положение осложнялось национальными противоречиями: здесь от времен французского владычества сохранилось французское население, которое упорно отстаивало свои права, в частности, право на родной язык.

Центром борьбы против английского управления в Канаде стали провинциальные ассамблеи — выборные законодательные учреждения. Буржуазия, представленная в ассамблеях, добивалась контроля над финансовой политикой английских властей, особенно острая борьба завязалась в ассамблее Нижней Канады — наиболее крупной и в экономическом отношении самой развитой колонии.

Революция 1830 г. во Франции и парламентская реформа 1832 г. в Англии усилили оппозиционные выступления буржуазии в колонии. В Нижней Канаде во главе оппозиции стал француз Папино, адвокат по профессии. Буржуазия Нижней Канады потребовала создания «ответственного правительства», ассамблея отказалась утвердить бюджет, представленный губернатором. Однако английский парламент отверг притязания колониальной буржуазии, и ассамблея Нижней Канады была распущена губернатором.

Провокационное поведение английских властей вызвало взрыв негодования среди населения колонии. В 1837 г. началось стихийное восстание в Нижней Канаде, а затем и в Верхней Канаде, где главным лозунгом фермерства было требование свободной продажи земли. Английские войска подавили восстание. Папино бежал в США. Тем не менее правительство Англии решило пойти на некоторые уступки требованиям канадской буржуазии, так как в Англии опасались, что недовольством колонистов могут воспользоваться США, которые неоднократно выдвигали претензии на английские владения в Северной Америке, а во время восстания оказывали повстанцам помощь оружием и снаряжением.

В 1840 г. было осуществлено объединение Верхней и Нижней Канады, что усилило позиции английских властей. Вскоре Канаде было предоставлено право самой устанавливать пошлины на ввозные товары; затем было введено ответственное министерство, ограничившее произвол губернаторской власти.

Во второй четверти XIX в. происходило быстрое заселение и освоение австралийского материка британцами. До того времени английские власти использовали Австралию лишь как место ссылки приговоренных к каторжному работам. Трудом каторжан там строились дороги, сооружались гавани и т. д. Ссылные отдавались правительством в распоряжение богатых фермеров и капиталистов. Используя даровую рабочую силу, крупные предприниматели и капиталистические компании развивали в широких масштабах скотоводство. После открытия перевалов через горы, тянущиеся вдоль восточного побережья Австралии, для колонизации стали доступны обширные и плодородные территории к западу от гор. Капиталисты-скотоводы вторгались туда и оттесняли коренное население в центральные пустыни континента, обрекая его на гибель, истребляя в постоянных войнах. Одновременно началось заселение и других участков австралийского побережья: в 1829 г. была основана колония Западная Австралия, в 1836 г. — Южная Австралия. Еще до этого, в 1825 г., остров Тасмания, где также шло заселение, был объявлен отдельной колонией.

Рост населения в австралийских колониях сделал ненужным применение рабочей силы ссыльных. В Австралии началась агитация против присылки туда новых партий каторжан. Рабочие и фермеры приняли активное участие в этой агитации. В 1840 г. английское правительство под давлением колонистов прекратило отправку ссыльных в некоторые австралийские колонии и окончательно запретило ее в 1868 г. К этому времени общее количество английских колонистов в Австралии достигло полумиллиона человек. Оно стало быстро расти после открытия в Австралии богатых россыпей золота (1851 г.).

В начале XIX в. англичане овладели в Южной Африке территорией, принадлежавшей Голландии. Мыс Доброй Надежды, как именовалась тогда эта колония, был заселен выходцами из Голландии, которые называли

себя бурами (по-голландски — крестьяне). Буры, обращая негров в рабство, принуждали их работать на своих фермах. Главным занятием буров было скотоводство, фермы занимали огромные пространства. В погоне за новыми землями буры вступали в непрерывные столкновения с коренным населением, постепенно отесняя его все дальше на север и северо-восток.

Буры примирились с переходом под господство Англии, так как английские власти обеспечивали им перевес в борьбе против коренного населения. Однако стремление английских колонизаторов установить контроль над земельными владениями и введение там английских законов вызвали сильное недовольство буров. В 1836 г. они начали массами переселяться к северу за реку Оранжевую и основали республику Оранжевую, а затем еще дальше за реку Вааль, где создали республику Трансвааль. Коренное негритянское население силой оружия было согнано с этих территорий. 16 декабря 1838 г. буры, вооруженные огнестрельным оружием, устроили кровавое побоище племени зулу, которое пыталось отстоять свою землю («битва на Кровавой реке»).

Переселение буров английские колонизаторы использовали для новых территориальных захватов. В 1843 г. англичане аннексировали созданную бурами на побережье Индийского океана республику Наталь. Более решительное сопротивление оказали буры Оранжевой республики. В 1852 г. Англия была вынуждена признать ее независимость.

ГЕРМАНИЯ В 30 — 40-х гг. XIX в.

Промышленное развитие Германии значительно ускорилося, начиная со второй половины 30-х гг. На Рейне росли крупные промышленные центры: Кельн, Крефельд, Эльберфельд, Бармен, Золинген и др. К началу 40-х гг. Бохум и Эссен превратились из небольших местечек в крупные центры угольной и металлургической промышленности. Индустриализации Рейнско-Вестфальской области благоприятствовали ликвидация феодальных порядков, проведенная там в период французского господства в начале XIX в., а также наличие огромных залежей угля и железной руды. В Сак-

сонии быстро росло текстильное производство, центром которого был город Хемниц. С 40-х гг. Берлин начал превращаться в важный промышленный центр. Из 400 тыс. человек его населения в 1846 г. 70 тыс. являлись наемными рабочими, часть которых была занята на крупных фабриках и заводах, например на машиностроительном заводе Борзига. В Берлине было

Сдача готовых тканей ткачами, работающими на дому.
К.Хюбнер. 1844 г.

сосредоточено до трети всего машиностроительного и ситценабивного производства Пруссии. К 1847 г. во всей Пруссии имелась тысяча паровых двигателей общей мощностью 21 тыс. лошадиных сил. Первые пароходы по Рейну начали ходить в 1824 г.; первая железная дорога в Германии открыта в 1835 г.

Однако в большей части Германии еще преобладали ремесло и мануфактура, преимущественно «рассеянная». Промышленный переворот только начинался.

Германские рабочие в этот период страдали не только от развития капитализма, но и от недостаточности его развития. Города переполнялись разорившимися ремесленниками и крестьянами, которых голод и нищета выгнали из деревни. Промышленность росла слишком медленно и не могла поглотить эту массу свободных рабочих рук. Безработица и нищета гнали людей на

чужбину в поисках работы. В 1846 — 1847 гг. эмиграция превышала 100 тыс. человек в год.

Развитие фабричной промышленности приводило к упадку мелких ремесленных предприятий и ухудшало положение рабочих. Предприниматели урезали ставки заработной платы, удлиняли рабочий день, беспощадно эксплуатировали женский и детский труд. В ткацкой промышленности Берлина и его окрестностей малолетние дети работали за гроши с 5 часов утра до 9 часов вечера.

Французская революция 1830 г. вызвала в Германии подъем общественного движения. В начале 30-х гг. в Саксонии, Брауншвейге, Ганновере, Гессен-Касселе, Баварии произошли революционные выступления, в результате которых были проведены некоторые реформы. В Гессене в 1830 г. вспыхнуло восстание крестьян против феодального гнета, но оно было подавлено при помощи войск. В некоторых городах Рейнской области имели место волнения среди фабричных рабочих.

В мае 1832 г. в замке Гамбах (близ Нейштадта в Баварии) состоялось массовое собрание под лозунгом борьбы за создание единой германской республики. В этом собрании, получившем название «Гамбахского праздника», приняло участие около 30 тыс. человек; здесь присутствовали преимущественно представители интеллигенции, прибывшие из различных частей Германии, а отчасти из Франции и из других стран (в том числе польские эмигранты). Выступавшие ораторы произносили горячие патриотические речи, призывали к борьбе за демократические реформы и национальное объединение страны.

В апреле 1833 г. во Франкфурте-на-Майне небольшая группа студентов и служащих пыталась совершить переворот и провозгласить республику; попытка эта потерпела неудачу. В следующем году в Гессене полицией было разгромлено тайное «Общество прав человека», во главе которого стояли революционные демократы — студент Георг Бюхнер и пастор Вейдиг. Бюхнер выпустил яркую прокламацию к крестьянству, в которой разоблачал жестокую эксплуатацию народных масс немецкими князьями и феодалами и подчеркивал решающую роль трудящихся в борьбе против реакционного общественно-политического строя. Спасаясь от полицейских преследований, Бюхнер бежал

в Швейцарию, где вскоре умер. Вейдиг был арестован и затем замучен в тюрьме.

Немецкая буржуазия поддерживала лозунг объединения Германии, исходя из своих интересов, связанных с стремлением создания широкого внутреннего рынка. Проповедником объединения Германии выступал в эти годы профессор-экономист Тюбингенского университета, фабрикант Фридрих Лист. В своем основном труде «Национальная система политической экономии» (1841 г.) он указывал на то, что политическая раздробленность страны и система внутренних таможен мешают развитию экономики. Лист требовал установления высоких таможенных пошлин на импортные изделия из-за границы и проповедовал не только завоевание мирового рынка объединенной Германией, но и войну за ее господство в Европе. Таким образом, прогрессивные стремления в идеологии Листа сочетались с агрессивными и шовинистическими. Важным шагом к ликвидации таможенных перегородок, существовавших внутри Германского союза, явилось создание в 1834 г. Таможенного союза между Пруссией, Баварией, Вюртембергом и другими немецкими государствами (общим числом 18), руководящая роль в котором принадлежала Пруссии. Организация союза способствовала формированию общегерманского внутреннего рынка, развитию капитализма в Германии и росту национального самосознания немецкой буржуазии. В то же время создание Таможенного союза обеспечивало Пруссии решающую роль в будущем объединении Германии.

Оппозиционное движение в Пруссии и в остальной Германии снова стало нарастать с начала и особенно с середины 40-х гг. Политика прусского короля Фридриха Вильгельма IV, вступившего на престол в 1840 г., своей реакционной направленностью в духе священного Союза вызвала сильное разочарование в либеральных кругах. В 1844 г. на короля было совершено покушение.

Оппозиционные слои торгово-промышленной буржуазии настойчиво требовали введения конституции. В 1845 г. все ландтаги (провинциальные сословные собрания) в Пруссии, за исключением только двух, подали королю петицию с требованием конституции. Буржуазные либералы добивались также расширения Та-

моженного союза и ликвидации сословных привилегий дворянства. Большинство либералов продолжало надеяться, что им удастся провести в жизнь свою программу мирным путем, посредством соглашения с монархией и дворянством. Политическая умеренность либеральной буржуазии коренилась в экономической отсталости Германии, ее раздробленности, зависимости буржуазии (особенно в мелких государствах) от правящих кругов.

Видные немецкие писатели и публицисты того времени активно выступали против реакции. Возглавляла эту борьбу литературно-политическая группа «Молодая Германия», которой первоначально руководил писатель и публицист Людвиг Берне. В своих «Парижских письмах» начала 30-х гг. он резко критиковал реакционные порядки в Германии. Сильное впечатление на умы передовой германской интеллигенции оказывало творчество Генриха Гейне, в особенности его поэма «Германия», представлявшая собой сатиру на прусские политические порядки, на немецких владетельных князей, на дворянство, бюрократию и мещанство всей Германии.

С критикой религии и других идеологических устоев «старого режима» выступали так называемые младогегельянцы — братья Бруно и Эдгар Бауэры, принадлежавшие к левому крылу последователей Гегеля, которые утверждали, что историю творят «критически мыслящие личности».

Боролся с реакцией в области идеологии и философ Людвиг Фейербах (1804 — 1872). Его первое произведение «Мысли о смерти и бессмертии», вышедшее в свет в 1830 г., было конфисковано властями, а Фейербах отстранен от должности профессора Эрлангенского университета. Не будучи активным политическим деятелем, Фейербах оказывал большое влияние на умы передовой интеллигенции своими философскими трудами. В своих первых работах Фейербах представлял гегелевскую школу. Но в дальнейшем он отошел от Гегеля и стал критиковать его учение. В 1839 г. Фейербах опубликовал труд под названием «Критика философии Гегеля». В своей работе «Сущность христианства» (1841 г.) Фейербах выступает против религиозного мировоззрения, доказывая, что бог — это лишь продукт человеческой фантазии.

АВСТРИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В 30 — 40-х гг. XIX в.

Во второй половине 30-х и в 40-х гг. Австрия переживала рост капитализма. Промышленный переворот в некоторых областях Австрии заметно продвинулся вперед. С 1831 г. по 1842 г. продукция хлопчатобумажной пряжи выросла в 10 раз. Строительство железных дорог, успехи промышленного развития и торговли способствовали сближению отдельных областей Австрийской империи, дотоле разобщенных между собой.

Однако в отличие от Пруссии и некоторых других немецких государств, где в результате аграрных реформ часть крестьянства уже освободилась от феодальных повинностей, в Австрии феодальные отношения оставались почти нетронутыми, наряду с барщиной и оброком, отнимавшим до двух третей урожая, крестьяне уплачивали церковную десятину и несли тяжелое бремя бесчисленных государственных и местных налогов и поборов. Сильно страдали деревню. Значительная часть сельского населения жила в страшной нищете, ютилась вместе со скотом в крытых соломой лачугах, влачила полуголодное существование.

Крестьянские волнения были нередким явлением в империи. Они носили ярко выраженный антифеодальный характер и иногда выливались в настоящие восстания. Особенно крупным было восстание крестьян в Восточной Словакии в 1831 г. «Истребить всех господ!» — таков был лозунг восставших. Они расправлялись не только с помещиками, но и с приказчиками, сборщиками налогов, лесничими, чиновниками. Власть жестоко подавила восстание. Чрезвычайный суд, состоявший из венгерских помещиков, вынес 64 смертных приговора.

Образование общеавстрийского внутреннего рынка тормозилось господством крепостничества, слабой покупательной способностью широких слоев населения и системой внутренних таможенных пошлин, сильно затруднявшей перевозку товаров из одной части страны в другую. Сохранение этой системы вплоть до середины XIX в. объясняется тем, что она являлась важным источником доходов для австрийского государства, которое испытывало почти постоянную финансовую нужду.

Феодальные производственные отношения сковывали развитие производительных сил не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности. Скучность капиталов, нехватка квалифицированной рабочей силы, малая емкость внутреннего рынка, наличие цеховых ограничений и внутренних таможенных перегородок — все это сильно тормозило промышленное развитие Австрии. В столице империи Вене господствовала мануфактурная организация производства, соединенная с работой на дому. В восточных и отчасти южных районах страны преобладало мелкое ремесло.

Ареной острых национальных противоречий являлась Венгрия, входившая в состав империи Габсбургов. По переписи 1840 г. в Венгрии из 11 млн. человек населения венгров было 4,8 млн., румын — 2,2 млн., словаков — 1,6 млн., австрийцев — 1,2 млн., украинцев — 400 тыс., сербов — 324 тыс., хорватов — 108 тыс.

Венгрия являлась аграрной страной с весьма значительными остатками крепостничества. Венгерская феодальная аристократия, владевшая огромными поместьями, жившая за счет эксплуатации мелких крестьян и батраков, служила верной опорой монархии Габсбургов. Но мелкое и среднее дворянство, связанное с торговой буржуазией (промышленной буржуазии в Венгрии тогда почти не было), стремилось добиться для Венгрии политического равноправия с Австрией и поэтому принимало активное участие в освободительной борьбе против Габсбургов. Воздем этого либерального крыла венгерского национального движения был Лайош Кошут (1802 — 1894), адвокат и публицист, в 1847 г. избранный депутатом венгерского сейма. В том же 1847 г. под руководством революционного демократа поэта Шандора Петефи (1823 — 1849) была создана организация «Молодая Венгрия». Целью ее являлась борьба за полную национальную независимость Венгрии, за установление в ней демократического строя и проведение радикальной аграрной реформы.

Добиваясь политической самостоятельности Венгрии в рамках единой Австрийской империи, венгерские либералы выступали против предоставления прав другим народам, населявшим Венгрию, — словакам, румынам, хорватам, сербам.

Во второй половине 40-х гг. общественное недовольство в Венгрии резко возросло. Австрийское пра-

вительство ответило на это посылкой в Венгрию своих чиновников в сопровождении солдат, усилением полицейских репрессий.

Наиболее развитой в промышленном отношении областью Австрийской империи была Чехия. В 1841 г. в Чехии было 84 прядильни, в которых действовало 1695 машин. В чешской текстильной промышленности применялась почти половина всех паровых двигателей, а производство хлопчатобумажных тканей составляло три четверти продукции этой отрасли производства во всей империи. Прага уже в 30-х гг. стала крупным центром машиностроительной промышленности; в 1841 г. здесь было построено две трети машин, применявшихся на австрийских промышленных предприятиях. В связи с этим росла и металлургия: производство чугуна и стали увеличилось с 1823 — 1827 и до 1841 г. более чем на 200%. Добыча каменного угля в Оставском бассейне возросла за 30 лет, с 1820 по 1850 гг., почти в 25 раз.

Основную массу населения многонациональной Австрийской империи составляли славянские народы. Уже в первые десятилетия XIX в. наметился подъем национального движения среди чехов, словаков, поляков, украинцев, сербов, хорватов, словенцев и др. Его росту способствовало развитие капитализма. Тяжелые поражения, понесенные Австрийской империей в войнах конца XVIII и начала XIX вв., также усиливали недовольство режимом Габсбургов.

Национальное возрождение австрийских славян началось с чешских областей, которые по своему экономическому развитию шли впереди других славянских земель монархии Габсбургов. На первое место здесь выдвинулась борьба за сохранение и развитие родного языка, национальной культуры. Выдающиеся представители чешской интеллигенции — ученые, публицисты, общественные деятели — сделали много для изучения чешского языка и развития чешской литературы. В 1810 г. возникло «Общество содействия развитию музыкального искусства в Чехии», в 1811 г. открылась чешская консерватория, в 1818 г. в Праге был основан Национальный музей, вокруг которого группировались патриотически настроенные ученые. Деятели национально-просветительского движения в Чехии этого периода, будивших самосознание чешского

народа, стали называть «будителями». Среди них выделялись филологи Добровский и Юнгман, опубликовавшие ряд капитальных трудов по истории чешского языка и литературы. В 1831 г. в Чехии было создано национальное издательство.

Одним из самых популярных представителей культурного возрождения чехов и словаков был поэт Ян Коллар (1793 — 1852), автор широко известной поэмы «Дочь Славы» (1824 г.), воспевавшей Яна Гуса, Костюшко и других выдающихся славянских деятелей. В трактате «О литературной взаимосвязи между различными племенами и наречиями славянской нации» (1836 г.) Коллар излагал программу тесного культурного сближения славянских народов.

Видный историк и публицист Франтишек Палацкий (1798 — 1876) вместе с адвокатом Ригером и некоторыми другими умеренно либеральными представителями чешской интеллигенции возглавляли правое крыло чешского национального движения, которое отстаивало интересы крупной буржуазии и части помещиков. Во главе левого, радикально-демократического крыла стояли писатели и публицисты Фрич, Гауч, Арнольд и другие, выражавшие стремление передовых слоев мелкой буржуазии и радикальных кругов интеллигенции. В 1845 г. они создали тайное революционное общество «Рипил» (названное так в подражание ирландской организации, выступавшей за независимость Ирландии.) Это общество ставило своей целью борьбу против монархии Габсбургов и привилегий дворянства, за создание демократической республики, отмену феодальных повинностей, улучшение положения рабочих. «Рипилисты» вели большую агитационную работу, руководили кружками и обществами, поддерживали связи с рабочими. Большое влияние на радикально-демократический лагерь в Чехии оказали идеи чешского философа социалиста-утописта Бернарда Больцано. В своей «Книге о наилучшем государстве» (1831 г.) Больцано призывал к созданию утопического социального строя, основанного на общественной собственности и коллективной обработке земли.

В тесной связи с чешским развивалось словацкое национальное движение. Выдающимся словацким деятелем в этот период был историк П. Шафарик (1795 — 1851), автор фундаментальных трудов «Славянские

древности» и «Славянская этнография». Обе книги разоблачали искажение истории славянских народов немецкой шовинистической историографией, которая приписала их историческую роль. Другой видный деятель словацкого национального движения 30 — 40-х годов — поэт, ученый, публицист Людевит Штур провел вместе со своими единомышленниками реформу словацкого языка и основал первую словацкую политическую газету. Штур и «штуровцы» выражали интересы буржуазии и либерального дворянства Словакии, рассчитывавших добиться удовлетворения своих требований мирным путем — посредством правительственных реформ.

Ярким представителем радикально-демократического крыла словацкого национального движения являлся поэт Янко Краль, который в своих произведениях отражал демократические чаяния крестьянства.

Движение за национальное возрождение развернулось и среди других славянских народов империи Габсбургов, всюду отражая их стремление к освобождению от национального гнета. В Хорватии это движение направлялось против ассимиляторской политики мадьяризации, проводившейся венгерскими феодалами. Одной из первых форм национального движения хорватов была борьба за родной язык, против засилья венгерского и латинского языков, которые насаждались знатью и бюрократией. Прогрессивные черты в этом движении переплетались со стремлением некоторых кругов дворянства и буржуазии Хорватии подчинить себе другие народы Балканского полуострова, создать «Великую Иллирию». Отсюда это движение получило название иллиризма. Крупнейшим его представителем был Людевит Гай. «Иллирийцы» поддерживали связи с чешским и словацким национальным движением. С 1842 г. развернулась ожесточенная борьба, доходившая до уличных столкновений между хорватскими националистами и так называемыми мадьяронами (омадьярившимися слоями хорватского дворянства). Австрийский двор, который вначале благожелательно относился к иллиризму, стремясь использовать его против венгерского освободительного движения, в дальнейшем стал его преследовать, так как опасался, что обострение хорвато-венгерских противоречий приведет к внутреннему кризису всей многонациональной монархии Габсбургов. Сам термин «иллиризм» был запрещен австрийскими властями.

Левое крыло хорватского национального движения, отражая требования крестьянских масс, боролось за ликвидацию феодально-крепостнических порядков.

Борьба за национальный язык и национальную культуру развернулась и в словенских землях (Крайна, частично Штирия, Каринтия и др.), где господствовали австро-немецкие и итальянские помещики и буржуазия. К этому времени относится творчество выдающегося национального поэта Словении — Франца Прешерна, выражавшего стремление прогрессивной интеллигенции к ликвидации австрийского абсолютизма, к национальной и политической свободе. Идеологом умеренных словенских национальных кругов, верных монархии Габсбургов, являлся Янез Бейвейс, издававший газету «Новости».

СОЗДАНИЕ КОРОЛЕВСТВА БЕЛЬГИИ

Решением Венского конгресса Бельгия была присоединена к владениям голландского короля в рамках единого королевства Нидерландов: державы-участницы конгресса стремились создать сильное государство, способное противостоять территориальным претензиям Франции. Это решение ущемляло национальные чувства бельгийского народа, еще в конце XVIII в. успешно отстоявшего свою независимость от деспотизма Габсбургов. Голландское владычество наносило ущерб экономическому развитию Бельгии: таможенные пошлины, установленные в интересах голландских торговцев, не защищали бельгийскую промышленность; дешевые английские товары, беспрепятственно проникая в страну, также наносили ей ущерб. Наряду с этим господствующее положение голландской протестантской церкви вызывало протест со стороны бельгийцев-католиков; католическая церковь поддерживала этот протест и выступала за создание самостоятельного бельгийского государства. Налоговая политика голландских властей, сильно удорожавшая продукты потребления, способствовала нарастанию недовольства в широких народных массах.

Революционные события во Франции в июле 1830 г. ускорили взрыв освободительной борьбы в Бельгии. Восстание, направленное против голландского влады-

чества, началось в Брюсселе в ночь на 26 августа 1830 г. Голландские войска были вынуждены оставить город. К концу сентября революция охватила всю страну. Во главе борьбы стали Комитеты Общественной безопасности, возникшие в разных городах. 10 ноября в Брюсселе собрался Национальный конгресс, 18 ноября он провозгласил независимость Бельгии, а 22 ноября конгресс большинством голосов высказался за конституционную монархию.

Голландские власти направили крупные военные силы в Бельгию, и войска сделали попытку вступить в Брюссель. Но горожане после ожесточенной четырехдневной битвы заставили интервентов отступить. Отряды вооруженных добровольцев повсюду наносили поражения голландцам; к концу 1830 г. голландские войска остались только в нескольких укрепленных пунктах.

Однако и после поражения Голландия не оставила попыток при помощи военной силы вернуть себе господство в Бельгии. Обращение голландского правительства с просьбой о помощи против бельгийцев явилось поводом для вмешательства держав. Но правящие круги Австрии и России, вначале собиравшиеся оказать эту помощь, вскоре были отвлечены другими заботами — польским восстанием и волнениями в Италии. Наибольшую активность в бельгийских событиях проявили Франция и Англия. Французское правительство было заинтересовано в раздроблении единого Нидерландского королевства. Английская дипломатия, понимая неизбежность отпадения Бельгии, стремилась прежде всего не допустить усиления в ней французского влияния. По инициативе Англии 5 держав — Англия, Франция, Россия, Австрия и Пруссия — в декабре 1830 г. особым протоколом признали независимость Бельгии и заставили голландское правительство пойти на временное прекращение военных операций против Бельгии. В дальнейшем между Англией и Францией развернулась борьба за влияние в Бельгии. Английская дипломатия добилась возведения на бельгийский престол принца из династии Саксен-Кобургов, связанного с Англией, в противовес французскому кандидату, герцогу Немурскому. Наряду с этим английская дипломатия постаралась ослабить Бельгию, помешав включению в ее состав Люксембурга, Маастрихта и устья Шельды. По предложению Англии в

1831 г. державы объявили Бельгию нейтральным государством. В 1838 г. голландский король вынужден был примириться с независимостью Бельгии и признать ее границы. Борьба бельгийского народа закончилась созданием самостоятельного Бельгийского государства.

РИСОРДЖИМЕНТО В ИТАЛИИ

Экономическое развитие Италии в первой половине XIX в. шло медленно: оно тормозилось политической раздробленностью страны, австрийским гнетом и господством феодально-абсолютистских порядков. Только освобождение страны от чужеземного господства, решительные демократические преобразования и объединение Италии в единое государство могли открыть путь для быстрого роста ее производительных сил.

После 1830 г. национально-освободительное движение в Италии вступило в полосу подъема. Этот новый период получил название «Рисорджименто» («Возрождение»). В феврале 1831 г. в герцогствах Парма и Модена и в папской области Романья вспыхнули революционные восстания и образовались временные правительства. В Болонье был созван конгресс делегатов от этих трех областей, выдвинувший лозунг политического объединения всей страны. Однако уже в марте 1831 г. австрийские войска подавили революционное движение в этих частях Италии и восстановили в них прежние реакционные порядки.

В 1831 г. группа итальянских политических эмигрантов создала в Марселе организацию, которая сыграла впоследствии важную роль в борьбе за национальную независимость и политическое объединение Италии. Это было общество «Молодая Италия», основанное виднейшим итальянским буржуазным революционером-демократом Джузеппе Мадзини (1805 — 1872).

Сын врача, Мадзини еще студентом вступил в ложу карбонариев в Генуе, был арестован, а затем выслан из Италии. Горячий патриот, Мадзини посвятил свою жизнь революционной борьбе за свободу и независимость Италии, за ее возрождение. «Молодая Италия» ставила своей целью объединение Италии в единую независимую демократическую республику с помощью ре-

волюционного восстания против австрийского господства. Опору Мадзини составляли прогрессивные слои мелкой и средней буржуазии, а также передовые группы интеллигенции.

Среди сторонников Мадзини выделялся Джузеппе Гарибальди (1807 — 1882), сын моряка и сам моряк, человек, преданный делу освобождения страны. В

Итальянские рыбаки.
Литография первой половины XIX в.

1834 г. Гарибальди, приговоренный к смертной казни за участие в революционном заговоре, эмигрировал в Америку, где пробыл до 1848 г., сражаясь за независимость южноамериканских республик.

Среди идеологов правого крыла итальянского национально-освободительного движения выделялись аббат Джоберти, автор книги «О нравственном и гражданском первенстве итальянцев», и граф Бальбо, опубликовавший книгу «Надежды Италии». Джоберти выдвигал проект федерации итальянских государств под главенством римского папы и при участии австрийского императора как правителя Ломбардо-Венецианского королевства. Бальбо поддерживал идею федерации, но считал, что Ломбардия и Венеция должны быть освобождены от австрийского господства. Он утверждал, что собственными силами освободить эти две области итальянцы не смогут, и находил необходимым вмешательство «великих держав» (особенно Англии и Фран-

ции). Известный публицист и политический деятель того времени маркиз д'Адзелио выступал за создание единого итальянского королевства под главенством Савойской династии, царствовавшей в Сардинском королевстве.

В середине 40-х гг. обозначился новый этап борьбы за объединение и независимость Италии. Хотя и медленное, но все же заметное экономическое развитие, усиление внутренней торговли, чему способствовало, в частности, железнодорожное строительство, снова поставили вопрос о политическом сближении, а затем и о слиянии итальянских государств. Борьба против чужеземного гнета сочеталась с борьбой против внутренней реакции, которая также тормозила освобождение и объединение страны.

В 1844 г. два молодых офицера — братья Бандьера сделали попытку поднять восстание против режима крайней реакции, царившего в Неаполитанском королевстве. Английское правительство, узнав о заговоре из вскрытого в Лондоне письма заговорщиков к Мадзини, предупредило о том неаполитанские власти, которые поспешили принять меры. Братья Бандьера были схвачены и расстреляны.

В следующем году произошло восстание в городе Римини, входившем в состав папских владений. Восставшие потребовали от папского правительства проведения ряда либерально-демократических реформ: создания выборных муниципальных и областных советов, назначения на все административные должности только светских лиц, ограничения предварительной цензуры, роспуска швейцарской наемной гвардии. Восстание было подавлено. Вступивший в 1846 г. на папский престол Пий IX, начал проводить частичные реформы, надеясь с их помощью завоевать популярность в кругах либеральной буржуазии и вместе с тем предотвратить взрыв революции. В Риме были организованы государственный и муниципальный советы, ослаблена цензура, разрешено строительство железных дорог, амнистированы политические заключенные. Эти реформы были одобрительно встречены в либеральных кругах.

1847 год в Италии, как и во многих других странах Европы, ознаменовался ростом революционного движения среди трудящихся масс, усилившегося под влиянием сильного неурожая и торгово-промышленного кри-

зиса. В Риме состоялись народные демонстрации. Демократическим движением руководил мелкий торговец Анджело Брунетти (известный под именем Чиче-роваккио). Пий IX разрешил буржуазии организовать национальную гвардию.

Бурные демонстрации ремесленников, мелких лавочников, безработных подмастерьев, требовавших хлеба и оружия, происходили во Флоренции, Ливорно и других городах Тосканы. Чтобы ослабить нараставшее движение, великий герцог Тосканский Леопольд II осенью 1847 г. включил несколько умеренных либералов в правительство и разрешил создание национальной гвардии. Но, как только стало известно, что в нее не допускаются рабочие и ремесленники, волнения возобновились. С криками «Долой австрийских шпионов!» народные массы громили полицейские участки, освобождали заключенных из тюрем.

Острая борьба о австрийскими оккупантами развернулась в начале 1848 г. в столице Ломбардии Милане. На улицах города происходили кровавые столкновения между населением и войсками, жители Милана демонстративно отказывались покупать и курить табачные изделия, торговля которыми составляла государственную монополию Австрии. Вскоре волна «табачных бунтов» распространилась на провинцию, на стенах домов появились надписи: «Да здравствует свободная Италия!», «Смерть австрийцам!» Из Милана движение перекинулось в Венецию. Одним из очагов революционного движения был университет в Павии; австрийские власти закрыли его.

Рост революционного и национально-освободительного движения в Италии вызывал сильную тревогу как в правящих кругах итальянских государств, так и у австрийских властей. В Модену и в Парму по просьбе правителей этих герцогств были введены австрийские войска для борьбы против народного движения. Правитель маленького княжества Лукка, испугавшись революционных волнений, отказался от власти и продал в 1847 г. свое государство правительству Тосканы.

Напряженная обстановка складывалась и в Сардинском королевстве. В Генуе народные демонстранты требовали отмены налога на соль и выдачи оружия добровольцам для борьбы против Австрии. Король Карл-Альберт, пытаясь предотвратить революцию, стал

проводить половинчатые реформы, сочетавшиеся, впрочем, с грубыми полицейскими репрессиями.

В Неаполе король Фердинанд II заключил с австрийским правительством секретное соглашение об австрийской военной помощи для борьбы против революционных выступлений, усилил цензурные строгости и запретил всякие демонстрации. Подпольный комитет неаполитанских революционеров наметил на 1 сентября 1847 г. одновременное восстание во всем королевстве, но заговор был раскрыт полицией. Все же в ряде мест произошли революционные выступления. В Реджо повстанцы завладели городской крепостью и даже создали временное правительство. Отступив под натиском войск в горы Калабрии, группа революционеров продолжала борьбу. К ним присоединились крестьяне. Восстание было подавлено с крайней жестокостью.

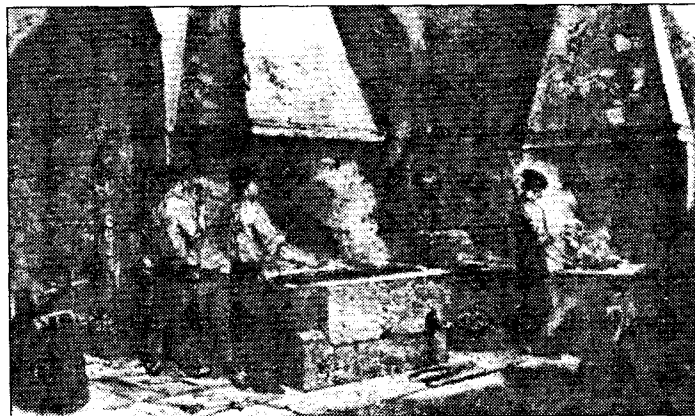
ИСПАНИЯ В 30 — 40-х гг. XIX в.

Буржуазные революции, которые Испания пережила в начале XIX в., не привели к существенным переменам в ее социально-экономическом строе. В конце 1823 г. при поддержке французских вооруженных сил в стране был восстановлен феодально-абсолютистский режим, отменены все прогрессивные реформы, проведенные во время революций.

Испания по-прежнему была отсталой аграрной страной. Сильные пережитки феодализма препятствовали развитию промышленности и торговли. В некоторых районах еще сохранились древние *фуэрос* (местные вольности), закреплявшие их экономическую и политическую собственность.

В 1833 г. умер король Фердинанд VII. В соответствии с его завещанием кортесы признали королевой его малолетнюю дочь Изабеллу и регентшей — ее мать Марию-Кристину. Однако брат покойного короля Дон-Карлос отказался признать это завещание и поднял восстание с целью захвата власти. Началась междоусобная война, получившая в истории наименование карлистской. Правительство Марии-Кристины защищало интересы земельной аристократии, связанной с капиталистическим развитием. Вокруг Дон-Карлоса груп-

пировались силы феодально-клерикальной реакции: гранды и крупные землевладельцы из экономически отсталых районов страны (Наварра, Баскония, Арагон), высшее духовенство. Карлистское движение получило поддержку крестьянства Басконии и Каталонии, находившегося под сильным влиянием духовенства. Здесь Дон-Карлоса поддерживали и те круги, которые

Производство холодного оружия в Толедо.
Гравюра. 1853 г.

надеялись отстоять автономию провинций против централизаторской политики правительства. Однако экономически развитые районы Каталонии и ее главный город Барселона выступали против Дон-Карлоса.

Отряды карлистов, действовавшие преимущественно в гористых местностях, применяли тактику партизанской войны. Испанская правительственная армия оказалась плохо подготовленной для ведения гражданской войны. Первые операции этой армии были неудачными. В стране нарастало всеобщее недовольство. Чтобы получить поддержку крупной буржуазии, регентство объявило об отмене цеховых привилегий. В 1834 г. был издан «Королевский статут» — новая конституция страны; это была слабая попытка прикрыть абсолютистский режим некоторыми либеральными реформами. Конституция 1834 г. не удовлетворила даже крупную буржуазию.

Летом 1834 г. в Испании вспыхнуло массовое антиклерикальное движение, сопровождавшееся разгромом,

поджогом монастырей. В следующем году в стране образовались революционные хунты (местные органы власти). Антиклерикальное движение приняло еще более широкий размах. Лозунгом борьбы стала конституция 1812 г.

В сентябре 1835 г. правительство возглавил лидер буржуазной партии прогрессистов банкир Мендисабал. Он провел несколько давно назревших реформ: отменил систему майората и сеньориальные права, объявил о роспуске монашеских орденов, закрытии монастырей и конфискации их земельных владений. Был принят декрет, в силу которого земли, конфискованные у религиозных корпораций, а также государственные земли объявлялись подлежащими свободной распродаже. Деньги от распродажи должны были идти на покрытие государственного долга.

Несмотря на внутренние разногласия в блоке земельной аристократии с крупной буржуазией, на который опирался регентство, он просуществовал до конца 30-х гг.; борьба с общим противником — карлистами — укрепляла его. В мае 1836 г. Мария-Кристина отстранила Мендисабала и распустила кортесы, однако уже через несколько месяцев правительство вернулось к политике либеральных реформ. В 1837 г. под давлением восстаний, охвативших Каталонию и многие другие районы страны и получивших поддержку в войсках, была принята новая конституция, значительно снизившая имущественный ценз для избирателей; впрочем, за королевской властью сохранялось право абсолютного вето и роспуска кортесов.

В 1837 г. в ходе карлистской войны наступил перелом. Поход Дон-Карлоса на Мадрид потерпел неудачу, в армии карлистов начались разногласия. В 1839 г. командование карлистских мятежников заключило с правительством Марии-Кристины соглашение о мире на условиях политической амнистии и сохранении фуэрос. Карлистские отряды распались. Дон-Карлос бежал во Францию.

После окончания карлистской войны отпала та общность интересов, которая скрепляла блок земельной аристократии и крупной буржуазии. Прогрессисты были отстранены от управления государством.

В 1840 г. вспыхнуло новое восстание против правительства. Оно заставило Марию-Кристину отречься от власти и покинуть страну. Фактическим правите-

лем страны при малолетней королеве Изабелле стал генерал Эспартеро, которого кортесы избрали регентом. Эспартеро принадлежал к левому крылу прогрессистов.

Единственным важным мероприятием, которое провел Эспартеро, было возобновление продажи церковных земель; папа Григорий XVI объявил эти продажи незаконными. Ожидания демократических реформ, которые были порождены приходом Эспартеро к власти, не оправдались. Намерение правительства предоставить особые привилегии английским купцам вызвало сильное недовольство в кругах торговой и промышленной буржуазии. В стране усиливалось демократическое движение, выступавшее с программой установления республики. В ответ на требование автономии для Каталонии Эспартеро в декабре 1842 г. подверг Барселону артиллерийскому обстрелу, сильно разрушившему город. Этот варварский акт вызвал возмущение в демократических кругах.

Растущим оппозиционным движением против диктатуры Эспартеро воспользовались феодально-клерикальные круги. В результате переворота к власти пришел реакционный генерал Нарваэс. Королеву Изабеллу объявили совершеннолетней, хотя ей было всего 13 лет, и регентство было упразднено. В стране воцарилась открытая реакция. Распродажа церковных земель была прекращена, местное самоуправление ликвидировано. Нарваэс разоружил национальную милицию и создал жандармерию. Жестоко подавив восстания, вспыхнувшие в городах страны, Нарваэс объявил военное положение, отменил право собраний и подверг новым стеснениям печать. Конституция, провозглашенная в 1844 г., носила реакционный характер, роль кортесов была сведена на нет.

Восстания, вспыхнувшие в 1848 г. в ряде городов Испании, были также подавлены.

Летом 1854 г. генералы О'Доннель и Дульсе, принадлежавшие к умеренному крылу прогрессистов, подняли восстание. Чтобы привлечь на свою сторону массы, руководители восстания обратились к населению с манифестом, получившим наименование «мансанаресской программы» — по названию города, где этот документ был объявлен. Программа предусматривала созыв кортесов, сокращение налогов, восстановление местного самоуправления и создание национальной милиции. Несмотря на умеренность этой программы, она вызы-

вала подъем всенародной борьбы. Повсюду возникали революционные хунты. В Каталонии произошла всеобщая стачка. Началось формирование национальной милиции и ее вооружение. В Мадриде развернулись баррикадные бои.

На этот раз власть в стране захватили либеральные помещики и крупная буржуазия. Кортесы, созданные

Столкновение восставшего народа Мадрида с королевскими войсками в 1856 г.
Гравюра 1856 г.

в том же году, приняли новую умеренную конституцию, в основном повторявшую конституцию 1837 г. Снова ставший на некоторое время у власти Эспартеро продолжал свою политику лавирования между правыми, которых представлял О'Доннель, и левыми, выдвигавшими требования демократических преобразований. В июле 1856 г. О'Доннель взял власть в свои руки. Попытки рабочего класса и демократических кругов — ремесленников, мелкой буржуазии и интеллигенции — выступить против О'Доннеля и задержать наступление реакции были подавлены. 15 августа правительство ликвидировало национальную милицию и провинциальные муниципалитеты, а 2 сентября распустило кортесы. В стране вновь воцарилась реакция. Таким образом, буржуазные революции, неоднократно происходившие в Испании, не привели к коренным преоб-

разованиям ее политического и социального строя. Они являлись, как правило, военными восстаниями, носили верхушечный характер.

Развитие капитализма в Испании в эти десятилетия шло чрезвычайно медленно. Одна из важнейших причин экономической отсталости Испании — сохранение феодальных пережитков в виде помещичьей монополии на земли и засилия католической церкви. Испания оставалась аграрной страной с весьма слабой промышленностью. Последняя ограничивалась обработкой сельскохозяйственного сырья. Преобладали мелкие кустарные предприятия. Первая железная дорога в стране начала действовать лишь в 1848 г., быстрее всего развивалась текстильная промышленность, главным образом на севере страны, в Каталонии: в 1846 г. на текстильных предприятиях Каталонии было занято более 100 тыс. человек. Некоторый рост промышленности наблюдался и в других частях страны.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В 30 — 40-х гг. XIX в.

Французская революция 1830 г. дала толчок борьбе за независимость Речи Посполитой.

Решения Венского конгресса закрепили раздел ее земель между Пруссией, Австрией и Россией. В отличие от прусского короля и австрийского императора, которые непосредственно включили захваченные ими польские земли в состав своих государств, Александр I, поступив так лишь с белорусскими землями, в качестве польского короля издал конституцию: Польша получала право иметь свой выборный сейм (из двух палат), собственную армию и особое правительство во главе с царским наместником. Стремясь опереться на широкие круги шляхты, царское правительство провозгласило в Польше гражданское равенство, свободу печати, свободу совести и т. д. Однако либеральный курс политики царизма в Польше продолжался недолго. Конституционные порядки не соблюдались, в управлении королевством царил произвол. Это вызывало широкое недовольство в стране, в частности среди шляхты и формировавшейся буржуазии.

Еще в начале 20-х гг. в Польше и Белоруссии стали возникать тайные революционные организации. Одной из них было «Национальное патриотическое общество», состоявшее в основном из шляхты. Следствие по делу декабристов, с которыми члены общества поддерживали связь, дало возможность царскому правительству обнаружить существование «Национального патриотического общества» и принять меры к его ликвидации.

В 1828 г. в бывшей Речи Посполитой сформировался «Военный союз», занявшийся непосредственной подготовкой к восстанию. Революции 1830 г. во Франции и Бельгии, воодушевив польских и белорусских патриотов, ускорили революционный взрыв в королевстве Польском и на белорусских землях. 29 ноября 1830 г. по призыву «Военного союза» тысячи рабочих, ремесленников, мелких торговцев Варшавы поднялись на борьбу. Великий князь Константин бежал из города.

Руководство движением оказалось в руках аристократии. Вскоре власть перешла к ставленнику аристократической верхушки генералу Хлопицкому. Он делал все, чтобы добиться примирения с царским правительством. Политика Хлопицкого вызывала большое недовольство среди народных масс и среди демократически настроенных групп буржуазии и левого крыла шляхты. Режим военной диктатуры был заменен национальным правительством (Жонд народный) во главе с богатым магнатом князем Адамом Чарторыским; в правительство вошли также представители демократических кругов, например историк Лелевель.

Отказ царя пойти на какие-либо уступки восставшим и низложение Николая I варшавским сеймом означали неизбежность войны с царизмом. Поднимаясь на борьбу против него, передовые люди Польши и Белоруссии видели своего союзника в русском народе и свято чтить память декабристов. Тогда родился замечательный лозунг польских революционеров: «За нашу и вашу свободу!»

В начале февраля 1831 г. крупные силы царских войск (около 115 тыс. человек) вступили в Белоруссию и Польшу для подавления восстания. Восставшие оказали мужественное сопротивление, но их численность не превышала 55 тыс. человек, причем они были раз-

бросаны по территории двух стран. В конце мая войска восставших потерпели тяжелое поражение при Остроленке, потеряв 8 тыс. человек.

Наиболее революционные элементы движения, возглавляемые «Патриотическим обществом», стремились вовлечь в восстание крестьянство. Но даже весьма умеренный проект закона об аграрных преобразованиях, предусматривавший замену барщины оброком, да и то лишь в казенных имениях, не был принят сеймом. Вследствие этого массы крестьянства не выступили активно на поддержку восстания. Это обстоятельство явилось главной причиной поражения восстания. Правящие круги, боявшиеся активности народных масс, распустили «Патриотическое общество» и отказались вооружить народ для борьбы против войск царской России. 6 сентября 1831 г. армия под командованием князя И. Ф. Паскевича, намного превосходившая своей численностью войска восставших, начала штурм Варшавы. 8 сентября Варшава была сдана. Вскоре было подавлено восстание и в других частях Польши и Белоруссии.

Восстание 1830 — 1831 гг. сыграло большую роль в развитии революционно-освободительного движения. Вместе с тем это восстание имело большое международное значение: оно нанесло удар реакционным силам Европы — царизму и его союзникам — Пруссии и Австрии, отвлекло силы царизма и, таким образом, сорвало планы международной реакции, готовившей во главе с царизмом вооруженную интервенцию против Франции и Бельгии.

Краков, крупный экономический, политический и культурный центр Польши, был по решению Венского конгресса объявлен «вольным городом». В действительности «независимость» Кракова была мнимой: его оккупировали австрийские войска.

20 февраля 1846 г. в Кракове началось восстание против австрийского гнета. Главной движущей силой восстания были рабочие, мелкие ремесленники и крестьяне близлежащих деревень. Инициатива исходила от группы польских революционных демократов, в которой большую роль играл Эдвард Дембовский. В программе этой группы стремление к освобождению Польши от чужеземного гнета сочеталось с желанием удовлетворить антифеодалные требования крестьянства, в котором революционеры-демократы справед-

ливо видели основную силу национально-освободительного движения.

22 февраля австрийские войска бежали из города. В тот же день краковские повстанцы провозгласили независимость Польши и образовали национальное правительство Польской республики.

Национальное правительство издало воззвание «Ко всем полякам, умеющим читать». В этом документе провозглашались отмена барщины и всех феодальных повинностей, передача крестьянам в собственность всех обрабатываемых ими земель, наделение земель безземельных крестьян и батраков (из фонда «национальных имуществ»), организация национальных мастерских для ремесленников, упразднение всех привилегий шляхты.

Повстанцы ничего не сделали для распространения восстания за пределы Кракова. Австрийскому правительству удалось путем лживых посулов крестьянам изолировать Краков от Галиции, где в это время происходила крестьянская антифеодалная борьба. Небольшой отряд, отправленный под командованием Дембовского с целью склонить крестьян на сторону восстания, потерпел поражение в схватке с более многочисленными австрийскими войсками, а Дембовский пал в бою.

В начале марта австрийские войска заняли Краков. Восстание было подавлено. Несколько месяцев спустя «вольный город» Краков был окончательно включен в состав Австрийской империи.

ГЛАВА 5

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЕВРОПЕ В 1848 — 1849 гг.

РЕВОЛЮЦИЯ ВО ФРАНЦИИ

В 1847 г. произошел торгово-промышленный и финансовый кризис, серьезно затронувший экономику всей Европы. В Англии к концу 1847 г. была потушена почти половина доменных печей. В хлопчатобумажной промышленности закрывались многие фабрики, а остальные работали три-четыре дня в неделю, резко сократилось производство и во Франции. Только в первом полугодии 1847 г. в департаменте Сены произошло более 635 банкротств. Всюду кризис способствовал резкому ухудшению положения трудящихся масс.

В то же время усиливалась оппозиционность мелкой и средней буржуазии, а в некоторых странах, например во Франции, также и части крупной промышленной буржуазии, недовольной господством финансовой аристократии.

Летом 1847 г. оппозиционные круги французской буржуазии начали в Париже «банкетную кампанию».

На банкетах произносились речи, в которых критиковалась политика правительства. Инициатива кампании исходила от умеренно-либеральной партии, получившей название «династической оппозиции». Партия эта не шла дальше требований частичной избирательной реформы, посредством которой буржуазные либералы рассчитывали укрепить пошатнувшееся положение цар-

Париж вечером 23 февраля 1848 г. Процессия с телами убитых демонстрантов.
Литография середины XIX в.

ствующей династии. Руководитель партии адвокат Одилон Барро выдвинул типичный для умеренных либералов лозунг: «Реформа во избежание революции!» Однако вопреки стараниям «династической оппозиции» банкеты в пользу избирательной реформы постепенно стали принимать более радикальный характер. На банкете в Дижоне видный деятель крыла буржуазных республиканцев адвокат Ледрю-Роллен произнес тост: «За Конвент, спасший Францию от ига королей!»

На 22 февраля в Париже был назначен очередной банкет сторонников парламентской реформы. Власти запретили банкет. Это вызвало большое возмущение масс. С утра 22 февраля на улицах Парижа царило волнение. Колонна демонстрантов, среди которых преобладали рабочие и студенты, двинулись к Бурбонскому дворцу с пением Марсельезы и возгласами: «Да здравствует реформа!», «Долой Гизо!». Не пробившись к зда-

нию дворца, демонстранты рассыпались по соседним улицам и стали разбирать мостовую, опрокидывать омнибусы, воздвигать баррикады.

Присланные правительством войска к вечеру рассеяли демонстрантов и овладели положением. Но на следующее утро вооруженная борьба на улицах Парижа возобновилась. Испуганный сообщениями о том, что восстание разрастается и что национальная гвардия требует смены главы министерства, король Луи-Филипп уволил Гизо в отставку и назначил новых министров, которые считались сторонниками реформы.

Вопреки расчетам правящих кругов эти уступки не удовлетворили массы Парижа. Столкновения между восставшим народом и королевскими войсками продолжались. Особенно усилились они после провокационного расстрела безоружных демонстрантов вечером 23 февраля. На улицах возводились новые баррикады. Общее число их достигло полутора тысяч. В эту ночь восстание приняло более организованный характер. Во главе восставшего народа стали члены тайных революционных обществ, преимущественно рабочие и мелкие ремесленники.

Утром 24 февраля почти все стратегические пункты столицы были захвачены восставшими. Во дворце царил паника. По совету приближенных Луи-Филипп отрекся от престола в пользу своего внука графа Парижского и бежал в Англию. Туда же скрылся и Гизо.

Отречение короля не остановило развития революции. Уличные бои в Париже продолжались. Революционные отряды овладели Тюильрийским дворцом. Королевский трон был вынесен на улицу, установлен на площади Бастилии и сожжен на костре под ликующие возгласы многотысячной толпы.

Верхушка буржуазии продолжала отстаивать монархию, страшась самого слова «республика», которое напоминало о временах якобинской диктатуры и революционного террора 1793 — 1794 гг. На заседании палаты депутатов буржуазные либералы пытались добиться сохранения монархии. Эти замыслы были сорваны баррикадными бойцами, ворвавшимися в зал заседаний. Вооруженные рабочие и национальные гвардейцы потребовали провозглашения республики. Было создано Временное правительство. Во Временное правительство вошли 7 республиканцев правого крыла,

группировавшихся вокруг влиятельной оппозиционной газеты «Националь», 2 левых республиканца — Ледрю-Роллен и Флокон, а также 2 социалиста — публицист Луи Блан и рабочий Альбер. Председателем Временного правительства был избран адвокат Дюпон (из департамента Эр), участник революции 1830 г. Дряхлый и больной старик, он не пользовался большим влиянием. Фактически главой правительства стал министр иностранных дел, известный поэт и историк Ламартин — буржуазный республиканец правого крыла, выдвинувшийся благодаря своему ораторскому таланту и шумным выступлениям против июльской монархии.

Несмотря на требования народа, правительство не спешило с провозглашением республики. 25 февраля депутация от рабочих, во главе которой находился старый революционер, видный ученый-химик и врач Распайль, потребовала немедленного провозглашения республики. Распайль заявил, что, если это требование не будет выполнено в течение двух часов, он вернется во главе 200-тысячной демонстрации. Угроза оказала свое действие: еще до истечения назначенного срока была официально провозглашена республика.

В тот же день между большинством Временного правительства и рабочими Парижа возникли разногласия по вопросу о цвете государственного флага. Рабочие-демократы требовали признания красного флага — знамени революции и социальных преобразований. Временное правительство решило сохранить трехцветный флаг, но согласилось прикрепить к его древку красную розетку (впоследствии она была снята).

Почти одновременно возник другой конфликт. Депутация от рабочих потребовала немедленного издания декрета о «праве на труд». Наличие в Париже огромной массы безработных делало этот лозунг чрезвычайно популярным среди широких слоев трудящихся. После долгих возражений правительство по предложению Луи Блана приняло декрет, гласивший, что оно обязуется «гарантировать рабочему его существование трудом» и «обеспечить работу для всех граждан».

В Париже и в провинции продолжительность рабочего дня превышала тогда 11 — 12 часов. Декрет, изданный 2 марта 1848 г., установил в Париже 10-часовой, а в провинции — 11-часовой рабочий день. Однако многие предприниматели не подчинились этому

декрету и либо заставляли рабочих трудиться более продолжительное время, либо закрывали свои предприятия. Декрет не удовлетворил рабочих, требовавших 9-часового рабочего дня.

Другим завоеванием французских трудящихся было введение всеобщего избирательного права (для мужчин, достигших 21 года). Упразднение обязательного денежного залога для печати сделало возможным появление большого количества газет демократического направления.

Февральская революция обеспечила свободу собраний и привела к организации множества политических клубов, как в Париже, так и в провинции. Наибольшим влиянием среди революционных клубов 1848 г. пользовалось «Общество прав человека», в секциях которого объединялись передовые группы демократии. Близко к этой организации стоял «Клуб революции»; председателем его был видный революционер Барбес. Из революционно-пролетарских клубов выделялось «Центральное республиканское общество», основателем и председателем которого был Бланки. Он призывал народ не доверять Временному правительству. В начале марта этот клуб потребовал отмены всех законов против стачек, поголовного вооружения и немедленного включения в национальную гвардию всех рабочих и безработных.

Особое место среди демократических завоеваний февральской революции занял декрет Временного правительства от 27 апреля 1848 г. об отмене рабства негров во французских колониях.

Для борьбы с безработицей, которая могла вызвать новые революционные волнения, Временное правительство в начале марта организовало в Париже, а затем и в некоторых других городах общественные работы под названием «национальных мастерских». К 15 мая в них насчитывалось 113 тыс. человек. Работники национальных мастерских, среди которых имелись люди различных профессий, были заняты преимущественно как землекопы на прокладке дорог и каналов, на посадке деревьев и т.п.

В ночь на 25 февраля по инициативе правого крыла правительства был принят декрет об организации батальонов мобильной гвардии общей численностью более 24 тыс. человек; они вербовались большей частью из люмпен-пролетарской молодежи. «Мобили» были по-

ставлены в привилегированное положение: они носили особый мундир, получали повышенный оклад.

Финансовая политика Временного правительства целиком определялась интересами крупной буржуазии. Оно провело меры, которые спасли Французский банк, оказавшийся вследствие кризиса под угрозой банкротства: установило принудительный курс билетов этого банка и отдало банку под залог государственные леса. В то же время правительство возложило новые финансовые тяготы на мелкую буржуазию и крестьянство. Была ограничена выдача вкладов из сберегательных касс. Правительство сохранило почти все прежние налоги и, помимо того, ввело дополнительный налог в 45 сантимов на каждый франк четырех прямых налогов, взимавшихся с земельных собственников и арендаторов, т.е. в основном с крестьян.

Главным врагом республиканского строя, утвердившегося во Франции после февральской революции, являлся царизм. Николай I чрезвычайно враждебно отнесся к революционным событиям во Франции. Он решил порвать дипломатические отношения с нею и вступил в переговоры с правительствами Австрии и Пруссии, предложив им организовать совместное вооруженное выступление против Франции с целью восстановления в ней монархического режима. Эти планы оказались неосуществимыми. Вспыхнувшие вскоре революции в Австрии, Пруссии и других европейских государствах совершенно изменили международную обстановку. Николай I разрешил своему послу Киселеву остаться в Париже и вести неофициальные беседы с Ламартином, но медлил с официальным признанием Французской республики, которое состоялось лишь после победы реакции во Франции.

На 9 апреля были назначены выборы в Учредительное собрание. Революционно-демократические и социалистические организации стояли за отсрочку выборов, чтобы лучше подготовиться к ним, развернуть разъяснительную работу в деревне и обеспечить таким образом победу левым республиканцам и социалистам. Напротив, республиканцы правого крыла и все враги демократии выступали против отсрочки созыва Учредительного собрания, рассчитывая, что, чем скорее состоятся выборы, тем больше будет шансов на победу реакционных сил.

17 марта революционные клубы Парижа организовали массовую народную демонстрацию под лозунгом отсрочки выборов Учредительного собрания до 31 мая. Однако правительство отклонило это требование. Выборы состоялись 23 апреля. Хотя формально они происходили на основе всеобщего избирательного права (для мужчин), фактически они были далеко не всеобщими. Многие лица были произвольно лишены голоса. Власти оказывали грубое давление на демократически настроенных избирателей, разгоняли их сходки, уничтожали предвыборные плакаты.

Выборы принесли победу республиканцам правого крыла, получившим 500 мест из 880. Монархисты-орлеанисты (сторонники династии Орлеанов) и легитимисты (сторонники Бурбонов) провели вместе около 300 кандидатов. Ничтожное число мест — всего два — получили бонапартисты (сторонники династии Бонапартов). Демократы и социалисты получили 80 мест. Рабочих в собрании оказалось только 18.

В ряде промышленных городов выборы сопровождалась ожесточенными уличными столкновениями. Особенно бурный характер приняли они в Руане. В течение двух дней, 27 и 28 апреля, восставшие рабочие вели здесь ожесточенные баррикадные бои с правительственными войсками.

В такой напряженной обстановке открылись 4 мая заседания Учредительного собрания. Начался новый период в истории французской революции 1848 года. Реакционные силы, одержав победу на выборах, развернули открытое наступление против политических свобод и социальных завоеваний трудящихся, добытых в результате февральской революции.

Место Временного правительства заняла Исполнительная комиссия, в которой не было уже ни одного социалиста. Решающую роль в Исполнительной комиссии играли правые республиканцы, тесно связанные с крупной буржуазией. С первых дней своей деятельности Учредительное собрание восстановило против себя демократические слои Парижа тем, что отклонило законопроект о создании министерства труда и прогресса, приняло закон об ограничении права подачи петиций, высказалось против революционных клубов.

Чтобы воздействовать на Учредительное собрание, 15 мая в Париже революционными клубами была ор-

ганизована массовая народная демонстрация. Число ее участников, среди которых преобладали рабочие, достигло почти 150 тыс. Демонстранты проникли в Бурбонский дворец, где заседало собрание. Распайль огласил принятую в клубах петицию, требовавшую оказания вооруженной помощи польским революционерам в Познани и принятия решительных мер для борьбы с безработицей и нищетой во Франции. Большинство депутатов покинуло зал, которым завладели демонстранты. После долгих споров один из руководителей демонстрации объявил Учредительное собрание распущенным. Тут же было провозглашено новое правительство, в состав которого вошли видные революционные деятели.

Роспуск Учредительного собрания был ошибочным шагом, преждевременным и неподготовленным — широкие массы народа не поддержали его. Бланки и Распайль, правильно оценивая события, еще накануне демонстрации предостерегали против действий, которые дали бы властям повод для преследования революционеров. Эти опасения вскоре подтвердились: правительственные войска и отряды национальной гвардии разогнали безоружных демонстрантов. Бланки, Распайль, Барбес, Альбер и некоторые другие видные революционеры были арестованы и заключены в тюрьму, рабочие Парижа лишились своих вождей.

После 15 мая наступление контрреволюции стало усиливаться с каждым днем. 22 мая были закрыты клубы Бланки и Распайля, 7 июня издан закон о запрещении уличных сходок. В Париж стягивались войска. Контрреволюционная печать яростно нападала на национальные мастерские, утверждая, что их существование мешает возрождению «деловой жизни» и угрожает «порядку» в столице.

22 июня правительство издало распоряжение о ликвидации национальных мастерских; занятые в них рабочие старше 25 лет посылались на земляные работы в провинцию, а холостые в возрасте от 18 до 25 лет подлежали зачислению в армию.

Протесты трудящихся были отвергнуты властями. Такая политика правительства толкнула пролетариат на восстание: 23 июня рабочие Парижа вышли на баррикады.

Над баррикадами развевались красные знамена с

призывами: «Хлеба или свинца!», «Право на труд!», «Да здравствует социальная республика!» В своих прокламациях восставшие требовали распустить Учредительное собрание и предать его членов суду, арестовать Исполнительную комиссию, вывести войска из Парижа, предоставить право выработки конституции самому народу, сохранить национальные мастерские, обеспечить право на труд. «Если Париж закроют в цепи, то будет поработана и вся Европа», — заявляла одна прокламация, подчеркивая международное значение восстания.

Четыре дня, 23 — 26 июня, шли ожесточенные уличные бои. На одной стороне сражались 40 — 45 тыс. рабочих, на другой — правительственные войска, мобильная гвардия и отряды национальной гвардии общей численностью в 250 тыс. человек. Действиями правительственных войск руководили генералы, воевавшие ранее в Алжире. Свой опыт подавления освободительного движения алжирского

Огюст Бланки.
Гравюра П.Ребеля по рисунку А.Лаколла.

народа они применили теперь во Франции. Во главе всех правительственных сил был поставлен военный министр генерал Кавеньяк, получивший диктаторские полномочия. Главной опорной базой восстания являлось Сент-Антуанское предместье; баррикады, сооруженные в этом районе, доходили до четвертого этажа домов, были обведены глубокими рвами. Борьбой на баррикадах руководили по большей части деятели пролетарских революционных клубов, рабочие Ракари, Бартелеми, социалисты Пюжоль, Делаколлонж и др.

В основе боевых действий восставших рабочих лежал

план наступательных операций, составленный председателем «Комитета действий» в «Обществе прав человека», бывшим офицером Керсози. Друг Распайля, неоднократно подвергавшийся судебным преследованиям, Керсози пользовался большой популярностью в демократических кругах Парижа. Учитывая опыт прежних восстаний, Керсози предусматривал концен-

Бой в Сент-Антуанском предместье в июньские дни 1848 г.
Гравюра Дешана.

трическое наступление на ратушу, на Бурбонский и Тюильрийский дворцы — четырьмя колоннами. Однако этот план не удалось осуществить. Восставшие не смогли создать единого руководящего центра, отдельные отряды были слабо связаны между собой.

Несмотря на героизм рабочих, восстание парижских пролетариев было подавлено. Начался жестокий белый террор. Победители прикалывали раненых повстанцев. Общее число арестованных достигло 25 тыс. Наиболее активных участников восстания

предали военному суду, 3,5 тыс. человек были сосланы без суда в далекие колонии. Рабочие кварталы Парижа, Лиона и других городов были разоружены.

28 июня Кавеньяка утвердили «главой исполнительной власти Французской республики». Роспуск всех национальных мастерских (как в Париже, так и в провинции), закрытие революционных клубов, восстановление денежного залога для органов периодической печати, отмена декрета о сокращении рабочего дня — таковы были меры, проведенные правительством Кавеньяка непосредственно после разгрома июньского восстания.

12 ноября была провозглашена конституция, вы-

работанная Учредительным собранием. Она полностью игнорировала интересы и нужды трудящихся масс, запрещала рабочим устраивать стачки. Во главе республики новая конституция ставила президента, избиравшегося всеобщим голосованием на 3 года, а законодательную власть предоставляла Законодательному собранию, избираемому на 4 года. Избирательное право не распространялось на многие группы рабочих. Президенту предоставлялись чрезвычайно широкие права: назначение и смещение всех чиновников и судей, командование войсками, руководство внешней политикой. Таким путем буржуазные республиканцы рассчитывали создать сильную власть, способную быстро подавлять революционное движение. Но вместе с тем наделение президента столь большой властью делало неизбежным конфликты между ним и Законодательным собранием.

10 декабря 1848 г. состоялись выборы президента республики. Было выставлено 6 кандидатов. Рабочие выдвинули своим кандидатом Распайля, находившегося в это время в тюрьме. Кандидатом мелкобуржуазных республиканцев был бывший министр внутренних дел Ледрю-Роллен. Буржуазные республиканцы поддерживали кандидатуру главы правительства — Кавеньяка. Но избранным оказался кандидат бонапартистов принц Луи Бонапарт, племянник Наполеона I, получивший на выборах подавляющее большинство голосов.

Луи Бонапарт (1808 — 1873) уже дважды пытался захватить государственную власть во Франции (в 1836 и в 1840 гг.), но оба раза терпел неудачу. В 1844 г., находясь в тюрьме, он написал брошюру «Об уничтожении бедности». Был тесно связан с крупными банкирами.

20 декабря Луи Бонапарт вступил на пост президента и принес присягу на верность республиканской конституции. На следующий день было сформировано новое правительство, во главе которого стал монархист Одилон Барро. Первым его шагом было изгнание республиканцев из государственного аппарата.

Зимой 1848/49 г. экономическое положение Франции не улучшилось: промышленность и сельское хозяйство по-прежнему переживали кризис.

В начале апреля 1849 г. в связи с предстоящими выборами в Законодательное собрание была опубликована избирательная программа блока демократов и социалистов. Его сторонники считали себя продолжа-

телями якобинцев, «Горы» 1793 — 1794 гг., и называли себя «Новой Горой». Их программа выдвигала план демократических преобразований, требовала снижения налогов, освобождения угнетенных народов, но обходила такие вопросы, как продолжительность рабочего дня, уровень заработной платы, свобода стачек и профессиональных союзов.

13 мая 1848 г. состоялись выборы в Законодательное собрание. Большинство мест в Законодательном собрании (около 500) получил блок монархических партий орлеанистов, легитимистов и бонапартистов, который называли тогда «партией порядка». Республиканцы правого крыла провели 70 кандидатов; блок демократов и социалистов получил 180 мест.

28 мая Законодательное собрание начало свою работу. С первых же дней внутри него вскрылись разногласия по внешнеполитическим вопросам, тесно связанные с разногласиями в вопросах внутренней политики.

В центре стоял так называемый римский вопрос. Еще в апреле 1849 г. французское правительство приняло военную экспедицию в пределы недавно возникшей Римской республики. Левые республиканцы выступили против этой интервенции. На заседании Законодательного собрания 11 июня Ледрю-Роллен внес предложение предать президента и министров суду за грубое нарушение конституции, которая запрещала применение вооруженных сил республиканской Франции для подавления свободы других народов. Законодательное собрание отвергло предложение Ледрю-Роллена. Тогда демократы решили организовать мирную демонстрацию протеста.

Демонстрация состоялась 13 июня. Колонна в несколько тысяч безоружных людей двинулась к Бурбонскому дворцу, где заседало Законодательное собрание. Но войска остановили шествие и разогнали его участников, пустив в ход оружие. Ледрю-Роллен и другие демократы выпустили воззвание, в котором призывали народ к оружию для защиты конституции. Кучки людей (преимущественно рабочих и студентов) оказали вооруженное сопротивление войскам, но руководители демонстрации скрылись. К вечеру движение было подавлено.

События 13 июня 1849 г. вызвали отклики и в провинции. В большинстве случаев дело ограничилось демонстрациями, которые быстро разгонялись войска-

ми. Более серьезный оборот приняли события в Лионе, где 15 июня вспыхнуло восстание рабочих и ремесленников, руководимое тайными обществами. В рабочем предместье Круа-Русс — главном очаге лионского восстания 1834 г. — началась постройка баррикад. Против восставших были двинуты многочисленные отряды солдат, поддержанные артиллерией. Сражение продолжалось с 11 часов утра до 5 часов вечера. Восставшие защищали каждый дом. 150 человек было убито и ранено, 700 взято в плен, около 2 тыс. арестовано и предано суду. Горняки Рив-де-Жевье двинулись на помощь лионским рабочим, но, узнав о поражении восстания, вернулись обратно.

В ночь на 15 июня в окрестностях города Монлюсона (департамент Алье) собралось 700 — 800 крестьян, вооруженных ружьями, вилами, заступами. Получив известие о неудачном исходе демонстрации в Париже, крестьяне разошлись по домам.

В марте 1850 г. в Париже происходили дополнительные выборы в Законодательное собрание. Среди избранных оказались: участник июньского восстания Дефлотт, бывший секретарь Люксембургской комиссии Видадь и левый республиканец Карно, занимавший после февральской революции пост министра народного просвещения. Исход этих выборов показал усиление влияния левых групп. В контрреволюционном лагере возникла тревога. 31 мая 1850 г. Законодательное собрание приняло новый избирательный закон, который устанавливал трехлетний ценз оседлости и другие ограничения, направленные против рабочих. Около 3 млн. человек было лишено избирательных прав.

В кругах крупной буржуазии росло разочарование в парламентской системе, усиливалось стремление к созданию «твердой власти», которая оградила бы имущие классы от новых революционных потрясений. Бонапартисты в своих газетах и брошюрах подогревали эти настроения, запугивали имущие классы перспективой нового июньского восстания. Раздоры среди различных монархических групп ослабляли Законодательное собрание.

В ночь на 2 декабря 1851 г. бонапартистские заговорщики во главе с президентом совершили государственный переворот. Войска заняли все важные стратегические пункты Парижа. Законодательное собрание было распущено, политические деятели, враждебные

бонапартизму, арестованы. Чтобы обмануть демократические круги населения, Луи Бонапарт объявил об отмене закона 31 мая 1850 г., ограничившего избирательные права.

Большинство депутатов Законодательного собрания не пошло далее робкого протеста против совершенного насилия и без всякого сопротивления дало

Баррикада в Сент-Антуанском предместье Парижа 3 декабря 1851 г.
Гравюра 1852 г.

себя арестовать. Левые республиканцы организовали «комитет сопротивления»; среди его членов был знаменитый писатель Виктор Гюго. 3 и 4 декабря в народных кварталах Парижа были воздвигнуты баррикады; их защитники дали стойкий отпор войскам. Но число баррикадных бойцов, главным образом рабочих, не превышало 1200 человек.

Бонапартистам удалось довольно быстро подавить сопротивление республиканцев в Париже. Чтобы ускорить развязку и запугать население, в ход пустили артиллерию. При этом было убито и ранено до двух тысяч мирных жителей.

Серьезное сопротивление бонапартистский переворот встретил в некоторых провинциальных городах и селах, особенно на юге страны. В некоторых местах образо-

вались партизанские отряды, вступившие в борьбу с правительственными войсками. Отряды эти состояли в основном из рабочих, мелких ремесленников, торговцев, демократически настроенной интеллигенции и части крестьян. Однако восстания носили разрозненный характер.

За переворотом последовало установление жесто-

Расстрел арестованных в квартале Тамиль (Париж) 5 декабря 1851 г.
Гравюра 1852 г.

кого полицейского террора. Правительство объявило 32 департамента на осадном положении, 21 тыс. республиканцев подверглась ссылке в колонии, тюремному заключению, изгнанию из Франции. Еще сохранившиеся к этому времени самостоятельные рабочие организации были распущены, прогрессивная печать задушена.

Через год, 2 декабря 1852 г., Луи Бонапарт провозгласил себя императором под именем Наполеона III (Наполеоном II бонапартисты считали никогда не правившего сына Наполеона I герцога Рейхштадтского, умершего в молодости).

БОРЬБА ЗА ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ

Известие о провозглашении республики во Франции дало толчок революционным выступлениям в Германии. 27 февраля 1848 г. в городах великого герцогства Баденского, расположенного в непосредственном соседстве с Францией, состоялись массовые народные собрания. Властям были поданы петиции, требовавшие отмены феодальных повинностей, освобождения печати от всех стеснений, введения суда присяжных, равномерного распределения налогов, назначения ответственного министерства, созыва общегерманского парламента, создания гражданской гвардии с выборными командирами и т.п. Под давлением народных демонстраций правительство удовлетворило часть этих требований. Оно обещало издать указ о всеобщей амнистии и разработать закон об отмене феодальных повинностей. Примерно так же развивались события в Гессен-Дармштадте и в Вюртемберге.

В Саксонии, Ганновере и некоторых других германских государствах давление народа заставило правителей пойти на частичные уступки требованиям либерально-буржуазной оппозиции.

Бурные волнения произошли в Баварии. 3 марта королю Людвигу I были поданы петиции с требованием политических свобод. 4 марта рабочие, ремесленники и студенты Мюнхена захватили арсенал и найденное там оружие. В ночь на 21 марта Людвиг I отрекся от престола в пользу своего сына Максимилиана и бежал из своих владений.

Революционное движение захватило и Пруссию. Оно началось с Рейнской области. 3 марта массовая демонстрация рабочих Кельна представила городскому совету петицию, которая требовала всеобщего избирательного права, уничтожения постоянной армии, всеобщего вооружения народа, «защиты труда и обеспечения человеческих потребностей для всех», воспитания детей за общественный счет. Демонстранты были разогнаны войсками.

6 марта в Берлине начались сходки и демонстрации. 13 марта они переросли в уличные стычки с войсками. 18 марта толпы народа, окружившие королевский дворец, были атакованы войсками, что вызвало бурю возмущения в массах. Улицы Берлина покрылись

баррикадами, начались ожесточенные бои. После того как войска оказались не в состоянии подавить народное движение, правительству пришлось вывести их из Берлина и пойти на некоторые уступки: была объявлена всеобщая амнистия и разрешена организация гражданской гвардии. 29 марта было создано либеральное правительство, во главе которого впервые в истории

Баррикада на Фридрихспрасе в Берлине 18 марта 1848 г.
Литография Нордманна по рисунку с натуры.

Пруссии стали представители крупной буржуазии, а не помещиков-дворян. Наиболее видную роль играли в новом правительстве фабрикант Кампгаузен и банкир Ганзман.

Очутившись у власти, немецкие либералы поставили своей задачей не допустить дальнейшего развития и углубления революции, сохранить монархию, помешать полной демократизации общественного и политического строя Германии.

Мартовская революция в Пруссии послужила толчком к подъему национально-освободительного движения в Познани — польской области, входившей в состав прусского королевства. В Познани образовался Национальный комитет, главенствующее значение в котором имели крупные землевладельцы. Отправленное в

Берлин представительство выдвинуло требования об организации польского корпуса и назначении поляков на административные и другие должности в Познани. Прусское правительство согласилось принять эти требования. В дальнейшем было выдвинуто также требование о признании польского языка официальным языком в Познани.

Народные массы Познани поднялись на борьбу за независимость от Пруссии. К началу апреля польские повстанческие отряды насчитывали уже 15 — 20 тыс. человек. Они состояли в основном из крестьян, но командирами были преимущественно выходцы из шляхты. Общее руководство принадлежало видному польскому революционеру Мерославскому. Прусское правительство категорически отвергло требование о предоставлении Познани независимости. Правительственные войска наводнили область. В ходе начавшихся военных действий храбро сражались польские крестьяне. Несмотря на недостаток оружия (многие отряды были вооружены лишь косами), они одержали несколько побед. Однако огромный перевес в силах позволил прусским войскам взять верх: восстание было разгромлено, и к 9 мая вооруженная борьба прекратилась. Прусская власть жестоко расправилась с участниками восстания. В неудаче восстания большую роль сыграла нерешительная позиция некоторой части польских офицеров, которые настаивали на соглашении с прусскими властями. В этих настроениях отражался страх польских землевладельцев, боявшихся, что крестьяне потребуют не только ликвидации прусского гнета, но и отмены феодальных привилегий польской шляхты.

В начале мая 1848 г. состоялись выборы в прусское Национальное собрание. Система двухстепенных выборов облегчила победу реакции. Значительная часть депутатов состояла из крайних монархистов, но большинство собрания составляли умеренные либералы.

Национальное собрание открылось 22 мая. Политическая обстановка в этот момент снова обострилась, так как накануне был опубликован проект прусской конституции, который предоставлял избирательные права только крупным собственникам. Это вызвало сильное негодование в демократических кругах Берлина. Экземпляр текста конституции был демонстративно сожжен группой возмущенных граждан.

Широкие массы требовали улучшения своего положения. 30 мая в Берлине состоялась стихийная демонстрация, в которой приняло участие несколько тысяч рабочих. В связи со слухами о подготовке контрреволюционного переворота рабочие требовали оружия. 14 июня произошла кровопролитная схватка между рабочими и мелкими ремесленниками с одной стороны,

Штурм арсенала в Берлине 14 июня 1848 г.
Гравюра 1848 г.

и отрядами полиции и буржуазной гражданской гвардии — с другой. Огромная толпа рабочих захватила арсенал и забрала хранившееся там оружие.

Король и его окружение использовали страх, вызванный среди крупной буржуазии этими событиями, для усиления численности берлинского гарнизона и для смены правительства. Теперь, когда враги революции повсюду готовились к открытому наступлению против демократических сил, контрреволюционные круги не нуждались больше в либеральном прикрытии. Роль Кампгаузена — этого «щита перед династией», как он сам себя называл, — была сыграна, и 20 июня он вынужден был подать в отставку. Во главе правительства стал близкий королю чиновник фон Ауэрсвальд.

Переход от кабинета Кампгаузена к кабинету Ауэрсвальда означал сдвиг вправо в политике правящих кругов Пруссии, переход реакции в наступление.

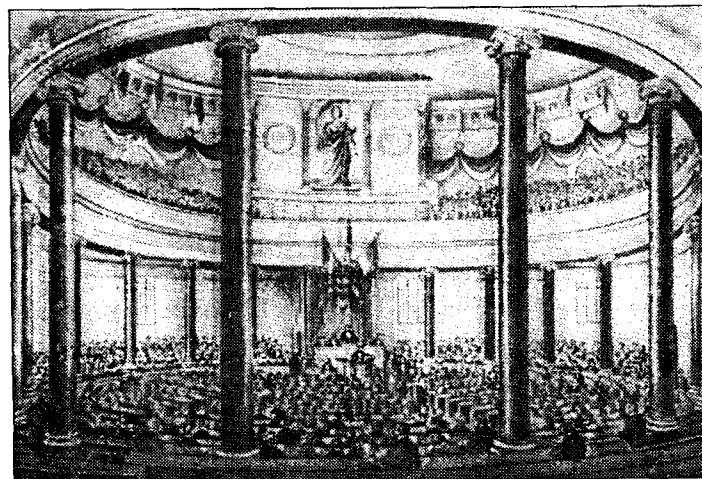
5 марта 1848 г. в Париж прибыл Маркс. Там был создан Центральный комитет Союза коммунистов под председательством Маркса; секретарем комитета стал Шаппер; среди членов комитета был и Энгельс, вскоре также прибывший в Париж. В конце марта была опубликована составленная Марксом и Энгельсом листовка «Требования Коммунистической партии Германии». Превращение Германии в единую нераздельную республику, введение всеобщего избирательного права (для мужчин, достигших 21 года), ликвидация старой армии и всеобщее вооружение народа, бесплатное судопроизводство, отмена без выкупа всех феодальных повинностей, национализация земель владельных князей и всех помещичьих имений, всех рудников, копей, железных дорог, каналов, создание крупных хозяйств на национализированных землях, основание единого государственного банка, организация национальных мастерских для безработных, обеспечение нетрудоспособных, отделение церкви от государства, всеобщее и бесплатное народное образование — таковы были важнейшие пункты этой программы.

С 1 июня 1848 г. в Кельне стала выходить большая ежедневная политическая газета под названием «Новая рейнская газета», редактором которой был Маркс. В подзаголовке названия газеты стояли слова: «Орган демократии». Освещая ход революции во Франции, в Германии и в Австрии, газета уделяла также много внимания рабочему движению и революционной борьбе народных масс в других странах, национальным движениям польского, итальянского, венгерского, чешского и других народов.

В области внешней политики Маркс и Энгельс выдвигали лозунг революционной войны против царской России, являвшейся тогда главным оплотом европейской контрреволюции. Они указывали, что поражение царизма в этой войне приведет к подъему революции в Германии и Австрии, к свержению династии Гогенцоллернов и династии Габсбургов.

Большая часть германской буржуазии добивалась объединения Германии под главенством Пруссии. Этот путь предусматривал исключение из Германии владений монархии Габсбургов, поэтому его сторонники получили название «малогерманцев». Второй путь объединения Германии предусматривал объединение всех

территорий Германского союза в едином германском государстве во главе с Австрией. Некоторые группы мелкой буржуазии и крестьянства, особенно на юге страны, стремились к превращению Германии в федеративную республику, наподобие Швейцарии, со слабой центральной властью и сохранением значительной доли независимости за мелкими государствами.

Первое заседание Национального собрания в соборе Св. Павла (Франкфурт-на-Майне). Литография середины XIX в.

Слои демократов и радикальной интеллигенции боролись за создание единой, демократической Германской республики. Решение вопроса о путях объединения Германии зависело от соотношения сил в стране.

18 мая 1848 г. во Франкфурте-на-Майне открылись заседания общегерманского Национального собрания, избранного для решения вопроса об объединении страны. Большинство депутатов этого первого всегерманского парламента составляли представители либеральной буржуазии и интеллигенции, а также сторонники конституционной монархии. Среди депутатов был только один коммунист — Вильгельм Вольф, член ЦК Союза коммунистов, избранный в Силезии.

Временным правителем Германии был избран австрийский эрцгерцог Иоганн. За этим членом династии Габсбургов упрочилась репутация либерала. Им-

перский правитель назначил министров центрального германского правительства и разослал послов в столицы иностранных государств. Однако франкфуртское правительство и франкфуртский парламент не имели реальной власти и не обладали никаким авторитетом ни в Германии, ни за границей. Парламент отказался решить вопрос о ликвидации феодальных повинностей. В национальном вопросе франкфуртский парламент занял открыто шовинистическую позицию: он высказался за насильственную ассимиляцию славянских народов и выступил против освободительного движения итальянского народа.

После мартовской революции демократические слои населения южного Шлезвига и Гольштейна восстали против господства Дании, образовали Временное правительство и поднялись на вооруженную борьбу за включение этих двух герцогств в состав объединенной Германии. На помощь восставшим прибыли отряды добровольцев из Германии, а также союзные войска. Датчане были разбиты, и немецкие войска вступили в Ютландию. Однако вскоре по требованию Англии, России и Швеции они были отозваны. 26 августа Пруссия заключила с Данией перемирие (в Мальме). Условия его были очень тяжелыми для Шлезвига и Гольштейна. Временное правительство этих областей распускалось, управление герцогствами возлагалось на комиссию, четыре члена которой (из пяти) назначались прусским и датским королями. Шлезвиг-гольштейнское Национальное собрание заявило протест против условий перемирия, но франкфуртский парламент утвердил его. Решение парламента вызвало возмущение в Германии. 18 сентября во Франкфурте-на-Майне вспыхнуло народное восстание. В нем приняли участие рабочие, подмастерья, мелкие ремесленники и торговцы, а также крестьяне из окрестных деревень. После ожесточенной борьбы войска подавили восстание.

Национальное собрание приняло некоторые аграрные законы, в частности об отмене помещичьего права охоты на крестьянской земле. Эти законы, а также обсуждение вопроса об окончательной ликвидации феодальных порядков в деревне вызвали недовольство дворян.

13 октября 1848 г. в Берлине среди рабочих, за-

нятых на общественных работах, начались волнения в связи с угрозой их увольнения. 16 октября полиция и отряды гражданского ополчения обстреляли демонстрацию рабочих. В ответ на это в городе стали возникать баррикады. Рабочие, ремесленники, студенты вооружались. Гражданская гвардия участвовала вместе с войсками в подавлении этого выступления.

2 ноября было сформировано новое правительство, в состав которого вошли представители феодальной знати и высшей бюрократии во главе с ярыми реакционерами генералом графом Бранденбургом (дядей короля) и бароном Мантейфелем. 9 — 10 ноября войска заняли Берлин. Гражданская гвардия дала себя обезоружить без всякого сопротивления. Группы рабочих, собравшихся возле здания, где заседало Национальное собрание, готовы были вступить в борьбу с войсками, но депутаты-либералы не захотели кровопролития.

Все левые газеты были закрыты, демократические организации запрещены. 19 ноября правительство объявило о переводе Национального собрания из Берлина в его пригород Бранденбург. Это означало по существу ликвидацию собрания. 15 ноября, накануне своего закрытия, собрание приняло обращение к немецкому народу с призывом прекратить уплату налогов, но не стало призывать народ к вооруженной борьбе.

28 марта 1849 г., после долгих дебатов франкфуртский парламент принял конституцию единого германского государства. Она предусматривала создание Германской империи, в которую должны были войти Бавария, Саксония, Ганновер, Бюртемберг, Баден и другие германские государства, а также Австрия; все они сохраняли свою внутреннюю самостоятельность, свои правительства, парламенты и суды. Однако важнейшие функции общеимперского значения (внешняя политика, командование вооруженными силами, таможенная политика и т.п.) передавались центральному правительству во главе с императором; законодательная власть вручалась двухпалатному рейхстагу.

Конституция провозглашала ряд буржуазно-демократических свобод: равенство всех граждан перед законом, свободу слова, печати, совести, неприкосновенность личности, бесплатное и светское начальное образование и т.п. Вместе с тем конституция объявляла

неприкосновенной церковную собственность, а вопрос о важнейших феодальных повинностях предлагала решать путем соглашения между помещиками и крестьянами.

При всей своей умеренности имперская конституция имела прогрессивное значение, так как ставила задачей ликвидировать политическую раздробленность страны и являлась шагом на пути превращения Германии в буржуазную монархию. Именно поэтому правящие круги Пруссии и других крупных германских государств, где у власти стояли реакционные группы дворянства и бюрократии, отказались признать эту конституцию. Франкфуртская конституция оказалась мертворожденной. Тот факт, что ее признали 29 мелких и средних государств, не имел существенного значения.

В апреле 1849 г. в Берлин прибыла депутация от франкфуртского парламента, чтобы предложить прусскому королю германскую императорскую корону. Фридрих Вильгельм IV отказался принять ее.

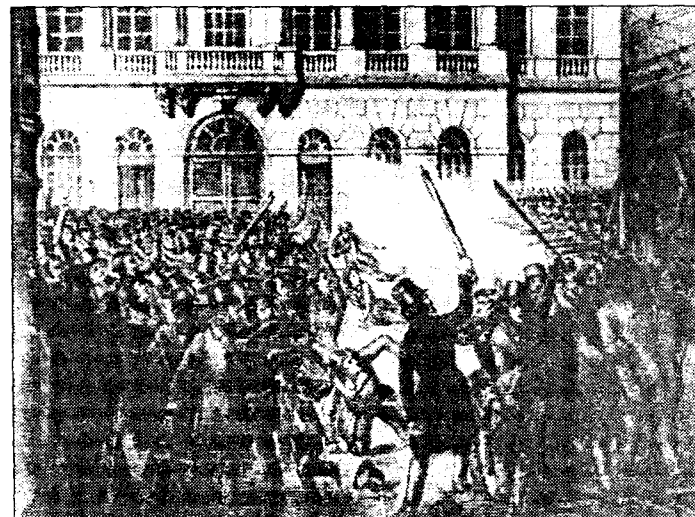
НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА НАРОДОВ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

13 марта 1848 г., в день открытия заседаний ландтага Нижней Австрии, площадь перед его зданием в Вене заполнилась народом. Толпа, состоявшая преимущественно из рабочих, ремесленников и студентов, приветствовала речи деятелей либеральной оппозиции и требовала немедленной отставки Меттерниха. Из пригородов к центру двигались рабочие; начались стычки с полицией и с войсками. Вскоре на улицах Вены появились баррикады. «Долой Меттерниха!» — таков был клич восставшего народа. Чтобы остановить дальнейшее развитие событий, 14 марта император дал отставку Меттерниху. Некогда всемогущий канцлер бежал переодетым за границу. Правительство было вынуждено разрешить вооружение студентов, создавших Академический легион.

Частичные уступки со стороны правительства не удовлетворили трудящихся, рабочие жгли полицей-

ские участки и заставы, где взимались налоги на ввозимые в город продукты питания, громили продовольственные магазины; в некоторых местах портили и ломали машины.

Утром 15 марта правительство опубликовало извещение о созыве сословных собраний по областям Австрии. Это сообщение вызвало сильное недовольство

Расстрел мирной демонстрации в Вене 13 марта 1848 г.
Литография Бурда.

в Вене. Народные массы окружили императорский дворец с требованием конституции. Угроза нового восстания заставила правительство опубликовать постановление о созыве Учредительного собрания для выработки конституции.

Через два дня образовалось новое правительство. Почти все его члены были выходцами из дворянства, а некоторые из них — деятелями меттерниховского режима.

23 апреля был опубликован проект новой конституции, а 1 мая — избирательный закон. Верховная власть оставалась в руках императора: он имел право отвергать законы, принятые рейхстагом; ему принадлежали также вся исполнительная власть и командование вооруженными силами.

Рейхстаг состоял из двух палат: часть верхней пала-

ты назначалась императором, другая ее часть и целиком вся нижняя палата избирались на основе двухступенной системы. Круг избирателей ограничивался высоким имущественным цензом и цензом оседлости. Рабочие, поденщики, домашние слуги, инвалиды, лица, живущие на средства общественной благотворительности, не пользовались ни активным, ни пассивным избирательным правом.

Бегство Меттерниха.
Карикатура.

Эти антидемократические действия правительства вызвали огромное недовольство в широких слоях населения австрийской столицы. От имени демократических элементов студенческий комитет представил петицию, требовавшую снижения имущественного ценза при выборах в палаты. Демократизации избирательной системы потребовал и Центральный политический комитет национальной гвар-

дии, созданный в первые дни революции.

Правительство решило сломить сопротивление демократических сил: 14 мая появился указ о роспуске Политического комитета национальной гвардии. В ответ на это 15 мая многотысячная народная демонстрация направилась к императорскому дворцу. На улицах строились баррикады. Солдаты братались с народом. Правительство пошло на уступки, отказалось от роспуска комитета национальной гвардии и издало указ о введении однопалатного рейхстага. Через два дня император и его двор, напуганные событиями 15 мая, бежали из Вены в Инсбрук — главный город Тироля, где находились войска, верные династии.

18 мая в Вене была предпринята попытка поднять новое восстание с целью свержения монархии, провозглашения республики и создания временного прави-

тельства. Однако большинство населения Вены не поддержало республиканцев.

В конце мая в связи с намерением правительства распустить Академический легион снова вспыхнули серьезные волнения в Вене; на улицах было сооружено много баррикад. Правительству пришлось пойти на уступки и отменить указ о роспуске Академического легиона.

Вслед за Веной революционное движение охватило Венгрию, где обострились национальные противоречия. 15 марта в Будапеште началась революция, вскоре охватившая и другие части страны. Активную роль в революции сыграл поэт-революционер Шандор Петефи, возглавивший наиболее радикальные элементы населения Будапешта. «Национальная песнь», созданная Петефи, содержала призыв к революционной борьбе за независимость Венгрии, за свержение монархии Габсбургов.

В начале апреля сформировалось первое самостоятельное правительство Венгрии во главе о умеренным либералом графом Баттиани. Среди членов этого правительства был Кошут. Под давлением крестьянских масс венгерский сейм отменил барщину и некоторые другие феодальные повинности, но не безвозмездно, а за выкуп. Половинчатое решение аграрного вопроса не удовлетворило крестьян. Демократические круги добились полной ликвидации полукрепостнических порядков в деревне, наделения крестьян землей, уничтожения (или хотя бы ограничения) крупного помещичьего и церковного землевладения.

Острые национальные противоречия отразились и на ходе революционной борьбы в Трансильвании, которая входила тогда в состав Венгрии. Румыны, составлявшие большинство населения этой области, в основной своей массе крестьяне, подвергались гнету венгерских и румынских помещиков, а также австрийских властей. Под влиянием событий в Австрии и Венгрии трансильванские крестьяне выступили против помещичьего гнета.

Прогрессивные круги румынской интеллигенции Трансильвании сочувственно встретили революцию в Венгрии. Они составили петицию, в которой требовали унии между Трансильванией и Венгрией, но вместе с тем признания румынского языка официальным языком

в Трансильвании; петиция выдвигала также требование об отмене крепостного права.

Однако в Трансильвании были сильны и контрреволюционные элементы. Опираясь на австрийские войска, они жестоко подавили восстания крестьян. В то же время враждебная румынам политика венгерского правительства была использована агентами австрийского правительства, чтобы толкнуть румын на восстание против Венгрии. Румынские революционные демократы во главе с Николаем Бэлческу и Аврамом Янку добились объединения румын и венгров для совместной борьбы против общего врага обоих народов — монархии Габсбургов. Но лишь в самые последние дни своего существования венгерское революционное правительство согласилось удовлетворить национальные требования других народов и пойти на соглашение с румынами.

Революционные выступления в Чехии начались 11 марта 1848 г. В этот день массовое народное собрание в Праге потребовало введения в Чехии, Моравии, Силезии единого законодательного сейма с участием представителей от горожан и крестьян, отмены феодальных повинностей, уравнивания чешского языка с немецким, свободы слова, совести, печати и т.д. Австрийское правительство удовлетворило некоторые из этих требований.

Вскоре обстановка в Чехии стала обостряться из-за разногласий между немцами и чехами. Немецкие демократы действовали солидарно с чешскими радикалами. Но среди немецкой крупной буржуазии в Праге усиливались шовинистические, антиславянские настроения, росло стремление закрепить подчиненное положение чехов, включить Чехию в состав единой Германской империи. Чешская буржуазия и чешское дворянство в противовес этому проекту выдвигали план превращения Австрийской империи в союз автономных областей.

В апреле был созван Национальный комитет для подготовки будущей конституции Чехии; он состоял из представителей дворянства и буржуазии. 19 апреля в Национальном комитете произошел раскол. Немецкие члены комитета вышли из него и образовали отдельный Конституционный союз. С этого момента Национальный комитет превратился в чисто чешский национальный орган.

2 июня 1848 г. в Праге открылся съезд представителей от всех славянских областей Австрийской империи, на котором присутствовало 340 делегатов (в большинстве своем чехи). Председательствовал чешский политический деятель Палацкий, среди делегатов съезда был М. А. Бакунин. Съезд разбился на три секции: чешско-словацкую, польско-украинскую и южнославянскую.

Первое столкновение восставших с правительственными войсками в Праге в июне 1848 г.

Литография Рошерада.

Руководящая роль на съезде принадлежала чешским либералам, стоявшим за сохранение многонациональной Австрийской империи и за ее превращение в федерацию равноправных народов. Такая позиция большинства делегатов съезда объективно была направлена против интересов революционного движения в Европе, поскольку монархия Габсбургов являлась одним из главных оплотов контрреволюции. Вместе с тем расчеты на то, что Австрийская империя, в которой господствовали землевладельческая аристократия и реакционная бюрократия, может превратиться в равноправный союз народов, были явно утопическими.

12 июня в Праге вспыхнуло восстание, исключавшее возможность дальнейшей работы славянского съезда.

Вооруженное восстание в Праге было вызвано провокационным поведением нового командующего вой-

сками князя Виндишгреца, который в целях устрашения народа проводил в городе многочисленные военные учения и парады. Мирная демонстрация 12 июня, требовавшая удаления Виндишгреца, была обстреляна войсками. Народ поднялся на борьбу. Наряду с чешскими демократами в восстании участвовали и немецкие демократы. Отряды крестьян из окрестных сел пытались поддержать пражских революционеров, но не смогли пробиться к городу. 17 июня восстание в Праге было жестоко подавлено.

Подъем освободительного движения весной 1848 г. обозначился и в других славянских областях Австрии. 26 апреля произошло восстание польских буржуазных демократов в Кракове, оно было подавлено в тот же день австрийскими войсками.

2 мая во Львове открылись заседания «Руськой головной рады», избранной украинским населением Галиции: эта организация добивалась уравнивания православной церкви в правах с католической, введения украинского языка в школах, издания книг и газет на украинском языке. Никаких политических требований «Руськая головна рада» не выдвигала. Польское дворянство и польская буржуазия края выступили против украинского освободительного движения. Австрийские власти всячески разжигали национальную рознь и противоречия между поляками и украинцами, делая незначительные уступки последним.

В Буковине главным содержанием революционной борьбы в 1848 г. было антифеодальное движение крестьянства. Одним из выдающихся руководителей этого движения был украинский крестьянин Лукьян Кобылица, поддерживавший связи с польскими демократами, австрийскими радикалами и венгерскими революционерами. Буковинские крестьяне захватывали помещичьи земли и леса, отказывались платить налоги. Правительство направило в Буковину карательные отряды, которые жестоко расправились с восставшими крестьянами.

Поднялись на борьбу и народные массы Закарпатской Украины. Под влиянием известий о будапештских событиях в марте 1848 г. произошли революционные выступления в Ужгороде, в Мукачево и других городах. В городах и селах возникали органы местного самоуправления и создавались отряды националь-

ной гвардии. Венгерские помещики, которым в Закарпатской Украине принадлежали крупные земельные владения, враждебно относились к украинскому национальному движению, а также и к антифеодальным выступлениям местного крестьянства, которое добивалось отмены всех платежей, вносившихся дворянству и духовенству, и передачи помещичьих земель крестьянским общинам.

Венгерское революционное правительство выступило против требований крестьянства Закарпатской Украины и против национального движения закарпатских украинцев, которые добивались создания школ с преподаванием на родном языке и издания украинской национальной литературы. В апреле 1849 г. один из главных руководителей национального движения в Закарпатье, педагог, публицист и поэт Александр Духнович был арестован и заключен в тюрьму. Австрийское правительство, игравшее на противоречиях между венграми и украинцами, одобрило проект автономии Закарпатской Украины и объединения ее с украинской частью Галиции. Однако этот проект остался неосуществленным.

Весной 1848 г. усилилась борьба сербского населения южной Венгрии (Воеводины). Сербские общины Венгрии стали подавать петиции, в которых требовали введения сербского языка в местном управлении и суде и уравнивания православной церкви в правах с католической. 13 мая в Карловцах собралась Скупщина, представлявшая сербские общины южной Венгрии. Она выбрала патриарха, воеводу и главный комитет («Главный одбор»), провозгласила союз Воеводины с Хорватией в рамках Австрийской империи.

Венгерские помещики, владевшие обширными землями в Воеводине, крайне враждебно отнеслись как к сербскому национальному движению, так и к антифеодальным восстаниям крестьянства в Воеводине. Они добились издания императорского указа, объявившего незаконным созыв Скупщины и избрание патриарха. Прибывшие на территорию Воеводины венгерские войска, учинили жестокую расправу над сербскими повстанцами.

Весьма напряженной была обстановка в Хорватии. Под влиянием крестьянских выступлений в апреле 1848 г. здесь были отменены некоторые феодальные

повинности. Население добивалось независимости от Венгрии, но венгерское правительство отвергло эти требования. Хорватские помещики во главе с австрийским наместником (баном) бароном Елачичем всячески старались обострить и без того напряженные отношения, сложившиеся между венграми и хорватами. Экономическая и политическая отсталость Хорватии облегчала эту задачу. Антифеодальные восстания хорватских крестьян были подавлены отрядами Елачича. В дальнейшем Елачич возглавил сербско-хорватскую армию, выступившую по приказу австрийского императора против революционной Венгрии.

В Словакии крестьянство подвергалось жестокой эксплуатации как венгерских, так и словацких помещиков. Правое буржуазно-помещичье крыло словацкого национального движения, руководимое публицистом Штуром и пастором Гурбаном, ограничивалось требованиями национальной автономии Словакии, введения родного языка в школах и административных учреждениях, свободы слова и печати. Революционно-демократическое крыло шло дальше в своих требованиях. Руководимые чешским рабочим Мелингом словацкие горняки стремились к союзу с демократическим лагерем венгерского национально-революционного движения. Венгерское правительство отказалось удовлетворить даже умеренные требования автономии Словакии в рамках Венгрии и признать словацкий язык официальным языком. Это привело к тому, что некоторые депутаты Словацкого национального собрания перешли на сторону австрийского правительства и образовали словацкий легион, который принял затем участие в борьбе против революции в Венгрии. Но многие крестьяне и рабочие Словакии стали на сторону венгерской революции.

22 июля в Вене открылись заседания рейхстага. В нем преобладали представители либеральной буржуазии и интеллигенции, незначительная часть депутатов представляла дворянство; почти четвертая часть — крестьянство. Наряду с австрийцами в рейхстаге были чехи, поляки, итальянцы, украинцы и посланцы других национальностей Австрийской империи. Левое крыло рейхстага возглавляли популярные политические деятели — профессор Венского университета Фюстер, демократический публицист Виолан, студент Кудлих и др.

Много споров вызвал вопрос о языке. В конце концов господствующим языком признали немецкий, но вместе с тем было решено, что перед каждым голосованием, если этого потребует не менее 110 депутатов, предложение, поставленное на голосование, будет переводиться на польский, румынский, украинский и чешский языки.

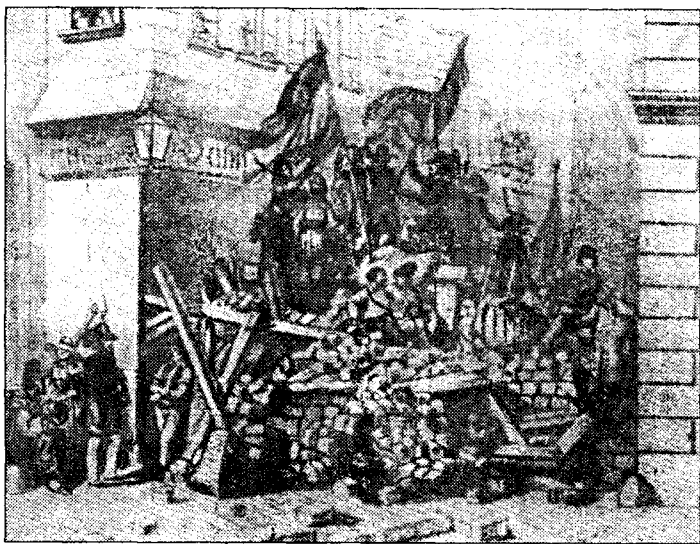
12 августа императорский двор возвратился в Вену, что послужило сигналом к переходу контрреволюционных сил в наступление. 19 августа министр труда опубликовал приказ о снижении заработной платы рабочим, занятым на общественных работах. Протесты трудящихся не были приняты во внимание. Власть явно провоцировала народ на выступление, 21 и 23 августа рабочие организовали демонстрации в центре города. Отряды гражданской гвардии открыли огонь по безоружным демонстрантам и рассеяли их. В разных частях города произошли схватки между рабочими, поднявшими красное знамя, и вооруженными буржуа.

Одной из важнейших задач, стоявших перед австрийской революцией 1848 г., было уничтожение крепостничества и всех его пережитков. 7 сентября рейхстаг принял закон, отменявший без выкупа только личные повинности крестьян. Барщина и оброк отменялись на основе выкупа, который устанавливался в размере 20-кратной стоимости ежегодных крестьянских платежей. Две трети выкупа должны были выплатить крестьяне, а одна треть падала на государство, т.е. на широкие слои налогоплательщиков. В результате такой реформы лишь наиболее состоятельная часть крестьянства смогла освободиться от повинностей, уплатив за это помещикам огромные денежные суммы. Реформа не разрешила до конца аграрный вопрос в Австрии, хотя и способствовала дальнейшему проникновению капиталистических отношений в сельское хозяйство.

К осени 1848 г. австрийская реакция решила, что настал благоприятный момент для открытого похода против революционной Венгрии. 3 октября был опубликован императорский указ о роспуске венгерского сейма. Еще раньше, в середине сентября, австрийские войска под командованием Елачича вторглись в Венгрию, но, потерпев поражение, отступили к австрийской границе. 5 октября части венского гарнизона получили приказ отправиться на помощь армии Елачича. Эти

действия правительства вызвали возмущение среди широких слоев населения Вены. 6 октября в городе вспыхнуло народное восстание. На следующий день императорский двор бежал в Оломоуц (Моравия) и начал подготовку наступления на Вену для подавления народного восстания.

Восстание 6 октября было самым крупным собы-

Баррикада в Вене.
Литография Коллерца.

тием революции 1848 г. в Австрии. Решающую роль в нем играли рабочие, ремесленники, студенты. Однако руководившие восстанием представители мелкой буржуазии и радикальной интеллигенции не проявили должной решительности, не сумели создать единый орган власти. Крестьянство, запуганное контрреволюционной пропагандой, заняло выжидательную позицию. Некоторую помощь венские революционеры получили от провинциальных городов Граца, Линца, отправивших в Вену небольшие отряды.

Активное участие в обороне революционной Вены принимали бойцы Академического легиона, отряды национальной гвардии и батальоны мобильной гвардии, созданной преимущественно из рабочих и подмастерьев.

Значительную роль в обороне Вены играли добровольческие отряды. Общее руководство вооруженными силами Вены было поручено офицеру национальной гвардии, журналисту и драматургу Мессенгаузеру. Большую энергию проявил при защите Вены польский революционер Юзеф Бем, участник польского восстания 1830 — 1831 гг.

Общее командование силами контрреволюции, начавшими наступление на столицу, осуществлял фельдмаршал князь Виндишгрец. Основную часть его войск составляла армия Елачича, в которой преобладали хорваты и сербы. Разжигая национальную рознь, австрийские контрреволюционеры натравливали южных славян и против Вены, и против венгров. Венгерское революционное правительство долго колебалось, пока решилось оказать помощь венским демократам. Только 28 октября венгерские войска двинулись на помощь революционной Вене, но австрийские войска разбили их и отбросили назад.

1 ноября после упорного сопротивления императорские войска подавили восстание в Вене. Были произведены массовые аресты. Солдаты врываются в дома, грабят и избивали мирных жителей, не щадили ни женщин, ни детей. Несколько руководителей движения — Мессенгаузера, Бехера, Еллинека — казнили. Казнен был и депутат франкфуртского парламента Роберт Блюм, участвовавший в боях.

Победа контрреволюции привела к созданию нового австрийского правительства во главе с реакционером князем Шварценбергом. Представители феодальной аристократии и придворной знати объединились в этом министерстве с деятелями крупной буржуазии. Рейхстаг был переведен из Вены в маленький провинциальный город Кромержиж (Кремзир), а в начале марта 1849 г. распущен.

4 марта 1849 г. правительство опубликовало указ о введении новой конституции. Она устанавливала двухпалатную систему, высокий имущественный и возрастная ценз для избирателей, предоставляла императору не только всю исполнительную власть, но и право налагать вето на решения законодательных органов, а в период между их сессиями издавать постановления, получившие силу закона. Конституция обеспечивала политическое господство блоку австрийских

крупных землевладельцев и австрийской крупной буржуазии. Конституция была строго централистской. Власть династии Габсбургов сохранялась над всеми народами империи. Конституция 4 марта не была приведена в действие, а позднее вовсе отменена.

После победы контрреволюции в Вене Венгрия сделалась главным очагом революции в Австрийской им-

Венгерский ландштурм в битве под Прессбургом 30 октября 1848 г.
Литография Петтенкоффена.

перии и во всей Центральной Европе. Вторжение австрийских войск на территорию Венгрии вызвало в венгерском народе подъем патриотизма. Власть перешла к Комитету защиты родины во главе с Кошутом. Герцог Эстергази, граф Сечени и некоторые другие представители венгерской землевладельческой аристократии бежали в Вену, изменив своей родине. Граф Циц и граф Зичи, изобличенные в связях с австрийским командованием, были казнены. Народные массы Венгрии поднялись на борьбу против австрийских войск. В оккупированных врагом областях создавались вооруженные отряды крестьян, которые оказывали серьезную помощь венгерской революционной армии. 29 сентября венгры одержали первую победу над австрийскими войсками, 7 октября — вторую.

Падение революционной Вены резко ухудшило военное положение Венгрии. 5 января 1849 г. австрийская армия вступила в Будапешт. Правительство и парламент революционной Венгрии перебрались в Дебрецен. 14 апреля 1849 г. Национальное собрание в Дебрецене провозгласило независимость Венгрии. Правителем Венгрии был избран Кошут. В ходе военных действий произошел перелом. Венгерские революционные войска, среди которых имелись польские и словацкие добровольческие отряды, начали успешно теснить австрийцев. 19 апреля венгерские войска нанесли удар австрийской армии в битве при Надьшарло. 26 апреля была освобождена крепость Комаром. Венгерская армия приближалась к границе Австрии. 2 мая венгерские отряды заняли крепость Буду.

В этот момент по просьбе австрийского императора на помощь контрреволюции пришло правительство царской России. В мае 1849 г. 100-тысячная армия под начальством фельдмаршала князя Паскевича вступила в Венгрию, а другая русская армия численностью в 40 тыс. человек — в Трансильванию. Передовые круги русской общественности резко осуждали выступление царизма против революционной Венгрии. Чернышевский в своем дневнике 1849 г. называл себя «другом венгров» и выражал надежду на поражение царских войск, на то, что оно даст толчок восстанию против самодержавия и крепостничества в России. В среде офицеров и солдат армии Паскевича были люди, сочувствующее освободительной борьбе венгерского народа. Имелись даже случаи перехода солдат на сторону венгров.

Прибытие царских войск радикально изменило соотношение борющихся сил. Царская армия в Венгрии насчитывала около 140 тыс. солдат, австрийская армия — 127 тыс. человек, им противостояли венгерские войска численностью около 170 тыс. человек. Решающие бои между венгерской армией и главными силами русских и австрийских войск произошли 7 и 11 июля у Комарома. Венгры были разбиты; после этого австрийцы снова заняли Будапешт. Венгерское революционное правительство переехало в город Сегед. Военные неудачи усилили разногласия среди командиров венгерской армии, а также между главой правительства Кошутом и главнокомандующим Гергеєм. Кошут подозревал Гергея и его сторонников-офицеров

в изменнических замыслах, но не решался открыто разоблачить их перед войсками. Колебания Кошута ослабляли положение венгерского революционного правительства. 10 августа Гергей, который в это время уже вел тайные переговоры с командованием царских войск, добился передачи ему диктаторских полномочий. Убедившись в том, что дело проиграно, Кошут покинул Венгрию и уехал в Турцию.

13 августа 1849 г. венгерская армия, преданная Гергею, которому царское правительство обещало помилование и награды, капитулировала при Вилагоше. Военные действия продолжались еще некоторое время. В конце сентября сдалась крепость Комаром и прекратили борьбу остальные очаги сопротивления.

Австрийское правительство жестоко расправилось с участниками венгерской революции. 6 октября 1849 г. были казнены 13 генералов венгерской революционной армии и первый премьер-министр Венгрии граф Баттиани. В общем было казнено несколько сот человек, более 10 тыс. человек заключены в тюрьмы.

БОРЬБА ИТАЛЬЯНСКОГО НАРОДА ЗА ОБЪЕДИНЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И НЕЗАВИСИМОСТЬ

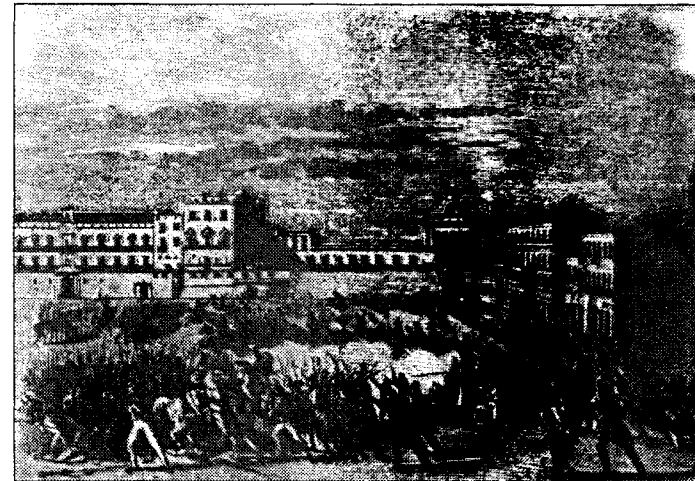
В Италии революционное движение 1848 г. началось с народного выступления на острове Сицилия, где безземельное крестьянство и рабочие серных рудников жестоко эксплуатировались крупными землевладельцами и капиталистами. В 40-х гг. под влиянием повторных неурожаев и промышленного кризиса положение трудящихся масс Сицилии стало совершенно невыносимым. Вместе с тем усилилось стремление буржуазно-дворянских кругов к автономии острова и даже к отделению его от Неаполитанского королевства.

12 января 1848 г. вспыхнуло народное восстание в Палермо, главном городе Сицилии. На помощь восставшим горожанам прибыли крестьяне. Город покрылся баррикадами. Неаполитанские войска были разбиты и 26 января покинули Палермо.

На следующей день в Неаполе состоялась массовая демонстрация с требованием конституции. Король дал отставку реакционным министрам и вручил власть

деятелям умеренно-либеральной буржуазии. Вскоре в Неаполе была провозглашена конституция.

В Сицилии образовалось Временное правительство, в состав которого вошли представители либеральной буржуазии и либерального дворянства. Весь остров, за исключением крепости Мессины, где засели неаполитанские войска, признал власть Временного правительства.

Сражение повстанцев с королевскими войсками в Палермо 13 января 1848 г.
Гравюра 1848 г.

События в Сицилии и в Неаполе оказали большое влияние на политическую борьбу в других частях Италии. Под давлением народа в Сардинском королевстве и в Тоскане в марте 1848 г. были изданы декреты о введении конституции. Папе Пию IX пришлось согласиться на введение конституции. Сделал он это несколько позже, чем другие итальянские государи, — только 15 марта. Впервые в истории папского государства возник совет министров, в который вошли лица, не принадлежащие к духовенству. Конституция Папской области, как и конституции Неаполя, Пьемонта, Тосканы, носила умеренный характер.

17 марта, как только поступило известие о революции в Вене, началась борьба против австрийцев в Венеции. 22 марта поднялись рабочие и матросы венецианского арсенала. В тот же день было провозгла-

шено восстановление независимой республики Венеции. Президентом республики стал видный итальянский революционер, адвокат и публицист Даниэль Манин.

18 марта вспыхнуло вооруженное восстание в главном городе Ломбардии — Милане, сразу принявшее широкий размах. Решающую роль в восстании играли рабочие, мелкие ремесленники, мелкие торговцы, а также крестьяне из окрестных деревень. Пять дней в городе шли упорные бои между восставшим народом и австрийскими войсками. 22 марта австрийские войска, которыми командовал фельдмаршал Радецкий, ушли из Милана. Власть в Милане перешла в руки Временного правительства, составленного из умеренных либералов. Победоносное восстание в Милане явилось сигналом к восстанию во всех городах и населенных пунктах Ломбардии.

Революция 1848 г. в Италии была направлена не только против феодально-абсолютистских порядков, но и против австрийского владычества. Под давлением народных масс и прогрессивных слоев буржуазии и дворянства король Пьемонта (Сардинское королевство) Карл-Альберт 23 марта 1848 г. объявил войну Австрии. Почти одновременно вынуждены были заявить о своей готовности выступить против Австрии правительства других итальянских государств. Патриотический подъем охватил население Италии. Батальоны национальной гвардии и отряды добровольцев двинулись в Ломбардию. Среди этих отрядов особенной храбростью отличался отряд добровольцев под командованием Гарибальди, который при первых известиях о начавшейся революции вернулся из изгнания на родину.

Но антиавстрийский блок, образовавшийся к концу марта в Италии, был весьма непрочен: его подрывали острые противоречия, существовавшие между правительствами итальянских государств. Особенно пагубные последствия имела предательская тактика сардинского правительства. Оно медлило с развертыванием военных действий в Ломбардии, не хотело помогать республиканской Венеции.

Первый удар итальянскому национально-освободительному движению нанес папа Пий IX. Католическое духовенство Австрии грозило ему церковным расколом, и потому он всячески избегал разрыва с монархией Габсбургов. 29 апреля Пий IX опубликовал «Обраще-

ние», в котором заявил, что не намерен вступать в войну с Австрией. Это заявление вызвало в Риме большое негодование. Демократические клубы потребовали создания Временного правительства и лишения папы светской власти. В конце концов папе пришлось согласиться на создание нового правительства, стоявшего за войну, в состав которого вошли умеренные либералы. Правительство заявило, что римские войска будут отправлены на поддержку войск других итальянских государств, однако отказалось официально объявить войну Австрии.

Бурные события произошли в Неаполе. 15 мая, в момент открытия неаполитанского парламента, возник конфликт между королем, требовавшим от палаты присяги на верность конституции, и депутатами-радикалами, стремившимися к дальнейшей демократизации избирательной системы. По приказу властей в город вошли войска. В ответ на это народ начал строить баррикады. Войска перешли в наступление и к вечеру подавили восстание. Город был объявлен на военном положении. Начался кровавый террор; пьяные толпы босяков (лаццарони) врываются в дома, грабят и убивали жителей, совершали насилия. Палата депутатов была распущена. Неаполитанский корпус, отправленный в Ломбардию, получил приказ немедленно возвратиться.

В Ломбардии развертывалось широкое народное движение за освобождение от австрийского гнета. В надежде получить военную помощь от сардинского короля Ломбардия объявила о своем слиянии с Пьемонтом. Вслед за Ломбардией власть сардинского короля признали Парма и Модена, а также некоторые венецианские провинции.

Между тем, получив подкрепление, австрийские войска начали наступление. Военные действия шли с переменным успехом. 28 мая близ Мантуи австрийцы нанесли поражение пьемонтским войскам. 30 мая 20-тысячный корпус пьемонтских войск отразил натиск австрийцев. Крепость Пескьера сдалась пьемонтцам. Но вскоре итальянцы потерпели новые серьезные неудачи. 11 июня австрийцы, почти не встретив сопротивления, взяли Виченцу, а через три дня — Падую. В решающем сражении 23 — 25 июля при Кустоцце пьемонтские войска были разбиты и отступили.

Жители Милана под руководством комитета, созданного республиканцами, готовились к обороне, строили баррикады. Однако Пьемонт не оказал никакой помощи миланцам, 6 августа австрийские войска под командованием Радецкого вступили в Милан, предательски оставленный войсками Карла-Альберта.

Первый этап национально-освободительной войны

Восстание в Риме. Штурм папского дворца.
Гравюра 1848 г.

в Италии окончился поражением итальянцев. Между Австрией и Сардинией было заключено перемирие. Реакция использовала это поражение для перехода в наступление против прогрессивных сил. В конце августа 1848 г. большая неаполитанская армия была направлена в Сицилию. Пять дней не прекращалась яростная бомбардировка Мессины. Город был превращен в развалины. С этого времени за неаполитанским королем Фердинандом II укоренилось прозвище «король-бомбы».

Осенью 1848 г. в некоторых частях Италии начался новый революционный подъем. 15 ноября вспыхнуло народное восстание в Риме. Министр внутренних дел граф Росси был убит. Через несколько дней после этого папа бежал в неаполитанскую крепость Гаэту. В январе 1849 г. состоялись выборы в римское Учредительное собрание, которые дали подавляющее боль-

шинство мест умеренным либералам; значительное число мест получили радикальные демократы.

Учредительное собрание, открывшееся 5 февраля 1849 г., постановило отменить светскую власть папы и 9 февраля провозгласило в Риме республиканский строй. В марте во главе правительства Римской республики стал триумвират, в который вошли Мадзини, Армеллини и Саффи.

Правительство Римской республики провело ряд прогрессивных демократических реформ, в том числе национализацию и распродажу всей движимой и недвижимой собственности монашеских орденов, владения которых составляли экономическую основу папского владычества. Вместо церковных судов были созданы гражданские, в интересах торговцев и промышленников снижены ввозные таможенные пошлины. Однако власти отклонили просьбы рабочих, поденщиков, батраков, мелких служащих о повышении заработной платы. Был издан декрет о прогрессивном налоге на доходы крупных капиталистов и духовных корпораций, но финансовые дельцы саботировали это распоряжение.

Правительство упразднило такие пережитки феодализма, как система майората, отменило налог на помол. Но ожидания крестьян, что новая власть передаст им в собственность помещичьи земли, не оправдались, а покупка национализированных церковных земель была им не под силу. Из-за своей половинчатой политики в аграрном вопросе правительство Мадзини не сумело привлечь широкие слои крестьянства к активной поддержке республиканского режима. В некоторых районах крестьяне, обманутые контрреволюционной пропагандой богатых арендаторов и папских агентов, выступили против республики.

Римское республиканское правительство не приняло решительных мер против крупной буржуазии, которая отказывалась платить налоги и срывала экономические мероприятия правительства; не смогло пресечь подрывную деятельность контрреволюционеров и прессы духовенства. Все это ослабляло республику.

В Тоскане новый подъем революционной борьбы наступил в начале 1849 г. 31 января великий герцог Леопольд II, напуганный массовыми народными демонстрациями во Флоренции, покинул столицу Тосканы. 8 февраля на многолюдном народном собрании во Фло-

ренции было провозглашено изложение великого герцога. В созданное в тот же день Временное правительство вошли видные либералы — писатель Гверацци и профессор Монтанелли.

Демократические круги Тосканы горячо откликнулись на предложение римских республиканцев о слиянии обоих итальянских государств, создании единого Учредительного собрания Центральной Италии и созыве общеитальянского Учредительного собрания. Но умеренные либералы выступили против слияния с Римом. Тосканское Учредительное собрание, открывшее свои заседания в конце марта, отложило и провозглашение республики и слияние Тосканы с Римом.

12 марта 1849 г. правительство Сардинского королевства под давлением демократических сил денонсировало соглашение о перемирии с Австрией и возобновило войну. Однако правительство Карла-Альберта не хотело придать войне общенациональный характер. Оно не обратилось за помощью к республиканцам Тосканы, Венеции и Рима, не предприняло попытки поднять восстание против австрийцев в Ломбардии.

20 марта 75-тысячная армия перешла в наступление. Измена одного из пьемонтских генералов позволила австрийским войскам почти без сопротивления переправиться через реку Тичино. После этого пьемонтские войска, уже вступившие в Ломбардию, получили приказ повернуть назад. 23 марта в битве при Новаре австрийцы нанесли сокрушительное поражение войскам Карла-Альберта. Охваченный страхом за последствия катастрофического поражения король тут же отрекся от престола в пользу своего сына и бежал в Португалию. 26 марта новый король Виктор-Эммануил II заключил перемирие с австрийским командованием.

В ряде мест народные массы все же продолжали оказывать мужественное сопротивление врагу. 1 апреля после ожесточенной многодневной борьбы австрийцы захватили Брешию. При взятии города были совершены дикие жестокости: солдаты вешали, прокалывали штыками, заживо сжигали мирных жителей, в том числе женщин и детей.

В Генуе известие о капитуляции пьемонтской армии вызвало народное восстание. Было создано Временное правительство, которое начало подготовку к возобновлению войны с Австрией. Однако королевские

войска одержали победу над восставшими генуэзцами.

6 августа 1849 г. Сардинское королевство подписало с Австрией мирный договор, обязавшись уплатить ей контрибуцию.

Победа австрийских войск в Ломбардии отразилась на положении в других частях Италии, прежде всего в Тоскане. Монархические заговорщики вели здесь

«Лучший из королей продолжает поддерживать порядок в своем государстве».

Карикатура на неаполитанского короля Фердинанда II.

Литография О.Домье. 1851 г.

активную пропаганду среди зажиточных слоев крестьянства. 11 апреля во Флоренции произошел контрреволюционный переворот, поддержанный ворвавшимися в город вооруженными крестьянами. Через несколько дней австрийские войска вторглись в Тоскану. Вместе с ними возвратился великий герцог Леопольд.

Неудачный исход второго этапа национально-освободительной войны в Италии отразился и на положении в Сицилии. 29 марта 1849 г. на острове возобновились военные действия. Неаполитанские войска вдвое превосходили своей численностью армию Сицилии. Уже в начале апреля она понесла ряд серьезных неудач. Правительство и парламент, в которых господствовали представители умеренно-либеральной буржуазии и либеральных слоев дворянства, решили прекратить

ренции было провозглашено низложение великого герцога. В созданное в тот же день Временное правительство вошли видные либералы — писатель Гверацци и профессор Монтанелли.

Демократические круги Тосканы горячо откликнулись на предложение римских республиканцев о слиянии обоих итальянских государств, создании единого Учредительного собрания Центральной Италии и созыве общеталианского Учредительного собрания. Но умеренные либералы выступили против слияния с Римом. Тосканское Учредительное собрание, открывшее свои заседания в конце марта, отложило и провозглашение республики и слияние Тосканы с Римом.

12 марта 1849 г. правительство Сардинского королевства под давлением демократических сил денонсировало соглашение о перемирии с Австрией и возобновило войну. Однако правительство Карла-Альберта не хотело придать войне общенациональный характер. Оно не обратилось за помощью к республиканцам Тосканы, Венеции и Рима, не предприняло попытки поднять восстание против австрийцев в Ломбардии.

20 марта 75-тысячная армия перешла в наступление. Измена одного из пьемонтских генералов позволила австрийским войскам почти без сопротивления переправиться через реку Тичино. После этого пьемонтские войска, уже вступившие в Ломбардию, получили приказ повернуть назад. 23 марта в битве при Новаре австрийцы нанесли сокрушительное поражение войскам Карла-Альберта. Охваченный страхом за последствия катастрофического поражения король тут же отрекся от престола в пользу своего сына и бежал в Португалию. 26 марта новый король Виктор-Эммануил II заключил перемирие с австрийским командованием.

В ряде мест народные массы все же продолжали оказывать мужественное сопротивление врагу. 1 апреля после ожесточенной многодневной борьбы австрийцы захватили Брешию. При взятии города были совершены дикие жестокости: солдаты вешали, прокалывали штыками, заживо сжигали мирных жителей, в том числе женщин и детей.

В Генуе известие о капитуляции пьемонтской армии вызвало народное восстание. Было создано Временное правительство, которое начало подготовку к возобновлению войны с Австрией. Однако королевские

войска одержали победу над восставшими генуэзцами.

6 августа 1849 г. Сардинское королевство подписало с Австрией мирный договор, обязавшись уплатить ей контрибуцию.

Победа австрийских войск в Ломбардии отразилась на положении в других частях Италии, прежде всего в Тоскане. Монархические заговорщики вели здесь

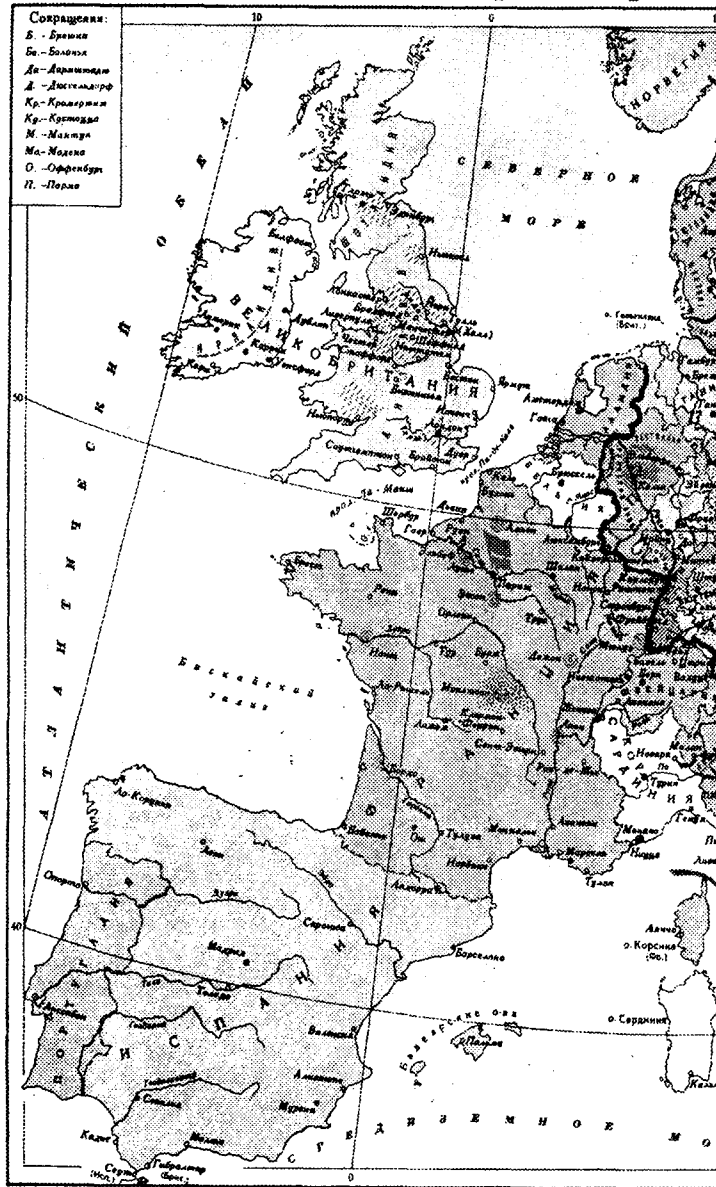

«Лучший из королей продолжает поддерживать порядок в своем государстве».
Карикатура на неаполитанского короля Фердинанда II.
Литография О. Домье. 1851 г.

активную пропаганду среди зажиточных слоев крестьянства. 11 апреля во Флоренции произошел контрреволюционный переворот, поддержанный ворвавшимися в город вооруженными крестьянами. Через несколько дней австрийские войска вторглись в Тоскану. Вместе с ними возвратился великий герцог Леопольд.

Неудачный исход второго этапа национально-освободительной войны в Италии отразился и на положении в Сицилии. 29 марта 1849 г. на острове возобновились военные действия. Неаполитанские войска вдвое превосходили своей численностью армию Сицилии. Уже в начале апреля она понесла ряд серьезных неудач. Правительство и парламент, в которых господствовали представители умеренно-либеральной буржуазии и либеральных слоев дворянства, решили прекратить

РЕВОЛЮЦИИ И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ

ДВИЖЕНИЯ 1848-1849 гг. в ЕВРОПЕ

борьбу. Власти покинули Палермо. Народные массы под руководством группы революционных демократов в течение нескольких дней мужественно защищали город. Однако силы были неравны. 11 мая 1849 г. королевские войска овладели Палермо.

Решающую роль в подавлении революции в Риме и восстановлении светской власти папы сыграло вмешательство четырех католических государств — Франции, Австрии, Испании и Неаполя.

В конце апреля 1849 г. корпус французских войск под начальством генерала Удино, высадившийся в Италии, подошел к воротам Рима; однако интервенты были отброшены с большими потерями. Этот успех воодушевил защитников Рима, среди которых выделялся отряд Гарибальди, занимавший самые ответственные и опасные позиции. В начале мая отряд гарибальдийцев выступил против неаполитанских войск, приближавшихся к Риму, разбил их и заставил поспешно отступать. Отряды Гарибальди вступили на неаполитанскую территорию, где были встречены населением как освободители.

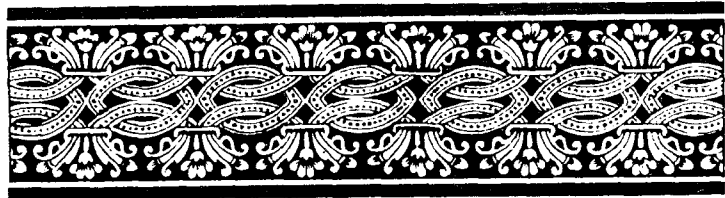
Однако на других участках военные действия шли неудачно для Римской республики. Австрийские войска сломали сопротивление жителей Болоньи. Несколько позже пала крепость Анкона, в течение 27 дней героически сопротивлявшаяся австрийским интервентам.

В середине мая в Рим прибыл французский дипломат Фердинанд Лессепс. Начались переговоры о мире между Францией и Римской республикой. Эти переговоры были затеяны правительством Луи Бонапарта для того, чтобы обмануть общественное мнение и выиграть время. Под прикрытием переговоров корпус Удино получал все новые подкрепления из Франции. Накопив значительные силы, французские войска начали развернутое наступление по всему фронту. Римские республиканцы оказали стойкое сопротивление вражескому натиску, но в конце концов французские войска прорвали линию обороны и 1 июля 1849 г. вступили в Рим. Римская республика перестала существовать.

После падения Римской республики оставался только один оплот борьбы за свободу и независимость Италии — Венеция. 11 месяцев длилась неравная борьба этого города с австрийскими войсками, блокировавшими его с моря и с суши. По окончании войны

с Пьемонтом австрийское правительство потребовало сдачи Венеции. Требование это было отвергнуто, а атаки, предпринятые австрийцами в начале июня, отбиты. Тогда австрийцы начали бомбардировку города. К тому же в городе начался голод, вызванный недостатком продовольственных запасов. Вспыхнули эпидемии тифа и холеры, уносившие массу жертв. И все же Венеция, не получая никакой поддержки, продолжала бороться. Только 22 августа 1849 г. она капитулировала.

Итальянскому народу не удалось ни освободиться от чужеземного гнета, ни ликвидировать реакционно-монархические порядки и феодальные пережитки, ни создать единое национальное государство. Только в Сардинском королевстве сохранился конституционный режим, обеспечивавший крупной буржуазии некоторые политические права.

ГЛАВА 6

АНГЛИЯ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

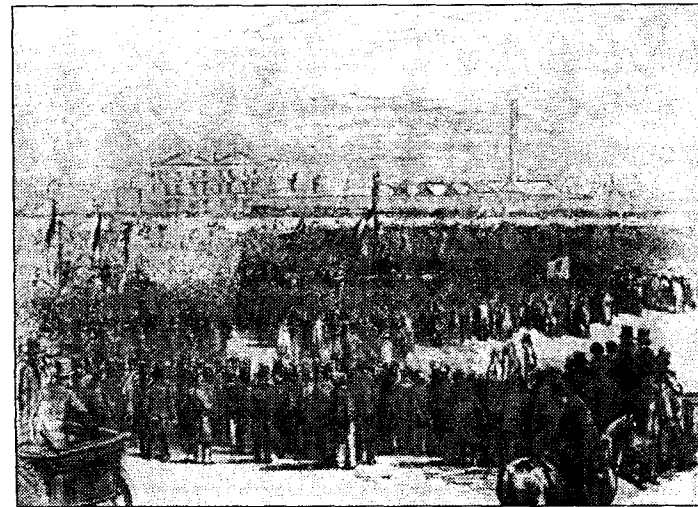
РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1848 г.

После некоторого упадка деятельность чартистов в 1847 г. вновь оживилась: на чартистских собраниях возобновилась агитация за «Народную хартию», росла активность рабочих. С 1848 г., под влиянием углубившегося экономического кризиса и революционных событий в континентальной Европе чартистское движение получило новый размах. Огромные массы народа участвовали в митингах и демонстрациях, происходивших в различных районах страны. В Глазго демонстрация безработных выдвинула лозунг: «Хлеба или революция!» В Манчестере попытка полиции разогнать рабочих привела к кровопролитному столкновению; на помощь полиции были вызваны войска. Схватки между рабочими и полицией произошли также в Лондоне и в ряде других городов.

4 апреля 1848 г. в Лондоне собрался Национальный конвент чартистов. Новая, третья по счету петиция парламенту выдвигала прежние требования народной хартии. Петиция заявляла, что труд — единственный

источник всякого богатства, что трудящиеся имеют преимущественное право на плоды своего труда и что народ есть единственный представитель власти. На 10 апреля Конвент назначил массовую демонстрацию в Лондоне, которая должна была сопровождать делегацию чартистов с петицией к зданию парламента.

Правительство было сильно встревожено новым

Чартистская демонстрация 10 апреля 1848 г.
Гравюра по дагерротипу.

подъемом активности чартистов. Оно запретило публичные митинги и объявило чартистский Конвент незаконным. В Лондон стягивались значительные военные силы; была проведена запись добровольцев из представителей имущих классов. Ожидая народного восстания, правительство поставило во главе вооруженных сил крупнейшего военного деятеля Англии герцога Веллингтона.

10 апреля, в воскресенье, по призыву конвента десятки тысяч рабочих Лондона вышли на улицу. Несмотря на запреты властей, на Кеннингтонской площади собралась огромная толпа народа. Убедившись в невозможности предотвратить митинг, власти заявили руководителям чартистов, что согласны на его проведение, но не допустят шествия к зданию парламента.

О'Коннор, все еще пользовавшийся большим влиянием в массах, стал уговаривать собравшихся разойтись по домам и предоставить дело ему. Петиция, имевшая несколько миллионов подписей, была доставлена в наемной карете в парламент, который отложил рассмотрение, а затем вообще отказался ее рассматривать под тем предлогом, что число подписей было якобы значительно меньше, чем утверждали чартисты.

После неудачи 10 апреля чартистское движение пошло на убыль. В последующие годы чартизм утратил свой прежний массовый характер, хотя и продолжал оказывать большое влияние на политическую жизнь Англии вплоть до середины 50-х гг.

Упадку чартизма способствовало поражение революций 1848 — 1849 гг. в странах континентальной Европы. К тому же многие боевые элементы чартистских организаций эмигрировали в США, а некоторые, оставшись в Англии, отошли от движения за хартию.

Чартизм оставил большой след в политической жизни, оказал влияние на культурную жизнь Англии, английскую литературу и поэзию. Под его непосредственным воздействием создан ряд произведений великий писатель Чарльз Диккенс.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИРЛАНДИИ

30-е и 40-е гг. были отмечены дальнейшим ухудшением положения ирландского крестьянства. Сельское хозяйство Ирландии переживало в эти десятилетия перестройку: поскольку для продуктов животноводства на английском рынке создались более выгодные условия сбыта, чем для хлеба, Ирландия стала усиленно развивать скотоводство, в связи с чем землевладельцы в широких масштабах приступили к изгнанию мелких фермеров и созданию крупных пастбищных хозяйств. Огромные массы крестьян остались без земли. В 1845 — 1846 гг. страну постиг неурожай: погибли посадки картофеля — основного продукта питания простых людей Ирландии. За шесть лет (1846 — 1851 гг.) в Ирландии умерло от голода более миллиона человек.

Все это породило вспышки национально-освободительного движения ирландского народа против английского господства. Под влиянием народных масс наметилась новая расстановка сил в ирландском национально-освободительном движении. «Ассоциация рипилеров» («*repeal*» — отмена), созданная в 1840 г. для борьбы за отмену унии 1801 г., продолжала ограничиваться агитацией за автономию Ирландии при сохранении власти английской короны. Но в начале 1847 г. была основана «Ирландская конфедерация», которая объявила о разрыве с прежней тактикой легальных форм борьбы. В составе конфедерации наметилось левое крыло под руководством журналиста Джона Митчела, выдвинувшего лозунг вооруженной борьбы за отделение Ирландии от Англии и образование независимой Ирландской республики. Выражая стремления демократической интеллигенции и простого народа Ирландии, Митчел призывал население не платить налогов английскому правительству и не вносить арендной платы лендлордам. Выразителем интересов ирландских крестьян выступал другой деятель «Ирландской конфедерации» — рабочий Джемс Лалор, сын крестьянина. Лалор выдвигал лозунг национализации земли в Ирландии.

Революция во Франции и в других странах европейского континента способствовала оживлению ирландского освободительного движения. Левое крыло конфедерации начало подготовку к восстанию.

В мае 1848 г. английские власти арестовали и сослали Митчела, обезглавив таким образом движение. В июле руководство конфедерации после долгих колебаний объявило, наконец, о начале восстания, но своими нерешительными и противоречивыми распоряжениями лишь дезорганизовало его. Восстание вылилось в несколько мелких, изолированных стычек с полицией и войсками. Путем суровых репрессий английское правительство сохранило свою власть над Ирландией.

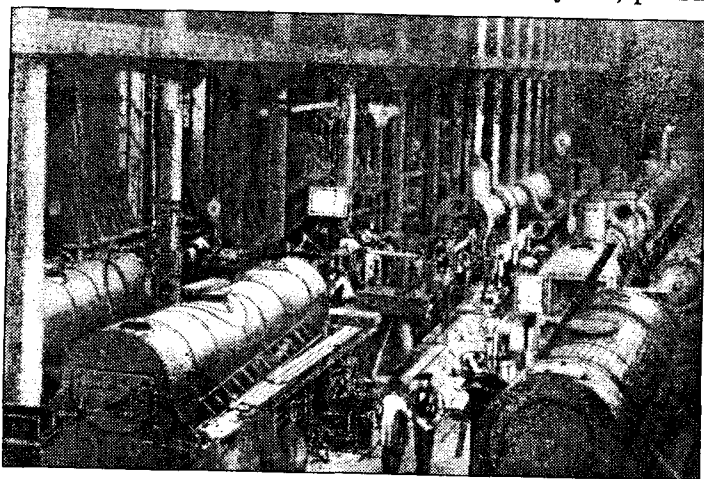
ПРОМЫШЛЕННОЕ ГОСПОДСТВО АНГЛИИ

В 50 — 60-х гг. XIX в. Англия занимала преобладающее положение в мировой экономике. Гегемония Англии опиралась прежде всего на ее промыш-

ленное превосходство над другими странами. Промышленный переворот начался и закончился в Англии раньше, чем в других странах, что создало предпосылки для быстрых темпов дальнейшего индустриального развития этой страны.

За 1845 — 1870 гг. потребление хлопка в Англии почти удвоилось. Выросла вдвое добыча угля, разви-

Сборочный цех на паровозостроительном заводе Стефенсона в Ньюкасле. Гравюра 1864 г.

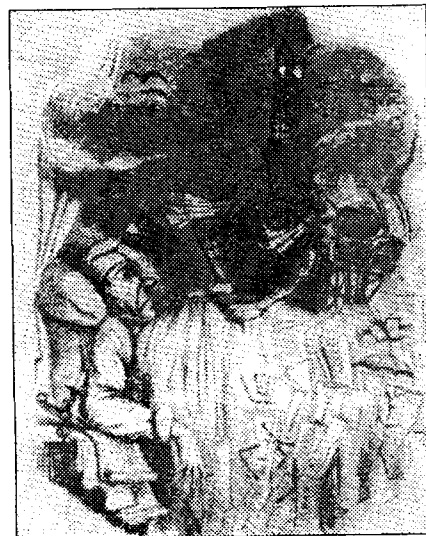
валась металлургия: в 1848 г. было произведено немногим более 2 млн. т чугуна, а в 1870 г. — почти 6 млн. т. Англия доминировала в мировом промышленном производстве. В 1850 г. ей принадлежала ровно половина мирового производства чугуна, более половины добычи каменного угля, почти половина мировой переработки хлопка.

Постепенно изменялся состав английского вывоза: в нем наряду с изделиями легкой промышленности все более заметное место стали занимать изделия тяжелой и особенно машиностроительной промышленности. После отмены в 1842 г. правительством всех ограничений на вывоз машин за границу английские станки, машины и паровозы находили все более широкий сбыт. За 25 лет (с 1845 по 1870 г.) вывоз машин из Англии увеличился в 10 раз. В Англии строились суда для всех стран; в судостроении она первой пе-

решла от дерева к металлу, широко развернула строительство пароходов.

Современников, посещавших Англию, поражали размеры ее промышленных предприятий, в особенности в тяжелой промышленности. Заводы, на которых были заняты тысячи рабочих, стали в 50-х гг. не редкостью, а на некоторых работало по 10 тыс. человек и более.

Масштабы предприятий продолжали возрастать, что отражало непрерывно шедший процесс концентрации и централизации капитала. Этому процессу способствовала мобилизация средств населения через акционерные компании, разрешенные законом в 1862 г., так называемые «компании с ограниченной ответственностью», — в них доля ответственности каждого из участников общества ограничивалась стоимостью акций, собственником которых он являлся (до этого все акционе-

Кошмар спекулянта железнодорожными акциями. Карикатура из журнала «Панч». 1845 г.

ры несли полную ответственность и отвечали всем своим состоянием за все операции и сделки фирмы). Акционерные компании открыли путь для привлечения средств и сбережений мелкой и средней буржуазии; за 4 года, с 1863 по 1867 г., в Англии было создано свыше 3,4 тыс. акционерных компаний с капиталом около 600 млн. ф. ст. За Англией в создании акционерных компаний последовали другие страны.

Быстрое развитие промышленного производства позволило Англии в огромных масштабах увеличить свою внешнюю торговлю. За 1850 — 1870 гг. английский ввоз и вывоз выросли втрое. Англия занимала первое место в мировой торговле. Техническое превосходство английской промышленности обеспечивало ее то-

варам победу в конкурентной борьбе на всех рынках мира. Англия снабжала другие страны изделиями своей легкой и тяжелой промышленности.

Характерной чертой британской внешней торговли было то, что английский экспорт в основном состоял из промышленных изделий, произведенных в самой Англии, в то время как среди импорта наряду с

У ночлежного дома в Лондоне.
Гравюра 1869 г.

увеличивавшейся массой привозного сырья для промышленности резко возросла доля продовольственных продуктов. Англия превратилась в «мастерскую мира», которая получала отовсюду сырье и продовольствие, а вывозила готовые товары. Сельское хозяйство Англии не обеспечивало продовольствием потребности растущего населения страны, которое за 50-е и 60-е гг. возросло с 21 млн. до 26,3 млн. человек (без Ирландии). В 1851 — 1870 гг. 35% пшеницы, потребленной в Англии, было привезено из других стран.

Торгово-промышленная монополия Англии позволяла ей эксплуатировать значительное число стран. Из колоний в Англию стекались громадные ценности, которые еще более обогащали ее.

Неизбежным результатом успехов капитализма было дальнейшее усиление социальных контрастов. Крупные компании и мощные банки оперировали миллионными

капиталами. Земельная аристократия, тесно связанная с буржуазией, извлекала непосредственные выгоды из торгово-промышленного подъема страны. Основой экономической мощи английской аристократии являлись ее колоссальные земельные владения. Герцог Боклю, например, владел поместьями, занимавшими полмиллиона акров плодородной земли; владения герцога Сэндерлендского в Шотландии охватывали территорию более чем в миллион акров. Помимо того, все большая часть земледельческой знати принимала широкое участие в торговых и промышленных предприятиях. О росте богатства имущих классов в Англии свидетельствуют следующие данные: за два десятилетия (1850 — 1870 гг.) число лиц с наибольшими доходами возросло на 60%, и на их долю в конце 60-х гг. приходилось 36,5% национального дохода; в то же время на долю трудящихся, составлявших 80% населения, приходилось всего 40% национального дохода. Рост богатства и роскоши в верхах общества происходил одновременно с ростом нищеты широких народных масс.

По официальным данным, численность пауперов в Англии, в этой богатейшей капиталистической стране, неуклонно возрастала: в 1855 г. в Англии числилось 851369 пауперов (бедняков, стоящих на грани голодной смерти), а в 1865 г. — 971433.

В 50-х гг. XIX в. больших успехов в Англии добилось профессиональное движение: росли существующие тред-юнионы, в ряде отраслей труда возникали новые, увеличивались их организованность и влияние на рабочий класс: они помогали рабочим противостоять натиску предпринимателей, нередко руководили стачками. Капиталисты неоднократно пытались ликвидировать эти организации рабочих. Государство поддерживало предпринимателей, отказываясь признавать право рабочих на организацию, и, хотя ввиду решительных настроений рабочего класса правительство не решалось вернуться к политике запретов, оно использовало всякий повод для преследования тред-юнионов.

Однако в середине XIX в. политика тред-юнионов начала изменяться: борьба против предпринимателей, за интересы рабочих все больше отодвигалась на второй план, тред-юнионы из органов протеста стали превращаться в кассы взаимопомощи.

Идеи кооперации получили среди английских рабочих

и ремесленников значительную популярность еще в 30 — 40-х гг. под влиянием пропаганды Оуэна и других социалистов-утопистов, выдвигавших на первый план производственные кооперативы, считая их средством коренного переустройства общества. В 1844 г. в промышленном городе Рочделе (в графстве Ланкашир) возник потребительский кооператив на паях, ставивший

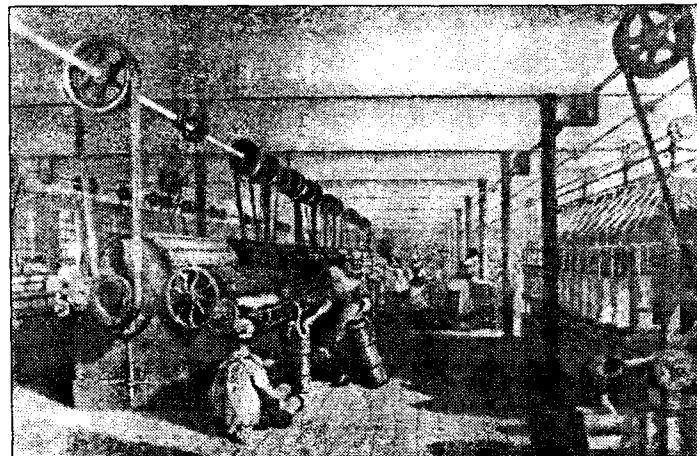
Сборщики хмеля направляются к месту работы.
Гравюра по рисунку Фица. 1858 г.

перед собой весьма ограниченную задачу — устранить из розничной торговли посредников-капиталистов, которые наживались на нищете рабочих. Кооператив в Рочделе развивался весьма успешно: его капитал, составлявший в 1844 г. 28 фунтов, достиг в 1870 г. 5,5 тыс. фунтов, а годовой оборот — 233 тыс. фунтов. Рабочие — члены кооператива добились определенных выгод: им удалось удешевить и улучшить снабжение трудящихся продуктами первой необходимости. По примеру «рочдельских пионеров» по всей стране стали возникать кооперативные лавки. В 60-х гг. обороты этих кооперативов достигли нескольких миллионов фунтов.

В 1863 г. образовалось «Кооперативное общество оптовых закупок», задача которого состояла в снабжении кооперативных магазинов товарами. Это объединение владело собственными пароходами, складами, предприятиями. Однако, несмотря на отдельные

успехи, рабочая кооперация не могла серьезно улучшить положение рабочего класса, помогая лишь несколько ослабить эксплуатацию рабочей нужды торговцами-посредниками. Кроме того, рабочие, которые стали заниматься кооперативной торговлей, сами стали буржуа.

В середине XIX в. Англия находилась в положе-

Прядильный цех.
Гравюра Дж. Тингла по рисунку Т. Аллома. 1835 г.

нии, несколько отличном от других стран. Расположенная на островах, отделенных от Европы проливом, Англия при тогдашней технике ведения войны могла не опасаться военного нападения; это позволяло ей направлять значительную часть военных сил на завоевание и подчинение колоний, оставляя в метрополии лишь часть своей армии, пополнявшейся за счет добровольцев: обязательная воинская повинность в Англии отсутствовала. Английские правящие классы не нуждались тогда для сохранения своего господства ни в сложном и дорогостоящем бюрократическом аппарате, ни в больших полицейских силах. Военно-бюрократическая машина была в Англии значительно слабее, чем в других европейских странах.

Англия XIX в. была страной со значительно развитыми демократическими свободами, завоеванными народом в ходе длительной борьбы с силами реакции.

Ни в одной стране мира не было в то время такой свободы публичных собраний и митингов. Правда, полиция иногда разгоняла собрания, но это происходило крайне редко. Большим влиянием пользовалась периодическая печать, довольно свободно критиковавшая действия правительства. Рабочие и демократические организации существовали легально. В течение всего XIX в. Англия служила убежищем для политических эмигрантов из других стран. Здесь жили и работали Маркс и Энгельс, здесь в 60-х и начале 70-х гг. находился Генеральный совет Международного товарищества рабочих (I Интернационала). Английская буржуазия допускала демократические свободы потому, что была твердо уверена в своем могуществе. Однако буржуазно-демократические свободы, которыми пользовались жители самой Англии, не распространялись на широкие слои населения Ирландии и народные массы других английских колоний, где царил грубый полицейско-бюрократический и милитаристский режим, ограждавший привилегированное положение колонизаторов.

На политической арене Англии действовало несколько политических партий. Партия тори, которая к середине XIX в. приняла название консервативной партии, представляла интересы крупного землевладения, а отчасти также крупных судовладельцев и колониальных торговцев. Опору консервативной партии составляли фермеры, которые находились в зависимости от землевладельцев.

Другой влиятельной политической партией была партия вигов, переименованная в партию либералов. Верхушка этой партии состояла из представителей крупной аристократии, тесно связанной с буржуазными кругами. Либералы отражали интересы торгово-промышленной буржуазии, которая была влиятельной силой в стране. На протяжении 50 — 60-х гг. XIX в. руководящая роль в Англии принадлежала либеральной партии. Из этих двадцати лет она находилась у власти — одна или в коалиции с другими группами — 15 лет, а консерваторы — только 5 лет.

Наряду с этими двумя основными партиями имущих классов — либералами и консерваторами, — делившими между собой политическую власть, существовали отдельные политические группировки, подчас игравшие

заметную роль. Например, фритредеры представляли промышленную буржуазию, недовольную политикой аристократических лидеров либеральной партии и претендовавшую на управление страной. Радикальная буржуазия в лице фритредеров выступала за «дешевое правительство», поскольку удешевление правительственного аппарата должно было привести к уменьшению налогов, удешевить производство английских товаров и тем самым облегчить им проникновение на внешние рынки. С этой же целью фритредеры добились снижения таможенных пошлин.

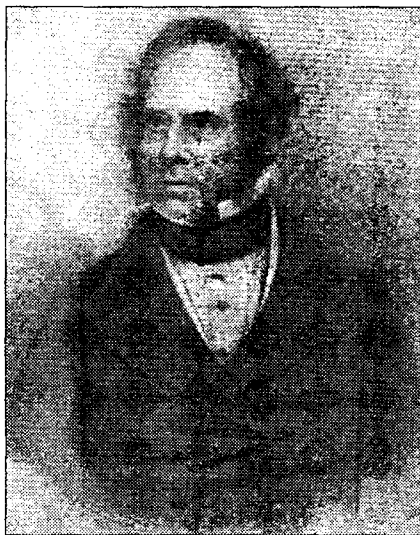
Помимо буржуазных партий в первой половине 50-х гг. выступали чартисты. Не имея почти никакой возможности при существовавшей тогда избирательной системе провести в парламент своих представителей, рабочие поддерживали чартистов на предварительных выборах — на этапе выдвижения кандидатов в парламент (когда решение принималось простым голосованием всех присутствующих). Кандидаты чартистов, выступавшие с острым разоблачением политики буржуазии и аристократии, на таких предварительных выборах неизменно получали подавляющее большинство голосов.

Внешняя политика Англии, так же как и ее внутренняя политика, находилась в тесной связи с развитием капитализма: подъем индустриальной мощи страны побуждал буржуазию добиваться расширения рынков сбыта для английских товаров, устранения всех препятствий и барьеров для английской торговли, подчинения слабых стран.

Главным проводником агрессивной внешней политики Англии являлся лорд Пальмерстон, неоднократно занимавший должность министра иностранных дел, а в период 1855 — 1858 и 1859 — 1865 гг. — премьер-министра. Широко используя либеральную фразеологию, выставляя себя защитником свободы в других странах, Пальмерстон на деле поддерживал угнетение народов, содействовал подавлению революционных и национально-освободительных движений, натравливая одни народы на другие, Пальмерстон стремился сделать Англию арбитром между ними. В полном противоречии с либеральной фразеологией английское правительство вело политику, направленную на подавление свободы и независимости народов. Особенно

наглядно агрессивность английской внешней политики проявилась в бесчисленных колониальных войнах.

В 1856 г. Англия начала вторую грабительскую опиумную войну против Китая и принудила его заключить в 1858 г. договор, который означал новый шаг на пути к закабалению китайского народа. В 1856 г. англичане начали войну против Ирана, в Южной Аф-

Генри Джон Пальмерстон.
Литография середины XIX в.

рике вели истребительную войну против племени коса, пытавшегося отстоять свою землю. В 1859 г. было жестоко подавлено восстание против английского господства в Индии.

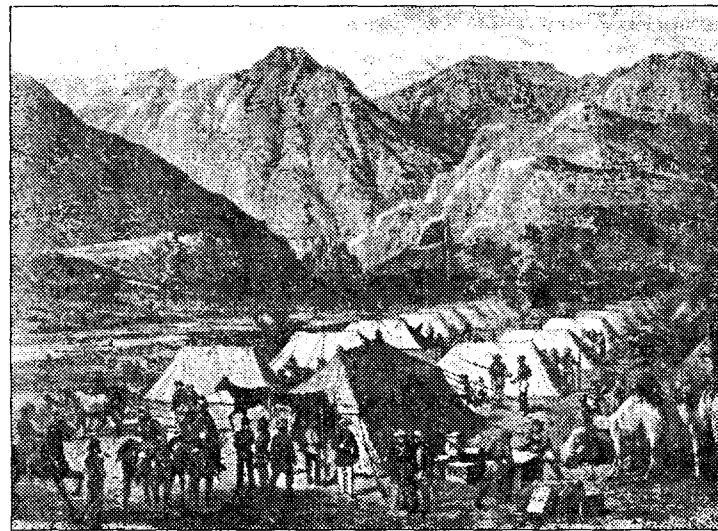
На протяжении 50-х и 60-х гг. англичане воевали в Новой Зеландии против местного народа маори; война эта закончилась истреблением значительной части маори и изгнанием их с земель. В 1860 г. английские войска совместно с французскими совершили новое нападение на Китай.

В 1863 г. англичане силой добились «открытия» Японии для своей торговли. В 1865 г. английские власти жестоко подавили на острове Ямайка восстание рабов, поднявшихся против плантаторов (450 участников восстания были казнены без суда). В 1868 г. английские войска вторглись в Эфиопию в ответ на попытку эфиопского правительства заставить английских торговцев платить пошлины при ввозе своих товаров в страну.

Англия занимала первое место среди держав по темпам и масштабам колониальной экспансии. Главным побудительным мотивом этой экспансии была погоня за новыми рынками сбыта и сырья. Стремление получить базы для океанского судоходства и военного

флота также побуждало английское правительство к территориальным захватам.

В 1852 г. Англия присоединила значительную часть Бирмы к своим индийским владениям, а в 1854 г. аннексировала огромную территорию к западу от индийских границ — Белуджистан, и лишила Афганистан выхода к морю. В 1860 г. англичане за-

Штаб английской военной экспедиции у Сенафа в Эфиопии.
Гравюра 1868 г.

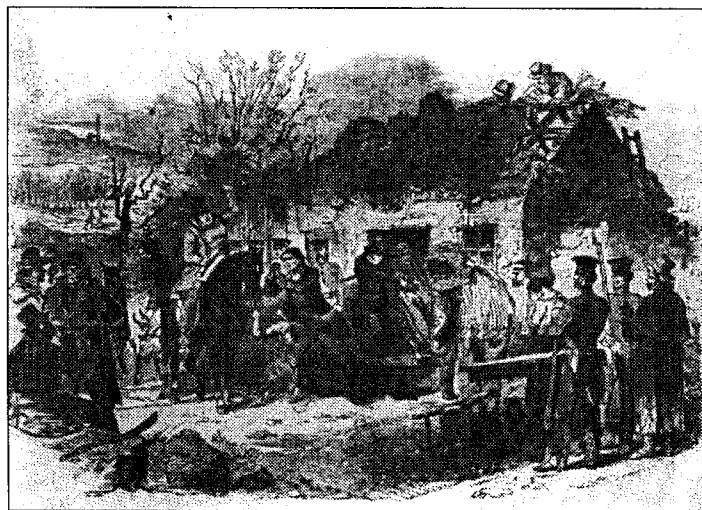
хватили Коулун — часть китайской территории, расположенной на материке напротив острова Гонконга, отторгнутого еще ранее у Китая. Продолжали расширяться и английские владения на Малаккском полуострове.

Менее значительны были территориальные приобретения Англии в Африке. Владения англичан, как и других европейских держав, были расположены главным образом на побережье африканского континента. Они являлись плацдармом для дальнейшего проникновения в Африку, для окончательного раздела «черного континента».

За период с 1850 по 1870 г. население колониальных владений Англии (не считая индийских княжеств) возросло со 130 млн. человек примерно до 200 млн. человек.

После 1848 г. в Ирландии продолжалось изгнание мелких фермеров-арендаторов с их участков. Эмиграция обнищавших фермеров за океан шла усиленными темпами.

За период с 1841 по 1871 г. численность населения Ирландии в результате эмиграции и голодовок сократилась с 8,2 млн. человек до 5,4 млн. человек и

Выселение мелкого арендатора в Ирландии.
Гравюра 1848 г.

вернулась к уровню 1801 г. Ирландия была единственной европейской страной, где численность населения уменьшилась.

В конце 50-х гг. возникла тайная организация «Ирландское революционное братство». Его члены называли себя «фениями» — по имени отряда воинов легендарного героя ирландского освободительного движения периода завоевания Ирландии англичанами — Финна Макуля. Строго конспиративная военизированная организация фениев ставила своей задачей подготовку и осуществление вооруженного восстания для создания независимой Ирландской республики. Руководители движения придерживались узкозаговорщической тактики. Это явилось одной из причин неудачного исхода восстания 1867 гг. Власти, заранее

извещенные предателями, приняли меры. Восстание, вследствие арестов лишённое общего руководства, свелось к отдельным стычкам с войсками. Оно было жестоко подавлено английским правительством.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

СОБЫТИЯ ВО ФРАНЦИИ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX вв.

Глава 1. ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789 — 1794 гг. 6

Взятие Бастилии — 12. Конституция 1791 года — 21. Войны с Австрией и Пруссией — 30. Свержение монархии — 33. Конвент — 38. Якобинская диктатура — 48. Контрреволюционный переворот 9 термидора — 66.

Глава 2. ФРАНЦИЯ В ПЕРИОД ТЕРМИ- ДОРИАНСКОЙ РЕАКЦИИ 69

Наполеон Бонапарт — 74. Директория — 92. Поход в Египет — 109. Вторая коалиция — 119. Переворот 18 брюмера 1799 года — 120.

Глава 3. ЕВРОПА НАКАНУНЕ НАПО- ЛЕОНОВСКИХ ВОЙН 133

События в Англии конца XVIII века — 133. Адам Смит и «Богатство народов» — 139. Общественная и внутриполитическая жизнь Англии XVIII века — 146. Влияние Французской революции на страны континентальной Европы — 151. Разделы Речи Посполитой — 159.

Восстание Т.Костюшко. Конец Речи Посполитой — 167. События в России конца XVIII века — 176.

Глава 4. ИМПЕРИЯ НАПОЛЕОНА 181

Провозглашение Империи — 185. Завоевательные войны Наполеона — 187. Четвертая коалиция — 196. Континентальная блокада — 198. Османская империя — 201. Завоевание Закавказья Россией — 207. Освободительная война народов Европы против французского господства — 212. Кризис политики континентальной блокады — 223.

Глава 5. ВОЙНА 1812 ГОДА. КРАХ ИМ- ПЕРИИ НАПОЛЕОНА 225

Россия в начале XIX века — 225. Разрыв союза России и Франции — 228. Война 1812 года — 237. Крушение империи Наполеона — 276. Отречение Наполеона. Реставрация Бурбонов — 280. «Сто дней» — 284.

ЧАСТЬ II

РЕВОЛЮЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ 20 — 40-х гг. XIX ВЕКА

Глава 1. РЕАКЦИЯ В ЕВРОПЕ ПОСЛЕ КРУШЕНИЯ ИМПЕРИИ НАПОЛЕОНА ... 288

Венский конгресс — 288. Священный союз — 299. Революция в Испании — 304. Революции в Неаполе и Пьемонте — 308. Греческое восстание — 310. События во Франции периода реставрации — 317. Идеи французских мыслителей первой половины XIX в. — 322. События в Англии в период с 1815 по 1830 гг. — 348. Взгляды британских

мыслителей первой половины XIX в. — 354. События в Германии и Австрии в 1815 — 1830 гг. — 381. Классическая немецкая философия — 385.

Глава 2. ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ В РОССИИ 402

Положение в России после Отечественной войны 1812 года — 402. Русские революционные общества в 1816 — 1826 гг. — 407

Глава 3. ОБРАЗОВАНИЕ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ 423

Социально-экономическое положение в испанских колониях — 423. Освободительная война латиноамериканских колоний против испанского господства в 1810 — 1815 гг. — 430. Завоевание независимости — 435.

Глава 4. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В 30 — 40-х гг. XIX в. 441

Революция 1830 года во Франции — 441. Экономический подъем в Англии — 451. Движение чартистов — 451. Колониальная политика Англии во второй четверти XIX в. — 461. Германия в 30 — 40-х гг. XIX в. — 466. Австрийская империя в 30 — 40-х гг. XX в. — 471. Создание королевства Бельгии — 476. Рисорджименто в Италии — 478. Испания в 30 — 40-х гг. XIX в. — 482. Национально-освободительное движение в Речи Посполитой в 30 — 40-х гг. XIX в. — 487.

Глава 5. НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЕВРОПЕ В 1848 — 1849 гг. 491

Революция во Франции — 491. Борьба за объединение Германии — 506. Национально-освободительная и революционная борьба народов австрийской империи — 514.

Борьба итальянского народа за объединение государства и независимость — 528.

Глава 6. АНГЛИЯ В СЕРЕДИНЕ XIX в. ... 540

Революционные события 1848 г. — 540. Национально-освободительное движение в Ирландии — 542. Промышленное господство Англии — 543.